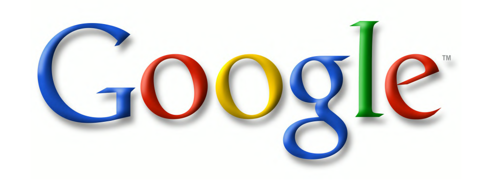


ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1876

№ 9 СЕНТЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № [illegible]).

СТРАН.

I. — ИЗЪ ДЕРЕВНИ.—V. **А. Энгельгардта** 5
II. — ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА. Часть вторая. Гл. XIII.—Отъ Кургана до Тифлиса 69
III. — ДЕРЕВЬЯ. (Сонетъ изъ Кардуччи). **М. В.** . . . 90
IV. — СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ВЪ С. АМЕРИКѢ. Очерки изъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ.—III. **Эд. Циммермана** 91
V. — ЛЮДИ И НРАВЫ. Очерки.—III. Гл. I—II. **Г. Иванова** 121
VI — НЕСЧАСТНЫЕ. (Изъ Аккерманъ). **Петра Вейнберга.** 160
VII. — ДЕСЯТИЛѢТІЕ РУССКАГО ЗЕМСТВА. 1864—1875.—XIII—XV 163
VIII. — СЪ НАТУРЫ. Стих. **А. Б.** 202
IX. — ДЖЕНИ ДОНКАСТЕРЪ. Романъ **мистрисъ Фоусетъ** 205
X. — ЭКСКУРСІИ ВЪ ОБЛАСТЬ УМѢРЕННОСТИ И АККУРАТНОСТИ.—IV. **Н. Щедрина** 255
XI. — ГЭБРІЕЛЬ КОНРОЙ. Романъ **Бретъ-Гарта.** (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 145—192).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. — НЕДОБИТЫЙ НАРОДЪ. (Dejiny národa bulharského. Dle puvodnich pramenuv sepsal Konstantin Jos. Jirecek. V Praze. 1876.—VI+536) 1
XIII. — КОНГРЕССЪ ОРІЕНТАЛИСТОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 23
XIV. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Бюджетъ на 1877-й годъ: сметы правительства и комиссіи.—Главнѣйшіе сборы. — Общія пренія о расходахъ: бонапартистъ Гентьенсъ и министръ Сэ.—Реформа народнаго образованія по программѣ министра Ваддингтона. — Вотированіе бюджета по народному образованію. — Столкновеніе по поводу теологическихъ факультетовъ. — Недовольство Епископа. — Манифескація парижскихъ лицеевъ и рѣчи Ваддингтона и Дюклера.—II. Военный бюджетъ и его докладчикъ—Ланглуа.—Министръ Сиссэ, разбитый

(*См. страницу 3-ю*).

Того же автора:

Признаки времени и письма изъ провинціи	1 р.	50 к.
Исторія одного города	1 »	50 »
Господа ташкентцы	2 »	—
Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. .	2 »	—
Помпадуры и помпадурши.	2 »	—

Приготовляются къ печати:

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ"

въ 1877 году.

„Отечественныя записки" въ 1877 году будутъ издаваться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издаются въ нынѣшнемъ. Какъ составъ редакціи, такъ и сотрудники журнала останутся тѣ же. Равнымъ образомъ, срокъ выхода книжекъ, объемъ и форматъ журнала останутся прежніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, безъ доставки . .	15 р. 50 к.
Съ доставкою (въ С.-Петербургѣ)	16 » — »
Съ пересылкою	17 » — »

Заграницу:

Въ Германію и Австрію	19 руб.
» Бельгію и Нидерланды, Придунайскія княжества.	
» Данію	
» Англію, Швецію, Испанію, Португалію	
» Турцію и Грецію	
» Швейцарію	
» Италію	
» Америку	
» Францію.	

Подписка на «Отечественныя Записки» 1877 г. принимается попрежнему **только въ мѣстахъ нижеозначенныхъ**, за которыя редакція вполнѣ отвѣтственна; экземпляры «Отечественныхъ Записокъ» въ 1877 году будутъ попрежнему сдаваться въ газетную экспедицію въ бандероляхъ, съ адресомъ получателя и съ обозначеніемъ числа, когда № сданъ на почту. Подписка въ почтовыхъ конторахъ не принимается.

Вслѣдствіе заявленія Почтоваго Департамента, редакція доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что жалобы на неполученіе №№ журнала должны быть доставляемы своевременно, то-есть не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ Санктпетербургѣ: Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

Въ Москвѣ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО *въ Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ» въ Петербургѣ, присылая свои адресы, четко написанные, **съ обозначеніемъ** ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, такъ какъ Газетная Экспедиція Спб. Почтамта отвѣчаетъ за аккуратную доставку только чрезъ свои отдѣленія и конторы, относительно же экземпляровъ, адресуемыхъ на станціи желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ неимѣется почтовыхъ отдѣленій, никакихъ справокъ не дѣлаетъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXXVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).
1876.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

V.

Я отпраздновалъ пятую годовщину...

Зима, въ нынѣшнемъ году, такая же лютая, какъ въ 1870—71. Морозы стоятъ страшные—птицы замерзаютъ. Декабрь. Въ пять часовъ уже темно...

Я возвратился со скотнаго двора, выслушалъ отчеты старостъ, сдѣлалъ распоряженія назавтра, записалъ приходъ, расходъ, умолотъ и пр., напился чаю, спросилъ уроки у дѣтей, и въ восемь часовъ...

«Выпивъ водочки и поужинавъ», ложусь спать. Этой же фразой начиналось и мое первое письмо «изъ деревни»; но пріятель, котораго я просилъ передать письмо въ редакцію, вычеркнулъ слова́ «выпивъ водочки». Вышло, по моему, нескладно, а главное—невѣрно, потому: кто же въ деревнѣ, будучи настолько богатъ, чтобы всегда имѣть на дому водку, ложится спать, не выпивъ ея за ужиномъ? Ясно, пріятель вычеркнулъ эти слова́, желая меня соблюсти; извѣстно, что у насъ, если кто потеряетъ мѣсто и очутится безъ службы, да, къ тому же, попадетъ въ деревню, то онъ никакого дѣла себѣ найти не можетъ, отъ скуки начинаетъ пить и спивается, точно такъ же, какъ, обратно, мужикъ обыкновенно спивается, если попадетъ на службу, гдѣ у него никакого настоящаго дѣла нѣтъ. Пріятель, должно быть, боялся, чтобы не подумали, что я сдѣлался въ деревнѣ пьяницей и, *соблюдая меня*, зачеркнулъ «выпивъ водочки»: обыкновенно всѣ начинаютъ съ того, что выпиваютъ только за ужиномъ, потомъ привыкаютъ выпивать и за обѣ-

домъ, потомъ, мало-по-малу, привыкаютъ опохмѣлятся утромъ, а разъ человѣкъ сталъ опохмѣляться—не даромъ говорится: «пей, да не опохмѣляйся»—и утромъ, на тощакъ, вмѣсто чаю, пить водку—кончено; разумѣется, кончено для человѣка, который не работаетъ. Работающему мужику нипочемъ, даже полезно, выпить стаканъ водки въ пять часовъ утра, передъ завтракомъ.

Теперь за меня опасаться нѐчего, соблюдать меня не нужно; потому что прошло уже пять лѣтъ, и я не спился, несмотря на то, что въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ, многіе предсказывали мнѣ такой конецъ. Конечно, я пью, и даже не водку, а «вино», въ акцизномъ значеніи этого слова, а говорятъ, акцизное-то вино и имѣетъ свойство дѣлать людей пьяницами и развивать «запой», который неизвѣстенъ въ чужихъ странахъ, гдѣ пьютъ настоящее, а не акцизное вино; выпиваю рюмку, другую за обѣдомъ; нужно же чтò-нибудь пить, когда настоящаго вина нѣтъ; выпиваю и за ужиномъ, но, все-таки, не спился, потому что никогда не опохмѣляюсь, а отпиваюсь по утрамъ чаемъ. Поэтому, желая вновь описать мой зимній день, нисколько не опасаясь, начинаю:

...Выпивъ водочки и поужинавъ, я ложусь спать, уложивъ предварительно дѣтей, изъ коихъ младшій спитъ въ моей комнатѣ, рядомъ со мною, и ночью находится спеціально подъ моимъ надзоромъ, потому что у меня нѣтъ ни няньки, ни гувернантки. Засыпая, я уже не мечтаю теперь о клеверѣ, потому что мечты исполнились и клеверныя поля существуютъ въ Батищевѣ; теперь загàды мои идутъ далѣе, и я мечтаю кàкъ бы устроить винокуренный заводецъ, и устрою, когда акцизное дѣло будетъ настоящимъ образомъ установлено, такъ что можно будетъ разсчитывать на чтò-нибудь вѣрное. Сплю я спокойно, ничто не нарушаетъ мой покой; не слышно даже отрывистаго лая Лыски, котораго, увы! уже нѣтъ на свѣтѣ. Дà, Лыски уже не существуетъ, и причиною этому я, я, внесшій новые элементы въ мирную жизнь прежнихъ обитателей Батищева. Кàкъ ни хитеръ, кàкъ ни остороженъ былъ старый Лыска, но все же попался-таки на зубы волку, а всему я причиной; какая, казалось бы, связь могла существовать между мною, жившимъ въ Петербургѣ, и Лыской, жившемъ въ какомъ-то уединенномъ Батищевѣ? а вотъ же: не попади я изъ Петербурга въ Батищево, не расширь я своего хозяйства, не разведи я разныхъ новшествъ, жилъ бы да жилъ старикъ Лыска и мирно бы почилъ между поленицами дровъ, за овиномъ; конечно, и Лыска виноватъ, потому что, живи онъ по старому, не увлекайся, былъ бы до сихъ поръ здравъ и невредимъ; но увлекаться такъ свой-

ственно нетолько собакѣ, а и человѣку, одаренному высшимъ разумомъ. Дà, бѣдный Лыска, дорого поплатился ты за свои увлеченія на старости лѣтъ!

Прежде, когда въ Батищевѣ, кромѣ меня, жилъ только староста, скотникъ и Сидоръ, когда мы жили, какъ я описалъ въ моемъ первомъ письмѣ, у насъ была всего только одна собака—старый Лыска. Жилъ тогда Лыска въ сѣняхъ старухиной избы, которыя на ночь аккуратно запирались; поэтому, Лыска, чуя волковъ, могъ брехать, но волки ему ничего сдѣлать не могли, такъ какъ двери запирались плотно. Днемъ Лыска далеко не отходилъ, иногда развѣ, если старуха поскупится бросить ему хлѣба—тогда старуха и Иванъ жили на своемъ хлѣбѣ — побѣжитъ онъ, поднявши хвостъ крючкомъ, мелкой рысцой, на мельницу, поѣстъ тамъ мучной пыли, напьется въ рѣчкѣ, а потомъ сейчасъ же вернется домой, ляжетъ около избы и брешетъ на проѣзжающихъ. Уменъ онъ былъ удивительно: никогда никого не укуситъ, но зато никого и не пропуститъ; чуть только заслышитъ колокольчикъ или стукъ телеги — намъ часто и не слышно еще—тотчасъ начинаетъ, лежа, отрывисто побрёхивать; вотъ колокольчикъ ближе и ближе, Лыска встаетъ, рысцой бѣжитъ къ полевымъ воротцамъ, встрѣчаетъ проѣзжающаго съ громкимъ лаемъ, провожаетъ его по усадьбѣ и, затѣмъ, опять возвращается на свое мѣсто. Никогда онъ не злился, никогда не бросался подъ ноги лошадямъ, ни къ кому съ лаемъ не приставалъ, умнѣйшая собака былъ и совершенно хорошо понималъ, что его дѣло—только брехать и тѣмъ давать знать хозяину, что кто-то идетъ или ѣдетъ. Свой колокольчикъ, стукъ своей телеги, своихъ лошадей Лыска зналъ отлично и никогда не лаялъ на своихъ, какъ замѣнившія его, глупыя молодыя собачёнки, которыя лаютъ и на чужого, и на своего, даже на меня, когда я возвращаюсь домой поздно вечеромъ. Бывало, ждемъ Сидора со станціи, услышимъ колокольчикъ, Лыска не лаетъ—вѣрно, значитъ, Сидоръ ѣдетъ, Лыска узналъ свой колокольчикъ; идемъ навстрѣчу, чтобы поскорѣе получить письма и газеты—это было еще въ то время, когда я вѣрилъ тому, что̀ пишутъ въ газетахъ—а Лыска уже бѣжитъ впередъ и весело виляетъ хвостомъ, точно сказать хочетъ: это—Сидоръ со станціи ѣдетъ и письма тебѣ везетъ. Лыска даже понималъ, когда Сидоръ везетъ письма, а когда нѣтъ; потому что, когда везетъ, то, зная, что это мнѣ доставитъ удовольствіе и что я всегда радуюсь, когда получаю письма, ѣдетъ скорѣе, веселѣе, когда же нѣтъ—ѣдетъ шагомъ. Заслышу, бывало, колокольчикъ, если Лыска весело бѣжитъ къ воротцамъ—бѣгу: навѣрно письма или,

по крайней мѣрѣ, журналъ—журналу я тоже всегда особенно радовался; если же Лыска бѣжитъ вяло, мелкой рысцой—и спѣшить не стòитъ: навѣрно однѣ газеты. И какой удивительный слухъ былъ у этого Лыски—у дворнягъ именно слухъ развитъ, а не чутье, какъ у охотничьихъ собакъ—никогда не ошибется. На чтò уже тонокъ слухъ у Ивана-старосты: всѣ колокольчики знаетъ и мирового, станового, и акцизнаго—вотъ, еслибы Иванъ держалъ кабакъ, поймай его съ виномъ неузаконенной крѣпости! За версту услышитъ, что акцизный ѣдетъ, сейчасъ—бухъ спирту въ бочку, измѣряй, батюшка, градусы, а уѣхалъ—опять водицы можно подбавить—и ѳединскаго барина, и волостного; но, все-таки, Иванъ колокольчикъ бардинской барыни отъ нашего отличить не можетъ, а Лыска отличаетъ. Подъ вечеръ Лыска никуда не выходилъ, развѣ лѣтомъ иногда—Лыска отлично зналъ, что лѣтомъ волковъ бояться нѣчего—зайдетъ въ домъ, выпроситъ себѣ какой-нибудь кусочекъ, съѣстъ и пойдетъ на свое мѣсто, къ старухиной избѣ; зимой же Лыска даже въ домъ не ходилъ: съ ранняго вечера, въ сумерки, заберется въ сѣни старухиной избы и, чуть заслышитъ волка, отрывисто побрёхиваетъ въ сѣняхъ, не высовывая оттуда носа. Умнѣйшая была собака и дожилъ бы до глубокой старости, не случись со мною то, чтò случилось.

Пріѣхалъ я, началъ разводить хозяйство—и все измѣнилось. Первую зиму я прожилъ въ Батищевѣ при тѣхъ же условіяхъ, какъ жили прежде; но, съ наступленіемъ весны, пошли перемѣны: быковъ, которые дотолѣ содержались въ имѣніи, я замѣнилъ коровами; слѣдовательно, пошли молочные скопы, выпойка телятъ; завелъ пару лошадей, овецъ, свиней, куръ, утокъ, словомъ—господскій домъ сталъ заводиться. Народу прибавилось, прибавилось и запашки, потому что начали драть пустаки подъ лёнъ, пошли во всемъ новые порядки. Скотнику понадобилась собака: и въ полѣ около овецъ безъ собаки нехорошо, и дома, когда есть лошади, телята и проч.—безъ собаки нельзя. Да и староста тоже говорилъ, что, разъ у насъ теперь будетъ большое заведеніе—безъ собакъ нельзя, потому что сторожу одному не усмотрѣть, а держать двухъ сторожей дорого будетъ стòить, да и двоимъ-то такъ не укараулить, какъ укараулятъ собаки. Поговорили и рѣшили развести собакъ. Скотникъ досталъ откуда-то щенка-сучку. Мы рѣшили взять сучку, вопервыхъ, для того, чтобы имѣть свой заводъ собакъ; во-вторыхъ, потому, что на скотномъ дворѣ безъ сучки не хорошо: обыкновенно, когда корова отелится и схолится, скотникъ выкидываетъ послѣдъ на зàдворокъ своей избы, гдѣ онъ поѣдает-

ся собаками, а есть примѣта, что если послѣдъ съѣстъ сучка, то корова слѣдующій разъ телитъ тёлочку, а если послѣдъ съѣстъ кобель—то бычка; такъ какъ каждый желаетъ, чтобы у него родились тёлочки, то, поэтому, на скотномъ дворѣ нужно держать сучку.

До сихъ поръ, Лыска жилъ отшельникомъ, далѣе мельницы никуда не ходилъ, даже въ ближайшія сосѣднія деревни на собачьи свадьбы никогда не бѣгалъ. Правда, окрестныя сучки относились къ нашему Лыскѣ съ уваженіемъ, и каждая, заведя свадьбу, забѣгала къ намъ; но Лыска, относясь къ посѣтительницамъ любезно, никогда не увлекался и, когда сучка, справивъ свадьбу на нашемъ огородѣ, убѣгала далѣе, то Лыска никогда за нею не уходилъ, а оставался дома, при своей должности.

Завелъ скотникъ сучку, и жизнь Лыски совершенно измѣнилась. Прошло лѣто, наступила осень, поставили скотъ на станъ, скотникова сучка стала потираться около старухиной избы, гдѣ теперь была устроена общая застольная, въ которой обѣдали: старуха, Иванъ, Сидоръ, Савельичъ, Авдотья, солдатка и другіе. Понятно, что сучкѣ около скотника, который былъ на отсыпномъ и дорожилъ своимъ хлѣбомъ, было менѣе поживы, чѣмъ въ моей застольной, гдѣ хлѣбъ вольный. Мало-по-малу, сучка совсѣмъ отвыкла отъ скотниковой избы, переселилась въ застольную и только ночевать ходила на скотный дворъ въ солому. Между тѣмъ, Лыска попривыкъ, привязался къ сучкѣ и сталъ менѣе остороженъ. Ѣдетъ кто-нибудь, Лыска еще издалека услышитъ, брехнётъ разъ-другой; сучка, которая возилась гдѣ-нибудь на за̀дворкахъ съ ребятами, какъ сумасшедшая, съ лаемъ летитъ къ нему на помощь, бросается на встрѣчу проѣзжающимъ, провожаетъ ихъ чуть не съ версту. Лыска, разумѣется, тоже увлекается, тоже бѣжитъ трюшкомъ за экипажемъ... а потомъ сучка—хочется ей, по младости, рѣзвиться—начинаетъ возиться съ Лыской, прыгаетъ около него, хватаетъ за морду, за ноги, вызываетъ бороться, играть; Лыска рычитъ, виляя хвостомъ, но не уходитъ; мало-по-малу, самъ старикъ увлекается, и начинается собачья возня за амбарами, а тутъ, смотришь, кто-нибудь ѣдетъ—началъ Лыска и частенько прозёвывать—нужно лаять; сучка опять несется за экипажемъ, а за нею трусить старикъ.

Между тѣмъ, къ зимѣ коровы стали телиться. Отелится корова, схолится, скотникъ выкинетъ мѣсто на за̀дворокъ, чтобы сучка съѣла; телёнокъ околѣетъ, скотникъ облупитъ и тоже за избу выкинетъ, собакамъ на пропитанье. А телятинка, да еще

сырая, не въ примѣръ вкуснѣе, чѣмъ хлѣбныя корки, которыя даетъ собакамъ въ застольной старуха; повадился и Лыска ходить къ скотной. Поѣстъ телятинки, что̀ останется зароетъ въ снѣгъ или въ солому, чтобы воронье не растаскало, покатается въ снѣгу и ляжетъ отдыхать на соломѣ, рядомъ съ сучкой. Сдружился Лыска съ сучкой, сталъ похаживать ночевать къ ней въ солому, скучно стало спать одному въ сѣняхъ старухиной избы: какъ отъужинаютъ въ застольной—смотришь, сучка уже летитъ на скотный дворъ, а за нею рысцой бѣжитъ Лыска.

Первая зима прошла благополучно; волки ни разу даже близко не подходили, хотя въ шести верстахъ отъ меня волки нѣсколько собакъ переловили, но одинъ изъ нихъ, бѣшеный, перекусалъ людей, такъ что нѣсколько человѣкъ умерли, и спасся только одинъ, который, будучи легко раненъ, прибѣжалъ тотчасъ къ намъ въ деревню—я его видѣлъ и никогда выраженія испуга на его лицѣ не забуду, да и ка̀къ не испугаться, зная, что черезъ нѣсколько дней взбѣсишься?—къ старику-пруднику Андріану, чтобы тотъ заговорилъ рану; хотя Андріанъ и отказался заговорить, объяснивъ, что онъ можетъ заговаривать только отъ укушенія бѣшеной собаки, но отъ укушенія бѣшенаго звѣря не можетъ: силы ему такой не дано; однако, указалъ другого старика, который успѣлъ заговорить во̀-время, и мужикъ остался живъ.

Въ мартѣ сучка сыграла свадьбу и, нужно отдать ей справедливость, не измѣнила старому другу: всѣ набѣжавшіе изъ сосѣднихъ деревень женихи получили отказъ. Когда сучка щенилась, общимъ совѣтомъ мы рѣшили оставить, однако, щенка, потому что заводъ хорошъ, и выбрали самаго крупнаго кобелька—какъ двѣ капли старикъ Лыска. Кобелёкъ этотъ былъ причиною многихъ несчастій.

Сучка, разумѣется, отлично выкормила одного щенка, потомъ, въ іюнѣ, пріѣхалъ на каникулы мой сынъ, а у ребятъ, извѣстно, первое дѣло—играть со щенками, а играя, разумѣется, что̀ самъ ѣстъ, то и щенку. Откормили щенка на славу и, не знаю ка̀къ, прозвали Цурикомъ; сначала манили «цуцу», «цуцу», потомъ «цуцикъ», потомъ «цурикъ»: такъ и осталось прозвище Цурикъ. Песъ вышелъ огромный, толстый, съ длинною шерстью, сильный и умный, но до крайности лѣнивый; сначала Цурикъ вздумалъ-было глупить: кусаться втихомолку началъ; лежитъ, бывало, подлѣ дома, около крыльца, идетъ кто-нибудь чужой, не брехнётъ, пропуститъ мимо себя, а какъ тотъ взойдетъ на крыльцо, сейчасъ бросится безъ лая, схватитъ сзади за полу и потянетъ внизъ, такъ что иной отъ неожиданнаго нападенія

слетитъ съ крыльца. Однако, Савельичъ, который—удивительный мастеръ школить собакъ и кошекъ, скоро отъучилъ Цурика кусаться—и прелестнѣйшій песъ сталъ. Однимъ былъ нехорошъ: лѣнивъ былъ очень; лежитъ, бывало, посреди двора, и чуть заслышитъ что̀-нибудь, а слухъ у него былъ не хуже, чѣмъ у старика Лыски, брехнётъ раза два и завоетъ отъ лѣни, да такъ громко и протяжно. Я увѣренъ, что Цурикъ вылъ отъ лѣни; какъ умный песъ, онъ понималъ, что долженъ брехать, когда что̀-нибудь услышитъ, но брехать лѣнь—брехнётъ и завоетъ, опять брехнётъ и тянетъ. Иванъ, однако, думалъ иначе. Ивану это вытьё Цурика очень не нравилось и, не заступись я, онъ бы его непремѣнно застрѣлилъ. «Навоетъ онъ намъ, постоянно твердилъ Иванъ: — ахъ, ужь ка̀къ я этого вытья не люблю! всѣмъ песъ хорошъ, да только держать его не слѣдуетъ».

— Да это онъ отъ лѣни воетъ.

— Нѣтъ. И кому это онъ воетъ: на смерть кому или на несчастье какое, или на пожаръ? и все, поднявши голову, воетъ: не себѣ, значитъ, а кому-нибудь другому.

— Пустяки, отъ лѣни воетъ.

— Не говорите, А. Н., были у насъ примѣры. Старый нашъ баринъ охотникъ былъ до собакъ; сетерокъ у него былъ претличнѣйшій и что̀ же бы вы думали? вдругъ сталъ выть, всю зиму вылъ, а весною «Положенье» вышло. Баринъ тоже все не вѣрилъ, а какъ случилось, такъ и говоритъ мнѣ: «правда твоя— вотъ онъ къ чему вылъ». Вотъ и у насъ тоже передъ смертью брата сучка все выла. Я и застрѣлилъ ее, а все-таки братъ умеръ, потомъ его жена померла.

Разъ—это было на страстной—въ числѣ разныхъ бумагъ, сотскій принесъ мнѣ повѣстку. Я прочиталъ: Савельича требуютъ въ станъ для выслушанія объявленія прокурора К. окружного суда. Я удивился, какія такія дѣла̀ могутъ быть у Савельича въ окружномъ судѣ. Выхожу въ кухню.

— Какія это, Савельичъ, у тебя дѣла̀ въ К. окружномъ судѣ?

Савельичъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Повѣстку принесли, требуютъ тебя въ станъ для выслушанія объявленія приговора К. окружнаго суда. Какое это у тебя тамъ дѣло?

Савельичъ сконфузился и началъ усиленно тереть рукою лысину—признакъ, что онъ находится въ волненіи. Я сталъ разспрашивать; оказалось, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Савельичъ собиралъ на церковь, на какомъ-то постояломъ дворѣ въ К. Губерніи у него украли кружку съ собранными день-

гами, о чемъ онъ тутъ же заявилъ становому приставу. Савельичъ подробно разсказалъ, ка̀къ у него, во время сна, украли кружку, въ которой было рубля два серебряныхъ денегъ, ка̀къ онъ пожаловался становому, ка̀къ его потомъ уже разъ требовали къ слѣдователю.

— Зачѣмъ же вы жаловались? замѣтилъ Иванъ, который Савельичу всегда почтительно говоритъ «вы».

— Разсердился очень, потому что прямо изъ-подъ рукъ унесли.

— Эхъ вы! а еще бывалый человѣкъ, у генерала служили. Ну, вотъ и отвѣчайте теперь. Маленькій судокъ — безъ хлѣба годокъ.

Савельичъ былъ сильно взволнованъ и въ первый разъ за все время своей службы попросилъ у меня денегъ на случа̀й. Я далъ ему денегъ и старался объяснить, что ему нѣчего бояться, что отвѣчать ему не придется, что его могутъ вызвать только въ качествѣ свидѣтеля, вообще, старался успокоить. Однако, я и самъ не зналъ: не могутъ ли потребовать Савельича, хотя бы и въ качествѣ свидѣтеля, въ К.? ка̀къ его туда доставятъ? кто его тамъ будетъ кормить? не придется ли ему идти туда по этапу или такъ какъ-нибудь, питаясь христовымъ именемъ! Желѣзной дороги въ К. нѣтъ—не на почтовыхъ же поѣдетъ Савельичъ? Конечно, всѣ эти сомнѣнія Савельичу я не высказалъ, чтобы не обезпокоить старика, обѣщалъ не оставить его и предполагалъ, когда дѣло выяснится, съѣздить въ станъ или, если понадобится, въ городъ. Тутъ, уже не въ первый разъ, живя въ деревнѣ, я пожалѣлъ, что не обладаю даже такими элементарными юридическими познаніями.

Савельичъ, казалось, успокоился, и мы рѣшили, что онъ пойдетъ въ станъ на другой день праздника; но это спокойствіе было только кажущееся.. И праздникъ вышелъ Савельичу не въ праздникъ, и страстную суботу, и первый день праздника, Савельичъ пролежалъ на печкѣ — голова, говорилъ, болитъ — только и слѣзъ съ печи разъ, когда «святыхъ» принесли. Даже никакого особеннаго торта мнѣ къ празднику не приготовилъ! На второй день праздника я уѣхалъ въ гости, а Савельичъ безъ меня ушелъ въ станъ. Вечеромъ, когда я возвратился домой, Иванъ доложилъ, что Савельичъ ушолъ.

— Незнаю, ка̀къ дотащится старикъ, очень уже осунулся за эти дни—вѣдь, онъ все время на печкѣ лежалъ, почесть ничего не ѣлъ, даже порцію на розговинахъ не выпилъ. Сегодня, какъ сталъ со всѣми прощаться—заплакалъ. Имущество свое — халатъ и сумочку мнѣ придовѣрилъ, просилъ, если не вернет-

ся, прислать къ нему въ острогъ. Собачку его, Шумилу, просилъ беречь. Вотъ оно, кому Цурикъ вылъ! прибавилъ Иванъ.

Жалко мнѣ было старика; я и не подозрѣвалъ, что онъ именно отъ тоски и безпокойства пролежалъ праздникъ на печкѣ. И эта забота о своемъ имуществѣ!.. а все имущество, съ которымъ Савельичъ пришелъ ко мнѣ и которое во время его жизни у меня нисколько не пріумножилось, состоитъ изъ стараго побурѣвшаго малиноваго халата и клеенчатой сумочки, набитой разной дрянью и, главнымъ образомъ, обрѣзками разноцвѣтной бумаги, которую Савельичъ употребляетъ для украшенія приготовляемыхъ имъ въ торжественныхъ случаяхъ конфектъ.

Оказалось, однако, что Цурикъ вылъ не Савельичу. Черезъ нѣсколько дней Савельичъ вернулся домой веселый, радостный, здоровый, даже нѣсколько подгулявшій—ему объявили, что дѣло прекращено.

Савельичъ до сихъ поръ живетъ у меня, и человѣкъ онъ для меня очень полезный: моетъ столовую посуду, ставитъ самоваръ, топитъ печи. Лѣтомъ, когда соберутся дѣти, да еще подъѣдетъ кто-нибудь изъ петербургскихъ друзей, мыть посуду и ставить самоваръ—дѣло не шуточное, потому что ежедневно приходится поставить не менѣе семи самоваровъ, и Савельичъ все это успѣваетъ дѣлать, «потому что презвычаенъ къ этому, говоритъ Авдотья:—его въ Петербургѣ, когда у генерала служилъ, пріучили—ихъ баринъ, вѣдь, строгій былъ». Зимою, главное занятіе Савельича—топить печи въ домѣ, на что̀ онъ удивительный мастеръ, «оттого, что на градусы смотрѣть умѣетъ», говоритъ Матрена, молодая баба—теперь жена Сидора, которую я взялъ въ домъ, когда дѣти переѣхали въ деревню—если я, въ случаѣ отсутствія Савельича, замѣчу Матренѣ, что она не хорошо вытопила печи. Дѣйствительно, Савельичъ—мастеръ топить печи, и если бы не онъ, то, я думаю, я давно бы замерзъ въ моемъ холодномъ домѣ. Савельичъ всегда съ утра посмотритъ, какова погода, откуда дуетъ вѣтеръ, сколько градусовъ показываетъ термометръ, висящій у меня въ комнатѣ, и, сообразивъ все, соотвѣтственно топитъ печи, свойства которыхъ онъ изучилъ до тонкости; всегда бываетъ достаточно тепло и скорѣе жарко — градусовъ 20 на высотѣ термометра—чѣмъ холодно. Одинъ разъ только въ нынѣшнемъ году Савельичъ оплошалъ. Въ началѣ декабря стояли оттепели, и Савельичъ, разумѣется, топилъ слегка; 14-го декабря было тепло, такъ что, переѣзжая на мелкой быстринкѣ рѣчку парой, гуськомъ, въ санкахъ, я провалился, но въ тотъ же день, съ обѣда, стало потягивать вѣтеркомъ отъ Петербурга — самый мерзкій у насъ вѣтеръ; къ вечеру стало

подмораживать, и за ночь морозъ, при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ, усилился такъ, что на другой день, 15-го, было уже 25 градусовъ мороза, а 16-го болѣе тридцати градусовъ. Птицы замерзали. Прàсолъ, который купилъ у меня скотъ и долженъ былъ къ 17-му пригнать ко мнѣ скотъ, скупленный имъ у разныхъ лицъ, явился, везя на саняхъ двухъ зарѣзанныхъ коровъ, которыя, пройдя пять верстъ, отморозили ноги, а остальной скотъ онъ бросилъ на дорогѣ въ какомъ-то господскомъ домѣ. Всѣ работы остановились, потому что не было возможности нетолько возить навозъ, но даже и въ лѣсъ за дровами ѣхать. Сидоръ, который поѣхалъ было зачѣмъ-то въ деревню безъ башлыка, проѣхавъ одну версту, отморозилъ уши. Такъ какъ наканунѣ была оттепель и печи были протоплены слегка, то за ночь домъ сильно охолодалъ—вѣтеръ, главное, пронялъ; поутру Савельичъ схватился топить печь, но, пока онъ ихъ вытопилъ, температура въ комнатахъ понизилась до четырехъ градусовъ тепла; къ вечеру, несмотря на то, что печи были накалены такъ, что дотронуться нельзя было, температура комнаты самой теплой была 8 градусовъ, а къ утру понизилась до шести градусовъ; за ночь цвѣты на окнахъ померзли; мокрый вѣникъ, которымъ Савельичъ мететъ комнаты, оставленный на ночь въ углу комнаты, примерзъ къ полу. Но тутъ уже Савельичъ былъ не виноватъ, потому чтоктò же могъ предвидѣть, что на другой день оттепели будетъ морозъ въ 25 градусовъ? Однако, бабы, Авдотья и Матрена, которыя вѣчно воюютъ съ Савельичемъ и не любятъ его за то, что онъ учитъ ихъ порядку и называетъ мужичками, на чтò они отвѣчаютъ «дà, мужички, халуйками не были, панскихъ горшковъ не выносили», все-таки, не вытерпѣли попрекнули Савельичу: «не усмотрѣлъ градусы, старый».

А чтò было на скотномъ дворѣ—упаси Господи! Несмотря на то, что у меня хлѣвы довольно теплые, съ соломенными потолками—все промерзло; коровы стоятъ сгорбившись и трясутся; выпустятъ на водопой—прибѣгутъ, хватятъ немного воды—еще хорошо, что вода ключевая теплая—и назадъ; не знаю, кàкъ справлялся старикъ-водовозъ, который возитъ воду молодому скоту. Однако, все обошлось благополучно: люди всѣ на скотномъ дворѣ здоровы; ни одна корова ногъ не отморозила; даже голландская, за которую я болѣе всего опасался, потому что она привязана какъ разъ противъ воротъ; ни одинъ телёнокъ не замерзъ, и скотъ, хотя похудѣлъ и убавилъ молока, но здоровъ.

Аккуратно исполняя свои занятія, Савельичъ находитъ время сдѣлать кое-чтò и для себя, «на свои прихоти», какъ говоритъ Авдотья. То онъ мыло варитъ: собираетъ, при чисткѣ подсвѣч-

никовъ, стеаринъ, разные огарки, сало изъ кострюль и варитъ мыло. Варитъ онъ мыло по своему: сдѣлаетъ щелокъ, нальетъ въ кострюлю, прибавитъ извести, стеарину и соли и варитъ, пока не получится густая бѣлая масса, которую онъ разливаетъ въ формы. Сколько разъ я объяснялъ Савельичу, что такъ мыло варить негодится, что нужно сдѣлать щелокъ, сварить съ известью, дать отстояться, слить чистый ѣдкій щелокъ, положить въ него стеаринъ, сварить и отсолить, но Савельичъ моимъ совѣтамъ не внимаетъ и продолжаетъ варить по своему.

— Такъ мыла больше выходитъ, говоритъ Савельичъ.

— Да, вѣдь, оно не мылится, никуда не годится, говорю я.

— Ничего. Бабы берутъ и похваливаютъ.

Своимъ мыломъ Савельичъ награждаетъ бабъ и моется самъ.

Вообще, Савельичъ очень любитъ *свои* загàды, вѣчно выдумываетъ разныя штуки—«прихоти», какъ говоритъ Авдотья — вѣчно надъ чѣмъ-нибудь возится, чтò-нибудь изобрѣтаетъ, строитъ насчетъ своихъ изобрѣтеній воздушные зàмки, въ Москву собирается, когда потеплѣетъ.

Савельичъ, преимущественно лѣтомъ, въ покосъ, когда всѣ люди заняты, ѣздитъ иногда за письмами на станцію; ѣздитъ онъ обыкновенно на бѣговыхъ дрожкахъ, на маленькой лошадкѣ, которую онъ *самъ* себѣ выбралъ и потому считаетъ лучшею изъ всѣхъ рабочихъ лошадей. Не понравилось ему почему-то ѣздить на дрожкахъ, и вотъ задумалъ онъ сдѣлать себѣ собственный экипажъ; смотрю я кàкъ-то разъ — мастеритъ себѣ Савельичъ чтò-то особенное, не то ящикъ, не то кресло — доска, съ трехъ сторонъ колышки вбиты, сидитъ Савельичъ и оплетаетъ между колышками стеблями стараго хмѣля, который срѣзаютъ на зиму.

— Чтò это, Савельичъ, ты дѣлаешь?

— Штука будетъ; сами увидѣть изволите, когда кончу, что отличнѣйшая штука будетъ, говоритъ самодовольно Савельичъ.

— Это онъ экипажъ себѣ мастеритъ, въ Москву ѣхать хочетъ; продастъ конфекты на Покрова, лошадь себѣ на кожевнѣ купитъ и поѣдетъ свои пряники въ Москвѣ продавать, замѣчаетъ Матрена, проходя мимо.

— А няжъ!. дразнитъ ее Савельичъ, разсердившись:—мужлò!

— Ну дà, мужичка и пр. Начинается перебранка.

Черезъ нѣсколько времени, я послалъ Савельича на станцію. Еще наканунѣ онъ снарядилъ свой экипажъ: взялъ передокъ отъ телеги, поставилъ на него свое кресло—ящичекъ даже подъ сидѣніемъ придѣлалъ «чтобы Вѣдомости не замочило» — Савельичъ, по старинному, называетъ газеты вѣдомостями—привязалъ веревками. На другой день, утромъ, всѣ собрались смотрѣть, кàкъ по-

ѣдетъ Савельичъ въ своемъ экипажѣ; Савельичъ нисколько не сконфузился, запрегъ лошадь, сѣлъ въ свое кресло, поставилъ ноги на оглобли и торжественно выѣхалъ съ рабочаго двора.

— Возьми, Савельичъ, корзиночку на колѣни: зачѣмъ добрò терять? подставишь лошади подъ хвостъ, когда понадобится, да и штаны чище будутъ, подсмѣялся кто-то.

Однако, Савельичъ съѣздилъ, да еще посылку для сосѣдней барыни привезъ—ящикъ съ чаемъ. Ящикъ этотъ онъ поставилъ на свое кресло-одноколку, а самъ сѣлъ на ящикъ.

Самое любимое дѣло Савельича—приготовлять конфекты и при этомъ изобрѣтать новыя сладости изъ такихъ матеріаловъ, которые, казалось, вовсе не могутъ служить для приготовленія кандитерскихъ издѣлій, напримѣръ, изъ сырыхъ турецкихъ бобовъ. Лишь только у Савельича заведутся деньги, онъ покупаетъ сахаръ или сахарный песокъ, чего Авдотья выносить не можетъ.

— Накупилъ сахару, старый прихотникъ; рубашекъ нѣтъ, а онъ сахаръ покупаетъ. Не давайте вы ему денегъ, А. Н., а лучше холста купите, да прикажите Химѣ ему рубашки сшить.

Купивъ сахару, Савельичъ начинаетъ дѣлать конфекты: леденцы, миндальное печенье, въ которое онъ, вмѣсто миндаля, кладетъ размоченные турецкіе бобы—это изобрѣтеніе Савельича—пряники изъ кукурузы, изъ клюквенныхъ выжимокъ, получаемыхъ при приготовленіи клюквеннаго киселя или морса, изъ ягодъ, которыя служили для настаиванія наливокъ, цукаты изъ лимонныхъ корокъ, тщательно имъ собираемыхъ изъ пунша, который я иногда, когда случится ромъ и лимоны, пью послѣ обѣда и т. п. У Савельича въ коморкѣ всегда мокнетъ и киснетъ въ банкахъ всякая дрянь, которую онъ потомъ передѣлываетъ на конфекты. Наготовивъ товару, Савельичъ отправляется на сельскую ярмарку и тамъ распродаетъ. На вырученныя деньги онъ опять покупаетъ сахару, опять дѣлаетъ конфекты и продаетъ на слѣдующей ярмаркѣ; такъ продолжается, пока не выйдутъ всѣ деньги. Въ концѣ концовъ, торговля эта всегда Савельичу—въ убытокъ: купитъ онъ сахару на рубль, передѣлаетъ на конфекты и продастъ ихъ за 60 копеекъ; купитъ потомъ сахару на 60 копеекъ, сдѣлаетъ конфекты и распродастъ за 30 копеекъ, и такъ до тѣхъ поръ, пока останется копеекъ 10 на табакъ. Все это происходитъ не оттого, чтобы Савельичъ не умѣлъ разсчесть; напротивъ, онъ превосходно все разсчитываетъ, знаетъ, сколько пошло сахару—при всѣхъ своихъ кандитерскихъ приготовленіяхъ онъ всегда взвѣшиваетъ всѣ матеріалы—сколько приготовлено конфектъ, почемъ слѣдуетъ продать конфекты,

чтобы получить рубль на рубль барыша, и, отправляясь на ярмарку, твердо убѣжденъ, что у него товару на два рубля и что онъ заработаетъ рубль за свои труды, но, возвращаясь, приноситъ только 60 копеекъ. Такая недовыручка происходитъ отъ того, что Савельичъ, по своей добротѣ, бо̀льшую часть товара раздариваетъ своимъ безчисленнымъ знакомымъ, которые всѣ его очень любятъ. Ка̀къ бы то ни было, это приготовленіе и продажа конфектъ составляетъ величайшее наслажденіе для Савельича—то, что̀ Авдотья называетъ его прихотями.

Своими кандитерскими изобрѣтеніями Савельичъ очень дорожитъ и, сдѣлавъ какое-нибудь очень важное, по его мнѣнію, открытіе, обращается даже ко мнѣ. Такъ было, когда онъ открылъ способъ приготовленія миндальныхъ пряниковъ изъ турецкихъ бобовъ.

Сижу я ка̀къ-то послѣ обѣда на балконѣ; вдругъ является Савельичъ и подноситъ мнѣ на тарелкѣ бѣлые пряники.

— Извольте откушать.

— Благодарю. Что̀ это, кажется, миндальное печенье?

Савельичъ просвѣтлѣлъ.

— Извольте откушать.

Я попробовалъ; видомъ похоже на миндальное печенье, но вкусомъ—не то.

— Изъ чего же это приготовлено?

— Сами извольте угадать.

Я никакъ не могъ догадаться; но Авдотья, которая недалеко отъ балкона сажала лукъ, не вытерпѣла.

— Это онъ изъ бобовъ дѣлаетъ.

— Изъ какихъ бобовъ?

— Бѣлые бобы размачиваетъ.

— Что̀ же, хорошо, Савельичъ; только, для бо̀льшаго сходства, слѣдовало бы немножко горькаго миндаля прибавлять, чтобы духъ миндальный былъ.

Савельичъ согласился и ка̀къ-то таинственно сообщилъ мнѣ, что за эту выдумку большія бы деньги дали на московскихъ пряничныхъ заводахъ.

Впослѣдствіи оказалось, что выдумка Савельича не такъ хороша, какъ показалось сначала; во-первыхъ, когда пряники высохли, то ихъ невозможно было разжевать; а во-вторыхъ, сырые турецкіе бобы производятъ тошноту и даже рвоту.

Савельичъ, однако, не упалъ духомъ и, оставивъ приготовленіе пряниковъ, занялся изобрѣтеніемъ какого-то особеннаго сбитня; цѣлое лѣто онъ собиралъ травы и мастерилъ свой собственный чайникъ изъ жести отъ сардиночныхъ коробокъ; осенью, во

время рекрутскаго набора, онъ думалъ идти въ городъ торговать сбитнемъ, но дѣло какъ-то не состоялось.

Иногда Савельичъ вдругъ вздумаетъ путешествовать — скучно ему станетъ или бабы ужь его очень проберутъ—и соберется или къ сестрѣ, куда-то подъ Вязьму, или къ родственникамъ какимъ-то подъ Ярцево и уйдетъ. Обыкновенно, черезъ недѣлю онъ возвращается измученный, больной, перемерзшій—старъ и слабъ уже становится—и опять принимается за свое дѣло: полы мететъ, сапоги чиститъ, самовары ставитъ, печи топитъ. Между тѣмъ, бабы, попробовавъ, каково имъ безъ Савельича, котораго они постоянно укоряютъ, что онъ—только комнатный слуга и ничего не дѣлаетъ, притихаютъ, и водворяется миръ.

Лѣтомъ, Цурикъ не вылъ и мало проживалъ дома—постоянно находился съ рабочими въ полѣ и на покосѣ, который я арендовалъ на Днѣпрѣ, верстахъ въ семи отъ моего имѣнія. Наступила осень, и Цурикъ опять началъ выть, и на этотъ разъ навылъ. Хозяйство мое въ эту пору расширилось, и насколько расширилось, можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

Въ 1871 году, поступило въ кассу денегъ 1,562 рубля, а выпущено изъ кассы 1,453 рубля—всего обернулось 3,015 рублей.

Въ 1874 году, поступило 6,047 рублей, а выпущено 5,839 рублей—всего обернулось 11,886 рублей.

Такъ какъ изъ этой суммы расхода лишь незначительная часть идетъ на покупку въ городѣ чая, сахара, табаку и прочихъ необходимыхъ предметовъ — сумма эта мало измѣнилась отъ 1871 до 1874 года — то бо́льшая часть расходуемыхъ денегъ уплачивается тутъ же на мѣстѣ, за работы. Понятно, что мѣсто оживилось, и въ Батищевѣ стало люднѣе. Случается иногда, что, по воскресеньямъ, я съ утра до вечера не покидаю счетовъ—то и дѣло выплачиваю или получаю: тотъ пріѣхалъ ржи купить, другой привезъ жмыхи, третій пришелъ просить денегъ подъ работу или нанимается въ батраки и т. д. Народу въ домѣ прибавилось—теперь въ застольной, даже зимою, рѣдко садится за столъ менѣе 25 человѣкъ—сдѣлалось и люднѣе, и шумнѣе. Казалось бы, безопаснѣе должно быть отъ звѣря—анъ вышло наоборотъ: волки, должно быть, дневнаго шума не боятся, а ночью, хотя и много народа, все-таки, царствуетъ мертвая тишина—потому что ночнаго пьянства и дебоша въ усадьбѣ я не допускаю—и, надѣясь на бо́льшую добычу, льнутъ къ такому мѣсту, гдѣ чуютъ болѣе собакъ, птицы и всякаго скота; другіе хищники, которыми изобиловало Батищево, напримѣръ, совы—первый годъ совы жили даже на чердакѣ дома — коршуны, хорьки, одичавшіе коты, которые жили въ амбарахъ и сараяхъ, и т. п. пере-

велись; но за то воронья̀ показалось множество, а за нимъ и волки тутъ-то и стали рыскать около самаго дома.

Первымъ попался старый Лыска—осторожный, чуткій Лыска; волки схватили его не далѣе, какъ въ пятидесяти шагахъ отъ застольной, вечеромъ, когда еще спать не ложились, въ то время, когда онъ, послѣ того, какъ отъужинали въ застольной, шелъ спать въ солому. Черезъ нѣсколько дней, попался и Цурикъ: этого волки взяли, когда еще не отъужинали въ застольной и весь народъ былъ въ сборѣ; заслышавъ возню и догадавшись, что волки пришли брать собаку, батраки выскочили изъ избы— смѣлость русскаго человѣка извѣстна: въ такихъ случаяхъ, всѣ выскакиваютъ на помощь собакамъ съ голыми руками, безъ всякаго оружія; развѣ полѣно дровъ кому попадется, вслѣдствіе чего бываетъ, если случится бѣшеный волкъ, множество пораненыхъ, о чемъ такъ часто сообщаютъ газеты. Услыхавъ шумъ, волки испугались и бросились въ разсыпную, люди бросились за ними въ ту сторону, куда побѣжало больше волковъ, и не замѣтили, ка̀къ неопытный Цурикъ погнался за однимъ волкомъ, который выправился по дорогѣ въ деревню. Увидавъ, что нѣтъ людской погони, волкъ, среди улицы въ деревнѣ, схватился съ Цурикомъ; долго они боролись — все это видѣла баба-бобылка, противъ избушки которой происходила борьба. Цурикъ не поддавался и даже бралъ верхъ надъ волкомъ, молодой волчишка, должно быть, былъ, но подоспѣли товарищи волка и разтерзали Цурика.

Уцѣлѣла только хитрая и проученная опытомъ погибели ея товарищей сучка. Иванъ успокоился и все твердилъ: вотъ оно, кому навылъ Цурикъ, а вы думали, что онъ отъ лѣни воетъ.

Весною, сучка наплодила опять цѣлую кучу щенковъ, изъ которыхъ выбрали двухъ; дѣти выкормили этихъ щенковъ на славу и прозвали одного Полканомъ, а другаго Лайкой. Къ зимѣ у насъ опять было три собаки. Хитрая Лыска научила и щенковъ осторожности; долгое время, волки, которымъ опять хотѣлось попользоваться чѣмъ-нибудь въ нашей усадьбѣ, хитростію старались заманить собакъ. Но всѣ хитрости ихъ не удавались; сучка не поддавалась и, почуявъ волка, вмѣстѣ со щенками пряталась въ сѣни, которыя нарочно оставляли на ночь открытыми. Иванъ чуть не каждый день водилъ меня и дѣтей на огородъ показывать по слѣдамъ, ка̀къ хитрятъ волки, гдѣ у нихъ была засада, гдѣ ходилъ волкъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы выманить собакъ, и при этомъ все твердилъ:

— Доберутся волки до собакъ—я волчью манеру знаю: когда

*

увидятъ, что хитростію нельзя выманить собакъ, штурмой придутъ брать.

И дѣйствительно, волки штурмой пришли брать собакъ, цѣлымъ стадомъ пришли, штукъ двѣнадцать. Схватили Лайку и Полкана на завалинѣ, подъ окномъ старухиной избы—Лайку унесли, а Полкана выскочившій на шумъ Иванъ успѣлъ отбить, но уже мертваго, съ вырваннымъ брюхомъ. Сучка уцѣлѣла, но, наконецъ, и она-таки попалась на зубы волкамъ, и въ такое время, когда менѣе всего этого было возможно ожидать—весною, на самаго Егорья.

Когда мы сообщили сыну о горестной потерѣ Полкана и Лайки, его выкормленниковъ, то онъ, какъ истый классическій гимназистъ, отвѣчалъ намъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

Ante die nono Calendas Martiales
Anno MDCCCLXXV post Christum Natum

«Я получилъ твое письмо. Невозможно описать той горести, которую я испыталъ, узнавши о смерти доблестныхъ защитниковъ нашей родины, героя Полкана и Лайки. Горацій сказалъ, что *dulce et decorum est pro patria mori*. Но, вѣдь, Горацій не испыталъ этого удовольствія и потому не зналъ, каково оно. Можетъ быть, оно и *decorum*, но вѣроятно не *dulce*. Кланяйся Лыскѣ, ребятамъ, Ивану и т. д.

Salve soror!!
Ѣшь блины и толстѣй

Frater tuus

А мы-то, въ эти года, нетолько не знали, что *dulce et decorum est pro patria mori*, но даже и того не знали, что существовалъ когда-то Горацій.

Нужно отдать справедливость: хорошо теперь учатъ въ гимназіяхъ. Одно только меня безпокоитъ, что мальчикъ, пріѣхавъ на лѣто въ деревню, гдѣ слѣдовало бы ему бѣгать, укрѣплять силы и набираться здоровья на вольномъ воздухѣ—вѣдь, придется же ему когда-нибудь отбывать солдатскую службу—цѣлые дни проводитъ за книгами, дѣлаетъ какія-то выписки и только по праздникамъ, когда деревенскіе ребята, свободные отъ работы, соберутся къ нему, уходитъ съ ними куда-нибудь въ лѣсъ, на луга, гдѣ у нихъ идутъ разныя игры. Впрочемъ, вліяніе деревни и ребятъ отчасти отразилось и, рисуя битвы героевъ, что̀, между прочимъ, есть одно изъ его любимыхъ занятій, мальчикъ теперь беретъ сюжеты болѣе изъ современной жизни и изображаетъ на своихъ картинахъ Бисмарка и Мольтке, улепетывающими отъ русскихъ мужиковъ, которые гонятся за ними съ топорами и вилами въ рукахъ. Странно только, что, проживая

каждое лѣто въ деревнѣ, гдѣ все пропитано хозяйственными интересами, мальчикъ нисколько хозяйствомъ не интересуется и до сихъ поръ, кажется, не умѣетъ отличить ячмень отъ овса, не знаетъ, кàкъ обработывается паровое поле, никогда не бываетъ на скотномъ дворѣ, которымъ я интересуюсь болѣе всего.

Кто-то будетъ продолжать мою систему хозяйства, окончательные результаты которой я, пожалуй, самъ не увижу? Система полеводства установится только черезъ два года, а система—пятнадцатипольная. Впрочемъ, если система вѣрна, она должна утвердиться въ нашей мѣстности рано или поздно.

Послѣ погибели сучки мы остались безъ собакъ, однако, не надолго. Теперь у насъ опять цѣлая стая: мѣсто старика Лыски занялъ старый песъ Крюкъ, который забѣжалъ къ намъ откуда-то и прижился около застольной; сторожъ завелъ новую сучку; Иванъ завелъ пару гончихъ; у Савельича есть Шумила; у дочери есть сетерокъ—Мильтонъ; у меня мой вѣрный песъ Пегасъ—замѣчательный песъ, который любитъ меня какъ никто, для котораго величайшее наслажденіе въ мірѣ—находиться подлѣ меня, который тоскуетъ и страдаетъ, если онъ не ощущаетъ моего присутствія. Пегасъ этотъ—собака ума замѣчательнаго; чутье у него удивительное. Вотъ нѣсколько интересныхъ чертъ сообразительности Пегаса. Я ѣду верхомъ по лѣсу, по пустошамъ, съ Иваномъ и другими; Пегасъ бѣгаетъ и гоняется за тетеревами, но никогда не потеряетъ слѣда моей лошади: разъ я сѣлъ на лошадь и Пегасъ понюхалъ слѣдъ лошади, на которую я сѣлъ, онъ уже знаетъ этотъ слѣдъ и, когда мы на пустоши разъѣдемся съ Иваномъ, всегда онъ будетъ искать слѣдъ именно моей лошади; если мы перемѣнимся съ Иваномъ лошадьми, то Пегасъ, догнавъ Ивана и увидавъ, что онъ ѣдетъ на моей лошади, возвращается назадъ, отыскиваетъ то мѣсто, гдѣ я пересѣлъ на другую лошадь, и по слѣду этой лошади находитъ меня. Однажды я поѣхалъ зимой въ деревню, а Пегаса оставилъ дома; черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ я пріѣхалъ въ деревню, вдругъ вижу Пегаса, который вертится около избы, въ которой я сидѣлъ. Савельичъ мнѣ потомъ разсказалъ, что онъ выпустилъ Пегаса нѣсколько времени спустя послѣ моего отъѣзда и видѣлъ, кàкъ онъ обнюхалъ мой слѣдъ, обнюхалъ то мѣсто, гдѣ стояли сани, въ которыя я сѣлъ, понюхалъ слѣдъ моей лошади и, сдѣлавъ нѣсколько круговъ по двору, выправился по слѣду моей лошади; въ деревнѣ онъ отличилъ слѣдъ моей лошади, хотя онъ не зналъ, на какой я поѣхалъ, отъ множества слѣдовъ другихъ лошадей — въ деревнѣ была Никольщина—и прибѣжалъ именно въ ту избу, гдѣ

я находился. Пегасъ по платью, которое я надѣваю, знаетъ возьму я его съ собою, или нѣтъ; если я надѣваю полушубокъ, значитъ иду по хозяйству; Пегасъ прыгаетъ, радуется; если же я надѣваю нѣмецкое платье, ѣду въ гости; Пегасъ, поджавши хвостъ, прячется подъ столъ. Если Пегасъ на дворѣ и подаютъ тройку съ колокольчикомъ, онъ уходитъ, поджавши хвостъ, въ домъ, но если подаютъ одиночку, остается на дворѣ и ждетъ моего выхода. Знаетъ Пегасъ только меня; если я лягу гдѣ-нибудь въ полѣ, то Пегасъ не подпуститъ ко мнѣ никого, не только чужаго, но даже никого изъ своихъ—Ивана, Сидора, даже дѣтей, которые его кормятъ и ласкаютъ. Онъ никому не вѣритъ, когда считаетъ своею обязанностію меня охранять, и думаетъ, что я не вижу того человѣка, который подходитъ ко мнѣ. Если я прямо смотрю на приближающагося человѣка и Пегасъ это видитъ, то онъ не залаетъ даже и на чужаго.

Въ деревнѣ намъ безъ собакъ никакъ нельзя быть, хотя иногда изъ-за собакъ, которыя безъ разбору брешутъ на всѣхъ проѣзжающихъ, не различая начальства отъ простыхъ смертныхъ, случаются непріятности.

Разъ—дѣло было весною—въ самую ростопель, иду я со скотнаго двора, одѣтый въ свой обычный хозяйственный костюмъ—заплеванный коровами полушубокъ. Вдругъ слышу колокольчикъ; сердце такъ и ёкнуло: кому, какъ не начальству, да еще по самому экстренному дѣлу, ѣхать въ такую пору, когда рѣки въ разливѣ.

Заслышавъ колокольчикъ, я остановился; собаки съ громкимъ лаемъ обступили подъѣзжавшую телегу; измученныя лошади, которыя еле тащили телегу по раскисшимъ снѣговымъ сугробамъ, наметеннымъ зимою около заборовъ усадьбы, совсѣмъ остановились.

— Эй, поди сюда! крикнулъ сидѣвшій въ телегѣ чиновникъ, очевидно принявшій меня за старосту.

Я уже разглядѣлъ по форменной фуражкѣ съ кокардой, что это—не настоящее начальство, а такъ какой-то проѣзжій чиновникъ...

— Эй, поди сюда! не слышишь, что ли? продолжалъ кричать чиновникъ, взбѣшонный ужасною дорогою по весенней ростопели.

Я подошелъ.

— Что это у тебя за собаки? какъ ты смѣешь держать такихъ собакъ, что они останавливаютъ проѣзжающихъ? бѣшено кричалъ чиновникъ, да еще въ шапкѣ смѣешь стоять. Кто ты такой, вотъ я тебя! накинулся онъ на меня.

— Позвольте, господинъ, сказалъ я:—если собаки причинили вамъ вредъ, то вы можете жаловаться мировому судьѣ, но кричать здѣсь не извольте.

— Чтò! Ахъ ты с...

— А если ты не замолчишь и не перестанешь браниться, то я позову рабочихъ, и мы тебя такъ...

— Да чье это имѣніе? спросилъ озадаченный чиновникъ.

— Мое.

— А вы кто? спросилъ онъ, совершенно уже другимъ тономъ.

Я назвалъ себя.

— Однакожь, согласитесь, кàкъ же можно держать такихъ злыхъ собакъ?

— Хозяйственный разсчетъ, отвѣчалъ я, смѣясь.

— Какой же тутъ можетъ быть разсчетъ?

— Помилуйте, кàкъ же не разсчетъ? Чтобы охранять такую разбросанную усадьбу, какъ моя—построена вѣдь при крѣпостномъ еще правѣ—нужно было бы, взамѣнъ собакъ, имѣть еще двухъ хорошихъ сторожей; содержаніе сторожа обойдется сто рублей, двухъ сторожей 200 рублей, въ пять лѣтъ 1,000 рублей. Кàкъ бы ни были злы собаки, простыя дворняжки только лаятъ и рѣдко когда кусаются, притомъ же ѣдущаго въ экипажѣ собаки не могутъ укусить, а пѣшеходы всегда берутъ палки, особенно подходя къ усадьбѣ—посмотрите, кàкъ растаскали за зиму тынъ около огорода; но допустимъ, что собаки кого-нибудь укусятъ; наибòльшій штрафъ, чтò можетъ назначить мировой судья—сто рублей; мало вѣроятности, чтобы это могло случиться болѣе одного раза въ пять лѣтъ, слѣдовательно...

Чиновникъ разсмѣялся.

— Помилуйте, да, вѣдь, это—Азія.

— А вы думали, что здѣсь Европа? Вы куда ѣдете?

— Въ Ольхино.

— Невозможно проѣхать—рѣка въ разливѣ.

— Верхомъ развѣ вплавь на сѣромъ конѣ, замѣтилъ Иванъ, подоспѣвшій къ концу разговора.

— Верхомъ, а кàкъ утонетъ казенный человѣкъ! Эхъ ты, а еще Савельичу попрекалъ, что онъ въ судъ втянулся.

Иванъ сконфузился.

— Такъ кàкъ же мнѣ быть?

Я обратился къ Ивану.

— Нужно ѣхать въ Бардино: тамъ есть лодка, лошадей оставить, у его благородія—извозчикъ, вѣдь ты съ ямщины? обратился отъ къ извозчику:—переѣхать на лодкѣ, дойти пѣшкомъ,

до Ѳедина, а тамъ можно взять лошадей до Ольхина. Такъ хорошо будетъ—развѣ на Лужицѣ въ лѣсу проѣхать нельзя будетъ, только не должно быть, въ лѣсу еще не растопило—ну, да ѳединскіе знаютъ.

— А далеко ли до Ѳедина?

— Верстъ семь будетъ.

— Ну, семь верстъ эти кони не дойдутъ; вѣдь не дойдутъ? обратился я къ ямщику.

— Гдѣ дойти! сами знаете какая дорога; заночуемъ въ полѣ.

— Знаете что̀? обратился я къ чиновнику:—переночуйте у меня, а завтра посмотримъ что̀ дѣлать.

Чиновникъ остался ночевать; мы проболтали съ нимъ цѣлый вечеръ, и онъ оказался премилѣйшимъ малымъ. Разумѣется, о первыхъ минутахъ встрѣчи и помину не было. У насъ, вѣдь, каждый, кто имѣетъ мѣсто, кто носитъ кокарду, считаетъ себя начальствомъ. На что̀ уже начальникъ желѣзнодорожной станціи—и кокарды у него нѣтъ, только красная шапка—а и тотъ считаетъ себя начальникомъ надъ всѣми пассажирами пришедшаго поѣзда. А генералъ какой-нибудь изъ Петербурга, тотъ всѣхъ считаетъ своими подчиненными и при случаѣ кушитъ начальника станціи за остановку поѣзда. Кажется, и жить бы нельзя при такомъ безчисленномъ множествѣ всякаго начальства, но жить можно, если узнать въ чемъ фортель: ничего больше не нужно, какъ только самому становиться на время начальникомъ. Закричалъ на васъ начальникъ станціи или почтовый чиновникъ, вы сейчасъ къ нему: «ты что̀!»—непремѣнно отступитъ и подумаетъ, что вы-то самое начальство и есть. Даже съ генераломъ этотъ пріемъ хорошъ.

Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ еще большинство не знаетъ, что, если генералъ ударитъ мужика, то мировой судья взыщетъ съ него, какъ съ образованнаго человѣка, строже, чѣмъ съ мужика; напротивъ, большинство думаетъ, что если генералъ ударитъ мужика, такъ ему ничего не будетъ, а если мужикъ ударитъ генерала, то его въ Сибирь сошлютъ.

Любопытно знать, что̀ будетъ, когда, вслѣдствіе всеобщей рекрутской повинности, всѣ обыватели будутъ безсрочно-отпускные солдаты? Какое значеніе будетъ тогда имѣть военный генералъ и какое штатскій генералъ, который, въ то же время, можетъ быть солдатомъ? Кто будетъ начальство—военный поручикъ или штатскій генералъ, который, въ то же время солдатъ, который, въ случаѣ войны, попадетъ подъ команду этого поручика. Голова ломится отъ всѣхъ этихъ трудно-рѣшимыхъ вопросовъ. Представьте себѣ положеніе русскаго человѣка, когда

онъ въ какомъ-нибудь частномъ случаѣ не будетъ знать—начальство—онъ, или нѣтъ!

...Я сплю спокойно, сновъ никакихъ не вижу, но всегда просыпаюсь рано отъ страшнаго лая, который подымаютъ собаки часу въ первомъ ночи, когда бабы идутъ мять ленъ. Бабы со льномъ совершенно раззорили Ивана: не успѣли еще пропѣть первые пѣтухи въ деревнѣ, бабы встаютъ и бѣгутъ, буквально бѣгутъ, къ намъ мять ленъ, стараясь одна передъ другою, поспѣть пораньше, чтобы захватить мѣсто получше, поближе къ садкѣ, и поскорѣе начать мять, пока не подошли бабы изъ дальнихъ деревень. Льну насаживается опредѣленное количество, а бабъ, когда мятье уже въ разгарѣ, обыкновенно собирается болѣе, чѣмъ нужно, чтобы смять насаженное количество, и потому каждая баба спѣшитъ пораньше захватить какъ можно болѣе льну—а намъ чѣмъ скорѣе сомнутъ, тѣмъ лучше. Собаки на дворѣ подымаютъ страшный лай. Мильтонъ, который спитъ въ кухнѣ съ Авдотьей, сначала ворчитъ, а потомъ разражается громкимъ лаемъ; Пегасъ отвѣчаетъ ему глухимъ ворчаніемъ изъ подъ моей кровати. Собралось достаточное количество бабъ; которая по бойчѣе подходитъ и стучитъ Ивану въ окошко, а остальныя уже отправились на овинъ къ гуменщику, чтобы поскорѣе разводилъ тёплышко: чѣмъ горячѣе ленъ, тѣмъ его легче мять. Между тѣмъ, Иванъ уже давно проснулся, лишь только собаки залаяли, одѣлся, зажигаетъ фонарь и идетъ въ овинъ. Начинается мятье.

Первое время, когда я завелъ посѣвъ льна—а безъ льна наши хозяйства не могутъ давать хорошаго дохода, какъ я теперь убѣдился—я имѣлъ нѣкоторыя затрудненія въ пріисканіи рабочихъ; но теперь, когда бабы поняли, что ленъ даетъ имъ выгодный заработокъ, когда онѣ убѣдились, что я отдамъ заработанныя ими деньги прямо имъ, бабамъ, на руки и ни въ какомъ случаѣ не отдамъ хозяевамъ-мужчинамъ, даже не зачту за долгъ, если кто изъ хозяевъ мнѣ долженъ, дѣло пошло отлично; никакихъ затрудненій въ пріисканіи рабочихъ нѣтъ—давай только работы. Оно и понятно: ловкая баба можетъ въ день заработать при выборкѣ льна до 70 копеекъ, а дома, въ тотъ же день, въ праздникъ, баба, если будетъ собирать ягоды или грибы, заработаетъ много-много 15 копеекъ. Ленъ у меня берутъ, главнымъ образомъ, по праздникамъ—ниже объясню отчего—или по пятницамъ, когда бабы считаютъ за грѣхъ брать свой ленъ и дѣлать нѣкоторыя другія работы; у меня же работать имъ не грѣхъ, потому что грѣхъ падетъ на хозяина или, лучше сказать, на его поле, которое за это можетъ быть выбито градомъ и т. п.,

чего я, хозяинъ, опять-таки, не опасаюсь, потому что могу перенести грѣхъ на страховыя отъ града и огня общества, то есть на ихъ акціонеровъ. При мятьѣ льна, ловкая, сильная и сытая — чѣмъ толще и плотнѣе, тѣмъ лучше — баба можетъ заработать въ ночь до 45 копеекъ, а дома, если она будетъ чесать волну, заработаетъ въ день 4 копейки. Понятно, что бабы сами идутъ мять ленъ, а волну отдаютъ чесать на волноческѣ странствующимъ по деревнямъ волночесамъ. Зная, какъ мало производительны, сравнительно съ машинною работою, всѣ бабьи работы, производимыя бабами зимою, я увѣренъ, что, если бы бабы находили хорошій мѣстный заработокъ, то онѣ перестали бы прясть зимою волну и ленъ и ткать холсты и сукна, а покупали бы фабричныя произведенія. Поэтому-то и нѣтъ никакого основанія опасаться, какъ думаютъ многіе, что съ развитіемъ производства льна, не найдется достаточно рабочихъ рукъ — рукъ всегда хватитъ, если дѣло выгодно и хозяинъ не желаетъ все загресть въ свои лапы. Мнѣ гораздо выгоднѣе платить при обработкѣ льна на кругъ по пятидесяти копеекъ за рабочій день и получать 50 рублей чистаго дохода отъ десятины, чѣмъ платить по 15 копеекъ за рабочій день при обработкѣ ржи и овса и получать нуль дохода или убытокъ, какъ это я вижу въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ имѣніяхъ; мнѣ выгоднѣе платить подойщицѣ по 3 рубля въ мѣсяцъ, когда она надаиваетъ отъ коровы по ведру молока въ день, чѣмъ платить по полтора рубля, когда она надаиваетъ всего по 2 кружки. Все это — такія элементарныя вещи, что ихъ не понимать могутъ только у васъ, въ Петербургѣ, гдѣ хозяева, хозяйничающіе на паркетахъ залъ собраній агрономическихъ обществъ, печалуются не о томъ, что наши хозяева до сихъ поръ еще не умѣютъ привести въ порядокъ свои хозяйства, а о томъ, что рабочія руки дороги, то есть о томъ, что крестьяне хотятъ ѣсть чистый хлѣбъ, а не пушной.

Сначала я имѣлъ нѣкоторыя затрудненія при введеніи посѣва льна; крестьяне увѣряли меня, что это дѣло не пойдетъ и что я не найду охотниковъ работать лёнъ, на чемъ въ особенности настаивалъ богачъ-воротила — въ каждой деревнѣ есть свой воротила — сосѣдней деревни, которому мое хозяйство очень не по нутру. Теперь, крестьяне, видя, что дѣло идетъ успѣшно, говорятъ: «Отчего не идти? съ деньгами все пойдетъ — деньги и камень долбятъ, да и подладился ты, Лександра!» прибавляютъ они.

«Ты», «Лександра» — я былъ на верху блаженства, когда первый разъ услыхалъ подобныя выраженія, потому что они служатъ несомнѣннымъ выраженіемъ уваженія къ данному хозяйству. Дѣйствительно, мое хозяйство уважается сосѣдними крестьянами

нестолько за лёнъ, сколько за хорошіе урожаи ржи (нынче рожь кругомъ принесла самъ-десять, а это превосходно на 4-й годъ хозяйства въ имѣніи, гдѣ урожай самъ-семь считался рѣдкимъ), за то, что хозяйство при этомъ все расширяется, что всѣ нововведенія удаются, что плуги пошли сразу и нѣтъ машинъ, безполезно лежащихъ въ сараяхъ; за то, что все дѣлается хозяйственно. Иногда это уваженіе невыгодно для меня: въ нынѣшнемъ году у насъ урожай травъ и яроваго очень плохъ; уже съ осени было видно, что корму будетъ недостаточно и придется пустить въ кормъ ржаную солому, вслѣдствіе чего не хватитъ подстилки. Я разсчитывалъ, что мнѣ удастся скупить для подстилки по деревнямъ пеньковую костру, потому что крестьяне костру для подстилки не употребляютъ, говорятъ, что она «сушитъ навозъ», и обыкновенно или выбрасываютъ на гати, въ рытвины дорогъ для поправки вымоинъ на дорогѣ—крестьяне, прежде, всегда даромъ привозили мнѣ костру за угощеніе—и самое большое, если употребляютъ для поджиганія лядъ. Когда намяли пѐньки, я послалъ Ивана скупать костру по деревнямъ; сначала ему удалось купить нѣсколько возовъ, но потомъ крестьяне придержались продавать. Я думалъ сначала, что они надѣятся взять дороже, но потомъ оказалось, что крестьяне сами стали подстилать костру въ морозы—въ Батищевѣ стелятъ, значитъ, хорошо. Конечно, крестьяне, по самымъ условіямъ своего хозяйства, не могутъ перенимать многое, что̀ могло бы имъ быть полезно; но они однако вовсе не такъ косны, какъ думаютъ многіе, и способны многое перенять, если *на дѣлѣ* увидятъ, что это хорошо или *увѣруютъ* въ кого нибудь.

Теперь разскажу, ка̀къ я «подладился», по выраженію крестьянъ, подъ лёнъ.

Пріѣхавъ въ деревню и не имѣя первое время никакого дѣла по хозяйству, такъ какъ до весны хозяйство должно было идти по старому, я старался ознакомиться съ положеніемъ своего и другихъ мѣстныхъ хозяйствъ и построилъ планъ новаго хозяйства. При этомъ, я много воспользовался примѣромъ обширнаго хозяйства одного изъ моихъ родственниковъ, хозяйство котораго—одно изъ первыхъ въ губерніи по *организаціонному плану*. Говорю: по «организаціонному плану» потому, что самое исполненіе плана въ деталяхъ ниже всякой критики: система полеводства превосходна, но ленъ, напримѣръ, иногда выдѣлываютъ такъ, что никуда негодится; превосходная рожь вымолачивается такъ, что значительное количество зерна остается въ соломѣ и разостланная на дворѣ солома, послѣ дождя, покрывается густою зеленью; правильнаго учета и контроля нѣтъ; превосходныя ло-

шади сбиты и испорчены: ни надсмотра, ни порядка. По составленному мною плану, воздѣлываніе льна должно было войдти въ систему хозяйства. Первый годъ я сдалъ обработку льна подесятинно, по 25 рублей за десятину: крестьяне сосѣдней деревни взялись обработать двѣ десятины льну по 25 рублей съ тѣмъ, чтобы я имъ выдалъ половину денегъ въ задатокъ. Работать взялась вся деревня огульно, и въ отношеніи быстроты работы дѣло шло хорошо; лёнъ требуетъ за разъ много рукъ, напримѣръ, при выборкѣ, при молотьбѣ, которую нужно окончить какъ можно скорѣе, при мятьѣ, и потому дѣло идетъ хорошо, когда работаетъ вся деревня и за разъ высылаетъ много рукъ.

Работа была исполнена; но, во все время работы, бабы ругались немилосердно—какъ умѣютъ ругаться только бабы—и все клали мужиковъ (мужей-мужчинъ—баба говоритъ у насъ «мой мужикъ», «ея мужикъ»), зачѣмъ тѣ взяли эту работу: «вотъ взяли работу, чтобъ имъ, чертямъ, пусто было», «работай теперь на нихъ, чтобъ имъ животы вьѣло», и т. д. и т. д. безостановочно, цѣлые дни. Мужики отшучивались: «не на насъ работаешь, а на свою кишку—вѣдь жрала зимой хлѣбъ». «Да, жрала, ворчитъ баба:—чтобъ тебѣ этотъ хлѣбъ поперекъ горла сталъ—сами пьянствуете, а тутъ убивайся». «Ну, ну, работай», возражаетъ мужикъ:—«знаю я тебя—тебѣ бы только сидѣть да хлѣбъ на г... перегонять, лѣнива дуже». И на работѣ, и идучи съ работы, и дома, бабы безъ умолку точили мужчинъ. Тѣ отбивались, отшучивались, однакоже, бабы пересилили—во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ задѣтъ бабій интересъ, бабы всегда осиливаютъ мужиковъ, и тотъ, кто заводитъ какое нибудь новое дѣло, чтобы имѣть успѣхъ, долженъ прежде всего обратить вниманіе, на сколько будутъ задѣты бабьи интересы въ этомъ дѣлѣ, потому что *вся сила въ бабахъ*, что̀ и понятно для каждаго, кто, зная положеніе бабы въ деревнѣ, приметъ во вниманіе, что 1) баба не платитъ податей и 2) что бабу нельзя пороть. Оно, правда, и мужика нельзя выпороть безъ суда, но, вѣдь, устроить судъ ничего не стоитъ. На слѣдующій годъ эта деревня работать у меня лёнъ не взяла.

Въ сущности, обработка льна по 25 рублей за десятину для крестьянина, пожалуй, выгоднѣе, чѣмъ обработка круга, то есть одной десятины ржи, одной десятины яроваго и одной десятины покоса, но дѣло въ томъ, что, при обработкѣ льна, приходится болѣе всего работать бабамъ; притомъ же часть работы приходится дѣлать въ то время—послѣ филиппова заговѣнья—когда бабы въ деревнѣ работаютъ уже не на хозяина, не на мужика, а *на себя*; кромѣ того, при обработкѣ льна, не всѣ рабо-

ты удобно раздѣлить, а многія приходится производить огульно. Чтобы все это пояснить разскажу, какъ производится работа.

Мужикамъ нужны были деньги на уплату повинностей, нужны онѣ были собственно бѣднякамъ, но, такъ какъ и богачи по круговой порукѣ отвѣчаютъ за бѣдняковъ, то они *зрятъ* за бѣдняками и часто берутъ работу, чтобы заставить взять и бѣдняковъ вмѣстѣ. Видятъ, что пріѣхалъ новый баринъ, которому хочется побаловаться льномъ, а баринъ—сосѣдъ, слѣдуетъ, стало быть, его ублажить, потому что друга нужно: водопой можетъ понадобиться, березовичку, кромѣ какъ у него, подсѣчь нѣгдѣ, скотина въ потравѣ тоже можетъ попасться, грибы—тоже. А Иванъ, который старается угодить барину и смекнулъ, что барину, вынь да подай, а лёнъ посѣй, уже намѣтилъ подходящую деревню и *далъ предлогъ*—разумѣется, съ *воротилой* переговорилъ, а, можетъ, и водочкой его угостилъ. Воротила, съ своей стороны, сообразивъ, что есть недоимщики, что нужна уруга, въ потравѣ попущеніе, а у него, воротилы, восемь коней, далъ предлогъ крестьянамъ. Собрались мужички, погуторили и рѣшились всей деревней взять у батищевскаго барина на обработку двѣ десятины льну, заключили условіе, получили половину денегъ въ задатокъ и тотчасъ раздѣлили деньги по-дворно: одинъ взялъ на $^1/_2$ десятины, другой—$^1/_4$ десятины, третій $^1/_8$ десятины, смотря по силѣ и надобности въ деньгахъ. На барышки выпили водочки, которую, безъ того нельзя, поставилъ я, и веселые возвратились домой. «Ишь нализались», непреминули упрекнуть бабы. «Ужо̀ какъ ленъ помнете, баринъ и вамъ поставитъ барышки», задобривали бабъ мужики. «Черти, отвѣчали бабы:—только бы водки налопаться—душу заложить чорту рады».—«Эхъ вы, бабье, дуры, а подавя̀ вы, что̀-ли, платить будете? погодите, вотъ пріѣдетъ становой не то запоете, какъ опишетъ ваши андараки».—«Та̀къ я за тебя отвѣчать и буду; ты, что̀ ли, мнѣ андаракъ справлялъ? я андаракъ свой принесла, въ дѣвкахъ выработала».—«Знаемъ, чѣмъ ты его въ дѣвкахъ выработала».—«Чѣмъ ни выработала, а андаракъ у меня свой».—«Молчи, не то полѣномъ убью».—«Такъ тебѣ и замолчала...»

Приходитъ весна, нужно ѣхать драть облогу; староста уже два раза выгонялъ. Еслибы на обработку была взята мягкая земля, подъ рожь или подъ яровое, то крестьяне, прежде всего, пришли бы дѣлить землю на полдесятинники, четвертушки, осьмушки, соотвѣтственно тому, сколько кто взялъ денегъ; дѣлёжъ этотъ продолжался бы не менѣе полу-дня, если десятины попались треугольныя, въ видѣ трапецій, или изъ кусковъ, потому что раздѣлъ земли производится съ величайшею щепетильностію,

части уравниваются чуть не до квадратныхъ вершковъ, и притомъ при помощи одного только шестика; крикъ, брань, во время этого дѣлежа страшнѣйшие: кажется, вотъ сейчасъ начнется драка, понять ничего нельзя, но окончился дѣлежъ, смолкли, и посмотрите, какъ вѣрно нарѣзаны всѣ части. Раздѣливъ землю, бросаютъ жребій кому какой участокъ—потому жребій бросаютъ, что участки хотя и равные, но земля не равна и мѣстоположеніе не одинаковое—и каждый начинаетъ пахать тотъ участокъ, который ему достался.

Такъ было бы, если бы земля была мягкая, но подъ лёнъ нужно драть облогу, то есть лугъ, хозяинъ не допуститъ, чтобы дѣлили десятину на нивки, потому что пашня выйдетъ нехорошая, будетъ много распаховъ и сваловъ—а въ условіи оговорено «подчиняться распоряженіямъ хозяина»—и требуетъ, чтобы пахали десятины сплошь огульно всею артелью. Приходится поставить на десятину 8 лошадей—4 съ отрѣзами и 4 съ сохами—и пахать вмѣстѣ одному за другимъ. Вотъ уже первая причина неудовольствій.

Крестьяне обыкновенно берутъ работы сьобща, или цѣлой деревней, или нѣсколько товарищей, согласившись вмѣстѣ. Въ послѣднее время это, однако, уже начинаетъ выводиться, и на многія работы начинаютъ наниматься отдѣльно, одиночками, обыкновенно подъ руководствомъ мѣстнаго воротилы, который тогда уже получаетъ названіе рядчика и въ нѣкоторыхъ случаяхъ получаетъ въ свою пользу изъ заработной платы до 10 процентовъ, такъ называемыхъ лапотныхъ денегъ. Взявъ работу сьобща, крестьяне производятъ ее въ раздѣлъ: каждый свою часть работаетъ отдѣльно отъ другихъ и получаетъ соотвѣтствующую часть изъ заработной платы. При крѣпостномъ правѣ, крестьяне многія работы производили огульно, такъ какъ во многихъ случаяхъ огульная работа гораздо выгоднѣе, и потому, первые годы послѣ «Положенія», крестьяне, по старой привычкѣ, еще производили нѣкоторыя работы сьобща огульно и не тяготились такими работами; но теперь на огульныя работы иначе нельзя нанять, какъ при особенныхъ условіяхъ съ отвѣтственнымъ рядчикомъ, который стоитъ къ артели почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ хозяинъ къ батракамъ, съ тою только разницею, что онъ артельщика, который залѣнился, нетолько выругаетъ, но и по уху свиснетъ или отправитъ безъ разсчета, чего хозяинъ сдѣлать не можетъ, потому что на хозяина есть судъ у мирового, а на мѣстнаго рядчика есть только *свой*, по особеннымъ понятіямъ судящій судъ. Никто изъ крестьянъ не знаетъ, что если проступокъ совершонъ на помѣщичьей землѣ, то, по жела-

нію одной изъ сторонъ, дѣло должно разбираться у мирового судьи, потому что разбору волостного суда обязательно подлежатъ только проступки, совершенные въ предѣлахъ волости, а помѣщичьи земли въ составъ волостей не входятъ, чего не знаютъ даже многіе волостные старшины и, какъ кажется, и нѣкоторые мировые судьи, потому что, не спросивъ даже *гдѣ* совершонъ проступокъ, отсылаютъ крестьянина, жалующагося на крестьянина, въ волостной судъ. Укорененію такихъ понятій много способствуетъ то обстоятельство, что лишь немногіе владѣльцы живутъ въ своихъ имѣніяхъ и сами хозяйничаютъ, бо̀льшею же частію владѣльцевъ на мѣстѣ нѣтъ, и имѣнія управляются старостами, обыкновенно изъ мѣстныхъ крестьянъ, слѣдовательно, людьми, подчиненными волостнымъ старшинамъ и потому считающими старшинъ своими начальниками, даже и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Итакъ, пахать облогу нужно всѣмъ вмѣстѣ. Сговорились начать тогда-то. Выѣзжаютъ утромъ; шестеро уже пріѣхали, а двоихъ нѣтъ — проспалъ, выпивши вчера былъ, сбруя разладилась. Пріѣхавшіе стоятъ на десятинѣ, поджидаютъ опоздавшихъ, лошадямъ сѣнца подкинули, трубочки покуриваютъ, ругаются. Но вотъ пріѣхали и остальные—кому впередъ ѣхать? споръ; наконецъ, установили очередь. Пашутъ. У одного соха разладилась—всѣ стоятъ. Наладилъ, пошли: у одного лошадь и сбруя лучше; другой самъ плохъ. Неудовольствіе.

— Кабы я отдѣльно пахалъ, то выѣхалъ бы до свѣту, а то въ деревнѣ жди, пока встанутъ, здѣсь жди, говоритъ одинъ.

— Я на своихъ лошадяхъ давно бы вспахалъ, а тутъ жди — ну его, этотъ лёнъ! говоритъ другой.

Вспахали, выскородили, засѣяли и задѣлали. Скородятъ и задѣлываютъ бабы. Разумѣется, ругаются, но это еще все ничего, потому что лѣто, съ 15-го апрѣля по 15-е ноября, баба *обязана работать на хозяина*, и ей *все равно*, гдѣ работать: на своемъ полѣ, или на панскомъ. Конечно, у барина будетъ построжѣе, нельзя отдѣлывать землю кое-какъ, какъ у себя дома, потому что староста передѣлать заставитъ, но, въ сущности-то, все равно: нужно работать отъ зари до зари что̀ здѣсь, что̀ тамъ, а баринъ-то, можетъ быть, если останется доволенъ работой, по стаканчику поднесетъ «на засѣвки».

Пришло время брать лёнъ; вызвали бабъ, пришло ихъ заразъ штукъ тридцать—выберутъ скоро. Разумѣется, тутъ уже, съобща, артелью брать не станутъ, а раздѣлятъ десятину, по числу бабъ, на тридцать участковъ, и каждая баба беретъ свой участокъ отдѣльно. Раздѣлъ производится очень просто, хотя, разумѣется,

безъ ругани не обойдется: бабы становятся въ рядъ, берутся за руки или за веревку и идутъ по десятинѣ, волоча ногу, бредутъ, чтобы оставить слѣдъ, затѣмъ каждая работаетъ на своемъ участкѣ. Если въ дворѣ нѣсколько бабъ, невѣстокъ, то-есть, если дворъ многосемейный и еще держится стариками не въ раздѣлѣ, то и у себя на нивѣ бабы одной семьи точно также дѣлятъ ниву для того, чтобы одной не пришлось сработать болѣе, чѣмъ другой, для того, чтобы работа шла спорѣй, потому что иначе сдѣлаютъ много меньше, такъ какъ каждая будетъ *бояться переработать*. Такъ какъ выборку льна можно производить въ раздѣлъ, такъ какъ работа производится въ такое время, когда баба обязана работать на хозяина, то большого неудовольствія еще нѣтъ: ругаться, конечно, ругаются, такъ какъ работа трудная и крайне непріятная, потому что лёнъ рѣжетъ руки, но, все-таки, еще ничего: все это—только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди. Затѣмъ, идетъ молотьба — тутъ опять раздѣляютъ работу: каждая баба счетомъ отбиваетъ и разстилаетъ извѣстное число сноповъ, а пукаютъ и вѣютъ мужчины огульно и уже, пробранные бабами, работаютъ мòлча. Но вотъ наступило мятье; тутъ уже бабы окончательно выходятъ изъ себя, потому что работа производится въ такое время, когда баба работаетъ въ деревнѣ *на себя*. Лёнъ мяли артелью, и перекорамъ конца не было, потому что каждая баба старалась сработать какъ можно менѣе. Тридцать бабъ, работая каждая на себя, въ извѣстное время, намнутъ, напримѣръ, 30 пудовъ льну; но тѣ же 30 бабъ, въ то же время, работая артелью и, притомъ, если обработка производится отъ десятины, намнутъ не болѣе 15-ти пудовъ. Мало того: если бабы работаютъ на себя и мнутъ ленъ сдѣльно за извѣстную плату отъ пуда, то десятина дастъ, напримѣръ, 35 пудовъ льну; если же работаютъ подесятинно, то та же десятина дастъ не болѣе 25-ти или 30 пудовъ, а 5—10 пудовъ льну останется въ кострѣ, пропадетъ безполезно, и хозяинъ получитъ отъ 10-ти до 20-ти рублей убытку, потому что бабѣ тогда все равно, сколько получится льна, и она даже будетъ стараться побольше спустить льну въ костру, чтобы меньше было работы и чтобы легче было нести вязку льна въ амбаръ.

Итакъ, при такомъ способѣ обработки льна, два обстоятельства: 1) то, что работа производится съобща, огульно, а не въ раздѣлъ каждымъ въ особнякъ, и 2) что работа производится въ такое время, когда баба, по обычаю, дома работаетъ на себя, а здѣсь ей приходится работать на своего двороваго хозяина, могутъ быть причиною недостатка рабочихъ рукъ. Но стòитъ

только измѣнить порядокъ работъ, и руки тотчасъ найдутся, особенно если увеличить зарабочую плату, что хозяинъ можетъ сдѣлать безъ ущерба своему карману. А именно, если къ прежней цѣнѣ за обработку десятины 25 рублей прибавить отъ 10-ти до 20-ти рублей, то-есть, столько, сколько хозяинъ получитъ за лишнее противъ прежняго количества льна, которое получится отъ болѣе тщательнаго мятья, то это уже сильно увеличитъ зарабочую плату.

Еслибы хозяева лучше разсчитывали, еслибы они сами занимались хозяйствомъ, еслибы они знали порядки, обычаи, недостатки и хорошія стороны народа, еслибы они вникали въ его положеніе, смотрѣли на него безъ предубѣжденія, то, нѣтъ сомнѣнія, жалобы на дороговизну и на недостатокъ рабочихъ рукъ замѣтно уменьшились бы. Вѣдь, не замѣчательно ли, что у насъ, по крайней мѣрѣ, тѣ-то именно хозяева, которые ведутъ самолично хозяйство въ обширныхъ размѣрахъ, менѣе всего жалуются на недостатокъ и дороговизну рабочихъ рукъ.

Если я ратую противъ лицъ, жалующихся на дороговизну рабочихъ рукъ, на множество праздниковъ у крестьянъ, на неудовлетворительность нашихъ рабочихъ—лицъ, желающихъ разныхъ мѣропріятій по отношенію къ рабочимъ, разныхъ рабочихъ книжекъ, которыя служили бы формулярами для рабочихъ подобно тому, какъ есть формуляры у служащихъ, то это вовсе не изъ филантропическихъ побужденій, какъ намекаютъ въ своихъ статьяхъ нѣкоторые изъ моихъ противниковъ, а потому, что считаю всѣ эти жалобы несправедливыми; увѣренъ, что все это нытьё только вредитъ развитію хозяйства и указываетъ на крайнюю несостоятельность нашихъ хозяевъ, что оно, притомъ, совершенно безполезно.

Плачутъ и ноютъ, плачутъ и ноютъ... помилуйте, вѣдь, менѣе производительную работу найти трудно!

А главное дѣло—не то, что лгутъ, а просто не знаютъ дѣла и все преувеличиваютъ.

Ну, вотъ хотя бы насчетъ праздниковъ. Мало ли слышно жалобъ на то, что у крестьянъ слишкомъ много праздниковъ и, притомъ, въ самое рабочее время; вопросъ этотъ даже предложенъ, сколько мнѣ помнится, для обсужденія какимъ-то агрономическимъ обществомъ. Ну, дѣло ли это агрономическихъ обществъ? да и какая можетъ быть польза для хозяйства отъ обсужденія подобныхъ вопросовъ? развѣ отъ этого число праздниковъ уменьшится? Крестьяне, напримѣръ, не работаютъ—опять-таки не всѣ — на Бориса (24-го іюля), потому что Борисъ сердитъ, какъ они говорятъ, и непремѣнно накажетъ, если ему не

праздновать: или баба, жавши рожь на Бориса, руку порѣжетъ, или подымется буря и унесетъ нагребенныя копны (это вѣрно, что около Бориса обыкновенно бываютъ бури) и т. п. Но воры и барышники, напримѣръ, всегда работаютъ на Бориса, потому что на Бориса заворовываютъ и обманываютъ, чтобы счастливо воровать и барышничать лошадьми цѣлый годъ. На Касьяна же крестьяне работаютъ, хотя онъ тоже сердитъ, работаютъ потому, что Касьянъ немилостивъ—не стóитъ ему, значитъ, праздновать; отчего ему, Касьяну, и бываетъ праздникъ только въ четыре года разъ.

Главное дѣло, что все преувеличиваютъ. Говорятъ, напримѣръ, у крестьянъ много праздниковъ, а между тѣмъ, это—неправда: у *крестьянъ праздниковъ меньше, чѣмъ у чиновниковъ.* Крестьяне празднуютъ, какъ и чиновники, всѣ годовые праздники съ тою только разницею, что на Свѣтлое Воскресенье празднуютъ всего три дня, а во многіе другіе праздники не работаютъ только до обѣда, то-есть, до 12 часовъ. Напримѣръ, у меня всегда берутъ лёнъ на Успенье, и часто случалось, что въ этотъ день приходило до 60-ти бабъ. Кромѣ того, по воскресеньямъ, въ покосъ, даже въ жнитво, крестьяне обыкновенно работаютъ послѣ обѣда: гребутъ, возятъ и убираютъ сѣно, возятъ снопы, даже жнутъ. Только не пашутъ, не косятъ, не молотятъ по воскресеньямъ—нужно же и отдохнуть, проработавъ шесть дней въ недѣлю. Правда, у крестьянъ есть нѣкоторые особенные праздники: напримѣръ, они празднуютъ лѣтней Казанской, Ильѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Фролу и нѣкоторымъ другимъ святымъ, но зато крестьяне не празднуютъ оффиціяльныхъ дней. Сколько я понимаю, праздновать такіе дни *несовмѣстимо съ понятіями крестьянъ*, потому что нѐ кому праздновать: крестьяне празднуютъ какому-нибудь святому. Праздновать день своего рожденія также вовсе не въ обычаѣ у крестьянъ; именины еще крестьяне, особенно побывавшіе въ городахъ и при господахъ, празднуютъ, но и то тогда только, когда носятъ имя извѣстнаго святого, напримѣръ, Ивана, Ильи, Кузьмы, Михаила, но если имя мало извѣстное, то крестьянинъ большею частію и не знаетъ, что онъ—именинникъ.

Если все сосчитать, то окажется, что у крестьянъ, у батраковъ въ господскихъ домахъ, праздниковъ вовсе не такъ много, а у такъ-называемыхъ должностныхъ лицъ — старостъ, гуменьщиковъ, скотниковъ, конюховъ, подойщицъ и проч. — и вовсе нѣтъ, потому что всѣмъ этимъ лицамъ и въ церковь даже сходить нѐкогда. Но чтобъ сосчитать — пожалуйте сюда, господа, въ ваши занесенныя снѣжными сугробами дома...

Я говорилъ, что баба лѣтомъ обязана работать на дворъ, на хозяина — будетъ ли баба ему жена, сестра, невѣстка,—какъ батрачка. Къ этой работѣ бабы бо̀льшею частію, особенно въ многосемейныхъ домахъ, относятся, какъ батрачки: «хо̀зяйской работы-де не передѣлаешь». Зиму баба работаетъ на себя, и главное ея занятіе—прясть волну и лёнъ и ткать; сверхъ того, все, что̀ баба зимою заработаетъ на сторонѣ, поступаетъ въ ея собственность. Мужчина ничего не даетъ бабѣ на покупку одежды, баба одѣвается на свой счетъ; мало того, баба должна одѣвать своего мужа и дѣтей. Волна отъ овецъ поступаетъ въ распоряженіе бабъ и дѣлится между ними [1]; точно такъ же дѣлится между бабами и лёнъ. Вотъ что̀ получаетъ баба на свою часть изъ двора, да и то только до тѣхъ поръ, пока живъ ея мужъ; если же мужъ умеръ и у бабы не осталось дѣтей мужского пола, то она никакой, даже бабьей части, не получаетъ, и къ имуществу мужа—не наслѣдница. Волна и лёнъ достаются бабѣ въ сыромъ, неотдѣланномъ видѣ; баба должна расчесать волну, вытрепать и вычесать лёнъ, спрясть и выткать полотно, сукно, матерію для юбокъ. Баба должна одѣть мужика, то-есть, приготовить ему рубашки и портки; должна одѣть себя и дѣтей, а все, что̀ у нея останется—деньги, вырученныя отъ продажи сческа, лишнія полотна, на̀метки и проч.—составляетъ ея неотъемлемую собственность, на которую ни мужъ, ни хозяинъ, никто не имѣетъ пра̀ва. Точно такую же собственность бабы составляетъ все то, что̀ она принесла съ собою, выходя замужъ, что̀ собрала во время свадьбы, всѣ тѣ копейки, которыя заработала, собирая ягоды и грибы лѣтомъ и проч. Баба всегда падка и жадна на деньги; она всегда дорожитъ деньгами, всегда стремится ихъ заработать. Между мужиками еще встрѣчаются такіе, которые работаютъ только тогда, когда нѣтъ хлѣба, а есть хлѣбъ, проводятъ время въ праздности, слоняясь изъ угла въ уголъ; между бабами — никогда. Баба подвижна, охотно идетъ на работу, если видитъ себѣ въ томъ пользу, потому что у бабы нѣтъ конца желаніямъ, и, ка̀къ бы ни былъ богатъ дворъ, ка̀къ бы ни была богата баба, она не откажется отъ нѣсколькихъ копеекъ, которыя достаются на ея долю, когда дарятъ на свадьбѣ игрицамъ, величающимъ молодыхъ и гостей. Баба всегда копитъ; уже маленькой дѣвочкой она бѣгаетъ за ягодами и

---

[1] Долю волны и льну дѣвочка начинаетъ получать только съ того времени, когда она становится полезною въ хозяйствѣ, напримѣръ, можетъ собирать траву свиньямъ. Долю на мальчика баба получаетъ тоже только тогда, когда онъ можетъ что̀-нибудь работать.

*

грибами, если есть кому продать ихъ, и копитъ вырученныя деньги на наряды—на платки, крали. Выростая, она копитъ на приданое и деньги, и полотна, и нàметки, и вышиванья. Выйдя замужъ, баба копитъ на одежду себѣ, дѣтямъ, мужу. Замѣчательно, что баба считаетъ себя обязанною одѣвать мужа и мыть ему бѣлье *только до тѣхъ поръ, пока онъ съ нею живетъ*; разъ мужъ измѣнилъ ей, сошелся съ другою, первое, что̀ баба дѣлаетъ—это отказывается одѣвать его: «живешь съ ней, пусть она тебя и одѣваетъ, а я себѣ найду» [1]. Угроза эта обыкновенно дѣйствуетъ очень сильно. Подъ старость баба копитъ себѣ на случай смерти: на гробъ, на покровъ, на граминъ души.

Въ дворѣ нѣтъ денегъ для уплаты повинностей, нѣтъ хлѣба, а у бабы есть и деньги, и холсты, и наряды, но все это—ея собственность, до которой хозяинъ не смѣетъ дотронуться. Хозяинъ долженъ достать и деньги, и хлѣбъ откуда хочетъ, а бабьяго добра не смѣй трогать; бабій сундукъ, это — ея неприкосновенная собственность, подобно тому, какъ и у насъ имѣніе жены есть ея собственность, и, если хозяинъ, даже мужъ, возьметъ что̀-нибудь изъ сундука, то это уже будетъ воровство, за которое накажетъ и судъ. Еще мужъ, когда крайность, можетъ взять у жены, особенно если они живутъ своимъ дворомъ отдѣльно, но хозяинъ не мужъ—никогда; это произведетъ бунтъ на всю деревню, и всѣ бабы подымутся, потому что никто такъ ревниво не охраняетъ своихъ правъ, какъ бабы. По̀ смерти мужа, его имущество наслѣдуютъ сыновья; по смерти бабы,—по преимуществу дочери, говорю по преимуществу, потому что все это усложняется въ разныхъ частныхъ случаяхъ. Напримѣръ, если умираетъ старуха, всѣ сыновья и дочери которой уже женаты и выданы замужъ, то имущество старухи поступаетъ младшей дочери; если, умирая, баба оставляетъ сына и дочь несовер-

---

[1] Отношенія между мужчинами и женщинами у крестьянъ доведены до величайшей простоты. Весною, когда соберутся батраки и батрачки, уже черезъ двѣ недѣли, всѣ отношенія установились, и всѣмъ извѣстно, кто кѣмъ занятъ. Обыкновенно, разъ установившіяся весною отношенія, прочно сохраняются до осени, когда всѣ расходятся въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы никогда, можетъ быть, не встрѣтиться. Женщина, при этомъ, пользуется полнѣйшей свободой, но должна *прежде бросить* того, съ кѣмъ занята, и тогда уже она свободна тутъ же заняться съ кѣмъ хочетъ. Ревности никакой. Но пока женщина занята съ кѣмъ-нибудь, она неприкосновенна для другихъ мужчинъ, и всякая попытка въ этомъ отношеніи какого-нибудь мужчины будетъ наказана — товарищи его (никогда не ея) побьютъ. На занятую женщину, поэтому, мужчины вовсе и не смотрятъ, пока она не разошлась съ тѣмъ, съ кѣмъ была занята и не стала свободна.

шеннолѣтнихъ, то наряды, полòтна и проч. поступаютъ дочери, а деньги сыну и проч. и проч.

Такъ какъ трудъ бабы лѣтомъ принадлежитъ хозяину, то, если хозяинъ на лѣто заставитъ бабу въ батрачки, все слѣдующее ей жалованье поступаетъ хозяину; но, если баба заставится въ батрачки на зиму, то жалованье поступаетъ въ ея пользу, и хозяинъ имѣетъ въ барышахъ только то, что баба не ѣстъ дома; однако, волну, лёнъ, слѣдующіе на ея часть, баба получаетъ, во всякомъ случаѣ, потому, что это есть плата за ея лѣтній трудъ. Поэтому, наёмъ батрачекъ представляетъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ наёмъ батраковъ. Въ батрачки нанимаются преимущественно бездомныя бобылки, вдовы, бездѣтныя солдатки, вѣковухи, бабы, неживущія съ мужьями, и т. п. Дворовыя бабы нанимаются рѣдко, только за высокую плату — харчи такая баба ни во чтò не считаетъ, потому что хозяинъ въ дворѣ, все равно, обязанъ ее кормить—и, притомъ, только тогда, когда увѣрены, что зимнюю плату получатъ на руки и имѣютъ запасъ холстовъ для того, чтобы одѣвать мужа. Впрочемъ, успѣхъ найма батрачекъ будетъ зависѣть отъ того, сколько и какіе наймутся батраки; на всѣхъ свободныхъ должностныхъ лицъ и батраковъ найдутся батрачки или постоянныя поденщицы—въ одиночку никто жить не будетъ и, такъ или сякъ, а найдетъ себѣ бабу.

До какой степени отъ всѣхъ этихъ отношеній зависятъ всѣ хозяйственныя дѣлà, приведу еще примѣръ. Часть земли я сдаю на обработку крестьянамъ кругами, потому что иначе мнѣ трудно было бы справиться съ жнитвомъ ржи. До сихъ поръ крестьяне брали обработку круговъ съ молотьбой, но давно уже я видѣлъ, что молотьба ихъ тяготитъ и что они гораздо охотнѣе взялись бы обработывать круги безъ молотьбы; хотя крестьяне разными причинами объясняли свою неохоту брать круги съ молотьбой, но для меня было ясно, что главная причина тутъ заключается въ томъ, во-первыхъ, что молотьба производится огульно, а во-вторыхъ—въ томъ, что молотьба идетъ зимой, въ то время, когда бабы работаютъ на себя. Бабы давно уже точили мужиковъ и, наконецъ, добились-таки своего: въ нынѣшнемъ году, крестьяне взяли у меня круги безъ молотьбы. Чтò же вышло? И я, и крестьяне остались въ барышахъ, хотя я заплатилъ за молотьбу гораздо дороже, чѣмъ она оплачивалась въ кругахъ.

Прежде, для молотьбы приходило 16 человѣкъ—8 мужчинъ и 8 бабъ—насаживали среднимъ числомъ не болѣе 9-ти сотенъ и молотили это количество цѣлый день. Молотьба тянулась обык-

новенно почти до масляной. Молотили плохо, и ничего противъ этого нельзя было сдѣлать.

Часть хлѣба въ нынѣшнемъ году я перемолотилъ своими работниками, именно—овесъ; а бо̀льшую часть—рожь, отдалъ молотить сдѣльно, по 50 коп. отъ куля, съ тѣмъ, чтобы при молотьбѣ отрѣза̀ть всю выготь на кормъ скоту. Молотьбу снялъ рядчикъ, который подобралъ къ себѣ 7 человѣкъ, такъ что составилась артель изъ 8 молодцовъ, подъ командой ловкаго, сильнаго и умнаго малаго, который лѣниться никому не давалъ и во всей работѣ самъ шелъ впереди. Насаживали среднимъ числомъ по 11 сотенъ, и 8 человѣкъ успѣвали ихъ вымолотить за свѣтло. Молотили превосходно, въ соломѣ не могло остаться ни одного зерна, потому что всю выготь съ колосьями отрѣзали, отрѣзанную на кормъ выготь выбивали до чиста, молотьбитамъ былъ разсчетъ молотить чисто, потому что плату за работу получали отъ куля и, притомъ, только по окончаніи всей молотьбы; мякины получилось вдвое болѣе, чѣмъ прежде. Молотьбу окончили къ Рождеству.

Заработокъ крестьянъ былъ хорошій. Каждому молотьбиту въ очистку, за исключеніемъ харчей, досталось по 6 р. 50 коп. въ мѣсяцъ, что̀ нужно считать хорошимъ заработкомъ для такихъ глухихъ мѣсяцовъ, какъ ноябрь и декабрь.

Я тоже былъ въ барышахъ, и если все сосчитать, то молотьба, сравнительно съ круговою, обошлась мнѣ, можно сказать, даромъ. Молотьба кончилась раньше: слѣдовательно—вышло сбереженіе на содержаніе гуменщика; дровъ сожгли меньше; молотили чище, и это, по моимъ соображеніямъ, увеличило умолотъ на одинъ куль съ десятины, что̀ уже окупаетъ молотьбу. Наконецъ, при круговой молотьбѣ, крестьяне не согласились бы отрѣзать выготь, такъ какъ это не въ условіи, а еслибы, за извѣстную приплату, и согласились, то производили бы это дурно и я не имѣлъ бы столько, сколько теперь, колосовины, которая, при нынѣшнемъ недостаткѣ корма, составляетъ большое подспорье къ главному корму, тѣмъ болѣе, что я даю скоту много жмакъ [1].

Спросятъ теперь: почему же крестьяне, работая круги при артельной молотьбѣ, тратятъ, очевидно, себѣ въ убытокъ, вдвое болѣе времени, чѣмъ при такой же артельной молотьбѣ, на

---

[1] Чтобы указать, ка̀къ въ нашихъ хозяйствахъ все не установилось, достаточно будетъ сообщить наши цѣны на кормъ въ нынѣшнемъ году. Сѣно 40 коп. за пудъ, ржаная солома 10 коп. за пудъ, да и за эти цѣны достать сѣна и соломы трудно; овесъ 60 коп. за пудъ, рожь 75 коп. за пудъ, *конопляная жмака 24 коп. за пудъ.*

отрядъ? А потому, что здѣсь 1) есть рядчикъ-хозяинъ и 2) артельщики подобрались равносильные; тамъ же *нѣтъ хозяина*-распорядителя; мой староста только надсмотрщикъ въ томъ и другомъ случаѣ, и артельщики *всякіе*; поэтому, всѣ работаютъ, какъ самый слабосильный, чтобы *не передѣлать* одинъ болѣе другого, всѣ считаются въ работѣ: сильному, напримѣръ, ничего не значитъ снести мѣшокъ въ закромъ, слабый же бьется, бьется, пока подыметъ, пока снесетъ; сдѣлавъ свое дѣло, сильный все это время стоитъ, ждетъ, пока слабый не снесетъ, и только тогда берется за другой мѣшокъ. И такъ во всемъ...

Крестьянская община, крестьянская артель,—это не пчелиный улей, въ которомъ каждая пчела, *не считаясь съ другою*, трудолюбиво работаетъ по мѣрѣ своихъ силъ на пользу общую. Э! еслибы крестьяне изъ своей общины сдѣлали пчелиный улей—развѣ они тогда ходили бы въ лаптяхъ?

Но возвращаюсь къ моему льну. На слѣдующій годъ, лёнъ деревней обработывать не взяли, но, все-таки, разобрали лёнъ на обработку подесятинно, въ одиночку, разумѣется, самые бѣдняки, чтобы получить задатки впередъ и пропитать душу. Работали плохо; хорошо еще, что облоги были у меня подняты съ осени, такъ что снявшіе десятины получили готовую поднятую землю; за это они должны были отпахать потомъ осенью, и имъ весною пришлось только выскородить и засѣять; еслибы имъ пришлось и облоги подымать весною, то они не въ состояніи были бы выполнить работу на своихъ изморенныхъ безкормицею лошаденкахъ. Однако, весною выскородили и засѣяли исправно; конечно, бабы ругались на мужей, но неслишкомъ, потому что работали все одиночки: слѣдовательно—жены знали положеніе мужей, знали, что зимою не было хлѣба и, не взявъ этой работы, достать его было не откуда, а мужья брали работу съ вѣдома бабъ и съ ихъ согласія. Нѣчего уже было тутъ много ругаться, когда бабы знали, что работали, по мужицкому выраженію, на свою кишку.

Лёнъ уродился превосходнѣйшій, какого у меня ни до, ни послѣ того не бывало. Когда пришлось брать лёнъ, то обязавшіеся работой оказались совершенно несостоятельными: брать пришлось по полдесятины на дворъ, состоящій изъ мужа и жены, потому что—скоро ли же одна баба выберетъ ½ десятины льну, а лёнъ ждать не можетъ? Однако, все-таки, выработались; выбрали лёнъ толоками, то есть, снявшій работу созывалъ родныхъ и знакомыхъ «на толо̀ку», «на по̀мочи», и собравшіеся толочане быстро исполняли работу.

Но и «на толо̀ку», «на по̀мочи» никто даромъ не пойдетъ къ

какому-нибудь бѣдняку; другое дѣло—къ барину, отъ котораго мужикъ зависитъ и насчетъ лѣску, и насчетъ покосца, выгонца, грибковъ, потравы, или къ богатому мужику, которому, нѣтъ-нѣтъ, а придется весной поклониться, чтобы вызволилъ хлѣбушкомъ: вѣдь, иной разъ не то, что пудъ муки, а и коврига хлѣба дорога̀. На «толо̀ку» къ бѣдному безъ отработки пойдутъ только очень близкіе родственники; посторонніе же пойдутъ только съ тѣмъ, чтобы или его жена, или онъ самъ, съ своей стороны, отработали на толо̀кахъ у тѣхъ, которые были у него. Сверхъ того, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ накормить толочанъ и угостить водкой. Молотьбу льна производили толо̀ками; но на мятье пришлось на счетъ подрядившихся нанять мять отъ пуда, потому что на мятье бѣдняки никого зазвать на толо̀ку не могли; подошло то время, когда бабы работаютъ на себя и когда хозяинъ не можетъ ихъ выслать на толо̀ку къ сосѣду; нанять сами тоже они не могли, потому что бабы имъ не вѣрили, боялись, что не разочтутъ, и пошли только тогда, когда я объявилъ, что самъ буду разсчитывать. Если счесть все, что̀ потратитъ такой снявшій работу бѣднякъ на харчи и вино при толо̀кахъ, на наемъ мятницъ, то ему, собственно за его работу, придется очень мало. Вся его выгода—въ томъ, что онъ беретъ работу зимой и получаетъ задатокъ въ такое время, когда ему крайне нужны деньги на хлѣбъ и подати и когда онъ денегъ, ни за какіе проценты, иначе какъ подъ работу, достать не можетъ, а расходуетъ на толо̀ки въ такое время, когда у него уже есть свой хлѣбъ. Взять такимъ образомъ работу у крестьянъ называется «сдѣлать оборотку»; очень часто снявшій работу лѣтомъ передаетъ ее другому и платитъ дороже, чѣмъ получилъ самъ. Напримѣръ: зимою одиночка берется сжать десятину ржи за четыре рубля, съ выдачею ему всѣхъ денегъ впередъ, а лѣтомъ, когда приходитъ время жать, онъ самъ нанимаетъ сжать эту десятину за 4 р. 50 к., напримѣръ, и платитъ хлѣбомъ или продаетъ хлѣбъ для уплаты деньгами. Это есть, собственно говоря, особый видъ займа денегъ, причемъ, въ процентъ идетъ или та работа, которую мужикъ сдѣлалъ самъ, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ обязывался на лёнъ, или та приплата, которую онъ сдѣлалъ. Въ большинствѣ случаевъ, для мужика это есть единственный способъ достать зимою денегъ, и способъ самый выгодный, потому что зимой въ долгъ подъ росписку ему рѣдко кто дастъ, а если и дастъ, то возьметъ не менѣе 10 процентовъ въ мѣсяцъ, что̀ на четыре рубля составитъ 2 р. 40 копеекъ за шесть мѣсяцевъ—ну, положимъ, 2 рубля возьметъ проценту, а взявъ жнитво за 4 рубля и лѣтомъ, сдавъ его за 4 р. 50 к.,

много за 5 рублей, онъ, слѣдовательно, заплатитъ отъ 50 коп. до 1 рубля проценту. Главное же дѣло—въ томъ, что подъ работу всякій охотнѣе дастъ, потому что работу—если обязавшійся не умретъ, не заболѣетъ—мужикъ, такъ или иначе, всегда выполнитъ, къ чему его можно заставить, даже не прибѣгая къ суду; между тѣмъ какъ взыскать по роспискѣ деньги и по суду очень трудно или даже, бо̀льшею частью, невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что есть росписка, положимъ, что мужикъ не отказывается отъ долга, положимъ, что мировой судья присудилъ взыскать и выдалъ исполнительный листъ—что̀-же дальше? Взыскать по исполнительному листу трудно, потому что продать имущество крестьянина нельзя, когда есть недоимки, а если ихъ и нѣтъ, то нельзя продать безъ разрѣшенія его начальства, которое должно указать, что̀ именно можно продать, не раззоряя крестьянина и не лишая его возможности вести свое хозяйство. Работу же, на которую крестьянинъ обязался, начальство заставитъ его выполнить, хотя бы у него самого свой хлѣбъ оставался несжатымъ.

Правда, что крестьянинъ почти никогда не отказывается отъ долга, если онъ дѣйствительно считаетъ себя должнымъ; если онъ не платитъ долгъ, то только потому, что ему нѐчѣмъ уплатить, и всегда проситъ разсрочки, берется выплатить долгъ работой и т. п. Поэтому, никто долговыхъ дѣлъ до суда и не доводитъ.

Я того мнѣнія, что, еслибы были устроены ссудныя кассы, которыя давали бы деньги въ займы за небольшой процентъ, то такія кассы въ нашей мѣстности, по крайней мѣрѣ, не могли бы вести дѣла̀ иначе, какъ взыскивая проценты и долгъ работой. Бѣднякамъ отъ такихъ кассъ было бы очень мало пользы, тѣмъ болѣе, что, считая кассы казенными и разсчитывая на то, что авось Царь проститъ долгъ, безъ понужденій никто бы долговъ въ срокъ не платилъ; такъ что, въ концѣ концовъ, ссудами изъ кассъ стали бы только пользоваться богачи, которые взятыя изъ кассъ въ ссуду деньги распускали бы бѣднякамъ въ долгъ подъ работы за огромный процентъ.

Все это—только мои предположенія: кассъ у насъ нѣтъ, и я ихъ въ дѣйствіи не видалъ; но, можетъ быть, и эти предположенія окажутся столь же вѣрными, какъ мои предположенія о несостоятельности артельныхъ сыроварень, о которыхъ теперь что̀-то ничего не слышно.

Нужно смотрѣть въ корень, а мы—въ томъ то и худо—смотримъ на цвѣты и восхищаемся внѣшностью. И что̀ ни копнешь—вездѣ одно и то же.

Въ Петербургѣ, сколько разъ мнѣ случалось встрѣчать, на-

примѣръ, молодыхъ докторовъ, которые, прослуживъ нѣсколько времени гдѣ-нибудь въ земствѣ, возвращались вспять, потому что находили свою медицинскую дѣятельность среди народа безполезною. «Какую медицинскую помощь можно оказать народу, когда ему нѣчего ѣсть?» и т. п., говорили они.

Тогда я вѣрилъ этому; но теперь, проживъ пять лѣтъ въ деревнѣ, я вижу, какимъ бы благодѣтелемъ для крестьянъ могъ быть гуманный, трудолюбивый докторъ; еслибы какой-нибудь молодой докторъ, умѣющій самъ приготовлять лекарство и дѣлать операціи, простой, гуманный, въ родѣ тѣхъ типовъ, какіе намъ изобразили гуманные романисты сороковыхъ годовъ, поселился у меня въ Батищевѣ, то я завѣряю, что у него не хватило бы 24 часовъ въ день времени для оказанія пособія всѣмъ страждущимъ, которые будутъ къ нему обращаться. Не говоря уже о непосредственной медицинской помощи, (одного можно спасти, отпиливъ ему вд-время ногу; другую можно спасти, давъ вд-время слабительное; тамъ можно спасти цѣлое поколѣніе, замѣтивъ во-время, что избу для уничтоженія таракановъ *прокурили мышьякомъ* [1])—какое огромное благодѣяніе страждущимъ могъ бы оказать гуманный докторъ, заслужившій довѣріе своими нравственными утѣшеніями! Какое громадное образовательное вліяніе имѣлъ бы такой человѣкъ!

Конечно, нужно быть для этого, прежде всего, человѣкомъ дѣла. Мнѣ какъ-то разъ случилось, на одномъ земскомъ собраніи, слышать отчетъ земскаго доктора, въ которомъ онъ очень краснорѣчиво указывалъ на недостатки мѣстной больницы, причемъ, между прочимъ, сообщилъ, что въ больницѣ очень много клоповъ, которые страшно безпокоятъ больныхъ, и это особенно вредно для нервныхъ больныхъ. Господи ты Боже мой! Клопы ѣдятъ больныхъ, а докторъ, вмѣсто того, чтобы взять чайникъ съ кипяткомъ и выварить кровати, да помазать щели скипидаромъ съ постнымъ масломъ, оставляетъ клоповъ ѣсть больныхъ и потомъ краснорѣчиво разсказываетъ объ этомъ въ земскомъ собраніи!

---

[1] Запрещается употреблять для окрашиванія обоевъ краски, содержащія мышьякъ, потому что пыль отъ такихъ обоевъ вредно дѣйствуетъ на здоровье. Представьте же себѣ, если избу прокурятъ мышьякомъ или смажутъ въ ней всѣ щели болтушкой изъ муки съ мышьякомъ; таракановъ въ этой избѣ *никогда не будетъ*—бойтесь избъ, гдѣ нѣтъ таракановъ! Но каково это будетъ дѣйствовать на людей, въ ней живущихъ! Исконные обитатели избы еще могутъ привыкнуть къ мышьячной пыли, но свѣжій человѣкъ, поступающій въ семью, напримѣръ, невѣстка — умираетъ. Случается, что мрутъ невѣстки во дворѣ да и только! А можетъ быть, оттого и мрутъ, что изба была когда-нибудь прокурена мышьякомъ.

Поменьше словъ, господа, и побольше дѣла, да главное въ корень смотрите, въ корень! Да не лгите, не обманывайте сами себя.

Понятно, что сдавать лёнъ на обработку подесятинно возможно только въ томъ случаѣ, когда крестьяне зимою очень нуждаются. Чуть годъ получше, хлѣбушка довольно, кормецу хватитъ, есть подходящія зимнія работы—никто обработку льна не возьметъ.

На третій годъ взять обработку льна подесятинно охотниковъ изъ ближайшихъ деревень не нашлось; еслибы поискать подальше, въ бѣдныхъ деревняхъ, то, пожалуй, еще нашелся бы кто-нибудь, но сдавать такую работу отдаленнымъ деревнямъ—невозможно. Возвысить плату съ десятины было невыгодно, потому что и при возвышенной платѣ остались бы всѣ тѣ же неудобства. Нужно было измѣнить систему. Между тѣмъ, я уже оперился, завелъ своихъ лошадей, сбрую, телеги, сохи, бороны и могъ уже вести батрачное хозяйство. Я началъ работать лёнъ частью своими батраками, частью сдѣльно, нанимая на опредѣленныя работы. Подъемъ облогъ я на первый разъ сдалъ подесятинно по 5 рублей за десятину, на что̀ осенью охотно брались тѣ крестьяне, у которыхъ старыя лошади, ненадежныя для зимовки; крестьянину было выгодно на такой лошади, еще сытой съ лѣта, поднять двѣ десятины, пока лошадь на подножномъ корму, заработать десять рублей, и, запахавъ лошадь, продать ее на живодерню, гдѣ и выбитая, и сытая лошадь идетъ въ одной цѣнѣ. Весною, я скородилъ и сѣялъ лёнъ своими батраками, на своихъ лошадяхъ. Когда пришлось брать лёнъ, то я нанималъ бабъ брать лёнъ отъ копы по 25 коп. За эту цѣну являлись брать лёнъ охотно, потому что при этомъ ловкая баба можетъ заработать до 70 коп., а среднимъ числомъ зарабатываютъ по 50 коп. въ день; въ особенности много собиралось бабъ по воскресеньямъ и праздникамъ, потому что заработанныя въ праздникъ деньги баба получаетъ себѣ. Молотьбу льна и разстилку я производилъ своими работниками, принанимая поденщиковъ, а по праздникамъ, когда свои работники до обѣда, по заведенному порядку, не работаютъ, находились охотники молотить сдѣльно съ платой отъ копы. Мяли лёнъ въ ноябрѣ, съ платой по 30 копеекъ отъ пуда, и такъ какъ, въ это время, бабы работаютъ на себя, то недостатка въ мятницахъ не было. Обработка десятины льна мнѣ обошлась въ 35 рублей; слѣдовательно, на 10 рублей дороже, чѣмъ при сдачѣ подесятинно за 25 рублей; но за то льну получилось болѣе, отъ 5 до 10 пудовъ, то есть на 10, на 20 рублей. Мнѣ было выгодно и бабамъ бы-

ло выгодно. Всѣ были довольны, работали отлично: не было ни ругани, ни попрёковъ; расплата производилась тотчасъ же мелкимъ серебромъ. Заработокъ отъ 30 до 50 копеекъ для бабы въ нашихъ мѣстахъ—небывалый; бабы справили себѣ китайки, дѣвки—кумачные сарафаны, на никольщину даже дѣвочки всѣ были въ новыхъ яркихъ платкахъ, потому что и дѣвочки приходили брать лёнъ и мять, ну, хоть, 4 фунта намнетъ въ день: все-таки—3 копейки, а за двѣ недѣли и накопитъ на платокъ.

Слѣдующій годъ, мѣстный торговецъ краснымъ товаромъ, крестьянинъ сосѣдней деревни, еще передъ Покровомъ заѣхалъ ко мнѣ.

— Вашей милости серебреца мелкаго привезъ на полсотни.

— Отлично; а мнѣ—кстати: лёнъ скоро буду мять, бабъ нужно будетъ разсчитывать, бабы мелкое серебро любятъ.

— Правда, любятъ: мелочь легче отъ мужиковъ прятать, да и вашей милости будетъ пріятнѣе—ручки не замараете; мѣдь вѣдь марка.

— На полсотни?

— На полсотни. Я вашъ лёнъ видѣлъ. Полсотни еще мало будетъ; ну, да я къ концу еще подвезу. Я ныньче нарочно пораньше деревни объѣхалъ—пусть бабы о Покровѣ на ярмаркѣ покрасуются—полкороба товару въ долгъ распустилъ; всѣ берутъ: отдадимъ, говорятъ, какъ лёнъ будемъ мять. Простыхъ платковъ не берутъ—все парижскихъ требуютъ. Большое движеніе торговлѣ изволили льномъ дать. Вѣдь, это—не шутка: полсотни денегъ за одно мятье бабы возьмутъ; гдѣ имъ было это прежде заработать?

И такъ, все устроилось обоюдно выгодно.

Казалось, что, стóило бы только увеличить плату съ 25 рублей до 35 рублей, чтобы сдавать лёнъ подесятинно. Но, не говоря уже о томъ, что хозяину это будетъ очень невыгодно, потому что и за 35 рублей работа будетъ производиться такъ же, какъ за 25 рублей, то есть такъ же невнимательно и плохо, охотниковъ работать лёнъ, все-таки, не будетъ, да и крестьянину даже и 35 рублей взять будетъ невыгодно. Деревнями брать не будутъ безъ особенной крайности, потому что крестьяне всѣми мѣрами избѣгаютъ такого дѣла, гдѣ нужно работать съобща и предпочитаютъ работать, хотя бы и дешевле, но въ одиночку, каждый самъ по себѣ. Еще разъ вернусь къ этому вопросу и сообщу одинъ фактъ. Еще недавно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне сосѣднихъ деревень, по старой привычкѣ, какъ въ крѣпостное время, убирали у меня съобща всею деревнею покосы частью за деньги, частью изъ половины. Съобща всей деревней

вмѣстѣ выходили на покосъ, вмѣстѣ огульно косили, вмѣстѣ убирали сѣно и клали его въ одинъ сарай, а потомъ и деньги и свою часть сѣна дѣлили между собою по числу косъ. Такой порядокъ для меня былъ очень удобенъ, потому что уборка шла дружно; въ хорошую погоду быстро схватывали сѣно, присмотръ былъ легкій; сѣно дѣлилось заразъ зимою. Теперь уже такъ покосовъ не берутъ ни у меня, ни у другихъ. Теперь: или каждый беретъ особенный участокъ подъ силу на свое семейство, или, взявъ цѣлый лугъ, дѣлятъ его на нивки и каждый коситъ и убираетъ свой участокъ; сѣно тутъ же дѣлится и развозится: одна часть въ мой сарай, другую—крестьянинъ везетъ къ себѣ. Понятно, что для меня это въ высшей степени неудобно; когда покосъ въ полномъ разгарѣ и человѣкъ 20 въ разныхъ мѣстахъ убираютъ сѣно, то старостѣ, который долженъ со всѣми дѣлить сѣно, цѣлый день почти не приходится слѣзать съ лошади. Понятное дѣло, что въ такой работѣ, какъ уборка сѣна, выгоднѣе работать артелью и при одинаковомъ стараніи: то есть, еслибы каждый работалъ такъ, какъ онъ работаетъ на себя въ одиночку, общее количество убраннаго сѣна было бы больше и сѣно вышло бы лучше, особенно еслибы погода благопріятствовала уборкѣ и при дѣлѣ былъ бы умѣющій распорядиться хозяинъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: при раздѣлѣ сѣна всѣ получили бы тогда поровну, по числу косъ; слѣдовательно, тотъ, кто силенъ, умѣетъ ловко работать, старателенъ на работѣ, сообразителенъ, получилъ бы столько же, сколько и слабосильный, неловкій, лѣнивый, несообразительный. Вотъ тутъ-то и камень преткновенія; вотъ тутъ-то и причина, почему крестьяне дѣлятъ взятый на скосъ лугъ на участки, подобно тому, какъ дѣлятъ на нивки свои поля и луга. Прежде, когда сосѣдняя деревня косила у меня луга огульно артелью, всѣ крестьяне на зиму были съ сѣномъ; тѣ, у которыхъ было мало лошадей, даже продавали; а теперь у иныхъ сѣна много, а у другихъ—мало или вовсе нѣтъ; а нѣтъ сѣна, нѣтъ и лошадей, нѣтъ хлѣба; одни богатѣютъ, а другіе, менѣе старательные, менѣе ловкіе, менѣе умные, бѣднѣютъ и, обѣднѣвъ, бросаютъ землю и идутъ въ батраки, гдѣ всякому найдется дѣло, гдѣ всякій годенъ за чужимъ загадомъ.

Такимъ образомъ, даже за возвышенную до 35 рублей плату, деревнями брать лёнъ не будутъ, пока не примыслятся раздѣлять работу такъ, чтобы каждый могъ получать плату особо за свой трудъ, т. е., пока не проищутся подрядчики, которые, снявъ у помѣщика работу подесятинно, будутъ, собственно говоря, дѣлать то же, что дѣлаю теперь я, т. е. разсчитывать каждаго особенно, сдѣльно. Мнѣ теперь обработка десятины льна обходится

35 рублей; всѣ работающіе довольны и получаютъ хорошій заработокъ, какого здѣсь на другихъ работахъ не получаютъ; но крестьянину, даже многосемейному, у котораго 6—7 бабъ во дворѣ, невыгодно взять десятину за 35 рублей, потому что у него выйдетъ на работу гораздо болѣе дней, чѣмъ у меня. Мнѣ, получая плату отъ пуда, баба намнетъ пудъ въ ночь, а хозяину намнетъ не болѣе 20 фунтовъ, а если во дворѣ окажется баба, которая не въ силахъ наминать болѣе 10 фунтовъ, то и всѣ будутъ наминать по 10 фунтовъ. Когда бабы мнутъ дома пеньку, то какъ хозяинъ ни ругается, а болѣе половины не наминаютъ противъ того, что могли бы намять, еслибы мяли на себя. Это мнѣ говорили сами бабы:—«Чаво я буду дома изъ силъ выбиваться на хозяина? а тутъ я на себя работаю». Такимъ образомъ, работа подесятинно невыгодна и для мужика-хозяина, и для меня, потому что у него безполезно пропадаетъ время, а у меня вырабатываемый продуктъ.

Брать лёнъ и мять его приходятъ нетолько бѣдныя бабы, но и богатыя, даже можно сказать, что богачки производятъ главную массу работы и забираютъ бо́льшую часть денегъ, выдаваемыхъ за выборку и мятье. Въ богатыхъ дворахъ бабы все сильныя, рослыя, здоровыя, сытыя, ловкія; богачъ не женится на какомъ-нибудь заморышѣ, а если случайно попадетъ на плохую бабёнку—ужаснѣе и положенія нельзя себѣ представить, какъ положеніе такой плохой бабёнки среди богатаго двора, гдѣ множество здоровыхъ невѣстокъ—то заколотитъ, забьетъ, въ гробъ вгонитъ и тогда женится на другой. Сытыя богачки наминаютъ до 1½ пуда льну, тогда какъ бабы бѣдняковъ, малорослыя, щедушныя, слабосильныя, наминаютъ въ то же время по 30 фунтовъ. Понятно, поэтому, что богачамъ невыгодно работать огульно съ бѣдняками; но и въ сдѣльныхъ работахъ бѣдняки должны отступить на второй планъ, стушеваться. Въ настоящее время, какъ мнѣ кажется, и между землевладѣльцами, и между крестьянами совершается подборъ. Хозяева-землевладѣльцы, особенно хозяева средней руки, могутъ держаться и вести хозяйственное дѣло, только обладая знаніями и капиталомъ, и притомъ употребляя свой трудъ, то есть лично занимаясь хозяйствомъ и живя въ деревнѣ. Сколько я понимаю дѣло, собственный личный трудъ и знаніе даже болѣе значатъ, чѣмъ капиталъ, если капиталъ примѣняется, напримѣръ, въ хозяйствѣ по старой системѣ. Всѣ, которые не хотятъ трудиться, не имѣютъ знаній, энергіи, или не обладаютъ большими капиталами и большимъ количествомъ земли, должны оставить хозяйства, продать имѣнія, искать средствъ для жизни на службѣ. Съ другой сто-

роны, и въ крестьянствѣ люди умные, трудолюбивые, сильные, ловкіе въ работѣ, сообразительные—словомъ, хорошіе хозяева, да еще притомъ зажиточные—хотя и въ крестьянствѣ умъ, сила, трудолюбіе берутъ верхъ надъ капиталомъ—во всемъ берутъ верхъ, овладѣваютъ землями, богатѣютъ, а недоумки, слабосильные, бѣдняки покидаютъ деревни, бросаютъ земли, ищутъ легкихъ заработковъ за чужимъ загадомъ, идутъ въ города, чтобы служить тѣмъ, которые сами живутъ службою тоже за чужимъ загадомъ. Въ концѣ концовъ, я думаю, что по деревнямъ—такъ какъ здѣсь ничего даромъ не дается, такъ какъ здѣсь никому, будучи хозяиномъ, за чужимъ загадомъ жить нельзя—останутся только люди трудолюбивые, энергичные, предпочитающіе трудовую независимость служебной обезпеченности. Конечно, все это, можетъ быть, мнѣ только такъ кажется; но, сколько я могъ примѣтить въ пять лѣтъ, все на то идетъ...

Мало-по-малу, чистыя, незаросшія кустами и березнякомъ облоги подобрались, и я принялся за обработку подъ лёнъ облогъ, поросшихъ березнякомъ до 2-хъ вершковъ толщиною въ комлѣ. Пришлось корчевать березняки, что̀ увеличило цѣнность обработки; сверхъ того, облоги изъ-подъ такихъ березняковъ уже трудно было драть сохами, и я принужденъ былъ завести плуги. Теперь всѣ облоги подымаются шведскими желѣзными плужками безъ передковъ, которыми пашутъ или батраки, или поденщики. Обыкновенно говорятъ, что трудно завести плуги тамъ, гдѣ крестьяне привыкли пахать сохами. Нисколько. У меня плуги пошли сразу. Задумавъ пахать плугами, я сталъ высматривать у кого есть плуги—хорошо-ли. Все плуги казались мнѣ неподходящими; наконецъ, случайно, бывъ въ гостяхъ у одного помѣщика въ другомъ уѣздѣ, я увидалъ плугъ, который мнѣ понравился. Я рѣшился попробовать этотъ плугъ и попросилъ у хозяина позволенія прислать къ нему работника поучиться.

— А присылайте, говоритъ:—я покажу.

Возвратясь домой, я черезъ нѣкоторое время призвалъ Сидора.

— Слушай, Сидоръ, нынѣшней осенью я думаю подымать облоги подъ лёнъ плугомъ. Ты знаешь—желѣзныя сохи, что̀ мы на выставкѣ видѣли.

— Слушаю-съ.

— Я у одного барина, въ Д. уѣздѣ, видѣлъ плугами пашутъ—хорошо.

— Можно и намъ, если хорошо.

— Такъ вотъ что̀: вотъ тебѣ деньги и письмо; ступай сегодня на станцію, возьми билетъ до Ярцевой, тамъ выйдешь и пойдешь по большой дорогѣ—верстъ 20 будетъ—до села К.; тутъ

спросишь Х. Это—самый тотъ баринъ, у котораго плуги, недалеко отъ села. Придешь къ барину, отдашь письмо, посмотришь плугъ, посмотришь ка̀къ пашутъ, самъ попробуешь пахать, и, когда научишься, ступай назадъ на Ярцеву, возьми билетъ въ Смоленскъ, купи такой плугъ—у барина узнаешь, въ какой лавкѣ, и привези сюда. Облоги драть будемъ.

— Слушаю-съ.

— Кстати, купи Михею кумачу на рубашки и тику на штаны, да размѣняй въ банкѣ вотъ эти бумажки — купоны называются.

— Слушаю-съ.

— Тамъ эти купоны въ лавкѣ, можетъ, возьмутъ, а то у Трофима спроси, гдѣ банкъ—онъ тебѣ покажетъ. Два съ полтиной каждая бумажка сто̀итъ.

— Слушаю-съ.

— Ну, съ Богомъ.

— Затѣмъ, прощайте.

Сидоръ отправился на станцію, доѣхалъ на машинѣ до Ярцевой, пѣшкомъ дошелъ до Х., посмотрѣлъ плугъ, посмотрѣлъ ка̀къ пашутъ, ка̀къ налаживаютъ, ка̀къ запрягаютъ, разузналъ у рабочихъ, въ чемъ сила, самъ попробовалъ пахать и на другой день объявилъ Х, что понялъ; тотъ его проэкзаменовалъ, заставилъ, кажется, собрать плугъ и отпустилъ. Сидоръ опять пѣшкомъ дошелъ до Ярцевой, оттуда на машинѣ доѣхалъ до Смоленска, разыскалъ лавку, купилъ требуемый плугъ — кстати прихватилъ подходящую цѣпь для быка, потому что нашъ холмогорскій быкъ Пашка, вскормленникъ Сидора, который телёнкомъ привезъ его изъ Москвы, уже началъ баловаться и ломать кормовые ящики—и, исполнивъ всѣ порученія, возвратился домой.

— Ну, что̀?

— Привезъ.

— Пахать выучился?

— Выучился.

— Что̀ же ты такъ скоро: вѣдь, ты всего три дня проѣздилъ?

— А что̀ жь тамъ дѣлать? Хитраго ничего нѣтъ. Работники показали и самъ баринъ показалъ тоже ка̀къ собирать. Я, А. Н., сами изволите знать, могу соху, не то что̀ наладить, а и присадить, а тутъ и ладить нѐчего—на все зарубка своя есть.

— А хорошо пашетъ?

— Отлично, А. Н., особенно для облогъ. Ужь такъ хорошо, что лучше и быть нельзя: сохой—куда такъ сдѣлать! И пахарю легко, да и пахаря особеннаго ненужно: тутъ чистую облогу

всякій будетъ драть, а про переломы и говорить нѣчего—валяй только.

— Парой будешь пахать?

— Парой: парой легче кòнямъ будетъ; только кòней на первый разъ нужно взять посмирнѣе и поумнѣе. Я пахатныхъ не буду брать, потому что пахатныхъ переучивать нужно; тутъ одинъ конь бороздой долженъ идти, а другой полемъ: потому, одного пахатнаго можно бороздой, а другого пристяжнаго; если оба пахари будутъ, то полевой будетъ сбивать пахатнаго, бороздою.

— Такъ и отлично. Пару карыхъ можно взять.

— Я тоже думалъ.

— Когда же ты думаешь начать?

— Завтра. Сегодня упряжь налажу, а завтра на переломѣ попробую. Позвольте только Михѣйку взять—кòней поводить нужно будетъ, пока не привыкнутъ.

На другой день, Сидоръ началъ пахать переломъ, то есть такую землю, на которой, по обороченному пласту, былъ посѣянъ лёнъ. Десятину онъ вспахалъ отлично и окончилъ въ 4 дня—десятины хозяйственныя, сытыя—несмотря на то, что было грязно и лошади были очень лѣнивыя и не шаговитыя. Послѣ перелома онъ переѣхалъ на чистую облогу, которую вспахалъ тоже въ четыре дня. Затѣмъ, Сидоръ научилъ пахать плугомъ одного изъ работниковъ, который всю осень пахалъ облоги и переломы. Плугъ работалъ великолѣпно: никакихъ поломокъ не было; только и было всего, что работникъ потерялъ ключъ, да и объ этомъ я узналъ только потомъ, потому что работникъ, потерявъ ключъ и взявъ у Сидора другой, просилъ никому ничего не говорить, а въ воскресенье сбѣгалъ къ кузнецу, который ему сдѣлалъ, на его счетъ, новый ключъ. Кàкъ это не похоже на то, чтò сообщаетъ намъ въ своихъ «Совѣтахъ смоленскимъ хозяевамъ» нашъ агрономъ Дмитріевъ, который, завѣдуя хозяйствомъ казенной фермы, на опытѣ убѣдился, что у насъ невозможно употреблять улучшенныя орудія, вслѣдствіе «недобросовѣстности», «невѣжества» русскаго крестьянина!

Потомъ я купилъ еще два плуга, и теперь у меня—вотъ уже три года—переломы и облоги подъ лёнъ иначе не подымаютъ, какъ плугами; да еще какія облоги—такія, которыя были покрыты чистымъ пятнадцатилѣтнимъ березнякомъ, такія, на которыхъ чтò ни шагъ—то корень, такъ что десятину менѣе, какъ въ одинадцать дней не подымешь. И плуги служатъ вотъ уже три года; разумѣется, рѣзцы и лемехи приходилось перемѣнять—и никакой «ломки», никакой «потери различныхъ частей» нѣтъ,

какъ это было у агронома, который рабочихъ обвинялъ даже въ томъ, что «лошади были худы до крайности», какъ будто рабочихъ можно обвинять въ этомъ. Если лошади были худы, да еще до крайности, такъ это потому, что ихъ не кормили; и что̀ же тутъ удивительнаго, что работники «не выполняли своихъ уроковъ» на такихъ лошадяхъ? Лошадь везетъ не кнутомъ, а овсомъ.

У меня лошади не были худы, хотя каждая пара, въ прошедшемъ году, напримѣръ, подняла по три съ половиною десятины облогъ изъ подъ березняковъ, причемъ лошади всю осень пахали безостановочно, изо дня въ день. Разумѣется, лошади получали ежедневно овесъ.

И кто же пахалъ? Невѣжественные, недобросовѣстные русскіе крестьяне—«русски свинь», какъ сказалъ бы какой нибудь нѣмецъ, управитель стараго закала, или вызванный изъ-за границы насаждать у насъ агрономію профессоръ заведенія, гдѣ прежде приготовлялись «агрономы». Пахали обыкновенные батраки, а на одной парѣ—такъ какъ батраковъ нехватало — всю осень пахалъ поденщикъ. Кормили тѣ же батраки, потому что дѣло старосты—только отмѣрить овесъ, насыпать въ торбы и выставить торбы на галерею подлѣ амбара; въ обѣдъ, каждый беретъ двѣ торбы на свою пару, которую онъ и кормитъ, и поитъ. Весною, когда лошадей не приводятъ домой, а пускаютъ пастись во время обѣда тамъ же, гдѣ работали, батраки въ полѣ же и задаютъ овесъ, а отъ поля—рукой подать до кабака. Кажется, ка̀къ бы не пропить овесъ? Не пропиваютъ.

Кто не вѣритъ—пріѣзжайте и смотрите. Я охотно всѣмъ показываю мое хозяйство и все объясняю.

Крестьяне приходили смотрѣть желѣзную соху, дивовались нѣмецкой хитрости и пашню одобрили.

Одинъ изъ моихъ рабочихъ, Стёпа, вздумалъ было на сохѣ конкурировать съ плугомъ и увѣрялъ, что онъ вспашетъ переломъ и подыметъ облогу сохою во столько же времени, во сколько Сидоръ вспашетъ плугомъ, и сдѣлаетъ не хуже. Дѣйствительно, онъ вспахалъ десятину перелома во столько же времени, но на облогѣ отсталъ, хотя работалъ такъ, что даже трубочку на ходу курилъ, и далѣе конкурировать отказался.

Работникъ Стёпа былъ—теперь его у меня нѣтъ, самъ хозяиномъ сдѣлался—отличнѣйшій пахарь на сохѣ, какихъ рѣдко, любящій пахоту, щеголяющій своею работою, установкою сохи, подобранною лошадью, подобно тому, какъ любитъ свою работу хорошій сапожникъ-нѣмецъ, который, сдѣлавъ хорошіе сапоги, кажется, жалѣетъ разстаться съ ними. Когда Стёпа поступилъ

ко мнѣ и выбралъ себѣ лошадь для работы, то я сейчасъ же увидалъ, что это—хозяинъ, потому что по лошади, которую выбралъ работникъ, по манерѣ обращаться съ нею, по запряжкѣ, тотчасъ же можно судить, каковъ человѣкъ, а разъ онъ взялъ въ руки соху, такъ ужь положеніе его въ числѣ рабочихъ объяснилось.

Большинство рабочихъ предпочитаетъ лошадей бойкихъ, форсистыхъ, съ хорошею рысью, такихъ лошадей, на которыхъ можно было бы покрасоваться, лихо прокатить бабу во время возки сѣна, когда каждый работникъ беретъ съ собою бабу, если не хватаетъ батрачекъ, то поденщицу, чтобы ловчѣе было укладывать сѣно на телегу; а бабы-то на гребево, на возку сѣна, всѣ являются въ самыхъ лучшихъ нарядахъ, разукрашенныя лентами, кралями.

При разборкѣ лошадей — никому не назначаю: работники сами разбираютъ лошадей по своему вкусу и потомъ уже постоянно работаютъ на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ. Самый сильный, ловкій работникъ, первый въ артели, загонщикъ, беретъ самую лучшую, бойкую лошадь, такую, которая, при случаѣ, можетъ и потрепать; второй работникъ беретъ вторую, по форсу, лошадь; третій—третью и т. д.; самыя плохія лошади достаются самымъ плохимъ работникамъ-вахлачкамъ, и не потому, чтобы они не хотѣли бойкихъ лошадей — каждый хотѣлъ бы самую бойкую, бѣшеную лошадь—а потому, что лучшіе работники въ артели во всемъ имѣютъ перевѣсъ, вездѣ имѣютъ первый голосъ и лошадей забираютъ лучшихъ, а вахлачку что достанется. Но работникъ-хозяинъ, хорошій, ловкій, серьёзный работникъ, не форсистый, сознающій свою силу и достоинство, гордящійся внутреннимъ достоинствомъ своей работы, а не внѣшнимъ блескомъ—такихъ работниковъ, разумѣется, мало — выбираетъ и лошадь хозяйственную. Стёпа, при разборкѣ лошадей, хотя онъ и былъ вторымъ въ артели, выбралъ лошадь, которую всѣ обходили, не форсистую, пѣгой масти, лѣнивую, но плотную, безъ рыси, но шаговитую. Лошадь, которая куплена была поздно осенью и потому въ полѣ не работала, оказалась лучшимъ пахаремъ и во всѣхъ работахъ, по силѣ и уму, имѣла перевѣсъ передъ другими лошадьми. Стёпа полюбилъ своего пѣгана, холилъ его, кормилъ, гордился имъ, хотя пѣганъ бѣгалъ всегда мелкой рысцой и только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, нужно было ухватить сѣно или снопы передъ заходящей тучей, пускался въ галопъ. Пахарь изъ пѣгана вышелъ удивительный, спокойный, тягучій, умный, идущій прямо на вѣшки,

*

такъ что стоило на огородѣ только отмѣтить гряды вѣшками, и пѣганъ наипрямѣйшими линіями разъѣзжалъ борозды. Увидавъ плугъ, Стёпа съ усмѣшечкою объявилъ, что это—вещь вовсе не нужная, что онъ и сохою на пѣганѣ сдѣлаетъ не хуже и такъ же скоро. И дѣйствительно, сдѣлалъ: Стёпина пахота была образцовая, для сохи отличнѣйшая, но, все-таки, уступала плужной. Стёпа хотя и соглашался, что плугомъ сдѣлано отчетливѣе, но все-таки увѣрялъ, что и на его десятинѣ лёнъ будетъ не хуже, чѣмъ на плужной. На замѣчаніе же мое, что вспахать сохой такъ, какъ вспахалъ онъ, Стёпа, могутъ лишь немногіе работники, тогда какъ плугомъ будутъ хорошо пахать всѣ, Стёпа отвѣтилъ:—«а кто не умѣетъ пахать, тому и около земли заниматься—не слѣдъ». Стёпа, какъ истый пахарь, спеціалистъ своего дѣла, любящій свое искуство, повидимому, опасался, что со введеніемъ плуговъ потеряется искуство пахать сохой, точно такъ же, какъ нашъ портной, старикъ Михаилъ Ивановичъ, ненавидитъ швейныя машины. «Экая штука, что онъ машиной прострочилъ, говоритъ М. И.:—ты, вотъ, руками такъ простречи».

— Да зачѣмъ же ему руками строчить, когда машиной можно? замѣчаю я.

— Какой же онъ—портной, если строчить не умѣетъ? Нѣтъ, ты выстрочи, а то машиной! слабъ народъ сталъ!

Необходимось раздѣлывать подъ лёнъ давно запущенныя облоги, требующія корчевки березняковъ, увеличила цѣнность обработки льна еще на 15 рублей, такъ что теперь обработка десятины льна обходится уже 50 рублей, но такъ какъ лёнъ, въ средней сложности, даетъ 100 рублей съ десятины валового дохода, то, слѣдовательно, чистаго доходу получается 50 рублей отъ десятины. Да, сверхъ того, въ пользу хозяина остаются дрова и еще, если корчевка производится заблаговременно, на слѣдующій годъ послѣ корчевки получается хорошій укосъ травы. Получить 50 рублей чистаго доходу съ десятины, *не употребляя для этого навозу*—развѣ это не хорошо?

Но этого мало: послѣ льну, по перелому, съ небольшимъ удобреніемъ—«потрусивши навозцу», какъ говорятъ крестьяне—получаются великолѣпнѣйшіе урожаи ржи. Вотъ уже три года, что послѣ льна на переломахъ, *удобренныхъ только 100 возами навоза на хозяйственную десятину*, я получалъ по 18 кулей ржи съ десятины, т. е. самъ 12, тогда какъ на старопахотныхъ земляхъ, при 300 возахъ навоза, получалось только 12 кулей съ десятины, то есть самъ 8. Такіе же результаты получились въ сосѣднемъ имѣніи, гдѣ, по моему примѣру, стали сѣять лёнъ, а послѣ

льну, по перелому—рожь. Хозяева, которые знаютъ, какъ дорого обходится намъ навозъ, поѣдающій всѣ доходы съ полеводства, поймутъ всю важность добытыхъ мною результатовъ.

Стоятъ березняки, выросшіе на десятинахъ, запущенныхъ лѣтъ 15 тому назадъ; никакой пользы для хозяйства отъ нихъ нѣтъ. Нужно подождать еще 35 лѣтъ, чтобы березняки эти превратились въ хорошій дровяной лѣсъ, за который дадутъ тогда, положимъ, по 150 рублей за десятину, да и то въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ желѣзнымъ дорогамъ. Выкорчевываю березняки. На слѣдующій годъ, получаю хорошій укосъ травы, не менѣе 16 копъ съ десятины, и потому, если отдать съ половины, то мнѣ придется 8 копъ, что стòитъ, мало-мало, 10 рублей.

Сѣю лёнъ. Получаю 50 рублей чистаго дохода.

Удобряю 100 возами навоза и сѣю рожь. Получаю 18 кулей ржи съ десятины, въ полтора раза болѣе, чѣмъ сколько получается съ старопахатныхъ земель, удобренныхъ втрое бòльшимъ количествомъ навоза. Затѣмъ, у меня остается воздѣланная земля, на которой я могу вести хозяйство и которая всегда даетъ болѣе дохода, чѣмъ земля, находящаяся подъ лѣсомъ.

Кому же неизвѣстно, что годная для полевой культуры земля даетъ менѣе всего дохода, оставаясь подъ лѣсомъ. Если годныя для культуры пространства остаются подъ лѣсами, то это, первый признакъ низкой степени развитія сельскаго хозяйства въ странѣ. Лѣса должны оставаться только на мѣстахъ, которыя негодны для культуры, и лишь въ такомъ размѣрѣ, чтобы не было у населенія большого недостатка въ топливѣ.

Но, говорятъ, лёнъ истощаетъ, сушитъ землю: все это, какъ видите—пустяки, что̀ совершенно понятно каждому, кто обладаетъ хотя элементарными познаніями изъ земледѣльческой химіи.

Спросятъ: что̀ же вы будете дѣлать, когда подымете всѣ облоги? Буду продолжать то же самое. Ежегодно я подымаю 8 десятинъ облогъ и на то мѣсто засѣваю 8 десятинъ старопахатной земли клеверомъ съ тимоѳеевкой, которыя и запускаю. Черезъ шесть лѣтъ, эти десятины будутъ представлять чистыя облоги, которыя опять пойдутъ подъ лёнъ; обработка этихъ десятинъ будетъ уже легка, потому что корчевать не будетъ надобности и подымать чистыя облоги безъ кореньевъ легко. Но — это уже цѣлая система полеводства, о которой я подробно говорить буду въ особой статьѣ.

Сосѣдніе крестьяне теперь отлично поняли всю выгодность

моей системы и одобряютъ ее вполнѣ, и я отъ многихъ крестьянъ слышалъ, что теперь стóитъ просто нанимать запущенныя земли, чтобы сѣять лёнъ и потомъ рожь. Конечно, стóитъ, да поди-ка найми. Всѣ сидятъ и любуются на свои березняки, а березняки все ростутъ да ростутъ, и скоро сдѣлается невозможнымъ обработывать ихъ по этой системѣ. Тогда придется ждать, пока не выростетъ дровяной лѣсъ, и, срубивъ лѣсъ, ждать, пока не выгніютъ пни настолько, чтобы земли могли идти въ обработку. Но, слава Богу, съ каждымъ годомъ крестьяне все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ покупкой земли, особенно въ сосѣднемъ уѣздѣ, гдѣ, замѣчательно, крестьяне прежде были до крайности бѣдны и ѣли пушной хлѣбъ, а теперь, видимо, поправились. А крестьянинъ на березняки и лѣсъ любоваться не станетъ: сейчасъ же вырубаетъ и распахиваетъ, и распахиваетъ. Вѣдь, это крестьяне сложили поговорку: *«что пень собьемъ, то грошъ найдемъ»*.

Между земледѣльцами моя система не имѣетъ успѣха. Я и статьи пишу, я и на словахъ проповѣдую каждому встрѣчному и поперечному—такъ что, думаю, уже надоѣлъ многимъ—я и на съѣздъ въ нашъ уѣздный городъ ѣздилъ, подробныя сообщенія дѣлалъ съ числовыми данными, уши всѣмъ протрубилъ облогами и льномъ. Но все это—гласъ вопіющаго въ пустынѣ...

Всѣ относятся съ какимъ-то недовѣріемъ и, мнѣ кажется, думаютъ, что я, сообщая данныя объ урожаяхъ, привираю. О моемъ хозяйствѣ ходятъ самые нелѣпые слухи, и, такъ какъ расширеніе моего хозяйства съ каждымъ годомъ есть фактъ, противъ котораго нельзя спорить, то, мнѣ кажется, иные думаютъ, что я, пріѣхавъ на хозяйство, привезъ съ собою кучу денегъ—извѣстно, служилъ, на службѣ нажился — и все только трачу, трачу, покупаю кормъ, чтобы имѣть больше навозу и щеголять своими урожаями.

Замѣчательно, что изъ мѣстныхъ хозяевъ никто ни разу даже не заѣхалъ ко мнѣ, чтобы посмотрѣть мое хозяйство. Одинъ молодой человѣкъ изъ Петербурга, который въ нынѣшнемъ году заѣзжалъ ко мнѣ и который передъ тѣмъ нѣсколько времени прожилъ въ уѣздѣ, изучая разныя хозяйства, говорилъ мнѣ, что многія изъ лицъ, сообщавшихъ ему разныя нелѣпости о моемъ хозяйствѣ, не могли даже указать, гдѣ именно находится мое имѣніе.

По переломамъ, послѣ льну, рожь родится замѣчательно чистою, безъ сорныхъ травъ и, главное, безъ костеря и сивца. Въ прошедшемъ году, всю рожь съ переломовъ, которая осталась

отъ собственнаго посѣва, крестьяне въ августѣ разобрали у меня на сѣмена по 7 р. 50 к. за куль, потому что ихъ рожь была до крайности сорна и содержала множество костеря.

По поводу костеря у крестьянъ — только не у богачей, замѣтьте — существуетъ мнѣніе, что рожь перерождается въ костерь и обратно. Когда я пріѣхалъ въ имѣніе, то нашелъ хозяйство опущеннымъ до крайности; рожь первый годъ уродилась крайне сорная, съ непомѣрнымъ количествомъ костеря. Крестьяне говорили, что это—годъ такой, и на всѣ мои убѣжденія, что костерь завелся въ имѣніи отъ нечистыхъ сѣменъ, откуда нибудь завезенныхъ—въ старину, говорятъ, рожь родилась въ имѣніи чистая—все-таки, твердили свое, что это—годъ такой, что коли Богъ уродитъ, то и костеремъ посѣявши рожь получишь, а не будетъ благоди Божьей, то и изъ чистой ржи костерь народится. Всѣ мои убѣжденія были тщетны, даже указаніе на то, что въ сосѣдней богатой деревнѣ, у богачей, которые обращаютъ вниманіе на очистку сѣменъ, рожь родится безъ костеря, не дѣйствовали. Тамъ, говорили, земля другая, а на этомъ полѣ рожь всегда съ костеремъ родится. Я старательно очистилъ сѣмена, выгналъ на вѣялкѣ костерь по возможности, да сверхъ того, досталъ нѣсколько кулей чистой ржи у сосѣдняго богача крестьянина и засѣялъ поле очищенными сѣменами. Чтобы убѣдить Ивана, Сидора и другихъ, что костерь не перераживается въ рожь и обратно, я, въ ихъ присутствіи, посадилъ на огородѣ на грядѣ 1 зерно ржи и 9 зеренъ костеря и показалъ, что съ осени всходы были такъ похожи, что нельзя была отличить рожь отъ костеря. На другой годъ, на огородѣ выросъ 1 кустъ ржи и 9 кустовъ костеря, а на полѣ рожь была гораздо чище, хотя костерь, все-таки, еще былъ. На слѣдующій годъ, я опять выбралъ для посѣва самыя чистыя сѣмена и т. д. Рожь году отъ году все стала родиться чище. Въ прошедшемъ году, рожь опять была въ томъ же полѣ, въ которомъ я ее засталъ; весна была самая благопріятная для развитія сорныхъ травъ: у крестьянъ рожь была чрезвычайно сорна, а мѣстами такъ просто одинъ костерь народился, между тѣмъ, у меня, на старопахатныхъ земляхъ костеря было очень мало, а на переломахъ и вовсе не было.

Не знаю, убѣдились ли крестьяне, что костерь не перераживается въ рожь и что очистка сѣменъ—дѣло важное, но знаю только, что въ прошедшемъ году многіе изъ сосѣднихъ крестьянъ покупали у меня на сѣмена мою чистую тяжеловѣсную рожь, а свою сорную оставляли себѣ на сѣмена.

...Бабы ушли на овинъ и начали мять; собаки смолкли, все успокоилось; я опять засыпаю и сплю безмятежнымъ сномъ.

Просыпаюсь я рано и начинаю кашлять: доктора говорятъ, что это—какой-то катарръ, а деревенскіе жители увѣряютъ, что это—желудочный кашель, свойственный сельскимъ хозяевамъ, которые, проведя день на воздухѣ, ложатся спать, «выпивъ водочки и поужинавъ». Савельичъ, разбуженный моимъ кашлемъ, начинаетъ возиться за стѣной: это онъ самовары ставитъ, къ чему у него все припасено—и вода, и уголь, еще съ вечера. Выкуривъ нѣсколько папиросъ—до такого благосостоянія, чтобы курить сигары, я и послѣ пяти лѣтъ хозяйства не дошелъ; все денегъ жалко: сотня сигаръ, самыхъ немудрыхъ, стòитъ 5 рублей, а за пять рублей можно облогу взодрать, а развѣ сотня сигаръ доставитъ столько наслажденія, сколько лишняя десятина льна или клевера! — и, откашлявшись, я одѣваюсь и принимаюсь за счеты и разныя вычисленія или за писаніе статей. Савельичъ приноситъ самоваръ и при этомъ смотритъ на градусы.

— Ну чтò, Савельичъ, каково на дворѣ?

— Ничего.

— Морозитъ?

— Не то, чтобъ очень.

— Однакожь?

— Морозъ изрядный, а вѣтру нѣтъ.

Я пью чай и занимаюсь, пока не проснулись дѣти и не началось хозяйство. Авдотья приходитъ.

— Чтò готовить будемъ? спрашиваетъ она.

— Чтò-жь готовить?

Молчаніе.

— Хоть бы ты когда-нибудь сама придумала чтò готовить: вѣдь, ты лучше меня знаешь, чтò у насъ есть.

— Почемъ я знаю чего вы хотите? Все у насъ есть: солонина есть, ветчина, телятина, языки есть, почки...

— Ну и отлично; дѣлай разсольникъ съ почками.

— А еще чтò?

— Еще чтò?

— Дѣти, вѣдь, супу никогда не ѣдятъ: имъ еще чтò-нибудь нужно.

— Чтò-жь бы еще сдѣлать?

Молчаніе.

— Ну свиныя котлеты сдѣлай: вѣдь, ветчина, ты говоришь, есть.

Авдотья уходитъ.

— А чесноку въ котлеты класть? возвращается она.

— Клади.

Уходитъ.

— А картофель къ котлетамъ дѣлать?

— Разумѣется, сдѣлай: ты знаешь—дѣти, вѣдь, любятъ картофель.

— Да вы-жь все боитесь, чтобы не заболѣли.

Я пью чай и занимаюсь счетами.

Приходитъ Матрена и начинаетъ отворять внутреннія ставни.

— Что̀, обутрѣло?

— Нѣтъ еще, свѣтаетъ только.

— Сидоръ гдѣ?

— На скотный пошелъ.

— Завтракали?

— Нѣтъ еще; собираются только. Мишка лошадей по̀итъ.

— А холодно на дворѣ?

— Не то, чтобъ очень.

— Морозитъ?

— Не дюже.

Матрена, открывъ ставни, уходитъ.

Свѣтъ чуть брезжетъ; безъ свѣчи заниматься нельзя; самоваръ уже начинаетъ потухать и издаетъ какіе-то печальные, сиплые звуки.

Приходитъ Сидоръ и здоровается.

— Здравствуй. Ну, что̀?

— Все слава Богу; клеверъ заложили.

— Хорошо ѣдятъ?

— Отлично.

— Ничего не телилось? ничего не котилось?

— Ничего; только Дарка родила.

— Кого?

— Сына.

— Давно?

— А вотъ сейчасъ. Клеверъ закладывали; она рожала.

— Благополучно?

— Что̀ ей сдѣлается.

— Кто-жь у нея бабилъ?

— Старуха.

Молчаніе.

— Дарка полштофъ водки проситъ.

— Ну, скажи Ивану, чтобъ далъ.

Молчаніе.

— А когда же крестить будутъ?

— Сегодня.

— Кто-жь будетъ крестить?

— Ивана Павловича просить хотятъ.

— А скоро лёнъ кончатъ мять?

— Малость осталось.

— Что-жь, дрова возить будете?

— Дрова; позавтракали, запрягаютъ.

— Ну, ступай.

Сидоръ уходитъ.

Стало уже свѣтло; дѣти начинаютъ пошевеливаться; самоваръ совсѣмъ потухъ; Савельичъ въ столовой школитъ кошекъ и Мильтошку за ночныя проказы.

Я пью чай и занимаюсь счетами.

— Придете телятъ поить? спрашиваетъ Авдотья.

— Не знаю: кàкъ бабы со льномъ поспѣютъ.

— Поить безъ васъ?

— Пой; да смотри больше кр̀ужки на телёнка не давать.

— Знаю, знаю.

— Хоть они тамъ разъорись, а больше кр̀ужки не давать.

— Знаю. А «Бѣлянку» нужно запустить—воля ваша.

— Рано еще.

— Самую малость даетъ.

— Ничего, а ты все подаивай.

— Дою, да плохо даетъ.

— Ничего. Я скажу, когда запустить.

Не успѣло еще порядочно обутрѣть, а ужь бабы окончили мять лёнъ. Нужно одѣваться и идти въ амбаръ вѣшать лёнъ.

Такъ какъ бабы мнутъ лёнъ каждая на себя, съ платою отъ пуда, то и вѣшать лёнъ нужно у каждой бабы отдѣльно. Даже родныя сестры, не говоря уже о женахъ родныхъ братьевъ, мнутъ лёнъ въ раздѣлъ, каждая на себя, и не согласятся класть лёнъ въ одну кучу и вѣшать вмѣстѣ, а заработную плату дѣлить пополамъ, потому что сила и ловкость неровная, да и стараться такъ не будутъ и, работая вмѣстѣ, наминать будутъ менѣе, чѣмъ работая каждая порознь. Только мать съ дочерью иногда вѣшаютъ вмѣстѣ; но и это лишь тогда, когда мать работаетъ на дочь и всѣ деньги идутъ дочери.

Взвѣшиваетъ лёнъ староста Иванъ, а я только осматриваю вязки, чисто ли отдѣлано, и записываю вѣсъ каждой бабы. За-

мѣчу здѣсь кстати, что лёнъ, доставляя большія выгоды, требуетъ, однако, много вниманія со стороны хозяина; если хозяинъ самъ не занимается дѣломъ или не имѣетъ надежнаго человѣка, которому нужно дать полную волю дѣйствовать, то у него со льномъ будутъ частыя неудачи. Въ моемъ сосѣдствѣ многіе пробовали сѣять лёнъ, но бо̀льшею частію отъ невнимательности терпѣли неудачи: лёнъ то западаетъ снѣгомъ—тогда все пропало; то недолежится; то перележится; то дурно смятъ; то не ровно смятъ — одна вязка хороша, а другая нѣтъ, что̀ сильно понижаетъ цѣну всей партіи. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, льны, даже у крестьянъ, почти повсемѣстно запали снѣгомъ, а у меня весь лёнъ былъ поднятъ своевременно и вышелъ отличнаго качества; въ прошедшемъ году льны тоже запали, у меня запало лишь ничтожное количество; у другихъ купецъ иначе не купитъ лёнъ, какъ пересмотрѣвъ его самымъ тщательнымъ образомъ, а у меня купитъ ранѣе, чѣмъ еще лёнъ смятъ, по первымъ образцамъ. Всѣ эти неудачи происходятъ отъ невниманія самихъ хозяевъ, оттого, что все дѣлается несвоевременно и кое-ка̀къ. Главное—нужно спѣшить выборкой и молотьбой, жертвуя качествомъ сѣмени, если на то уже пошло, потому что волокно дороже сѣмени и потеря волокна влечетъ за собою болѣе убытку, чѣмъ дурное качество сѣмени. Важно только получить хорошія сѣмена для себя; а гуртовое сѣмя на продажу, если и будетъ низшаго достоинства, то потеря на немъ ничтожна, сравнительно съ потерей волокна; поэтому, необходимо сѣять для себя на сѣмена отдѣльныя десятины.

Обыкновенно, я самъ присутствую при взвѣшиваніи льна и записываю, потому что Иванъ граматѣ не знаетъ — изъ 25 человѣкъ, живущихъ въ настоящее время въ Батищевѣ, граматѣ знаетъ только одинъ Савельичъ, да и то плохо; «тихо очень онъ пишетъ, говоритъ Иванъ: — примѣряется, примѣряется, а потомъ вдругъ письнетъ, анъ настояще и не выписалось, замараетъ, и опять налаживается—тоска даже возьметъ». Но если меня нѣтъ дома или мнѣ почему нибудь нельзя придти въ амбаръ, Иванъ самъ отмѣчаетъ, кто сколько намялъ. Иванъ граматѣ не знаетъ, писать не умѣетъ, а между тѣмъ, онъ завѣдуетъ амбаромъ, принимаетъ и отпускаетъ хлѣбъ, лёнъ, сало, масло, крупу, жмыхи, считаетъ лѣтомъ сѣно, навозъ, снопы и пр., и пр. Счетоводство у меня въ порядкѣ; приходъ и расходъ всего и ходъ всѣхъ работъ записывается до мельчайшихъ подробностей, и все это ведется мною при посредствѣ Ивана, который ежедневно подаетъ счетъ по бо̀льшей части предметовъ,

а по нѣкоторымъ подаетъ счетъ въ концѣ мѣсяца. Всѣ свои счеты Иванъ отмѣчалъ, зарѣзывалъ прежде на биркахъ, т. е. четырехгранныхъ палочкахъ, которыя у него имѣлись отдѣльныя для каждаго предмета, а теперь пишетъ карандашомъ на узкихъ листочкахъ толстой бумаги—онъ употребляетъ для этого коробки отъ папиросныхъ гильзъ—употребляя особыя письмена, кресты, палочки, кружкѝ, точки, ему одному извѣстныя. Вечеромъ, отдавая отчетъ, Иванъ вынимаетъ бумажку, долго ее разсматриваетъ и, водя по ней пальцемъ, начинаетъ: въ застольную—муки 2 пуда, крупъ ячныхъ 3 ф., сала 1 ф., солонины 16 ф. и т. д. Въ концѣ мѣсяца, Иванъ является съ цѣлымъ пукомъ палочекъ и отсчитывается, диктуя, напримѣръ, по овсяной палочкѣ:

— «Птицамъ 5 мѣрокъ, лошадямъ 1 куль, Мишкѣ въ городъ 4 гарнца, климовскимъ лошадямъ 1 мѣрка, вамъ въ городъ 1 мѣрка, ямщику, чтò привозилъ петербургскаго барина черненькаго, мѣрка, Петра Иваныча лошадямъ 4 гарнца и т. д. Всего 6 кулей.

— Теперь рожь: Панасу куль, дуровскому крестьянину 2 куля, Фокѣ осьмина, лужковской бабѣ куль, для себя смололи 5 кулей, Родѣ куль, бабѣ изъ Ольховки три мѣры и т. д. Всего 38 кулей, 3 мѣрки.

Принимая отъ бабъ лёнъ, если меня нѣтъ, Иванъ по своему отмѣчаетъ сколько какая баба намяла и, отдавая вечеромъ отчетъ, диктуетъ мнѣ по своей бумажкѣ:

— Дарочка 33 ф., Акулина 1 п. 8 ф., Семениха Дёминская 39 ф., Козлиха съ дочкой 1 п. 22 ф., Нѣмая 27 фунтовъ, Семениха Анцыпёровская 1 пудъ, Катька 30 ф., Катька-солдатка 1 пудъ, Хворосья 23 фунта, Фруза 29 фунтовъ, Матрена 1 п. 20 фунтовъ и т. д.

Лёнъ мнутъ отъ 30 до 40 бабъ и—никогда никакой ошибки, а тутъ всякая ошибка сейчасъ будетъ замѣчена, потому что каждая баба отлично помнитъ, сколько она когда намяла, и, при окончательномъ разсчетѣ, отлично знаетъ, сколько ею всего намято и сколько приходится получить денегъ.

— Ты сколько намяла, Катька? спрашиваю я при разсчетѣ.

— Вамъ по книжкѣ лучше видно, А. Н.

— По твоему счету сколько?

— Три пуда двадцать два фунта.

— Такъ.

— А сколько тебѣ денегъ приходится?

— Вы лучше знаете.

— Сколько приходится?

— Рубль, да шесть копеекъ, да грошъ.

— Получай рубль семь копеекъ; грошъ лишняго — свѣчку поставь.

Если, при разсчетѣ, приходится передать лишняго, то чтобы другія бабы не обижались, что которой-нибудь пришлось лишняго, переданное полагается на свѣчку Богу. Баба это исполнитъ и, первый разъ, что̀ пойдетъ къ обѣднѣ, подавая копеечную свѣчку, если ей перешло полкопейки, «подумаетъ въ мысляхъ», какъ выражается Иванъ, что полсвѣчки идетъ за нее, а полсвѣчки за меня. «И это вамъ зачтется», говоритъ Иванъ.

Отмѣчая на своихъ бумажкахъ приходъ и расходъ, Иванъ обозначаетъ своими письменами только количество отпущеннаго и принятаго; но кому отпущено, отъ кого принято, все это онъ *помнитъ*. Вообще, у крестьянъ-прасоловъ и т. п. люда память для предметовъ, съ которыми они имѣютъ дѣло, и способность измѣрять глазомѣромъ, ощупью, развита до невѣроятности, и, сверхъ того, всѣ крестьяне удивительно вѣрно считаютъ.

Каждый крестьянскій мальчикъ, каждая дѣвочка умѣютъ считать до извѣстнаго числа. «Петька умѣетъ считать до 10», «Акулина умѣетъ считать до 30», «Михей до 100 умѣетъ считать». «Умѣетъ считать до 10» вовсе не значитъ, что Петька умѣетъ перечесть разъ, два, три и т. д. до 10; нѣтъ «умѣетъ считать до 10», это *значитъ, что онъ умѣетъ дѣлать всѣ ариѳметическія дѣйствія надъ числами до 10*. Нѣсколько мальчишекъ принесутъ, напримѣръ, продавать раковъ, сотню или полторы. Они знаютъ, сколько имъ слѣдуетъ получить денегъ за всѣхъ раковъ и, получивъ деньги, раздѣляютъ ихъ совершенно вѣрно между собою по количеству раковъ, пойманныхъ каждымъ.

При обученіи крестьянскихъ мальчиковъ ариѳметикѣ, учитель всегда долженъ это имѣть въ виду, и ему предстоитъ только, воспользовавшись имѣющимся матеріаломъ и понявъ, ка̀къ считаетъ мальчикъ, развить счетъ далѣе и показать, что̀ «считать можно до безконечности». Крестьянскіе мальчики считаютъ гораздо лучше, чѣмъ господскія дѣти; сообразительность, память, глазомѣръ, слухъ, обоняніе развиты у нихъ неизмѣримо выше, чѣмъ у нашихъ дѣтей, такъ что, видя нашего ребенка, особенно городскаго, среди крестьянскихъ дѣтей, можно подумать, что у него нѣтъ ни ушей, ни глазъ, ни ногъ, ни рукъ.

Крестьяне, по крайней мѣрѣ нашей мѣстности, до крайности невѣжественны въ вопросахъ религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ, юридическихъ. Тутъ вы увидите, что на Обновленіе Цареграда крестьянинъ молится «Царю Граду», чтобы не отбило

хлѣбъ градомъ; что дѣвки серьёзно испугались и повѣрили, когда, послѣ бракосочетанія нашей великой княжны съ англійскимъ принцемъ, распространился слухъ, будто самыхъ красивыхъ дѣвокъ будутъ забирать и, если онѣ честныя, отправлять въ Англію, потому что Царь отдалъ ихъ въ приданое за своей дочкой, чтобы онѣ тамъ въ Англіи вышли замужъ за англичанъ и обратили ихъ въ нашу вѣру — этому вѣрили не только дѣвки, но и серьёзные, пожилые крестьяне, даже отпускные солдаты. Тутъ вы услышите мнѣніе крестьянъ, что нѣмцы гораздо бѣднѣе насъ, русскихъ, потому-де, что у насъ покупаютъ хлѣбъ и что, еслибы запретили панамъ продавать хлѣбъ въ Ригу, то нѣмцы померли бы съ голоду; что когда успѣютъ надѣлать сколько нужно новыхъ бумажекъ, то податей брать не будутъ. И т. п. Что же касается знанія своихъ правъ и обязанностей, то, несмотря на десятилѣтнее существованіе гласнаго суда, мировыхъ учрежденій, никто никакого понятія о своихъ правахъ не имѣетъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ крестьяне, даже торгующіе мѣщане и купцы, невѣжественны до крайности; даже попы — не говорю священники, между которыми еще встрѣчаются люди болѣе или менѣе образованные, хотя и рѣдко — то есть всѣ лица духовнаго званія дьячки, пономари штатные и сверхштатные, разные ихъ братцы, племянники, словомъ, весь проживающій въ селахъ, ничего не работающій, пьяный, долгогривый людъ въ подрясникахъ и кожанныхъ поясахъ — не далеко ушли отъ крестьянъ въ пониманіи вопросовъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ.

Но что касается умѣнья считать, производить самые скрупулёзные разсчеты, то на это крестьяне — мастера первой руки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть, какъ крестьяне дѣлятъ землю, разсчитываются, возвратясь изъ извоза. Конечно, вы тутъ ничего не поймете, если вамъ не извѣстенъ методъ счета; вы услышите только крикъ, брань и подумаете: какъ они безтолковы, ну, точно какъ въ разсказѣ Успенскаго «Обозъ»! Успенскій схватилъ только внѣшнюю сторону; но его разсказъ грѣшитъ тѣмъ, что читатель, незнакомый съ народомъ, выноситъ впечатлѣніе о совершенной безтолковости, глупости изображенныхъ въ разсказѣ мужиковъ-извозчиковъ. Но подождите конца, посмотрите, какъ сдѣланъ разсчетъ, и вы увидите, къ какому результату привели эти безтолковые крики и споры — земля окажется раздѣленною такъ вѣрно, что и землемѣръ лучше не раздѣлитъ.

Какая разница въ этомъ отношеніи между разсказами Турге-

нева и Успенскаго, рисующими русскаго крестьянина! Сравните тургеневскихъ «Пѣвцовъ» съ «Обозомъ» Успенскаго. Внѣшняя сторона у Успенскаго вѣрнѣе, чѣмъ у Тургенева, и, попавъ въ среду крестьянъ, вы въ первый моментъ подумаете, что картина Успенскаго есть дѣйствительность, «голая правда», а картина Тургенева—подкрашенный, наряженный вымыселъ. Но подождите, и черезъ нѣсколько времени вы убѣдитесь, что пѣвцы Тургенева *есть*, а извозчиковъ Успенскаго *нѣтъ*. Въ деревнѣ, вы услышите этихъ «Пѣвцовъ» и въ пѣснѣ косцовъ, возвращающихся съ покоса, и въ безобразномъ трепакѣ подгулявшей пары, возвращающейся съ ярмарки, и въ хорѣ калѣкъ перехожихъ, поющихъ о «блудномъ сынѣ», но «Обоза» вы нигдѣ не увидите и не услышите. Одинъ изъ нашихъ критиковъ—кажется г. Анненковъ—сравнивая Успенскаго съ Тургеневымъ, какъ изобразителей народа, сказалъ, что Н. Успенскій въ нашей литературѣ занимаетъ почти такое же мѣсто, какое въ исторіи живописи занимаетъ Теньеръ. Такъ ли это? Успенскій выставилъ намъ русскаго простолюдина простофилей. Но это-то, я думаю, и невѣрно; не даромъ есть поговорка: «Мужикъ сѣръ, да не чортъ его умъ съѣлъ». Умъ-то есть, только знаній нѣтъ и кругъ приложенія ума очень тѣсенъ, а дайте-ка ему просторъ!

Но, что̀ меня больше всего поражаетъ, это—необыкновенная память у крестьянъ. Неграматный сельскій староста помнитъ, сколько за кѣмъ есть недоимки, сколько съ кого и когда онъ получилъ денегъ и проч. Разносчикъ, торгующій бабьимъ товаромъ—платками, кралями и разною мелочью—на сто верстъ въ округѣ раздаетъ свой товаръ въ долгъ и помнитъ, гдѣ какая баба сколько ему должна и что̀ именно брала. Наконецъ, и въ извозѣ: пришло время ѣхать въ извозъ; столковались крестьяне въ деревнѣ. Одинъ изъ деревни, разумѣется голова-воротило, отправляется въ городъ искать работы. Найдя въ городѣ работу, онъ подряжается, напримѣръ, везти пеньку изъ Д. въ С., торгуется съ купцомъ, условливается на счетъ цѣны и количества подводъ. Черезъ нѣсколько дней, крестьяне всей деревней отправляются въ городъ подъ навалку—кто на четверкѣ, кто на тройкѣ, кто на парѣ. Наваливаются. На каждую лошадь кладутъ извѣшанное количество пеньки, различное, смотря по силѣ лошади; все это дѣлается въ присутствіи рядчика, который получаетъ отъ купца накладную и задатокъ. Рядчикъ долженъ запомнить, сколько пеньки навалено каждому хозяину и, слѣдовательно, сколько денегъ тому придется получить при окончательномъ разсчетѣ. Навалившись, разумѣется, зашли въ кабачокъ, вы-

пили, взяли по селедочкѣ, по калачику—за все платитъ рядчикъ изъ задатка, потому что ни у кого изъ крестьянъ денегъ съ собою нѣтъ. Отправились въ путь. Всю дорогу расходъ ведетъ рядчикъ, который на постоялыхъ дворахъ, въ кабакахъ, платитъ одинъ за всѣхъ за взятое сѣно, харчи, водку и всѣ эти расходы помнитъ. Доставили товаръ. Опять взвѣсили; недовѣсъ, положимъ, оказался противъ накладной; купецъ-пріемщикъ вычелъ изъ слѣдующей за провозъ платы цѣнность недостающаго товара и отдалъ причитающіяся деньги рядчику. Зашли въ кабакъ, выпили по стаканчику; кому нужно взяли у рядчика денегъ на покупки въ городѣ, справили всѣ дѣла̀ и отправились домой. Дома разсчетъ: сосчитали сколько на кого было положено пеньки и сколько кому причитается денегъ, сколько у кого было недовѣсу, сколько кто взялъ дорогой, сколько въ городѣ и сколько кому остается получить.

Мужикъ отлично понимаетъ счетъ, отлично понимаетъ всѣ хозяйственные разсчеты: онъ—вовсе не простофиля. Конечно, не всѣ мужики умны; конечно есть между ними и идіоты, и дураки, и простофили, неспособные вести хозяйство; но такъ какъ дураки, при крестьянской обстановкѣ, неминуемо должны гибнуть отъ бѣдности, вслѣдствіе своей неспособности хозяйничать, то понятно, что встрѣтить въ деревнѣ между крестьянами дурака случается рѣдко, и каждый, сталкиваясь съ сѣрымъ народомъ, выноситъ впечатлѣніе о его несомнѣнной сметливости, сообразительности.

Чрезвычайно интересные типы сметливыхъ, умныхъ, обладающихъ необыкновенною памятью людей представляютъ всѣ крестьяне, занимающіеся спеціальными профессіями. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ типовъ подобнаго рода представляютъ странствующіе коновалы—наши доморощенные ветеринары. Въ нашей губерніи почти нѣтъ мѣстныхъ коноваловъ, да и тѣ, которые есть—преимущественно изъ бывшихъ крѣпостныхъ, обученныхъ въ то время, когда каждый зажиточный помѣщикъ стремился имѣть все свое—не пользуются хорошей репутаціей. Между тѣмъ, никакое хозяйство безъ коновала обойтись не можетъ, потому что въ извѣстное время года, напримѣръ, ранней весною, въ каждомъ хозяйствѣ бываетъ необходимо кастрировать какихъ-нибудь животныхъ: поросятъ, баранчиковъ, бычковъ, жеребчиковъ. Безъ коновала никто поэтому обойтись не можетъ, потому что иначе пришлось бы передъ выпускомъ на пастьбу перебить всѣхъ некастрированныхъ животныхъ. Необходимость вызвала и людей, спеціалистовъ-коноваловъ, занимающихся кастри-

рованіемъ животныхъ и отчасти ихъ леченіемъ, насколько это возможно для такихъ странствующихъ ветеринаровъ. Къ намъ коновалы приходятъ изъ далека. Есть гдѣ-то цѣлыя селенія—кажется, въ Тверской Губерніи—гдѣ крестьяне спеціально занимаются коновальствомъ, выучиваясь этому ремеслу преемственно другъ отъ друга. Два раза въ году—весной и осенью—коновалы отправляются изъ своихъ селъ на работу, работаютъ весной и возвращаются домой къ покосу; потомъ опять расходятся на осень и возвращаются на зиму домой. Каждый коновалъ идетъ по извѣстной линіи, изъ году въ годъ всегда по одной и той же, заходя въ лежащія на его дорогѣ деревни и господскіе домà; слѣдовательно, каждый коновалъ имѣетъ свою постоянную практику и обратно—каждая деревня, каждый хозяинъ, имѣетъ своего коновала, который побываетъ у него четыре раза въ годъ: два раза весною—идя туда и обратно—и два раза осенью. Коновалъ заходитъ въ каждый домъ и кастрируетъ все, чтò требуется: понятно, что онъ знаетъ всѣ *свои* деревни и въ деревняхъ всѣхъ хозяевъ *поименно*. Обыкновенно, идя весною впередъ, коновалъ только работаетъ, но плату за работу—по крайней мѣрѣ у крестьянъ—не получаетъ, потому что, если операція была неудачна, платы не полагается. Проработавъ весну и возвращаясь домой, коновалъ, на обратномъ пути, опять заходитъ ко всѣмъ, у кого онъ работалъ, и собираетъ слѣдующій ему за труды гонораръ. Часто случается, что коновалъ и на обратномъ пути весною не получаетъ денегъ отъ бѣдныхъ крестьянъ, у которыхъ весною рѣдко бываютъ деньги; тогда онъ ждетъ до осени, когда у мужика будетъ «новь», когда онъ разбогатѣетъ и получаетъ весенніе долги во вторую свою экскурсію, причемъ беретъ не только деньгами, но и хлѣбомъ, саломъ, яйцами, для чего обыкновенно имѣетъ съ собою лошадь. Пройдя сотни верстъ, обойдя тысячи крестьянскихъ дворовъ, кастрировавъ несметное число баранчиковъ, поросятъ, бычковъ, коновалъ помнитъ, гдѣ сколько и чего онъ сдѣлалъ и сколько остается ему долженъ каждый хозяинъ, у котораго онъ работалъ. Коновалы представляютъ интереснѣйшій примѣръ того, кàкъ потребность вызываетъ необходимыхъ дѣятелей. Кастрированіе домашнихъ животныхъ—такая потребность, безъ которой не можетъ существовать ни одно хозяйство, и вотъ эта потребность создала цѣлый классъ дѣятелей, достигшихъ въ этомъ дѣлѣ замѣчательнаго искуства, и устроила его необыкновенно практично, просто, удобно.

Въ производствѣ самой операціи кастрированія коновалы достигли большой ловкости, чтò совершенно понятно въ виду той

огромной практики, которую они имѣютъ. Заходящій ко мнѣ коновалъ Иванъ Андреевичъ—коновалы пользуются большимъ почетомъ у крестьянъ, и ихъ обыкновенно зовутъ по отчеству—въ теченіи пяти лѣтъ кастрировалъ у меня множество различныхъ животныхъ, и не было ни одного несчастнаго случая: всѣ животныя послѣ операціи выхаживались легко и скоро. Точно также ни отъ одного изъ сосѣднихъ крестьянъ я не слыхалъ, чтобы когда-нибудь коновалъ сдѣлалъ операцію неудачно, чтобы животное околѣло вслѣдствіе операціи. Это и понятно: такъ какъ коновалъ дорожитъ своей репутаціей, то, осмотрѣвъ животныхъ до операціи и замѣтивъ, что которое-нибудь нездорово, онъ предупреждаетъ объ этомъ хозяина, указываетъ въ чемъ болѣзнь, для того чтобы потомъ не подумали, что животное заболѣло отъ операціи. Впрочемъ, хозяину нечего опасаться, потому что, если онъ пожелаетъ, то можетъ у того же коновала *застраховать* свое животное. За свою работу коновалы берутъ недорого: за кастрированіе баранчика—5 копеекъ, за боровка—5 копеекъ, за бычка—10 копеекъ и, сверхъ того, если работы много, коновалъ получаетъ полштофъ водки и кусокъ сала, въ которомъ онъ, по окончаніи работы, жаритъ себѣ на закуску поступающіе въ его пользу органы, вынутые при операціи; впрочемъ, коновалъ выпиваетъ водку и съѣдаетъ приготовленное имъ жаркое не одинъ, а вмѣстѣ съ рабочими, которые помогали ему при работѣ, ловили и держали оперируемыхъ быковъ. Какой ветеринаръ согласится кастрировать животныхъ за такія цѣны!

Конечно, коновалъ получаетъ такую незначительную плату лишь за обыкновенную *работу*. Если же нужно кастрировать старыхъ быковъ, боровов, жеребцовъ, то плата коновалу возвышается: онъ получаетъ рубль, пять, десять, двадцать пять рублей, смотря по трудности операціи, по цѣнности животнаго и т. д. Тутъ уже нѣтъ опредѣленныхъ цѣнъ; но цѣна устанавливается по взаимному соглашенію, потому что въ этихъ случаяхъ, какъ выражается нашъ Иванъ Андреевичъ, коновалъ беретъ деньги *не за работу, а за издѣліе*. Кастрировать баранчиковъ, поросятъ можетъ каждый коновалъ-мальчишка, обучающійся при своемъ отцѣ или братѣ—не знаю: потому ли, что кастрировать этихъ животныхъ легче, или потому, что вслѣдствіе малой цѣнности животныхъ отвѣтственность меньше—кастрировать бычковъ уже труднѣе, жеребчиковъ еще труднѣе; а труднѣе всего кастрировать старыхъ животныхъ. Тутъ уже коновалъ дѣйствуетъ гораздо осмотрительнѣе, внимательно изучаетъ животное, созываетъ на консиліумъ другихъ коноваловъ, идущихъ по пара-

лельнымъ линіямъ и о мѣстѣ пребыванія которыхъ онъ всегда знаетъ, потому что, вѣроятно, есть пункты, въ которыхъ идущіе по разнымъ линіямъ коновалы сходятся. Часто случается, что, и послѣ консиліума, коновалы объясняютъ, что кастрировать животное нельзя, потому что они, дорожа своею репутаціей, вообще очень осмотрительны въ своемъ дѣлѣ и дорожатъ своею практикою, своими линіями, къ которымъ привыкли. Коновалы занимаются также и леченіемъ животныхъ; но значеніе ихъ въ этомъ отношеніи ничтожно, потому что они проходятъ только въ извѣстное время года. Но самое дорогое — то, что, поручая ваше животное коновалу, вы можете его *страховать* у того же самаго коновала; если вы не хотите рисковать, если вы очень дорожите животнымъ, если вы не вѣрите коновалу, то вы оцѣниваете ваше животное, и тогда коновалъ вноситъ вамъ назначенную сумму въ закладъ и затѣмъ дѣлаетъ операцію: если животное пропадетъ, то внесенная коноваломъ сумма остается въ вашу пользу. Понятно, что, при страхованіи, плата за операцію гораздо выше и тѣмъ выше, чѣмъ болѣе заклада вы потребуете отъ коновала. Если коновалъ разъ призналъ возможнымъ сдѣлать операцію, то онъ всегда возьмется страховать животное, если вы того пожелаете, потому что, если даже у него самого нѣтъ денегъ, то онъ найдетъ другихъ коноваловъ и соберетъ требуемую сумму.

Мнѣ ка̀къ-то случилось читать въ газетахъ, что наши незнающіе граматѣ коновалы—большое зло, потому что берутся лечить животныхъ, не обладая научными ветеринарными свѣдѣніями, что поэтому слѣдовало бы требовать отъ коноваловъ ветеринарнаго образованія и дозволять практиковать только тѣмъ изъ нихъ, которые выдержали установленный экзаменъ и получили ветеринарное свидѣтельство. Если будетъ установлено что̀-нибудь въ этомъ родѣ, то, разумѣется, только стѣснитъ дѣло и возвыситъ цѣны—ну, какой же ветеринаръ согласится обходить деревни и кастрировать баранчиковъ по 5 копеекъ отъ штуки?—а добра никакого не выйдетъ. Да и чего же лучше желать: не все ли мнѣ равно, держалъ ли коновалъ экзаменъ, имѣетъ ли онъ отъ начальства ветеринарное свидѣтельство, когда онъ, приступая къ операціи, кладетъ, если я того пожелаю, въ закладъ опредѣленную сумму денегъ, которая меня вполнѣ обезпечиваетъ. Развѣ закладъ не лучше всякаго ветеринарнаго свидѣтельства! животныя—не люди и всегда имѣютъ опредѣленную цѣну. Конечно, не мѣшало бы, еслибы коновалы были болѣе образованы, болѣе свѣдущи, но для этого слѣдовало бы воспользоваться имѣющимся матеріаломъ и,

не нарушая установившихся отношеній, учредить въ селеніяхъ, населенныхъ коновалами, которые, обыкновенно—люди зажиточные, элементарныя школы, въ которыхъ бы преподаваніе было принаровлено къ будущей спеціальности учениковъ; но страшно, все-таки, что если возьмутся за это петербургскіе дѣятели, то сейчасъ пойдутъ разныя регламентаціи, убивающія всякое живое дѣло.

...Взвѣсивъ лёнъ, я захожу въ домъ закусить и, потомъ, отправляюсь на скотный дворъ. Я хотѣлъ описать мой зимній день; день только начинается, а я уже написалъ цѣлую тетрадь. Это уже вовсе не похоже на нашъ короткій зимній день. Не лучше ли на этомъ кончить?

А. Энгельгардтъ.

ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XIII.

Отъ Кургана до Тифлиса.

Тимоѳей Тимоѳеевъ.—Уралъ.—Волга.—Раскольники. — Встрѣчи въ Саратовѣ.—Воронежъ.—Каменка.—Земля Донская.—Екатериноградъ. — А. И. Якубовичъ.—Горы кавказскія.—Пришибъ.— Урѣхъ.—Дурдуръ. — Ордонская крѣпость.—Владикавказъ.—Дарьяльское Ущелье.—Казбекъ и Коби. — Крестовая Гора.—Гутъ-Гора.—Койшаурская долина.—Арагва.—Гартискаръ.

... Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ:
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.
М. Лермонтовъ.

Изъ Кургана былъ мнѣ данъ въ проводники квартальный надзиратель Тимоѳей Тимоѳеевъ, отставной поручикъ, который выслужился изъ сдаточныхъ рекрутъ, по старости лѣтъ отдыхалъ не на лаврахъ, а питался полицейскими доходами, утѣшался темными воспоминаніями давно прошедшей старины. Онъ воевалъ подъ Аустерлицемъ, былъ взятъ въ плѣнъ подъ Фридландомъ, отведенъ во Францію, оттуда волонтеромъ съ французами пошелъ въ Испанію, осаждалъ Сарагоссу, дрался противъ ножей Палафокса. Онъ припоминалъ только мѣста, въ коихъ было лучшее пиво, хорошая водка и сладкій виноградъ. Балагуръ, какъ всякій старый солдатъ, онъ толковалъ по своему о любомъ предметѣ, и, когда годовая дочь моя изрѣдка заплачетъ, то про-

силъ позволенія у матери спѣть испанскую пѣсню, а, вмѣсто болеро, просто тянулъ тирольскую мелодію. Проводнику моему дана была особая инструкція отъ князя Горчакова, генерал-губернатора Западной Сибири, по коей, въ случаѣ болѣзни или боли въ ногѣ, позволено было остановиться на пути. Путешествіе на почтовыхъ всегда торопливо: на станціяхъ нѣтъ спокойнаго ночлега, дорожные люди на станціяхъ гонятъ другъ друга. Труднѣе всѣхъ было женѣ моей, она заботилась обо мнѣ, о трехъ мальчикахъ и кормила грудью дочь: во время ѣзды перебирала узлы и никогда не заставляла ждать себя, когда староста или смотритель объявляли, что лошади готовы; зато отъ раскрыванія груди для кормленія дочери получила кашель, и отъ кратковременнаго сна въ дорогѣ заболѣли глаза ея. Въ хорошую погоду все было хорошо и легко; но мы поднялись въ дорогу 6-го сентября; слѣдственно, въ такое время года 3,500 верстъ ѣзды обѣщали болѣе худой и мокрой погоды. Дѣти хорошо выдерживали утомленія отъ пути, потому что мать во всемъ предупреждала ихъ нужды.

Близъ города Челябинска переѣхали мы границу Сибири и въѣхали въ Оренбургскую Губернію. Безпрестанные дожди не позволяли жнецамъ убирать и свозить снопы; на поляхъ необозримыхъ лежала рожь на корню и гнила; воздухъ зараженъ былъ гнилымъ запахомъ, какъ бываетъ тамъ, гдѣ мочатъ коноплю и ленъ. Мы нѣсколько станцій сряду все подымались на Уралъ, но непримѣтно, все плоскими возвышенностями; глаза тщетно искали длиннаго, высокаго хребта, темно-синей полосы на горизонтѣ; все подымались рысью, пока, наконецъ, достигли одной изъ главныхъ высотъ Урала и пріѣхали въ Златоустъ, знаменитый оружейными фабриками. Городъ построенъ на высокомъ мѣстѣ, обитаемъ одними только мастеровыми и работниками. Стукъ молота въ желѣзодѣлательныхъ заводахъ не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью. Уральскія Горы наружнымъ видомъ не привлекательны ни высотою, ни скалами, ни лѣсомъ; зато во внутенности своей хранятъ онѣ множество драгоцѣнныхъ камней, а отъ Златоуста до Міяскаго Завода щедро дарятъ металлами, отъ желѣза до золота. Поселяне на большой дорогѣ мало различествуютъ отъ сибиряковъ; они, бо̀льшею частью—также переселенцы, но деревни и жилища ихъ гораздо бѣднѣе. Тутъ же показались помѣщичьи усадьбы, чего въ Сибири не видать. Губернскій городъ Уфа имѣетъ прелестное мѣстоположеніе при стеченіи двухъ рѣкъ, обстроенъ хорошо и правильно. Проѣхавъ еще два города Оренбургской Губерніи, Бугульму и Бугурусланъ, мы въѣхали въ Симбирскую Губернію.

Всѣ низовыя земли богаты Волгою, которая всячески питаетъ обширнѣйшую часть Россіи, почему издавно названа кормилицею. Подъѣзжая къ Самарѣ, издали увидѣли мачты судовъ различныхъ видомъ и величиною. Торговая дѣятельность придавала особенную жизнь всему городу, хорошо обстроенному. Мы остановились тутъ на половину дня: тотчасъ явились разнаго рода люди съ предложеніемъ товаровъ и услугъ. Разносчикъ продавалъ астраханскіе арбузы: никогда, ни прежде, ни послѣ, не случалось мнѣ полакомиться такими вкусными арбузами, засахарившимися отъ избытка собственной сладости и сочности. Отчего астраханскіе арбузы такъ хороши, что, когда петербургскіе разносчики разносятъ свои парниковые арбузы, то для приманки возглашаютъ ихъ астраханскими? спросилъ я разносчика:— развѣ тамъ особенная земля для нихъ, особенный климатъ?— «Нѣтъ, не то, а вотъ что», отвѣтилъ разносчикъ: «когда нашъ великій царь Петръ объѣзжалъ свою землю, то, прибывъ въ Астрахань, онъ изъ кармана своего вынулъ арбузныя сѣмечки, привезенныя имъ изъ Голландіи, роздалъ по нѣскольку хозяину и сосѣдямъ и далъ имъ наставленіе, какъ садить ихъ и какъ ходить за ними, и съ тѣхъ поръ появились лучшіе арбузы въ Астрахани».—«Вѣрю, братецъ, вѣрю этому», возразилъ я и передалъ разносчику, какъ Петръ переселилъ соловьевъ изъ Ярославля въ Петербургъ, какъ онъ перевелъ славную породу лошадей изъ острова Эзеля и земель балтійскихъ въ богатую лугами Вятку и хорошей породы рогатый скотъ—въ Холмогоры.— За разносчикомъ фруктовымъ вошелъ булочникъ-нѣмецъ съ отличными булками, кренделями и сухарями; когда онъ узналъ, что везутъ меня изъ Сибири на Кавказъ, то съ особенною важною миною замѣтилъ—«aus der Hölle in die Hölle»—изъ ада въ адъ.—Волгу переплыли мы на суднѣ въ ясный и теплый вечеръ; отъ перепадавшихъ сильныхъ дождей рѣка мѣстами выступила изъ береговъ, а мѣстами образовала островки. Безпрестанныя извилины теченія увеличивали красоту ея. Съ перевозчиками бесѣда шла все о Волгѣ, и пѣсню запѣли: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Прибрежные жители—все люди промышленные и зажиточные, почва повсюду плодородная; въ каждомъ городѣ, въ каждомъ большомъ селеніи есть пристань; во время судоходства всѣ эти мѣста кипятъ дѣятельностью; тогда еще не было пароходовъ. На Волгѣ кормилъ я ложечкою годовую дочь и по стуку ложечки узналъ, что первый ея зубокъ прорѣзался на Волгѣ.

Въ городахъ встрѣтилъ я много колонистовъ, иностранныхъ переселенцевъ: по образу жизни, они чуждаются русскихъ, но

русскіе имъ не мѣшаютъ; напротивъ того, охотно имъ услуживаютъ не изъ личной корысти, а просто по доброй своей природѣ, и воздаютъ справедливость полезному трудолюбію нѣмцевъ.

Около Волжска, вообще во всей Саратовской Губерніи, много раскольниковъ; они сами не знаютъ, въ чемъ заключается различіе ихъ вѣроисповѣданія отъ общаго православнаго; они отдѣляются по преданіямъ своимъ, по соблюденію обрядовъ своихъ праотцовъ; они имѣютъ свои часовни, особенные образа, особенное богослуженіе. Табакъ, чай, кофе для нихъ—запрещенныя произрастенія, зелье, ядъ. Бо̀льшая часть раскольниковъ вина вовсе не употребляютъ, вообще живутъ умѣренно, трудолюбиво, и можно безъ всякаго опасенія оставить имъ ихъ причудливости, если они не вредятъ нравственности. Для такихъ раскольниковъ слѣдуетъ соблюдать вѣротерпимость и держаться правила Фридриха Великаго, сказавшаго: «хочу, чтобы въ моемъ государствѣ каждый подданный могъ искать вѣчнаго блаженства по своему убѣжденію». Въ странахъ, гдѣ слѣдовали такому правилу, не было сектъ или расколовъ; а напротивъ, гдѣ преслѣдовали за вѣру, гдѣ насильно хотѣли вводить единство догматовъ, тамъ церковь быстро разъединялась. Преслѣдованіе и гоненіе французскихъ протестантовъ распространили общества различныхъ братствъ въ Германіи. Преслѣдованіе англійскихъ протестантовъ пересадило расколы въ Сѣверную Америку, гдѣ число сектъ несмѣтно, пока вѣротерпимость и крайняя многосложность не произведутъ больше единства. Филиппъ II-й съ инквизиціей былъ главнымъ распространителемъ реформаціи и, при всемъ фанатизмѣ и стараніи въ пользу своей вѣры, былъ онъ главнымъ орудіемъ противъ католицизма. Такъ и въ Россіи, когда при Іоаннѣ Грозномъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, при царевнѣ Софіи, позднѣе при Аннѣ и Елисаветѣ, гнали за вѣру, тогда составились секты между переселенцами, которые въ новомъ мѣстѣ жительства переманивали людей въ свою вѣру, скрывали бѣглецовъ и бродягъ отчаянныхъ, изъ благодарности перешедшихъ въ ихъ религіозныя общества и въ свою очередь становившихся самыми усердными соревнователями и распространителями новаго раскола. Безъ сомнѣнія, есть расколы очень вредные, совершенно безнравственные, безчеловѣчные, кои по этой причинѣ должны быть искореняемы, какъ напримѣръ, секта скопцовъ и секта, допускающая повальный грѣхъ. Но старовѣровъ или старообрядцевъ вообще полагаю совершенно безвредными; какая нужда въ томъ, что они по своему складываютъ персты при знаменіи креста, что они имѣютъ свои

старинные образа, что табаку не курятъ и не нюхаютъ, что вина не употребляютъ? Все это никому не вредитъ. Я не вхожу въ разборъ различія между раскольниками; я о нихъ уже упомянулъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мнѣ случалось съ ними встрѣтиться, какъ теперь на берегахъ Волги, и замѣтить, что можно оставить ихъ въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что они исправно платятъ подати, выполняютъ всѣ земскія повинности и много трудятся для своего благосостоянія, чѣмъ возбуждаютъ зависть въ невѣрующихъ сосѣдяхъ, предающихся пьянству и лѣности. Прошло то время, когда они скрывались на островкахъ волжскихъ, въ камышахъ или подземельяхъ, и дай Боже, чтобы такое время никогда не возвратилось! Гоненіе, давленіе, притѣсненіе всегда вызываютъ сопротивленіе, отраженіе, возстаніе. Успѣхи образованія, стараніе правительства и духовенства, проникнутаго истинно христолюбивымъ духомъ, незамѣтно, безъ вынудительныхъ мѣръ и въ скоромъ времени, уничтожатъ всѣ расколы вредные и безвредные.

Въ Саратовѣ ожидала меня большая радость: тамъ я увидѣлся съ роднымъ братомъ моимъ Юліемъ, послѣ продолжительной разлуки, когда онъ, бывъ еще кадетомъ, простился со мною въ петропавловской крѣпости. Въ гостинницѣ узналъ я, что братъ мой, только за три недѣли предъ тѣмъ, женился на А. А. Кривской и что квартируетъ въ Саратовѣ. Въ тотъ же день, со всѣмъ семействомъ, перебрался я къ нему, и мы вполнѣ отдохнули тѣломъ и душой. На другой день имѣлъ удовольствіе познакомиться съ дядею жены его, съ П. Я. Кривскимъ, бывшимъ тогда главнымъ начальникомъ эльтонскихъ соляныхъ промысловъ. Вечеромъ, встрѣтилъ у брата товарища мнѣ по корпусу, полковника Томича, начальника конной батареи. Съ особеннымъ чувствомъ навѣстилъ я родную сестру Сергѣя Муравьева-Апостола, Ек. Ив., супругу саратовскаго губернатора Бибикова. Она разсказала мнѣ, ка̀къ близъ Петербурга, на станціи, имѣла свиданіе съ другимъ братомъ своимъ Матвѣемъ Ивановичемъ, когда перевезли его въ Сибирь изъ финляндской крѣпости вмѣстѣ съ А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ); ка̀къ она, при самомъ грустномъ расположеніи души, должна была невольно смѣяться отъ остротъ и шутокъ Бестужева во время завтрака.

Осенняя погода торопила меня скорѣе къ мѣсту; но проводникъ мой заставилъ меня пробыть лишній день въ Саратовѣ: невѣстка моя задарила его; онъ отъ восторга выпилъ порядкомъ и неосторожно закусилъ десятью фунтами винограду и фруктами, неизвѣстными въ Сибири; старикъ просто объѣлся ими и вылечился банею. Прямая дорога въ Грузію вела изъ Са-

ратова, черезъ Царицынъ и Камышинъ, по тракту въ Астрахань; но мы желали увидѣться и съ братомъ жены моей въ Харьковской Губерніи, почему пришлось сдѣлать большой кругъ. Легко было уговорить проводника ѣхать черезъ Воронежъ, чтобы тамъ поклониться мощамъ угодника Митрофана. Богомольный Тимоѳей Тимоѳеевъ восхитился этимъ предложеніемъ и поѣхали. Милый дорогой братъ мой проводилъ насъ верхомъ нѣсколько верстъ, показывалъ намъ обширное поле артиллерійскихъ ученій; любо было глядѣть на молодца-наѣздника, увѣрявшаго, что въ манёврахъ конной батареи заключается высшая поэзія.

Изъ Саратовской Губерніи повернули въ Тамбовскую; черезъ Балашовъ и Новохоперскъ достигли Воронежа. Главныя двѣ улицы этого города обстроены большими каменными зданіями по столичному. Гостинница на площади предлагала всевозможный комфортъ дорожному человѣку. Мы пріѣхали часу въ третьемъ, поздно было идти въ церковь. Послѣ обѣда, на дрожкахъ поѣхалъ къ цейггаузу временъ Петра Великаго, по берегу рѣки, гдѣ стояла первая верфь его. Старожилы сказали мнѣ, что городъ замѣтно увеличился и украсился съ тѣхъ поръ, какъ мощи святителя Митрофана привлекли несмѣтное число богомольцевъ. На слѣдующій день, въ дорожныхъ экипажахъ поѣхали прямо въ монастырь, въ главный храмъ, гдѣ покоятся мощи. Благочестивый архіепископъ Антоній приказалъ насъ пригласить въ свою домовую церковь, гдѣ онъ въ тотъ день самъ служилъ литургію; къ сожалѣнію, мы должны были отказаться, бывъ связаны маленькими дѣтьми, жена моя была съ груднымъ младенцемъ на рукахъ. Мы отслушали обѣдню при самомъ гробѣ Митрофана. При входѣ въ просторную церковь, украшенную великолѣпнымъ алтаремъ, колоннами голубоватаго цвѣта съ золотыми карнизами и капителями, въ правой сторонѣ близь окна видна гробница, подъ малиновымъ бархатнымъ покровомъ съ золотыми кистями. На стѣнѣ, у ногъ святителя, виситъ большой образъ Божіей Матери въ богатѣйшей ризѣ, украшенной бриллянтами и жемчугомъ. Началась торжественная служба; священниковъ и дьяконовъ было до десяти, въ богатомъ облаченіи; пѣвчіе пѣли хорошо; все призывало къ молитвѣ. По окончаніи литургіи, пришелъ гробовой іеромонахъ съ ключемъ, снялъ бархатное покрывало, отперъ золотую раку, и мы увидѣли мощи, обложенныя со всѣхъ сторонъ чудодѣйствующими шапочками, нарукавчиками, стружками, скляночками; богомольцы приближались по очереди, и каждый за добровольное приношеніе получалъ вещи освященныя. Я отошелъ осматривать храмъ со всѣхъ сторонъ; въ это время подошелъ ко мнѣ монахъ пожилой:

онъ вѣрно зналъ откуда ѣду, потому что спросилъ меня о Трубецкомъ и Нарышкинѣ—то былъ Потемкинъ, бывшій полковникъ, отрекшійся отъ міра. Тимоѳей Тимоѳеевъ набилъ цѣлую котомку разными вещами освященными для Сибири. Помолившись, отправились въ дальнѣйшій путь въ сопровожденіи любопытныхъ.

На всѣхъ станціяхъ Воронежской Губерніи запрягали намъ отличнѣйшихъ лошадей. Эта губернія изобилуетъ конскими заводами; по рѣкѣ Битюгѣ славятся повсюду кони битюцкіе, росту средняго, но сильные и быстрые. На первой станціи отъ Воронежа запрягли такихъ коней, что безъ оглядки съ удовольствіемъ можно было смотрѣть на нихъ; ямщикъ правилъ молодцомъ, кони мчали на возжахъ, и невольно замѣтилъ я ямщику, что такимъ конямъ только Царя возить.—«Да они Царя и возятъ», отвѣчалъ ямщикъ:—«ожидаемъ Царя обратно изъ Тифлиса; кони застоялись, надо было ихъ проминать».—Не смотря на глубокую грязь, мы ѣхали скоро; сбруя была исправная изъ широкихъ сыромятныхъ ремней; черезъ шлеи по обѣимъ сторонамъ висѣли ремни съ кожанными кистями. — «Тимоѳей Тимоѳеевъ! если мы встрѣтимъ Царя и спросятъ насъ, откуда ѣдемъ и кàкъ съѣхали на Воронежъ, то чтò ты отвѣтишь?»—«Скажу, что намъ захотѣлось помолиться и поклониться гробу святителя Митрофана». На слѣдующей станціи встрѣтили великую княгиню Елену Павловну, возвращавшуюся съ вознесенскихъ громадныхъ манёвровъ. Близъ Корочи встрѣтили рижскій драгунскій полкъ, шедшій изъ Вознесенска съ музыкою и съ пѣснями; дѣти мои восхищались молодцами драгунами и множествомъ сѣрыхъ лошадей. Съ закатомъ солнца въѣхали въ Харьковъ; мы расположились ѣхать всю ночь, но чугуевскій почтосодержатель не хотѣлъ дать лошадей подъ коляску жены моей за то, что подорожная дана была изъ Кургана до Тифлиса. Когда же онъ увидѣлъ, что я спокойно расположился оставаться на станціи, то велѣлъ закладывать и проводилъ насъ услужливо. Онъ былъ единственный почтосодержатель, который зналъ дорожникъ отъ Саратова до Тифлиса, что прямая дорога ведетъ туда не черезъ Воронежъ и Харьковъ.

Изъ города Изюма поднялись мы въ гору на Кремянецъ, спустились въ долину, гдѣ, въ семи верстахъ отъ города, увидѣли церковь, пространное село, при Донцѣ, прорѣзанное рѣчкою Каменкой. На-право и на-лѣво и впереди темнѣли отдѣльныя дубовыя рощи; правый берегъ Донца окаймленъ лѣсомъ. Мѣстность вообще чудная! Второе радостное свиданіе съ роднымъ

было свиданіе съ И. В. Малиновскимъ: мы застали брата, преисполненнаго любви, въ большихъ хлопотахъ съ предводительскимъ секретаремъ своимъ Адарюковымъ: подорожная была у него въ карманѣ, чтобы ѣхать къ намъ на встрѣчу до Саратова. Добрая и умная жена его Марья Ивановна, урожденная Пущина, родная сестра моего товарища Ив. Ив., согрѣла насъ сердечностью—только и слышно было: располагайте нами и домомъ.

Три дня отдыхали мы въ Каменкѣ; бѣдная жена моя ужасно кашляла. Костыли мои не давали мнѣ много ходить. Крестьяне не нуждались; обильная жатва видна была въ огромныхъ скирдахъ. Посѣтилъ больницу, имѣвшую хорошую деревенскую аптеку и свѣдущаго фельдшера. Этотъ порядокъ поддерживался со временъ дѣда жены моей, Андрея Аѳанасьевича Самборскаго, который выписалъ ученаго доктора по поводу сильно распространившагося сифилиса и постоянно заботился объ истинномъ благѣ крестьянъ. Судъ стариковъ, по приговору коего наказывали провинившихся, водился отъ его времени. Входилъ въ нѣсколько хатъ, очень опрятныхъ снаружи и внутри. Добрѣйшая тетка наша Анна Андреевна, въ память отца своего, выстроила въ селѣ церковь по плану софійскаго собора въ Царскомъ Селѣ. Служба божественная въ Каменкѣ совершаема была съ особеннымъ благоговѣніемъ; хоръ пѣвчихъ имѣлъ отличные голоса. Дружески увидѣлись и дружески разстались.

Чрезъ екатеринославскія степи мы въ два дня доѣхали до Дона; этотъ разъ мы не были задержаны перевозомъ, но ѣхали по широкому временному мосту, устроенному нарочно для Царя, проѣхавшаго наканунѣ, при возвращеніи своемъ изъ Тифлиса; чрезъ нѣсколько дней назначено было разобрать мостъ и возвратить весь матеріалъ городу Ростову. Первый ночлегъ въ землѣ донскихъ казаковъ имѣли мы въ небольшомъ селѣ, въ домѣ священника, у котораго за сутки передъ нами ночевалъ Царь съ Орловымъ. Мы не встрѣтились съ Царемъ оттого, что онъ изъ Аксая повернулъ на Новочеркаскъ, когда мы ѣхали изъ Ростова въ Аксай. Почтенный пастырь не могъ выразить словами полноту своего счастья, когда разсказывалъ, ка̀къ онъ угостилъ высокаго гостя чаемъ, ка̀къ онъ былъ удостоенъ бесѣдою, которая была кратковременна, потому что у Царя болѣли зубы такъ сильно, что былъ вынужденъ поставить піявки. Земля донскихъ казаковъ по почтовой дорогѣ мало населена, но по сторонамъ расположены сто десять станицъ. Почтовыя станціи тѣсны, а кое-гдѣ замѣнены землянками. Станица Аксай свидѣтельствовала своими каменными зданіями и лавками о прежнемъ благосостояніи края; въ проѣздъ мой всѣ большіе дома

были необитаемы, грозили совершеннымъ разрушеніемъ, безъ оконницъ или безъ стеколъ, половина желѣзныхъ крышъ свалились. Донское войско есть единственное въ своемъ родѣ; содержаніе его ничего не стоило правительству; съ вѣрою и правдою служило оно Россіи въ годину бѣдствій, оставьте ему его привычки и одежду, и бороду, не мѣшайте ему плавать по Дону съ хлѣбомъ и съ виномъ; пускай онъ машетъ тамъ весломъ въ мирное время для обогащенія края, какъ машетъ онъ безстрашно въ военное время своею нагайкою и саблею для защиты государства. Уже давно военная исторія доказала, что въ аванпостной службѣ для развѣдыванія о непріятелѣ, для внезапнаго нападенія, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ войска лучше казаковъ. Лѣтописи 1812, 13, 14 годовъ наполнены описаніемъ ихъ удальства,

Проѣхавъ землю донскую, въѣхали мы въ кавказскую область. Въ Ставрополѣ узналъ я, что товарищи мои уже были размѣщены по полкамъ на кавказской линіи, кромѣ А. И. Одоевскаго, который отправленъ былъ въ Грузію, въ нижегородскій драгунскій полкъ, а мнѣ назначено было ѣхать въ Тифлисъ, гдѣ меня ожидало свиданіе со старшимъ сыномъ моимъ Евгеніемъ.

Близь Георгіевска, съ правой стороны почтовой дороги, видны отдѣльныя горы Бештау, Машукъ, Змѣиная, Желѣзная и Верблюжая, окружающія прежній Горячеводскъ и давшія названіе новому городу Пятигорску. Мы были принуждены остановиться въ Екатериноградѣ, въ большомъ селеніи или въ станицѣ линейныхъ казаковъ, съ таможнею и карантиномъ. Хозяинъ моей квартиры, казачій урядникъ, объявилъ мнѣ, что придется намъ оставаться у него дня на два, пока не отправится *оказія* въ Владикавказъ. Оказіей называется отправка съ прикрытіемъ военной команды и пушки. Чтобы узнать дѣло навѣрно, я пошелъ къ начальнику станицы, майору Макарову, котораго засталъ въ постели съ переломленою ногою: вокругъ постели стояло нѣсколько человѣкъ черкесовъ; они посыпали рану бѣлымъ порошкомъ. Мои костыли вызвали участіе больнаго. Майоръ, лихой наѣздникъ, отличный танцоръ и славный офицеръ, страдалъ не отъ ружейной пули, но имѣлъ несчастье выскочить изъ коляски, которую понесли лошади, и переломить себѣ ногу ниже колѣна. Доктора перевязали, кость срослась, но перевязка была сдѣлана неправильно, переломанная кость срослась криво. Макаровъ, любившій щеголять, велѣлъ снова переломить, и снова перевязать поправильнѣе; тогда прикинулось воспаленіе; европейскіе и азіатскіе лекаря тщетно прилагали свое стараніе; онъ умеръ чрезъ нѣсколько недѣль послѣ продолжительныхъ страданій, оставивъ молодую премилую жену. — Для бо́льшей безопас-

ности, Макаровъ совѣтовалъ мнѣ дождаться отправки команды и подъ ея прикрытіемъ слѣдовать по всей военной дорогѣ до Владикавказа, какъ обыкновенно ѣзжали всѣ по казенной и собственной надобности. Только курьерамъ и важнымъ воинскимъ начальникамъ давали летучіе конвои казаковъ.

Въ передней комнатѣ больного майора встрѣтилъ меня заслуженый пожилой воинъ съ георгіевскимъ крестомъ и владимірскимъ съ бантомъ; онъ, вѣроятно, освѣдомился заранѣе, откуда я ѣду, и спросилъ: — «Позвольте узнать, не видали ли А. И. Якубовича, моего прежняго начальника? Я—штабс-капитанъ Кулаковъ, его бывшій вахмистръ».—Когда отвѣтилъ ему, что я жилъ съ Якубовичемъ шесть лѣтъ подъ одною крышею въ острогѣ и въ тюрьмѣ, что оставилъ его въ добромъ здоровьи, то старый воинъ, прослезившись, разсказалъ мнѣ, какъ Якубовичъ жилъ въ Екатеринградѣ, дѣлалъ частые набѣги на хищниковъ, добычу дѣлилъ справедливо на всю команду, не взявъ ничего для себя, однимъ словомъ, былъ роднымъ отцемъ для солдатъ. На Кавказѣ многіе помнятъ о его подвигахъ или слышали о храбрости его. Высокое чело его у самаго виска пробито было черкесскою пулею; рана эта никогда не заживала. Онъ имѣлъ несчастье въ Сибири, что былъ забытъ совершенно. Когда насталъ срокъ его перемѣщенія изъ петровской тюрьмы на поселеніе, то онъ въ Енисейскѣ основалъ небольшую школу и устроилъ мыловаренный заводъ; и такъ исправно и удачно производилъ дѣло, что нетолько самъ содержалъ себя безбѣдно, но помогалъ другимъ безпомощнымъ товарищамъ и посылалъ своимъ роднымъ гостинцы, ящики лучшаго чая. Крѣпко и явно преслѣдовалъ онъ попрошаекъ-самозванцевъ, выдававшихъ себя за жертвы 14 декабря. Онъ скончался отъ горячки въ Енисейскѣ, въ 1845 году.

На квартирѣ встрѣтилъ меня хозяинъ у крыльца своего и предложилъ мнѣ пару фазановъ, доставившихъ намъ очень вкусное и нѣжное жаркое, зажаренное казакомъ по-кавказски. Хозяинъ много и долго разсказывалъ о подвигахъ генерала Засса, о страшилищѣ черкесовъ, съ которымъ имѣлъ случай познакомиться чрезъ годъ.

Дважды въ недѣлю отправлялись почта, проѣзжающіе, провіантъ и казенныя вещи изъ Екатеринограда въ Владикавказъ; разстояніе это въ 105 верстъ называется *военною дорогою*. Рано утромъ, волы двинули телеги съ провіантомъ за станицу и остановились подлѣ дороги на равнинѣ; туда слѣдовали и наши экипажи, почтальонъ съ письменными и посылочными чемоданами и карета вольнаго семейнаго аптекаря; наконецъ, привлекли

заряженную пушку, при ней артиллеристъ съ дымящимся фитилемъ; за пушкою прибыла команда пѣхоты съ заряженными ружьями и прискакалъ конный конвой—десятокъ казаковъ. Казаки раздѣлились по обѣимъ сторонамъ транспорта, пѣхота отрядила авангардъ и арріергардъ, барабанщикъ ударилъ подъемъ, и медленнымъ, ровнымъ шагомъ воловьимъ потянулся длинный рядъ обоза. Черезъ полчаса густой туманъ разсѣялся, и неожиданно представилась зрѣнію чудная картина кавказскихъ горъ! Какъ бѣлыя облака на горизонтѣ, отъ Каспія до Понта, тянулись горы длиннымъ рядомъ, сіяли отъ солнечныхъ лучей, какъ полированный кристалъ, волнисто переливались и сливались цвѣта снѣжный и серебристый; ледяныя вершины отсвѣчивались то золотистымъ, то розовымъ цвѣтомъ; весь хребетъ высокихъ горъ прерывался въ двухъ только мѣстахъ громадными исполинами—Эльбрусомъ и Казбекомъ. Величіе и красота этой картины поражаютъ, но описать ихъ невозможно. Видъ этихъ горъ издали можно сравнить съ облаками на горизонтѣ въ осеннее время, когда, при закатѣ солнца, послѣдніе лучи его освѣщаютъ фантастическіе образы облаковъ. Подобную картину уловляемъ на минуту, она—призракъ исчезающій, а кавказскія горы—величественная дѣйствительность. Въ ясную погоду горы видны изъ Георгіевска.

За нѣсколько недѣль прежде меня ѣхали по той же дорогѣ товарищи мои А. И. Одоевскій и М. А. Назимовъ; когда, близь Георгіевска, показались имъ кавказскія горы и въ это мгновеніе пролетѣла стая птицъ по направленію къ горамъ, то Назимовъ просилъ поэта привѣтствовать сопутниковъ и Кавказъ. Одоевскій, сидѣвшій на почтовой тележкѣ рядомъ съ нимъ, отвѣтилъ:

«Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ граютъ радостно могучія орлицы,
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы на югъ! туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ!
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ,
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ,
И свѣжій лавръ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти, и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей прикроетъ тѣнью?—
И что не мерзлый ровъ, не снѣговой увалъ
Насъ мирно подарятъ послѣднимъ новосельемъ,
Но кровью жаркою обрызганный Чакалъ
Гостей бездомныхъ прахъ разбросить по ущельямъ»

Наше движеніе нисколько не походило на путешествіе въ своей странѣ и въ мирное время. Вооруженное прикрытіе, пушка, всѣ военныя предосторожности, напоминали страну вражескую и заставляли каждаго быть готовымъ къ бою и къ оборонѣ. Вся Кабарда есть обширная равнина съ превосходнѣйшими пастбищами: изъ ущелій горъ, въ весеннее, лѣтнее и осеннее время, когда вездѣ еще подножный кормъ, отважные наѣздники горцы спускаются на добычу, грабятъ безпечныхъ путешественниковъ. Эти набѣги и грабежи заставили принять строгія предосторожности. Мы двигались шагъ за шагомъ, такъ что я могъ на костыляхъ не отставать отъ команды и бесѣдовать съ солдатами. Почти на каждой верстѣ представлялось памятное мѣсто, гдѣ горцы отбили почту или прибили проѣзжаго, или ранили офицера, убили солдата, увели коней, угнали воловъ. Транспорты казенныхъ вещей и провіанта шли на волахъ, возившихъ дважды въ недѣлю, по своей дистанціи отъ одной крѣпостцы до другой и были содержаны на счетъ казны линейнымъ батальйономъ, занимавшимъ караулъ въ крѣпостцѣ. На половинѣ перехода имѣли привалъ на часокъ; каждый изъ насъ имѣлъ свою закуску и свою прибаутку. Послѣ отдыха, пошли прежнимъ порядкомъ, и въ часу пятомъ пополудни пришли на ночлегъ въ Пришибскую Крѣпость. Только не воображайте себѣ крѣпости съ каменными стѣнами, глубокими рвами и подъемными мостами. Земляной окопъ съ четырьмя бастіонами, окружающій казарму, два-три дома и *духанъ* или кабакъ—вотъ крѣпость на военной дорогѣ. При въѣздѣ и выѣздѣ поставлены палисады, на валу пушки, и денно, и ночно старательный караулъ, который мало надѣется на валъ и на пушку, но много на штыкъ свой. Весь гарнизонъ такой крѣпости состоитъ изъ одной или изъ двухъ ротъ, изъ двухъ офицеровъ и лекаря. Дважды въ недѣлю видятъ они проѣзжающихъ и по очереди конвоируютъ ихъ. Но въ Чечнѣ, въ Дагестанѣ, въ мѣстностяхъ частыхъ набѣговъ, гдѣ устроены такія же крѣпостцы, тамъ офицеры и солдаты, кромѣ самихъ себя и непріятеля, никого не видятъ; не знаютъ прогулки внѣ крѣпости, а если нужда велитъ идти за дровами или пищею и кормомъ, то выходятъ не иначе, какъ съ вооружонными проводниками.

На другой же день продолжали путь тѣмъ же порядкомъ, но съ другимъ конвоемъ, съ другою пушкою. Дорога чрезвычайно однообразна по обширной равнинѣ. Травы растутъ необыкновенной вышины и питательности. Кабардинцы пасутъ своихъ овецъ, отъ нихъ имѣютъ одежду и пищу. Послѣ обѣда, мы пришли на ночлегъ въ Урюхъ, въ такую же крѣпость, но только объемомъ

вдвое больше первой. Тутъ женатые солдаты имѣли свои избы, кои съ казармою, съ больницею и хлѣбнымъ магазиномъ составляли селеніе. Ротный командиръ былъ женатъ, держалъ все въ величайшемъ порядкѣ и повиновеніи, одѣвался по-черкесски и съ жаромъ разсказывалъ о боевой жизни, объ экспедиціяхъ, въ коихъ онъ участвовалъ.

Въ третій день прибыли мы въ Ордонскую Крѣпость, тутъ былъ штабъ батальйоннаго командира П. П. Нестерова, бывшаго адъютанта В. Д. Вольховскаго. Этотъ молодой штаб-офицеръ въ десять лѣтъ заслужилъ чинъ генерал-лейтенанта, получилъ дивизію и былъ украшенъ четырьмя звѣздами. Такихъ примѣровъ на Кавказѣ не мало, гдѣ въ одно лѣто можно двадцать разъ отличиться и двѣсти разъ подставлять лобъ меткой пулѣ или вѣрному удару кинжала или шашки. Нестеровъ кончилъ жизнь несчастливо: онъ лишился ума или отъ печали о кончинѣ дѣтей, или отъ обманутой любви, или отъ меланхоліи.

Выступивъ изъ Ордонской Крѣпости, миновали мы Дурдуръ, гдѣ иногда оказывался недостатокъ въ водѣ. Далѣе имѣли привалъ въ минаретѣ, на берегу Терека, у каменной башни: эта мѣстность отличается необыкновенною свѣжестью зелени, кустарниковъ и травъ. Верстъ за десять до Владикавказа, пѣшій конвой и обозы продолжали идти шагомъ, а почта и путешественники, у кого были запряжены кони, поѣхали рысью впередъ. Близь дороги видны отдѣльные дворы переселившихся мирныхъ черкесовъ, поступившихъ въ подданство Россіи. Я приказалъ ямщику, нанятому прямо изъ Екатеринограда, остановиться и зашелъ въ ближайшій отъ дороги дворъ. Тутъ жилъ горецъ-землѣдѣлецъ; его одежда, обувь, осанка, все—чисто черкесскія; но домъ, ограда, домашній скарбъ составляли слабое и бѣдное подражаніе русскому крестьянскому быту. Проводникъ мой уговаривалъ меня не входить въ домъ, предостерегалъ отъ коварства мирныхъ черкесовъ; но я отдѣлался шутками, полагаясь на храбрость мужа, сразившагося противъ ножей Палафокса, обѣщалъ ему, въ случаѣ нужды, дружно поддержать его двумя костылями. Внутри дома висѣли на стѣнѣ ружья, шашки и кинжалы. Хозяйка со взрослою дочерью и дѣтьми очищали просо; хозяинъ поднесъ мнѣ питье изъ проса, въ родѣ кумыса или водки непріятнаго вкуса; изъ сосѣдняго двора прибѣжали черкешенки, но ни одной между ними нельзя было назвать красавицей. Мужчины хотя также не отличались красотою лица, но невольно обращали на себя вниманіе стройностью стана, хорошо примѣренною одеждою, маленькою, гладко обутою ногою и ловкостью походки. Наскоро осмотрѣлъ я еще на дворѣ соху, бо-

рожна, зубу, все было въ плохомъ состояніи, впрочемъ, и поди ихъ были не лучше. Безъ сообщенія, когда черкесъ привыкнетъ, то и онъ можетъ сдѣлаться хорошимъ земледѣльцемъ; въ такомъ дѣлѣ нужно время. Черкесъ-извощикъ говорилъ немного по-русски и, казалось, былъ доволенъ своимъ новымъ положеніемъ.—Чрезъ часъ мы въѣхали въ Владикавказъ, гдѣ были приняты въ домѣ коменданта, полковника Шарскаго, предувѣдомленнаго о нашемъ пріѣздѣ; кромѣ того, добрѣйшие родные прислали къ намъ на встрѣчу вѣрнаго стараго слугу Никифора Гребенщика съ полнымъ кошелькомъ денегъ, грузинской серебряной монеты, цѣнностью и вѣсомъ въ 20 и въ 40 копеекъ серебромъ; монеты эти предназначены были для раздачи солдатамъ—проводникамъ черезъ горы.

Владикавказъ, у подножія Кавказскихъ Горъ, на берегу Терека, довольно населенный городъ, имѣетъ 4,000 жителей, нѣсколько улицъ, больницу и запасные магазины. Я пошелъ на кладбище отыскать могилу гр. П. П. Коновницына, узнавъ прежде отъ сестры его, Е. П. Нарышкиной, что мать ея отправила изъ Петербурга металлическую доску съ надписью для его могилы; долго я ходилъ, искалъ и не нашелъ ея. Священникъ и причетникъ указали мнѣ мѣсто и разсказали, что онъ проѣздомъ заболѣлъ, лежалъ въ больницѣ и умеръ отъ холеры. Эта болѣзнь свирѣпствовала съ такою силою, что въ сутки умирало до ста человѣкъ и болѣе, такъ что не успѣвали хоронить по одиночкѣ и положить тѣла отдѣльно въ гробы, но рыли общую могилу и зарывали умершихъ сотнями, какъ на полѣ битвы.

Ноября 6-го, выѣхали изъ Владикавказа по лѣвому берегу плавно и ровно текущаго Терека, все по холмистой мѣстности, съ горки на горку. Тутъ, въ узкомъ мѣстѣ, встрѣтилъ я и остановилъ княгиню Дадьянъ, рожденную баронессу Лидію Григорьевну Розенъ, спѣшившую вслѣдъ за мужемъ своимъ, отправленнымъ на недѣлю съ фельдъегеремъ въ Бобруйскъ. Послѣ узналъ я причину, при встрѣчѣ могъ только передать княгинѣ успокоительную вѣсть, что супругъ ея хорошо выноситъ быструю, безпокойную ѣзду, отъ всей души пожелалъ ей скорѣйшаго соединенія съ нимъ и освобожденія изъ крѣпости; съ нею ѣхала теща ея. Отъ страданій собственныхъ и отъ вида чужихъ страданій, невозможно ни уйти, ни скрыться: такъ, подымаясь на Кавказскія Горы, первая встрѣча была съ прекраснѣйшими очами, какихъ рѣдко, очень рѣдко случалось видѣть: но очи эти были въ слезахъ и выражали тайное страданіе—за себя и за встрѣчныхъ; мы пожали другъ другу руки и съ тѣхъ поръ не видѣлись.

Далекая покатость горъ представила къ вечеру величественную иллюминацію: снизу вверхъ бѣжалъ огонь широкими полосами, то быстро, то медленно, смотря по силѣ вѣтра; осетинцы жгли свои пастбища и отавы для удобренія ихъ къ слѣдующей веснѣ. Дивный фейерверкъ по правую сторону дороги, а по лѣвой—съ каждою верстою впередъ Терекъ становился все быстрѣе и шумнѣе въ своемъ теченіи. Такимъ образомъ прибыли мы на ночлегъ въ Ларсъ.

На другой день продолжали подыматься въ гору: дорога была очень хороша и довольно широка. Горы мѣстами покрыты были лѣсомъ, кустарникомъ; но, когда приблизились къ Ущелью Дарьяльскому, то можно было видѣть только отвѣсныя скалы, между ними Терекъ, а надъ Терекомъ—только узкую полосу неба. На вершинахъ скалъ кое-гдѣ показывались избы осетинцевъ, скирды хлѣба, узкое поле, рабочіе волы; все это, по значительной высотѣ скалъ, виднѣлось въ уменьшительномъ размѣрѣ. Чѣмъ выше въ гору, тѣмъ величественнѣе становилась дорога, проложенная на краю самого русла Терека. Тутъ видна часть прежней старинной дороги, высѣченной въ скалѣ; въ одномъ мѣстѣ скала пробита въ видѣ крытыхъ воротъ, но до того низенькихъ, что путешественники и начальники края снимали кузовы каретъ и колясокъ и на рукахъ перекатывали ихъ нѣсколько саженъ. Сколько было потери времени отъ перетяжки рессорныхъ ремней; въ проѣздъ мой, поднятое и выравненное съ одной стороны русло рѣки могло равняться съ наилучшимъ шоссе. На небольшомъ разстояніи, гдѣ мѣстность и русло не позволяли продолжать дорогу, гдѣ страшный обвалъ запрудилъ ее, тамъ накинутъ мостъ чрезъ рѣку и проложена отличная дорога на правомъ берегу рѣки съ полверсты, оттуда другой мостъ ведетъ опять къ лѣвому берегу Терека. Мосты охраняются часовыми; караулъ имѣетъ на этомъ мѣстѣ казарму и больницу: прохладный и влажный воздухъ въ этомъ ущельѣ даетъ скорую помощь и излеченіе страждущимъ грудью. На правомъ берегу, недалеко отъ мостовъ, видна крутая скала, которая сверху до низу, въ нѣсколько сажень ширины, имѣетъ черноватую полосу, какъ бы огнемъ и дымомъ запаленную и вычерненную. Тутъ горная вода весною падаетъ съ такою быстротою и силою, что пѣнится и крутится, вырываетъ и перекатываетъ тяжелые обломки гранита, отъ коихъ выбиваются крупныя искры; это мѣсто названо «бѣшенная балка».

Раздался выстрѣлъ! Ударъ ружья повторялся сотни разъ отъ скалы въ скалу; дѣти мои отвѣтили дружнымъ ура! Терекъ шумѣлъ и бушевалъ такъ громко, что невозможно было слышать

обыкновеннаго разговора, должно было кричать во все горло; при этомъ надобно замѣтить, что я ѣхалъ осенью и могъ себѣ представить, какъ онъ шумитъ весною, когда таютъ снѣга. Досадно мнѣ, что не умѣю описать картину этого единственнаго въ своемъ родѣ пути. При такихъ величественныхъ и громадныхъ видахъ, какъ на Кавказѣ, душа стѣсняется, смиряется, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая свое призваніе, возносится выше Кавказа: она постигаетъ видимое, но ощущеній своихъ выразить не можетъ словами. Напрасно останавливаюсь, чтобы придумать, какъ лучше изобразить: это не удалось вольному путешественнику, поэту А. С. Пушкину, ни А. С. Грибоѣдову, ни невольнымъ странникамъ А. А. Бестужеву (Марлинскому), ни А. И. Одоевскому. Всего лучше отрывками нарисованъ Кавказъ поэтомъ Лермонтовымъ, который, волею и неволею, нѣсколько разъ скитался по различнымъ направленіямъ чудной страны и дивной природы.

Къ вечеру достигли Казбека, гдѣ ночевали. Здѣсь небольшая церковь, хорошій домъ для пріѣзжающихъ; вблизи — домъ владѣльцевъ князей Казбековыхъ: одинъ изъ братьевъ служилъ въ военной службѣ, навѣстилъ меня, чтобы освѣдомиться объ Якубовичѣ, старомъ сослуживцѣ. Мы благополучно поднимались въ гору. рано утромъ, 8 ноября, выѣхали изъ Казбекской Станціи и скоро пріѣхали до Коби. Тутъ небольшой домикъ для проѣзжихъ, другой такой же для дежурныхъ въ сторожѣ [illegible] для ротнаго командира и для роты, которая смѣняется по очереди. Въ февралѣ и въ мартѣ бываютъ такіе снѣговые обвалы или завалы, что заваливаютъ людей и прекращаютъ сообщеніе на цѣлыя недѣли, когда никакого средства нѣтъ переѣхать, [illegible]

[illegible]

землянку, если бы она была удобнѣе, и прибавилъ: «Впрочемъ, если не поздно и если вы можете въ полчаса собраться въ путь, то засвѣтло спустимся; который теперь часъ?» — Двѣнадцатый въ исходѣ!—«Такъ соберитесь; сейчасъ запрягутъ лошадей, а я и солдаты мои готовы! Одно только условіе: чтобы супруга ваша не выходила изъ коляски, пока не доѣдемъ до мѣста».

Запрягли лошадей въ пять минутъ; мы проворно сѣли въ экипажи; штабс-капитанъ сѣлъ на коня своего; за нимъ 36 человѣкъ солдатъ двинулись почти бѣглымъ шагомъ. Штабс-капитанъ часто подъѣзжалъ къ моему тарантасу и, въ родѣ добраго Максима Максимыча, бесѣдовалъ и заговаривалъ о быломъ времени, когда онъ служилъ подъ начальствомъ А. П. Ермолова. Теперь еще вижу его усмѣшку, его кавказскія замашки, его маленькаго рыжаго коня, который спокойно и смѣло ступалъ по самому краю пропасти или по невысокой насыпи изъ небольшихъ камней, положенныхъ на краю дороги въ 3/4 аршина вышиною, чтобы зимою или въ грязную пору экипажи не скатились въ бездну. Изъ-подъ конскихъ ногъ выбивались каменья и пáдали въ пропасть; тогда стукъ и гулъ отъ паденія ихъ раскатывался и повторялся по всей долинѣ, а штабс-капитанъ спокойно покуривалъ трубочку и, когда я упрашивалъ его не ѣхать по такому опасному мѣсту, улыбаясь, отвѣчалъ мнѣ: — «Мы и наши кони привыкли къ такимъ мѣстамъ; случается часто мнѣ одному ѣздить по этой дорогѣ. Кажись, мѣсто просторное, а бестія рыжакъ все тянетъ къ краю да къ пропасти, и все, знаете, кáкъ-то тутъ ѣхать веселѣе и виднѣе». Солдаты еще прибавили шагу и подошли къ мѣсту, гдѣ семья осетинцевъ поселилась возлѣ дороги, единственно съ цѣлью, чтобы оказывать помощь путешественникамъ и доставлять имъ убѣжище въ случаѣ непогоды и мятели. Мы подарили нѣсколько монетъ этимъ пустынникамъ. Изъ дому, складеннаго изъ камней и глины, вышелъ сѣдой проводникъ, представился намъ изломанными русскими словами: «Я—князь Циклауровъ; сестру вашу, Вольховскую, знаю, сына вашего знаю, его несъ я на рукахъ, когда они горы переѣхали». Я пожалъ руку старику и отблагодарилъ его по жалобѣ его на бѣдность. Когда императоръ Николай, за нѣсколько дней до нашего проѣзда, на минуту остановился тутъ и спросилъ старика, кáкъ онъ здѣсь проживаетъ, то старикъ показалъ ему на свою заслуженную саблю съ серебряннымъ темлякомъ и сказалъ: «темлякъ есть, а хлѣба нѣту!» На такое лаконическое прошенье Императоръ приказалъ отпускать ему двойной провіантъ пожизненно.

Мы достигли Крестовой Горы и остановились на нѣсколько минутъ: штабс-капитанъ поднесъ намъ стаканъ минеральной воды вкусомъ пріятно кисловатымъ. День былъ неясный; гораздо ниже насъ плавали облака по Чортовой Долинѣ; тучи другого яруса начали собираться надъ головою, и пошелъ пушистый снѣгъ большими густыми хлопьями.—«Прибавь шагу!» скомандовалъ штабс-капитанъ; солдаты по ровной дорогѣ пустились бѣглымъ шагомъ, кони слѣдовали рысью. Штабс-капитанъ замѣтилъ, что густой снѣгъ какъ будто свѣту убавляетъ, и спросилъ:—«Который часъ теперь на часахъ вашихъ?»—Я посмотрѣлъ—«Двѣнадцатый въ исходѣ».—Приложилъ часы къ ўху, часы стояли: они стояли уже въ Коби—я забылъ ихъ завести поутру. Штабс-капитанъ стянулъ брови, замѣтилъ съ досадою, что часы насъ обманули и что воротиться будетъ хуже.

Стало смеркаться, когда мы приблизились къ Гутъ-Горѣ: по покатости Гутъ-Горы дорога шла прямымъ угломъ и очень круто. Солдаты веревками и цѣпями, укрѣпленными къ дрогѣ и къ задней оси, придерживали экипажи, которые, сверхъ того, спускались на тормозахъ. Когда тарантасъ былъ спущенъ по одной сторонѣ прямого угла и повернулъ на-право по другой линіи угла, то штабс-капитанъ приказалъ остановиться, подъѣхалъ ко мнѣ и спросилъ:—«Не угодно ли вамъ посмотрѣть, ка̀къ спускается коляска вашей супруги?»—Почти отвѣсно, по скату крутому, вела узкая дорога; по одной сторонѣ—гора, какъ стѣна, по другой—бездна. Жена моя не могла думать о себѣ; она на рукахъ своихъ держала дочь и послѣ разсказывала мнѣ, что всѣми силами должна была опираться ногами о передній ящикъ, чтобы самой ей не выпасть изъ коляски или не выронить ребенка. Дорога была тутъ испорчена отъ дождей и отъ камней, коляска качалась; штабс-капитанъ грозно окликнулъ:—«Не качай коляски!»—Одинъ изъ солдатъ отвѣтилъ:—«Темно, ваше благородіе!»—«А что̀, вамъ свѣчи надо, что̀-ли?»—Коляска перестала качаться, ее спускали почти на рукахъ.

Спустившись съ Гутъ-Горы, увидѣли близь дороги влѣво огонёкъ на Койшаурской Станціи. Намъ оставалось еще спуститься съ Койшаурской Горы версты на три. Штабс-капитанъ спросилъ команду:—«Не устали вы, ребята?»—«Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, рады стараться!»—Однако, съ караульнаго по̀ста койшаурскаго взяли еще 12 человѣкъ солдатъ въ помощь и въ совершенной темнотѣ стали спускаться все въ прямомъ направленіи. Штабс-капитанъ безмолвствовалъ, солдаты тихомолкомъ про себя говорили и ворчали:—«Что̀ онъ задумалъ ночью переправить такіе экипажи и израненнаго (такъ называли меня по

костылямъ моимъ) да маленькихъ дѣтей?—этого никогда не бывало».—Я объяснилъ солдатамъ, что часы надули насъ, что нѣтъ еще бѣды никакой, что съ такимъ начальникомъ, да съ такимъ конвоемъ можно безопасно пройти по всему аду. Въ это мгновеніе, зазвенѣла желѣзная цѣпь подъ коляской—«Это что̀ такое?» спросилъ штабс-капитанъ.—«Цѣпь перетерлась пополамъ, ваше благородіе».—«Тѣмъ лучше! сказалъ полубасомъ штабс-капитанъ:—теперь вамъ не на что надѣяться, какъ только на самихъ себя!»—Солдатушки усердно поддерживали, кто за веревку, кто за рессоры, за ремни. У меня на козлахъ сидѣлъ старый слуга Никифоръ, присланный родными къ намъ на встрѣчу до Владикавказа; онъ указалъ мнѣ на огни у подошвы горы, гдѣ жилъ окружный начальникъ кн. Аваловъ; тамъ назначенъ былъ ночлегъ. Признаюсь, непріятно было ѣхать ночью по такой дорогѣ, видѣть еще далеко подъ собою нѣсколько огней и знать, что рядомъ, вдоль всего спуска, на одинъ шагъ отъ дороги—ужасная пропасть, которая поглотила уже много повозокъ и поклажи. Проѣзжающіе бо̀льшею частью спускаются здѣсь или верхомъ, или пѣшкомъ и не иначе, какъ днемъ. Мы доѣхали въ десятомъ часу вечера.

Штабс-капитанъ Черняевъ на рукахъ своихъ поднялъ жену мою изъ коляски и сказалъ:—«Извините, что въ такое позднее время провелъ васъ чрезъ опасныя мѣста!» Окружный начальникъ и жена его не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ, когда увидѣли на крыльцѣ жену мою и четырехъ дѣтей, и въ самомъ дѣлѣ не на шутку бранили штабс-капитана.—Съ позволеніемъ его, я созвалъ въ одну шеренгу славныхъ проводниковъ-солдатъ и каждому самъ вручилъ подарокъ. Хозяинъ и хозяйка радушно и ласково приняли и угостили насъ: жена моя и дѣти устали и истомились, легли отдохнуть. Я вышелъ на крыльцо; вечеръ былъ тихій и теплый; небо очистилось отъ облаковъ; заиграли звѣзды, слабо освѣщавшія горы и долину; все было покрыто какою-то таинственностью; глазамъ все представлялись громадныя горы, бездонныя пропасти, крутыя ущелья. Изъ грузинскаго духана переливались звуки русской пѣсни; тамъ пѣли солдаты, насъ провожавшіе. Шумъ и гулъ Терека былъ замѣненъ нѣжнымъ журчаніемъ Арагвы, текущей въ двухъ шагахъ отъ окна моего и сладко меня усыпившей. Рано поутру проснулся; на крыльцѣ встрѣтилъ Меницкаго, адъютанта Розена, пріятной наружности, виднаго собою и, хотя дорожнаго, но одѣтаго щеголемъ и ѣхавшаго съ молодою женою обратно въ Петербургъ; онъ сѣлъ на коня и пустился догонять карету, которую восемь паръ воловъ влачили на Койшаурскую Гору. Утро было совер-

шенно ясное. Сѣверъ былъ отгороженъ исполинскими ширмами или перегородкою горъ. Солнце освѣтило нашъ вчерашній последній спускъ и показало намъ новую картину: за горой еще превысокую гору, разноцвѣтныя скалы и обрывы, покрытые зеленью; высочайшіе *чинары*, дикій виноградъ, плющъ—все въ полной зелени, барбарисъ, и 9-го ноября все дышало югомъ, дышало Грузіей. Красоты Койшаурской Долины безчисленны. Мнѣ случалось видѣть изображенія нѣкоторыхъ кавказскихъ горъ, даже мастерской кисти, но все это не удовлетворяетъ, оттого что представляетъ только осколокъ красоты. Не всѣмъ суждено побывать тамъ; но побывавшіе вѣрно всѣ согласны со мною, что этотъ край—дѣйствительно чудный по природѣ своей, и только не достаетъ въ немъ жителей, которые умѣли бы наслаждаться и пользоваться краемъ.

Мы ѣхали двѣ станціи полною рысью и ночевали въ уѣздномъ городѣ Душетѣ. На другой день проѣхали Мцхетъ, прежнюю резиденцію грузинскихъ царей на самомъ берегу Куры. Чѣмъ нетерпѣливѣе становилось мое ожиданіе, тѣмъ медленнѣе подвигались мы къ цѣли. Дождь промылъ дорогу, лошади и экипажи скользили и раскатывались; наконецъ, доѣхали до послѣдней станціи Гартискаръ, гдѣ на бѣду не было лошадей и откуда идетъ другая дорога на крѣпость Гори. Мы принуждены были выжидать обратныхъ лошадей и, пока ихъ кормили, потеряли пять часовъ времени; между тѣмъ, все лилъ дождь и все болѣе портилась дорога. Непріятность новаго моего назначенія, неизвѣстность новаго мѣста жительства исчезли на часокъ при радостной надеждѣ на скорое свиданіе съ сыномъ и съ испытанными родными въ постоянной и чистой любви, во все время нашей разлуки. Дѣти замѣтили мое безпокойство и сами смутились долгимъ ожиданіемъ.—«Мы сегодня такъ поздно доѣдемъ, что никого не увидимъ до утра»; на это нетерпѣливое мое замѣчаніе, а, можетъ быть, и обдуманное предисловіе, отвѣтилъ старикъ Никифоръ, что никогда не будетъ поздно, что Анна Андреевна и Марья Васильевна ожидаютъ во всякое время, что для всѣхъ дѣтей уже давно кроватки готовы, все устроено и придумано, ка̀къ доставить намъ отдохновеніе послѣ такого дальняго пути. Наконецъ, высказалъ женѣ, что я радъ за нее и за дѣтей, но что я долженъ отказаться отъ родного и гостепріимнаго крова и что я остановлюсь въ гостинницѣ по извѣстной ей причинѣ. Жена моя, безъ всякаго возгласа, покачала головой и обычнымъ, нѣжнымъ и спокойнымъ голосомъ возразила мнѣ безъ малѣйшаго упрека:—«Я все дѣлила съ тобою; мы вмѣстѣ жили въ тюрьмѣ—почему-же теперь разставаться

хотя бы на нѣсколько дней?»—Я не долженъ былъ остановиться у родныхъ въ домѣ главнаго начальника штаба не оттого, что онъ занималъ второе мѣсто во всемъ краю, а я, какъ рядовой, стоялъ на низшей ступени чиновъ—родство этого не разбираетъ; но, еще бывъ въ Читѣ, узналъ я, что генералъ Н. Н. Раевскій, командиръ нижегородскаго драгунскаго полка, былъ арестованъ на гауптвахтѣ за то, что пригласилъ къ себѣ на обѣдъ бывшаго моего соузника З. Г. Бернышева, рядоваго.— Вотъ почему я не могъ остановиться у родныхъ.

Дождь лилъ цѣлый день; мы выѣхали предъ вечеромъ. Стемнѣло совершенно, тащились шагомъ; впереди ѣхалъ казакъ-обратный, съ двумя заводными лошадьми, привязанными рядомъ одна къ другой; дорога была узка; съ одной стороны гора, съ другой—пропасть; колеса раскатывались, какъ сани зимою. Одна изъ казачьихъ лошадей, крайняя, заводная, поскользнулась; къ счастью поводокъ перервался, и конь съ визгомъ скатился на десятки сажень въ пропасть, и былъ таковъ; не перервись поводокъ, то увлекъ-бы и остальныхъ двухъ коней съ сѣдокомъ; несмотря на такую дорогу, я все торопилъ ямщика. Наконецъ, завидѣли огни Тифлиса, доѣхали и остановились въ гостинницѣ Матассо. Чрезъ полчаса я обнялъ старшаго сына моего.

ДЕРЕВЬЯ.

(Сонетъ изъ Кардуччи).

Ты, межъ долинъ, на склонѣ скалъ, ущелій недоступныхъ
Ростущій дубъ — нѣтъ, не люблю твоихъ вѣтвей прекрасныхъ,
Тобой вѣнчаютъ ихъ — завоевателей преступныхъ,
Безумныхъ раззорителей селъ, городовъ несчастныхъ.

Безплодный лавръ — и предъ твоей зеленою красою
Я преклоняться не могу: ты лжешь и оскорбляешь,
Роняешь поздній листъ надъ мраморной плитою
Иль Рима императоровъ чело ты украшаешь.

Люблю тебя, веселый виноградъ: межъ темными камнями
Смѣешься гроздьемъ сладкимъ мнѣ, готовишь, созрѣвая,
Отдохновеніе отъ жизни пошлости и скуки.

Но лучше всѣхъ сосна: межъ четырьмя ея досками
Въ гробу безмолвномъ, наконецъ, затихнутъ, угасая,
Желаній смутныхъ рой, пытливой мысли брежъ и муки.

Н. В.

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ВЪ С. АМЕРИКѢ.

Очерки изъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ.

III.

Пошлина на чай.

Несмотря на изложенныя нами довольно бурныя движенія въ колоніяхъ, вызванныя упорною политикой короля Георга III, тамъ, за исключеніемъ развѣ немногихъ лицъ, никто въ народѣ и не помышлялъ пока объ отторженіи отъ метрополіи. Ничего, казалось, не было бы легче, какъ умиротворить промышленный, погруженный въ свои торговые интересы народъ, жаждавшій лишь покоя и порядка. Стòило бы только уважить права̀ его и примѣниться къ его воззрѣніямъ и обычаямъ. Необходимо было бы, конечно, чтобы министры добросовѣстно вникли въ установившіяся условія въ колоніяхъ, чтобы парламентъ честно отнесся къ ихъ интересамъ. Но изъ всѣхъ тогдашнихъ правителей развѣ одинъ Питтъ и немногіе товарищи его понимали въ такомъ смыслѣ отношенія метрополіи къ колоніямъ. Остальные же требовали отъ колонистовъ слѣпого повиновенія и, главное, денегъ, прикрывая свои властолюбивыя домогательства яко бы высшими государственными цѣлями. А отправляемые въ Америку администраторы, начиная отъ губернаторовъ и до таможенныхъ комиссаровъ, все бòльшею частью промотавшіеся въ Англіи чиновники, смотрѣли на свою должность, какъ на вѣрное средство легкой наживы, и всегда готовы были на всякія, хотя бы и пагубныя мѣры, лишь бы удержаться на доходныхъ мѣ-

стахъ. Вообще, «британское правительство», по меткому выраженію тогдашняго французскаго министра Тюрго, «далеко не могло считаться просвѣщеннымъ; да врядъ-ли и существовало когда нибудь вполнѣ просвѣщенное правительство. Впрочемъ, прибавляетъ замѣчательный для своего времени политико-экономъ:—деспотизмъ, сочетавшись съ суевѣріемъ, все-таки, тщетно пытается разными варварскими и безцѣльными мѣрами затмить свѣтъ правды и свободы; вопреки всѣмъ временнымъ смутамъ, міръ, все-таки, идетъ во срѣтенье благимъ началамъ».

Словамъ его вскорѣ пришлось оправдаться на дѣлѣ. По уничтоженіи штемпельнаго акта, британскій парламентъ никоимъ образомъ не могъ такъ спокойно поступиться своими домогательствами, тѣмъ болѣе, что въ немъ сильно заговорило чувство собственнаго достоинства. «Ка̀къ? уступить этимъ скареднымъ торгашамъ, этимъ негодяямъ!» говорили лорды, озлобленные на торгашей, не позволявшихъ имъ распоряжаться по своему произволу собственностью американскихъ подданныхъ.—Ихъ слѣдуетъ проучить: пять-шесть военныхъ фрегатовъ и три полка пѣхоты разомъ образумятъ непокорныхъ».

— Волны морскія, замѣтилъ на это спокойно слѣдившій за всѣми треволненіями парламента Франклинъ: — поднимаются лишь тогда, когда дуютъ вѣтры. Ваши мѣры, предупреждалъ онъ:—способны только расторгнуть послѣднюю слабую связь между американскими колоніями и ихъ метрополіей».

Наперекоръ всѣмъ такимъ предостереженіямъ, хитроумные министры придумали новый налогъ, повидимому, самого лукаваго свойства. Они предложили, именно въ 1767-мъ г., взимать, при самой отправкѣ изъ Англіи, небольшую пошлину съ бумаги, красокъ, стекла, чая и другихъ статей, которыя колоніи обязаны были выписывать изъ самой Англіи. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, помѣшалъ бы парламенту взимать пошлины съ собственныхъ англійскихъ товаровъ, тѣмъ болѣе, что она вносилась въ самихъ же англійскихъ гаваняхъ. А пошлина эта, въ концѣ концовъ, все-таки, будетъ оплачиваться покупателями и потребителями тѣхъ товаровъ въ американскихъ колоніяхъ. Такимъ образомъ, смекнули министры, потребители незамѣтнымъ для нихъ самихъ путемъ сдѣлаются невольными данниками британской метрополіи.

Однако, отъ чуткихъ американцевъ не укрылась такая уловка. «Налоги—все тѣ же налоги, гдѣ и въ какомъ видѣ они ни взимались бы», говорили колонисты:—«а помимо собранія нашихъ представителей никто не властенъ облагать насъ какими бы то ни было налогами».

Непосредственнымъ слѣдствіемъ новой пошлины было то, что жители Бостона, а за ними и другіе города, положили на первыхъ порахъ не выписывать изъ Англіи обложенныхъ пошлиной предметовъ и замѣнить ихъ, по возможности, произведеніями собственныхъ мѣстныхъ заводовъ.

Печать, какъ всегда, такъ и въ настоящемъ случаѣ поспѣшила въ газетныхъ статьяхъ и въ особыхъ брошюрахъ выяснить народу всю опасность новыхъ покушеній парламента. Изъ брошюръ, болѣе всего обратила на себя всеобщее вниманіе, и не только въ Америкѣ, но также и въ Европѣ, озаглавленная: «Письма фермера къ жителямъ британскихъ колоній». Авторъ ихъ, Джонъ Дикинсонъ, одинъ изъ богатыхъ землевладѣльцевъ Пенсильваніи, искренне приверженный къ Англіи, всегда стоялъ за неразрывную связь американскихъ колоній съ метрополіей. Франклинъ, пользуясь всякимъ случаемъ для вразумленія своихъ согражданъ касательно ихъ настоящихъ интересовъ, перепечаталъ брошюру въ Лондонѣ, снабдивъ ее отъ себя предисловіемъ, въ которомъ объясняетъ, что въ воззрѣніяхъ фермера выразились убѣжденія всѣхъ вообще американцевъ. А потому, прежде, чѣмъ прибѣгать къ боевымъ мѣрамъ, парламенту не мѣшало бы обратить вниманіе на выводы автора.

Письма Дикинсона отличаются нетолько основательностью и глубиною доводовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, легкостью и простотою изложенія; благодаря чему, они быстро проникли во всѣ слои разсѣяннаго по Америкѣ населенія. Воспользуемся нѣсколькими выдержками, которыя выяснятъ намъ общее настроеніе и взгляды жителей въ колоніяхъ въ ту смутную эпоху.

«Пробудитесь, мои сограждане! пишетъ фермеръ:—оглянитесь кругомъ! снова невзгоды скопляются надъ вашими головами. Если вы допустите, чтобы британскій парламентъ взималъ пошлину съ своихъ отпускныхъ товаровъ, съ единственною цѣлью собрать съ насъ деньги, то ему стòитъ только обложить пошлиной именно тѣ предметы, производство которыхъ онъ намъ запрещаетъ, и тогда—насталъ конецъ драмы американской свободы. Намъ возбраняется выписывать товары изъ чужихъ фабрикъ, за исключеніемъ англійскихъ. Намъ запрещаютъ производить у себя дома разнаго рода предметы, и запретъ могутъ распространить также на другія статьи. Итакъ, мы рѣшительно находимся въ положеніи осажденнаго города, заключеннаго осадными орудіями со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ только одной. Если преградятъ и этотъ послѣдній выходъ, то намъ останется одно: сдаться безпрекословно побѣдителю... Сограждане! запечатлѣйте

въ умѣ своемъ слѣдующую истину: мы не можемъ быть счастливы безъ свободы. Но мы не можемъ быть свободны, не обезпечивъ за собою своего достоянія. А достояніе наше не обезпечено до тѣхъ поръ, пока кто бы то ни было имѣетъ право взять его у насъ безъ нашего на то согласія. Парламентъ, при посредствѣ налоговъ, похищаетъ у насъ наше достояніе. Пошлины, взимаемыя съ цѣлью получить съ насъ деньги—все такой же налогъ. Итакъ, намъ всѣми силами слѣдуетъ воспротивиться покушенію парламента собирать такого рода пошлины. Но наше сопротивленіе, въ такомъ случаѣ, будетъ дѣйствительнымъ только тогда, когда всѣ колоніи сообща соединятъ свои усилія. Взаимное согласіе и дружное единеніе въ дѣйствіяхъ составляютъ необходимое условіе нашего всеобщаго блага. Всякій, кто какимъ бы то ни было путемъ будетъ способствовать распрямъ, взаимному недовѣрію или равнодушію въ колоніяхъ, есть врагъ самому себѣ и отечеству.

«Отстаивая свои права̀, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, спасемъ и свое достояніе. Рабство всегда начинается безпечнымъ покоемъ. Отдѣльныя лица могутъ, пожалуй, стать въ зависимость отъ министровъ; но цѣлымъ общинамъ не слѣдуетъ унижаться до такой степени. Если вы не измѣните себѣ, то заслужите уваженіе всѣхъ людей; но они навѣрное станутъ презирать васъ, если вы окажетесь слабыми. Если мы теперь уже забыли поводы, побудившіе насъ два года тому назадъ защищаться съ такимъ безпримѣрнымъ единодушіемъ; если наше рвеніе къ общему благу износилось скорѣе того платья, которое мы предпочли тогда изготовить сами себѣ; если наши порывы до того остыли, что наши настоящіе поступки противорѣчатъ тогдашнимъ благимъ намѣреніямъ; если мы перестали уважать доблести предковъ, завѣщавшихъ намъ свободу, которою они пользовались, и если мы не заботимся о нашихъ потомкахъ, которымъ святой долгъ обязываетъ насъ всецѣло передать это наслѣдіе отцовъ—тогда, конечно, и сомнѣваться нѐчего, что всякій министръ, всякій лакей министра, всякая такому лакею подчиненная тварь и всякое подлое орудіе министра станетъ для насъ важною особой, и намъ всячески слѣдуетъ остеречься, ка̀къ бы не оскорбить ея.

«Ка̀къ бы то ни было, а я, по мѣрѣ силъ моихъ, буду отстаивать завѣщанную мнѣ отъ отцовъ свободу; увѣнчаются ли, однако, мои усилія успѣхомъ, или нѣтъ? это, сограждане, зависитъ теперь отъ васъ!»

Граждане, на самомъ дѣлѣ, сочувственно отозвались на совѣты

фермера и, съ цѣлью привести свои дѣйствія къ болѣе общему согласію, они учредили особыя комиссіи, которымъ поручалось поддерживать постоянную переписку между всѣми колоніями. Воспользовавшись такимъ удобнымъ средствомъ взаимнаго сообщенія, бостонцы немедля пригласили всѣ колоніи препятствовать елико возможно ввозу англійскихъ товаровъ, обложенныхъ пошлиной. Это рѣшеніе единодушно было принято всѣми областями. Вслѣдствіе чего, отпускъ мануфактурныхъ издѣлій изъ Англіи опять сократился, и фабриканты снова стали жаловаться на рѣшительный застой въ дѣлахъ.

А между тѣмъ, губернаторы и таможенные чиновники все настойчивѣе требовали, чтобы парламентъ выслалъ войско для усмиренія мятежа, какъ называли они спокойный, хотя крайне упорный протестъ гражданъ противъ принятыхъ мѣръ. И дѣйствительно, англійскій министръ отдалъ, наконецъ, приказъ отправить въ Бостонъ два полка пѣхоты и четыре военныхъ корабля.

Вѣсть о предстоявшемъ вооруженномъ вмѣшательствѣ властей немало, конечно, встревожила бостонцевъ. Друзья свободы опасались пуще всего буйныхъ выходокъ и кровавыхъ ссоръ между раздраженными горожанами и войсками и потому заранѣе рѣшились предупредить всякія несвоевременныя и безцѣльныя столкновенія подобнаго рода. Въ виду чего и назначили, подъ руководствомъ Отиса и Самуила Адамса, собраться на общее совѣщаніе. Мѣстомъ сходки, на этотъ разъ, избрана была извѣстная Фанёлева палата, прозванная американцами колыбелью свободы.

Фанёлева палата находится почти въ центрѣ стараго города, не далѣе пяти минутъ ходьбы отъ извѣстной уже намъ старой ратуши. Трехэтажное зданіе весьма обыкновенной архитектуры, съ высокими окнами, было выстроено бѣжавшимъ изъ Франціи и разбогатѣвшимъ въ Америкѣ гугенотомъ, Пьерромъ Фанёлемъ, и подарено городу. Весь нижній ярусъ, какъ бывало прежде, такъ точно и теперь, занятъ лавками, въ которыхъ торгуютъ зеленью, масломъ, яицами, живностью и проч. Во второмъ этажѣ находится самая, такъ называемая, «Фанёлева зала», могущая вмѣстить въ себѣ около пяти сотъ человѣкъ. Четырехугольная довольно высокая комната, назначенная для общественныхъ собраній, представляетъ довольно скромный видъ: въ ней простой досчатый полъ; по тремъ стѣнамъ тянутся поддерживаемые простыми колоннами хоры для посторонней публики, и затѣмъ никакихъ болѣе бросающихся въ глаза особенностей, за исключе-

ніемъ развѣ картинъ и портретовъ американскихъ знаменитостей, которые, впрочемъ, вывѣшены въ позднѣйшую уже эпоху. Для торговцевъ, имѣвшихъ внизу на рынкѣ свои лавки, было, конечно, весьма удобно во всякое время дня собираться въ находящейся надъ ихъ головой залѣ, такъ что они успѣвали совѣщаться тамъ о своихъ нуждахъ, не упуская, въ то же время, изъ виду своего торговаго дѣла.

Въ эту Фанёлеву палату, въ сентябрѣ 1768 года, и собрались горожане, встревоженные извѣстіемъ о предстоявшемъ прибытіи въ городъ англійскаго войска. На полу, въ большихъ ящикахъ лежали принадлежавшія городской милиціи четыреста ружей. Избравъ Отиса предсѣдателемъ, собраніе рѣшило тутъ же отправить къ губернатору депутацію гражданъ съ просьбой созвать распущенное имъ недавно законодательное собраніе, дабы оно приняло мѣры для предупрежденія всякихъ смутъ въ народѣ, могущихъ возникнуть по поводу тревожныхъ слуховъ. Губернаторъ отвѣчалъ отказомъ, подтвердивъ при томъ, что ожидаемыя войска, дѣйствительно, скоро должны прибыть въ городъ. Тогда горожане, вопреки запрету губернатора, сами избрали изъ среды своей членовъ конвента, поручивъ имъ неусыпно печься о сохраненіи спокойствія и о поддержаніи свободы и правъ города.

Затѣмъ, конвентъ заявилъ, что колонія будетъ стараться предупреждать всякія попытки къ мятежу, но, по возможности воспротивится также размѣщенію въ городѣ постояннаго войска. «Жители города Бостона, сказано въ протоколѣ конвента:—готовы до послѣдней крайности отстаивать и защищать свои права̀. А, въ силу этихъ правъ, никто не властенъ взимать деньги въ колоніяхъ и содержать въ нихъ постоянное войско иначе, какъ съ добровольнаго согласія самихъ гражданъ».

Когда рѣшенія внесены были въ протоколъ, то Отисъ, указавъ на лежавшіе на полу ящики, сказалъ:

— Вотъ наши ружья. Если власти посягнутъ на нашу свободу, то мы разберемъ ихъ по рукамъ.

Въ собраніи находились, однако, болѣе нетерпѣливыя пылкія головы; онѣ готовы были тотчасъ же разобрать ружья.

— Наша свобода, сказалъ одинъ изъ членовъ:—намъ дороже жизни. Когда угрожаютъ свободѣ города, то онъ находится въ осадномъ положеніи, и горожане вправѣ вооружиться ради самосохраненія.

— Къ оружію! воскликнули тутъ же нѣкоторые члены.

Однако, Отису и Самуилу Адамсу удалось обуздать несвоевре-

менный и потому безплодный порывъ товарищей. Они, по возможности, старались удержаться на законной почвѣ, зная, что только такимъ образомъ имъ можно будетъ заручиться сочувствіемъ остальныхъ колоній и привлечь ихъ къ соучастію въ возстаніи. А иначе городъ Бостонъ, всѣми покинутый и предоставленный самому себѣ, будетъ раздавленъ направленными на него боевыми силами Англіи.

Сообщивъ, при посредствѣ извѣстной намъ комиссіи, свои рѣшенія остальнымъ колоніямъ, члены конвента мирно разошлись въ ожиданіи будущихъ событій. Вскорѣ затѣмъ, а именно въ концѣ сентября того же года, англійская эскадра съ войсками дѣйствительно вошла въ гавань Бостона. Опасаясь явнаго сопротивленія со стороны горожанъ, корабли съ заряженными пушками на палубѣ расположились передъ самыми верфями, готовясь обстрѣливать городъ по первому знаку начальства. Два полка гренадеровъ, въ сопровожденіи артиллеріи, безпрепятственно высадились на берегъ. Въ боевомъ порядкѣ, съ запасными зарядами, прошли они по улицамъ города съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, словно вступали въ непріятельскую крѣпость, взятую приступомъ. Дойдя до общественнаго луга, полкй выстроились, какъ на парадъ, передъ извѣстнымъ намъ старымъ вязомъ. Затѣмъ, къ ночи раскинули палатки и расположились лагеремъ по походному. Не встрѣчая никакихъ препятствій по пути, воины гордились тѣмъ, что однимъ грознымъ появленіемъ своимъ уже смирили строптивыхъ горожанъ.

Осеннія ночи въ Бостонѣ отличаются суровымъ холодомъ. Солдаты зябли въ своихъ походныхъ палаткахъ. А войскамъ, между тѣмъ, не было заготовлено зимнихъ квартиръ, такъ какъ сенатъ рѣшительно отказалъ губернатору размѣстить солдатъ по частнымъ домамъ, а жители, въ свою очередь, тоже готовы были воспротивиться насильственному постою. Такимъ образомъ, губернатору пришлось размѣстить полкй въ немногихъ правительству принадлежавшихъ зданіяхъ.

Губернаторъ распорядился, чтобы противъ оконъ старой думы помѣщена была гауптвахта; артиллеристы навели даже свои пушки на палату, гдѣ обыкновенно засѣдало законодательное собраніе. Жители мирно поглядывали на эти боевыя приготовленія. Въ городѣ царила полнѣйшая тишина.

Солдаты, не видя передъ собою вооруженнаго врага, негодовали на начальство. Имъ рѣшительно нѣчего было тутъ дѣлать, тѣмъ болѣе, что войска могли прибѣгать къ оружію не иначе, какъ по требованію гражданскихъ властей; а послѣднимъ не

представлялось никакого повода жаловаться на горожанъ; буйства никакого не происходило. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, громить весь городъ за то, что купцы его отказывались покупать англійскіе товары. А никакого иного повода пока не представлялось. Такимъ образомъ, ратный пылъ воиновъ понемногу охладѣлъ передъ пассивнымъ, но тѣмъ не менѣе упорнымъ и единодушнымъ сопротивленіемъ.

Въ виду явной непокорности властямъ, губернаторъ настаивалъ, чтобы парламентъ издалъ приказъ арестовать главныхъ зачинщиковъ возстанія, особенно Отиса и Самуила Адамса, и предать ихъ суду. Впрочемъ, опасались, и не даромъ, что бостонскіе судьи оправдаютъ вожаковъ народа, такъ какъ послѣдніе не подавали рѣшительно никакого повода къ обвиненію ихъ въ нарушеніи закона. А потому правительство намѣревалось препроводить обвиняемыхъ въ Англію и тамъ уже предать ихъ особо на такой конецъ снаряженному судебному комитету. Напрасно благонамѣренные люди предостерегали министровъ отъ подобнаго противозаконнаго поступка.

— Такими средствами, говорили имъ:—вы отнюдь не достигнете желаемой цѣли. Вы оправдываетесь тѣмъ, что не можете довѣрять присяжнымъ въ Америкѣ. Вашъ доводъ возбуждаетъ негодованіе и ужасъ въ правдивыхъ сердцахъ. Если въ средѣ двухмилліоннаго населенія парламентъ не можетъ разсчитывать на сторонниковъ въ свою пользу, то онъ, прежде всего, обязанъ измѣнить вполнѣ свой образъ дѣйствія или онъ долженъ отказаться отъ подданныхъ въ Америкѣ—отказаться рѣшительно и навсегда. Еслибы вамъ даже и удалось перевезти въ Англію двухъ или трехъ обвиняемыхъ; что̀ же вы потомъ будете дѣлать съ остальными? Герцогъ Альба, въ свое время, также восклицалъ: «подайте мнѣ головы этихъ зачинщиковъ!» Что̀ же вышло? впослѣдствіи оказалось, что головамъ этимъ нѣтъ числа, какъ головамъ гидры».

Самуилъ Адамсъ, котораго пуще всего хотѣлось бы удалить изъ Америки, такъ былъ увѣренъ, что граждане не выдадутъ его безъ боя, что онъ и не обращалъ вниманія на повторявшіяся угрозы и неуклонно шелъ къ своей цѣли. «Я долженъ, говорилъ онъ:—напомнить властямъ, какъ по ту, такъ и по сю сторону Атлантическаго Океана, обвиняющимъ Америку въ мятежѣ, что никакія войска̀ не въ силахъ заставить американцевъ отказаться отъ ихъ свободы и что содержаніе постояннаго войска въ колоніяхъ въ мирное время, безъ ихъ на то согласія, есть явное нарушеніе правъ народныхъ».

Между тѣмъ, благодаря дѣятельной перепискѣ, поддерживаемой коммиссіями, вѣсть о событіяхъ въ Бостонѣ успѣла разойтись по всѣмъ остальнымъ колоніямъ; и спокойное, стойкое, на законной почвѣ установившееся сопротивленіе Бостона вызвало вездѣ живое, полное сочувствіе. Франклинъ, находясь все еще агентомъ въ Лондонѣ, не переставалъ изъ своего далёка ободрять согражданъ, давая имъ благіе совѣты: «Держитесь только крѣпче за ваше рѣшеніе не выписывать товаровъ изъ Англіи, писалъ онъ своимъ друзьямъ:—нанося ущербъ фабрикамъ, вы сохраните свою независимость и передадите ее въ наслѣдіе своимъ дѣтямъ».

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на взрывы сильнаго негодованія со стороны короля, на упорство министровъ, парламентъ, и на этотъ разъ, точно такъ же, какъ и прежде, по поводу штемпелей, пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что назначенная имъ пошлина наноситъ одинъ только ущербъ промышленности Англіи; а потому, въ 1770 году, рѣшено отмѣнить ее.

Но дабы поддержать свое мнимое достоинство и не подать американцамъ повода приписать такую уступку сознанію безсилія со стороны парламента, мудрые министры удержали, и то болѣе для вида, одну только незначительную пошлину на чай. Она должна была служить какъ бы залогомъ верховной парламентской власти, признаніемъ за нимъ права облагать колоніи податью по своему усмотрѣнію.

Итакъ, съ наступившимъ 1770 годомъ весь вопросъ сосредоточился на одной чайной пошлинѣ. Какъ бы ничтожна она сама по себѣ ни была, но, при возбужденномъ уже разъ настроеніи умовъ въ Америкѣ, такія предлагаемыя парламентомъ уступки оказались слишкомъ запоздалыми. Фибры народа были черезъ-чуръ натянуты. Пустая пошлина въ три пенса съ фунта чая не могла, конечно, обременить колоніи; но адвокаты успѣли вразумить народъ, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ касается не ничтожной пошлины, а самой сущности представительнаго правленія вообще.

Все предвѣщало близость роковаго момента въ судьбахъ Америки; предстоящія событія должны были рѣшить, какого рода правленію суждено быть господствующимъ въ Новомъ Свѣтѣ—монархіи ли съ центральною властью, съ постоянными войсками и аристократіей во главѣ, или же республикѣ, основанной на демократическихъ началахъ общенароднаго представительства. Кризисъ видимо приближался, и въ этомъ отношеніи зима въ началѣ 1770 года была чревата чрезвычайно важными послѣдствіями.

*

Всю зиму колоніи и безъ того находились въ напряженно-смутномъ состояніи; а стоявшія въ Бостонѣ безъ всякаго дѣла войскà еще сильнѣе раздражали мирныхъ жителей. «Солдаты, говорили строгіе пуритане:—производятъ пагубное вліяніе на общественную нравственность; они во всѣхъ отношеніяхъ составляютъ вредное и опасное бремя, а потому ихъ слѣдуетъ удалить изъ города». Тѣмъ еще болѣе, что накипѣвшая взаимная злоба, питаемая между солдатами и народомъ, нетолько обнаруживалась въ перебранкахъ и ругательствахъ, но неразъ дѣло доходило даже до рукопашной схватки.

Общество друзей свободы, несмотря на принятыя имъ мѣры, не было въ состояніи предупреждать всякій разъ вò-время подобныя уличныя столкновенія. Даже сенатъ не разъ уже совѣтовалъ губернатору удалить солдатъ изъ города. Начальство нетолько отвергло совѣтъ, но какъ бы преднамѣренно хотѣло довести терпѣливый народъ до явнаго возстанія, съ тѣмъ чтобы имѣть, такимъ образомъ, благовидный предлогъ, пустить въ ходъ боевыя силы противъ безоружныхъ гражданъ. И дѣйствительно, къ концу зимы оно, хотя отчасти, достигло-таки своей цѣли.

Была безоблачная, довольно холодная мартовская ночь. Только-что выпавшій снѣгъ ярко бѣлѣлъ при лунномъ свѣтѣ. Солдаты, по обыкновенію, бродили по улицамъ города, перебраниваясь съ уличными мальчишками, матросами и прочимъ слонявшимся людомъ. Съ той и другой стороны собирались кучки и пересыпались ругательствами. Мальчишки громко кричали: «вареные раки, красные раки!», намекая на красный мундиръ англійскихъ солдатъ. Дѣло не обошлось безъ потасовокъ. Въ это время, одинъ изъ офицеровъ, привыкшихъ уже къ подобнымъ выходкамъ и смотрѣвшихъ на нихъ сквозь пальцы, проходилъ тутъ-же по улицѣ. Завидѣвъ его, мальчишка изъ цирюльни закричалъ, указывая пальцемъ на офицера: — «Смотрите, братцы! Этотъ жуликъ стригся у моего хозяина и денегъ даже не заплатилъ».

Стоявшій на часахъ солдатъ, услышавъ позорныя ругательства, не стерпѣлъ, подбѣжалъ къ мальчику и ударилъ его прикладомъ по головѣ, такъ что тотъ завопилъ благимъ матомъ. Вслѣдъ затѣмъ, изъ гауптвахты выскочило еще нѣсколько солдатъ съ ружьями на отвѣсъ. Толпа народа разбѣжалась по сосѣднимъ переулкамъ. Солдаты пустились по улицѣ съ неистовыми кликами: «Гдѣ они? Гдѣ эти подлые трусы!»

Неугомонные мальчишки ѝздали бѣжали за солдатами и, под-

дразнивая ихъ, орали во всю глотку: «Гдѣ же они! Да гдѣ же они! У-у! Красные раки!»

Тутъ-же въ толпѣ подвернулся и цирюльникъ; указывая товарищамъ на одного изъ солдатъ, онъ кричалъ:—«Вотъ этотъ самый ударилъ меня давеча».

Видя, что и ему не догнать назойливаго крикуна, солдатъ остановился и началъ заряжать ружье.

«Братцы! смотрите, этотъ ракъ стрѣлять хочетъ!» закричали изъ толпы. «Смѣй только выстрѣлить!» голосили мальчики, зная, что безъ разрѣшенія гражданскихъ властей солдаты стрѣлять не смѣютъ. На поднявшійся гвалтъ сбѣжалось еще нѣсколько горожанъ. Въ толпѣ раздавались свистки и задорные крики. Тогда офицеръ, командовавшій отрядомъ, вывелъ остальныхъ солдатъ изъ гауптвахты и велѣлъ имъ заряжать ружья. Одинъ изъ горожанъ, подойдя къ офицеру, спокойно уговаривалъ его, чтобы онъ увелъ солдатъ: иначе ему придется отвѣчать своей головой.

— Я и безъ васъ знаю что̀ мнѣ дѣлать! отвѣчалъ вспыльчивый командиръ:—безъ моего приказанія они стрѣлять не будутъ.

Изъ толпы отдѣлилось человѣкъ двѣнадцать, вооружонныхъ палками, и, подойдя къ солдатамъ, кричали:

— Подлецы, трусы! Ишь! съ ружьями вышли на безоружныхъ! Бросьте-ка ваши мушкеты, и тогда посмотримъ кто кого!

Мальчишки, раззадорившись, начали кидать въ солдатъ снѣжками и камнями. Кто-то задѣлъ солдата палкой.

— Стрѣляй! раздалось въ это время.

Солдатъ приложился и выстрѣлилъ въ мулата, спокойно стоявшаго въ сторонѣ. Мулатъ палъ, смертельно раненный. Народъ разсыпался во всѣ стороны. Солдаты пустили еще нѣсколько выстрѣловъ въ угонъ за бѣжавшими. Три человѣка остались на мѣстѣ убитыми, восьмеро были ранены и двое изъ нихъ смертельно. Разсвирѣпѣвъ, солдаты готовы были избить всѣхъ безъ разбора.

Въ это время, раздался набатный звонъ колоколовъ и барабанный бой городской милиціи. «Къ оружію! къ оружію!» кричали горожане, доведенные до отчаянія при видѣ труповъ и крови на бѣломъ снѣгу. Народъ со всѣхъ концовъ собирался на мѣсто побоища. Офицеръ, опомнившись на этотъ разъ, сталъ сдерживать своихъ солдатъ; а съ другой стороны, появились представители города и между ними Самуилъ Адамсъ. Они успѣли обуздать народъ, обѣщавъ ему добиться полнаго удовлетворенія по закону. Солдатамъ велѣно было удалиться въ гауптвахту. Горожане, довѣривъ дѣло своимъ представителямъ, мирно

разошлись по домамъ. Осталось около ста человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же приступить къ слѣдствію. Оно продлилось до трехъ часовъ пополуночи. Къ этому времени собрались также гражданскія власти. По тогдашнимъ англійскимъ законамъ, въ подобныхъ случаяхъ военные подлежали гражданскому суду, наравнѣ съ частными людьми. Потому офицеръ и стрѣлявшіе солдаты были преданы городскому шерифу и отведены подъ арестъ.

Вѣсть объ этой стычкѣ, извѣстной въ лѣтописяхъ Америки подъ названіемъ «бостонскаго кровопролитія», быстро разнеслась по краю и разожгла ярую ненависть народа противъ притѣснителей. Всѣхъ отъ мала до велика возмутило побоище, учиненное солдатами. Въ остальныхъ колоніяхъ народъ сочувствовалъ бостонцамъ тѣмъ еще болѣе, что граждане, въ настоящемъ случаѣ, сдержавъ ярость уличной толпы, проявили стойкую сдержанность и самообладаніе. Окрестные съ Бостономъ поселяне готовы были, по первому знаку, идти на помощь горожанамъ. Подъ вліяніемъ такого, всѣхъ обуявшаго, грознаго настроенія, губернаторъ нашелся, наконецъ, вынужденнымъ удалить войскà изъ города. Ихъ и отвели въ одно изъ укрѣпленій, служившихъ для защиты гавани.

Всеобщее сочувствіе къ бостонцамъ возрасло еще болѣе, когда въ другихъ колоніяхъ узнали обо всѣхъ подробностяхъ судопроизводства, вскорѣ наступившаго по поводу злополучной стычки. Когда офицеръ и арестованные солдаты преданы были уголовному суду, то сами граждане требовали, чтобы обвиняемымъ доставлены были всѣ надлежащія средства къ защитѣ. Самуилъ Адамсъ, бывшій въ это время душою всѣхъ народныхъ начинаній въ городѣ, тотъ самый Адамсъ, котораго губернаторъ грозилъ отвезти въ Англію съ тѣмъ, чтобы предать тамъ особо составленному суду, на другое же утро поспѣшилъ къ родственнику своему, Джону Адамсу, и просилъ его взять на себя защиту обвиняемаго офицера передъ судомъ присяжныхъ.

— Въ защитѣ никому отказать нельзя, отвѣтилъ на это адвокатъ:—особенно въ свободной странѣ. Адвокатура должна быть изъята отъ всякаго пристрастія; тѣмъ болѣе человѣкъ, жизни котораго грозитъ опасность, ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть лишонъ законной защиты.

Передъ судомъ присяжныхъ Адамсъ началъ рѣчь свою такъ:

«Приступая къ защитѣ обвиняемыхъ, я, прежде всего, сошлюсь на слова извѣстнаго друга человѣчества, Беккаріа Бонесана, сказавшаго: «если мнѣ удастся спасти жизнь хотя одному человѣку, то его благословеніе, его слезы радости будутъ

для меня достаточнымъ вознагражденіемъ за ненависть всего остальнаго человѣчества».

Поставивъ вопросъ на высоко-гуманную точку зрѣнія, Адамсъ и товарищи его указали присяжнымъ на долгъ ихъ рѣшать дѣло по внушенію совѣсти, не поддаваясь настроенію народной мести. Защиту свою они основали главнѣйше на томъ, что, ночью, въ сумятицѣ, невозможно было разобрать, кто именно велѣлъ стрѣлять и кто изъ солдатъ стрѣлялъ на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ развѣ двухъ, относительно которыхъ несомнѣнно было доказано, что они своими выстрѣлами причинили смерть. Послѣдніе двое были признаны виновными. Ихъ, по приговору суда, клеймили; затѣмъ имъ отпущено было всякое другое наказаніе. Остальныхъ судъ оправдалъ.

Когда удалили войска въ крѣпость, то въ Бостонѣ снова водворились тишина и порядокъ. Казалось, всѣми колоніями овладѣло желаніе успокоиться послѣ столькихъ смутъ и безпокойствъ. Самъ губернаторъ Бостона доносилъ даже, что колоніи готовы прекратить всякія распри съ парламентомъ, что всѣ народные вожаки присмирѣли, за исключеніемъ развѣ одного Самуила Адамса, который, какъ выразился губернаторъ, готовъ бы хоть завтра возбудить народъ къ возстанію.

Однако, Бостонъ, по распоряженію правительства, все-таки, находился въ осадномъ положеніи. Колонисты, съ своей стороны, попрежнему упорно отказывались покупать чай у англичанъ, получая его, впрочемъ, въ достаточномъ количествѣ путемъ контрабанды. Явныхъ, шумныхъ столкновеній нигдѣ, правда, не было; но, тѣмъ не менѣе, велась борьба глухая, подкопами. Въ такомъ мнимомъ томительномъ покоѣ прошло года два. «Заснули мои соотечественники, писалъ молодой, только-что кончившій курсъ ученія Джефферсонъ изъ Вирджиніи:—они какъ будто забыли, что чайная пошлина, а, вмѣстѣ съ нею, и всякія притязанія англійскаго парламента, все еще висятъ надъ ихъ головами».

И дѣйствительно, въ Массачузетсѣ, повидимому, одинъ только Самуилъ Адамсъ, какъ бдительный стражъ народа, неусыпно слѣдилъ за каждымъ шагомъ парламента. Это былъ человѣкъ особаго закала, истый строгій пуританинъ, въ лучшемъ значеніи слова. Не даромъ други и недруги говорили про него: этотъ человѣкъ ѣстъ всегда въ мѣру, пьетъ одну воду, спитъ мало и много думаетъ. Однако, въ немъ не было и слѣда сектаторской нетерпимости; но, при всей гуманной натурѣ и снисходительности къ человѣческимъ слабостямъ, онъ болѣе всего опасался въ людяхъ прихотливыхъ наслажденій, страсти къ ро-

скоши и шумнымъ увеселеніямъ. Кàкъ бы невинны и безвредны ни казались эти прихоти, но онъ видѣлъ въ нихъ самыхъ опасныхъ враговъ народной независимости, составлявшей завѣтную цѣль его жизни. Изъ суроваго ученія пуританъ онъ вынесъ убѣжденіе, что пристрастіе къ свѣтскимъ и матеріальнымъ наслажденіямъ и удовольствіямъ разслабляетъ души, недостаточно еще закаленныя въ горнилѣ сознанія высшаго человѣческаго достоинства; что люди, страстно преданные прихотямъ жизни, легко становятся орудіями деспотической власти; подчиняясь своимъ страстямъ, они готовы сдѣлаться рабами всякаго, кто доставляетъ имъ возможность удовлетворять эгоистическимъ наклонностямъ. Они готовы поступиться своей личной свободой, безъ которой для развитаго человѣка, какъ Адамсъ, немыслимо истинное счастіе. По его мнѣнію, только производительный трудъ и строгое самообладаніе могутъ служить вѣрнымъ залогомъ полной свободы и прочнаго счастья людей.

Проживая въ мирѣ среди успокоеннаго Бостона, Самуилъ Адамсъ чуялъ, однако, что послѣ затишья, рано или поздно, должна разразиться буря, и потому онъ въ тиши подготовлялъ мѣры, необходимыя для дружнаго дѣйствія въ роковой часъ. Съ этою цѣлью онъ поддерживалъ постоянную переписку между колоніями и старался связать ихъ тѣсными узами общихъ интересовъ.

Пассивный протестъ настойчивыхъ колонистовъ оказалъ-таки, наконецъ, свое вліяніе, и британскій парламентъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, пробудившимъ всѣхъ отъ томительнаго сна. Дѣло, опять-таки, возникло изъ-за чая. Онъ, въ настоящемъ случаѣ былъ какъ бы искрой, таившейся подъ пепломъ. Вслѣдствіе единодушной стачки американцевъ, рѣшившихся не покупать этого продукта изъ Англіи, ост-индская компанія понесла громадные убытки. Въ амбарахъ ея, за послѣднее время накопилось нѣсколько мильйоновъ фунтовъ чая, привезеннаго изъ Ост-Индіи въ Англію и непроданнаго вслѣдствіе отказа со стороны американскихъ купцовъ. Компанія, оказавшаяся несостоятельною, обратилась къ парламенту съ просьбой помочь ей выйти изъ затруднительнаго положенія. Проще всего было бы, конечно, отмѣнить безполезную пошлину. Но король и министры его не хотѣли и слышать о подобной уступкѣ до тѣхъ поръ, какъ выражались они, «пока Америка не будетъ повергнута къ ихъ стопамъ». Желая, однако, помочь ост-индской компаніи, министры придумали такую новую мѣру: компаніи предоставлялось внести пошлину въ самой Англіи и, затѣмъ уже, черезъ своихъ агентовъ, продавать въ Америкѣ чай въ розни-

цу. Такимъ образомъ, компанія могла бы пустить въ ходъ свой чай дешевле контрабанднаго, и американцы, покупая его, невольно оплатили бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пошлину. Но уловка и на этотъ разъ не укрылась отъ американцевъ, ревниво слѣдившихъ за каждымъ дѣйствіемъ парламента. Твердо держась своего принципа, они единодушно рѣшили, несмотря на дешевизну, не покупать компанейскаго чая, пока на немъ лежитъ какая бы то ни было пошлина, и, по возможности, воспрепятствовать розничной распродажѣ его.

Не предвидя никакихъ препятствій, ост-индская компанія тотчасъ же отправила нѣсколько кораблей съ своимъ товаромъ въ одно время въ Чарльстонъ, Филадельфію, Нью-Йоркъ и Бостонъ. Въ послѣднемъ городѣ, на мѣсто прежняго губернатора, отозваннаго въ Лондонъ, назначенъ былъ извѣстный намъ Гэдчинсонъ. Два сына его приняли на себя должность агентовъ компаніи. Къ нимъ также отправлена была значительная партія чая.

Когда, въ октябрѣ 1873 года, вѣсть объ отходѣ кораблей дошла до Бостона, то горожане, подъ руководствомъ Самуила, Адамса, рѣшились во что бы то ни стало предупредить выгрузку чая на берегъ. Съ этою цѣлью, они, прежде всего, организовали особый комитетъ. Избранные члены его немедля разослали циркуляръ ко всѣмъ агентамъ компаніи, приглашая ихъ явиться въ назначенный день къ извѣстному намъ дереву свободы, съ тѣмъ, чтобы тамъ всенародно сложить свою агентуру.

Въ назначенный день, на старомъ вязѣ съ утра уже развѣвался большой флагъ, а по городу разносился звонъ колоколовъ. Члены комитета собрались на общественномъ лугу; къ нимъ присоединилось еще до пятисотъ человѣкъ народа. Агенты, однако, не являлись. Они, въ свою очередь, сошлись въ самомъ городѣ, въ магазинѣ одного изъ своихъ сотоварищей. Провѣдавъ объ этомъ, комитетъ, сопровождаемый толпою народа направился къ мѣсту собранія агентовъ, и одинъ изъ членовъ вошелъ къ нимъ въ магазинъ.

— Чей вы комитетъ? спросили вошедшаго.

— Мы—комитетъ цѣлаго народа, былъ отвѣтъ.

— Кто члены комитета?

— Намъ нечего скрываться; я самъ—одинъ изъ членовъ. Затѣмъ докладчикъ назвалъ остальныхъ товарищей.

— Чего же вы хотите отъ насъ?

На это членъ прямо заявилъ требованіе комитета, чтобы агенты публично отказались продавать чай компаніи и отослали бы его немедля назадъ, въ Англію.

— Убирайтесь отсюда! я васъ знать не хочу! возразилъ одинъ изъ агентовъ компаніи.

Остальные поддержали его, восклицая: «Мы не намѣрены исполнять вашихъ требованій!»

Послѣ такого рѣшительнаго отвѣта, членъ комитета торжественно объявилъ, что всѣ агенты, которые отказываются исполнить требованіе народа, будутъ считаться врагами отечества, и тотчасъ же вышелъ на улицу. Когда онъ отдалъ отчетъ о своихъ переговорахъ собравшемуся тутъ народу, то въ толпѣ раздались крики:

— Выведите ихъ вонъ! давайте сюда агентовъ!

Многіе сгоряча взывали даже къ оружію. Но члены комитета сдерживали раздраженную толпу отъ всякихъ насильственныхъ, неумѣстныхъ выходокъ. Вскорѣ всѣ спокойно и въ порядкѣ разошлись по домамъ, рѣшившись терпѣливо ждать дальнѣйшихъ послѣдствій и дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ.

Спокойствіе и достоинство, съ какимъ комитетъ, заявивъ свои требованія, велъ все дѣло съ начала до конца, встревожило агентовъ гораздо сильнѣе, нежели то могли бы сдѣлать всякія буйныя выходки народной толпы. И то правда, въ послѣднемъ случаѣ можно бы было прибѣгнуть хоть къ военной силѣ, и такимъ образомъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ подавить возстаніе. Но члены комитета избѣгали всякаго повода ко вмѣшательству войска. Такъ прошло недѣли три въ невозмутимомъ покоѣ.

Бостонскій комитетъ, тѣмъ временемъ, успѣлъ переписаться съ подобными комитетами остальныхъ колоній. Всѣ онѣ единогласно рѣшили воспрепятствовать продажѣ чая, имѣющаго скоро прибыть изъ Англіи.

И точно, въ концѣ ноября, въ бостонскую гавань вошелъ ожидаемый корабль съ партіей чая. Теперь, прежде всего, необходимо было во что̀ бы то ни стало пріостановить его выгрузку въ таможню. А иначе не было бы никакой возможности воспрепятствовать розничной распродажѣ. Корабль прибылъ какъ разъ въ воскресенье, строго соблюдаемое набожными пуританами. Потому, ни въ какомъ случаѣ, чай нельзя было выгрузить въ тотъ же день. Комитетъ, однако, сдѣлалъ уже свои распоряженія. Онъ взялъ съ хозяина корабля слово, что прежде двухъ дней чай не будетъ выгружаться. Въ то же время, Самуилъ Адамсъ циркуляромъ приглашалъ гражданъ не одного только Бостона, но и пяти ближайшихъ городовъ, собраться на слѣдующій день къ назначенному мѣсту.

И дѣйствительно, въ понедѣльникъ, утромъ, на площади передъ Фанёйлевымъ домомъ собралось болѣе пяти тысячъ человѣкъ.

Въ залѣ не хватило бы всѣмъ мѣста, а потому отправились въ находившуюся вблизи большую старую церковь. Тамъ на предложенный Адамсомъ вопросъ, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ, собраніе рѣшительно заявило, что чай слѣдуетъ препроводить назадъ въ Англію. Одинъ изъ членовъ тутъ же сказалъ: «Вѣрнѣе всего было бы выбросить его въ море и, такимъ образомъ отдѣлаться отъ него разъ навсегда. Находившіеся здѣсь агенты компаніи просили дать имъ срокъ обдумать свое рѣшеніе. Снисходя къ ихъ просьбѣ, собраніе отложило дѣло до слѣдующаго утра, а между тѣмъ, граждане отрядили изъ среды своей двадцать пять человѣкъ, поручивъ имъ сторожить корабль, на случай, еслибъ кому вздумалось выгружать съ него чай.

На другой день, агенты дали отвѣтъ, что они невластны отправить чай назадъ въ Англію. Тогда комитетъ обратился съ своимъ требованіемъ къ хозяину корабля и вынудилъ у него и у капитана обѣщаніе, что они, въ теченіи двадцати дней, обязуются вывести корабль со всѣмъ его грузомъ изъ гавани.

Губернаторъ Гёдчинсонъ, узнавъ о случившемся, велѣлъ зарядить пушки въ крѣпости, защищавшей входъ въ гавань. Въ то же время, начальникъ британской эскадры выслалъ два военные корабля охранять всѣ выходы изъ залива, такъ что безъ разрѣшенія губернатора ни одно судно не могло выйти въ открытое море. Съ другой стороны, ближніе и дальніе города ободряли бостонцевъ и заявили, что, по первому требованію, жители готовы явиться къ нимъ на помощь. Въ теченіи этого времени, въ гавань прибыло еще два корабля съ чаемъ остъ-индской компаніи. Ставъ на якорь, они поступили подъ надзоръ той же народной стражи.

Такъ прошелъ двадцатидневный срокъ и насталъ роковой для Бостона и, можно сказать, для всѣхъ колоній день 16-го декабря 1773-го года. Первый корабль съ чаемъ все еще стоялъ въ гавани, и таможенные чиновники собирались уже выгружать его съ наступленіемъ слѣдующаго дня. Въ старой церкви, на этотъ разъ, собралось еще болѣе народу. Вызванный туда же хозяинъ корабля объявилъ комитету, что корабль не можетъ выйти изъ гавани безъ особаго на то разрѣшенія губернатора. Комитетъ тутъ же отправилъ его съ нѣсколькими изъ своихъ членовъ къ Гёдчинсону съ требованіемъ выдать свидѣтельство на выходъ судна.

Въ ожиданіи отвѣта, собраніе еще разъ подтвердило, что чай ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допустить къ выгрузкѣ. Уже стемнѣло. Наступала долгая зимняя ночь. Въ тускло освѣщенной церкви многочисленная толпа терпѣливо ждала отвѣта. На-

конецъ, судохозяинъ явился и объявилъ, что ему наотрѣзъ отказано въ пропускѣ. Тогда Самуилъ Адамсъ всталъ и громкимъ голосомъ произнесъ:

— Господа! комитетъ слагаетъ съ себя обязанность; онъ ничего болѣе не въ состояніи сдѣлать для спасенія страны.

Народъ сталъ выходить изъ церкви въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ, у самой паперти раздался пронзительный боевый кличъ индійцевъ. Съ разныхъ концевъ отвѣтили такимъ же кликомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ-за всѣхъ угловъ на улицу высыпали краснокожіе, всего человѣкъ до пятидесяти. Откуда взялись они и кто именно участвовалъ въ нежданномъ маскарадѣ? это было покрыто мракомъ неизвѣстности.

Таинственные индійцы, ободряемые Адамсомъ и другими членами, въ стройномъ порядкѣ, двинулись по улицамъ къ верфямъ, гдѣ стояли три корабля съ чаемъ. Взошедъ на палубы, они, въ теченіи трехъ часовъ времени, повыкидали изъ трюмовъ 340 цибиковъ въ море. Толпа народа съ набережной молча любовалась на невиданное дотолѣ зрѣлище. Исполнивъ свое дѣло, индійцы вышли опять на берегъ и, не проронивъ ни одного звука, тотчасъ же разсѣялись по домамъ. Само собою разумѣется, что, кромѣ чая, съ кораблей не пропало ни одного гвоздя. Начальство, конечно, не узнало ни одного имени изъ участвовавшихъ въ индійскомъ набѣгѣ на чай; немногимъ только извѣстно было, что весь отрядъ состоялъ изъ гражданъ массачузетской колоніи.

Народъ, насладившись зрѣлищемъ, тоже разошелся совершенно спокойно, и въ городѣ воцарилась невозмутимая тишина. Такъ что, еслибъ въ это время случился тутъ непосвященный въ дѣлà Бостона посторонній посѣтитель, то онъ и не подозрѣвалъ бы, что передъ его глазами положенъ починъ немногошумной, правда, но тѣмъ не менѣе одной изъ самыхъ плодовитыхъ по своимъ благотворнымъ послѣдствіямъ революцій въ свѣтѣ.

На другой же день, Самуилъ Адамсъ, по порученію комитета, составилъ докладъ о совершившемся событіи и отправилъ его съ гонцемъ въ Нью-Йоркъ и Филадельфію. Оба города, а вслѣдъ за ними и другія колоніи, одобрили дѣйствія бостонцевъ и заявили, что въ крайнемъ случаѣ послѣдуютъ ихъ примѣру. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ городахъ агентовъ еще заранѣе заставили сложить съ себя должность, а въ другихъ принудили капитановъ обратиться вспять въ Европу со всею партіею ост-индскаго чая. Такъ его нигдѣ и не удалось пустить въ продажу. Мало того: придуманная министрами короля мѣра на дѣлѣ оказалась самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы еще прочнѣе сплотить колоніи въ одно неразрывное цѣлое. Самуилъ

Адамсъ, замѣнившій собою съ этой поры безнадежно заболѣвшаго и вскорѣ затѣмъ умершаго Отиса, настойчиво побуждалъ своихъ согражданъ къ назначенію общаго собранія представителей всѣхъ колоній.

Пока въ Америкѣ совершались столь рѣшительныя событія, въ то же самое время, по другую сторону Атлантическаго Океана, находившійся въ Лондонѣ престарѣлый Франклинъ также не мало содѣйствовалъ своимъ сподвижникамъ.

Поддерживая дружескія отношенія со многими членами парламента, не разъ обращавшимися къ нему за совѣтомъ по дѣламъ колоній, Франклинъ не упускалъ случая извлечь изъ своего положенія пользу для родины. Онъ смѣло и открыто порицалъ мѣры, принятыя британскимъ парламентомъ для подавленія мятежа. По поводу этого вопроса одинъ изъ членовъ парламента, въ частной бесѣдѣ съ Франклиномъ, заявилъ, между прочимъ, что мѣры, на которыя такъ много сѣтуютъ въ колоніяхъ, бо̀льшею частію исходили не прямо отъ британскаго парламента; напротивъ, онѣ предлагались весьма почетными американцами, живущими въ самихъ колоніяхъ, какъ средства, необходимыя для блага страны. Въ доказательство своихъ словъ, членъ парламента тутъ же представилъ Франклину тайныя письма Гёдчинсона, въ которыхъ губернаторъ Бостона прямо совѣтуетъ прибѣгнуть къ военной силѣ съ тѣмъ, чтобы задушить возстаніе въ самомъ зародышѣ его.

Франклинъ, не мало изумленный такимъ открытіемъ, завладѣлъ самими письмами и счелъ первымъ долгомъ своимъ вывести губернатора съ его кознями на чистую воду. Съ этою цѣлью онъ отправилъ письма въ Бостонъ, на имя предсѣдателя представительнаго собранія въ Массачузетсѣ, присовокупивъ къ нимъ отъ себя посланіе такого рода:

«Всѣ благонамѣренные люди желаютъ поддержать согласіе между колоніями и метрополіей. Мое негодованіе на парламентъ по поводу насильственныхъ мѣръ, примѣняемыхъ имъ къ колоніямъ, значительно умѣрилось, когда по прилагаемымъ при семъ письмамъ я убѣдился, что сказанныя мѣры предлагались и требовались сановниками, назначенными изъ нашей же среды. Что̀ касается авторовъ, продающихъ свободу своего отечества ради выгоднаго мѣста, домогающихся, въ ущербъ народу, окладовъ и пенсіоновъ и требующихъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы безпрепятственно пользоваться своими доходами, возбуждающихъ своими доносами въ правительствѣ подозрѣніе и злобу противъ подданныхъ, сѣящихъ вражду между разными областями въ государствѣ — что̀ касается, говорю я, авторовъ подобнаго рода

писемъ, то сомнѣваюсь даже въ искренности убѣжденій, заявляемыхъ такими людьми, и считаю ихъ просто двоедушными доносчиками, имѣющими въ виду однѣ только личныя выгоды, хотя бы изъ-за нихъ гибла цѣлая страна. Они являются измѣнниками нетолько своей родины, но также и правительства, которому обязались служить, и всего британскаго государства».

Авторъ сказанныхъ писемъ, губернаторъ Гёдчинсонъ, по словамъ лѣтописца, былъ человѣкъ весьма учоный. Онъ написалъ даже не лишенную нѣкоторыхъ достоинствъ исторію своего роднаго края, колоніи Массачузетса. Но онъ принадлежалъ къ той категоріи учоныхъ мужей, которые, въ заносчивомъ высокомѣріи, считаютъ себя свыше призванными господствовать надъ ближними и возмущаются даже, когда люди не хотятъ слѣпо подчиняться ихъ мудрымъ совѣтамъ, нахватаннымъ изъ книгъ. Онъ увѣрялъ всѣхъ, что любитъ свою родину; но любовь его, во всякомъ случаѣ, была весьма сомнительнаго свойства. Съ простымъ народомъ онъ обращался съ горделивою снисходительностью, оказывалъ ему даже милости съ высоты своего величія; но въ душѣ презиралъ его, какъ тупую чернь. По его мнѣнію, этотъ народъ, эта неотёсанная сволочь никогда неспособна сознавать свое истинное благо и всегда легко увлекается крикунами, возбуждающими его къ строптивости. Потому необходимо, какъ совѣтовалъ губернаторъ въ тайныхъ письмахъ своихъ, чтобы парламентъ ради блага самого народа, по возможности, стѣснялъ въ немъ всякія проявленія свободнаго духа и, прежде всего, сдерживалъ бы смѣлую печать. На такой конецъ необходимо содержать въ колоніяхъ постоянное войско. А для того, чтобы чиновники, назначенные королемъ управлять страной, могли бы дѣствовать самостоятельно, необходимо опредѣлять имъ оклады и пенсіи изъ самой государственной казны, а не предоставлять это на благоусмотрѣніе народныхъ представителей, какъ было на самомъ дѣлѣ въ колоніяхъ. Получая такого рода коварные совѣты отъ губернатора, министры всячески пытались привести ихъ въ исполненіе, вовсе не подозрѣвая, что тѣмъ самымъ они только ускоряли и безъ того уже созрѣвшее возстаніе въ колоніяхъ.

Въ отвѣтъ на свое посланіе, Франклинъ вскорѣ получилъ изъ Бостона порученіе отъ законодательнаго собранія—представить королю просьбу объ отрѣшеніи отъ должности губернатора, явно возстановлявшаго своими доносами британское правительство противъ подданныхъ въ колоніяхъ. Все дѣло поступило въ королевскій тайный совѣтъ, состоявшій изъ высшихъ сановниковъ

въ государствѣ. Назначивъ по такому поводу чрезвычайный совѣтъ, министры вовсе не имѣли въ виду подвергнуть безпристрастному обсужденію справедливую просьбу бостонцевъ. Напротивъ, они питали иной замыселъ. Прямою цѣлью ихъ было опозорить передъ публикой какъ самаго Франклина, такъ и американцевъ вообще. Совершить такой достойный подобныхъ министровъ подвигъ вызвался самъ королевскій прокуроръ.

Высшая аристократія и дворъ заранѣе были предупреждены о замышляемомъ скандалѣ, а потому, въ день, назначенный для собранія совѣта, 29-го января 1774 года, всѣ лорды съѣхались въ палату, какъ на празднество, заранѣе торжествуя побѣду надъ американскимъ плебеемъ. Въ залѣ тайнаго совѣта едва хватило мѣста для собравшейся, словно на потѣшное зрѣлище, аристократической публики.

Королевскій прокуроръ пытался сначала опровергнуть доводы, изложенные въ прошеніи бостонцевъ, называя подобныя заявленія ихъ дерзкой выходкой безпокойныхъ головъ и сумасбродовъ и прославляя губернатора, какъ достойнаго ревнителя интересовъ метрополіи. Потомъ онъ поспѣшилъ перейти къ главному предмету, ради котораго собственно и состоялось собраніе. Прокуроръ далъ дѣлу такой оборотъ, какъ будто Франклинъ находился здѣсь въ качествѣ обвиняемаго. Порицая его за то, что, завладѣвъ безчестнымъ образомъ чужою частною перепиской, онъ обнародовалъ ее, прокуроръ далъ полную волю своей малодушной злобѣ. Въ длинной рѣчи, онъ осыпалъ Франклина самыми отборными ругательствами и позорными прозвищами. Не оскудѣвая въ бранныхъ выраженіяхъ, онъ точно также излилъ свое негодованіе на непокорныхъ американцевъ, на этихъ скаредныхъ торгашей. Лорды и весь сонмъ собравшейся аристократіи восторженно рукоплескали шутовски-остроумнымъ выходкамъ оратора, направленнымъ противъ стоявшаго тутъ передъ ними кичливаго плебея, забывая, что этотъ плебей былъ, по выраженію современника его Канта, одинъ изъ самыхъ доблестныхъ учоныхъ своего времени, увѣковѣчившій уже свое имя великими открытіями.

Въ виду такого, нарочно подготовленнаго для него позора, Франклинъ выказалъ достойное самообладаніе. Слушая сыпавшуюся на него брань, онъ стоялъ въ сторонѣ невозмутимо-спокойный, какъ будто рѣчь шла о постороннемъ человѣкѣ. Ни теперь, ни даже послѣ, Франклинъ не унизился до оправданія или возраженія на слова̀ прокурора, и развѣ въ частной бесѣдѣ съ друзьями онъ говорилъ иногда: «подобныя письма одного

сановника къ другому—вовсе не частная переписка: напротивъ, это—документы, касающіеся моего отечества, и, какъ представитель своей страны, я имѣлъ на нихъ полное право».

Бранная рѣчь королевскаго прокурора долго еще вспоминалась даже въ средѣ самаго парламента. Лѣтъ двадцать спустя, когда давно уже утвердилась независимость колоній, когда умеръ самъ Франклинъ, другой поборникъ за права̀ народа, Фоксъ, напомнилъ парламенту о краснорѣчивыхъ побранкахъ королевскаго прокурора. «Будущій посланникъ американскаго союза, говорилъ Фоксъ, намекая на Франклина:—въ присутствіи всѣхъ лордовъ, собравшихся на совѣтъ, былъ выруганъ сѣдовласымъ измѣнникомъ. И лорды, довольные собою, вышли тогда изъ совѣта, гордо поднявъ головы, какъ бы торжествуя побѣду. Теперь, увы! всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно, какою дорогою цѣною мы поплатились за наше преждевременное торжество!»

И дѣйствительно, несмотря на позорную рѣчь прокурора, Франклинъ тогда уже вполнѣ достигъ своей цѣли. Обнародовавъ сказанныя письма, онъ, можно сказать, окончательно открылъ глаза своимъ соотечественникамъ. Частнымъ людямъ, непосвященнымъ въ тайны парламентскихъ интригъ, было, конечно, трудно проникнуть въ закулисныя побужденія и мотивы высшихъ сановниковъ. Неудивительно поэтому, что въ Америкѣ далеко не всѣ подозрѣвали истинныхъ виновниковъ тѣхъ мѣръ, которыя за послѣднее время такъ сильно волновали общество. Въ средѣ самихъ американцевъ находилось немало приверженцевъ парламента, пытавшихся увѣрить публику, что весь этотъ шумъ и гвалтъ затѣянъ безпокойными адвокатами изъ-за какихъ-то пустыхъ юридическихъ тонкостей. Многіе, особенно поселяне, въ простотѣ души, готовы были повѣрить этому, вовсе не подозрѣвая, что подобныя парламентскія мѣры неминуемо грозятъ ихъ же личной свободѣ. Теперь же, когда тайныя письма Гёдчинсона вышли на свѣтъ божій, все обнаружилось слишкомъ явно. Благодаря газетамъ, нетолько горожане, но также и мирные обитатели дальнихъ поселеній проникли, такъ сказать, въ тайникъ административной лабораторіи. Лѣтомъ, отдыхая отъ полевыхъ работъ, пахарь съ любопытствомъ перечитывалъ губернаторскую переписку, и ему уже не трудно было понять, что сама по себѣ ничтожная пошлина на чай есть только первый шагъ ко всеобщему обложенію жителей налогомъ и безотвѣтному произволу королевскихъ чиновниковъ; что, затѣмъ, другой шагъ ведетъ къ употребленію этихъ налоговъ на содержаніе въ краѣ постояннаго войска и, при помощи его, наконецъ, къ совершенному порабощенію народа.

Благодаря искуснымъ пріемамъ Франклина, дѣло приняло такой оборотъ, что даже самые миролюбивые изъ гражданъ убѣдились, по крайней мѣрѣ, въ необходимости во что бы то ни стало изгнать продажныхъ чиновниковъ, начиная отъ доносчика-губернатора и до таможенныхъ сборщиковъ. Правда, кое-гдѣ раздавались еще робкіе голоса, предостерегая гражданъ и доказывая, какъ опасны всякія крутыя перемѣны, всякая ломка въ государственныхъ дѣлахъ. «Погодите! говорили они:—не отчаливайте отъ одного берега, пока еще не знаете, гдѣ придется пристать къ другому». Но имъ теперь съ самоувѣренностью отвѣчали:

«Мы, все-таки, должны отчалить нашу ладью, хотя и не знаемъ еще, гдѣ пристанемъ. Господь Богъ поможетъ намъ войти въ безопасную пристань. Анархія даже сноснѣе подобнаго деспотизма».

Пока въ Америкѣ происходило такое повсемѣстное броженіе умовъ, въ Лондонъ успѣла дойти вѣсть о потопленномъ чаѣ бостонскими краснокожими и подняла тамъ настоящую бурю. Король, министры и карльтонскіе друзья его въ высшей степени возмутились такимъ безпримѣрнымъ, наглымъ поступкомъ бостонцевъ. Большинство въ парламентѣ требовало, чтобы городъ Бостонъ немедля былъ подвергнутъ безпощадной карѣ. Одинъ изъ лордовъ пытался-было умѣрить гнѣвъ своихъ товарищей:

— Вспомните, говорилъ онъ:—какъ, лѣтъ восемь тому назадъ, правительство отмѣнило штемпельный уставъ; тогда Америка тотчасъ же успокоилась. Но, на слѣдующій затѣмъ годъ, вы начали добиваться съ Америки горчичнаго зерна, какъ выразился тогда же министръ, и вотъ вы стали подбирать зерно къ зерну—вы налагали пошлины единственно съ цѣлью испытать покорность колоній. Теперь разберите же сами безпристрастно всѣ поступки американцевъ и сознайтесь, что вся вина на вашей сторонѣ».

Напрасны были всѣ подобныя увѣщанія. Министры, не зная границъ своему гнѣву, твердили:

«Американцы совершили вопіющее преступленіе. За это слѣдовало бы разрушить, снести съ лица земли весь городъ Бостонъ. Delenda est Carthago!»

Подъ вліяніемъ такого настроенія и по настоятельному требованью короля, парламентъ, 14-го марта 1774 года, издалъ строгій уставъ о совершенномъ закрытіи бостонской гавани. Однако, для того, чтобы американская торговля, въ которой такъ силь-

но заинтересованы были англійскіе фабриканты, не пострадала отъ такой мѣры, рѣшено было перенести таможню въ ближайшій приморскій городокъ Салемъ. Жителямъ послѣдняго представился, такимъ образомъ, удобный случай присвоить себѣ всѣ выгоды коммерческихъ оборотовъ, которыми до сихъ поръ пользовались оптовые торговцы Бостона. Разсчитывая на торгашескую корысть промышленнаго народа, министры имѣли въ виду посѣять, такимъ образомъ, разладъ между сосѣдними городами. Но купцы Салема, въ отвѣтъ, обнародовали слѣдующее заявленіе:

«Въ насъ замерло бы всякое сознаніе о правѣ, заглохло бы всякое чувство человѣческаго достоинства, еслибъ мы когда-нибудь вздумали созидать свое богатство и благоденствіе на развалинахъ пострадавшаго сосѣдняго города».

Закрытіемъ гавани не ограничивались напасти на Бостонъ. Стараясь всячески разъединить колоніи, министры обрушили всю свою злобу на одно только это гнѣздо мятежниковъ, щадя, въ то же время, другіе города. Съ такою цѣлью у бостонцевъ отняты были всѣ доселѣ имъ принадлежавшія льготы. Граждане лишились прàва избирать представителей въ собраніе и даже прàва сходки. Рѣшено, что съ этой поры король и губернаторъ сами, по своему усмотрѣнію, будутъ назначать членовъ совѣта и судей. Сверхъ того, нарушители парламентскихъ постановленій впредь должны судиться не въ своемъ городѣ, не мѣстнымъ судомъ присяжныхъ, а, напротивъ, отправляться въ Лондонъ и подвергаться тамъ особому суду, на тотъ конецъ, какъ саркастически выражается указъ: «чтобы соблюсти полнѣйшее безпристрастіе въ судопроизводствѣ».

Губернаторъ, начальникъ войскъ, стоявшихъ въ Бостонѣ, и друзья ихъ торжествовали, получивъ такія постановленія парламента. Они были увѣрены, что теперь-то, наконецъ, смирится строптивый городъ. «Стòитъ только поприжать жителей, говорили они:—и, прежде всего, засадить въ тюрьму главныхъ зачинщиковъ, а остальнымъ объявить амнистію, тогда вся Америка подчинится безъ ропота».

Въ день, назначенный для приведенія въ дѣйствіе сказаннаго устава, а именно 1-го іюня 1774 года, Гёдчинсонъ сѣлъ на корабль, отходившій въ Англію, и передалъ управленіе городомъ только-что прибывшему въ Бостонъ съ свѣжимъ войскомъ генералу Гедже. Снабженный неограниченнымъ полномочіемъ и назначенный главнокомандующимъ всѣхъ боевыхъ силъ въ Америкѣ, генералъ рѣшился принять самыя крутыя мѣры и готовился управлять городомъ съ произволомъ турецкаго паши.

Настали суровые дни испытанія для Бостона. Всегда кипѣвшая движеніемъ и шумною торговою дѣятельностью гавань словно вымерла съ того дня. Одни только стоявшіе тутъ британскіе военные корабли своими воинственными манёврами нарушали по-временамъ господствовавшую тишину. Ни одному парому, ни одной лодкѣ не позволялось переѣзжать съ островов къ верфямъ. Высокіе складочные магазины на берегу стояли закрытые сверху до низу. Торговля прекратилась. Почти всѣ лавки въ самомъ городѣ были заперты. Всѣ промыслы пріостановились. Рабочій людъ, матросы и торговцы бродили по улицамъ безъ занятій, не зная, кàкъ и чѣмъ добыть себѣ и семьямъ своимъ насущное пропитаніе. Многими изъ горожанъ овладѣло уже уныніе. Нерѣдко слышались даже сѣтованья на безпокойныхъ людей, которые своими поступками до такой степени раздражили парламентъ и довели городъ до бѣдственнаго, безвыходнаго состоянія. Теперь, всѣми покинутый, онъ долженъ вынести на плечахъ своихъ всю тяжесть парламентскаго гнѣва.

Но лишь только вѣсть объ угрожавшихъ Бостону бѣдствіяхъ дошла до остальныхъ колоній, какъ отовсюду стали обнаруживаться знаки сочувствія, и не на однихъ только словахъ, но и на самомъ дѣлѣ. Прежде всего, жившіе у поморья рыбаки разными окольными путями доставили сушеную рыбу для раздачи народу. Изъ сосѣднихъ колоній пригонялись большими партіями бараны и овцы. Всѣ города въ Новой Англіи даромъ снабжали Бостонъ рожью, пшеницей, горохомъ, рогатымъ скотомъ, масломъ, а иные даже деньгами. Въ Делаварѣ, Мерилэндѣ, Вирджиніи дѣлались складчины въ пользу города, и препровождались ему значительные сборы, лишь бы лишенные работы и насущнаго хлѣба жители не покидали своего города. «Не оплачивайте ни одного золотника проклятаго чая», писали жители Каролины, отправляя въ Бостонъ двѣсти бочекъ риса. Даже дальніе поселенцы изъ пустынныхъ краевъ Аллегэнскаго Хребта доставили до полутораста бочекъ пшеницы. Жители Бостона ободрились. Они увѣрены, что не покинуты своими соотечественниками, что начатая ими борьба обрушается не на одинъ только ихъ городъ, но признается общимъ дѣломъ всѣхъ колоній.

Такое дружное единеніе обнаружилось еще рѣшительнѣе, когда друзья свободы въ Нью-Йоркѣ предложили собрать всеобщій конгресъ. Съ этою цѣлью были отправлены гонцы какъ въ Бостонъ и остальные города Новой Англіи, такъ точно и въ Филадельфію и во всѣ южныя колоніи. Лѣто прошло въ приготовленіяхъ: вездѣ выбирались народные депутаты къ этому второму всеобщему конгресу въ Америкѣ.

*

А между тѣмъ, жители Бостона, ободряемые своими соотечественниками, обезпеченные на-счетъ насущныхъ нуждъ и потребностей, упорнѣе прежняго сопротивлялись всѣмъ мѣрамъ своего губернатора. Несмотря ни на какія угрозы, на отсутствіе всякаго промысла, рабочій людъ рѣшительно отказывался отъ всякихъ предлагаемыхъ ему генераломъ Геджемъ весьма даже выгодныхъ работъ. Ни одинъ плотникъ, ни одинъ каменщикъ не явился на вызовъ строить казармы для войска.

Въ виду такого согласнаго движенія въ народѣ какъ въ самомъ Бостонѣ, такъ и въ окрестныхъ селеніяхъ, генералъ не видѣлъ возможности воспрепятствовать собранію избранныхъ представителей колоніи Массачузетса. Съѣхавшись въ сосѣднемъ съ Бостономъ городкѣ Кембриджѣ, тамъ, гдѣ нынѣ находится извѣстный гартфордовъ университетъ, представители, организовавъ комитетъ, приняли мѣры на случай ожидаемаго вооруженнаго возстанія гражданъ. На этотъ конецъ запасались оружіями, порохомъ и пулями. Всѣмъ гражданамъ предписывалось упражняться въ стрѣльбѣ и въ фрунтовомъ ученіи, подъ руководствомъ отставныхъ солдатъ и офицеровъ, водворившихся въ Америкѣ послѣ оконченной нѣсколько лѣтъ тому назадъ войны Англіи съ фрацузами, за обладаніе Канадой.

Въ назначенный день, 5-го сентября 1774 года, избранные колоніями депутаты со всѣхъ концовъ Америки съѣхались въ Филадельфію. Въ числѣ пятидесяти слишкомъ членовъ, состоявшихъ, бо̀льшею частью, изъ юристовъ, тутъ находились Самуилъ Адамсъ и родственникъ его, Джонъ Адамсъ, Патрикъ Генри и Уашингтонъ.

Нѣкоторые изъ депутатовъ предложили открыть засѣданіе молитвой. Другіе же находили такое предложеніе неумѣстнымъ на томъ основаніи, что, при чрезвычайномъ разнообразіи культовъ собравшихся тутъ разнохарактерныхъ членовъ, едва ли окажется возможнымъ согласить всѣхъ на одно общее богослуженіе.

— Отчего же нѣтъ? возразилъ на это находчивый Самуилъ Адамсъ:—я, право—не святоша, но всегда готовъ выслушать молитву правдиваго и честнаго человѣка, лишь бы онъ былъ вѣрнымъ сыномъ своего отечества.

Послѣ такого заявленія, исполненнаго истиннымъ духомъ терпимости, высказаннаго строгимъ пуританиномъ, собраніе немедля пригласило епископальнаго священника. Когда проповѣдникъ, открывъ библію, прочелъ XXXIV псаломъ, то всѣ присутствовавшіе потрясены были до глубины души, тѣмъ еще болѣе, что въ это самое время разнесся преждевременный слухъ,

будто британскія войска бомбардирують уже Бостонъ. Священникъ читалъ:

«Вступись, Господи, въ тяжбу съ тяжущимися со мною, побори борющихся со мною.

«Возьми щитъ и латы и возстань на помощь мнѣ.

«Обнажи мечъ и прегради *путь* преслѣдующимъ меня; скажи душѣ моей: я—спасеніе твое!

«Да постыдятся и посрамятся ищущіе души моей; да обратятся назадъ и покроются безчестіемъ умышляющіе мнѣ зло.

«Да будутъ они, какъ прахъ предъ лицемъ вѣтра, и Ангелъ Господень да прогоняетъ *ихъ*.

«Да будетъ путь ихъ тёменъ и скользокъ, и Ангелъ Господень да преслѣдуетъ ихъ.

«А моя душа будетъ радоваться о Господѣ; будетъ веселиться о спасеніи отъ Него.

«Всѣ кости мои скажутъ: Господи! кто подобенъ Тебѣ, избавляющему слабаго отъ сильнаго, бѣднаго и нищаго отъ грабителя его?

«Возстали на меня свидѣтели неправедные: чего я не знаю, о томъ допрашиваютъ меня.

«Воздаютъ мнѣ зломъ за добро, сиротствомъ душѣ моей.

«Господи! Долго ли будешь смотрѣть на *это*?

«Отведи душу мою отъ злодѣйствъ ихъ, отъ львовъ—одинокую мою.

«Подвигнись, пробудись для суда моего, для тяжбы моей, Боже мой и Господи мой!

«И языкъ мой будетъ проповѣдывать правду Твою и хвалу Твою всякій день».

Затѣмъ, священникъ сказалъ короткую, но теплую молитву за Америку, за конгресъ, за колонію Массачузетсъ, и особенно за многострадальный городъ Бостонъ.

По окончаніи молебствія, конгресъ приступилъ къ преніямъ. При весьма разнохарактерномъ составѣ членовъ, съѣхавшихся съ сѣвера и юга, какъ мы уже замѣтили разъ, нелегко было привести къ общему соглашенію всѣ столь разнородные интересы колоній. Достаточно вспомнить, въ этомъ отношеніи, что существованіе однѣхъ колоній, а именно южныхъ, плантаторскихъ, обусловливалось исключительно сельскохозяйственнымъ производствомъ, тогда какъ развитіе другихъ, сѣверныхъ колоній Новой Англіи, зависѣло отчасти отъ рыбнаго промысла, но еще болѣе отъ успѣховъ промышленности и торговли. Такая противоположность отразилась, конечно, и въ соціальныхъ условіяхъ: въ

плантаторскихъ колоніяхъ внѣдрилась уже язва невольничества, отъ котораго сѣверныя успѣли избавиться. Понятно, что, при такихъ условіяхъ—общее согласіе могло быть достигнуто лишь путемъ взаимныхъ частныхъ уступокъ, въ виду достиженія одной главной руководящей цѣли конгреса, а именно—противодѣйствія парламентскому произволу.

Такъ, между прочимъ, конгресъ постановилъ, чтобы всѣ колоніи, безъ изъятія, прекратили торговыя сношенія съ Англіей до тѣхъ поръ, пока парламентъ не отмѣнитъ пошлину на чай, не выведетъ войскъ изъ Бостона и Нью-Йорка и вообще не уничтожитъ всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, направленныхъвъ особенности противъ Бостона. Такимъ образомъ, Англія лишилась бы всѣхъ своихъ исключительныхъ выгодъ монопольной торговли съ колоніями, что̀, какъ надѣялись, понудило бы, наконецъ, парламентъ уступить требованіямъ Америки. Однако, такому рѣшенію воспротивились сильнѣе всего представители Южной Каролины. Въ этой плантаторской колоніи производились, по преимуществу, рисъ и индиго, и отпускъ того и другого въ разныя англійскія владѣнія былъ почти единственнымъ условіемъ благоденствія края. Отказаться отъ этого торга для колоніи значило бы лишиться главнаго источника своихъ доходовъ. Потому Южная Каролина готова уже была выступить изъ конгреса. Но остальныя колоніи сдѣлали, съ своей стороны, вынужденную уступку, разрѣшивъ вывозъ риса.

Разногласіе между членами возникло еще въ отношеніи другого, болѣе важнаго вопроса. Одни изъ нихъ, подъ вліяніемъ Патрика Генри и Самуила Адамса, на этомъ конгресѣ уже предложили было признать полную независимость Америки отъ власти англійскаго короля. Другіе, напротивъ того, и слышать не хотѣли объ окончательномъ отторженіи колоній отъ британской державы. Вопросъ большинствомъ голосовъ былъ рѣшенъ, наконецъ, въ пользу приверженцевъ метрополіи. Но въ то же время, собраніе единодушно заявило, что одобряетъ возстаніе бостонцевъ и что, въ крайнемъ случаѣ, вся Америка должна быть готова идти на помощь занятому британскими войсками городу.

Помимо постановленій подобнаго рода, конгресъ рѣшился еще разъ обратиться къ королю съ прошеніемъ объ отмѣнѣ всѣхъ насильственныхъ мѣръ, принятыхъ его министрами. Составленное въ этомъ духѣ прошеніе было отправлено къ американскимъ агентамъ въ Лондонъ съ тѣмъ, чтобы они вручили его лично королю и, сверхъ того, обнародовали въ газетахъ всѣ рѣшенія

конгреса, заявившаго свое искреннее желаніе прекратить дальнѣйшія распри и покончить миромъ всѣ возникшія за послѣднее время несогласія колоній съ метрополіей.

Дѣйствительно, газеты въ Лондонѣ вскорѣ обнародовали рѣшенія конгреса. Перечитывая этотъ документъ, великій коммонеръ Питтъ оцѣнилъ его по достоинству.

«Я изучалъ свободныя государства древности, говорилъ онъ по этому поводу:—я старался усвоить себѣ идеи всѣхъ великихъ умовъ всемірной исторіи. Потому я могу быть судьею по предстоящему дѣлу. Въ отношеніи мудрости, основательности, здраваго смысла и сдержанности, не было въ мірѣ собранія, превышавшаго сказанный американскій конгресъ. Передъ нами здѣсь собраніе доблестныхъ мужей, какое встрѣчаемъ только во времена древнихъ грековъ и римлянъ, и то развѣ въ самую славную пору ихъ существованія».

Несмотря, однако, на усилія Питта возстановить миръ и согласіе, ни король, ни министры его не хотѣли и слышать объ уступкахъ. Они требовали безусловной, рабской покорности и грозили безпощадно покарать американцевъ.

Франклинъ, убѣдившись окончательно, что ослѣпленный парламентъ рѣшительно отвергаетъ всѣ возможныя средства къ умиротворенію колоній, отправился, наконецъ, во-свояси. По прибытіи его въ Америку, народъ еще болѣе убѣдился въ невозможности возстановить прежнія мирныя отношенія къ метрополіи. Овладѣвшее всѣми настроеніе нашло себѣ вѣрный отголосокъ въ словахъ Патрика Генри. Возвратившись съ конгреса, онъ, въ Ричмондѣ, въ собраніи вирджинскаго комитета, говорилъ своимъ избирателямъ:

«Тщетны всѣ наши надежды на мирное соглашеніе съ метрополіей. Если хотимъ быть свободными, то намъ остается одно: биться съ оружіемъ въ рукахъ! Призываю Бога во свидѣтели, мы должны биться!.. Намъ нѣтъ иного выхода. Теперь уже поздно уклоняться отъ боя, еслибъ мы, по малодушію, и хотѣли бы. А иначе намъ предстоитъ рабство и больше ничего... Неужели для васъ спокойствіе такъ дорого и мило, что вы готовы искупить его цѣною рабскихъ цѣпей? Боже сохрани насъ отъ этого! Не знаю, на что̀ рѣшатся другіе, но что̀ до меня, я уже рѣшился или биться за свободу, или умереть».

Дѣйствительно, долготерпѣніе народа истощилось, и противодѣйствіе, начатое по поводу ничтожной пошлины на чай, разрослось, наконецъ, до явнаго вооруженнаго возстанія. Довольно было потрачено словъ; пора осуществить ихъ на дѣлѣ, взявшись

за оружіе. И точно, въ слѣдующемъ дѣйствіи этой народной драмы, стоявшіе доселѣ на почвѣ закона адвокаты народа замѣнятся частью вождями его на бранномъ полѣ. Въ Европѣ, въ это самое время, по окончаніи семилѣтней войны, только-что водворились миръ и спокойствіе, и раздавшіеся первые выстрѣлы за океаномъ пробудили праздное любопытство европейскихъ націй, хотя онѣ мало вникали во внутренній смыслъ несовсѣмъ понятной для нихъ борьбы. Непонятной тѣмъ болѣе, что газеты, сообщая легковѣрной публикѣ о кровавыхъ стычкахъ англійскихъ войскъ съ бунтовщиками, представляли возстаніе въ свѣтѣ, благопріятномъ для британскаго короля.

Эд. Циммерманъ.

ЛЮДИ И НРАВЫ.

ОЧЕРКИ[1].

III.

Хочешь-не-хочешь.

I.

Заговоривъ въ прошлый разъ о нѣкоторыхъ какъ бы случайныхъ проявленіяхъ «сущей правды», среди насыщенной всевозможною тяготою современной дѣйствительности, я возымѣлъ намѣреніе остановиться на этихъ проявленіяхъ поподробнѣе, и съ этою цѣлью, какъ и всегда, обратился за матеріаломъ къ единственному моему источнику—моей памятной книжкѣ. И что̀ же? Несмотря на то, что книжка эта представляетъ собою самую безпорядочную кучу разныхъ замѣтокъ, вырѣзокъ, выписокъ, набраныхъ случайно и на лету̀, кое-гдѣ и кое-какъ, записанныхъ тоже ка̀къ пришлось и чѣмъ пришлось (одинъ разъ даже шпилькой, а раза два спичкой)—несмотря на все это, то-есть на безпорядочность и отрывочность всего попавшаго въ мою книжку, вся эта безалаберная куча, въ концѣ концовъ убѣждаетъ меня, что въ проявленіяхъ (тамъ и сямъ) того, что̀ я позволилъ себѣ назвать «сущей правдой», нетолько нѣтъ ничего случайнаго, но, напротивъ, и именно въ настоящее время, повсюду обнаруживается усиленная жажда ея, этой самой сущей правды; что

---

[1] См. № 4, 1876 г.

именно теперь, когда романиста начинаетъ замѣнять зоологъ, когда патентованные сердцевѣдцы находятъ возможнымъ опредѣлять самыя трудныя минуты въ жизни современнаго человѣка выраженіемъ «просто свинство», когда—въ подтвержденіе доведенныхъ до такой простоты взглядовъ на человѣческую породу—ежедневная дѣйствительность то и дѣло выдвигаетъ факты, какъ нельзя лучше подтверждающіе, что человѣкъ, дѣйствительно—звѣрь, животное, достойное только холоднаго изученія зоолога; именно въ такую-то минуту, это доказанное и выясненное животное никогда съ такимъ упорствомъ не стремилось вырваться изъ когтей выясненныхъ ему немощею, никогда не болѣло такъ *сердцемъ*, какъ теперь. Безалаберная и растрепанная книжонка моя необыкновенно упорно старается доказать мнѣ, что именно *это* и есть новое, настоящее, то-есть заправское въ настоящее время; что человѣкъ, если и не изжилъ въ себѣ звѣря, то во всякомъ случаѣ узналъ, что, дѣйствуя только во имя *себя*, во имя *своей* берлоги, *своей* породы, *своей* силы, захватывая для себя — кулакомъ, мечомъ, хитросплетеннымъ закономъ—все, что̀ подходило ему подъ руку, и разгоняя направо и налѣво все, что̀ ему мѣшало, онъ хотя и достигъ полной независимости въ своей берлогѣ, но оказался одинъ-одинёшенекъ, потерялъ смыслъ и интересъ жизни и почуялъ, что для того, чтобы ощущать жизнь, ему надо волей-не-волей выползти изъ этой берлоги, идти къ тѣмъ «другимъ», которыхъ онъ разогналъ отъ себя и которыхъ согнулъ передъ собою въ три погибели; дать мѣсто въ своемъ сердцѣ новому ощущенію — страданію не за себя только, а за всѣхъ этихъ другихъ; дать мѣсто еще новому ощущенію—любви къ этимъ «всѣмъ», «другимъ»... Почуялъ, что это необходимо сдѣлать волей-не-волей, что безъ этого онъ—нищій, съ пустою, хотя и золотою сумой, и что безъ этого, жизнь его—не жизнь, а только *доживаніе* вѣка, начинающееся съ самаго дня рожденія.

Такими чертами можно опредѣлить современную болѣзнь звѣринаго сердца, впрочемъ, только тамъ, гдѣ возможны самыя характерныя и рѣзкія проявленія этой болѣзни, а именно на Западѣ Европы. Въ странахъ, гдѣ человѣкъ-звѣрь, для собственнаго своего благополучія, съумѣлъ продѣлать все, что̀ звѣрю продѣлать возможно; гдѣ этотъ человѣкъ не церемонился—именно только во имя своихъ личныхъ удобствъ—сотни лѣтъ губить цѣлыя поколѣнія не поморщивъ бровью—здѣсь, явленія нищаго съ золотой сумой начинаютъ обнаруживаться, хотя и не столь повсемѣстно, но за то съ поразительною ясностію. Потомокъ древняго рода, сотни лѣтъ воевавшаго, во имя одного только пра̀ва личнаго

благополучія своей породы, этотъ потомокъ, въ наши дни, получивъ въ свои молодыя руки плоды долгой и упорной борьбы своихъ предковъ, дѣлаясь обладателемъ накопленныхъ ими богатствъ, угодій, покоя, полной возможности собственнаго счастія, вдругъ обнаруживаетъ отсутствіе аппетитовъ, завѣщанныхъ предками, чувствуетъ кругомъ себя пустоту и безсодержательность жизни въ раззолоченной берлогѣ и не видитъ другого исхода для своего жаждущаго жизни сердца, какъ уйдти изъ этой берлоги, проникнуться сильными, долгими, ежедневными страданіями другихъ. Факты такого рода, во всей поучительной чистотѣ, встрѣчаются на Западѣ, среди наиотборнѣйшихъ человѣческихъ породъ; правда, они еще довольно рѣдки, но за то неизбѣжность ихъ повторенія дѣлаетъ эти рѣдкіе факты въ высшей степени поучительными и весьма ясно рисующими будущее.

На Руси факты заболѣванія сердца «сущею правдою» встрѣчаются нетолько не рѣже, чѣмъ тамъ, у заправскихъ звѣрей, но, напротивъ, какъ утверждаетъ все та же растрепанная книжонка — составляютъ почти всеобщее явленіе; захватываютъ почти сплошь, весь неплательщичій міръ, да и къ плательщикамъ иной разъ перебираются. Но при такомъ сплошномъ заболѣваніи, движеніе во имя сущей правды, въ общемъ, не имѣетъ у насъ той чистоты, ясности, естественности, какой имѣютъ факты подобнаго заболѣванія на Западѣ — а постоянно или, по крайней мѣрѣ, очень и очень часто заключаютъ въ себѣ подмѣсь совершенно неидущихъ къ сущности движенія осложненій, подмѣсь иной разъ просто скверную или просто смѣшную... Такія червоточины въ движеніяхъ отечественной мысли происходятъ, разумѣется, все отъ того же «случая», о которомъ уже было обстоятельно говорено въ прошлый разъ и который нетолько властвуетъ надъ отечественнымъ карманомъ, но распоряжается и совѣстью. Сегодня вдругъ, неожиданно, дѣлается нетолько возможнымъ, но прямо обязательнымъ то, что̀ еще вчера считалось нетолько необязательнымъ — а прямо невозможнымъ, противозаконнымъ. Такимъ образомъ оказывается, что, ка̀къ бы ни было хорошо это ставшее возможнымъ нынче и невозможное вчера — въ самый день появленія его на бѣлый свѣтъ, въ немъ уже есть червоточина — принудительность; запрещая вчера, оно сегодня начинаетъ гнать къ тому же, вчера запрещенному; появляясь внезапно, оно застигаетъ постоянно врасплохъ даже друзей своихъ, и потому надъ всѣмъ этимъ внезапно поднятымъ народомъ постоянно виситъ «хочешь-не-хочешь». Стало быть, именно во «внезапности» разнаго рода возможностей лежитъ причина

какъ того, что всякая хорошая и дурная возможность сразу захватываетъ громадную уйму народа, такъ и того, что народъ этотъ, вообще *погоняемый* къ новой возможности, въ большинствѣ вовсе не приготовленъ къ ней, не нуждается въ ней и плетется за нею хочешь-не-хочешь; широкое и большое, по количеству захваченнаго народа, движеніе осложняется присутствіемъ множества ненужныхъ элементовъ и вообще не имѣетъ той естественности, неизбѣжности, чистоты, какими отличаются подобныя же, хотя и рѣдкія, явленія на Западѣ.

Въ настоящей «болѣзни русскаго сердца» — болѣзни, составляющей самую видную черту настоящаго времени—главную и существенную роль играетъ, разумѣется, отмѣна крѣпостнаго права, т. е. отмѣна цѣлой крѣпостной философской системы. Для огромнаго большинства русскихъ людей, на другой день по освобожденіи крестьянъ, оказалось необходимымъ ввести въ собственное сознаніе такія понятія, которыя вчера еще были совершенно ненужны, а сегодня сдѣлались необходимы. Оказывалось необходимымъ дать мѣсто въ своемъ сознаніи идеѣ равноправности, идеѣ, которая вчера была преступленіемъ; оказывалось необходимымъ признать неизбѣжность труда, допустить вмѣшательство правды въ человѣческія отношенія. Понятія равноправности труда, правды, внезапно и неожиданно вторглись въ сознанія громадныхъ массъ народа, предстали передъ помѣщикомъ, передъ портнымъ, который шилъ на помѣщика, передъ ямщикомъ, возившимъ въ городъ, передъ хозяиномъ постоялаго двора, передъ трактирнымъ служителемъ, угождавшимъ барину, передъ чиновникомъ, хлопотавшимъ за него въ судахъ, передъ женой чиновника, его сыновьями, дочерями и т. д. и т. д. — до безконечности. И весь этотъ народъ, еще вчера незнавшій о существованіи этихъ новостей, сегодня долженъ былъ знать, что эти новости и суть «настоящія», а та философія, которою онъ жилъ, не заправская, не настоящая... И вотъ является неисчислимая масса народа, обязаннаго «думать» объ этомъ неожиданномъ новомъ и жить во имя этихъ новыхъ понятій, обязанная непремѣнно носить ихъ съ собою каждый день и каждый часъ... Ясно, что это народъ — больной «сердцемъ», непремѣнно больной, потому что въ общемъ, надъ всей этой кучей виситъ неизбывное «хочешь-не-хочешь».

Большого художника, съ большимъ—въ два обхвата—сердцемъ ожидаетъ это полчище народу, заболѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, народа немощнаго, изувѣченнаго и двигающагося, волей-неволей, по новой дорогѣ и несомнѣнно къ свѣту. Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ;

сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагу; сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ; сколько злыхъ, оскалившихся отъ злости зубовъ! И все это—рвущееся съ пути, разбѣшонное, немощное, все это рвется съ дороги только потому, что это—новая дорога, новая мысль, и злится только потому, что не можетъ и не хочетъ помириться съ новою мыслью. Словомъ — все это скопище терзается или радуется и смѣло идетъ впередъ потому только, что надъ всѣмъ тяготѣетъ одна и та же болѣзнь сердца, боль вторгнувшейся въ это сердце правды, убивающая и мучащая однихъ и наполняющая душу другихъ несокрушимою силою. Минута, ожидающая сильный и могучій талантъ, который, несомнѣнно, долженъ родиться среди такой массы глубокихъ сердечныхъ страданій.

Такъ именно осмѣливается разглагольствовать моя растрепанная подруга, записная книжонка, и, не претендуя на самомалѣйшую возможность даже пробовать рисовать эту удивительную картину, тѣмъ не менѣе, по силѣ возможности, всегда готова представить сценку, замѣтку или случайно встрѣченный фактъ. Указываетъ она, напримѣръ, на такое очень часто повторяющееся явленіе: общественный дѣятель. Человѣкъ, долгіе годы работавшій надъ тѣмъ, чтобы въ душное время полнѣйшей засухи достать хоть капельку свѣжей воды, рывшейся до нея сквозь каменные слои, называющіеся «нельзя, не смѣй»; проникавшій за нею сквозь сыпучіе пески, называющіеся «не надо, не нужно, на что̀ намъ»; человѣкъ, наконецъ, добивавшійся этой капли воды съ неимовѣрными трудами, накачивавшій ее своимъ маленькимъ поршнемъ изъ своего маленькаго насоса, — что̀ значитъ, что этотъ человѣкъ вдругъ начинаетъ роптать на тѣхъ, для кого онъ работалъ и кого поилъ, роптать и браниться именно тогда, когда съ такими трудами добытая имъ живая вода дѣлается всеобщимъ достояніемъ?.. А между тѣмъ такой фактъ встрѣчается поминутно, и нельзя ни чѣмъ другимъ объяснить его, кромѣ вышесказанной внезапности появленія живой воды. Вчера, человѣкъ въ потѣ лица добывалъ каплю этой воды, да и этой капли было много, а сегодня, благодаря позволенію, воды нахлынуло столько, что и насосъ вылетаетъ съ корнемъ, и поршень начинаетъ упираться отъ ея напора, и самъ общественный труженикъ унесенъ, какъ щепка, этимъ вдругъ нахлынувшимъ всюду потопомъ. И вотъ, погибая, онъ вопіетъ противъ губящей его стихіи, которую самъ же всю жизнь вызывалъ на божій свѣтъ. Фактъ очень частый и ничѣмъ другимъ необъяснимый.

Указавъ на факты, подтверждающіе именно внезапность при-

шествія новыхъ идей, памятная книжка, въ подтвержденіе того, что эта внезапность захватываетъ *всѣхъ*, и, притомъ, врасплохъ, также представляетъ аргументы, по силѣ возможности. Въ то время, какъ нахлынувшія волны уносятъ, какъ щепку, дѣйствительнаго и много потрудившагося работника, заставляя его роптать на то, что отъ всей его дѣятельности не осталось и праху, тутъ же рядомъ съ нимъ, этотъ же потопъ несетъ, по тому же самому направленію, толпы нетолько не работниковъ, нетолько не дѣятелей, но, очевидно, людей приневоленныхъ: кто не знаетъ этого визгу о собственномъ ничтожествѣ, этого воя о собственной немощи, ежеминутно оглашающихъ скучные дни наши то тамъ, то сямъ? Книжонка можетъ привести множество примѣровъ, изъ которыхъ явствуетъ, что человѣкъ, гонимый новымъ временемъ, ничего не издаетъ кромѣ визгу, ничего не дѣлаетъ кромѣ именно «самаго стараго», и, ознаменовывая каждый приневоленный шагъ разнаго рода скверностями, ни на минуту не перестаетъ оплакивать эти скверности, сокрушаться о нихъ, продолжая дѣлать ихъ ежеминутно и ежеминутно о нихъ визжать?.. Какъ попалъ бы сюда, на эту новую дорогу, этотъ совершеннѣйшій обломокъ стараго, еслибы его неожиданно, «хочешь-не хочешь», не унесло сюда?

Если всякому знакомы эти визжащія фигуры, приводимыя моей книжонкой въ примѣръ всеобщности движенія, то точно такъ же должны быть знакомы и фигуры другого рода, подтверждающія то же положеніе: это—фигуры людей, знающихъ, что время уноситъ ихъ по настоящей дорогѣ, и съ страшною силою воли заглушающихъ въ себѣ все, что̀ въ натурѣ ихъ, въ ихъ привычкахъ, въ воспитаніи, есть враждебнаго этому новому пути. Книжонка указываетъ на множество типовъ людей немолодыхъ, которые вяжутъ въ себѣ старое по рукамъ и по ногамъ, чтобы служить новому, хотя обыкновенно служатъ недолго, потому что постоянная война съ самимъ собой разрушаетъ тѣло и мозгъ. Работники, взявшіеся за работу потому, что нѣкому, потому, что *надо* стоять на этой работѣ кому-нибудь, ставшіе на работу потому, что *нельзя* не работать, нельзя не служить дѣлу, для котораго еще нѣтъ настоящихъ работниковъ, такіе работники—довольно-таки примѣтныя фигуры въ этомъ громадномъ движеніи къ свѣту. И къ счастію, въ такого рода людяхъ на русской землѣ нѣтъ недостатка. Книжонка указываетъ на кроткихъ, какъ агнцы, людей, людей неспособныхъ обидѣть мухи, которые, однако, являлись передъ публикой, напримѣръ въ печати, чуть не кровопійцами, и являлись потому только, что *надо* было являться такими, потому что настоящихъ не являлось. Кни-

жонка указываетъ на множество людей, заглушавшихъ въ себѣ кротость для необходимой, въ данную минуту, вражды; заглушавшихъ въ себѣ отвращеніе, для необходимой теперь именно, потому-то и потому-то, любви... Все это, конечно—не первый сортъ, не первый нумеръ, но все это говоритъ о появленіи новой мысли врасплохъ, говоритъ и о силѣ и неотразимости этой мысли, заставляющей людей переламывать, уничтожать въ себѣ врожденное несочувствіе къ ней...

Эту движущуюся по новому пути толпу людей, бо̀льшею частью вовлеченныхъ туда невольно, неожиданно, хочешь-не хочешь, книжонка заканчиваетъ указаніемъ, съ одной стороны, на типы все понимающіе и ничего не могущіе, съ другой—на типы ровно ничего непонимающіе, но *подавленные всѣмъ вообще*. На одномъ изъ составляющихъ книжонку лоскутовъ значится слѣдующее: «*Въ настоящее время очень дорогъ человѣкъ, съ которымъ можно свободно молчать*, то-есть, думать, не разговаривая, и притомъ, такъ, чтобы молчаливый гость не просто молчалъ, а тоже постоянно бы думалъ, но не говорилъ, такъ какъ разговоръ, при такомъ положеніи дѣла, всегда оказывается чистымъ вздоромъ и только конфузитъ обоихъ». Не знаю, по какому именно случаю записаны эти слова̀ и кѣмъ именно произнесены они, только фигуры людей, въ полномъ смыслѣ *глубокомысленно молчащихъ*, мнѣ очень коротко знакомы. Не разъ встрѣчался мнѣ человѣкъ пожилой, много думавшій, видѣвшій много, знающій все, что̀ выдумано мыслью относительно будущаго, знающій все, что̀ выдумано тою же мыслью относительно невозможности этого будущаго, сознающій ка̀къ все это вѣрно и глубоко и ежеминутно убѣждающійся, что̀ изъ всего этого, какъ ни кинь—все клинъ. Я встрѣчалъ людей, молча обѣдающихъ другъ съ другомъ часа два-три, мо̀лча идущихъ по улицѣ цѣлыя версты и знающихъ, что они очень *обо многомъ* молчатъ въ это время, даже какъ бы разговаривающихъ мо̀лча. Такой типъ—всегда старикъ, у котораго жизнь прожита, а остался одинъ голый умъ. Благодаря кой-какому достатку, сидитъ онъ гдѣ-нибудь въ своей квартирѣ у окна или тихо идетъ по улицѣ, или чужимъ толчотся на чужой сторонѣ и все молчитъ, и цѣлые томы можно бы написать о томъ, «о чемъ онъ молчитъ».

А вотъ другой, совершенно ничего уже не умѣющій сообразить, но *всѣмъ* подавленный человѣкъ. Въ прошломъ году, зимой, явился въ Парижъ, мѣщанинъ Б—въ, приказчикъ чайнаго магазина. Ка̀къ добрался онъ сюда—рѣшительно непонятно: ни на-какомъ языкѣ онъ не говорилъ ни одного слова, кромѣ русскаго. Это былъ молодой человѣкъ самой ординарной наружности при-

казчика, довольно чисто выбритый, по гостинодворски одѣтый, очень кроткій, непьющій и на видъ вовсе не больной, хоть и задумчивый. Зачѣмъ онъ явился въ Парижъ? Онъ хорошенько не могъ объяснить, хотя кажется желалъ-бы сказать многое, но, очевидно, не могъ... Не объяснивъ ничего относительно появленія своего въ Парижѣ, онъ обыкновенно замолкалъ, смотрѣлъ въ землю, теръ ладони и вдругъ скороговоркой произносилъ:— «Больше ничего... застрѣлюсь!» Въ гостинницѣ, гдѣ онъ остановился, смерти его ждали со дня на день, и всѣ ходили безпрестанно въ его нумеръ. Пришолъ и я. Я началъ разговаривать съ нимъ о чайномъ дѣлѣ—долго ли онъ служилъ, сколько получалъ жалованья, выгодное-ли это дѣло. Б—въ говорилъ, отвѣчая на мои вопросы, вполнѣ опредѣленно и ясно. Онъ даже увлекся и съ жаромъ принялся расписывать, какія штуки употребляются для поддѣлки чаю, какъ лучше всего обанкрутиться и т. д. Онъ оживился, и ни единой капельки какой-нибудь болѣзни не было замѣтно ни въ его глазахъ, ни въ его лицѣ. Невозможно было представить себѣ, чтобы у этого, такъ всецѣло поглощеннаго своею торговою спеціальностію человѣка, была хоть тѣнь мысли о самоубійствѣ. Но на бѣду, господинъ (тоже русскій), бывшій въ то же время со мной, совершенно неожиданно прервалъ разговоръ, сказавъ:—«Нѣтъ, вы спросите-ка отчего онъ застрѣлиться-то хочетъ!» Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ, очевидно, въ шутку, но Б—въ вдругъ измѣнился:—«Ну, ужъ и стрѣляться!» сказалъ я.—«Ничего не подѣлаешь!» какъ бы въ отчаяніи произнесъ, измѣнившись въ лицѣ, бѣдный Б—въ и сталъ объяснять почему именно ничего не подѣлаешь?.. Найдти въ этихъ объясненіяхъ какой-нибудь смыслъ или хоть чуть-чуть понять—не было никакой возможности. Если бы удалось стенографически записать все, что онъ говорилъ, и потомъ тщательно все перечитать и передумать, то и тогда едвали бы получились какіе-нибудь мало-мальски удовлетворительные результаты... Вотъ, примѣрно, какъ онъ говорилъ и что именно: «Потому, такая линія... Чтожъ дѣлать!.. (Молчаніе). Одного платья сколько было—панталоновъ однихъ лѣтнихъ шесть паръ, у Корпуса... да что! Тьфу!.. Неужели изъ-за этого... Господи помилуй! вотъ ужъ стоитъ!.. тьфу! (Молчаніе). Нѣтъ! а есть надъ человѣкомъ перстъ—вотъ что!.. Теперь я былъ прикащикомъ, все хорошо... Приглашали къ Пеструхину на Невскій на семдесятъ пять рублей... и съ удовольствіемъ принимали,—самъ не захотѣлъ!.. потому что... да что! Мѣсто! Вотъ ужъ наплевать-то!.. (Молчаніе)... Изволили бывать въ академіи художествъ? Ну, такъ тамъ есть одна картина... представлено какъ страждетъ невинная дѣвица

въ молодомъ своемъ возрастѣ, и ка̀къ невинно... ну, не сто̀итъ и говорить... Перстъ! Нѣтъ, тутъ особая штука... У меня это все нарисовано на планѣ... (плана онъ не показалъ, а сказалъ: все особенное). А то мѣста̀, панталоны!.. Господи, очисти живота отъ всего, отъ этого... Одна осталась—музыка, оркестръ, серьёзная игра..! Послушать и помереть—вотъ! (молчаніе)... А вотъ что правды нѣтъ ни капли—такъ ужь это съ тѣмъ возьмите! Перстъ!.. Ловки, очень ловки они!.. Боже сохрани какая канитель!.. Вы только посудите одно: былъ я на цвѣточной выставкѣ и вижу растеніе, фіалку... И думаю—столь удивительно хорошо, столь премудро—или, напротивъ того, возьмемъ человѣка положимъ хоть меня: прихожу я къ хозяину:—«позвольте получить, за два мѣсяца»... да нѣтъ, нѣтъ—тутъ болтать нѐчего! Что̀ пустое разговаривать... Послушаю музыки, и съ Богомъ—на тотъ свѣтъ!» Вотъ примѣрно ка̀къ и въ какихъ выраженіяхъ этотъ бѣдный человѣкъ объяснялъ причину необходимаго для него самоубійства. Слушая его, я ничего не понималъ, но не могъ не видѣть, что въ его бѣдной головѣ толпилось многое множество нежданныхъ, негаданныхъ мыслей, цѣлой тучей нахлынувшихъ въ его бѣдную, слабую голову, искалѣченную узкою спеціальностію. Какой случай внесъ въ его сознаніе эти совершенно для него непереваримыя мысли — я не знаю; очень можетъ быть, что это была какая-нибудь практическая неудача, рана, нанесенная мелкому самолюбію, но что мученія его были серьёзны и ничего «просто свинскаго» не заключали, это можно видѣть и изъ его безсвязнаго разговора, и изъ факта его дѣйствительнаго самоубійства. Б—въ застрѣлился осенью того же года, въ Павловскѣ. О смерти его напечатано въ дневникѣ происшествій всѣхъ русскихъ газетъ за сентябрь мѣсяцъ прошлаго года.

Около этихъ четырехъ-пяти главныхъ фигуръ: труженика мысли, погибающаго въ общемъ стремительномъ потокѣ движенія и ропщущаго на него; человѣка, уныло воющаго, оплакивающаго свои несовершенства и ежеминутно эти несовершенства предъявляющаго; того, который ломаетъ въ себѣ все неидущее къ задачѣ, считаемой имъ за подлинное дѣло; того, кто молчитъ и думаетъ, не видя для себя никакого исхода, и наконецъ, того, кто не умѣетъ думать, а прямо пораженъ, задавленъ и разбитъ всѣмъ полчищемъ нахлынувшихъ на его бѣдную голову мыслей—около этихъ главныхъ фигуръ групируется безчисленное множество разновидностей, въ которыхъ нетрудно узнать, при нѣкоторой внимательности, черты, сходствующія съ вышеприведенными, особенно замѣтными, типами. Одинъ не воетъ въ

слухъ, воетъ внутри себя, другой хотя и чувствуетъ, что его несетъ, сорвало, но не показываетъ виду, а притворяется будто даже очень радъ, хотя и тотъ, и другой въ сущности испытываютъ точно то же, что̀ и тѣ, которые воплями и ропотомъ, не церемонясь, оглашаютъ каждый шагъ, дѣлаемый ими на новомъ пути. Все это — какъ разновидности, такъ и главные представители разновидностей — все это составляетъ ту массу идущаго по новому пути народа, который загнанъ на этотъ путь неожиданно ставшими необходимостію идеями простоты и правды. Все это идетъ, страдая и болтая и упираясь, и падая на пути, негодуя и злясь. Все это попалось въ лапы новымъ идеямъ и, хочешь не хочешь, своими глубокими страданіями, своимъ глубокимъ негодованіемъ свидѣтельствуетъ о томъ, что эти новыя идеи, эти новыя потребности сердца, пришли, вотъ тутъ гдѣ-то, и идутъ все ближе и ближе. Можно *на нихъ* лаять, можно *отъ нихъ* рваться, можно *ихъ* опровергать, можно на нихъ просто плевать, притворяться, что не видишь, можно просто не видать ихъ, но лаять, негодовать, бѣжать, опровергать, словомъ продѣлывать все вышеизображенное «безъ нихъ»—никакъ ужь невозможно.

II.

Безъ подмѣси.

Всѣ эти толпы больныхъ, страдающихъ, стонущихъ и проклинающихъ, на которыя указываетъ памятная книжка, въ подтвержденіе вывода, что настоящее время болѣе всего страдаетъ «сердцемъ», весь этотъ трудно занемогшій народъ не составляетъ, однакожъ, еще главнаго въ общей картинѣ этого необыкновеннаго нравственнаго движенія, которое, къ тому-же, бо̀льшею частію насильно втянуло его въ себя. Вся бѣда этого «невинно-убіеннаго» народа заключается почти только въ борьбѣ съ самимъ собою, съ собственными ненужными, мѣшающими освѣженному сознанію старыми привычками. Несомнѣнная трудность этой борьбы, громадность массы народа, захваченнаго ею, могутъ свидѣтельствовать только о томъ, что въ сознаніе русскаго человѣка вошло нѣчто большое, небывалое, что это небывалое сильно и велико. Но ни громадность захваченной небывалымъ толпы, ни самые размѣры страданій не могутъ убѣдительно доказать наблюдателю, что «новое и небывалое»—явленіе вовсе не случайное, а, напротивъ — неизбѣжное. Поэтому всѣ муки и хлопоты, свалившіяся на

случайно захваченнаго въ движенiе неплательщика, состоятъ какъ бы въ отвиливанiи, въ придумыванiи разныхъ штукъ, чтобы какъ-нибудь обойти, дать другое направленiе уносящему его потоку. Мысль его постоянно работаетъ надъ всевозможными средствами, которыя бы облегчили ему эту борьбу, онъ постоянно норовитъ что-то гдѣ-то устроить, учредить, сдѣлать сначала то, а лѣтъ черезъ пятьсотъ это, тогда какъ все дѣло и вся бѣда заключается въ немъ самомъ, и не позже, какъ сiю минуту, и время требуетъ передѣлки не на сторонѣ гдѣ-то, не въ какомъ-то чужомъ углу, а тутъ, въ сердцѣ самого неплательщика, куда съ такою настойчивостью пробирается идея хотя бы «позднѣйшей простоты и правды» въ человѣческихъ отношенiяхъ. А эта идея дѣйствительно идетъ, выростаетъ сама собою и уже имѣетъ въ своей власти число сердецъ, ничуть не меньшее числа случайно занемогшихъ и захваченныхъ движенiемъ невольно. Памятная книжка даетъ не мало указанiй и на такихъ людей, у которыхъ уже нѣтъ никакой нравственной связи ни съ чѣмъ прошлымъ, у которыхъ ни капли нѣтъ себя для себя, у которыхъ есть только одно: невозможность существовать, не глядя дѣйствительности въ лицо прямо и смѣло и не повинуясь одной только сущей правдѣ. Это—не спецiалисты новыхъ идей и новыхъ дѣлъ, знающiе доподлинно, что и къ чему; нѣтъ, это — простые, очень часто необразованные люди, стоящiе на новомъ пути почти одиноко; но люди, которые могутъ чувствовать только совершенно правдиво и только повинуясь владѣющей ихъ сердцемъ правдѣ, которые идутъ... куда? я не знаю. Въ появленiи ихъ на свѣтъ нѣтъ никакой случайности, нѣтъ никакихъ постороннихъ влiянiй: напротивъ, это—продуктъ самый чистый и самый послѣдовательный недавняго прошлаго, продуктъ, явившiйся именно тамъ, гдѣ прошлое особенно блистало своими наинепривлекательнѣйшими сторонами.

Беру изъ моей книжки два отрывка наудачу и выписываю ихъ здѣсь въ томъ самомъ видѣ, ка̀къ пришлось записать ихъ, то-есть ничего не прибавляя и не убавляя. Нѣтъ въ нихъ ни начала, ни конца, каковые, особливо конецъ, и соблаговолитъ придумать благосклонный читатель по своему усмотрѣнiю.

Вотъ что̀ сказано въ одномъ изъ этихъ отрывковъ (разсказъ записанъ со словъ одного русскаго, человѣка лѣтъ подъ тридцать, встрѣченнаго мною за-границей года два тому назадъ).

«..Вы, вотъ, все не вѣрите, думаете, что это только такъ, одна либеральная праздность, нежеланiе дѣлать какое-нибудь простое, но серьёзное дѣло... Ужь навѣрное (я знаю, это я тысячи разъ слышалъ), вы думаете, что, такъ вотъ болтаясь, да

разговаривая разныя разности, я просто-на-просто живу, ничего не дѣлая, на чужой счетъ — и все... И знаете, вѣдь такъ думаютъ иной разъ очень добрые люди... «Врешь, каналья»— и все тутъ... Или такъ еще: «нахватался верхушекъ, прочелъ книжонку—и задралъ носъ... ну, и натурально, пошли эти разныя идолослуженія и все такое...» Главное, допекаютъ нашего брата деньгами: а деньги откуда ты берешь? «Попробовалъ бы ты, говоритъ, заработывать такъ, какъ я; повозился бы съ этой канителью, да тогда бы и разговаривалъ». Что̀ отвѣчать на это? кромѣ того, что *не могу* я такъ, какъ вы, заработывать, потому что *не могу* жить такъ, какъ вы; потому просто, что нѣтъ у меня ни такихъ заботъ, такихъ огорченій, ради которыхъ я бы такъ, испугался жизни, что взялъ бы да и подалъ прошеніе къ какому-нибудь православному жиду. Мнѣ ничего не нужно. Но именно этому-то и не вѣрятъ, да и вы не вѣрите... Еще вотъ какъ иные называютъ: «новомодное дармоѣдство», а одинъ дѣлопроизводитель по коммерческой части на какой-то желѣзной дорогѣ, гдѣ нѣтъ никакой коммерціи, такъ тотъ вотъ какъ ощетинился: «вы, говоритъ—все равно, что̀ странники прежняго времени: придетъ, напуститъ на всѣхъ туману, получитъ даяніе—и маршъ; а тутъ сиди, да отработывай своимъ хребтомъ...» Очень все это натурально... Я только хочу сказать, что я именно и могу только, какъ вотъ дѣлопроизводитель сказалъ, туманъ пускать... Еслибы я *могъ* не пускать его, я бы, разумѣется, гдѣ-нибудь на желѣзной дорогѣ очень обстоятельно доказывалъ отправителю, что, обливъ его рожь керосиномъ, я доставилъ ему только удовольствіе, и что нетолько мнѣ за это платить ему не приходится, но, напротивъ, еще онъ обязанъ мнѣ внести уйму рублей. Въ томъ-то и горе, а можетъ и счастіе, что не могу! Очень ужь крѣпко сидитъ во мнѣ эта жажда туманъ распускать! А то бы почему окладами не побаловаться—самое любезное дѣло. И знаете ли: кто, какого рода человѣкъ воспиталъ меня такимъ образомъ? Отъявленный казнокрадъ, человѣкъ, вся жизнь котораго, почти вплоть до той самой минуты, когда нежданно-негаданно онъ сдѣлалъ для меня добро, была длиннымъ безобразіемъ, исполненнымъ всякой самой отвратительной скверности старыхъ порядковъ... мой отецъ... Такова именно была жизнь моего отца.. Лѣтъ до тринадцати я совершенно не зналъ его... Смутно помню какую-то фигуру, пьяную, на городскомъ извозчикѣ догоняющую нашъ возо̀къ, въ которомъ я и мать ѣхали въ деревню... Помню что̀-то небритое, осклабившееся въ окнѣ возка̀, что̀-то очень грубо говорившее съ матерью; помню, что я ревѣлъ и что мать велѣла во всю мочь погонять лоша-

дей... Не могу забыть какого-то звѣрскаго рёва, несшагося вслѣдъ за мчавшимся возкомъ: пьяный городской извозчикъ и пьяная фигура, оба ревѣли и гнались, не щадя ни лошади, ни своихъ глотокъ. Рёвъ этотъ, эта неистовая скàчка возкà, эти комья снѣгу, врывающіеся въ òкна возкà и бьющіе меня, мать и няньку по головѣ, врѣзались въ моей памяти навсегда, какъ нѣчто ужасное, а главное, что это—отецъ... Представленіе объ отцѣ у меня съ этихъ поръ постоянно соединялось съ этимъ рёвомъ, съ чѣмъ-то такимъ, отчего у меня замирало сердце... Къ этому неизгладимому впечатлѣнію чего-то ужаснаго и нехорошаго, по мѣрѣ того, какъ я выросталъ, присоединялись новыя, уже осмысленныя причины ненависти къ нему; постоянно я видѣлъ передъ собой фигуру моей матери, окруженную фигурами разныхъ добрыхъ старушекъ, которыя только и дѣлали, что жалѣли ее... Моя мать никогда не жаловалась — она была безропотна... Она сохла и чахла въ молчаливомъ сознаніи своего несчастія, всей трудности жизни. Несомнѣнно, она искренно страдала, но я потомъ разскажу кое-чтò о мотивахъ къ этимъ страданіямъ; теперь же—что долгіе годы жалобъ, раздававшихся вокругъ моей матери и подтверждаемыхъ ея вздохами и дѣйствительными страданіями, привели меня, мальчика лѣтъ десяти-одиннадцати, къ такимъ мыслямъ: выросту большой, наживу много-много денегъ, куплю мамѣ большое имѣніе; она будетъ ѣздить въ каретахъ и предводительша не посмѣетъ передъ нею пикнуть. Такія мысли я увозилъ съ собой изъ деревни въ городъ, въ гимназію; такія мысли руководили мною на школьной скамьѣ, и съ ними я опять возвращался домой... Всѣ меня тогда хвалили въ домѣ у матери, всѣ мнѣ говорили: «не сынъ, а ангелъ, утѣшеніе ростетъ матери, примѣрный мальчикъ...» Примѣрнымъ меня называло начальство. Помню, что я дѣйствительно всей душой страдалъ за обиды и несчастія моей матери...

«Я забылъ сказать, что она жила въ деревнѣ, въ собственномъ небольшомъ имѣніи, верстахъ въ сорокà отъ губернскаго города, въ которомъ я находился въ гимназическомъ пансіонѣ. Мнѣ нѣкогда было быть ребёнкомъ, проказить, шутить; у меня было дѣло, серьёзная обязанность—счастье матушки... Серьёзнѣе меня не было во всемъ пансіонѣ ни одного ребёнка. Я нетолько серьёзно былъ занятъ своею мыслію, но умѣлъ ужь ненавидѣть тѣхъ, кто мѣшалъ мнѣ отдаваться моей цѣли, и имѣлъ враговъ, какъ настоящій дѣятель, упорно идущій къ своей цѣли... Я научился понимать людей, познакомился съ ихъ побужденіями, взглядами; научился презирать и жалѣть, словомъ — узнавалъ жизнь; но руководитель мой въ этихъ наблюденіяхъ, побуди-

тельная причина къ нимъ, была «матушка», «много, много денегъ» и «утру̀ носъ предводительшѣ».

«Переносилъ я обидъ и непріятностей много, много передумалъ, перечувствовалъ и, тринадцати лѣтъ, могъ уже иной разъ дать матери моей хорошій практическій совѣтъ. Пріѣзжая въ деревню, я ужь не могъ не страдать страданіями хозяина, настоящаго деревенскаго хозяина, ужь меня тянуло входить во все.

«...Вотъ въ такую-то минуту моего развитія, однажды, когда я пріѣхалъ на праздникъ домой—дѣло было за двѣ недѣли до Рождества—случилось со мною такое происшествіе.

«Озабоченный горестями матушки по хозяйству, я, на другой же день по пріѣздѣ, ранёхонько, чѣмъ свѣтъ, вскочилъ съ постели и намѣревался отправиться развѣдывать о разныхъ хозяйственныхъ упущеніяхъ. Чтобы никого не безпокоить въ домѣ, я зашелъ умыться въ людскую. Какъ теперь помню, виситъ на веревкѣ въ грязныхъ и мокрыхъ сѣняхъ рукомойникъ; торопливо плещу я въ лицо холодною водою, около меня стоитъ старый-престарый кучеръ Филиппъ, съ полотенцемъ въ рукахъ, и слышу я, сквозь плескъ воды, словно бы онъ всхлипываетъ. Поднялъ я голову, гляжу—плачетъ...

«— О чемъ ты?

«Только замоталъ головой и залился.

«Я изумился. У меня ужь мелькнуло-было: «не штуки ли тутъ?» (я ужь зналъ, что на нихъ не надо смотрѣть, не надо класть пальца въ ротъ и т. д.); но слёзы у такого древняго старца тотчасъ отогнали эти негодныя мысли и я опять спросилъ его:

«— Да что̀-жь такое? О чемъ ты плачешь?..

«— Глянь-ко, вонъ, на плетень-то... промолвилъ онъ, указавъ на сѣнную дверь, и сжалъ запрыгавшія отъ волненія губы, точно старая старуха.

«Глянулъ я въ сѣнную дверь, вижу: плетень, половина его обвалилась; около плетня валяется полузанесенное снѣгомъ колесо; недалеко стоитъ бочка; за плетнемъ плетётся какой-то старичекъ, должно быть, больной, еле передвигая ноги по размякшему снѣгу и хватаясь за плетень старческой рукой. Пристально смотрѣлъ я, почти вытараща глаза, и на старичка, и на плетень, и на колесо и, все-таки, не понималъ: о чемъ плачетъ Филиппъ и о чемъ тутъ возможно плакать?

«— Что̀ жь тамъ? проговорилъ я въ полномъ недоумѣніи.

«— Да, вѣдь, родитель это твой! съ сильнымъ порывомъ глубокаго чувства завопилъ старикъ.—Отецъ, вѣдь, твой...

«— Кто?

«— Да, во-отъ, нищій-то этотъ... Вотъ пробирается, Господи, Царица Небесная...

«Тутъ я дѣйствительно остолбенѣлъ.

«— Кàкъ?.. Этотъ?.. Отецъ? безсвязно шепталъ я, весь какъ бы скованный, какъ холодъ вдругъ сковываетъ воду, и оцѣпенѣло глядѣлъ на нищаго-старика.

«— Онъ, батюшка, онъ!.. шепталъ Филиппъ.

«И вдругъ, во всемъ моемъ окаменѣломъ тѣлѣ, по всѣмъ жиламъ (буквально «по всѣмъ»—я это чувствовалъ и никогда не забуду) пробѣжало чтò-то ужасно острое и, главное, горячее (не жгучее, а именно горячее, какъ кипятокъ), жаромъ ударило въ голову, и заревѣлъ-заревѣлъ я!.. Изъ-подъ моей ранней практичности, изъ-подъ моей озабоченности хозяйственными дѣлами вдругъ вырвался ребёнокъ; какъ солнышко изъ-за тучь, выскочило, ярко пылая, простое дѣтское сердце. Такъ, кàкъ былъ, съ мокрымъ лицомъ, повалился я на какой-то мѣшокъ съ угольемъ и ревѣлъ. Я чувствовалъ ужасную жалость и ужасную вину. Чѣмъ виноватъ—я еще не зналъ, но сознаніе моей необыкновенной виновности я очень хорошо помню.

«— Второй годъ, родимый ты мой, вѣдь онъ здѣсятко!.. шепталъ Филиппъ.—Маменькѣ-то, Христа ради, не донеси... Господи, помилуй!.. Кàкъ не скажешь-то? Смотрѣть-то жалость одна. Какой человѣкъ-то!.. Истинно, что Божій человѣкъ родитель твой — право слово... И знати, и духу-то нѣтъ прежняго... чтò стало!.. Маменькѣ-то не болтай, ради Христа... Пуще всего, чтобы ты-то не зналъ, всѣмъ наказано... Не въ примѣту чтобъ, тихимъ манеромъ надобно повидаться... вотъ кàкъ... А не болтай... а повидаться повидайся... родной, вѣдь, отецъ, самъ ты посуди... охъ... и на чтò и сказалъ-то!..

«Каждое слово Филиппа наполняло меня чѣмъ-то совершенно новымъ, что, однакожь, увеличивало мои слёзы каждую минуту, и помню, что мнѣ необыкновенно хотѣлось плакать... И гимназія, и мать, и товарищи, и мои заботы, и хозяйскія хлопоты, и отецъ *тотъ*, который лѣзъ въ возокъ, и отецъ *этотъ*—все это проходило безпорядочною толпою въ моемъ мозгу и гнало потоки слёзъ... Чтò-то простое и теплое принесла эта сцена въ мою душу, которую до этой минуты все пріучало ожесточаться, хотя тоже во имя любви...

«— И не радъ, что сказалъ-то! хлопая себя по бедрамъ, шепталъ Филиппъ тревожно.—Ну, придутъ... увидятъ... Ахъ, дуракъ старый, дырявый мѣшокъ... Хоть въ другое мѣсто пошелъ бы, все бы не такъ... барчукъ! а барчукъ! Ахъ, и дѣлà только...

Ну, сѣмъ, въ сарай бы пошелъ... Право, въ сарай-то способнѣй.. Митрофанъ Петровичъ! барчукъ!.. У-эхъ ма-а!..

«Кàкъ ужь я очутился въ сараѣ—не помню. Должно быть, Филиппъ просто взялъ меня за руку и привелъ туда.

«— Ну, вотъ такъ-то лучше будетъ, сказалъ онъ и сталъ ожидать уже молча окончанія моихъ слёзъ.

«Я воротился домой, не сдѣлавъ по хозяйству ничего, но ужь боялся матери... Той искренней привязанности къ ней, которая повела меня рано утромъ бѣгать «по хозяйству», я ужь не ощущалъ... То-есть я любилъ ее столько же, сколько и всегда, но уже имѣлъ право судить ее; чувствовалъ, что у меня въ душѣ что-то бòльшее, чѣмъ у нея...

«Не буду разсказывать, кàкъ моя мать и ея пріятельницы заахали, увидавъ мои опухшіе глаза; кàкъ онѣ приняли это за простуду, уложили меня въ постель, принялись лечить и т. д. Кромѣ величайшей тоски, я не испытывалъ ничего отъ всего этого, но терпѣлъ, ожидая дня, когда увижу отца, и придумывалъ всевозможные планы, чтобы достигнуть этого свиданія. Двѣ недѣли, однако, пришлось мнѣ проболѣть ожиданіемъ этого свиданія, потому что двѣ недѣли продержали меня дома, не выпуская изъ комнаты. Наконецъ, на праздникахъ, передъ новымъ годомъ, я такъ настоятельно заявилъ о своемъ здоровьѣ, что мнѣ ужь не пытались возражать.

«Прежде всего, я отправился, конечно, разыскивать Филиппа, чтобы вмѣстѣ съ нимъ придумать случай выѣхать изъ нашей деревни: дѣло въ томъ, что отецъ жилъ въ деревенькѣ, версты за двѣ отъ нашей, въ семьѣ одного двороваго человѣка. Скоро предлогъ былъ отысканъ: въ хозяйствѣ оказался недохватъ какого-то продукта—не то веревокъ, не то дегтю, и надо было ѣхать за ними въ большое торговое село Покровское. Покровское лежало совершенно въ противоположной сторонѣ отъ той деревни, гдѣ жилъ мой отецъ, но мы рѣшили, закупивъ въ Покровскомъ чтò было нужно, не мѣшкая, ѣхать назадъ и, свернувъ съ дороги, объѣхать нашу усадьбу и хоть на короткое время, но непремѣнно завернуть къ отцу.

«Все было сдѣлано такъ, какъ мы придумали. Всю дорогу—и въ Покровское, и обратно, продолжавшуюся добрыхъ пять или шесть часовъ — я ни минуты не былъ спокоенъ: предчувствіе какого-то переворота, имѣющаго совершиться въ моей жизни, держало меня въ постоянно напряженномъ состояніи... Филиппъ, сидѣвшій въ саняхъ рядомъ со мной, постоянно говорилъ про отца: отъ него я узналъ, какой это былъ звѣрь «карахтерный» въ молодости, кàкъ онъ маменьку обижалъ, кàкъ онъ маменьку

бросилъ, имѣя большія деньги, гдѣ-то прокутилъ ихъ, пришелъ въ деревню весь въ долгахъ; но маменька его не приняли, а только дали на дорогу въ городъ, ка̀къ потомъ, спустя много лѣтъ, онъ опять явился, но ужь совсѣмъ другимъ, тихимъ, робкимъ, безъ всякихъ признаковъ буйнаго духа, и уже попросилъ у маменьки только помочи въ съѣстномъ продуктѣ, самъ обѣщался не касаться ни до нея, ни до имѣнія, а сталъ жить «похристіански», то-есть, по-мужицки съ мужиками, у старыхъ своихъ дворовыхъ людей, живетъ, какъ простой мужикъ, лапти точаетъ, зимой ребятишекъ учитъ, а лѣтомъ работаетъ, когда въ силахъ, и лечитъ... Филиппъ особенно восхвалялъ его даръ лечить и приводилъ безчисленные примѣры удивительныхъ исцѣленій, говорилъ онъ, что отецъ принесъ отъ святыхъ мѣстъ какую-то книгу, въ которой сказано «все», и вотъ эта-то книга особенно помогаетъ ему въ его врачебномъ искуствѣ... Изъ разсказовъ Филиппа я убѣдился, что отецъ мой пользуется въ народѣ славою человѣка, обладающаго громадными свѣдѣніями, чуть ли не такими, какими обладаетъ только колдунъ. Филиппъ даже и этотъ эпитетъ попробовалъ-было приложить къ моему отцу, но спохватился... «и-и! ка̀къ это можно!.. только дураки и болтаютъ такъ-то... «колдунъ, колдунъ»... знамо, по глупости, а прямо сказать — божественный человѣкъ... все съ молитвой, все съ крестомъ... Нѣшто такъ колдунъ можетъ?.. Тотъ все съ чернымъ словомъ... Опять же у святыхъ мѣстъ былъ, да и опять собирается... Не можетъ этого быть!» Разговоры и разсужденія Филиппа не прекращались до самаго въѣзда въ деревеньку, гдѣ жилъ отецъ...

«Были сумерки... По деревенской улицѣ, загроможденной сугробами, носились тучи и столбы мелкаго, промерзлаго снѣгу... Былъ морозъ и вѣтеръ... Огня въ деревнѣ не было нигдѣ. Тамъ и сямъ, на снѣгу чернѣли кучки ребятишекъ съ ледянкой или санками и въ перемежкахъ вѣтра слышались ихъ спорящіе голоса... Я все это помню какъ нельзя лучше. Не забуду минуты, когда сани по рыхлымъ сугробамъ стали подъѣзжать къ длинному въ шесть оконъ дому. Ка̀къ нарочно, въ эту минуту, вѣтеръ совершенно упалъ, стало невозмутимо тихо; неслышно ступала лошадь по глубокому снѣгу, неслышно было полозьевъ — домъ стоялъ тёмный и молчаливый, огня въ немъ не было; крыльцо было заперто и занесено снѣгомъ; мы взбирались по немъ, какъ по перинѣ, безъ малѣйшаго шума. Но, впродолженіи этой минуты почти мертвой тишины, сердце мое било меня въ грудь, словно молотомъ, а кровь съ какимъ-то свистомъ въ ушахъ приливала къ головѣ...

«Вы думаете, пожалуй, что я, изображая такъ подробно минуту, предшествовавшую моей встрѣчѣ съ отцомъ, представлю вамъ и родителя моего въ какомъ-нибудь особенномъ видѣ, производящемъ нравственное потрясеніе какими-нибудь необыкновенно сильными и оригинальными свойствами своей натуры, мысли?.. Нѣтъ, ничего подобнаго не будетъ; переворотъ въ моихъ взглядахъ начался, дѣйствительно, съ минуты этого перваго свиданія съ нищимъ-отцомъ, но именно, можетъ быть, и начался-то только потому, что я попалъ съ этой минуты въ среду самыхъ простыхъ людей; все тутъ было такъ голо, просто и ясно, что никоимъ образомъ не могло произвести такъ-называемаго потрясающаго впечатлѣнія. Было только впечатлѣніе новой для меня простоты, и больше ничего.

«Филиппъ долго грохалъ кольцомъ въ сѣнную дверь прежде, нежели заскрипѣла дверь и какой-то женскій голосъ спросилъ:

«— Кто тамъ?

«— Отвори-ко-сь, Марья Андревна, свои... Филиппъ...

«— О-о... сейчасъ, дай башмаки надѣть...

«— Ладно. Поторапливайся...

«— Сейчасъ, сейчасъ...

«Скоро, дѣйствительно, послышались въ сѣняхъ торопливые шаги; засовъ стукнулъ, и передъ нами, сколько можно было разобрать въ темнотѣ, очутилась высокая, пожилая женщина, въ шубейкѣ на плечахъ.

«— Съ кѣмъ Богъ принесъ?

«— Дома, чтò-ль, Петръ-то Василичъ! задыхаясь и волнуясь чуть ли не болѣе меня, произнесъ Филиппъ.

«— Ишь спитъ... Недужаетъ поясницей.

«— Взбуди-ко-сь его... Сынокъ яво...

«— Охъ, батюшки родимые! Неужто Митрофанъ-то Петровичъ?

«— Я...

«— Охъ, отцы наши... Кàкъ же это?

«— Взбуди, ничего... Время-то на счету, потревожь, ничего...

«— Охъ... чтò-жь это?.. Надо взбудить. Погляди-ко-сь, я пойду...

Волненіе обуяло и эту женщину. Помню, что въ темныхъ сѣняхъ, гдѣ мы ждали, отворялись двери то на-право, то на-лѣво, выходили какіе-то люди... Кто-то кого-то звалъ, торопливо шелъ куда-то... Словомъ, помню какую-то вдругъ поднявшуюся суматоху, показавшуюся мнѣ необычайно долгой, покуда, наконецъ, меня не позвалъ, со свѣчкой въ рукѣ, какой-то старичёкъ, весь въ слезахъ, весь въ лихорадкѣ и растерянный до послѣдней степени...

«Это и былъ мой отецъ...

«Между нами произошла не встрѣча, а, прямо сказать, свалка: обхватывалъ онъ меня и за шею, и подмышку къ нему какъ-то попадала моя голова, и онъ то цаловалъ мой затылокъ, то уши мои сжималъ и тянулъ голову кверху, и ронялъ теплыя слёзы и на лицо мое, и на шею, и на затылокъ... Всхлипыванья раздавались во всѣхъ углахъ сѣней, но никто почти не произносилъ ни слова... Отецъ только шевелилъ губами, но ничего произнести не могъ.

«Не помню, какъ уже мы очутились въ комнатѣ, т. е. въ большой, довольно ветхой избѣ, раздѣленной перегородкою на три части. Въ комнатѣ у отца былъ длинный и узенькій столъ изъ двухъ тѣсинъ, столъ, очевидно, для учениковъ, потому что весь былъ изрѣзанъ и исписанъ разными рожами и каракулями, по бокамъ его стояли двѣ длинныя лавки, въ углу самодѣльная кровать, т. е. такія же тесины, приколоченныя однимъ концомъ прямо къ стѣнѣ и подпертыя съ другого бока двумя чурками. На такой кровати валялся полушубокъ, а въ головахъ большая, ужь вовсе не деревенская подушка; впослѣдствіи я узналъ, что подушка эта принадлежала женщинѣ, отворявшей намъ дверь.

«Въ эту комнатку мы вошли цѣлой гурьбой: отецъ, я, Филиппъ, парень какой-то, какія-то ребятишки, женщина въ шубейкѣ и еще нѣсколько женщинъ и мужчинъ—все это были сожители отца, поднятые изъ темныхъ угловъ большого дома нашимъ неожиданнымъ пріѣздомъ. Чтобы отношеніе моего отца къ этой крестьянской семьѣ были ясны, я теперь же скажу о нихъ то, что узналъ только впослѣдствіи. Домъ и хозяйство принадлежали брату той женщины, которая намъ отворяла. Братъ этотъ, звали его Никифоръ, будучи крѣпостнымъ, съумѣлъ чѣмъ-то угодить господамъ, былъ отпущенъ на волю, перебрался на житье въ городъ и долгое время жилъ въ извозчикахъ—хозяиномъ. Ему постоянно везло счастье; постоянно онъ «утрафлялъ» на хорошихъ господъ—словомъ, умѣлъ наживать деньгу̀, которую и посылалъ старикамъ и братьямъ въ деревню. Старики выстроились, и домъ ихъ считался самымъ богатымъ, покуда шелъ этотъ притокъ денегъ изъ города и покуда старики крѣпко держали въ рукахъ всѣ домашніе порядки. Съ освобожденіемъ крестьянъ и смертію стариковъ, порядокъ домашній поослабъ. Старшій братъ, извозчикъ, воротившись изъ города, поотвыкъ отъ деревенскаго хозяйства, а главное, возжаясь съ «хорошими господами», и самъ поиспортился, поразвратился, любилъ выпить и любилъ побуянить, какъ глава; другіе братья стали дѣлиться, и теперь весь домъ держался почти только старшей сестрой, женщиной (она

не была замужемъ) съ характеромъ (ее звали почему-то раскольницей), много натерпѣвшейся въ крѣпостномъ правѣ и сохранившей къ нему глубокую ненависть... Кажется, въ тѣ дни, когда мой отецъ былъ тоже въ числѣ хорошихъ для извозчика, ея брата, господъ, было что̀-то у него съ нею... Сужу такъ по ея сильной къ нему привязанности, постоянному заступничеству за отца передъ всѣми, кто посмѣлъ бы сказать хоть шутливое слово относительно его теперешняго положенія. Ненависть ея къ прошлому постоянно поддерживала ея уваженіе къ настоящему положенію отца, и она всегда стояла за него горой, если иной разъ ея братъ, бывшій извозчикъ, которому отецъ немало, въ свои хорошіе дни, переплатилъ денегъ (извозчикъ—тотъ самый, на которомъ отецъ догонялъ насъ съ матерью когда-то), въ пьяномъ видѣ затѣвалъ съ нимъ какую-нибудь исторію, всегда имѣвшую оттѣнокъ насмѣшки надъ господами, которымъ, вотъ, теперь и мужику стало надо поклониться и уголка попросить. Впрочемъ, такія насмѣшки были не особенно часты; въ трезвомъ видѣ Никифоръ не могъ не поминать отца добромъ; заработалъ онъ съ него много, да и вообще весь домъ, все крестьянство, знавши исторію отца, не могло не цѣнить, и, дѣйствительно, цѣнило, какъ я впослѣдствіи убѣдился, его рѣшимость покарать свое прошлое такою жизнью. Всѣ обитатели иванова дома, и сосѣди, и крестьяне сосѣднихъ деревень, всѣ почти съ благоговѣніемъ разсказывали про ту минуту, когда отецъ мой, когда-то бывшій бариномъ, жившій во всю барскую спѣсь, пришелъ съ котомкой за плечами простымъ странникомъ, къ простому мужику и сказалъ:

«— Ну, Никифоръ, корми, братъ, меня!.. Буду помогать, покуда сила есть, приказывай, а туда (т. е. къ матери и опять «въ господа»)—я ужь не пойду...

«— Вѣдь, чего это сто̀итъ! говорилъ всякій, знавшій эту исторію...

«Всякій зналъ, ка̀къ трудно каяться, тѣмъ паче барину... Въ домѣ такимъ образомъ жили—Никифоръ, его сестра Марья Андреевна и мой отецъ, въ одной половинѣ, а въ другой сторонѣ—старуха бабка и средній братъ съ женой и дѣтьми... При домѣ былъ работникъ и работница, какая-то дальняя Ивану родня, солдатка.

«Вотъ вся эта компанія и явилась въ коморку отца за перегородку; всѣ стояли толпой, ожидая, что̀ будетъ происходить между нами. Всѣ были очень тронуты, а маленькія дѣти такъ тѣ прямо были испуганы, и не вѣдали, что̀ такое творится?.. Но ничего особеннаго не произошло. Отецъ держалъ меня у себя на

колѣнахъ, что̀ мнѣ было очень неловко: я былъ, вѣдь, ужь большой, а отецъ чуть не нянчилъ меня, какъ маленькаго ребёнка. Онъ гладилъ меня по головѣ, плакалъ и поминутну шепталъ: «ну, слава Богу... слава тебѣ Господи... И не чаялъ!.. И въ мысляхъ-то не было увидать, а ужь ныло сердце, ужь ныло... Ну, слава тебѣ Господи!.. Спасибо... Спасибо, Филиппушка!..» Я былъ очень смущонъ тѣмъ, что вдругъ обратился въ маленькаго ребёнка, которому расточаются такія безумныя ласки; но, все-таки, несмотря на смущеніе, мнѣ удалось подробно разглядѣть отца. Глаза его прежде всего остановили мое вниманіе; это были глаза человѣка, у котораго угасъ оживлявшій ихъ когда-то огонь; это были блѣдные, тусклые, необыкновенно наивные, почти дѣтскіе глаза. Тогда мнѣ показалось, что онъ не въ «полномъ разумѣ»—такъ ужь я привыкъ считать «полнымъ разумомъ» взглядъ, въ которомъ «надо» угадывать что̀-нибудь, который сейчасъ же даетъ знать, что̀ о тебѣ думаютъ такъ-то и такъ-то, и заставляетъ настораживаться, заставляетъ отвѣчать такимъ же, означающимъ что̀-нибудь взглядомъ, ходить съ той масти, которою ходятъ къ тебѣ... Тутъ же былъ именно дѣтскій взглядъ, взглядъ «неполнаго ума», оставляющій тебя совершенно свободнымъ, неподнимающій въ тебѣ никакой жажды пойдти съ той или другой карты, потому что и игры-то тутъ никакой нѣтъ: просто смотритъ на тебя человѣкъ, слушаетъ тебя, вѣря каждому слову, понимая то, что̀ понятно, и неслыша вовсе того, что̀ непонятно, и отвѣчаетъ такъ же просто на то, что̀ слышалъ и понялъ, отвѣчаетъ такъ, ка̀къ понялъ. Такой взглядъ меня конфузилъ, я былъ ужь развитъ настолько, что ужь умѣлъ «дать замѣтить» или «не дать»; словомъ, ужь пріучилъ себя къ достаточному количеству разныхъ пріемовъ лжи и умѣнью сохранить среди ихъ свою цѣль. У отца этого не было. Оно ужь пропало. Мнѣ было неловко этого простого взгляда и стыдно за мое умѣнье понимать «не простые».

«Стоило разъ взглянуть въ эти глаза, чтобы у меня на вѣки вѣковъ изчезло воспоминаніе о томъ ужасномъ отцѣ, который гнался за нами когда-то. Добродушный взглядъ, худенькій коротк1й полушубокъ, какой носятъ солдаты, борода почти вся сѣдая, голова почти голая и какое-то изможденіе всего тѣла этого старика поселяли сразу необыкновенную жалость. Такъ и хотѣлось увести его отсюда, изъ этой неуютной длинной комнаты, съ лубочными картинами и тараканами, съ этимъ народомъ, совершенно чужимъ для меня въ ту пору... Эта мысль — увести его домой, уговорить мать помириться сильно овладѣла мною, но среди моихъ напряженныхъ мечтаній о томъ, ка̀къ сдѣ-

лать—произошелъ разговоръ, который заставилъ меня призадуматься надъ необходимостію и благодѣтельностію этой мѣры.

«Продолжая ласкать меня, отецъ, неосушавши глазъ, спросилъ наконецъ.

«— Мать-то знаетъ-ли?

«— Ни-ни Боже мой! не давъ отвѣтить мнѣ, убѣдительнѣйшимъ шопотомъ произнесъ Филиппъ. Ни-ни-ни, сохрани Богъ...

«— Ну, и слава Богу... Ужь потаись отъ нея, братъ, прибавилъ отецъ, обращаясь ко мнѣ...

«— Кàкъ можно! сказала Марья, да тогда она насъ со свѣту сживетъ... и-и-и...

«— Ну, чтò тамъ, продолжалъ отецъ: — чего сживать... У нея своя часть, у меня своя... Я вины моей не таю предъ нею, а что только мѣшаться не хочу... Будетъ!..

«— Живого мѣста не оставитъ, продолжала Марья:—ужь намъ довольно извѣстенъ ейный характеръ... Слава Богу...

«Не безъ значительной ненависти были произнесены эти словà, но отецъ, казалось, не слыхалъ ихъ и продолжалъ.

«— Ничего, какъ есть ничего-то мнѣ не надо. И за то благодаренъ, что теперь-то даетъ—слава Богу! Больше мнѣ ничего не нужно! Довольно пожадничалъ на своемъ вѣку... будетъ!..

«— Пожадничалъ да покаялся! прибавила Марья значительно.

«— Это пуще всего! присовокупилъ Филиппъ: — это у Бога за самое за первое сочтено...

«— И, пожалуйста ужь, продолжалъ отецъ: — и ты-то не разжалобься! Ей Богу, ей-ей тебѣ говорю, ничего не надо... И не пойду я туда никогда... Я было ужь совсѣмъ ото всего отъ этого отвыкъ... Да и есть, что отвыкъ ужь. И трогать-то васъ не мечталъ... Тебя только иной разъ поглядишь... видывалъ я тебя-то!..

«— И-и матушки, чтò слезъ-то бываетъ! проговорила Марья. Кàкъ увидитъ гдѣ, случàемъ, и плачетъ... Нажгутъ они его тамъ, говоритъ:—пуще собаки сдѣлаютъ...

«— Ну будетъ, Марья, эко нашла объ чемъ...

«— Съ чего жь не сказать, тамъ ужь и такъ надо быть напѣто ему про тебя...

«— Ужь да-алл-жно быть! протянулъ сразу весь хоръ.

«— Да и надобно, а кàкъ ты думаешь? обратился къ хору отецъ:—хвалить чтò-ли меня надо?..

«— Ужь чтò за худое хвалить!

«— А чтò ужь хотѣлъ все это оставить, прекратить—продолжалъ отецъ прерванную рѣчь свою: — вотъ и наказываюсь... Кàкъ же я могу въ эвтакую жизнь хоть бы и сына родного сбивать? Мнѣ-то она по сердцу, а другому и совсѣмъ

не годится, — зачѣмъ? Другому-то, можетъ, и каяться нѐ въ чѣмъ, такъ ка̀къ же я его силкомъ-то возьму?.. Такъ и отрѣзалъ. Не стану вамъ, молъ, мѣшать — только и вы мнѣ ужь дайте хоть послѣдній конецъ жизни по совѣсти пожить... И Бога ради—и не хлопочите, и въ умѣ не имѣй обо мнѣ, прибавилъ отецъ, опять обращаясь ко мнѣ:—и даже, передъ Богомъ говорю, и вспомнить-то боюсь, ну-ка да опять въ господскую шкуру попасть—и подумать-то объ этомъ страшуся... Тамъ—все мало, все недохватъ, все надо больше... Все забудешь, точно пустыня кругомъ тебя—только и глядишь, нѣтъ-ли гдѣ чего тебѣ подходящаго... Я ужь это знаю—о-охъ, ка̀къ знаю... маменька твоя—не въ осужденіе говорю, мнѣ-ли кого судить?—а нельзя утаить—препугливая женщина... Есть, другъ ты мой, этакія женщины—что окромѣ страха жить на бѣломъ свѣтѣ—ничего у нихъ нѣту: точно, вотъ, завтра гибнешь... Я помню, ка̀къ я женился на матери-то на твоей; такъ что̀-жь, братецъ ты мой? Чу̀ть не на другой день послѣ свадьбы, ровно бы чего испугался, ровно бы вотъ сдѣлалъ грѣхъ какой! Страсть ка̀къ пуглива была до жизни!.. Такъ ей все представлялось, словно бы среди лютыхъ звѣрей живешь, раскрадутъ, растащутъ, разворуютъ, пустятъ по міру, обидятъ, подведутъ, и видимо не видимо, всего этого представлялось ей... веселаго лица и въ первый день-то не видалъ—передъ Богомъ! Кажется, такъ поглядѣть—никакой бѣды нѣтъ нигдѣ, и сама она видитъ, что нѣтъ—такъ вѣдь такой характеръ пугливый, начнетъ за десять лѣтъ впередъ убытки высчитывать, да такъ высчитаетъ, что̀ только сердце замретъ, думаешь: ну, пропалъ... «Что̀ ты за людьми не смотришь? вотъ у сосѣдей сожгли хлѣбъ, и у тебя подожгутъ; чѣмъ будешь жить, чѣмъ отдашь—такой-то не подождетъ, имѣніе отниметъ, пуститъ по міру, куда дѣнешься? Отецъ ужь не дастъ, на тётку не разсчитывай...» То есть страсть что̀ высчитаетъ... слушаешь, слушаешь, просто даже ощетинишься — думаешь: нѣтъ, проклятые, не дамся я вамъ въ обманъ, и пойдешь обдѣлывать дѣла̀! Тамъ подрядъ схватишь, обдуешь (что̀ ужь церемониться), тамъ что̀ еще подвернется—ужь не разбираешь! Сосѣдъ подвернется—сосѣда, мужикъ—мужика; со всѣхъ, что̀ подъ руку попадетъ, цапаешь... потому — страсть! кромѣ страху жить на свѣтѣ, ничего нѣтъ, ну, и свирѣпствуешь... Такая ужь была у нея душа пугливая: все на нее идетъ, идетъ ее обижать! Ну, молодъ былъ, жалко, напугаешься, нахватаешь на службахъ, на мѣстахъ, на подрядахъ — успокоишь... Только чуть-чуть затихло, а ужь въ головѣ опять у нея начинается какая-нибудь новая страсть; гляди — ужь на тридцать, а то и

на сорокъ лѣтъ бѣду раскидываетъ впередъ... И опять перепугаешься... А тамъ устанешь, очнешься, думаешь: да за что̀-жъ это, Господи? Зачѣмъ я народъ-то обижаю? что̀ я за-звѣрь? И такъ станетъ скверно, такъ горько, и пустишь по вѣтру все, что натащилъ...

«Сдержанный радостный смѣхъ слышался въ толпѣ зрителей...

«— Начнетъ душа-то оттаявать—и пошло! Ну ужъ тутъ... и вспоминать страшно! И слава тебѣ, царю небесному создателю, вразумилъ меня Господь. Отшибъ онъ у меня эту жадность, этотъ страхъ жить на бѣломъ свѣтѣ... Чего мнѣ надо? Вонъ, попъ мнѣ за леченіе подарилъ валенцы—вотъ мнѣ и тепло всю зиму... Сейчасъ, вотъ, Мишутку азбукѣ выучилъ—вотъ у меня кашолка яицъ—и сытъ я... Чего мнѣ? За что̀ мнѣ лютовать съ бѣлымъ свѣтомъ? Изъ-за чего звѣрствовать?.. Что̀ лучше, ударить пса палкой, или хлѣбца ему дать?.. Господи батюшка! Да изведи-жь меня изъ этого омута. Вотъ, Господь и помогъ мнѣ... И ничего-то, ничего-то мнѣ не надо... Ходи ко мнѣ, погляди, ка̀къ простые люди живутъ,—и ты вѣдь тожь случа̀емъ въ непростыхъ-то—а къ себѣ не зови... нѣтъ, сохрани Богъ!.. Тамъ сейчасъ ожесточишься... лапти сними—купи сапоги, шубу, съѣзди къ тому-то... И-и-и пошло; весь вывернешься, какъ змѣй, въ одну недѣлю... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... У меня вотъ тутъ ребятишки, больные... вотъ лечебникъ, я съ нимъ добра сдѣлаю много... У меня вотъ шляпа поярковая, коровьимъ составомъ я ее вымазалъ, запёкъ въ печи—она у меня на двѣсти лѣтъ, а тамъ, въ вашихъ-то мѣстахъ, отдай пять да десять... да невѣдомо сколько другого причендалу потребуется хоть-бы къ одной къ одёжѣ... Не надо этого... Стыдно. Вотъ, ребятишки иной разъ, листа бумаги ждутъ по полугоду, а я буду въ лорнетъ смотрѣть?

«Всѣ захохотали...

«— Нѣтъ, нѣтъ, продолжалъ отецъ... Я хочу просто. «Ожесточилося сердце ваше!» вотъ что̀ сказано въ писаніи... И вѣрно... Я знаю что̀ говорю. Я всю жадность эту перепробовалъ, дать волю—конца ей нѣтъ, этой жадности... а зачѣмъ?.. Нѣтъ, Митрофанушка, ужь ты меня не выдай, не жалобься, не жалѣй... Право, мнѣ хорошо... думаешь—что̀ бы добраго сдѣлать... а вѣдь тамъ это трудно!.. Одной зависти сколько... да что̀!.. И вспоминать-то не хочется... Разскажи-ка ты, хорошо ли учишься-то?.. Чему учатъ-то васъ?.. Марья? Что̀ же ты? авось самоварчикъ надо...

«Марья точно проснулась вдругъ, да и всѣ точно очнулись.

«— И что̀-жь это я, матушки мои? спохватилась Марья Андреевна и тотчасъ подняла суматоху съ самоваромъ. Народъ, понявшій, что «самое любопытное» кончилось, понемногу отхлы-

нулъ. Остались вмѣстѣ только я съ отцомъ, да Филиппъ, да парнишка, лѣтъ 13-ти. Я что-то разговаривалъ про гимназію, меня слушали прилежно, но я видѣлъ, что меня не понимали и что все, чтò я говорю, вовсе тутъ ненужно и неинтересно. Отецъ, какъ я понялъ, просто наслаждался тѣмъ, что видѣлъ меня, что слышалъ мой голосъ, но едвали находилъ чтò-нибудь интересное въ моихъ словахъ. Филиппъ, усѣвшись къ столу и положивъ на него локти, только щурился и, наконецъ, не вытерпѣлъ:

«— Эко наукъ-то, у васъ, въ емназіи... Чтò ужь, на чтò такъ-то! Больно много... Право, ей Богу...

«Отецъ только покрутилъ головой.

«— Нѣтъ, перебилъ онъ Филиппа:—у насъ вотъ съ Мишуткой все недохватки... Вотъ, теперича гражданской печати нужна книжка—а ея нѣту...

«— Какую книгу вамъ надо? я привезу, сказалъ я...

«— Да какую-нибудь историческую, русскую бы исторію, ежели есть... Намъ изъ старыхъ, если случится, мы не брезгуемъ... Ходилъ я въ городѣ по книжнымъ лавкамъ—рубъ да два—меньше нѣтъ, хоть ты вотъ чтò...

«— Я вамъ привезу какихъ хотите.

«— Ты ужь давай какія ненужныя. А мы за тебя Бога помолимъ съ Мишуткой...

«Мишутка, тринадцатилѣтній паренёкъ, находившійся въ этой же комнатѣ, весь вспыхнулъ, даже вспотѣлъ отъ извѣстія о книгахъ, которыя я обѣщалъ прислать... А я почувствовалъ, глядя на эту радость, чтò-то сильное въ сердцѣ—вотъ я могу сдѣлать такъ, что обрадую, осчастливлю... Сквернымъ манеромъ пробудилось во мнѣ мысль быть полезнымъ другимъ — а ужь пробудилась, и за то я благодарю этого обрадовавшагося Мишутку.

«— Азбучковъ, продолжалъ между тѣмъ отецъ:—грифельковъ бы охъ-бы намъ хорошо тоже... да гдѣ! Ужь только бы мать не догадалась, избави Богъ—и такъ кàкъ-нибудь... Тутъ одна дѣвчонка Марѳутка семи-лѣтняя, ухъ зла учиться-то! ну—бѣдность! Все уголемъ учится на стѣнѣ — вонъ посмотри...

«Я поглядѣлъ; вся стѣна была измазана углемъ.

«— Нѣту! какъ-то безпомощно произнесъ отецъ:—чтò будешь дѣлать!.. Бѣдность! И уголь-то еще дадутъ-ли... Намедни вонъ Марья и то закричала на нее:—«чтò ты тутъ все таскаешь? не напасешься»... Вотъ—кàкъ у насъ насчетъ этого...

«Отецъ засмѣялся. Я былъ удивленъ.

«— Идѣ-жь взять-то?.. Мать-то чай сама по-міру ходитъ? предположилъ Филиппъ.

«— А то что-жь; о какихъ тутъ грифеляхъ думать... Что у меня есть—даю, а ужь чего нѣтъ—ну, не взыщи... Вотъ священныхъ исторій тоже безпремѣнно бы надо...

«— Я привезу непремѣнно, сказалъ я, чувствуя, что меня съ каждой минутой захватываетъ жажда помогать и дѣлать что-нибудь доброе въ дѣлѣ, совершенно для меня чужомъ; этого до сихъ поръ я еще не испытывалъ и потому такъ же радостно вспотѣлъ отъ новаго ощущенія, какъ и Мишутка.

«— Охъ, сказалъ отецъ, вздохнувъ: — много, много надо... И ничего-то нѣтъ... Ну, за то ужь! вдругъ необыкновенно радостно воскликнулъ онъ:—ужь и разжился я штучкой одной... Поглядико-сь, какая штука-то.

«Онъ проворно вскочилъ съ лавки, еще проворнѣе побѣжалъ къ кровати, вытащилъ оттуда сундучекъ, долго рылся въ немъ и вытащилъ, наконецъ, что-то въ бумагѣ.

«— Вотъ! сказалъ онъ съ торжествомъ.

«Бережно развертывалъ онъ бумагу; всѣ столпились вокругъ отца и съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣли, что тамъ будетъ; въ бумагѣ оказалась завернутою машинка чинить перья, штука для меня очень простая, давно знакомая, но не такъ смотрѣли на нее всѣ другіе зрители, начиная съ отца. Когда онъ разсказывалъ, какъ надо эту машинку употреблять; когда онъ показалъ, какъ скоро она чинитъ—неподдѣльный и неописуемый восторгъ охватилъ всѣхъ.

«— Вѣдь, это—что! весь сіяя, говорилъ отецъ:—вѣдь я сколько хошь накатаю имъ перьевъ-то? Дуй, ребята, не робѣй...

«— Штучка!.. Ну, такъ ужь—ахъ!.. Что выдумаютъ! говорилъ Филиппъ въ восторгѣ...

«— А то, братецъ ты мой, бьешся, бьешся съ перочиннымъ-то ножикомъ—смерть. Семь человѣкъ, семь перьевъ, да руки-то трясутся, да мозоли, что ни хватишь—раскололъ, да и расколол... То ли дѣло—это?

«— Ужь чего же лучше! сказалъ Филиппъ, радуясь за отца.

«Не перескажешь всего, что говорилось въ этотъ вечеръ моего перваго свиданія съ отцомъ. Разговоръ, попавшій разъ на тэму нуждъ, недостатковъ, ужь ни разу не имѣлъ случая коснуться чего-нибудь другого: такъ было много всего, чего надо и чего нѣтъ, чего негдѣ взять, чего не дадутъ. Глаза мои точно впервые открылись на такія вещи, которыя я видалъ мильйоны-мильйоновъ разъ и которыя теперь, подъ этотъ почти спокойный, почти хладнокровный разговоръ о нихъ отца и Филиппа, представились мнѣ совершенно въ иномъ видѣ. Сколько разъ я видалъ босоногаго мальчишку, деревенскаго полураздѣтаго ре-

бёнка, и ни разу до сей минуты у меня не мелькнула мысль о томъ, что ребёнку хорошо бы быть одѣтымъ. Проѣзжая въ тарантасѣ мимо такихъ разутыхъ и раздѣтыхъ ребятъ, я обыкновенно не чувствовалъ ровно ничего, мнѣ не приходило въ голову никакой мысли, въ сердцѣ не являлось никакого ощущенія, точно полуголый мальчикъ—такое же нормальное явленіе, какъ обросшій шерстью баранъ или покрытая перьями курица. И баранъ, и курица никогда и ни въ комъ не возбуждали, надѣюсь, желанія улучшить ихъ костюмъ; именно такъ вотъ и деревенская голь не производила на меня никакого впечатлѣнія... Теперь же какое-нибудь словечко отца о томъ, что, молъ, дай Богъ здоровья писарю, подарилъ Васькѣ опорки, производило на меня необычайное впечатлѣніе. Оказывалось, что, не подари писарь опорковъ, Васька всю бы зиму просидѣлъ дома и не могъ бы ходить учиться грамотѣ, потому что онъ—сирота: нѣтъ у него ни отца, ни матери, и живетъ гдѣ день, гдѣ ночь. «Тоже—человѣкъ!» во время разговора о Васькѣ сказалъ совершенно просто Филиппъ и проткнулъ мое сердце, точно иглой, ужасомъ за «человѣка, который не можетъ выйти учиться, потому что нѣтъ сапогъ, потому что нѐкому дать ихъ». «*У самихъ нѣтъ*!»—«Гдѣ-жь взять-то?»—«Кабы кто далъ бы».—«Такъ и дадутъ—кàкъ же!..»—«Иной бьется, бьется».—«Ужь и бьется же только».—«Бился, бился, братецъ ты мой», и т. д., и т. д. Этими фразами, точно бисеромъ, усѣевался всякій, безъ исключенія, разсказъ, выходившій изъ устъ отца, Филиппа или кого-нибудь изъ другихъ крестьянъ, участвовавшихъ въ нашемъ разговорѣ и касавшійся совершенно новой для меня среды. Не могу въ точности передать, какого рода разговоръ происходилъ у насъ за самоваромъ, который, наконецъ-таки, пожаловалъ на исписанный учениками-ребятами столъ, сопровождаемый вновь цѣлымъ полчищемъ народа, норовившаго, при случаѣ, повеселить чайкомъ и себя. Помню, что, во время чаепитія, разговоръ принялъ отчасти шутливое направленіе и, повременамъ, и довольно часто, прерывался смѣхомъ; но шутки и смѣхъ не занимали меня. Думая о слышанномъ, я только удивлялся, кàкъ они могутъ еще смѣяться, и не понималъ ни смѣха, ни шутокъ.

«Уговорились мы съ отцомъ видѣться еще разъ, именно при отъѣздѣ моемъ послѣ Крещенья въ гимназію, я обѣщалъ опять заѣхать къ нему. На прощаньи были повторены просьбы насчетъ «перушковъ», «азбучекъ», «священныхъ исторіевъ», «да ежели, *паче чаянія* (выраженіе одного крестьянина, присутствовавшаго при разговорѣ), сапоги старые попадутся или шапка,

то ужь не пожалѣть и ихъ...» Все это я обѣщалъ непремѣнно доставить и уѣхалъ съ кучею обязательствъ, совершенно новыхъ для меня—новыхъ по своему внутреннему, незнакомому до сихъ поръ для меня, смыслу: обязательства эти были у меня передъ другими, передъ чужими; обязательства во имя чужихъ нуждъ, чужихъ потребностей!.. Несказанно благодаренъ я отцу за эту новую для меня задачу.

«Скажу еще разъ: въ отцѣ моемъ не было ничего необыкновеннаго, выдающагося; образованія у него не было никакого: училъ онъ по старому—по псалтырю; не было у него и широкаго пониманія ни своей прошлой жизни, ни теперешней, простой и трудовой. Очень можетъ быть, что онъ просто выбралъ эту жизнь, какъ лучшее, что̀ оставалось ему дѣлать. Можетъ быть, скрыться, такъ сказать, въ народѣ его побудилъ страхъ быть на виду, гдѣ его могли всегда замѣтить, что̀ неудобно было въ то обличительное время, тѣмъ болѣе, что прошлое отца небезупречно. Что̀ бы ни загнало его въ среду бѣдныхъ, босыхъ и тёмныхъ людей—я несказанно благодаренъ за то, что, благодаря ему, благодаря тому, что онъ—мой отецъ, я, пойдя къ нему, пришелъ къ новому для меня міру, къ новымъ для меня интересамъ, которые дали мнѣ живую мысль, а, стало быть, и жизнь. Помню, что, возвращаясь отъ него домой, я чувствовалъ, что кругомъ меня точно стало просторнѣе, шире и что во мнѣ сразу прибавилось и росту, и силы. И, въ самомъ дѣлѣ, съёженный до настоящей минуты на несчастіяхъ моихъ,—потому что несчастія матери были нераздѣльны съ моимъ существованіемъ;—съёженный на этомъ маленькомъ мѣстечкѣ личнаго горя (оно теперь и горемъ-то мнѣ почти не казалось), недоброжелательствомъ, невниманіемъ къ этому горю всего бѣлаго свѣта, я начиналъ уже ожесточаться противъ жизни, начиналъ убѣждаться, что жизнь—борьба и, притомъ, довольно безпощадная. И вотъ, послѣ одного вечера, проведеннаго въ кругу крестьянъ, я неожиданно узналъ, что могу дѣлать бездну добра, что желаніе добра увеличиваетъ силы въ сотни разъ болѣе, чѣмъ то, что̀ отецъ назвалъ «жадностью». Я впервые ощутилъ удовольствіе отдѣлаться отъ этого ужаснаго бремени: «себя», «своихъ» бѣдъ и несчастій, забывъ ихъ въ общемъ го̀рѣ, въ жадности общаго блага.

«Влачить всю жизнь этотъ ничтожный и маленькій, но бьющій по ногамъ при каждомъ шагѣ грузъ своего благополучія или «своихъ» бѣдъ — что̀ это за каторжная работа! Путаться въ этихъ тонкихъ нитяхъ, чтобы связать себя ими по рукамъ и по ногамъ, чтобы замучиться въ борьбѣ съ этими ничтожными, но

крѣпко связывающими путами, или разорвать ихъ, бросить навсегда и идти свободнымъ на встрѣчу всему, на что̀ отзовутся самыя лучшія струны сердца—эти двѣ дороги, эти два рода предстоящей борьбы какъ нельзя яснѣе выступили передо мною среди занесенной снѣгомъ ухабистой дороги, по которой я возвращался домой, плотно закутавшись въ воротникъ шубы. Вьюга была на дворѣ. Мёрзлый снѣгъ тучами носился по бѣлымъ полямъ и знобилъ ноги.

«— Дай Богъ здоровья писарю! помимо моей воли сказалось во мнѣ, такъ какъ, тоже помимо моей воли, вспомнились мнѣ голыя ноги Васютки.

«А отъ васюткиныхъ ногъ мысль пошла опять перебирать все, что̀ было прежде и что̀ случилось теперь, и опять я благодарилъ и благодарилъ отца.

«Нестерпимую какую-то духоту, даже тѣсноту ощущалъ я въ теченіи тѣхъ дней, которые пришлось пробыть мнѣ дома до отъѣзда въ городъ послѣ праздниковъ. Я не говорилъ о томъ, что видѣлъ отца, потому, главнымъ образомъ, что, кромѣ глубокой обиды, я ничего бы не сдѣлалъ всѣмъ обитателямъ нашего дома, начиная съ матери и кончая послѣдней приживалкой, еслибы объявилъ, что̀ теперь у меня на душѣ. Но за то тѣмъ тяжелѣе было мнѣ самому; съ каждымъ днемъ для меня дѣлались все невыносимѣе и невыносимѣе эти тоскующія рѣчи нашего дома, это кропотливое подбираніе, одно къ одному, ничтожнѣйшихъ собственныхъ несчастій, доходившее иной разъ до высочайшей степени мелочности...—«Второй день, голубчикъ мой, говорила напримѣръ съ глубокой тоской пожилая тётка моей матери: — второй день ѣмъ безъ всякаго аппетита!» И всѣ, слышавшіе объ этомъ горѣ, вздыхали и, если не сочувствовали, то ужь непремѣнно охали и принимались высчитывать собственныя свои несчастія, еще болѣе ничтожныя... Хоть бы разъ, думалось мнѣ, хоть бы на минуту кто-нибудь изъ нихъ подумалъ о чемъ-нибудь другомъ, пересталъ рыться въ собственномъ желудкѣ и поглядѣлъ или подумалъ о несчастіяхъ чужого человѣка, да нетолько объ несчастіяхъ, а хоть бы вообще-то о чемъ-нибудь кромѣ себя. Колоритъ унынія и грусти лежалъ на всѣхъ обитателяхъ нашего дома, благодаря, конечно, несчастіямъ матери. Отъ нея всѣ зависѣли и всѣ вторили ей, и хотя я очень хорошо зналъ, что она дѣйствительно страдаетъ, хотя я и жалѣлъ ее, но не могъ не видѣть, что всякое слово мое о безплодности ропота на всѣхъ и вся, ропота, не дающаго утѣшенія и совершенно несправедливаго въ виду бездны-безднъ еще болѣе сильныхъ страданій, чѣмъ наши, всякое такое слово,

можетъ только разсердить ее, сдѣлать хуже, злѣй—и стало быть, кромѣ страданій, ей же ничего не принесетъ. Тяжело было мнѣ молчать, но говорить я не могъ. Я уже видѣлъ передъ собою какую-то другую дорогу; чуялъ, что рано ли, поздно ли, и я, и мать разстанемся непонятыми другъ другомъ; съ камнемъ на сердцѣ—но разстанемся...

«Съ такимъ-то камнемъ на сердцѣ и уѣхалъ я въ городъ, въ гимназію. Не буду разсказывать второго свиданія съ отцомъ—оно было долгое и положительно уже дѣловое; разъ попавъ въ новый для меня міръ, кричащій самому поверхностному наблюдателю о своихъ нуждахъ, я во второе посѣщеніе отца ужь не только слушалъ, а самъ разспрашивалъ его и узнавалъ вещи, которыя у всѣхъ передъ глазами, и на которыя всякій смотритъ и однако никто не видитъ... Въ этотъ разъ я ужь забѣгалъ впередъ желаніямъ отца и всѣхъ окружающихъ; если отецъ просилъ десять азбучекъ, то мнѣ тотчасъ представлялись сотни домовъ, гдѣ живутъ сотни дѣтей, которымъ надобны, стало быть, не десятки, а сотни азбучекъ... «Надо-то надо, да гдѣ-жь взять-то? говорилъ отецъ.—Эдакъ, пожалуй, если все то, что̀ нужно, давать — такъ и безъ рубахи пойдешь!» — Отецъ, какъ видите, не отвыкъ цѣнить свою рубаху; повторяю, въ немъ не было ничего необыкновеннаго. Но на меня эта фраза производила иное впечатлѣніе. Мнѣ видѣлось, что снятіе своей собственной рубахи—прямой выводъ изъ слышаннаго и видѣннаго мною. «Ка̀къ же мать?» съ ужасомъ думалъ я... И, каюсь, отгонялъ эту мысль, мнѣ было жаль мать, я любилъ ее...

«Въ гимназію я воротился совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Любовь къ матери, двигавшая меня до сихъ поръ, заставлявшая меня прокладывать себѣ дорогу между людьми, съ тѣмъ, чтобы потомъ отмстить этимъ людямъ, была отравлена, пожалуй, даже разрублена тяжелымъ ударомъ чужихъ несчастій, внезапно, неожиданно вторгнувшихся въ мое пониманіе—несчастій, съ которыми меня связывалъ отецъ, человѣкъ, такъ ли, сякъ ли, жившій въ средѣ людей, обуреваемыхъ этими бѣдами, по мѣрѣ силъ, старавшійся искупить помощью и пособіемъ этимъ людямъ всѣ безконечныя вины своего прошлаго, всѣ преступленія своей прошлой жадности, ка̀къ говоритъ онъ. Между этими двумя привязанностями къ матери и къ отцу, которыя съ каждымъ днемъ стали поглощать меня все сильнѣе и сильнѣе, съ каждымъ днемъ становилось все меньше и меньше мѣста для мысли о чемъ-нибудь, не касавшемся того или другого. Учителя были удивлены, увидавъ, что я совсѣмъ пересталъ учиться; и, дѣйствительно, наука гимназическая вдругъ потеряла для меня

всякое значеніе и смыслъ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, писать мнѣ сочиненіе на тэму хотя бы о пользѣ химіи? Матери я этимъ не помогу, потому что ея бѣда—въ пожирающемъ ее эгоизмѣ; не помогу и нуждамъ отца и его новыхъ друзей, потому что тамъ прямо нужны сапоги, потому что тамъ Мишутка не ходитъ въ школу оттого, что онъ—босой, а на дворѣ морозъ и снѣгъ? Въ этихъ смыслахъ оказалась малополезною, какъ выражался нашъ законоучитель, и географія, и всякая другая наука... Сторонились онѣ и разступались въ разныя стороны предъ выроставшею во мнѣ потребностію идти заступаться, жертвовать, радовать, чтобы радоваться самому — потребностію, пробужденной примѣромъ отца и постоянно имъ же поддерживаемой. Дà, и дальнѣйшимъ развитіемъ во мнѣ нетолько потребности, а прямо необходимости жить для «чужихъ», я тоже обязанъ отцу. Не проходило недѣли, чтобы ко мнѣ на гимназическую квартиру не являлись отъ него посланные. То являлись за бумагой, за перьями, то просили написать письмо, а потомъ прямо пошли обращаться съ дѣлами, съ тяжбами, какъ къ какому-нибудь адвокату. У меня съ каждымъ днемъ прибывало такихъ, нисколько меня лично не касавшихся дѣлъ, и съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе входилъ въ самую суть условій русской жизни потому, что, въ то время, когда мои товарищи—впослѣдствіи сдѣлавшіеся адвокатами или хорошими желѣзнодорожными дѣятелями—продолжали заниматься гимназическими науками, я розыскивалъ какое-нибудь пропащее дѣло о землѣ, толковалъ съ чиновниками, подавая прошенія—словомъ, уже вступилъ на такъ называемое поприще жизни. Я не могъ отказать ни въ одной просьбѣ, я не могъ сказать: «поди спроси тамъ-то», потому что зналъ, что «тамъ» не отвѣтятъ, что тамъ запутаютъ только... Еслибы я даже просто изъ одного приличія исполнилъ всѣ эти получаемыя мною черезъ отца порученія, то и тогда мнѣ предстояло увидѣть бездну такихъ вещей, которыхъ бы не разрѣшила ни одна изъ безчисленныхъ гимназическихъ наукъ. Но я дѣлалъ не изъ приличія: во мнѣ говорилъ молодой задоръ, превращавшійся понемногу въ задачу всей жизни — задоръ, дававшій возможность чувствовать глубже, сильнѣе, служа другимъ.

«Скоро, однако, положеніе мое стало съ каждымъ днемъ усложняться и становиться тяжелѣе. Иной разъ, позабывъ и про гимназію, и про горе матери и весь поглощенный исходомъ какого-нибудь предпринятаго, при моемъ содѣйствіи, дѣла, я не безъ тревоги вдругъ ощущалъ, что иду по какой-то невѣдомой не торенной дорогѣ. Въ такія минуты я вдругъ видѣлъ,

что ужь очень-очень далеко отбился отъ стараго пути, что ужь мнѣ трудно, еслибы я и хотѣлъ, бросить все и опять стать прилежнымъ ученикомъ... Убѣждаясь въ этомъ, я убѣждался и въ томъ, что, рано ли, поздно ли, мать будетъ знать эту перемѣну, происшедшую во мнѣ, будетъ знать все въ мельчайшихъ подробностяхъ, и, стало-быть, будетъ страдать не вдвое и не втрое, а въ тысячи разъ сильнѣе противъ прежняго. Въ моемъ сношеніи съ отцомъ она увидитъ измѣну, предательство: она будетъ думать, что, сойдясь съ человѣкомъ, который загубилъ ей жизнь, я предалъ ее, разрушивъ всѣ ея надежды на меня въ будущемъ—надежды, которыми она только и жила, оставивъ ее безпомощною, покинутою, одну одинёшеньку... Все это непремѣнно должно было случиться—я знаю это навѣрное, зналъ даже, что это случится небольше какъ черезъ нѣсколько недѣль, когда я извѣщу ее, что не перешолъ въ слѣдующій класъ и представлю свидѣтельство, испещренное единицами. Съ другой стороны, въ такія же минуты размышленія, собственно о себѣ, передо мной являлась и фигура отца, то въ видѣ безобразнаго кутилы, то въ видѣ простого, больнаго человѣка, который, въ дымной и темной избѣ, чинитъ дрожащими руками перо для крестьянской дѣвочки. Представлялся весь этотъ народъ, окружавшій отца, всѣ эти простые, темные люди, всѣ эти сѣти, въ которыхъ путаетъ его и темнота и всякая случайность... И мнѣ такъ же страшно становилось — измѣнить этимъ людямъ, какъ страшно было измѣнить матери. Ка̀къ-бы могъ я сказать отцу или посланному отъ него крестьянину, что «нѣтъ-молъ, теперь мнѣ не время заниматься вами—я самъ занятъ?» Сдѣлать этого я положительно не могъ. Я зналъ, что я нуженъ тутъ, что «никто» не поможетъ, не пойдетъ и не сдѣлаетъ «такъ» и «просто», ка̀къ именно и надо этимъ людямъ. Я зналъ также, что и матери своей я тоже не могу сказать «нѐкогда мнѣ хлопотать о нашемъ благополучіи, потому что у меня есть вотъ какія дѣла». И тамъ, и тутъ подобными отвѣтами я бы дѣлалъ явную жестокость, прямо бросалъ бы людей на произволъ судьбы... Съ другой стороны, меня также иной разъ (а потомъ все чаще и чаще) стала знобить (буквально) мысль о томъ, да что̀-же я могу сдѣлать одинъ, пятнадцати-лѣтній мальчикъ, если, завязавъ глаза и повѣривъ только тому, «что надо», стану открыто на ту или другую сторону? Чувствовалъ я, что мои усилія—капля въ морѣ, и чувствовалъ это съ каждымъ днемъ все ощутительнѣе. Не было у меня ни товарищей, ни поддержки, ни откуда и ни въ чемъ. Я даже почти ничего и не читалъ до настоящей минуты; я сталъ думать о задачахъ дѣйствительности не по

книгамъ, а по самой дѣйствительности, въ которой мнѣ нѐкому было указать, что̀ къ чему, гдѣ начало, гдѣ конецъ, вообще — откуда что̀ идетъ. Необходимость думать объ этомъ, т. е. «откуда что̀» надвигалось на меня, по истинѣ, неумолимо. Она выходила изъ моего труднаго положенія межъ двухъ огней, изъ желанія ка̀къ-нибудь облегчить себя, уяснить себѣ, что никому измѣны я не сдѣлаю, если стану открыто туда или сюда—желанія, которое частенько посѣщало меня, какъ реакція послѣ размышленій о видимой безвыходности моего положенія. «Чѣмъ же меньше Аксютки или Михайлы страдаетъ моя мать?» думалось мнѣ въ такія минуты? И я принимался высчитывать и сравнивать ея страданія и страданія Михайлы и находилъ, что они одинаково сильны, что они одинаково требуютъ заботливой руки, и тутъ мысль моя стремилась къ пониманію именно самой сути всего этого запутаннаго положенія людей, стремилась съ страшными мученіями, измаевала меня почти безъ всякаго результата.. Нужна была книга—я не зналъ еще этого, не зналъ еще людей, которые измаялись на томъ же прежде меня.

Необходимость, благодаря порученіямъ, получаемымъ черезъ отца, дѣлать какое-нибудь нехитрое, но хлопотливое дѣло, идти купить или идти узнать въ судѣ, въ конторѣ и т. д., отвлекала меня отъ угнетавшихъ мою голову мыслей, но зато, опять вернувшись къ нимъ, я чувствовалъ себя еще хуже и еще труднѣй, чѣмъ прежде.

«И такъ пошло съ каждымъ днемъ, все сложнѣй, все тяжелѣе.

«Временами, я рѣшительно терялъ голову ка̀къ мнѣ быть, что̀ дѣлать, ка̀къ думать?

«Не знаю, чѣмъ бы кончился этотъ хаосъ моего душевнаго состоянія, если бы сама жизнь не позаботилась вывести меня изъ него.

«Пожираемый разными соображеніями и размышленіями, лежалъ я однажды на своей городской квартирѣ, въ домѣ мѣщанки Семиглазовой, какъ вдругъ отворилась дверь, и я увидѣлъ матушку. Въ жизнь не забуду ея ужаснаго лица.

«— Ты подружился съ отцомъ? было первымъ ея словомъ.

«Я не могъ ничего отвѣтить. Я былъ испуганъ за мать, понималъ всю глубину страданій, которую испытываетъ она отъ моей измѣны, и только всей душой желалъ, чтобы *она-то* съумѣла выбраться изъ этого неожиданнаго для нея положенія: я былъ весь поглощенъ ея несчастіемъ и не могъ увеличивать его, сказавъ «*да*, подружился», потому что, и безъ того, она была, очевидно, разбита вся.

«Словно каменный, ничего не чувствуя и готовый покориться всему, подставилъ я голову подъ удары этой давно, впрочемъ,

жданной грозы. Рыданія, прерываемыя бранью, доказательствами моей безжалостности, доказательствами очень вѣскими — рѣзкими, переполненныя зубовнымъ скрежетомъ на отца, на его злыя тиранства, измѣны, рыданія на пропащую собственную свою жизнь, все это я покорно принялъ на свою голову. Я страдалъ въ то время едва ли не сильнѣе матери, потому что даже не могъ говорить, не могъ думать... Разсказывать подробно объ этой сценѣ, т. е. объ этихъ рыданіяхъ, продолжавшихся не часъ, не два, а двѣ недѣли къ ряду, не покидавшихъ мать ни дома, ни на улицѣ, ни днемъ, ни ночью, и съ каждой минутой осложнявшихся новыми свѣдѣніями о моей преступности — я рѣшительно не въ состояніи. Глаза матери не пересыхали ни на одну минуту: то она узнавала, что я бросилъ гимназію, и градомъ слезъ оплакивала мое будущее, да не сегодняшнее только, а самое далекое; я увѣренъ, что даже та пора, когда я буду съ сѣдыми волосами, и та была оплакана ею... А за извѣстіемъ о томъ, что я бросилъ учиться — смотришь, идетъ извѣстіе о томъ, что я хлопоталъ въ судѣ противъ человѣка, который, какъ на грѣхъ, былъ самый лучшій другъ матери, былъ благодѣтелемъ нашимъ, безъ котораго она теперь не имѣла бы куска хлѣба, а я, ея сынъ, ходилъ бы безъ сапогъ. Наоборотъ, люди, за которыхъ я хлопоталъ, были постоянные враги матери, воры, поджигатели, мошенники, грубые невѣжи... Отецъ, пріютившійся въ кругу этихъ людей, казался истиннымъ злодѣемъ, хитрецомъ, систематически подстраивающимъ противъ матери всевозможныя гадости. Съ ея точки зрѣнія, измѣна моя была, по истинѣ, ужасна. Я самъ видѣлъ это и не могъ шевельнуться, подавленный ея горемъ...

«Рыдая и проклиная, матушка съ какимъ-то лихорадочнымъ жаромъ принялась исправлять надѣланныя мной бѣды. Она спасала свою вѣру въ меня, свою цѣль жизни, и такъ глубоко жаждала своего спасенія, что я вполнѣ подчинился этой жаждѣ. Не помню и не знаю, какимъ образомъ случилось, что я могъ ходить съ матушкой по учителямъ, къ директору, къ инспектору, и просить у всѣхъ извиненія, прощенія. Не помню также, какъ могъ я рѣшиться идти нетолько къ моему гимназическому начальству, но и къ тѣмъ благодѣтелямъ-помѣщикамъ, противъ которыхъ настраивали меня отцовскія дѣла. Знаю только, что все это я продѣлалъ, покоряясь почти истерическому состоянію матери.

«Опомнился я на квартирѣ у учителя математики, оказавшагося моимъ хозяиномъ и начальникомъ. Матушка помѣстила меня на всѣ каникулы, съ тѣмъ, чтобы онъ не спускалъ съ меня глазъ, и съ тѣмъ, чтобы я могъ воротить утраченный мною годъ. Предполагалось, что цѣлое лѣто я буду учиться, догонять

своихъ товарищей, предполагалось, что я, подъ хорошимъ надзоромъ, не буду продолжать связываться съ отцомъ и его пріятелями. Учитель, который взялъ съ матери хорошія деньги, дѣйствительно, добросовѣстно принялся за меня. Непокладаючи рукъ, работалъ онъ со мною и, не смыкаючи глазъ, наблюдалъ за каждымъ моимъ шагомъ; связь моя съ отцовской компаніей, дѣйствительно, была прервана: я не видѣлъ ужь ни посланныхъ, ни ходаковъ, не получалъ ни порученій, ни писемъ. Но зато тѣмъ сильнѣе стало просыпаться во мнѣ сознаніе, что я—измѣнилъ и ужь, на этотъ разъ, настоящій измѣнникъ... Этой мысли я ужь не могъ заглушить въ себѣ никакими науками. Волей-неволей, я узналъ цѣлый невѣдомый для меня міръ людей и положеній, и вотъ теперь покинулъ его на произволъ случая, силу котораго надъ этимъ міромъ я уже зналъ... Я несомнѣнно былъ предателемъ.

«Сознаніе это росло во мнѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и ощущалось мною все больнѣй и больнѣй. Съ каждымъ днемъ, все яснѣе казалась мнѣ моя глубокая вина передъ этими людьми. Кромѣ меня, я зналъ это, у нихъ *никого* нѣтъ... *никого*.

«Мнѣ такъ было глубоко трудно въ эти минуты, что я (рѣшительно, ужь не помню, какимъ путемъ) пришелъ къ необходимости пить... Кухарка доставляла мнѣ водку *на свои*: она видѣла, что на мнѣ лица нѣтъ, и по опыту знала, что рюмка помогаетъ... Отъ одной рюмки я неимовѣрно быстро перешелъ къ бутылкѣ, къ штофу, къ дракѣ и т. д. Это случилось необыкновенно быстро, т. е. сегодня, положимъ, я выпилъ первую рюмку, украдучи, а завтра я ужь одолѣлъ цѣлую бутылку и лѣзъ къ учителю съ кулаками.

«Немедленно пріѣхала мать и поселилась въ городѣ. Этотъ пріѣздъ и ежедневныя свиданія съ матерью связали меня по рукамъ и по ногамъ. Я зналъ, что, не выдержи я хотя одинъ разъ, я убью ее своимъ поведеніемъ тутъ же на мѣстѣ... Я мучался молча, связанный по рукамъ и по ногамъ неизбѣжностью смерти моей матери въ томъ случаѣ, если я дамъ волю съѣдавшей меня тоскѣ... Голова моя въ эту пору была точно пустая тыква, но зато вся боль, вся мука сосредоточилась въ сердцѣ, и тотъ міръ, которому я измѣнилъ изъ страха погубить мать, сталъ, съ каждымъ днемъ, принимать все болѣе и болѣе плѣнительные образы... Иной разъ, эта деревенька, занесенная снѣгомъ, всѣ эти босоногіе мальчишки, ходаки съ сосульками на бородахъ—все это мнѣ стало представляться обѣтованною землею.... Этою мыслью я только и жилъ...

«Очень можетъ быть, что мысль эта, разъ успокоивъ меня, т. е.

ослабивъ силу тоски и сознанія виновности, продолжала бы успокоивать меня все больше и больше, и, наконецъ, при скверности моей натуры (я узналъ это, когда думалъ *обо всемъ*), просто бы сдѣлалась средствомъ отдѣлываться отъ насущнаго дѣла. Очень можетъ быть, что, суля себѣ журавля въ небѣ, я бы полегоньку проникнулся сознаніемъ необходимости похлопотать сначала и о самомъ себѣ, т. е. сначала запастись, а потомъ уже и расходовать, умѣло, дѣльно... Но, случилось нѣчто другое, что̀ ни на минуту не дало мнѣ успокоиться.

«Неожиданно скончался мой отецъ. Узналъ я о его смерти въ самый разгаръ жажды искупить мою вину и въ самый сильный моментъ сознанія этой вины.

«— Сходите проститься съ вашимъ родителемъ, сказалъ мнѣ однажды осенью мой гувернёръ, учитель математики.

«Я остолбенѣлъ.

«— Онъ тутъ лежитъ въ части... въ полицейской больницѣ...

«Я не понималъ, ка̀къ могъ отецъ очутиться въ полиціи.

«— Ваша матушка, продолжалъ учитель:—позволила вамъ сходить... отдать послѣдній долгъ... Что̀ же вы нейдете? Это тутъ, за угломъ.

«У меня мелькнула мысль, что я убилъ отца... Я весь похолодѣлъ отъ нея и только тогда очнулся, когда учитель повторилъ мнѣ:

«— Торопитесь: его могутъ схоронить безъ васъ...

«Опрометью побѣжалъ я въ полицейскую больницу. Тамъ отца ужь не было; оказалось, что его перевезли въ церковь при городской больницѣ.

«Въ простомъ сосновомъ гробу, въ сѣромъ больничномъ халатѣ, лежалъ мой отецъ, покрытый большимъ кускомъ бѣлой холстины. Я приподнялъ холстину и увидалъ его лицо—глубокое страданіе замерло на немъ. Я увидѣлъ измучившагося человѣка и зарыдалъ... Въ одно мгновеніе мнѣ представилась вся его жизнь: кутежи и неправедная нажива денегъ, распутство, развратъ, и эта черта глубокаго страданія, которая вотъ теперь лежала на его лицѣ, какъ результатъ, какъ итогъ всей жизни, мгновенно отняла отъ всего дурнаго и сквернаго, что̀ вспомнилось мнѣ, именно этотъ дурной и скверный оттѣнокъ и представила все въ видѣ невольной необходимости, почти даже въ видѣ страданія... Отъ дурного прошлаго я перенесся мыслью къ послѣднимъ годамъ его жизни, вспомнилъ его нищету, его фигуру, плетущуюся съ палкой въ лаптяхъ, по грязи, а, главное, его истинно дѣтскую радость, когда ему удалось добыть машинку чинить перья. Мнѣ представилось его засіявшее радостію ли-

ло, когда я сказалъ, что принесу коробочку, и я почувствовалъ, что понесъ въ отцѣ великую утрату. «Только-было человѣкъ добился до уголка, гдѣ сталъ чувствовать себя хорошо, гдѣ нашлось ему по силамъ дѣло, гдѣ ему явилась возможность дѣлать добро, которое онъ, быть можетъ, желалъ дѣлать всю жизнь, но не дѣлалъ потому, что жилъ въ кругу людей, требовавшихъ отъ него совсѣмъ другого—и въ эту-то минуту пришлось разстаться съ жизнью». Страдальческія черты лица какъ-бы говорили все это. Я смотрѣлъ на нихъ и плакалъ, плакалъ о томъ, что я покинулъ этого бѣднаго человѣка, это дитя—такъ мнѣ казался невиненъ и чистъ отецъ—въ самую дорогую для него минуту, въ минуту, когда онъ только что-было начиналъ жить сердцемъ и сознаніемъ...

«Сторожъ попросилъ меня уйти изъ церкви, объявивъ, что похороны будутъ завтра. Тутъ же, рядомъ съ отцовымъ гробомъ, стояло еще нѣсколько гробовъ другихъ покойниковъ, которыхъ должны были отпѣвать вмѣстѣ: всѣ эти бѣдняги лежали въ простыхъ, кое-какъ сколоченныхъ гробахъ; всѣ, безъ исключенія — съ измученными лицами, говорившими о томъ, какъ трудно жить на бѣломъ свѣтѣ... Я находилъ въ ту минуту, что ничего не можетъ быть прекраснѣе этихъ изуродованныхъ болѣзнію лицъ.

«Укоръ въ измѣнѣ отцу жестоко мучилъ меня. Вотъ этотъ, самый дорогой для меня человѣкъ унесъ въ могилу съ собою горькое сознаніе моей измѣны—измѣны родного сына, котораго онъ любилъ всей душой, я это зналъ... Мнѣ такъ хотѣлось умереть въ эту минуту.

«Я вышелъ изъ больничныхъ воротъ и поплелся самъ не знаю куда... и неожиданно наткнулся, на тротуарѣ подлѣ больницы, на Филиппа.

«— Митрофанъ Петровичъ! Отецъ ты нашъ родной! возопилъ старикъ: — Петръ-то Василичъ никакъ померъ, другъ ты мой горькій!

«— Померъ, братъ, сказалъ я...

«— Матушка, присвятая Царица Небесная!.. И что̀-жь это они съ нимъ сдѣлали? Вѣдь, извели они его...

«— Кто извелъ? вдругъ припомнилъ я неожиданность смерти отца почему-то въ городѣ и почему-то въ полиціи.

«— Да ужь кому-нибудь надо было... Вѣдь, онъ подъ судомъ былъ...

«— Ка̀къ подъ судомъ?

«— Да маменька-то твоя, какъ развѣдала все, и зачала противъ него... Чтобы духу, то-есть, его не было... И стали черезъ

докторовъ дѣйствовать, что, молъ, фальшивымъ леченіемъ занимается и народъ травитъ... Ужь тутъ была бѣда несосвѣтимая: и обыскивали-то, и дознались, что Иванъ Кузьмичъ отъ его леченія умеръ, и еще врачъ одинъ донесъ, что, молъ, травой какой-то отецъ твой его опаивалъ, чуть-было не уморилъ—ну, вотъ и взяли его въ острогъ, либо въ часть—дѣло пошло... Ну, знать, кто-нибудь тутъ и подсудобилъ ему...

«Впослѣдствіи я узналъ, что подозрѣнія Филиппа не имѣютъ никакого основанія.

«Образъ отца выросталъ въ моемъ воображеніи уже прямо въ видѣ мученика. Онъ дѣлался для меня святыней, и я чувствовалъ, что онъ гдѣ-то тутъ, что онъ пристально смотритъ на меня и какъ будто ждетъ увидѣть, что длинная вереница его страданій не останется безъ результата...

«Филиппъ разсказалъ мнѣ, кромѣ того, что та же участь, то есть преслѣдованіе, постигло и всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ отецъ посылалъ съ просьбами ко мнѣ и за которыхъ я хлопоталъ по судамъ. Даже бабу, сестру извозчика, и ту таскали почему-то къ допросу и два дня продержали въ части: полагали добиться отъ нея чего-то насчетъ расколу, такъ какъ ее съ давнихъ поръ считали на деревнѣ раскольницей, хотя и неизвѣстно почему. О себѣ Филиппъ разсказалъ, что онъ ужь давно не живетъ у насъ въ кучерахъ—маменька отказали. Говорилъ онъ, что живетъ теперь гдѣ день, гдѣ ночь, сегодня сытъ, а завтра что̀ Богъ дастъ...

«Спрашивается, за что̀ разогнали это гнѣздо?

«Совершенно покойнымъ и серьёзнымъ воротился я, вмѣстѣ съ Филиппомъ, на мою квартиру къ учителю и объявилъ, что оставляю гимназію, ѣду въ деревню и намѣренъ сдѣлать это завтра же. Я такъ категорически заявилъ мою волю, что никто и не подумалъ мнѣ противорѣчить.

«Похоронивъ на другой день отца, я унесъ съ собою свѣтлый образъ погибшаго добраго человѣка, увезъ его радость къ доброму дѣлу, унесъ обязанность искупить мою измѣну ему и съ этимъ запасомъ въ душѣ воротился въ деревню. Я сказалъ матушкѣ, что не поѣду болѣе; она не противорѣчила, потому что чуяла, что меня заставляютъ это дѣлать неотразимые доводы. Со смертью отца — въ матери съ каждымъ днемъ исчезала причина чувствовать себя обиженной, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезало и то, что̀ ее держало на свѣтѣ... Быть можетъ, и она подъ конецъ жизни поняла, что не была права передъ отцомъ; быть можетъ, вспоминая и думая, она и сама задумалась о безтолковщинѣ жизни. Во всякомъ случаѣ, она со дня моего пріѣзда

затосковала, стала задумываться, худѣть, чахнуть, а черезъ годъ и скончалась.

«Я остался одинъ. За годъ передъ этимъ я успѣлъ еще ближе познакомиться съ семьей, гдѣ жилъ мой отецъ, и со всѣми знавшими его. Воспоминанія о немъ въ крестьянской средѣ принимали съ каждымъ днемъ какой-то легендарный оттѣнокъ. Еслибы я не имѣлъ на душѣ ничего, кромѣ своекорыстія, то и тогда обязанъ бы былъ, хоть изъ приличія, непремѣнно походить на отца, продолжать его доброе дѣло, чтобы пользоваться сочувствіемъ и любовью...»

На этомъ Митрофанъ Петровичъ окончилъ свой разсказъ.

Г. Ивановъ.

НЕСЧАСТНЫЕ.

(Изъ Аккермана).

Раздался трубный звукъ. Въ раскрывшихся могилахъ,
Проснувшись, вздрогнули ихъ блѣдные жильцы,
И вышли... Но не всѣ: иные мертвецы
Все слышатъ и подняться въ силахъ,
Но ни труба, ни громкій зовъ
Небесныхъ духовъ изъ гробовъ
Ихъ не заставятъ встать.
«Ка̀къ! Вновь родиться! Снова
Увидѣть воздухъ, небо, свѣтъ —
Холодныхъ зрителей страданія былого,
Но незабвеннаго! О, нѣтъ!
Нѣтъ, лучше вѣчный мракъ, нѣтъ, лучше тишь нѣмая!
Вы, дѣти хаоса, укройте насъ крыломъ!
А ты, о смерть, небесъ посланница благая,
Ты, въ чьихъ объятьяхъ мы заснули сладкимъ сномъ,
Теперь любовными руками
Прижми къ своей груди еще тѣснѣе насъ...
О, будь всегда, всегда благословенъ тотъ часъ,
Въ который ты пришла за нами!
Въ могилѣ не забудемъ мы,
Что ты одна привѣтныя объятья
Раскрыла гибнувшимъ средь безысходной тьмы,
Подъ гнётомъ вѣчнаго проклятья!
Разбитыми пришли мы къ сердцу твоему,
Изнеможенными, лишенными надежды,
Въ тупомъ отчаяньи, не вѣря ничему,
Съ сознаньемъ, что глупцы, бездѣльники, невѣжды,
Себялюбивые и хитрые умы
Спокойно, весело, блаженно проходили
Доро̀гой тою же, гдѣ мы
Слезами жгучими свой каждый шагъ кропили!

О, ка̀къ тяжка она была
Отъ самыхъ первыхъ дней! Сурово,
Не подаривши намъ ни ласковаго слова,
Ни взгляда свѣтлаго, прошла
Предъ нами молодость. Источникъ благодатный
Любви святой и необъятной
На нашихъ жаждущихъ губахъ
Безплодно высохъ; ни единый
Цвѣтокъ весны въ глуши пустынной,
Въ ея губительныхъ пескахъ
Намъ не раскрылся. Тщетно взоры
Искали дружеской опоры;
Когда-жь ошибкой хоть одна
Порой являлась передъ нами,
Увы, чтобъ рухнула она
Намъ только сто̀ило прижаться къ ней сердцами!
Съ прикосновеньемъ ихъ и крѣпкій дубъ-старикъ
Вдругъ становился слабъ и шатокъ, какъ тростникъ.
Къ бездонной пропасти, которую копала
Неумолимая судьба,
Рука невидимая гнала
Насъ день и ночь. Въ ярмѣ раба,
Въ лохмотьяхъ нищеты голодной,
Съ тупой покорностью мы шли,
Понявъ тщету борьбы безплодной
Со всѣми пытками земли!
Да̀, очень можетъ быть, что мы имѣемъ право
На блага райскія; тѣхъ не кидаютъ въ адъ,
Кто, если и грѣшилъ, то и платилъ кроваво
За прегрѣшенія... Но никакихъ наградъ
Не нужно намъ. Отъ наслажденій,
Пріуготовленныхъ въ раю,
Мы отрекаемся, не просимъ утѣшеній
За жизнь разбитую свою.
Мы знаемъ: въ горнемъ царствѣ мира,
Свободы и любви блаженству нѣтъ конца;
Въ струяхъ лазурнаго эѳира
Ликуютъ избранныхъ сердца̀;
Тамъ всюду благодать и всюду обаянье;
Гнѣвъ, ропотъ, злоба, скорбь молчатъ въ святой тиши...
Но кто же тамъ у насъ тебя, воспоминанье,
Безсмертная змѣя, исторгнетъ изъ души?
Когда въ селеніяхъ священныхъ

Хоръ серафимовъ встрѣтитъ насъ
И, какъ избранниковъ блаженныхъ,
Начнетъ привѣтствовать, мы крикнемъ имъ тотчасъ:
«Кто? Мы—блаженные? Кто? Мы—въ числѣ избранныхъ?
Да посмотрите намъ въ глаза:
До этихъ поръ еще въ нихъ не одна слеза
Лежитъ, какъ жгучій слѣдъ страданій несказанныхъ;
И, какъ ни свѣтелъ рай, но сквозь такой покровъ,
Онъ намъ покажется печаленъ и суровъ!»
Къ чему тревожить прахъ, просящій лишь забвенья,
Забвенья дней стыда, и гнёта, и борьбы?
Ахъ, послѣ стольких мукъ для насъ всѣ наслажденья—
Насмѣшка горькая судьбы!
Пусть не снимаютъ съ насъ земли могильной бремя,
Пусть не мѣшаютъ намъ, уснувшимъ въ царствѣ тьмы,
Забыть навѣкъ, что было время,
Когда существовали мы!

Петръ Вейнбергъ.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ РУССКАГО ЗЕМСТВА.

1864—1875.

XIII.

Много уже мы обошли земствъ по всему пространству необозримой русской земли и много еще предстоитъ намъ обойти неосмотрѣнныхъ нами глухихъ закоулковъ и бойкихъ центровъ, но, по крайней мѣрѣ, мы утѣшаемъ себя тою мыслью, что бо̀льшее и главное уже пройдено, а осталось непройденнымъ мѐньшее и менѣе главное. И тогда уже, въ виду послѣдняго изъ всѣхъ земствъ, мы можемъ съ утѣшеніемъ повторить евангельскія слова̀: «нынѣ отпущаеши» и положить свой дорожный посохъ. Но и тогда мы едва ли разстанемся со всѣми нашими добрыми знакомыми, многоразличными земствами русской земли, съ которыми намъ пришлось дѣлить и горе, и радость въ нашемъ утомительномъ странствіи, и тогда, повторяемъ, едва ли мы разстанемся съ добрыми земствами и ихъ многокачественными дѣятелями безъ горькаго чувства сознанія, что, ка̀къ ни кратковременна была жизнь нашихъ земствъ, но и въ этой кратковременности было для нихъ много горя, обидъ и несправедливаго нареканія, что ни одно изъ нашихъ учрежденій, при самомъ рожденіи своемъ, не было поставлено въ такія исключительныя условія, какъ этотъ земскій ребёнокъ, на котораго всякій встрѣчный и поперечный предъявлялъ право, какъ на чужое дитя, незнавшее ни роду, ни племени, и всякій считалъ себя вправѣ нетолько поправить на ребёнкѣ рубашечку, но и щипнуть его, нетолько причесать головку, но и «скубнуть», а подчасъ изъза забора и камушкомъ бросить, а ужь утереть носъ ребёнку—то на это всякій былъ мастеръ. О земскомъ ребёнкѣ дѣйствительно можно было сказать:

Малютка-цыганенокъ,
Всѣмъ чужой ребенокъ...

*

Его, можно сказать, не любилъ никто—это было нелюбимое дитя въ семействѣ. Бывшіе помѣщики, а особенно же потерявшіе изъ нихъ кредитъ въ обществѣ, не любили земства, съ одной стороны, за то, что оно обошло ихъ—не выбрало въ гласные, съ другой—и это была законная причина не любить — за то, что земство описало и оцѣнило земли, за которыя прежде никуда ни копейки не платилось. Эти же старые помѣщики не взлюбили земство и за то, что имъ, старикамъ, не всегда удавалось ораторствовать въ собраніяхъ, куда попалъ значительный контингентъ дѣльной молодёжи, послѣ 19-го февраля 1861 года искавшей себѣ заработка и находившей его до извѣстной степени въ земствѣ. О земствѣ, какъ о предметѣ неприкосновенномъ, какъ о явленіи, совершенно цензурномъ, можно было говорить и писать, и часто обиженные земствомъ, оттертые съ земской сцены становились корреспондентами газетъ, особенно тѣхъ, которыя не отличались излишней нравственной чистоплотностью. Наконецъ, дѣйствительно въ земствѣ было обнаружено не мало печальныхъ исторій—растратъ земскихъ суммъ, подлоговъ и т. д., и, если тогда къ земству отнеслась очень строго и честная литература, и чѣмъ сердечнѣе она относилась къ дѣлу, чѣмъ больше сама требовала идеальной нравственной чистоты, тѣмъ болѣе способна была отдѣльные случаи земской недобросовѣстности, единичные факты злоупотребленій возводить въ общее явленіе, издѣваться надъ земствомъ, какъ поиздѣвались въ свое время надъ волостнымъ судомъ, т. е. надъ тѣмъ, что̀ наиболѣе беззащитно. Наконецъ, земство всѣ не взлюбили за то, что для развитія народнаго образованія, для обезпеченія народнаго продовольствія, для приведенія въ возможно лучшій видъ путей сообщенія, наконецъ, для оздоровленія народа оно потребовало значительно бо̀льшихъ жертвъ со стороны населеленія, чтобы потомъ эти же самыя жертвы, впослѣдствіи, принесли такой же приплодъ добра, какъ египетская пшеница, и вотъ всѣ заговорили, что земство изнурило населеніе налогами, а старички не у дѣлъ прямо доказывали, что «это все *они* себѣ на жалованье, оклады это *они* себѣ такіе положили, что скоро раззорятъ всѣхъ насъ». *Они*—это-то и были тѣ, которые были дѣльнѣе ихъ и которые обществомъ не были обойдены. А что налоги дѣйствительно тяжелы, такъ противъ этого спорить никто не станетъ; но не одно земство сдѣлало ихъ тяжелыми, а если оно на спину русской клячи, сильно погнувшуюся отъ положенной на нее мірской и государственной ноши, положило еще и, съ своей стороны, вязанку сѣнца, такъ отчасти для того, чтобы потомъ этимъ же сѣнцомъ самое клячонку покормить.

Кàкъ бы то ни было, но земскій ребёнокъ не встрѣтилъ ни въ комъ ласковаго пріема, а потому оставитъ о своемъ дѣтствѣ не особенно отрадныя воспоминанія: и больной-то онъ былъ, и одежёнка-то на немъ была плоха, и кормился-то онъ впроголодь, да впоколоть. А все оттого, что онъ—общественный ребёнокъ; что нянька у него—всякая встрѣчная баба, а ужь когда у семи только нянекъ дитя глазъ теряетъ, то у семидесяти мильйоновъ нянекъ можно, дѣйствительно, и голову потерять; что, наконецъ, надъ нимъ—всякій судья. Но вотъ именно это-то и есть величайшее достоинство и величайшее благо земства, что надъ нимъ—всякъ судья. Тутъ уже ему нельзя укрыться ни за какой авторитетъ, какъ становой укрывается за авторитетъ исправника, а исправникъ—за губернатора. Тутъ самъ за себя отвѣчай. И вотъ оттого-то на земство и явилось всего болѣе нападокъ и часто—излишнихъ, несправедливыхъ.

Вотъ почему у земства много хулителей и ни одного хвалителя.

Передъ нами пермское земство, въ среду котораго, наконецъ, привело насъ наше нескончаемое странствіе. Во все наше земское паломничество мы едва ли могли встрѣтить другое такое земство, вся прошедшая исторія котораго служила бы такимъ полнымъ подтвержденіемъ высказаннаго нами выше о томъ, что земство не знало счастливой молодости и что судьи его были подчасъ не въ мѣру жостки. Пермскому земству пришлось видѣть, что вся его жизнь, все его прошедшее и настоящее очерчено самымъ обиднымъ образомъ, и очерчено въ печати. Можетъ быть, и дѣйствительно о пермскомъ губернскомъ земствѣ можно, отчасти, сказать словами поэта:

«А на душѣ твоей, увы! какъ много
Грѣховъ тяжелыхъ налегло».

Но едва ли уже до такой степени много и до такой степени тяжелыхъ грѣховъ, какъ говоритъ неизвѣстный авторъ одной газеты, о которомъ поднимался-было особый вопросъ въ пятую чрезвычайную сессію пермскаго губернскаго земства—вопросъ, разрѣшенный, однако, «презрѣніемъ» со стороны земства.

Дѣло было такъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и правительствомъ, и пермскимъ земствомъ возбужденъ былъ вопросъ объ исправленіи сибирскаго тракта. Пермское земство, будучи не въ силахъ поддерживать этотъ растянутый на огромное протяженіе трактъ, имѣющій, притомъ, нестолько мѣстное, сколько общегосударственное значеніе, испрашивало на этотъ счетъ у правительства субсидіи. Тогда въ «Биржѣ» явилась неизвѣстно кому принадлежащая статья, направленная, вообще, противъ всей

дѣятельности пермскаго земства, и, конечно, не могла быть не замѣчена этимъ послѣднимъ. Это было въ прошломъ году, какъ разъ передъ пятымъ чрезвычайнымъ собраніемъ пермскаго земства, когда долженъ былъ разсматриваться вопросъ о сибирскомъ трактѣ. Въ число докладовъ пермской управы занесено было и указаніе на статью газеты «Биржи». Одинъ изъ гласныхъ земства, отъ акцизнаго вѣдомства, нѣкто А. М. Благовидовъ, подалъ даже по поводу этой статьи особое мнѣніе, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что помянутая статья «содержитъ въ себѣ выраженія непристойной брани, лжи и клеветы, направленной къ оскорбленію достоинства пермскаго земства и его представителей и къ возбужденію, *«особенно въ крестьянахъ, неуваженія и вражды къ этому учрежденію»*. Затѣмъ, все «мнѣніе» г. Благовидова состоитъ въ выборкѣ изъ статьи «Биржи» самыхъ неблаговидныхъ обвиненій неизвѣстнымъ авторомъ пермскаго земства въ томъ, будто сибирскій трактъ земствомъ этимъ «доведенъ до безобразія», будто «громадная сумма употребляется на этотъ трактъ непроизводительнымъ образомъ и только незначительная часть ея уходитъ по назначенію»; будто авторъ спрашиваетъ: «куда же дѣваются деньги, или, лучше сказать, кто ихъ крадетъ?»; будто просьба о правительственной субсидіи на сибирскій трактъ «есть не что̀ иное, какъ поползновеніе на карманы своихъ ближнихъ, но только другихъ губерній»; что по поводу приглашенія изъ Смоленской Губерніи лица, знающаго леченіе чумы, авторъ выразился, будто «пермское губернское земство спятило съ ума»; что для народнаго образованія пермское земство «не сдѣлало ровно ничего», что автора статьи «возмутило то направленіе губернскаго земства, которое, въ сущности, есть не что̀ иное, какъ самая грубая эксплуатація бѣдныхъ крестьянскихъ кармановъ»; что «забота о реальныхъ училищахъ есть не что̀ иное, какъ эгоистическая забота о своемъ только сословіи и безцеремонное обращеніе къ тощимъ кошелькамъ нашей мѐньшей братіи»; что въ личномъ составѣ пермскаго земства «замѣчательными земскими дѣятелями являются волостные писаря, торговцы, купеческія дѣти, родители которыхъ пользовались въ своей мѣстности такой извѣстностію, что, несмотря на то, что они уже давно умерли, память о нихъ сохранилась до сихъ поръ подъ разными именами, напримѣръ, «Темной Копейки» или что̀-нибудь въ этомъ родѣ»; что *«дворянскаго тормаза* для ихъ дѣятельности не имѣется»; что, наконецъ, «вся трехлѣтняя дѣятельность пермскаго губернскаго земства укладывается въ нѣсколькихъ словахъ: уничтоженіе земской случной конюшни и доведеніе си-

бирскаго тракта до невозможности проѣхать». Затѣмъ, г. Благовидовъ такъ заключаетъ свое мнѣніе: «Смыслъ вышеизложенныхъ выраженій такъ ясенъ, что не трудно доказать непристойную брань и клевету въ разсматриваемой статьѣ, направленныя къ оскорбленію достоинства пермскаго земства и его представителей, и къ возбужденію противъ него недовѣрія, неуваженія и вражды, особенно въ крестьянахъ. А это даетъ губернскому собранію право и, въ интересѣ земства, налагаетъ на него обязанность поручить губернской управѣ возбудить противъ редакціи «Биржи», гдѣ разсматриваемая статья напечатана въ видѣ приложенія, и противъ автора статьи преслѣдованіе, на основаніи ст. 1,039, 1,040 и 1,535-й улож. о наказ. (изд. 1866 года)».

Дѣйствительно, порицаніе земства—слишкомъ полное и слишкомъ огульное. Но оно тѣмъ болѣе подрываетъ свою собственную цѣну, что обнаруживаетъ невольно тотъ мутный источникъ, въ который неизвѣстный авторъ статьи мокалъ свое перо—источникъ, безповоротно отравленный исторіей и окончательно засыпаемый силою обстоятельствъ: чуется, изъ какого лагеря исходитъ это обвиненіе земства—ex ungue... non leonem, sed.. musculum suppressum (мышь, которую прищемили). Авторъ статьи оплакиваетъ крестьянскіе кошельки, которые будто бы опустошаются земствомъ. Жаль, если это такъ. Но едва ли слѣдуетъ жалѣть о томъ, что въ дѣятельности пермскаго земства не достаетъ «дворянскаго тормаза», потому что самое понятіе и назначеніе «тормаза»—отрицаніе дѣятельности, препятствіе для нея. Такъ зачѣмъ «тормазъ» тамъ, гдѣ надо дѣло дѣлать, а не тормозить? Inde irae...

Когда пермскому собранію доложено было объ этой статьѣ и собраніе было спрошено: какое постановленіе ему угодно сдѣлать относительно этого предмета? то единогласно было постановлено: «отнестись съ презрѣніемъ къ безъименнымъ ругателямъ пермскаго земства, о чемъ записать въ журналѣ» (Журналы пермск. губернск. земск. собр. пятой чрезвычайной сессіи. Пермь, 1874 г., стр. 28, 110, 111).

Этотъ характерный эпизодъ изъ исторіи пермскаго земства напоминаетъ намъ другой эпизодъ изъ исторіи другого земства, тоже Пермской Губерніи, именно—екатеринбургскаго. Это было за годъ до пермскаго собранія. Въ сентябрскую сессію 1873 г., въ екатеринбургскомъ земствѣ обсуждался вопросъ о народныхъ школахъ. Гласный Штейнфельдъ, одинъ, повидимому, изъ замѣтныхъ дѣятелей земства всей Пермской Губерніи, между прочимъ, высказываетъ, что средства на народное образованіе слѣ-

дуетъ увеличить съ 15-ти тысячъ на 24. Ему возражаетъ другой гласный, г. Кокшаровъ, говоря, что эта сумма слишкомъ велика, не по платежнымъ средствамъ населенія; что учебныя пособія, на которыя тоже требуется прибавка, не всѣ же вѣдь истрепались, «что̀-нибудь да остается же...» Г. Кокшарову возражаетъ гласный Мелединъ, тотъ *крестьянинъ* homo novus, о которомъ мы уже не разъ упоминали, какъ о чемъ-то рѣдкомъ, какъ о бѣломъ воробьѣ. Мелединъ говоритъ, что учебныя пособія «требуются каждый день и, расходуясь, должны же пополняться» (можетъ быть, самъ Мелединъ, учась грамотѣ, не мало истрепалъ букварей и часослововъ—и вышелъ дѣльнымъ человѣкомъ). Тогда на Меледина возстаетъ г. Русановъ и упрекаетъ народныя школы въ томъ, что для нихъ выписываются «серьёзные журналы!..»—«Мнѣ извѣстно, говоритъ онъ: — что для нашихъ деревенскихъ школъ выписывается, между прочимъ, «Вѣстникъ Европы». Такой серьёзный журналъ едва ли по силамъ учащимся азбукѣ, и едва ли эта трата земскихъ суммъ полезна». Но не въ этомъ все дѣло—г. Русановъ чѣмъ-то задѣтъ, его безпокоитъ что̀-то еще невысказанное, потому что то, что̀ высказано, не облегчаетъ его земскую душу. А сказать то, что̀ хочется—неловко, боязно какъ-то. «Высказавъ все это (рѣшается онъ, однако, досказать до конца), я опасаюсь, чтобы заявленіе мое и другихъ гласныхъ не было перетолковано, какъ это ужь бывало. Я полагаю, многимъ изъ гг. членовъ собранія извѣстно, что въ одной изъ книжекъ журнала «Дѣло», за прошлый годъ, было напечатано свѣдѣніе о ходѣ народнаго образованія въ нашемъ уѣздѣ. Въ этой статьѣ прямо высказывалось, что землевладѣльцы Екатеринбургскаго Уѣзда несочувственно отнеслись къ дѣлу народнаго образованія, и только благодаря энергіи и настояніямъ представителя отъ горнаго вѣдомства, полковника Штейнфельда, школы получили необходимое обезпеченіе...» Такъ вотъ *что* хотѣлось высказать г. Русанову: печать *ихъ* обидѣла. Но г. Русановъ едва ли правъ. Честная печать, не та, которая дѣйствительно обидѣла пермское земство и которая, по своей нравственной нечистоплотности, не была принята на столбцы «Биржи», а пріютилась къ этой газетѣ на запятки, въ видѣ приложенія, какъ какое-нибудь объявленіе зубнаго врача или ручнаго закладчика, честная печать не обижаетъ тѣмъ, что говоритъ правду. А что она говорила правду екатеринбургскому земству, то это подтвердилъ самъ же г. Русановъ, который, говоря крестьянину Меледину, что народныя школы слишкомъ много пожираютъ денегъ, такимъ цицероновскимъ *quousque tandem Catilina* заканчиваетъ свою рѣчь про-

тивъ прожорливости народныхъ школъ: «Назадъ тому три года, земство назначило на народныя школы 5 тысячъ. Оказалось мало. Назначило на другой годъ 8½ тысячъ—опять оказалось мало! Прошлый годъ 15 тысячъ—опять мало! Требуютъ уже чуть не вдвое...» Какъ же тутъ не воскликнуть противъ новаго Катилины-Меледина: Quousque tandem abutere, Meledine, patientia nostra!.. («Постан. 4-го очередн. екатер. уѣзд. зем. собр. 1873 г.». Екатеринбургъ, 1874, стр. 47—54).

Обращаясь, вообще, къ дѣятельности пермскаго земства, мы, конечно, не скажемъ, что дѣятельность эта принесла краю за всѣ мильйоны, извлеченные изъ него, одинъ-единый даръ—«уничтоженіе случной конюшни». Давно вошло въ моду винить пермское земство за такъ-называемый сибирскій трактъ, тотъ историческій трактъ, по которому проходятъ вотъ уже нѣсколько столѣтій мильйоны русскаго люда, мильйоны «несчастненькихъ», побрякивая цѣпями, тотъ трактъ, по которому, какъ въ загробную жизнь, большинство невольныхъ путешественниковъ проходятъ затѣмъ, чтобы никогда оттуда не возвратиться, никогда не пройти второй разъ по этому загробному проспекту, а если нѣкоторые изъ нихъ и возвращаются, то это—люди о двухъ головахъ, или не имѣющіе ни одной, «пропащія головы», и возвращаются не въ видѣ человѣка, а въ видѣ волка, который боится дневнаго свѣта, котораго всякій обязанъ ловить, чтобы снова и уже на-вѣки отправить по загробному проспекту въ тотъ край, гдѣ, вопреки русской пословицѣ, «не хорошо, хоть и нѣтъ тамъ насъ». Пермское земство всѣ корятъ тѣмъ, что въ этотъ сибирскій трактъ оно ухлопало слишкомъ много мильйоновъ, больше даже, чѣмъ сколько прошло по этой замогильной дорогѣ ногъ человѣческихъ, въ кандалахъ и безъ кандаловъ, вольныхъ и невольныхъ. Но дѣйствительно ли виновато въ этомъ земство? Вотъ каково его положеніе передъ общественнымъ судомъ. Пермское земство—это *первое* въ Россіи по тяжести отбываемыхъ имъ обязательныхъ повинностей, стоимость которыхъ вдвое и втрое превышаетъ то, что̀ отбываютъ другія земства. Это *единственное* земство въ Россіи, которое несетъ тяготу за *всю* Россію: по землѣ этого земства проходятъ *всѣ* арестанты, всѣ тѣ выброски человѣческаго общества, которые извергаетъ изъ себя *вся* Россія. Пермская Губернія занимаетъ своею площадью болѣе шести тысячъ квадратныхъ миль, т. е. она обширнѣе многихъ изъ самыхъ обширныхъ государствъ Европы, обширнѣе Италіи, обширнѣе даже Англіи и почти равна Пруссіи, не говоря уже о мелкихъ европейскихъ государствахъ. Въ то время, когда въ Англіи приходится по 5½ тысячъ душъ на-

селенія на одну милю, въ Бельгіи болѣе 9-ти тысячъ—въ Пермской Губерніи приходится на милю только 353 человѣка. И при такомъ рѣдкомъ населеніи, черезъ Пермскую Губернію, кромѣ множества уѣздныхъ, почтовыхъ, коммерческихъ и просёлочныхъ трактовъ, проходитъ еще этотъ ужасный историческій сибирскій трактъ, въ 732 версты длиною. По этому тракту ежегодно провозится болѣе 10-ти мильйоновъ пудовъ разныхъ тяжестей, начиная отъ золота и кончая арестантскими кандалами, проѣзжаетъ до 200,000 вольныхъ и невольныхъ пассажировъ и прогоняется до 15,000 арестантовъ. Всѣ эти человѣческія ноги, лошадиныя копыта и колеса всевозможныхъ тарантасовъ, колясокъ, каретъ и простыхъ телегъ постоянно выбиваютъ сибирскій трактъ. Провозится по сибирскому тракту кабель для подводнаго телеграфа—и каждый возъ вѣситъ до 300 пудовъ, такъ что весь обозъ, проходя трактомъ, оставляетъ на немъ не колеи, а «цѣлые рвы», а когда возы съѣзжаютъ съ горъ, то, вмѣсто тормазовъ, срубаютъ цѣлыя березы, привязываютъ ихъ къ возамъ и цѣлыми рвами бороздятъ дорогу, а рвы превращаются въ водороины... И вотъ, пермскому мужичку приходится постоянно заравнивать эту дорогу, заравнивать и слѣды провезеннаго подводнаго телеграфа, и слѣды провезеннаго золота, и слѣды, оставляемые телегами съ кандалами—все это приходится улаживать одному пермскому мужичку за всю Россію, за все ея золото и за всѣхъ ея арестантовъ. Понятно, что тяжело пермскому мужичку работать на всю Россію, тяжело и земству содержать этотъ трактъ ужасный, на свои и на мужичьи деньги. Не споримъ, что при этомъ много и воровалось мужичьихъ денегъ и мужичьяго труда, но и безъ воровства было нелегко населенію. Кромѣ поддержанія тракта, земство должно было платить ежегодно по 187,000 руб. содержателю вольныхъ почтъ, купцу Михайлову—и все это, опять-таки, бо̀льшею частью на свозку «несчатненькихъ» всей Россіи и счастливенькихъ, а иногда и несчастненькихъ чиновниковъ, тоже всей Россіи, заглядывающей по дѣламъ службы даже въ Сибирь.

Но виновато и земство. Оно виновато тѣмъ, что не дрожитъ надъ мужичьей копейкой, а это—его прямая обязанность. Мужичья копейка, это—тѣ горячіе уголья, которые земство собираетъ на свою голову. За этою копейкою не вездѣ достаточный надсмотръ; а гдѣ мало досмотра—тамъ воровство, и въ этомъ воровствѣ исторія обвинитъ самое же земство. Въ каждомъ земствѣ есть свои паразиты, которые пробираются вездѣ и, подобно одесскому «кузькѣ», пожираютъ народное достояніе. Паразиты эти—разные подрядчики, смотрителя, надсмотрщики, мостов-

щики, дорожники и проч. Они съѣли мильйоны народнаго труда и подъ носомъ у пермскаго земства, а сотни тысячъ подѣлили съ милостивцами. Пермское земство само видитъ, что подрядчики, загребая десятки тысячъ на исправленіе сибирскаго тракта, вмѣсто доставки на дорогу новаго хряща, «разгребаютъ кучи хряща стараго, чтобы придать имъ видъ вновь вывезенныхъ въ счетъ подряда», а деньги кладутъ въ карманъ; паразиты входятъ въ стачку съ смотрителями, какъ Морозовъ и Подчиненовъ стакнулись съ смотрителемъ Дементьевымъ, а красноуфимское земство этого не доглядѣло—не доглядѣлъ даже тотъ воротило этого земства, крестьянинъ Скачковъ, котораго мы назвали Микуломъ-Селяниновичемъ, не доглядѣлъ потому, что и богатырей ѣдятъ паразиты. Посылаетъ пермское земство на работы своего члена, г. Дягилева—и паразиты знать его не хотятъ. «Благодушество подрядчиковъ рабочихъ дошло до такой степени, что всякое требованіе г. Дягилева они принимали съ удивленіемъ», жалуется пермское земство—и кому же? самому себѣ! Но ни Дягилевъ, ни Ахлюстинъ, другое земское «око», не могутъ ни настигнуть всѣхъ паразитовъ, ни передавить ихъ: паразиты забираются даже подъ земскую рубашку. И губернское земство, и пермскій губернаторъ, г. Андреевскій, удостовѣряются обстоятельно, что паразиты заползли подъ рубаху камышловскаго земства. Паразитовъ ловитъ г. Штейнфельдъ, уже знакомый намъ земскій дѣятель, но «осязательно» поймать ихъ не можетъ, какъ выражается само земство. Паразитовъ ловитъ и губернаторъ, Н. Е. Андреевскій, ловитъ по оставленному ими запаху: «подрядъ на поставку матеріала для исправленія сибирскаго тракта отдается камышловскою управою *одному изъ земскихъ* врачей...» Врачъ-подрядчикъ! Ужь не ученикъ ли это того знаменитаго русскаго врача, о которомъ недавно писали, что онъ завелъ у себя подрядъ отдачи съ торговъ своихъ рецептовъ?.. Пермское земство, узнавъ, что у него врачи—подрядчики, вновь плачется: «Фактъ этотъ имѣетъ значеніе, въ особенности для Камышловскаго Уѣзда, гдѣ существуетъ такъ-называемый *совѣтъ нечестивыхъ*... виноватъ—*врачей*, который самъ составляетъ сметы на содержаніе медицинской части въ уѣздѣ, на которую ассигновано въ настоящемъ году уѣзднымъ собраніемъ до 35,000 р., и врачи сами распоряжаются въ своихъ участкахъ расходованіемъ ассигнованныхъ земствомъ суммъ» («Журн. пермск. губ. земск. собран.» Пермь, 1874 г. стр. 96—100). Послѣ оказалось, что губернаторъ ошибался: подрядчикъ не былъ врачъ (тамъ же, стр. 16).

Чтò жь удивительнаго, если, послѣ этого, простой почтосодер-

жатель, купецъ Михайловъ, обижаетъ пермское земство, а оно на него плачется. «Плачте, бісові очи, бачили бо що купували...» Пермское земство плачется теперь публично, что изъ главной конторы вольныхъ почтъ г. Михайлова станціоннымъ смотрителямъ разосланы книги съ подписью: «Контора вольныхъ почтъ проситъ покорнѣйше гг. проѣзжающихъ записывать свои жалобы о состояніи сибирскаго тракта, заготовленія ремонта и для исправленія онаго матеріаловъ». На что̀ же тутъ плакаться? Надо благодарить гг. проѣзжающихъ, если они записываютъ свои жалобы: «Дитя не плачетъ—мать-земство не разумѣетъ». А земская мать обижается на это, говоритъ, что «записываемыя такимъ образомъ жалобы, нерѣдко, подъ различными *псевдонимами*, наполненныя неприличными выраженіями, отсылаются въ редакцію газеты «Биржа» и печатаются въ ней съ различными оскорбительными для земствъ комментаріями». Но, во-первыхъ, «неприличныя выраженія» въ печати не допускаются, а во-вторыхъ—кто же и повѣритъ голой неправдѣ, если у нея нѣтъ на тѣлѣ рубашки правды? Земство плачется, что къ этимъ обидамъ «присоединяются тенденціознаго содержанія телеграммы, публикуемыя въ газетахъ, огромныя статьи съ вымышленными подписями, имѣющія цѣлью, вообще, уронить авторитетъ пермскаго земства, преимущественно губернскаго, столь необходимый для успѣшности мѣропріятій земства». Оно плачетъ, какъ рѣка льется, что «въ статьяхъ этихъ, наполненныхъ неправдами, клеветою и ругательствами съ начала до конца, пермское земство выставляется какимъ-то «сборищемъ проходимцевъ»; что «законныя дѣйствія его называются безцеремонною эксплуатаціей крестьянскихъ кармановъ»; что ставится ему въ укоръ полученная отъ правительства субсидія на поддержаніе ужаснаго сибирскаго тракта; что выставляется въ смѣшномъ видѣ попытка, будто бы сдѣланная депутаціею, бывшею въ Петербургѣ, удержать за земствомъ содержаніе вольныхъ почтъ, для наживы, «чего на самомъ дѣлѣ никогда не было». Земство всѣмъ повѣдаетъ, что такія постыдныя статьи печатаются особыми прибавленіями въ двухъ столичныхъ газетахъ, въ огромномъ количествѣ высылаются въ Пермь, нарочно распространяются въ публикѣ и имѣются на каждой станціи вольныхъ почтъ. «Правда (говоритъ земство въ заключеніе своей петиціи къ общественному мнѣнію), сибирскій трактъ находится далеко не въ такомъ состояніи, какъ бы этого было желательно; но это еще не даетъ права частному лицу, подрядчику Михайлову, устанавливать свой контроль надъ дѣйствіями земскихъ учрежденій и распространять завѣдомо лживыя извѣстія о нихъ. Мы не пре-

тендуемъ на идеальную безупречность нашихъ дѣйствій: и въ нашей средѣ, какъ въ любомъ общественномъ учрежденіи, могутъ встрѣчаться равнодушіе къ дѣлу, крупныя ошибки и даже злоупотребленія, и мы не вправѣ быть недовольными, если дѣйствія наши, которымъ мы всегда старались придать возможную гласность, обсуждаются людьми благонамѣренными, желающими добра земству; но когда злонамѣренная диффамація, построенная на клеветѣ и имѣющая въ виду достиженіе частныхъ корыстныхъ цѣлей, стремится нанести вредъ общественному дѣлу и уронить авторитетъ земства, необходимый для успѣшности его мѣропріятій и гарантированный за нимъ высочайше дарованнымъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ; когда частный человѣкъ, подрядчикъ, вторгается въ область дѣятельности земства и устанавливаетъ надъ нимъ свой контроль—тогда необходимы мѣры, которыя напомнили бы такому лицу, что онъ—некто иной, какъ подрядчикъ» и т. д.

Земскіе паразиты, это—язва всѣхъ земствъ, и они-то бросаютъ тѣнь недовѣрія даже на самыя честныя мѣропріятія земскихъ учрежденій. Вывести у себя паразитовъ, это—прямой долгъ и самое первое требованіе земской нравственной чистоплотности. Въ противномъ же случаѣ, паразиты всегда будутъ оставлять пятна на страницахъ исторіи земства, и пятна эти будутъ кровавыя, несмываемыя, потому что паразиты пьютъ народную кровь. Болѣе, чѣмъ для какого-либо другого земства, присутствіе паразитовъ должно быть чувствительно для пермскаго земства, у котораго на плечахъ сибирскій трактъ, могущій съѣдать ежегодно на одно свое исправленіе до полумильйона рублей. Паразиты, конечно, были отчасти причиной того, что пермяки, не въ силахъ будучи нести на своихъ плечахъ этотъ злополучный трактъ, два раза ходатайствовали у правительства о перечисленіи его въ разрядъ государственныхъ путей сообщенія и оба раза получали отказъ, а наконецъ, въ 73 году, послали депутацію просить о субсидіи. Это послѣднее ходатайство ихъ было уважено, и высочайше утвержденнымъ положеніемъ государственнаго совѣта пермскому земству назначена субсидія по 200 тысячъ руб. въ годъ, впредь до открытія движенія по уральской желѣзной дорогѣ. По этому случаю, въ августѣ прошлаго года, состоялось чрезвычайное губернское собраніе, при открытіи котораго губернаторомъ Н. Е. Андреевскимъ было засвидѣтельствовано пермскому земству, что полезная дѣятельность его не ограничивалась уничтоженіемъ лишь земской случной конюшни, какъ утверждали враги земства, но выразилась и другими полезными результатами. Такъ, губернаторъ заявилъ, что труды земства по

[illegible]

[illegible] строгостію. [illegible] когда, въ другое засѣданіе. [illegible] работъ и когда гласный [illegible] обыкновенную систему подрядовъ. гг. [illegible] выражали, что «находятъ этотъ способъ [illegible], дающимъ возможность *наживаться* нѣкоторымъ [illegible] личностямъ и, въ случаѣ невыполненія [illegible] нескончаемые процессы». Вообще, [illegible] было не мало. Предсѣдатель губернской [illegible], заявилъ даже при этомъ, что онъ не[illegible] особой комиссіи, выработавшей планъ [illegible] по сибирскому тракту, но согласенъ потому, что [illegible] какія-то «ложныя идеи». Во [illegible] покажетъ, удержитъ ли пермское [illegible], стойкость и справедли[illegible] паразитовъ сочтены.

[illegible], повидимому, на всей [illegible] странный нравственный от[illegible] обвиняемыхъ:

всѣ буквы губернскаго и земскаго алфавитовъ обвиняют поочереди одна другую, а затѣмъ сами обвиняются вновь—и вновь обвиняютъ. *Азъ* обвиняетъ *буки*; *буки*, обвиняя *азъ*, въ то же время, нападаютъ на *вѣди*. Озлобленныя *вѣди* припутываютъ къ обвиненію *глаголь* и *добро*, ни въ чемъ неповинное. Оскорбленное *добро* накидывается на *есть*, на *живете* и на самую *землю* и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстный сотрудникъ «Биржи» обвиняетъ все губернское земство хуже, чѣмъ въ казнокрадствѣ—въ народокрадствѣ, въ проходимствѣ, въ происхожденіи отъ «Темной копейки». Земство обвиняетъ почтосодержателя Михайлова въ возмущеніи проѣзжающихъ по сибирскому тракту, въ составленіи тенденціозныхъ телеграммъ, въ наводненіи Пермской Губерніи ругательными статьями. Г. Благовидовъ обвиняетъ «Биржу» въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1039, 1040 и 1535 улож. о наказаніяхъ. Г. Дрягинъ обвиняетъ дорожнаго смотрителя Дементьева въ стачкѣ съ подрядчиками Морозовымъ и Подчиненовымъ, а красноуфимскую управу, съ предсѣдателемъ ея крестьяниномъ Скачковымъ—въ потворствѣ Дементьеву. Скачковъ, защищаясь отъ обвиненія, обвиняетъ цѣлыя земскія собранія въ избраніи «на должности предсѣдателей и членовъ управъ лицъ, неоправдывающихъ этого назначенія», и, говоря, что «примѣровъ тому не мало въ Россіи», цѣлой Россіи тычетъ въ глаза восклицательнымъ знакомъ! (тамъ же, стр. 120). Губернаторъ обвиняетъ камышловское земство въ томъ, что тамъ земскіе подрядчики—земскіе врачи. Губернское пермское земство обвиняетъ уѣздное камышловское же въ томъ, что тамъ врачи сами лазятъ въ земскій сундукъ и берутъ 35 тысячъ. Земскій инженеръ Немира обвиняетъ телеграфный кабель въ томъ, что, при провозкѣ его по сибирскому тракту, онъ «оставлялъ за собою не колеи, а цѣлые рвы»; обвиняетъ всѣхъ арестантовъ въ томъ, что они по шести человѣкъ садятся на телегу и «прорѣзаютъ въ сырую погоду кору сибирскаго тракта до основанія». Гласный Русановъ обвиняетъ народныя школы, что онѣ выписываютъ «серьёзный» журналъ «Вѣстникъ Европы», и журналъ «Дѣло» обвиняетъ въ томъ, что онъ будто бы говоритъ, что екатеринбургскіе землевладѣльцы не сочувствуютъ народнымъ школамъ. Гласный, крестьянинъ Мелединъ, шадринскій Микула-Селяниновичъ, обвиняетъ гласнаго Казанцева въ томъ, что реальныя училища и женскія гимназіи такъ же «доступны для народа, какъ буфетъ при собраніи: онъ открытъ для всѣхъ, но нашему брату-мужику не по карману». Гласный Штейнфельдъ обвиняетъ шадринское земство въ томъ, что обсужденіе сметы на школы—это не обсужденіе, а «торгъ», и притомъ «торгъ

огуломъ». Г. Дягилевъ, посланный для присмотра за подрядчиками, обвиняетъ ихъ въ циническомъ «благодушіи» и неповиновеніи. Подрядчикъ Устюжанинъ обвиняетъ председателя камышловской управы Калакуцкаго въ томъ, что Калакуцкій не допускалъ никого на торги по исправленію сибирскаго тракта за тѣмъ, чтобы произвести это исправленіе «хозяйственнымъ образомъ», и его, Устюжанина, тоже явившагося на торги, выгналъ «вонъ изъ управы», совершивъ такимъ образомъ преступленіе, предусмотрѣнное 347 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Вѣдь, это—все уголовщина! Далѣе, камышловскій же становой приставъ и судебный слѣдователь обвиняютъ гласнаго камышловскаго же земства и члена управы Давыдова—«въ подлогѣ по службѣ», и правительствующій сенатъ признаётъ это обвиненіе «дѣйствительнымъ». Гласный Казанцевъ обвиняетъ исетскій заводъ за какую-то «лопату», говоря, что «одна лопата для Екатеринбургскаго Уѣзда была сдѣлана въ исетскомъ заводѣ, но ее проработали такъ долго, что Екатеринбургскій Уѣздъ остался безъ лопатъ», а красноуфимскую управу обвиняетъ за то, что, по требованію инженера, она не хотѣла дѣлать для себя «визирки и ватерпасы», и такъ далѣе—все обвиненія, обвиненія и обвиненія!

Всѣхъ этихъ встрѣчныхъ и поперечныхъ обвиненій рѣшительно не въ силахъ перечислить никакой земскій историкъ. Онъ точно въ царство сикофантовъ брошенъ: сикофанствуетъ все, начиная отъ праваго и виноватаго, словно въ Аѳинахъ въ эпоху нравственнаго разложенія аѳинскаго народа, когда Аристофанъ обвинялъ народнаго вождя Клеона во взяточничествѣ, а Клеонъ обвинялъ Аристофана въ безбожіи, когда Демосѳенъ обвинялъ Эсхина въ продажности, а Эсхинъ, въ своей безсмертной рѣчи «pro corona», обвинялъ Демосѳена въ неповиновеніи властямъ. Но, вѣроятно, и въ пермскомъ народѣ, какъ аѳинскомъ, чувствуется, что нравственная почва подъ ногами разрыхлѣла: въ Аѳинахъ Демосѳенъ и Эсхинъ боролись не изъ-за преміи собственно, не изъ-за золотого вѣнца побѣдителя на олимпійскомъ земскомъ собраніи, а изъ-за того, что чувствовали загребистую лапу Филиппа Македонскаго, уже протянутую надъ бѣдною Греціею. Пермяки же борятся на своихъ земскихъ олимпійскихъ играхъ изъ-за того, чтобы новые Филиппы Македонскіе, разные подрядчики, не засунули свою загребистую лапу въ карманъ пермскаго народа.

Но пермскія обвиненія не останавливаются на одной земской почвѣ. Обвиненія идутъ дальше, вглубь этой почвы, до самой подпочвы. Встрѣчныя и поперечныя обвиненія идутъ между

земствомъ и пермской маріинской женской гимназіей. Предсѣдатель губернской управы, онъ же и членъ попечительнаго совѣта гимназіи, Д. Д. Смышляевъ, обвиняетъ совѣтъ гимназіи и директора ея И. Ф. Грацинскаго очень во многомъ. Онъ обвиняетъ г. Грацинскаго и всю женскую гимназію, во-первыхъ, въ мраколюбіи, въ боязни гласности и въ намѣренномъ непечатаніи, вопреки закона, постановленій совѣта, а слѣдовательно и въ неблаговидномъ сокрытіи всего, что̀ въ гимназіи дѣлается; во-вторыхъ, въ удержаніи г. Грацинскимъ у себя на рукахъ, тоже вопреки закону, около 15 тысячъ рублей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; въ третьихъ въ построеніи дома женской гимназіи такъ, опять-таки вопреки строительному уставу, что туда «ни конному, ни пѣшему попасть невозможно»; въ четвертыхъ, что начальница гимназіи, г-жа Чернѣевская, совершенно оттерта г. Грацинскимъ, и опять вопреки закону, отъ всего, что̀ ей вмѣнено въ обязанность закономъ; въ пятыхъ, что совѣтъ гимназіи занятъ постоянно такими пустяками и формальностями, что все это «у людей дѣловыхъ, состоящихъ членами совѣта, отбиваетъ охоту посѣщать это заведеніе»; въ шестыхъ, въ седьмыхъ... и такъ далѣе до безконечности, такъ что перечислять все это было бы очень утомительно. Затѣмъ, на основаніи этихъ обвиненій, г. Смышляевъ проситъ свое земство прекратить субсидію, которую оно выдавало женской гимназіи.—Въ свою очередь, г. Грацинскій обвиняетъ г. Смышляева, во-первыхъ, «въ холодности къ дѣлу преуспѣянія женской гимназіи и въ бездѣятельности»; во-вторыхъ, что г. Смышляевъ мѣшается не въ свое дѣло, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Съ одной стороны, споръ доводится до свѣдѣнія губернскаго собранія, съ другой, «по особой важности дѣла»—до свѣдѣнія попечителя казанскаго учебнаго округа.

Чѣмъ объяснить это странное настроеніе пермскаго земства и всего пермскаго края? Вѣдь, не можетъ же пермскій край отвѣчать на это одною изъ горькихъ сатиръ Некрасова.

Я сегодня такъ грустно настроенъ,
Такъ болитъ мой озлобленный умъ...

Правда, онъ можетъ отвѣчать и такъ, что давно уже онъ «грустно настроенъ» и болитъ его озлобленный умъ; но причины-то озлобленія должны быть очень глубокія, если вся дѣятельность края сводится на пререканія и обвиненія. Есть что̀-то болѣзненное въ почвѣ этого края, и потому всѣмъ земскимъ дѣятелямъ при-рифейскаго царства, сосѣдямъ гоговъ и магоговъ, заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ въ пермско-рифейскія горы, всѣмъ этимъ поправителямъ того зла, какое принесъ пермскому краю неудавшійся ученикъ Аристотеля, македонскій

кавалергардъ, всѣмъ этимъ Базилевскимъ, Безпаловымъ, Брызгаловымъ, Васильевымъ, Горбуновымъ, Дягилевымъ, Казанцевымъ, Китаевымъ, Манухинымъ, Назухинымъ, Пермяковымъ, Поповымъ, Пушкаревымъ, Роговымъ, Сиговымъ, Скачковымъ, Смышляевымъ и Сысковымъ предстоитъ честная задача—оздоровить больную почву пермскаго края и выпустить на волю остальныхъ заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ въ рифейскія горы гоговъ и магоговъ—честныя рабочія силы и молодое ихъ поколѣніе. (Тамъ же, стр. 4, 12, 13, 16, 23, 24, 51—70, 71, 73, 76, 98, 99, 101—103).

XIV.

Чухлома... чухломское земство... чухломскіе гласные... чухломское земское собраніе... Странно! Пишущему это, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, всегда почему-то казалось, что города Чухломы нѣтъ на свѣтѣ, что городъ этотъ кѣмъ-то выдуманъ въ насмѣшку, что такого города никогда и нигдѣ не было, какъ не было царя Гороха, тоже выдуманнаго для дѣтей, что городъ Чухлома, это—то же самое, что островъ Буянъ на морѣ на океанѣ или греческій «муравьиный городъ», городъ мирмидоновъ. Впослѣдствіи, набираясь школьной мудрости, пишущій это узналъ изъ географіи, что въ Костромской Губерніи есть городъ Чухлома; но опять таки остался при своемъ мнѣніи, что городъ Чухлома выдуманъ только такъ, «для экзаменовъ», и что его нѣтъ на свѣтѣ, какъ нѣтъ, въ дѣйствительности, на землѣ ни тропиковъ, ни экватора, какъ нѣтъ въ природѣ ни «козерога», ни «водолея», а что все это выдумано «для экзаменовъ». Скептицизмъ этотъ глубоко потомъ засѣлъ въ мозгъ пишущему сіе: по окончаніи всей школьной мудрости—и гимназической, и университетской — пишущій сіе едва встрѣчалъ въ газетахъ извѣстіе о городѣ Чухломѣ, о чухломскомъ исправникѣ, о чухломскомъ патріотизмѣ, то никакъ не могъ отмахаться отъ прежняго убѣжденія, что Чухлома—выдумана для смѣху, какъ Щедринъ выдумалъ и обезсмертилъ городъ Крутогорскъ, городъ Глуповъ, что и Чухлому кто-нибудь раньше Щедрина выдумалъ и обезсмертилъ—или Гоголь, или Грибоѣдовъ...

И вдругъ, передъ нами—«Сборникъ постановленій чухломскаго уѣзднаго очереднаго земскаго собранія», такого-то года, «изданіе уѣздной управы». Книжечка голубенькая, а наконецъ, и нѣсколько голубенькихъ книжечекъ. Печатана въ Костромѣ, въ типографіи Андроникова. На оборотѣ перваго листа значится: «Пе-

чатано съ разрѣшенія г. костромскаго губернатора». Значитъ—дозволенное. Значитъ—чухломское земство существуетъ, не выдумано на смѣхъ.

И дѣйствительно существуетъ. Но все это—такое миніатюрное, такое жалкенькое, бѣдненькое. И гласныхъ-то всего въ собраніи 12—13 человѣкъ. И предсѣдателя-то у нихъ настоящаго нѣтъ, потому что неизвѣстно куда дѣвался чухломскій предводитель. И вопросы-то у нихъ все маленькіе, дѣйствительно какъ въ городѣ мирмидоновъ. Читаемъ въ журналѣ, что въ такомъ-то засѣданіи собранія происходили «продолжительныя и разнородныя пренія»—и изъ за чего же? Изъ-за того: дать ли по 40 руб. въ годъ двумъ волостямъ на открытіе почтовыхъ станцій въ селахъ Судаѣ и Бушневѣ, или не дать? дать ли судайской почтовой конторѣ, за пріемъ и выдачу корреспонденціи, тоже 40 руб., или не дать? Послѣ «продолжительныхъ и разнородныхъ преній», рѣшено дать. Это все равно, что, сто лѣтъ тому назадъ, когда, еще до Пугачева, въ Царицынѣ появился первый самозванецъ, Богомоловъ, назвавшій себя Петромъ III-мъ, то, въ одной донской станицѣ, Пяти-Избахъ, казаки на станичномъ сборѣ разсуждали: «дать ли явленному въ Царицынѣ императору Петру III-му помощь отъ станицы!»—и приговорили: «дать рубль». Точно также въ чухломскомъ земствѣ идутъ оживленныя пренія, по заявленію гласнаго, Д. А. Александрова, о томъ, дать или не дать «на обученіе бабокъ» добавочную сумму—и постановлено: дать 40 руб. Далѣе: дочь бѣднаго чиновника, дѣвица Сигорская, поступила въ костромскую земскую школу учительницъ, но бѣдной дѣвушкѣ жить нечѣмъ, и вотъ миніатюрное и миніатюрно-сердобольное чухломское земство приходитъ на выручку будущей учительницѣ народа: оно назначаетъ дѣвицѣ Сигорской стипендію по 5-ти руб. въ мѣсяцъ. Все это микроскопически, но все это сердечно, добро, умилительно. Но тяжко жить бѣдному чухломскому земству: край бѣдный, забытый, населеніе бѣдно, заработка нѣтъ, земля чахоточна, подати тяжки. И вотъ, собираются властители микроскопическихъ судебъ чухломскаго края, гласные: Моллеръ, Ильичевъ, Поляковъ, Добрецовъ, Волхонскій, Завьяловъ, Терещенко, Большаковъ, Золотиловъ, Шиповъ и Степановъ, а во главѣ ихъ Нелидовъ. Это—все чухломское земство, «совѣтъ двѣнадцати». И расуждаютъ они: ка̀къ помочь горю, ка̀къ облегчить населеніе отъ излишней тяготы? Начинаютъ сокращать свой бюджетъ, обрѣзывать, что-называется, ногти до живаго мяса—и, наконецъ, обрѣзали: расходъ на разъѣзды исправника уменьшить 50-ю рублями; прекратить выписку газеты «Голосъ», единственнаго

*

источника, изъ котораго чухломитяне узнавали, что свѣтъ еще стоитъ, что въ Москвѣ все еще царь-пушка существуетъ и не стрѣляетъ, а царь-колоколъ существуетъ и не звонитъ—и прекратили выписку «Голоса» на 16 р. И что̀ же оказалось? «Голоса» лишились—и теперь не знаютъ, что̀ дѣлается на свѣтѣ, а исправника обидѣли, разгнѣвали: суровый начальникъ чухломскаго края тотчасъ же шлетъ отношеніе-ультиматумъ: «о нежеланіи, за сдѣланнымъ собраніемъ уменьшеніемъ съ 1875 года суммы на разъѣзды его, получать разъѣздныя деньги и о учрежденіи въ уѣздѣ станцій для разъѣздовъ полиціи». Вотъ тебѣ и на! Пришлось бѣднымъ чухломитянамъ вновь увеличивать налоги на учрежденіе новыхъ станцій въ уѣздѣ и при этомъ вспомнить, что изъ-за гнѣва греческаго исправника Ахиллеса погибла Троя и что ка̀къ бы и чухломскому Гомеру не пришлось написать чухломскую Иліаду, которая бы начиналась: «Гнѣвъ, богиня, воспой чухломскаго исправника, Зевсова сына...» и т. д., смотря по обстоятельствамъ дѣла.

Положеніе такихъ бѣдныхъ земствъ, какъ чухломское, вообще, безотрадно. Еслибы даже и явилась творческая сила у земскихъ дѣятелей, то и творить-то добро не изъ чего: матеріала нѣтъ, опереться не на что̀. Здѣсь и выдающіяся личности безсильны; развѣ только геній можетъ создать все изъ ничего и изъ чахлаго края выжать творческую искру—дать населенію благосостояніе? Но геніи такъ рѣдки на свѣтѣ. И вотъ, бьются бѣдные дѣятели, придумываютъ, ка̀къ бы осчастливить хотя микроскопическимъ счастьемъ свой чахленькій уголокъ: думаютъ, что будетъ легче, если въ штрафной таксѣ за потравы полей и луговъ измѣнятъ 1-й пунктъ, «отнеся свиней, причисленныхъ къ числу мелкаго скота, къ крупному, какъ приносящихъ вредъ не менѣе коровъ и лошадей», и относятъ свиней къ высшему чиновному рангу. А все не легче. Думаютъ завести у себя земскій банчишко—и все не легче: денегъ мало. Признаютъ пользу образованія; есть у нихъ и школки свои, и пособьица учебныя есть—да все мало, все нечѣмъ взяться («Сборн. постан. чухлом. уѣздн. земск. собр.», Кострома, 1874 г., стр. 5, 6, 8, 14, 15, 16, 19 и др.).

О такихъ земствахъ и, вообще, о такихъ краяхъ не мѣшало бы подумать: вѣдь тутъ *весь земскій бюджетъ* едва доходитъ до 26-ти тысячъ, тогда какъ иныя земства, тоже уѣздныя, на одни народныя школы могутъ отваливать въ годъ по 26-ти и болѣе тысячъ. «Овому талантъ, овому два...»

Другое дѣло—такія земства, которыя и могли бы сдѣлать что̀нибудь изъ своихъ силъ, изъ своего положенія, да, повидимому,

не хотятъ или не умѣютъ. Всматриваясь въ сонную работишку такихъ земствъ, такъ и видишь, что у нихъ все изъ рукъ валится, какъ у той пряхи, которая рано встаетъ, да мало прядетъ. Вотъ хоть бы калужское земство... Калуга—городъ губернскій. Есть не мало основаній, по которымъ бы можно было надѣяться, что Калуга духовно и экономически не захирѣетъ. А она хирѣетъ. Говорятъ, что Калуга, какъ и Чухлома—заброшенный край. Ее обошли даже желѣзныя дороги. Калуга, это—Сандрильона, та всѣми презираемая, сказочная замарашка, которая, рано ли, поздно ли, удивитъ всю Россію. Такъ думаютъ иные; а теперь, говорятъ, она забыта, забыта даже послѣ того, какъ въ ней въ почетномъ плѣну жилъ знаменитый старецъ Кавказа—Шамиль, эта издыхавшая духовная сила Востока. Но, перебирая слѣды вялой работишки земства этого города, отъискивая въ нихъ хоть намёкъ какой-нибудь на огонёкъ Прометея, все ка̀къ-то ничего не находишь, а на языкѣ постоянно вертится старое, старое изреченіе о «рабѣ лѣнивомъ», котораго «надъ малымъ поставили», а онъ и малое-то это умалилъ. Да и самые калужане не могутъ не видѣть этого. Десять лѣтъ они топчутся земскими ногами, и все топчутся на одномъ мѣстѣ, и работишка-то земская имъ самимъ кажется неприглядною, и не тянетъ ихъ сдѣлать ее пригладною. На десятый годъ этого топтанья на мѣстѣ имъ, какъ школьникамъ, приходится слышать сказанныя имъ въ глаза жосткія слова̀—и они не обижаются, а проморгаютъ и снова топчутся. Передъ глазами всего собранія г. Ергольскій, предводитель ихъ и предсѣдатель собранія, говоритъ имъ: «Нѣкоторые изъ господъ гласныхъ баллотируются въ члены управы и, будучи выбранными, совершенно пренебрегаютъ своими обязанностями». А другіе гласные тутъ же «возражаютъ» г. Ергольскому, что «*подобныхъ* людей не слѣдуетъ выбирать, какъ *безполезныхъ*», что «*подобные* люди не должны баллотироваться», что, «наконецъ, собраніе должно обращать болѣе вниманія на качества тѣхъ людей, которыхъ оно баллотируетъ въ члены управы» и проч. («Журналы калужск. X-го очер. уѣздн. земск. собр. 1874 г.» Калуга, 1875 г., стр. 4). И тутъ же мѣняютъ составъ управы: предсѣдателемъ выбираютъ Н. Б. Штриттера, а членами—Д. В. Тимченко и А. А. Гейера.

И все ка̀къ-то идетъ тутъ нѐхотя. Задумываетъ начальство открыть около Калуги образцовое двухклассное училище при деревнѣ Фроловой, чтобы образованіемъ разогнать нѣсколько раскольничью тьму, окутавшую эту мѣстность. Обращаются къ мужичкамъ. Мужички тотчасъ же и кладутъ свою мужичью резо-

люцію: «бывъ-де сего числа на общемъ нашемъ сходѣ... изъявили-де наше желаніе и дали свое согласіе...» Ладно. Тутъ же «Дарофей Михайловъ и руку приложилъ» за неграматныхъ. Сунулось затѣмъ начальство къ земству. Земство отвѣчаетъ, что «постройка двухкласснаго училища поведетъ къ довольно значительнымъ затратамъ», а потому «обратиться-де къ землевладѣльцамъ, сочувствующимъ дѣлу народнаго образованія и извѣстнымъ своею благотворительностью». Тѣмъ и покончили. Въ другой разъ обращается начальство къ земству, проситъ выдать маленькое пособіе учителямъ и учительницамъ: Піуновскому 40 руб., Лебедевой 25 руб. и Воскресенской 25 руб. И земство опять лаконически отвѣчаетъ: «въ выдачѣ пособія, большинствомъ 15-ти голосовъ противъ 8-ми, отказать». И отказали. «Иди, небого—я тебя не бью». Или: Чухлома, бѣдная, подозрѣваемая даже въ подлинности существованія на свѣтѣ Чухлома, при всей своей скудости, дала на народное образованіе 2,500 руб., т. е. 10% изъ всего нищенскаго земскаго бюджета. А Калуга, въ которой былъ когда-то, говорятъ, Наполеонъ I-й, а потомъ жилъ издыхавшій духъ Востока, Шамиль, губернская Калуга дала на народныя школы только 1,440 р., что̀, при бюджетѣ почти въ 72 тысячи, составляетъ только 2%!

Что̀-жь дольше останавливаться отдѣльно на подобныхъ земствахъ? Ихъ слѣдуетъ валить въ одну кучу по нѣскольку земствъ, смѣшать ихъ всѣ въ одномъ мѣшкѣ исторіи и, вынимая изъ мѣшка, показывать—которое хуже. Мы такъ и будемъ дѣлать. А теперь—мимо, мимо, земская мертвечина! Мы лучше перенесемся въ такіе края, гдѣ хоть что̀-нибудь есть, гдѣ хоть чувствуется земская война, жаркія пренія, взаимныя обвиненія: все же это—исканіе чего-то, а не мертвечина.

И вотъ, поневолѣ изъ мертвыхъ центровъ мы направляемъ свой страннической посохъ къ далекимъ окраинамъ, изъ старой Европы переходимъ въ молодую Азію—въ Сибирь. Мы еще не были въ Ирбити. Правда, городъ этотъ—узаконенное дитя пермскаго края, въ которомъ мы уже были мимоходомъ; но у ребёнка этого есть свои типическія черты—черты матери-Сибири. Въ ирбитскомъ земствѣ мы встрѣчаемъ знакомыхъ уже намъ дѣятелей и, между прочимъ, г. Смышляева, того самаго Смышляева, котораго мы видѣли въ единоборствѣ съ г. Грацинскимъ, директоромъ пермской гимназіи. Г. Смышляевъ и въ Сибири не измѣняетъ своему знамени: онъ и здѣсь—такой же боецъ, какимъ мы его видѣли въ Перми. Всякій разъ, когда мы читаемъ его заявленія, его всегда оживленныя рѣчи, мы всегда представляемъ его себѣ тѣмъ рыцаремъ, о которомъ говорится въ

пѣснѣ, что онъ былъ—«статный воинъ, первый Даніи боецъ», хотя стихъ этотъ, по отношенію къ г. Смышляеву, долженъ быть измѣненъ:

... статный воинъ,
Первый земщины боецъ.

Дѣйствительно, едва только открыто было первое собраніе ирбитскаго земства втораго трехлѣтія, какъ г. Смышляевъ заявляетъ, что все ирбитское земское собраніе перваго трехлѣтія было «оскорблено». Онъ объясняетъ новому собранію, что ирбитская уѣздная управа не хотѣла исполнить многихъ распоряженій прежняго земскаго собранія и что самыя выраженія, которыя управа допустила въ объяснительной запискѣ къ сметамъ и раскладкамъ, г. Смышляевъ считаетъ оскорбительными для собранія. «На основаніи ст. 114-й полож. о земск. учр., я вношу обвиненіе управы въ губернское земское собраніе», говоритъ онъ, какъ гласный губернскаго пермскаго земства. Но первый боецъ земщины оказывается дѣйствительнымъ бойцомъ, которыхъ желательно было бы побольше такимъ мертвымъ земствамъ, какихъ, кромѣ чухломскаго и калужскаго, а равно оханскаго и курскаго-дмитріевскаго, мы встрѣчали въ своемъ путешествіи очень немало: еслибы въ каждомъ изъ мертвыхъ земствъ было хоть по одному бойцу, то земскія дѣла навѣрное пошли бы нѣсколько лучше. Этимъ снова подтверждается высказанное нами прежде, что человѣческая личность, какъ она ни ничтожна передъ массами, а заставляетъ эти массы повиноваться себѣ.

Г. Смышляевъ внесъ въ ирбитское земское собраніе замѣчательную записку, которая могла бы служить урокомъ и указательнымъ пальцемъ для всѣхъ земствъ русской земли. Записка эта излагаетъ процессъ раскладокъ земскаго сбора и указываетъ, на какихъ поразительныхъ неравномѣрностяхъ бо̀льшею частью основываются эти раскладки. Обидная неравномѣрность раскладокъ, это—исходный пунктъ, отъ котораго г. Смышляевъ отправляется въ бой, можно сказать, со всею русскою земщиною и ея исторіею. «Значеніе раскладки земскихъ налоговъ въ ряду другихъ предметовъ земскаго вѣдѣнія (говоритъ онъ, между прочимъ) можно опредѣлить сравненіемъ ея съ фундаментомъ зданія. Какъ отъ прочности фундамента и качества матеріаловъ, употребленныхъ на его постройку, зависитъ устойчивость всего зданія, такъ и благосостояніе мѣстнаго населенія находится въ непосредственной зависимости отъ степени равномѣрности раскладки налоговъ, упадающихъ на плательщиковъ. Ка̀къ бы ни была хорошо устроена медицинская часть, ка̀къ бы

ни было много открыто школъ для народнаго образованія, но, если расходы на эти предметы раскладываются неравномѣрно и одна часть плательщиковъ чрезмѣрно обременена налогами, поглощающими бо̀льшую часть ея заработковъ, то въ результатѣ окажется, что ни медицинская помощь, ни школы не принесутъ желаемой пользы, потому что безполезно лечить людей больныхъ отъ плохаго питанія или отъ неимѣнія теплой одежды и хорошо устроеннаго жилища, а къ школамъ эта часть населенія отнесется съ полнымъ равнодушіемъ, въ силу новѣйшей пословицы, что «голодное брюхо—къ ученію глухо». Дѣйствительно, г. Смышляевъ правъ, что это—«новѣйшая» пословица, потому что старинная ея сестра—«сытое брюхо—къ ученію глухо», заимствована у обжоръ-римлянъ, которые, вообще, плохо учились, а когда, послѣ завоеванія Греціи, они продолжали смотрѣть на ученье, какъ на прихоть, дозволительную только дѣтямъ патриціевъ, а не голодному плебсу, и когда затѣмъ поручали своихъ откормленныхъ сынковъ голоднымъ грекамъ, которые одни считались учеными и кормились отъ науки, а сынки-кавалергарды (equites) больше любили кушать устрицы и кутить съ камеліями-гетерами, то и сочинили свою пословицу: satur venter non studet libenter. Г. Смышляевъ правъ и относительно того, что безполезно лечить людей, больныхъ отъ голода и отъ холода: это мы замѣчали и ростовскому земству, приказывавшему своимъ врачамъ лечить народъ отъ голода—отъ питанія древесною корой, по-заячьи. Говоря далѣе о неравномѣрности раскладокъ, г. Смышляевъ поясняетъ, что отъ неравномѣрности налоговъ «можетъ быть даже и то, что, чѣмъ болѣе будутъ совершенствуемы разныя отрасли земскаго хозяйства, тѣмъ труднѣе и хуже будетъ существованіе той части плательщиковъ, которая будетъ обложена несоразмѣрно съ своими средствами, потому что усовершенствованіе поведетъ за собою и увеличеніе расходовъ, оплачиваемыхъ плательщиками». Но самая существенная часть записки г. Смышляева—цифровая. Это—бойко набросанная изъ цифръ картина того, *насколько процентовъ* были обижены ирбитскимъ земствомъ ирбитскіе крестьяне въ первый годъ существованія земства; насколько процентовъ потомъ уменьшена была эта обида во второй годъ, когда земство поняло всю несправедливость этой обиды, и насколько, наконецъ, процентовъ спустили опять эту обиду въ третій годъ земской жизни, когда видѣли, что обида все еще тяжка. Безспорно, это—въ высшей степени поучительная картина, ловко скомпонованная и эффектно освѣщенная цифрами. Мы не станемъ приводить всѣхъ цифръ—и безъ того слишкомъ много

цифровыхъ красокъ въ этой картинѣ—а возьмемъ только конечные выводы изъ картины, сдѣлаемъ изъ нея фотографическій снимокъ безъ красокъ. Сравнивая валовыя суммы налоговъ, падавшихъ на имущества крестьянъ, землевладѣльцевъ, города, на имущества казенныя и на торговые документы, сравнивая всѣ эти налоги по цѣнности предметовъ обложенія и по ихъ доходности и переводя все это на проценты, г. Смышляевъ выводитъ изъ этого такія кричащія цифры, которымъ положительно нельзя бы было повѣрить, еслибы это не было такъ, кàкъ оно есть, еслибы, однимъ словомъ, этого нельзя было взвѣсить, смѣрить и, такъ сказать, перстами ощупать.

Вотъ эти кричащія цифры. Въ первый годъ существованія ирбитскаго земства, всѣхъ земскихъ налоговъ, процентно, падало:

на государственныя имущества	1,0%
» торговые документы . . .	4,1%
» имущества землевладѣльцевъ	7,0%
» городскія имущества . . .	8,9%
» крестьянскія имущества!!! .	79,0%

Городской сапогъ обиженъ на 4 процента, щегольской помѣщичій ботинокъ на 7 процентовъ, а деревенскій мочальный лапоть на 79 процентовъ, т.-е. мочальный лапоть оказался драгоцѣнностью въ сравненіи съ сапогомъ и ботинкомъ. «Кому меньше дано, съ того больше взыщется»: такъ исторія извратила великую евангельскую истину.

Но на другой годъ земство одумалось. Оно видитъ, что лапоть слишкомъ много несетъ. Сбавили съ лаптя, накинули на другихъ. Во второмъ исправленномъ изданіи земской обиды налоги падали:

на государственныя имущества	уже не	1,0%,	а	3,50%
» торговые документы . .	» »	4,1%,	»	3.42%
» имущества землевладѣльцевъ	» »	7,0%,	»	9,29%
» городскія имущества . .	» »	8,9%,	»	6,04%
» лапоть	» »	79%,	»	77,75%

Съ лаптя *сбавили* 1¼%. Годъ земской жизни и земскаго опыта, значитъ, не прошелъ даромъ, и зато земству лапоть долженъ поклониться до земли, а, вмѣстѣ съ лаптемъ, и мы, лаптевы дѣти, земно кланяемся.

Еще проходитъ годъ. Выходитъ третье, вновь исправленное изданіе земской обиды. Но къ этому мы должны прибавить весьма важное обстоятельство: смета, облегчившая лапоть на 1¼%, была опротестована губернаторомъ и представлена въ сенатъ. За что—мы не знаемъ. Кàкъ бы то ни было, ирбитское

земство стояло на своемъ. На третій годъ своей жизни оно еще облегчило лапоть. Процентно, оно такъ распредѣлило свои налоги:

на казну . .	9,81%,	т. е.	противъ	1-го	года	*возвысило* на	8,81%
» помѣщика	14,90%,	»	»	»	»	» »	7,90%
» купца . .	4,80%,	»	»	»	»	» »	0,79%
» городъ .	15,13%,	»	»	»	»	» »	6,23%
» лапоть .	55,36%,	»	»	»	»	*облегчило* »	22,64%

Такимъ образомъ, два года земской жизни уже успѣли дать незамѣнимые результаты по нѣкоторымъ земствамъ: снята значительная часть тягостей съ тѣхъ именно сословій, которыя наиболѣе въ этомъ нуждались. Еслибы то же самое было и по другимъ земствамъ, то историкъ имѣлъ бы право сказать, что та историческая обида, которая выпала на долю значительной части населенія русской земли — обида, которую пѣвецъ слова о полку Игоря назвалъ бы «обидою Дажбога внука»—сходитъ съ лица русской земли, какъ историческій загаръ, и очищаетъ этотъ величавый ȍбразъ. Кȁкъ бы то ни было, но еслибы возможно было на основаніи всей массы цифроваго матеріала, который накопился въ теченіи десятилѣтняго существованія русскаго земства, составить полную статистическую сводку, за всѣ десять лѣтъ и по всѣмъ земствамъ, всѣхъ земскихъ сметъ и раскладокъ, съ показаніемъ всѣхъ предметовъ обложенія и основаній этого обложенія, а равно всѣхъ расходовъ попредметно, съ процентными отношеніями къ населенію, къ землѣ, къ имуществу, къ заработку, къ доходности имуществъ, еслибы подобная капитальная работа была выполнена, то она могла бы послужить и русскому земству, и государству тѣмъ спасительнымъ клубкомъ Аріадны, который помогъ бы имъ въ безконечномъ лабиринтѣ историческихъ ошибокъ и экономическихъ недоразумѣній найти и уничтожить страшнаго Минотавра, цѣлыя тысячелѣтія пожирающаго и экономическія, и нравственныя силы Россіи. Повторяемъ, еслибъ въ каждомъ земствѣ было хоть по одному такому работнику, какимъ является ирбитскій гласный, «потомственный почетный гражданинъ» Смышляевъ, то исполненіе сейчасъ названнаго нами статистическаго труда было бы вполнѣ возможно, а русскую статистическую науку трудъ этотъ обогатилъ бы драгоцѣннымъ вкладомъ.

Но какъ у всякаго мудреца, хотя бы и Сократа, есть своя сварливая Ксантиппа, которая во всѣхъ геніальныхъ рѣчахъ величайшаго философа древности находила какую-либо слабую сторону и грызла ему за это голову, а иногда самымъ недостойнымъ образомъ обливала благородную лысину философа по-

моями, такъ и у г. Смышляева нашлась своя Ксантиппа: это — гласный Дмитрій Ѳадѣевичъ Юшковъ. Свойство ли это вообще всего пермскаго края—придирчивость и обидчивость, или г. Смышляевъ своею безпокойною земскою дѣятельностью создаетъ себѣ враговъ и завистниковъ — неизвѣстно; только г. Юшковъ накинулся на г. Смышляева за ту дѣльную записку о раскладкахъ земскихъ сборовъ, о которой мы сейчасъ говорили, и накинулся не на сущность дѣла, а вообразилъ, что г. Смышляевъ намѣренно наступилъ на земскую мозоль г. Юшкова и на мозоль всего ирбитскаго земства, носящаго, повидимому, слишкомъ узкіе земскіе сапоги. Г. Юшковъ подалъ въ собраніе весьма странное заявленіе такого содержанія: «Въ утреннее засѣданіе земскаго собранія въ 20-е сего сентября, гласный Смышляевъ передалъ своимъ товарищамъ, то-есть, прочимъ гласнымъ, въ томъ числѣ и мнѣ, по печатному экземпляру записки о раскладкахъ. Въ какой типографіи и съ какого разрѣшенія печатана эта записка, о томъ надписи на ней нѣтъ, также она не подписана и самимъ Смышляевымъ. Впрочемъ, не въ томъ дѣло, а въ слѣдующемъ. Смышляевъ изволилъ въ ней выражаться такъ: «*предлагаю* (или *приказываю*—переводъ г. Юшкова) гг. гласнымъ сдѣлать то-то», «*предлагаю* (или *приказываю*—тоже вольный переводъ г. Юшкова) земскому собранію его программу утвердить». Зная, что въ настоящее время Смышляевъ несетъ обязанность предсѣдателя губернской управы, по объясненнымъ выраженіямъ я прихожу въ затрудненіе, ка̀къ признавать Смышляева въ собраніи—такимъ ли гласнымъ, какъ я, или инымъ чѣмъ? Покорнѣйше прошу собраніе вывести меня изъ этого затрудненія, разъяснивъ, ка̀къ признавать Смышляева—гласнымъ ли собранія, или какимъ-либо начальствующимъ лицомъ; если же Смышляевъ такой же гласный, какъ и я, то покорнѣйше прошу собраніе порекомендовать ему воздержаться отъ предложеній, въ прямомъ смыслѣ—приказаній собранію и гласнымъ. По прочтеніи сего, покорнѣйше прошу приложить оное къ журналу собранія». Дѣйствительно, оное и приложено. Мало того, собраніе должно было читать это предостереженіе и разсуждать объ немъ. Впрочемъ, г. Пушкаревъ, другой гласный, тотчасъ же указалъ г. Юшкову на его незнакомство съ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, гдѣ въ ст. 83-й сказано, что собранія приступаютъ къ разсмотрѣнію дѣлъ по «предложеніямъ» предсѣдателя или «членовъ» собранія. «Слѣдовательно (пояснилъ г. Пушкаревъ), гласный дѣлаетъ предложеніе въ собраніи не какъ начальствующее лицо, а какъ равный равному». Кромѣ того, г. Юшкову поясне-

но было, что г. Смышляевъ въ запискѣ своей ужь исправилъ ужасныя выраженія, такъ оскорбившія г. Юшкова, и, вмѣсто «предлагаю», написалъ собственною рукою «имѣю честь предложить». Только послѣ этого, строгая ирбитская Ксантиппа успокоилась.

Опасаясь, въ ущербъ другимъ земствамъ, долго засиживаться въ ирбитскомъ и возбуждать неудовольствіе тысячъ другихъ земскихъ дѣятелей похвальбою такихъ дѣльныхъ азіатовъ, какъ Смышляевы, Тугариновы, Уринцевы, Иконниковы, Лукины, Трапезниковы, Шеломенцовы, Шальковы и иные сибиряки, мы не станемъ особенно распространяться ни о томъ, что въ ирбитскомъ земствѣ, къ удивленью нашему, въ запасныхъ магазинахъ найденъ нами хлѣбъ, а не мыши и не голубиный пометъ, какъ въ другихъ земствахъ; ни о томъ, что народъ лечится отъ голода хлѣбомъ, а не рецептами, и врачъ Рудольскій вообще очень жарко ратуетъ противъ того, что въ медицинѣ признано именовать «голодною діэтою», доводящею голодныхъ крестьянъ до тифа; ни о томъ, что азіаты эти посылаютъ крестьянскихъ дѣтей нетолько въ школы, но въ гимназіи и въ университеты, какъ мужичонка-ирбитяка Зенкова, нынѣ студента казанскаго университета; ни о томъ, наконецъ, что азіяты эти хлопочутъ объ «отвлеченіи народа, посредствомъ полезнаго и занимательнаго развлеченія, отъ кабака» и даже подумываютъ о вечернихъ чтеніяхъ для взрослыхъ мужичковъ; что учитель Ляпустинъ сочинилъ даже для азіатовъ особую программу чтенія, и азіатскія фантазіи ирбитяковъ такъ понравились начальству, что оно желало бы само раньше прочесть то, что̀ будутъ слушать мужички, и требуетъ, чтобы даже г. министръ народнаго просвѣщенія прочелъ сочиненіе ирбитяковъ и одобрилъ ихъ и чтобы они «не говорились, а читались» народу по тексту, одобренному министромъ народнаго просвѣщенія, а иначе необразованные азіаты могутъ ошибаться, говоря наизустъ свои сочиненія и т. д. Вообще, повторяемъ, мы не хотимъ дразнить другія земства, хваля сибиряковъ, изъ опасенія, чтобы этимъ послѣднимъ отъ другихъ земствъ не досталось тоже, что̀ досталось отъ Бога Аполлона одному музыканту, игравшему лучше самого Аполлона, этого Рубинштейна древняго міра (Журн. четвер. очер. ирбит. уѣзд. зем. собр. и доклады и т. д. *Ирбитъ*, 1874, стр. 4, 7—24, 30, 32, 33, 301—304, 321, 374, 379).

XV.

Мы—въ городѣ Брянскѣ, Орловской Губерніи. Это—тотъ старомосковскій «Брянескъ», гнѣздо царское и московское слуховое окно, откуда зоркая Москва наблюдала когда-то, что̀ дѣлаетъ ея старшая, безталанная сестрица-вдовица Малороссія, только что разорвавшая брачныя связи съ безгосподарною, гульливою Рѣчью Посполитою, а бояринъ и воевода князь Сенька Щербатой, царское «недреманное око», сидѣвшій во Брянскѣ, «накрѣпко смотрѣлъ» и доносилъ «тишайшему» царю Алексѣю Михайловичу всея Русіи, ка̀къ вѣрные холопи и воеводы его царскаго величества, Петрушка Шереметевъ, князь Гришка Ромодановской, князь Гришка Козловской да Митька Рагозинъ и товарищи, московскимъ платьемъ обряжали и московскимъ хлѣбомъ кормили бѣдную сестру вдовицу, голодную и раззоренную съ ея безталанными и талантливыми гетманами, Юраскою Хмельницкимъ, Демкою многогрѣшнымъ да Петрушкою Дорошенкомъ, и вдоволь ли снабжалася горькая вдовица, старшая сестрица Украина, и царскими ратными людьми, и царскимъ кормомъ, и царскою казною съ платьемъ цвѣтнымъ, съ пищалями затинными... И все-то съ тѣхъ поръ крѣпко измѣнилось—и талантливая, удачливая Москва, младшая сестрица всероссійская, и безталанливая, неудачливая Малороссія, старшая сестрица всея Русіи, и гульливая Рѣчь Посполитая, и этотъ городъ Брянескъ, гдѣ сидѣлъ вѣрный слуга «тишайшаго» царя, князь Сенька Щербатой, царское «недреманное око». Бояре и воеводы стали земскими дѣятелями, въ томъ числѣ и потомки князя Сеньки Щербатова, князья Щербатовы, и самъ городъ Брянескъ сталъ земскимъ городомъ... Не тотъ уже это городъ, что̀ былъ, не тѣ уже это люди, что̀ были, не тѣ уже у нихъ рѣчи...

Послушаемъ же этихъ новыхъ рѣчей, а старыя—не помянемъ лихомъ: скажемъ имъ, какъ и людямъ, говорившимъ ихъ, «вѣчную память», «вѣчную историческую память».

Передъ нами—дитя нашего времени. Это—молоденькая дѣвушка, дочь священника брянской христорождественской церкви, Анастасія Знаменская, которую руководящій голосъ времени ведетъ на трудъ, незнакомый прежней русской женщинѣ, на подвигъ своего рода, тотъ подвигъ, который, будучи совершенъ въ иной формѣ, высоко поставилъ въ человѣческой памяти имена такихъ древнихъ русскихъ женщинъ, какъ Іуліанія Лазаревская,

Евфросинія Полоцкая и иныя: подвигъ этотъ—служеніе своему ближнему.

«Предъ вами, господа гласные, молодая дѣвица, желающая посвятить себя на пользу человѣчеству и сознающая въ себѣ силу къ честному исполненію обязанности, на которую она себя опредѣляетъ. Но у нея нѣтъ средствъ пробить себѣ путь; нѣтъ никакой возможности стать на ноги. Къ вашему человѣколюбію, господа гласные, обращаюсь я».

Съ такимъ словомъ относится къ брянскому земству молоденькая дѣвушка. Да́, это—не тѣ рѣчи, не старыя. Это—даже не тѣ рѣчи, которыя мы слышали уже отъ крестьянскаго мальчика, Яши Соколова, воспитанника седьмого класса тверской гимназіи, обращенныя къ бывшимъ своимъ «господамъ» съ просьбою—дать крестьянскому сыну возможность увидѣть свѣтъ науки и внести этотъ свѣтъ въ то темное царство, изъ котораго весьегонскій крестьянскій сынъ самъ вышелъ. Здѣсь уже дѣвушка проситъ о субсидіи для поступленія на женскіе курсы при петербургской медико-хирургической академіи.

«Я не съ тѣмъ прошу васъ, господа гласные (говоритъ она далѣе), чтобы оказаться неблагодарною земству, помогшему мнѣ, но съ любовью беру на себя трудъ отслужить впослѣдствіи земству на своей родинѣ срокъ, который будетъ угодно ему наложить, или же, если земству не угодно будетъ этого, обязуюсь выплатить то, что̀ издержитъ оно на помощь мнѣ. Смѣю надѣяться, что земство не отнесется недовѣрчиво къ моимъ силамъ, какъ силамъ молодой женщины. *Силы духа и энергіи измѣряются не лѣтами и поломъ*, но сознаніемъ долга и любовью къ человѣчеству. Искреннее желаніе мое—поступить на женскіе медицинскіе курсы—не можетъ быть выполнено безъ содѣйствія вашего, господа гласные. Докажите своимъ пожертвованіемъ, что вы и въ провинціи сочувствуете святому и полезному дѣлу серьёзнаго женскаго образованія, и не откажите въ просьбѣ женщинѣ, изъ среды васъ же идущей на трудъ».

Это говоритъ молоденькая поповна изъ города Брянска, изъ того Брянска, гдѣ, за двѣсти лѣтъ до этого, сидѣлъ воеводою князь Семенъ Щербатой и не подозрѣвалъ, что въ Брянскѣ когда-то будетъ земское собраніе, не такое собраніе, какъ былъ ихъ московскій «земскій соборъ», осудившій патріарха Никона за ересь и «новшества», и что на этомъ собраніи будетъ слышенъ голосъ русской женщины, русской дѣвушки, молодой поповны, которая уже не монашескаго ищетъ подвига, а другого, мірского подвига, и ищетъ достигнуть его изученіемъ того, отчего у князя Семена Щербатова волосы на головѣ дыбомъ стали бы.

Посмотримъ же, каково это земство — брянское, къ которому обращается съ такими рѣчами женщина.

Если что̀ безошибочно можно сказать о брянскомъ земствѣ, такъ это то, что оно—живое земство. Это—не сонный субъектъ въ земщинѣ, не мертвечина, какихъ мы видѣли не мало, а что̀-то въ высшей степени подвижное, дѣятельное, неугомонное. Брянскіе гласные, это—все народъ, какъ кажется, горячій, все это народъ—спорщики. И то хорошо: все лучше, чѣмъ спать и нетолько ничего не дѣлать, но лѣниться даже говорить о дѣлѣ. Не таковы брянцы: если они не много, можетъ быть, дѣлаютъ, но зато много суетятся, много спорятъ, ссорятся до обиды, до болѣзненнаго раздраженія. Безспорно, что они хотятъ что̀-либо сдѣлать, и, конечно, сдѣлаютъ. Такъ, едва только открылось очередное собраніе 1873 года и, по избранію секретаремъ сессіи г. Жадкевича, предсѣдательствующій гласный Нарожницкій предложилъ на разсмотрѣніе собранія проектъ правилъ о порядкѣ въ засѣданіяхъ, какъ это сдѣлано многими земствами, война въ собраніи запылала немедленно. Гласный Невіандтъ заявляетъ, что никакого регламента для собраній не нужно, что если регламентъ утвердить, то въ основаніе постановленій можетъ «вкрасться поспѣшность» и вопросы должны будутъ постоянно перерѣшаться и т. д. Напротивъ, гласный Ротрофи доказываетъ, что регламентъ необходимъ. «Нельзя составить себѣ идеальнаго понятія объ абсолютной безошибочности дѣйствій гласныхъ (говоритъ онъ) и нельзя лишить ихъ права поправить свою ошибку, буде они ее сознаютъ: подобные регламенты приняты даже и въ губернскихъ собраніяхъ, гдѣ уѣзды избираютъ людей, пользующихся наибольшимъ довѣріемъ». На Ротрофи нападаетъ гласный Зебергъ... Странно, въ Брянскѣ, въ въ томъ чисто-московскомъ гнѣздѣ, гдѣ сидѣлъ когда-то царскій глазъ, князь Семенъ Щербатой, въ этомъ русскомъ гнѣздѣ попадаются теперь все не русскія, не славянскія даже фамиліи— Ротрофи, Невіандтъ, Зебергъ... Впрочемъ, дальше будутъ и русскія. Дѣйствительно, такимъ чисто-русскимъ является гласный Азаровъ-Храповъ. Это—одна изъ самыхъ безпокойныхъ личностей брянскаго земства: это, буквально—крикунъ, голосъ котораго въ собраніи слышенъ постоянно, и притомъ въ тонѣ настойчивомъ, азартномъ, въ тонѣ прапорщика, готоваго вызвать на дуэль всякаго, кто подвернется. Это—одна изъ тѣхъ хорошихъ, широкихъ натуръ, широкихъ не по мозгу, а по темпераменту, о которыхъ говорится. «на правду чортъ». Такъ, едва прочли вторую статью регламента, гдѣ говорится, что всякій прибывающій и выбывающій изъ собранія гласный записывается секретаремъ для счета

голосовъ, какъ г. Азаровъ-Храповъ уже возвышаетъ голосъ, что подобное записыванье прибывающихъ и выбывающихъ «будетъ стѣснять свободу дѣйствій гласныхъ». Читаютъ третью статью о томъ, что всякій гласный, подававшій голосъ въ собраніи, долженъ подписать общій журналъ, а если желаетъ подать особое мнѣніе, то прилагаетъ его къ журналу—и г. Азаровъ-Храповъ опять недоволенъ: «недопущеніе отдѣльной личности исправлять сказанное имъ и невѣрно занесенное въ журналъ, по его мнѣнію, будетъ вести къ подчиненію словъ гласнаго волѣ секретаря». Ему возражаетъ г. Ротрофи, что, если допустить каждаго гласнаго исправлять редакцію журнала, «то можно будетъ завтра отрицать то, что̀ было сказано сегодня». Но г. Азаровъ-Храповъ не унимается: онъ не терпитъ никакого подчиненія своей воли чьей бы то ни было другой волѣ. По поводу 11-й статьи регламента—что секретарь записываетъ въ черновую записку все, что̀ происходитъ въ собраніи—г. Азаровъ-Храповъ заявляетъ, что это—«нарушеніе правъ гласныхъ», что гласные «обязаны дать отчетъ только своимъ избирателямъ по закону и принятой присягѣ», что «мнѣніе свое они не обязаны подчинять волѣ собранія», что «нечитаніе тѣхъ заявленій, которыя подаются въ собраніе, несправедливо, какъ наносящее подавшей личности нравственное оскорбленіе» и пошелъ, и пошелъ... Каждый пунктъ регламента г. Азаровъ-Храповъ беретъ въ обѣ руки и вытряхиваетъ изъ него все: цѣлымъ онъ не оставляетъ ни одного слова. Мало того—во всю сессію не умолкаетъ его голосъ, и буквально каждаго гласнаго, каждое заявленіе, каждую мысль г. Азаровъ-Храповъ вызываетъ на словесный поединокъ и—или побиваетъ ихъ, или самъ остается побитымъ; но затѣмъ опять тотчасъ же идетъ въ бой.

Вообще, нельзя не замѣтить, что почти во всѣхъ земствахъ, особенно въ наиболѣе живыхъ, есть или свои вожаки, которые всѣхъ будятъ своимъ голосомъ, или свои Киты Китычи, какъ г. Азаровъ-Храповъ, которые тоже отчасти дѣйствуютъ возбудительно. Все первое засѣданіе, какъ мы видѣли, голосъ г. Азарова-Храпова покрывалъ все собраніе. На другой день—тоже самое. I. Жадкевичъ, секретарь собранія, читаетъ журналъ предыдущаго собранія. Г. Азаровъ-Храповъ замѣчаетъ, что его рѣчь «неясно изложена въ журналѣ». Журналъ исправляютъ, но г. Жадкевичъ объявляетъ, что онъ, «по случаю болѣзни, не можетъ болѣе оставаться секретаремъ собранія». И г. Азаровъ-Храповъ тотчасъ же выражаетъ «удивленіе, что, вслѣдъ за указаніемъ лишь на неясно изложенное въ журналѣ, секретарь собранія объявилъ себя больнымъ». И г. Жадкевичъ удаляется изъ собранія, о чемъ

лаконически записывается въ журналъ: «выбылъ гласный Жадкевичъ». Избирается новый секретарь—г. Эльтеновъ. Собраніе приступаетъ къ обсужденію сметы земскихъ расходовъ на слѣдующій годъ—и здѣсь парламентскіе таланты г. Азарова-Храпова выказываются въ поразительномъ блескѣ. Нескончаемую войну вызываетъ расходъ на подводную повинность, которую земство изъ натуральной желало бы превратить въ денежную, хоть по частямъ. Г. Азаровъ-Храповъ возстаетъ противъ этого всею силою своего краснорѣчія. Мало того: онъ не довольствуется громомъ своихъ рѣчей. Онъ идетъ дальше Цицерона: у того были только Катилина и Верресъ, которыхъ онъ громилъ; а у брянскаго Цицерона всѣ—Верресы и всѣ—Катилины: Онъ подаетъ въ собраніе, на особомъ бланкѣ Азарова-Храпова, письменную катилинаду, въ которой обнаруживаетъ, что онъ нетолько не въ ладу со всѣми гласными, но не въ ладу и съ русской грамматикой, постоянно имъ оскорбляемой. Видно, что онъ не желаетъ подчинять свою волю не только «волѣ собранія», но и деспотизму русской этимологіи и русскаго синтаксиса: онъ самъ—этимологія и синтаксисъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой катилинады, воспроизводимыя нами съ дипломатической, мало того—съ палеографической точностью, изъ опасенія, чтобы г. Азаровъ-Храповъ не напалъ на насъ за искаженіе его рѣчи, какъ онъ напалъ на секретаря Жадкевича и заставилъ его даже захворать. «Усмотрѣвъ изъ отчетовъ управы вредъ для всего земства и отправленія службы чиновниками, отъ установленія подводной повинности въ денежную въ той формѣ, какъ принято къ исполненію брянскимъ земскимъ собраніемъ, который заключается въ слѣдующемъ: 1) для земства я предвижу увеличеніе суммы 21,490 руб. на подводную повинность; ибо наемъ станцій 27 съ слѣдователемъ Ястребовымъ обошлось 20,003 р. 58 к., слѣдовательно остается 1486 р. 42 к., на разъѣзды внѣ станцій по селеніямъ, чего недостаточно; 2) предвижу необходимость въ каждой деревнѣ имѣть лицо, которое, за 10 верстъ могло бы сходить за лошадьми, слѣдовательно, еще сумма; 3) по случаю неосторожнаго найма слѣдователя Ястребова, за 252 руб. на выѣздъ изъ мѣста жительства до станціи, предвижу требованіе отъ всѣхъ слѣдователей денегъ на выѣзды; 4) предвижу требованіе отъ судебныхъ приставовъ; 5) требованіе перевозчиковъ по рѣкамъ, за перевозы земской почты и проч. Я предвижу, что эти требованія возвысятъ бюджетъ подводной повинности до полнаго раззоренія земства и, все-таки, не удовлетворятъ чиновниковъ; вредъ при отправленіи службы чиновниковъ слѣдующій: 1) чиновники на станціяхъ будутъ ждать

лошадей; 2) послать 10 верстъ за лошадьми и обратно 20 верстъ и ждать когда придутъ, и сидѣть по суткамъ въ ожиданіи посланнаго, когда, можетъ быть, и ѣхать-то верстъ 5. Я считаю мѣрой неразумной и противузаконной, возлагающей на брянское земство всю тяжесть отвѣтственности за парализованіе дѣятельности службы предъ судомъ и дающей право требовать отъ земства убытки, которые могутъ произойти отъ замедленія чиновниковъ». Вѣдь, все это дѣйствительно дѣльно, хотя выражено немножко по цицероновски. Далѣе, г. Азаровъ-Храповъ говоритъ, что чиновникамъ слѣдуетъ выдать разгонныя шнуровыя книги съ прогонными деньгами для разъѣздовъ по дѣламъ, что̀ и будетъ служить для земства указаніемъ, какія дѣла̀ и *«полезна ли служба»*. Значитъ, онъ предоставляетъ земству даже контролировать полезность и безполезность службы чиновниковъ. Развѣ это—не дѣло, особенно когда г. Азаровъ-Храповъ на грошъ не вѣритъ новымъ чиновникамъ, въ родѣ слѣдователей, говоря, что «они ограничиваются введеніемъ дѣлъ почти въ своихъ квартирахъ, а слѣдственныя дѣла̀ нетолько открываютъ, но, напротивъ, своею недѣятельностью закрываютъ»... Во время преній по этому предмету, г. Ротрофи выражаетъ опасеніе, что, если полиціи не дать разъѣздныхъ денегъ, то «неизбѣжно явится много неудовольствій со стороны полиціи и столкновеній съ нею». На это г. Невіандтъ возражаетъ, что «бояться столкновеній въ благоустроенномъ обществѣ нѐчего», а г. Азаровъ-Храповъ успокиваетъ собраніе, что земству нѐчего бояться «притѣсненій со стороны полиціи». Но другіе гласные настаиваютъ, что деньги для полиціи нужны, чтобъ нанимать свободныхъ подводчиковъ, а иначе законтрактованнымъ лошадямъ будетъ слишкомъ тяжело. «Опасаются, что полиція загоняетъ лошадей (снова вставляетъ свое слово г. Азаровъ-Храповъ): значитъ, вдвое нужно увеличить расходъ, чтобы она не загоняла лошадей...» При всемъ томъ, г. Азаровъ-Храповъ остается побѣжденнымъ: собраніе рѣшаетъ внести въ смету сумму на разъѣзды полиціи. Тогда г. Азаровъ-Храповъ требуетъ хоть въ журналъ занести, что эта сумма «вносится земствомъ въ смету *изъ боязни*, чтобы полиція не загоняла подводъ...»

Но вотъ собраніе приступаетъ къ обсужденію катилинады г. Азарова-Храпова, выдержки изъ которой мы привели выше. И снова въ собраніи завязывается бой—«и грянулъ бой—полтавскій бой!» Г. Мальцевъ отрицаетъ законность катилинады—право земства требовать отъ чиновниковъ отчетовъ въ деньгахъ и дѣлахъ — и говоритъ, что азарово-храповской шнуровой книги чиновники не примутъ. «Я нахожу эту книгу пріятнымъ вообра-

женіемъ и не отвергаю желанія гласнаго Азарова-Храпова услужить земству, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю лишнимъ терять время на обсужденіе предложенія, противнаго существующимъ законамъ». Это — вызовъ г. Азарова-Храпова на смертный бой. Г. Мальцева поддерживаетъ г. Ротрофи. «Я жалѣю, что столкнулся съ личнымъ нежеланіемъ принять мою систему», ядовито замѣчаетъ г. Азаровъ-Храповъ, а потомъ, обращаясь къ г. Ротрофи, какъ къ предсѣдателю управы, еще ядовитѣе поясняетъ:— «Я желалъ бы, чтобы мой проектъ отнюдь не обсуждался *членами управы...»* Но г. Ротрофи остается неуязвимъ. «Такъ какъ г. Азаровъ-Храповъ, въ своихъ заявленіяхъ, относится лично ко мнѣ (говоритъ онъ), то я считаю нужнымъ заявить, что оставляю его заявленіе безъ возраженія, опираясь на довѣріе собранія». Кàкъ ни одинокъ, повидимому, г. Азаровъ-Храповъ, но и у него является союзникъ — гласный Сморчевскій, который говоритъ, что прежняя система взиманія у крестьянъ лошадей не легка для крестьянъ. «Если гласные изъ крестьянъ находятъ (прибавляетъ онъ), что жалобъ на эту систему отъ крестьянъ нѣтъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что система хороша: крестьяне не жалуются, когда берутъ теперь 10 подводъ, какъ не жаловались и прежде, когда брали 100 подводъ». А г. Азаровъ-Храповъ еще ярче иллюстрируетъ смыслъ рѣчи г. Сморчевскаго, говоря: «Прежде крестьянинъ не платилъ, но везъ, а теперь платитъ—и попрежнему везетъ...» И снова говоритъ, что жалобы на старую систему есть, только ихъ не предъявляютъ собранію: это—намёкъ на г. Ротрофи. Наконецъ, и г. Ротрофи не выдерживаетъ этого испытанія со стороны непобѣдимаго Карла XII— Азарова-Храпова, и проситъ собраніе прочесть жалобы. «Въ виду страшныхъ обвиненій гласнаго Азарова-Храпова и возможности зарожденія въ умахъ гласныхъ понятія о какой-то страшной виновности моей, я прошу собраніе дозволить мнѣ немедленно прочитать жалобы и дать на нихъ объясненія», говоритъ онъ не безъ раздраженія. Затѣмъ читаются жалобы, даются на нихъ объясненія. Карлъ XII раненъ — онъ уже на носилкахъ передъ войсками: «и слабымъ маніемъ руки на русскихъ двинулъ онъ полки». Онъ говоритъ, что крестьяне безропотно возятъ чиновниковъ; зачѣмъ же еще имѣть особые станціонные пункты и издерживать на нихъ 21 тысячу? «Крестьяне должны возить и теперь, какъ возили и до платежа означенной суммы: поэтому лучше было сжечь эту 21 тысячу!..» Онъ такъ и остался при этомъ мнѣніи—«сжечь 21 тысячу».

Въ третьемъ засѣданіи — та же война. Тутъ уже рѣчь идетъ не о подводахъ, а о народномъ образованіи. Нѣкоторые глас-

ные заявляютъ о «холодности крестьянъ къ школамъ». Другіе говорятъ, что въ холодности этой виноватъ училищный совѣтъ—никто носу не показываетъ въ школы, никто объ нихъ не заботится. Г. Зебергъ обращаетъ вниманіе на то, что училищная казенная администрація вовсе не заботится о воспитаніи дѣвочекъ. Г. Мальцевъ говоритъ, что посредники также совершенно не посѣщаютъ школъ—не заохочиваютъ и крестьянъ къ ученью. Пока шла рѣчь объ училищахъ, г. Азаровъ-Храповъ молчалъ; но, когда заговорили о мировыхъ посредникахъ, о ихъ бездѣятельности, г. Азаровъ-Храповъ выражаетъ свое «сочувствіе» г. Мальцеву и заявляетъ, что, «когда у него произошла порубка и когда староста не оказалъ никакой помощи...» Но тутъ совершается нѣчто необыкновенное: предсѣдатель собранія останавливаетъ г. Азарова-Храпова, проситъ—не отклоняться отъ предмета преній. Но остановить г. АзароваХрапова, это—все равно, что остановить шаръ земной, заставить Волгу идти вспять... «Гласный Азаровъ-Храповъ (значится въ журналѣ) *продолжаетъ* свое заявленіе...» Предсѣдатель его вновь останавливаетъ... «Гласный Азаровъ-Храповъ *продолжаетъ* свое заявленіе...»

Въ четвертомъ засѣданіи—снова бой Азарова-Храпова съ Ротрофи. Предсѣдатель снова останавливаетъ шаръ земной—но все напрасно.

Замѣчательна въ брянскомъ земствѣ система записыванія въ журналъ *всего*, что происходитъ въ собраніи. Такъ, когда въ четвертомъ засѣданіи шли пренія о прибавкѣ жалованья членамъ управы и когда вопросъ уже долженъ былъ вотироваться, въ журналѣ записано: «Выбылъ гласный Азаровъ-Храповъ». А черезъ три строки, гдѣ сказано, что собраніе постановило прибавить управѣ жалованье, записано: «Прибылъ гласный Азаровъ-Храповъ». Слѣдовательно, онъ былъ въ отсутствіи—за дверью, не болѣе двухъ минутъ, чтобы только не подать своего голоса ни за, ни противъ. Стойкость замѣчательная.

Но онъ же, непобѣдимый г. Азаровъ-Храповъ, выступилъ борцомъ и противъ той дѣвушки, уже знакомой намъ Анастасіи Знаменской, симпатичное слово которой къ брянскому земству мы привели выше. Видно, что г. Азаровъ-Храповъ—не рыцарь прекраснаго пола и не сторонникъ «женскаго вопроса» и «женскаго труда». Когда въ собраніи прочитано было заявленіе г-жи Знаменской, то большинство гласныхъ сочувственно откликнулись на голосъ бѣдной дѣвушки: говорили, что они вполнѣ признаютъ «всю» ту пользу, которую можетъ принести женщина-медикъ»; что «только зарождающемуся столь полезному дѣлу слѣдуетъ помочь»; что помочь бѣдной дѣвушкѣ слѣдуетъ «и въ

уваженіе къ заслугамъ отца ея, всѣми уважаемой личности»; что, наконецъ, слѣдовало бы дѣвушку именовать стипендіаткою брянскаго земства; говорили даже, что ей слѣдуетъ дать стипендію безъ всякихъ съ ея стороны обязательствъ служить земству, что «лучшимъ обязательствомъ будетъ ея нравственный долгъ земству». И вотъ, собраніе, большинствомъ 29 голосовъ *противъ одного*, постановило выдавать дѣвушкѣ стипендію. Этотъ *одинъ* былъ — г. Азаровъ-Храповъ. «Гласный Азаровъ-Храповъ (значится въ журналѣ) просилъ записать его *въ меньшинствѣ*»: онъ одинъ составилъ это «меньшинство»—онъ, «губернскій орловскій и брянскій уѣздный гласный межеваго корпуса топографовъ штабс-капитанъ и кавалеръ Николай Ивановичъ Азаровъ-Храповъ», какъ онъ подписался подъ своею катилинадою полнымъ своимъ титуломъ. Подобно Людовику XIV, говорившему: «l'état-c'est moi», г. Азаровъ-Храповъ можетъ сказать также: «меньшинство, это—я». И дѣйствительно, г. Азаровъ-Храповъ—меньшинство...

Какъ бы то ни было, но эти безпрестанныя войны въ собраніи, несомнѣнно, впрочемъ, доказывающія, что брянское земство кладетъ у самаго сердца свою земскую работу, что земское дѣло для него—родное, кровное дитя, а не пасынокъ, не пріемышъ, какъ у нѣкоторыхъ другихъ земствъ, эти бурныя, но нисколько не предосудительныя схватки дѣятелей, повидимому, вредно отражаются на здоровьѣ секретарей брянскаго собранія: такъ, мы видѣли, что Жадкевичъ, избранный секретаремъ 30-го сентября, на другой же день захворалъ отъ нанесенной ему г. Азаровымъ-Храповымъ раны; избранный на его мѣсто г. Эльтеновъ могъ выдержать боевую жизнь только три дня—три засѣданія: 4-го октября, и онъ уже заявляетъ, что «чувствуетъ себя нездоровымъ» и проситъ замѣнить его другимъ лицомъ на настоящее засѣданіе. Его замѣняютъ, временно, г. Исуповымъ. Но г. Эльтеновъ не можетъ поправиться отъ ранъ, полученныхъ на полѣ земской чести, и на другой день, 5-го октября, окончательно слагаетъ съ себя боевые доспѣхи. На его мѣсто выбираютъ г. Алымова. Одинъ только Азаровъ-Храповъ не сходитъ съ своего боеваго коня. Когда заходитъ рѣчь объ учрежденіи въ Брянскѣ земской больницы, г. Азаровъ-Храповъ направляетъ своего боеваго коня прямо на городъ, съ которымъ онъ еще не воевалъ. Г. Азаровъ-Храповъ своимъ рыцарскимъ сердцемъ чувствуетъ, что городъ, выпивающій соки изъ уѣзда, не хочетъ нести равную тяготу съ уѣздомъ и поражаетъ за это городъ. Онъ требуетъ съ него контрибуцію въ пользу земской больницы. Затѣмъ, когда собраніе выражаетъ свою благодар-

ность управѣ за ея дѣятельность, г. Азаровъ-Храповъ тоже выражаетъ ей благодарность, но «въ то же время, не можетъ умолчать о мировыхъ судьяхъ, которые, не исполняя должность, получаютъ содержаніе, и полагалъ бы вмѣнить въ обязанность предсѣдателя управы таковымъ судьямъ жалованья не выдавать и доводить о томъ до свѣдѣнія земскаго собранія, указывая на то, что мировой судья Васильевъ, какъ ему извѣстно, давно уже не занимается дѣлами, а Карышевъ не служитъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, а содержаніе имъ идетъ, причемъ выразилъ желаніе, чтобы управа слѣдила за суммами, выдаваемыми судьямъ, въ интересахъ земства, и если отправлялось правосудіе, то за это слѣдуетъ только благодарить г. Сутоцкаго, но общество все-таки страдало»... Итакъ—вездѣ Азаровъ-Храповъ, вездѣ его зоркій глазъ, слѣдящій за земскою копейкою, какъ зоркій глазъ орлицы слѣдитъ за молодыми орлятами. Наконецъ, когда г. Мальцевъ предложилъ собранію повторить предъ правительствомъ ходатайство объ учрежденіи въ Брянскѣ реальнаго училища и когда г. Невіандтъ доказывалъ, что имъ нужно не реальное училище, а классическое, чтобы юноши имѣли «доступъ къ университету» и чтобы брянское земство могло «обладать тѣми умственными силами, которыя были бы способны къ высшему образованію», г. Азаровъ-Храповъ благородно выступилъ за реальное образованіе и говорилъ, что «хотя надежды на разрѣшеніе вопроса о реальномъ училищѣ слабы, но еще не потеряны...» (Журналы брянск. уѣзд. земск. собр. Орелъ, 1874 г., стр. 1, 2, 4, 6, 25, 27, 29—38, 40, 42, 49—52, 63—66, 70 75, 76, 79, 86, 91, 92, 96, 97, 108, 132, 133, 135, 193).

Разставаясь съ брянскимъ земствомъ, мы не можемъ не выразить самаго искренняго сочувствія опять-таки г. Азарову-Храпову за то, что его живое слово, съ которымъ, правда, не всегда можно соглашаться, будитъ и призываетъ на земскую работу всѣхъ, подобно той сербской пѣснѣ, которою всегда какой-нибудь сербъ-юнакъ запѣвало возбуждаетъ своихъ земляковъ къ войнѣ съ турками, монотонно день и ночь повторяя:

Устаj, устаj, србине!
Устаj на оружe!

И сербины встаютъ и идутъ на работу.

А гдѣ нѣтъ земскихъ запѣвалъ, гдѣ нѣтъ ни Азаровыхъ-Храповыхъ—брянскихъ, ни Смышляевыхъ—пермскихъ-ирбитскихъ, ни Мелединыхъ—екатеринбургскихъ, ни Коняевыхъ—соликамскихъ, ни Кисловскихъ—тверскихъ-весьегонскихъ, ни Скачковыхъ—красноуфимскихъ, тамъ земства спятъ непробуднымъ сномъ.

Вотъ, хоть бы сосѣднее съ брянскимъ земство—трубчевское,

тоже Орловской Губерніи. Сейчасъ замѣтно, что тутъ чего-то недостаетъ; а недостаетъ именно Азарова-Храпова. Вообще, трудно сказать, чтобы въ дѣятельности трубчевскаго земства можно было на чемъ-либо остановиться съ интересомъ: все это—какая-то плоскость, безцвѣтность, отсутствіе жизненности. Ищешь какихъ-либо мѣропріятій относительно обезпеченія народнаго продовольствія—и не находишь ничего сколько-нибудь замѣтнаго. Мѣропріятія санитарныя, объ оздоровленіи населенія—опять таже незамѣтность. Народное образованіе—и къ нему земство относится кàкъ-то бокомъ. Въ 1874 году, на народное образованіе было ассигновано всего 1,370 руб.—сумма очень скромная, даже слишкомъ стыдливая. На 1875 годъ назначаютъ 3,370 руб., на 2 тысячи болѣе—и собраніе почти молчкòмъ проходитъ этотъ актъ своей дѣятельности, оставляя въ своемъ журналѣ только тотъ слѣдъ, что сказанная сумма «должна поступить въ распоряженіе училищнаго совѣта, члены котораго, избранные отъ земства, обязываются доставлять земству ежегодно отчотъ въ расходованіи этихъ денегъ»—и только. Хоть бы слово о школахъ—никто даже и не пикнулъ. Правда, управа въ своемъ докладѣ пропищала нѣчто въ пользу народнаго образованія, сказала, что восьмилѣтняя дѣятельность земства по отношенію къ распредѣленію налоговъ, къ переложенію на деньги натуральныхъ повинностей подводной и дорожной, къ устройству медицины «способствовала если не къ замѣтному увеличенію благосостоянія, то къ видимому уменьшенію бѣдности трудоваго населенія уѣзда» и что земству «предстоитъ» еще рѣшеніе вопроса «объ образованіи подростающаго населенія для упроченія и развитія будущаго благосостоянія народа»; но тутъ же огрызнулась, что, до организаціи новаго училищнаго совѣта и до полученія отъ него свѣдѣній о школахъ, «всѣ земскіе расходы на нихъ пріостановить», а школы, содержимыя самими крестьянами и благотворителями—«оставить на прежнемъ положеніи», и что «земство не можетъ принять на себя громадный расходъ на устройство и содержаніе школы». Вотъ и все. Мало того: прибавка въ 2 тысячи рублей на школы въ 1875 году свалилась собственно съ неба—ее потому только допустили, что уничтожились мировые посредники, а съ ними и ихъ синекура.

Задумало трубчевское земство пріобрѣсти для своихъ помѣщеній и для больницы домъ. Такой домъ нашелся у своего же брата, гласнаго Курындина. По предложенію гласнаго П. П. Брусилова, котораго поддерживалъ гласный Ульященковъ, земство, не думая долго, покупаетъ этотъ домъ за 25 тысячъ. Но

на другой же день обдумывается—пускаетъ въ ходъ русскій умъ, т. е. «задній». Секретарь собранія, тоже Брусиловъ, но не Платонъ Павловичъ, а А. И., вдругъ заявляетъ, что вопросъ о покупкѣ дома, вопросъ «весьма важный», разрѣшенъ собраніемъ «слишкомъ поверхностно», что, ассигнововавъ на покупку дома 25 тысячъ, собраніе не объяснило, «изъ какихъ суммъ» произвести этотъ расходъ, что... Но тутъ оратора «останавливаетъ» предсѣдатель собранія, предводитель трубчевскаго дворянства, А. Я. Полетико: говоритъ, что сужденія о домѣ теперь «несвоевременны», что, если собраніе желаетъ «перерѣшить» вопросъ, то и онъ не прочь отъ этого «перерѣшенія». И собраніе, рѣшаясь «перерѣшить» вопросъ, «отмѣняетъ» свое вчерашнее постановленіе и постановляетъ новое. Развѣ г. Азаровъ-Храповъ допустилъ бы это въ Брянскѣ? А не будь въ Трубчевскѣ А. И. Брусилова, трубчевское земство купило бы себѣ домъ на невѣдомыя деньги.

Затѣмъ, на другой день, въ собраніи происходитъ такая исторія. Г. Полетико, предсѣдатель собранія и съѣзда мировыхъ судей, предлагаетъ собранію увеличить сумму на канцелярскіе расходы съѣзда и, обращаясь къ гласному А. И. Брусилову, проситъ его, чтобы онъ, г. Брусиловъ, какъ гласный и судья, поддержалъ его. Г. Брусиловъ отвѣчаетъ, что онъ «слышитъ объ этомъ въ первый разъ и проситъ пяти минутъ времени для совмѣстнаго обсужденія этого вопроса съ нимъ, предсѣдателемъ, или съ кѣмъ-либо изъ товарищей». Но предсѣдатель, «не давъ на это отвѣта», вотируетъ свое предложеніе—и оно проваливается. Далѣе, обсуждаются вопросы по медицинской части. Собраніе благодаритъ врачей за ихъ полезную дѣятельность. Оно благодаритъ и членовъ такъ-называемой медицинской комиссіи за содѣйствіе врачамъ. Но тутъ гласный Борзенковъ почему-то начинаетъ подмигивать духовными очами на «кого-то» изъ земства и предлагаетъ собранію вопросъ: слѣдуетъ ли благодарить «одного» изъ членовъ комиссіи, не раздѣлявшаго съ нею мнѣнія и не высказавшаго ей этого мнѣнія, а въ первый разъ доложившаго его собранію? На это духовное подмигиванье А. И. Брусиловъ отвѣчаетъ, что «мнѣнія гласныхъ не могутъ быть ни преслѣдуемы, ни ставиться въ укоръ тѣмъ, кому они принадлежатъ, и что достоинство собранія требуетъ, чтобы оно одинаково справедливо относилось ко всѣмъ дѣятелямъ, принимающимъ участіе въ трудахъ по предложеніямъ собранія». Послѣ этого, г. Борзенковъ болѣе не подмигиваетъ. Но зато на г. Полетико находитъ крайній скептицизмъ. Онъ подаетъ особое мнѣніе по медицинской части. Говоритъ, что онъ не вѣритъ «длиннымъ

отчетамъ» врачей; что въ нихъ онъ усматриваетъ только желаніе этихъ послѣднихъ выставиться своею дѣятельностью, которую собраніе не въ силахъ провѣрить; что, такъ какъ общественное мнѣніе не жалуется на недостатки въ медицинской части и не требуетъ улучшеній, то ясно, что «всѣ эти улучшенія нужны болѣе врачамъ, чѣмъ обществу»—однимъ словомъ: «ужь я не вѣрю увѣреньямъ, ужь я не вѣрую въ любовь». И, затѣмъ, на *шестомъ* засѣданіи все кончается—больше собранію дѣлать нѣчего, и оно благодаритъ за это своего предсѣдателя и секретаря. Опять повторяемъ—г. Азаровъ-Храповъ не дозволилъ бы этого.

Больше о дѣятельности трубчевскаго земства сказать нѣчего. Замѣтимъ развѣ только одно: что, въ то время, когда азіаты-ирбитяки на свои народныя школы ассигновали-болѣе 18% изъ *всего* своего земскаго бюджета, трубчевцы, ближе стоящіе къ Европѣ, чѣмъ ирбитяне, отсыпали на все свое народное образованіе, и то благодаря уничтоженію мировыхъ посредниковъ, всего только 4½% (постановленія 9-го очер. трубч. уѣзд. земск. собр. Орелъ, 1875 г., стр. 7, 15, 19—21, 23, 24, 27, 29, 31, 32, 78, 80 и 82).

СЪ НАТУРЫ.

I.

На морѣ тихо, на солнышкѣ знойно,
Берегъ какъ будто бы дремлетъ спокойно:
Не шелохнутся на деревѣ вѣтки
Лишь между камней, какъ малыя дѣтки,
Рѣзвыя мелкія волны играютъ,
Словно другъ друга шутя догоняютъ.
Къ морю купаться бѣжитъ цыганёнокъ
Чорный, курчавый, здоровый ребёнокъ.
Такъ и горятъ воровскіе глазёнки,
Смуглыя блещутъ на солнцѣ ручёнки,
Кинулся — поплылъ. Движенія смѣлы.
Будто изъ бронзы все отлито тѣло —
Славный мальчишка, хоть нищій, да вольный!
Съ берега смотритъ съ усмѣшкой довольной
Мать мальчугана, въ лохмотьяхъ картинныхъ,
Глазомъ сверкая подъ массою длинныхъ,
Взбитыхъ, какъ войлокъ, кудрявыхъ волосъ.
Взглядъ ея страстный къ сынишкѣ приросъ.
Шепчетъ она: «Ты хорошъ, мой галчёнокъ,
«Я родила тебя, мой цыганёнокъ!»

Въ мягкой коляскѣ заморской работы
Возятъ вдоль берега жалкое что̀-то,
Блѣдное, вялое, въ тонкихъ пелёнкахъ.
Въ кружевѣ, въ лентахъ—подобье ребёнка.
Личико бѣлое, все восковое,
Глазки усталые, тѣльце сквозное —

Видно, что смерть ужь его приласкала,
Пѣсенку спѣла ему — закачала...
Онъ подъ вуалями спитъ, какъ въ туманѣ.
Рядомъ плыветъ въ парчевомъ сарафанѣ
Мамка-красавица съ грудью продажной
Бѣлой гусынею — плавно и важно.
Барыня знатная — мать молодая—
Ихъ провожаетъ, глубоко вздыхая,
Смотритъ въ колясочку взглядомъ печальнымъ,
Смотритъ на море. По волнамъ зеркальнымъ
Смуглый мальчишка съ веселой улыбкой
Плаваетъ смѣло, какъ рѣзвая рыбка;
Знатная барыня завистью тайной
Вдругъ загорѣлась при встрѣчѣ случайной —
Думаетъ: «Боже мой, Боже великій!
«Вотъ... вѣдь, живетъ же звѣрокъ этотъ дикій,
«Счастіе далъ Ты цыганкѣ косматой...
«Нищая! нищая! какъ ты богата!»
Жаль мнѣ васъ, барыня! знаю, вамъ больно,
Но, вѣдь, у васъ утѣшеній довольно...
Все у васъ есть — все, что̀ счастьемъ зовется,
Нищей-цыганкѣ того не дается;
Даны зато ей здоровыя дѣти —
Изрѣдка есть справедливость на свѣтѣ.

II.

Любимыя куклы.

Двери отворили. Рады ребятишки —
Ёлка вся огнями залита до вышки;
Ёлка чудо-диво изъ волшебной сказки;
У счастливцевъ милыхъ разбѣжались глазки:
Прыгаютъ, смѣются, ушки на макушкѣ,
Мигомъ расхватали новыя игрушки;
Мальчикъ на лошадкѣ молодцемъ гарцуетъ
Въ киверѣ уланскомъ. Дѣвочка цалуетъ
Куклу изъ Парижа очень дорогую,
Съ синими глазами, модницу большую,
Въ завитомъ шиньонѣ, въ шлейфѣ и съ лорнеткой...
Ну, точь въ точь безъ лести, съ Невскаго лоретка.

Обнимая куклу ручкой бѣлоснѣжной,
Дѣвочка ей шепчетъ въ поцалуѣ нѣжномъ:
«Лучше этой куклы въ свѣтѣ нѣтъ, конечно!
«Ты моей любимой, душка, будешь вѣчно!»
Отъ большихъ, должно быть, дѣвочка слыхала
Это слово «вѣчно» и его сказала
Куклѣ-парижанкѣ важно такъ и мило.
На ребёнка съ куклой я гляжу уныло,
Жалко мнѣ чего-то стало вдругъ и больно...
О судьбѣ обѣихъ я грущу невольно.
Дѣвочка и кукла! Ахъ, ка̀къ вы похожи!
Въ жизни ожидаетъ васъ одно и то же:
Куколка-франтиха, предстоитъ вамъ горе,
Съ красотой своею вы проститесь вскорѣ;
Свѣженькое платье, сшитое въ Парижѣ,
И шиньонъ изящный, модный, свѣтлорыжій —
Мигомъ все растреплетъ рѣзвая вострушка...
Трудно и опасно въ свѣтѣ жить игрушкамъ...
На чердакъ васъ стащатъ съ головой пробитой —
Кукла-парижанка будетъ позабыта!
Милая шалунья въ золотыхъ кудряшкахъ,
Лѣтъ черезъ десятокъ и тебя, бѣдняжка,
Кто нибудь обниметъ, говоря, конечно,
Что любить намѣренъ пламенно и вѣчно —
Чьей нибудь забавой будешь ты навѣрно
Только не надолго, вотъ что̀ очень скверно.
Молодость и счастье будетъ все разбито —
Старая игрушка будетъ позабыта!
Ёлка догораетъ. Мальчикъ на лошадкѣ,
Въ киверѣ уланскомъ, уже дремлетъ сладко.
И, съ улыбкой счастья пробѣгая мимо,
Спать спѣшитъ малютка съ куклою любимой.
Что же я-то пла̀чу, охаю напрасно?
Можетъ быть, обѣихъ встрѣтитъ жизнь прекрасно—
Вѣдь, не всѣхъ же куколъ дѣти разбиваютъ,
А счастливыхъ женщинъ — развѣ не бываетъ?

А. Б.

ДЖЕННИ ДОНКАСТЕРЪ.

РОМАНЪ

Мистрисъ Фоусетъ.

Одна изъ самыхъ характеристическихъ особенностей современной англійской литературы — преобладаніе женщинъ-писательницъ, составляющихъ во всей остальной Европѣ блестящее исключеніе, рѣдкую диковину. То же самое было и въ Англіи до второй половины нашего столѣтія, и только въ послѣдніе годы писательница, такъ долго носившая презрительно-нелѣпую кличку «синій чулокъ», сдѣлалась явленіемъ обыденнымъ, нормальнымъ, такъ что легко можно насчитать до ста извѣстныхъ женскихъ именъ во всѣхъ отрасляхъ литературы, а въ изящной словесности женщины занимаютъ первенствующее мѣсто. Во главѣ англійскаго, а быть можетъ и всесвѣтнаго романа, этой излюбленной, популярной формы умственнаго движенія XIX вѣка, стоитъ Джорджъ Элліотъ [1], а за нею тянется длинная вереница второстепенныхъ романистокъ, нетолько выдерживающихъ съ честью борьбу за существованіе, но почти совершенно овладѣвшихъ областью, нѣкогда принадлежавшей исключительно мужчинамъ. Кому не извѣстны романы мистриссъ Фулертонъ, Нортонъ, Олифантъ, Кавана̀, Эдвардсъ, Ридель, Браддонъ, Іонгъ, Вудъ, Уида̀ (псевдонимъ знатной аристократки), миссъ Тэккерей, Флоренсъ Марьетъ, Мулакъ, Бруггонъ, Линъ Линтонъ и десятковъ другихъ писательницъ, наводняющихъ весь свѣтъ своими произведеніями, конечно, не отличающимися одинаковымъ достоинствомъ и талантомъ. Въ поэзіи женщины также играютъ

---

[1] Подъ этимъ знаменитымъ псевдонимомъ, какъ извѣстно, пишетъ миссъ Маріана Евансъ, дочь бѣднаго провинціальнаго пастора, которая, получивъ блестящее образованіе подъ руководствомъ Герберта Спенсера и составивъ себѣ сначала имя въ литературѣ, какъ переводчица «Lebens Iesu», Штрауса, заслужила своими романами: «Адамъ Бидъ», «Феликсъ Гольтъ» и пр. безспорную славу перваго англійскаго романиста послѣ смерти Диккенса и Тэккерея.

значительную, хотя не преобладающую роль. Наравнѣ съ первыми поэтами современной Англіи, Теннисономъ, Свинборномъ и Броунингомъ, стоитъ жена послѣдняго мистриссъ Барретъ Броунингъ, авторъ поэмы «Аврора Ли» и извѣстнаго стихотворенія «Вопль дѣтей», столь же краснорѣчивой элегіи, какъ «Пѣснь о рубашкѣ» Томаса Гуда, и не мало содѣйствовавшей принятію парламентомъ мѣръ къ улучшенію быта малолѣтнихъ рабочихъ въ заводахъ и копяхъ. Вообще, произведенія и другихъ лучшихъ женщинъ-поэтовъ, мистриссъ Уэбстеръ, лэди Нортонъ, миссъ Паркъ, Айзы Крэгъ [2], отличаются философскимъ, политическимъ и общественнымъ характеромъ, хотя и искусство для искусства имѣетъ своихъ представителей въ миссъ Кукъ, Джени Ингло, мистриссъ Меридитъ, Христинѣ Розетти и пр. Въ противоположной поэзіи области научной, гдѣ еще недавно гремѣло имя мистриссъ Сомервиль, знаменитаго математика и физика, безспорно ученѣйшей женщины XIX столѣтія, мы встрѣчаемъ, доктора мистриссъ Андерсонъ, авторшу многихъ медицинскихъ изслѣдованій; знаменитую сестру милосердія миссъ Найтингэль, прославившуюся въ крымскую кампанію и написавшую нѣсколько популярныхъ сочиненій, которыя разошлись въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ, объ уходѣ за больными въ госпиталяхъ и реформахъ въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ; филологовъ: миссъ Розетти, мистриссъ Кларкъ, коментаторшу Шекспира, миссъ Бускъ, извѣстную своими трудами по народной литературѣ Испаніи, Италіи и Тироля; историковъ: мистриссъ Брей, Корнеръ, Фриръ, авторшу нѣсколькихъ трудовъ по исторіи Франціи, мистриссъ Гринъ, издательницу актовъ государственнаго англійскаго архива; миссъ Стрикландъ, написавшую многотомную исторію англійскихъ королевъ; антикварія миссъ Метьярдъ, миссъ Елену Тэлоръ, издательницу посмертныхъ сочиненій Бокля и т. д. Въ сосѣдней съ наукой области публицистики, имена многихъ женщинъ стоятъ очень высоко, и невозможно опредѣлить числа постоянныхъ сотрудницъ газетъ и журналовъ; нѣкоторые изъ послѣднихъ даже редактируются женщинами: такъ мистриссъ Браддонъ редакторъ «Belgravia», мистриссъ Вудъ — «Argozy», Флоренсъ Марьетъ — «London Society», миссъ Фэсфуль — «Victoria Magazine» и «Women and Work», лэди Баркеръ — «Evening Hours». Въ ряду писательницъ по различнымъ общественнымъ вопросамъ, преимущественно по женскому, рабочему, воспитательному, тюремному и санитарному,

---

[2] Айза Крэгъ, простая швея въ Эдинбургѣ, получила первую премію за лучшую оду въ честь столѣтняго юбилея Борнса, при 620 конкуррентахъ, и потомъ была, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, секретаремъ «Національной Ассоціаціи для Распространенія Общественныхъ Наукъ».

заслуживаютъ особаго вниманія: миссъ Поуэръ Коббъ, Мэри Карпентеръ, прославившаяся своей филантропіей и трудами по улучшенію женскаго воспитанія нетолько въ Англіи, но и въ Индіи; мистриссъ Кросландъ, одна изъ первыхъ обратившая вниманіе на бѣдственное положеніе рабочихъ классовъ; миссъ Мартино, извѣстная своими сочиненіями по политической экономіи, философіи и филантропіи, особенно популярными разсказами, въ которыхъ, подъ романической формой, развиты главнѣйшіе принципы политической экономіи и наглядно представлены всѣ бѣдствія, переносимыя англійскимъ народомъ отъ старинныхъ законовъ о лѣсахъ и охотѣ; миссъ Фэсфуль, стоящая во главѣ женскаго движенія въ Англіи, содержательница королевской женской типографіи и замѣчательный ораторъ въ общественныхъ собраніяхъ.

Изъ этого бѣглаго и далеко неполнаго перечня современныхъ англійскихъ писательницъ ясно видно, что одинъ изъ высшихъ видовъ женскаго труда развивается самымъ блестящимъ образомъ; то же самое замѣчается и въ общественной жизни, отраженіемъ которой служитъ всегда литература. Время насмѣшекъ и издѣвательствъ надъ женскимъ вопросомъ безвозвратно миновало; даже ярые консерваторы поддались могучему потоку, и въ парламентѣ, при недавнемъ обсужденіи билля о предоставленіи избирательнаго права женщинамъ, владѣющимъ недвижимой собственностью, составилось почтенное меньшинство въ 152 человѣка, въ томъ числѣ много торіевъ. Недалеко то время, когда этотъ вопросъ, возбужденный впервые Джономъ Стюартомъ Миллемъ, будетъ утвердительно разрѣшенъ, а теперь уже женщины засѣдаютъ въ училищныхъ совѣтахъ, гдѣ, по отзывамъ даже враговъ, исполняютъ свои обязанности самымъ блестящимъ образомъ, принимаютъ участіе въ ученыхъ конгрессахъ [1], читаютъ публичныя лекціи, занимаются общественными и филантропическими дѣлами [2], лечатъ, учатъ, пишутъ,

---

[1] Въ прошломъ году, на засѣданіяхъ ежегодныхъ конгрессовъ «британскаго общества распространенія положительныхъ наукъ», въ Бристолѣ, «національной ассоціаціи общественныхъ наукъ», въ Брайтонѣ, и рабочихъ союзовъ въ Гласго, женщинъ участвовало болѣе, чѣмъ когда нибудь; такъ, въ первомъ, чисто-научномъ конгрессѣ, присутствовало 672 женщины при общемъ числѣ посѣтителей обоего пола въ 2,232.

[2] Въ этой отрасли женской дѣятельности первое мѣсто занимаетъ миссъ Кутсъ, которая въ настоящее время, быть можетъ—самая популярная личность во всей Англіи. Наслѣдовавъ милліонное состояніе, она посвятила всю свою жизнь общественной благотворительности: учреждаетъ женскія ремесленныя училища и пріюты для падшихъ молодыхъ дѣвушекъ, устроиваетъ на большой ногѣ эмиграцію бѣдныхъ семействъ въ Австралію, разводитъ въ многолюдныхъ городахъ парки и скверы, строитъ для рабочихъ дешевыя жилища, какъ на-

говорятъ, работаютъ и тысячами различныхъ путей практически разрѣшаютъ животрепещущій вопросъ о женскомъ трудѣ, не зарываясь слишкомъ впередъ, не гоняясь за несбыточными фантазіями, а неуклонно идя шагъ за шагомъ къ своей цѣли. Конечно, еще многое не достигнуто, многое остается еще сдѣлать; но то, что̀ уже сдѣлано, прочно, неизмѣнно, и въ этомъ отношеніи громадна заслуга тѣхъ замѣчательныхъ женщинъ, которыя стоятъ во главѣ этого движенія. Нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже назвали, но еще не упоминали объ одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ и блестящихъ женскихъ именъ въ литературѣ, наукѣ и общественной дѣятельности—мистриссъ Фоусетъ, которой посвящена настоящая статья.

Милисентъ Гарретъ Фоусетъ, дочь Ньюсона Гаррета эсквайра, родилась въ 1847 г. и, получивъ серьёзное образованіе, вышла замужъ, 20 лѣтъ, за извѣстнаго профессора политической экономіи въ кембриджскомъ университетѣ и радикальнаго члена парламента—Генри Фоусета. За нѣсколько лѣтъ до свадьбы, съ нимъ случилось несчастье на охотѣ и онъ совершенно потерялъ зрѣніе, но, благодаря женѣ, исполняющей должность его секретаря, онъ не прекращалъ своей парламентской, профессорской и литературной дѣятельности. Кромѣ этой помощи, оказываемой мужу, мистрисъ Фоусетъ сама заслужила громкую извѣстность, какъ ученый экономистъ, блестящій публицистъ и одинъ изъ передовыхъ дѣятелей по женскому вопросу. Первымъ ея сочиненіемъ былъ маленькій учебникъ политической экономіи, подъ названіемъ: «Политическая экономія для начинающихъ» (Political Economy for beginners). Эта попытка изложить въ популярной, сжатой формѣ основныя начала экономической науки для школьнаго обученія исполнена съ большимъ успѣхомъ. На 200 маленькихъ страничкахъ изложены систематично, ясно и удобопонятно всѣ самые сложные экономическіе вопросы, а, для бо̀льшаго удобства учителей и учениковъ, въ концѣ каждой главы помѣщены относящіеся къ ней вопросы и по нѣскольку задачъ для разрѣшенія самимъ ученикомъ. Это послѣднее нововведеніе сдѣлано въ третьемъ изданіи 1874 г. и, къ сожалѣнію, не вошло въ русскій переводъ труда мистрисъ Фоусетъ, очень полезнаго, нетолько для учениковъ, но и для читателей журналовъ и газетъ, не подготовленныхъ спеціальными занятіями къ уразумѣнію различ-

---

примѣръ, цѣлый кварталъ въ Лондонѣ съ особымъ рынкомъ и 300 отдѣльными домиками. За всѣ эти подвиги на благо народа Лондонъ поднесъ миссъ Кутсъ почетное гражданство, а королева пожаловала ей титулъ баронессы Бурдстъ но, вѣроятно, ей всего отраднѣе та горячая любовь, которую къ ней питаетъ весь англійскій народъ.

ныхъ экономическихъ вопросовъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Что же касается до самыхъ взглядовъ мистрисъ Фоусетъ на экономическіе вопросы, то, естественно, она принадлежитъ къ школѣ своего мужа или, лучше сказать, Джона Стюарта Миля, почему нѣчего о нихъ и распространяться, а скажемъ только, что самые жгучіе вопросы о капиталѣ, заработной платѣ, стачкахъ, рабочихъ союзахъ и т. д. изложены очень живо, рельефно и гуманно, а не тѣмъ сухимъ, филистерскимъ, псевдо-ученымъ тономъ, которымъ обыкновенно отличаются подобные учебники.

Таже мысль, популяризировать главнѣйшіе экономическіе законы, легла въ основу и другой маленькой книжки мистрисъ Фоусетъ, вышедшей въ прошломъ году—«Разсказы изъ политической экономіи» (Tales in Political Economy). Въ предисловіи она сама говоритъ, что, слѣдуя примѣру миссъ Мартино, «старалась приправить цѣлебный порошокъ науки малиновымъ желѐ вымысла», и, дѣйствительно, въ четырехъ небольшихъ разсказахъ, читающихся легко и съ интересомъ, миссъ Фоусетъ съумѣла показать во-очію, ка̀къ изъ обыденныхъ, жизненныхъ условій практически вытекаютъ теоретическіе принципы экономической науки. Въ первомъ разсказѣ, быть можетъ, самомъ характеристичномъ и блестящемъ, она передаетъ эпизодъ изъ путешествій стараго моряка, капитана Адамса, который, крейсируя въ Индійскомъ Морѣ, посѣтилъ, между прочимъ, уединенный островъ, населенный Сриматами, потомками первыхъ голландскихъ поселенцевъ на Суматрѣ. Главной отличительной чертой этого племени былъ тотъ поразительный фактъ, что оно, въ теченіи 200 лѣтъ, не имѣло никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и довольствовалось исключительно своими собственными произведеніями, хотя отличалось значительной степенью образованія. Сриматы были тихіе, гостепріимные, работящіе люди, жили въ хорошо выстроенныхъ домахъ, одѣвались прилично и имѣли организованную систему управленія, состоявшую изъ верховнаго совѣта или парламента, который пользовался неограниченной властью надъ жизнью и собственностью всего племени. Въ этомъ еще не было ничего страннаго; но капитана Адамса очень поразило, что наслѣдственные члены этого верховнаго совѣта имѣли исключительное право на собственность пальмовыхъ деревьевъ, дававшихъ пальмовое масло, а для увеличенія пользы отъ своей монополіи они издали законъ, запрещавшій Сриматамъ допускать въ свои жилища солнечные лучи. Во всѣхъ домахъ не было ни одного окна, а двери завѣшаны тяжелыми двойными цыновками, которыя дозволялось поднимать только ночью для

воздуха. Цѣлью правительства, при изданіи этого необыкновеннаго закона, было обезпечить хорошую продажу своему пальмовому маслу, сдѣлавъ его жизненною необходимостью—другими словами, покровительство туземной промышленности. Двѣ трети жителей занимались приготовленіемъ пальмоваго масла, а остальная треть тяжелымъ трудомъ снабжала всѣхъ пищею и одеждою. Капитанъ Адамсъ тщетно старался уговорить правителей и даже самихъ жителей открыть торговыя сношенія съ сосѣдними странами, а для того продѣлать окна въ жилищахъ Сриматовъ и обратить весь ихъ трудъ на производство кофе и пряностей, въ замѣнъ которыхъ они могли бы получать англійскія мануфактурныя произведенія; первые ему отвѣчали, что не могли дозволить солнцу наводнить ихъ рынокъ своимъ свѣтомъ и оставить безъ работы 400 человѣкъ изъ сантиментальнаго предпочтенія солнечныхъ лучей пальмовымъ лампамъ; вторые не хотѣли слышать объ уничтоженіи самой главной промышленности на островѣ, доставлявшей имъ средства къ жизни. Наконецъ, несмотря на всѣ его планы о постепенномъ уничтоженіи прежней системы и вознагражденіи фабрикантовъ масла, все населеніе возстало противъ капитана Адамса и заставила его удалиться съ острова. «Примѣръ Сриматовъ, конечно—крайній, но всегда, при существованіи покровительственной системы, замѣчаетъ мистрисъ Фоусетъ:—часть населенія заинтересована въ ея сохраненіи, хотя это самымъ роковымъ образомъ дѣйствуетъ на благосостояніе всей страны, потому что, въ сущности, покровительственная система только удаляетъ трудъ и капиталъ отъ выгоднаго его помѣщенія, ограничивая ихъ менѣе выгодными отраслями промышленности. Сриматы отказывались отъ преимущества, дарованнаго имъ природою, и посвящали свой капиталъ и трудъ исключительно такой промышленности, которая не приносила никому никакой пользы. Тоже самое, но не въ столь рѣзкой формѣ, бываетъ при каждомъ случаѣ покровительства внутренняго производства отъ иностранной конкуренціи. Напримѣръ, во Франціи, свекловичный сахаръ пользуется покровительствомъ отъ конкуренціи съ вест-индскимъ тростниковымъ сахаромъ, который обложенъ тяжелой пошлиной, безъ чего вест-индскій сахаръ вытѣснилъ бы съ рынка французскій. Такимъ образомъ, всѣ французы платятъ за сахаръ гораздо дороже, чѣмъ слѣдовало бы, и нѣкоторая часть французскаго капитала и труда посвящена промышленности, которая можетъ принести барышъ только въ томъ случаѣ, когда покупщики подвергаются тяжелому налогу. Точно также, какъ солнце готово было даромъ доставлять Сриматамъ свѣтъ, такъ климатъ и почва въ

Вест-Индіи совершаютъ даромъ бо̀льшую часть производства сахара. Французы не хотятъ воспользоваться отъ природы бо̀льшей помощью, чѣмъ той, которую они имѣютъ въ своей странѣ, подобно тому, какъ сриматы отказывались отъ дароваго пользованія солнечнымъ свѣтомъ, хотя безъ него они не могли производить и пальмовое масло». Послѣ этого блестящаго и краснорѣчиваго доказательства пользы свободной торговли и вреда покровительственной системы, мистрисъ Фоусетъ въ остальныхъ трехъ разсказахъ, подъ той же романической формой, приключеній капитана Адамса съ 20-ю пассажирами послѣ кораблекрушенія, на необитаемомъ островѣ, представляетъ мастерски набросанную крупными, рѣзкими штрихами картину фактическаго примѣненія самыхъ трудныхъ и сложныхъ экономическихъ законовъ о требованіи и предложеніи, о цѣнности и цѣнѣ, о денежныхъ знакахъ и кредитѣ, о раздѣленіи труда и внѣшней торговли, какъ его конечной формы.

Кромѣ этихъ популярныхъ трудовъ по политической экономіи, мистрисъ Фоусетъ, отличаясь серьёзнымъ знаніемъ предмета, подготовила третье исправленное изданіе «Руководства къ политической экономіи» ея мужа и помѣстила въ журналахъ нѣсколько экономическихъ статей, изъ которыхъ всего замѣчательнѣе: «Государственный долгъ и народное богатство». Но публицистическая дѣятельность мистрисъ Фоусетъ не ограничивалась одними экономическими вопросами; въ «Macmillan's Magazine», въ 1870 и 1871 годахъ, появились двѣ замѣчательныя ея статьи о парламентской реформѣ, въ которыхъ, она въ блестящей сжатой формѣ, изложила знаменитую избирательную систему Гэра о представительствѣ меньшинства. Самымъ же главнымъ предметомъ ея журнальной дѣятельности служитъ женскій вопросъ, и въ цѣломъ рядѣ статей мистрисъ Фоусетъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ и строгой логикой отстаивала права̀ женщинъ на трудъ, образованіе и участіе въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ. Не довольствуясь, однако, письменной борьбою за дѣло, которому она предалась всею душою, мистрисъ Фоусетъ произнесла нѣсколько рѣчей въ общественныхъ собраніяхъ, изъ которыхъ три напечатаны въ сборникѣ ея мелкихъ произведеній, подъ названіемъ: «Очерки и рѣчи по общественнымъ и политическимъ вопросамъ Генри Фоусета и Милисентъ Гарретъ Фоусетъ» («Essays und Lectures on Social and Political subjects by Henry Fawcett and Millicent Garrett Fawcett»). Наконецъ, въ прошломъ году, преслѣдуя все ту же цѣль защиты женщинъ, мистрисъ Фоусетъ вступила на новую для нея почву изящной словесности, и ея первый романъ «Джени Донкастеръ» встрѣченъ всей англійской печатью съ

*

глубокимъ сочувствіемъ. «Times» прямо говоритъ: «Главный интересъ разсказа мистрисъ Фоусетъ заключается въ томъ, что свѣжесть, простота, честность и мужество, которыми дышетъ каждая его страница, носитъ печать ума, создавшаго это высоко художественное произведеніе, имѣющее съ тѣмъ вмѣстѣ серьёзное общественное значеніе». Дѣйствительно, хотя «Джени Донкастеръ» прямо не касается такъ-называемаго женскаго вопроса, то-есть правъ женщинъ на трудъ и политическую дѣятельность, но затрогиваетъ болѣе глубокій, коренной вопросъ о свободѣ и независимости женщины. Героиня мистрисъ Фоусетъ является типомъ честной, мужественной, благородной женщины, и авторъ основываетъ интересъ своего романа не на внѣшнихъ эфектахъ, какъ большинство современныхъ романистовъ, но на психологическомъ развитіи характеровъ. Отличаясь, кромѣ того, легкимъ, блестящимъ изложеніемъ, что̀ такъ рѣдко встрѣчается у англійскихъ романистовъ, глубокой наблюдательностью, неподдѣльнымъ юморомъ, художественными красотами и высоко драматическими эпизодами — романъ мистрисъ Фоусетъ составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій англійской изящной литературы послѣдняго времени.

Желая познакомить читателей съ новымъ романистомъ и его любопытнымъ произведеніемъ, мы предпочли передать содержаніе «Джени Донкастеръ» въ сжатомъ, но точномъ разсказѣ, сохраняя, по возможности, красоты и лучшія мѣста подлинника.

I.

Всѣмъ въ Англіи, конечно, знакомы селенія, подобныя Норборо. Его отличительными чертами были положеніе на морскомъ берегу, мэръ и корпорація, существовавшіе въ силу хартіи Іакова 1-го, и тотъ фактъ, что нѣкогда оно имѣло двухъ представителей въ парламентѣ, считаясь въ то время самымъ гнилымъ изъ гнилыхъ избирательныхъ округовъ, уничтоженныхъ реформою 1832 года. Общія всѣмъ подобнымъ селеніямъ черты заключались въ длинной, кривой улицѣ, выходившей мѣстами на небольшіе зеленые выгоны, и въ двухъ тысячахъ жителей, изъ которыхъ десять семействъ благоденствовали, двадцать находились на границѣ между довольствомъ и нищетой, а остальные принадлежали къ бѣдному, ничѣмъ не обезпеченному населенію морскихъ береговъ. Верхній слой общества въ Норборо состоялъ изъ семействъ богатаго купца, пастора, двухъ отставныхъ морскихъ офицеровъ, начальника прибрежной стражи и

одного доктора. Отъ времени до времени являлись въ Норборо «знатные иностранцы», но они оставались только впродолженіи лѣта и не считались туземцами за норборейцевъ. Въ селеніи не было сквайра, и большой домъ на горѣ, жилище прежнихъ землевладѣльцевъ, оставался незанятымъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вообще, это было не веселое мѣстечко. Главнымъ источникомъ интереса и толковъ туземцевъ представляли борьба за существованіе втораго доктора и скандальное поведеніе младшаго офицера прибрежной стражи. Норборо былъ осчастливленъ присутствіемъ двухъ докторовъ, дѣлившихъ между собою всю окрестную практику. Дѣйствуя на основаніи экономическаго принципа раздѣленія труда, каждый изъ нихъ спеціально занимался извѣстнымъ классомъ общества и не переходилъ въ чужую область. Мистеръ Грей, старый докторъ, лечилъ всѣхъ платящихъ больныхъ, а новый, мѣнявшійся каждые полтора года — всѣхъ неплатящихъ. Мистеръ Грей очень любезно обращался съ вновь прибывающими товарищами и громко заявлялъ, что для молодыхъ, неопытныхъ медиковъ, большая практика была чрезвычайно полезна. Подобныя выраженія мистера Грея убѣждали платящихъ больныхъ въ благородствѣ его характера и въ невозможности обращаться за совѣтами къ неопытнымъ юношамъ. Если кто нибудь выражалъ мнѣніе, что второму доктору невозможно существовать въ Норборо, указывая при этомъ на нищенское положеніе семейства его соперника въ данное время, онъ обыкновенно отвѣчалъ пожимая плечами: «Помилуйте! клубъ и приходъ даютъ ему 70 фун. въ годъ, не говоря уже о другихъ больныхъ». Онъ, повидимому, забывалъ сдѣланный имъ много лѣтъ тому разсчетъ, что обязанности клубнаго и приходскаго доктора, простираясь на 20 миль въ окружности, требовали содержанія экипажа, двухъ лошадей и кучера, такъ что, при самой строгой экономіи, доходъ не могъ простираться свыше 20 фун. въ годъ, чѣмъ, конечно, невозможно жить съ семействомъ. Поэтому неудивительно, что сосѣди разсказывали самые невѣроятные ужасы о нищетѣ Конелей, Гринвудовъ, Финдоновъ, и т. д., быстро смѣнявшихъ другъ друга и, въ концѣ-концовъ, отказывавшихся отъ немыслимой борьбы за сохраненіе мѣста втораго доктора.

Младшій офицеръ прибрежной стражи, напротивъ, обращалъ на себя всеобщее вниманіе не нищетою, а неслыханнымъ распутствомъ. Онъ нетолько обманывалъ въ картахъ и проводилъ всѣ ночи въ «Голубомъ Львѣ» за водкой и билліардомъ, не только напивался пьянымъ въ гостяхъ, но однажды назвалъ пастора «старой вѣдьмой» и не разъ удилъ рыбу по воскресеньямъ.

За послѣдній непозволительный скандалъ начальникъ дѣлалъ ему постоянно строгіе выговоры, но они не производили никакого впечатлѣнія на разгульнаго офицера, и онъ публично въ «Голубомъ Львѣ» выражался, что благородное негодованіе начальника происходило отъ того, что онъ никогда ему не посылалъ вещественныхъ результатовъ воскресной рыбной ловли.

Кромѣ этихъ главныхъ предметовъ разговора, въ Норборо процвѣтали и другія многочисленныя мѣстныя сплетни трагическаго и комическаго характера. Объ иностранной же и внутренной политикѣ норборейцы нисколько не заботились. Они знали, что герцогъ Веллингтонъ умеръ, что была крымская война и индійское возстаніе; въ концѣ 1870 г. нѣкоторые изъ самыхъ энергичныхъ людей пришли къ тому убѣжденію, что лордъ Пальмерстонъ прекратилъ свое земное существованіе, но политики въ обыкновенномъ значеніи этого слова они вовсе не вѣдали. Мистеръ Грей и пасторъ подавали голосъ на выборахъ за желтыхъ, а мистеръ Ральфъ, торговецъ хлѣбомъ—за синихъ, такъ что въ Норборо обѣ партіи были почти равносильны. Мистеръ Ральфъ два раза въ мѣсяцъ ѣздилъ въ Лондонъ на хлѣбный рынокъ и считался всѣми сосѣдями образцемъ дѣятельности; другіе же норборейцы рѣдко посѣщали великую столицу, какъ они называли Лондонъ, и только всемірная выставка или какое нибудь необыкновенное происшествіе могло ихъ вытащить изъ родной трущобы. Поэтому не удивительно, что это маленькое селеніе отличалось мирной, стоячей, патріархальной жизнью. Новая шляпка миссъ Спенсъ возбуждала въ Норборо болѣе интереса, чѣмъ голодъ въ Ориссѣ, и дѣйствія королей и министровъ стушевывались передъ животрепещущимъ вопросомъ о разгульномъ поведеніи младшаго офицера прибрежной стражи.

Таковъ былъ старосвѣтскій уголокъ, въ которомъ Джени Донкастеръ провела первыя двадцать лѣтъ своей жизни. Мать ея поселилась въ Норборо молодой, красивой вдовой съ трехмѣсячнымъ ребенкомъ; но, холодная, несообщительная, строгая пуританка, она, несмотря на благородство ея характера и всѣми признаваемыя нравственныя достоинства, не снискала дружбы сосѣдей. Впрочемъ, ея религіозный энтузіазмъ съ самой юности поставилъ ее въ непріязненныя отношенія со всѣми окружающими. Принадлежа къ богатому семейству, она съ раннихъ лѣтъ возставала противъ свѣтской, въ ея глазахъ безбожной, жизни. Деньги, отпускаемыя ей отцомъ на туалетъ, она расходывала на воскресныя школы и миссіонерныя общества, сама же, по выраженію братьевъ и сестеръ, одѣвалась, какъ питомица воспитательнаго дома и, казалось, не видѣла передъ собою ничего, кромѣ

земли Ханаанской. Этотъ открытый антагонизмъ со всѣмъ семействомъ окончился тѣмъ, что, вопреки волѣ родителей, она вышла замужъ за мистера Донкастера, молодаго, такого же, какъ она, религіознаго энтузіаста. Старикъ-отецъ, мистеръ Финчь, никакъ не могъ помириться съ нищимъ миссіонеромъ-зятемъ, который даже не былъ пасторомъ, а только изъ пламенной ревности посвятилъ себя обращенію на путь истинный невѣрующихъ ближнихъ, и потому не далъ дочери ни одного пенса. Такимъ образомъ, молодые люди жили чрезвычайно бѣдно, но совершенно счастливо, преслѣдуя одну общую святую цѣль. Два года продолжалось ихъ блаженство, но вдругъ мистеръ Донкастеръ занемогъ оспою, которую онъ схватилъ у посѣщаемыхъ имъ больныхъ, и черезъ нѣсколько времени умеръ, оставивъ жену беременной первымъ ребенкомъ. Послѣ этого несчастія, отецъ мистрисъ Донкастеръ простилъ ее и назначилъ ей ежегодное содержаніе въ 300 ф., но присутствіе лицъ, враждебныхъ ея покойному мужу, было ей невыносимо, и, родивъ маленькую Джени, она удалилась на житье въ Норборо, гдѣ въ то время жизнь была дешева и находились много несчастныхъ бѣдняковъ, среди которыхъ она могла продолжать миссіонерные подвиги мужа.

Кромѣ религіи, какъ ее понимаетъ самая строгая, евангелическая секта пуританъ, мистрисъ Донкастеръ имѣла другую, великую цѣль въ жизни—любовь къ Джени, которая, однако, также была основана отчасти на религіозномъ энтузіазмѣ. Она смотрѣла на свое дѣтище, какъ на драгоцѣнную душу, которую должна была воспитать во славу Божью. И всѣ ея надежды, всѣ стремленія сосредоточивались на духовномъ обращеніи дочери, и, чѣмъ отдаленнѣе казался этотъ желанный результатъ, тѣмъ бо̀льшее отчаяніе овладѣвало ею. Съ трехлѣтняго возраста, маленькая Джени, къ ужасу своей матери, начала выказывать непреложные признаки мірскихъ наклонностей. Легкомысленный ребенокъ очень любилъ новые наряды, научился пѣть уличныя пѣсни прежде гимновъ и не отличалъ воскресные разсказы отъ понедѣльничьихъ сказокъ, мѣшая самымъ ужаснымъ образомъ Синюю бороду съ Даніиломъ во рву львиномъ. Когда мать заставляла ее молиться при себѣ, не повторяя заученныя слова, а изливая передъ Богомъ свои сокровенныя мысли и желанія, Джени набожно произносила: «Дай мнѣ Господи бурнусъ съ бархатными пуговицами, какъ у Эми Грей; одинъ еще такой остался въ лавкѣ». Когда же ей объясняли, что слѣдовало просить не матерьяльныхъ, а духовныхъ благъ, ребенокъ просилъ у Бога, чтобъ онъ укоротилъ воскресныя проповѣди. Наконецъ, во время скарлатины, Джени, услыхавъ, что надо просить Бога о выздо-

ровленіи и что она встанетъ съ постели только, когда облупится вся ея кожа, произнесла, смиренно сложивъ рученки: «Господи! облупи меня поскорѣе». Видя подобную, неприличную и опасную оригинальность ребенка, мистрисъ Донкастеръ кончила тѣмъ, что дала ей опредѣленную форму для молитвы. Но этимъ дѣло духовнаго обращенія Джени нисколько не подвинулось. Она продолжала, по воскресеньямъ, распѣвать свѣтскія пѣсни и съ лѣтами все болѣе и болѣе отказывалась отъ воспріятія религіознаго энтузіазма, такъ что, наконецъ, мистрисъ Донкастеръ перестала преслѣдовать ее религіозными наставленіями, отравлявшими ея жизнь, а ограничивалась только личными молитвами о ниспосланіи благодати Божіей на заблудшую овцу.

Эта перемѣна въ обращеніи матери сдѣлала жизнь для Джени болѣе сносной, но совершенно изолировала ее, окончательно удаливъ отъ матери. Ихъ существованія прикасались другъ къ другу, но не смѣшивались. Живя подъ одной крышей и искренно любя другъ друга, онѣ были почти чужія. Мистрисъ Донкастеръ проводила всю жизнь въ домашнихъ хлопотахъ и добрыхъ дѣлахъ, въ молитвѣ и чтеніи религіозныхъ книгъ, а Джени совершенно предавалась своимъ урокамъ и фантастическимъ мечтаніямъ, которыя составляли единственное ея развлеченіе, такъ какъ мистрисъ Донкастеръ, опасаясь дурнаго свѣтскаго вліянія товарищества, не дозволяла ей сближаться съ другими дѣтьми. По всей вѣроятности, бѣдный, одинокій ребенокъ представилъ бы диковинное чудо скороспѣлки ханжи или развился бы въ мрачное, болѣзненное существо, еслибъ на его счастье не было въ Норборо моря. Джени любила море, какъ веселую подругу, ссобливо, когда сѣдыя волны съ трескомъ и шумомъ пробѣгали по необозримой его поверхности. Съ криками дѣтской радости она бѣжала за отступавшими волнами во время отлива и съ громкимъ хохотомъ отступала къ берегу шагъ за шагомъ, передъ пѣнистымъ девятымъ валомъ. Самымъ счастливымъ событіемъ ея дѣтства была поѣздка съ рыбаками, во время сильной бури, которая внесла на долгое время романтичный элементъ въ ея прозаическое, скучное существованіе, и создала въ ея маленькой головкѣ цѣлый фантастическій міръ. Съ тѣхъ поръ она постоянно воображала себя героиней всевозможныхъ приключеній на морѣ: то она спасала моряковъ отъ кораблекрушенія въ маленькой лодочкѣ среди бушующаго океана, то съ неимовѣрными усиліями поддерживала огонь въ маякѣ, на уединенномъ высокомъ утесѣ. Живя, такимъ образомъ, въ фантастической области мечтаній и грёзъ, маленькая Джени знала менѣе другихъ дѣтей ея возраста окружающій свѣтъ и кàкъ слѣдова-

ло въ немъ думать, говорить и поступать. Хотя это невѣдѣніе грозило ей въ будущемъ многими опасностями, но, съ другой стороны, оно избавляло ее отъ обычной, рутинной, искуственной оболочки, скрывающей обыкновенно человѣческую самобытность. Въ ея послѣдующей жизни она часто слыхала упреки, что всякій могъ читать въ ея сердцѣ, какъ въ книгѣ; она никогда не думала выказывать себя тѣмъ, чѣмъ она не была, или говорить неправду только потому, что сказать правду было неловко, не принято. Она умѣла молчать, такъ какъ все ея дѣтство заключалось въ практическомъ примѣненіи педагогическаго правила: держи языкъ за зубами; но когда она открывала ротъ, то называла вещи ихъ именами, къ величайшему ужасу благовоспитанныхъ дѣвицъ. Однимъ изъ характеристическихъ послѣдствій ея одинокаго дѣтства была чрезмѣрная впечатлительность, не смягченная обычной дисциплиной постоянныхъ столкновеній съ другими дѣтьми. Поэтому, достигнувъ возраста, когда уже дѣти привыкаютъ спокойно переносить непріятности и разочарованія, Джени выказывала ребяческій недостатокъ самообладанія. Вліяніе ея матери и учительницы, дававшей ей уроки на дому, было недостаточно для приданія ея характеру необходимой стойкости; она нуждалась въ болѣе сильномъ и болѣе сочувственномъ вліяніи.

По счастью, она нашла это полезное вліяніе, когда не было еще поздно, на пятнадцатомъ году. Въ то время ея учительница уѣхала изъ Норборо, и, такъ какъ въ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ не было другой особы, имѣвшей хоть притязаніе на титулъ воспитательницы молодой дѣвушки, мистрисъ Донкастеръ рѣшила, послѣ многочисленныхъ, усердныхъ молитвъ, отдать Джени въ школу. Но выборъ школы представлялъ много затрудненій, и, наконецъ, по многимъ причинамъ, она остановилась на французской протестантской школѣ въ Дюпьи, небольшомъ селеніи близъ Монтобана. Главнымъ образомъ ею руководили въ этомъ полная увѣренность въ строгихъ христіанскихъ принципахъ французскихъ протестантовъ вообще и директора этой школы, пастора Брюна, въ особенности, незначительность платы за ученіе, сравнительно съ англійскими школами, и убѣжденіе, раздѣляемое большинствомъ родителей въ Англіи, что умѣнье болтать на иностранномъ языкѣ составляетъ *pia desideria* женскаго воспитанія. Такимъ образомъ, Джени провела въ Дюпьи три года, впродолженіи которыхъ она нетолько научилась французскому языку, но и убѣдилась, что христіанскіе принципы французскихъ протестантовъ отличаются во многомъ отъ теоріи англійскихъ пуританъ. Съ одной стороны, ихъ взглядъ на балы,

театры, всякаго рода увеселенія и наряды вполнѣ удовлетворяли бы самымъ строгимъ требованіямъ мистрисъ Донкастеръ, но съ другой — ихъ нарушеніе воскреснаго дня привело бы ее въ ужасъ. Она съ радостью пошла бы на плаху скорѣе, чѣмъ взяла бы въ руки иголку въ воскресенье, а пасторъ Брюнъ по воскреснымъ вечерамъ игралъ съ сыномъ въ шахматы, а жена его вязала чулки. Очевидно, это нарушеніе дня Господня, которое Джени привыкла считать за преступленіе не менѣе воровства или убійства, нельзя было объяснить безбожіемъ почтенныхъ стариковъ, такъ какъ ихъ искренняя набожность не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Джени естественно была поражена этимъ новымъ для нея явленіемъ и, мало-по-малу обдумывая его значеніе, стала вообще въ нравственныхъ предметахъ различать то, что̀ дѣйствительно хорошо и дурно отъ того, что̀ искуственно, ухищреніями людей считается хорошимъ и дурнымъ. Въ этой критической выработкѣ самостоятельнаго мнѣнія ей много помогла англійская гувернантка, поступившая въ школу пастора Брюна черезъ годъ послѣ Джени. Хотя Маргарита Чесней была десятью годами старше своей ученицы, но между ними вскорѣ возникла самая тѣсная дружба, принесшая большую пользу Джени. Отличаясь твердымъ, самостоятельнымъ, вполнѣ уравновѣшаннымъ характеромъ, основательными знаніями и опытностью, миссъ Чесней представляла тотъ источникъ вліянія, въ которомъ Джени такъ нуждалась. Конечно, она была сначала только воспріимчивой ученицей, но, постепенно развивая свои умственныя способности, дѣлалась, наконецъ, настоящимъ товарищемъ своего друга.

Миссъ Чесней была гувернанткою съ семнадцатилѣтняго возраста, когда ей пришлось существовать своими средствами, не имѣя никакой подготовки для педагогической или вообще трудовой дѣятельности. Съ самаго начала она получала всего 15 ф. въ годъ, но, по ея собственнымъ словамъ, она не стоила и 5. «Мои уроки, разсказывала она Джени: — были тогда просто нелѣпымъ фарсомъ, и я чувствовала себя самымъ несчастнымъ и ни на что̀ неспособнымъ существомъ». Но вскорѣ у нея умеръ дядя и оставилъ ей 100 ф.; она тотчасъ отошла отъ мѣста, наняла маленькую комнатку и поступила въ дэвенпортскій институтъ, одну изъ лондонскихъ большихъ школъ, гдѣ за незначительную плату труженики обоего пола получаютъ недостающее имъ образованіе. Впродолженіи трехъ лѣтъ, она исключительно занималась своимъ собственнымъ воспитаніемъ и потомъ уже поступила учительницей въ первоначальную школу для мальчиковъ. Она была вынуждена принять подобное мѣсто, такъ какъ не отличалась жен-

скими талантами, а ея основательныя знанія были такого рода, которыя не высоко цѣнятся при общественномъ и домашнемъ воспитаніи дѣвочекъ. Она очень любила занятія и въ свободное время продолжала собственное образованіе; но ее постоянно мучило недостаточное знакомство съ французскимъ и нѣмецкимъ языками для ихъ успѣшнаго преподаванія. Поэтому она, для практическаго усовершенствованія въ этихъ языкахъ, поступила англійской учительницей сначала въ нѣмецкую школу, а потомъ во французскую, гдѣ и наткнулась на Джени.

Первоначальное воспитаніе, полученное молодой дѣвушкою, побуждало ее смотрѣть на всѣхъ учителей и учительницъ, какъ на естественныхъ ея враговъ. Она никогда ничему не училась сознательно, и весь курсъ наукъ, пройденный ею въ Норборо, ограничивался таблицей умноженія, катихизисомъ и хронологическимъ перечнемъ англійскихъ королей. Первый годъ ея пребыванія въ Дюпьи посвященъ былъ, главнымъ образомъ, на изученіе французскаго языка. Когда же явилась въ школу миссъ Чесней, то она впервые поняла, что можно находить удовольствіе въ ученьи. Наставница и ученица пришлись другъ другу по сердцу. Джени всей душой привязалась къ миссъ Чесней, а послѣдняя съ удовольствіемъ занималась съ умной, любознательной, энергичной дѣвушкой. Такимъ образомъ, когда онѣ обѣ покинули Дюпьи, ихъ связывали уже не только сочувственныя отношенія между учительницей и ученицей, но взаимное довѣріе и откровенный обмѣнъ идей, составляющіе основаніе истинной дружбы, а также то быстрое, почти инстинктивное угадываніе мыслей другъ друга, которое является только результатомъ глубокой, сердечной любви.

По возвращеніи Джени въ Норборо, старая домашняя жизнь показалась ей не столь скучной и несносной. Она теперь смотрѣла на свѣтъ другими глазами и жила другими интересами. Она съ жадностью читала всѣ попадавшіяся ей книги и вела постоянную переписку о своихъ впечатлѣніяхъ съ Маргаритой Чесней, которая, отъ времени до времени, посылала ей серьёзныя сочиненія, не находимыя въ библіотекахъ Норборо, и вообще поддерживала ея стремленія къ умственной дѣятельности. Само собою разумѣется, что все норборейское общество громко осуждало поведеніе Джени, находя, что молодой дѣвушкѣ, только что возвратившейся изъ школы, было неестественно и смѣшно по цѣлымъ днямъ читать книги, вмѣсто того, чтобы прилично проводить время въ болтовнѣ съ сосѣдками. Капитанъ Макдуфъ прямо говорилъ, что все это происходило отъ отсутствія отца, который положилъ бы конецъ всѣмъ глупостямъ и сослалъ бы

молодую дѣвушку въ кухню дѣлать пудинги. Мистрисъ Седжели выражала удивленіе, какъ мистрисъ Донкастеръ позволяла Джени такъ странно вести себя, и съ соболѣзнованіемъ передавала чужое предположеніе, что она рехнулась, а потому нѣчего было ожидать и отъ дочери. Мистеръ Грей, какъ докторъ, поддерживалъ это послѣднее мнѣніе, утверждая, что мистрисъ Донкастеръ въ отношеніи религіи была несомнѣнно сумасшедшая, и наслѣдственный недугъ принялъ у Джени только другую форму; при этомъ онъ очень глубокомысленно прибавлялъ: «Есть прекрасная книга доктора Форбеса Винсло «О тайныхъ болѣзняхъ мозга», хотя его знакомство съ этимъ ученымъ сочиненіемъ не шло далѣе переплета. Какъ бы то ни было, норборейцы чувствовали какое-то утѣшеніе, называя мистрисъ Донкастеръ рехнувшейся ханжей, а Джени—бѣшеннымъ мартовскимъ зайцемъ; но, въ сущности, это значило только, что мать и дочь не заслуживали ихъ одобренія. Вообще, нѣтъ ничего легче и обыкновеннѣе, какъ называть съумасшедшими людей, которые отличаются въ своихъ занятіяхъ и удовольствіяхъ отъ окружающей ихъ среды.

Несмотря на такое непріязненное отношеніе норборейскаго общества къ ней и ея дочери, мистрисъ Донкастеръ, съ возвращеніемъ Джени, стала посѣщать нѣкоторыя изъ сосѣднихъ семействъ охотнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Къ этому ее побуждало пламенное желаніе выдать замужъ дочь, потому что однимъ изъ ея коренныхъ принциповъ было убѣжденіе въ призваніи женщины къ замужеству. Она съ презрѣніемъ смотрѣла на старыхъ дѣвъ и съ явнымъ неодобреніемъ на холостяковъ. Основываясь на этой теоріи и смутно сознавая, что, если хочешь выдать замужъ дочь, то надо дать ей случай познакомиться съ молодыми людьми, мистрисъ Донкастеръ начала заискивать дружбу Грейевъ и Ральфовъ, хотя они и не отличались религіозностью, но она безсознательно готова была повторить совѣтъ квакера относительно займа денегъ: «Выйди замужъ, дочь моя, за религіознаго человѣка, если можешь; но, во всякомъ случаѣ, выйди замужъ». Поэтому естественно, что критическій взглядъ Джени на норборейскихъ юношей приводилъ ее въ ужасъ. Джорджъ Грей, по словамъ Джени, былъ толстъ, какъ поросенокъ; братья Ральфъ думали только, какъ перещеголять другъ друга жилетами, а противный юноша, гостившій у Грейевъ и надушенный всевозможными духами, постоянно носилъ на одной рукѣ перчатку, а на другой—три кольца, вѣроятно, перемѣняя ихъ, когда перчатка изнашивалась. Въ виду подобныхъ насмѣшекъ, мистрисъ Донкастеръ начала отчаяваться, чтобъ Джени когда-ни-

будь вышла замужъ за туземца; это было тѣмъ досаднѣе, что молодая дѣвушка также мало выказывала расположенія къ лондонцамъ, посѣщавшимъ иногда лѣтомъ Норборо. Одинъ изъ нихъ обнаружилъ явное расположеніе приходить въ восторгъ отъ всего въ домѣ мистрисъ Донкастеръ, начиная съ Джени. По его словамъ, онъ никогда не видывалъ такого живописнаго жилища, такого прекраснаго сада и т. д.

— Извините меня, миссъ Донкастеръ, сказалъ онъ, гуляя съ нею по ихъ маленькому саду, превращенному въ огородъ: — я долженъ остановиться, чтобъ посмотрѣть на это замѣчательное растеніе. Kàкъ оно роскошно! Вѣроятно, это—что-нибудь совершенно новое?

— Дà, отвѣчала серьёзно Джени: — это хорошенькое растеніе составляетъ новое пріобрѣтеніе нашего садика. Оно, кажется, недавно вывезено изъ Америки.

— Неужели! Я никогда не видывалъ ничего подобнаго, и вѣрно мой пріятель, сэръ Джонъ Кукъ, будетъ очень радъ пріобрѣсть такую рѣдкость для своихъ знаменитыхъ садовъ. Не можете ли вы мнѣ сообщить его названіе?

— Съ удовольствіемъ. Если я хорошо помню, то это растеніе называется — картофелемъ.

Джени со смѣхомъ разсказала эту сцену матери, но мистрисъ Донкастеръ замѣтила очень серьёзно:

— Я боюсь, что онъ счелъ тебя за злую дѣвчонку, дитя мое. Необходимо обращать болѣе вниманія на чувство другихъ.

— Да зачѣмъ же онъ, мама—такой дуракъ? воскликнула Джени: — и такъ много думаетъ о себѣ. Ему это будетъ полезнымъ урокомъ.

— Не знаю, Джени, почему ты называешь его дуракомъ. Я увѣрена, что онъ не безъ причины такъ часто ходитъ къ намъ; а если ты считаешь дуракомъ человѣка за то только, что онъ влюбленъ въ тебя, то тебѣ придется прожить весь вѣкъ старой дѣвой.

— Какая страшная будущность! произнесла Джени со смѣхомъ: — если прикажите, я сейчасъ напишу ему, что сожалѣю объ его невѣжествѣ на счетъ картофеля и прошу поскорѣй на мнѣ жениться.

— Ты никогда не сдѣлаешь такого ужаса, дитя мое! воскликнула мистрисъ Донкастеръ, для которой шутка не существовала.

Въ защиту пламенныхъ стремленій мистрисъ Донкастеръ выдать дочь замужъ надо сказать, что ее побуждало къ этому нетолько теорія о призваніи женщины къ замужней жизни, но и страхъ за ея будущность. Всѣ средства ея ограничивались 300

ф. въ годъ, которые она получала отъ отца со времени смерти мужа, и ничто не гарантировало, что этотъ доходъ перейдетъ впослѣдствіи къ ея дочери. Долго врожденная гордость и религіозное презрѣніе къ мірской суетѣ боролись въ ея сердцѣ съ любовью къ Джени, но, наконецъ, послѣдняя взяла верхъ, и она, горячо помолясь, написала къ стряпчему отца, прося его навести справку, сдѣлалъ ли мистеръ Финчъ какое-нибудь распоряженіе о передачѣ дочери послѣ ея смерти получаемаго ею пенсіона. Послѣ тревожнаго ожиданія, она получила грустный отвѣтъ, что ея отецъ объявилъ стряпчему: «Запишите на имя Мэри пожизненный доходъ въ 300 ф. съ условіемъ, чтобы, послѣ ея смерти, капиталъ этотъ перешелъ въ пользу института идіотовъ; я сдѣлаю для своей дочери все, что̀ обязанъ, но, будь я проклятъ, если донкастерское поганое отродье воспользуется моимъ пенсомъ». Несмотря на всю свою набожность, мистрисъ Донкастеръ едва не возроптала на судьбу, прочитавъ это письмо. Вся ея жизнь была длиннымъ рядомъ грустныхъ разочарованій. Она рано лишилась мужа, а дочь ея, несмотря на самое любящее, благородное сердце, была совершенно чужда ей. Джени не была христіанкой, какъ понимала мистрисъ Донкастеръ, и мать не была ея первымъ другомъ; теперь же, ко всѣмъ этимъ несчастіямъ прибавилось еще новое: горячо любимое дѣтище могло остаться послѣ нея одинокимъ, безъ состоянія и поддержки. Поэтому естественно она еще пламеннѣе стала желать скораго замужества Джени и съ еще бо̀льшимъ неудовольствіемъ видѣла критическое отношеніе молодой дѣвушки къ норборейской *jeunesse dorée*. Она иногда съ ужасомъ замѣчала, что пламеннѣе желала замужества Джени, чѣмъ ея духовнаго обращенія, но успокоивала свою совѣсть надеждой, что заблудшую овцу, быть можетъ, легче будетъ обратить на путь истинный послѣ брака.

II.

Черезъ мѣсяцъ послѣ прибытія Джени въ Норборо, случилось необычайное событіе, повергнувшее всѣхъ его жителей въ неописанное волненіе. Въ домѣ на горѣ, бывшей резиденціи сквайра, поселилось семейство, присутствіе котораго могло обратить этотъ скромный, уединенный уголокъ въ модное морское купанье. Богатство новыхъ обитателей Норборо, по слухамъ, было громадное, а ихъ знатность должна была стушевать всѣ мѣстныя, общественныя различія. Лэди Анна Лейтонъ, дочь лорда Камбербатча, и мистрисъ Лейтонъ—такъ звали вновь при-

бывшихъ незнакомокъ—поселились въ сквайрскомъ домѣ вмѣстѣ съ двадцати-трехъ-лѣтнимъ юношей, единственнымъ сыномъ послѣдней изъ нихъ. Обѣ онѣ были вдовы двухъ братьевъ, и, по смерти старшаго, лэди Анна, не имѣя дѣтей, лишилась большихъ помѣстій въ Барсетширѣ, которыя перешли къ сыну младшаго брата, умершаго еще ранѣе; въ виду такой перемѣны въ своемъ положеніи, она предложила невѣсткѣ жить вмѣстѣ и воспитывать сообща юнаго наслѣдника. «Вы будете его матерью, а я отцемъ», сказала она. Дѣйствительно, лэди Анна поставила на своемъ и вскорѣ совершенно забрала въ руки тихую, скромную невѣстку. Она управляла всѣмъ домомъ, выбирала мѣстопребываніе, браковала знакомыхъ и нанимала гувернантокъ и учителей для маленькаго Чарльса Реджинальда Гренвиля Лейтона. Мистрисъ Лейтонъ смотрѣла на лэди Анну съ какимъ-то страхомъ и обожаніемъ; она никогда не видывала никого умнѣе и добрѣе невѣстки, такъ что, когда она хотѣла кого-нибудь похвалить, то говорила: «Вы мнѣ напоминаете, конечно, очень слабо, лэди Анну». Она считала за особое счастье находиться подъ ея покровительствомъ, и, дѣйствительно, жизнь была бы для нея невыносимой, еслибъ она не имѣла сильной руки, на которую могла опереться во всякое время. По природѣ тихая, застѣнчивая, запуганная несчастіями женщина, она льнула къ лэди Аннѣ, какъ больное дитя къ матери, и послушно исполняла всѣ ея совѣты, не обсуждая даже, полезны они или нѣтъ, а твердо вѣря, что лэди Анна знала всѣхъ лучше, какъ слѣдовало поступить въ данномъ случаѣ.

Конечно, не мистрисъ Лейтонъ, а лэди Анна рѣшила покинуть на нѣсколько лѣтъ Лейтонъ-Кортъ и поселиться въ Норборо вмѣстѣ съ племянникомъ и его матерью. Хотя послѣдняя повѣрила на слово лэди Аннѣ, что жизнь въ Норборо будетъ пріятной перемѣной послѣ долгаго пребыванія въ Лейтонъ-Кортѣ, но необходимо указать на настоящую причину, побудившую лэди Анну предпочесть уединенное морское селеніе прекрасному зàмку въ веселой, живописной мѣстности. Съ незапамятныхъ временъ, Лейтоны изъ Лейтонъ-Корта извѣстны были, изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ горькія пьяницы, такъ что пьянство было наслѣдственнымъ недугомъ въ ихъ семействѣ. Мужъ лэди Анны самъ не былъ пьяницей, но умеръ въ молодости отъ роковой болѣзни, унаслѣдованной отъ пьянства предковъ; что же касается до мужа мистрисъ Лейтонъ, то онъ погибъ отъ *delirium tremens*. Зная эти грустные факты, лэди Анна, прежде всего, посовѣтовалась съ старымъ семейнымъ докторомъ о родовой наклонности Лейтоновъ къ пьянству и о вѣроятности пере-

хода этого недуга на маленькаго Чарли. «Воспитывайте мальчика какъ можно болѣе въ обществѣ его сверстниковъ, отвѣчалъ докторъ:—употребляйте всевозможныя усилія, чтобъ укрѣпить слабый его организмъ, и онъ не доставитъ вамъ никакихъ заботъ». Лэди Анна послѣдовала совѣту доктора, но не могла отдѣлаться отъ тревожныхъ опасеній. Она зорко слѣдила за мальчикомъ, и одно ее утѣшало, что Чарли былъ портретъ матери, какъ физически, такъ и умственно. Лейтоны всѣ отличались гордымъ, упрямымъ, мужественнымъ характеромъ и страстью къ охотѣ. Маленькій Чарли былъ кроткій, послушный, тихій ребенокъ. Онъ никогда не упрямился и не дулся, когда его заставляли дѣлать что-нибудь не понутру. Проходя мимо конуръ большихъ собакъ, онъ дрожащей рукой ухватывался за лэди Анну, которая думала съ утѣшительной улыбкой: «Онъ не похожъ на отца».

Впродолженіи всего дѣтства и юности Чарли Лейтона, лэди Анна безъ устали отыскивала ему пріятныхъ товарищей и первоклассныхъ наставниковъ, которые могли бы пріохотить мальчика къ занятіямъ и направить его къ добру. Желая доставить ему здоровыя развлеченія и забавы, она устроивала заграничныя путешествія и прогулки на яхтѣ. Всѣ окружавшіе его единогласно свидѣтельствовали о его добродушномъ, покорномъ, но чрезвычайно застѣнчивомъ и нервномъ характерѣ; зоркіе же наблюдатели замѣчали въ немъ недостатокъ нравственной силы. Онъ прекрасно велъ себя дома и въ средѣ избранныхъ лэди Анной наставниковъ и товарищей; онъ поступалъ хорошо, потому что всѣ побуждали его къ этому, и никогда ему не приходила въ голову мысль идти имъ на перекоръ. Но что будетъ, когда онъ придетъ въ столкновеніе съ людьми, могущими дурно повліять на него? На этотъ вопросъ его домашнее воспитаніе не давало возможности отвѣтить положительно. Когда Чарли минуло пятнадцать лѣтъ, то наставникъ сталъ убѣждать лэди Анну отдать его въ школу, гдѣ его характеръ могъ окрѣпнуть и сдѣлаться самостоятельнымъ для будущей борьбы съ жизнью. Лэди Анна давно уже объ этомъ думала; она боялась сдѣлать изъ него красную дѣвицу и, видя, что въ немъ не было ничего похожаго на Лейтоновъ, стала надѣяться, что онъ избѣгнетъ наслѣдственной склонности къ пьянству. Такимъ образомъ, Чарли поступилъ въ Итонъ, и, впродолженіи двухъ лѣтъ, лэди Анна съ удовольствіемъ слѣдила за его успѣхами. Но однажды, къ величайшему ея ужасу, она получила извѣстіе отъ его наставника, что юноша попалъ въ дурное общество и что присутствіе матери необходимо. Конечно, вмѣсто безпомощной мистрисъ Лей-

тонъ, въ Итонъ отправилась лэди Анна и узнала то, чего боялась болѣе всего на свѣтѣ. Директоръ школы объявилъ, что мальчикъ не былъ положительно дурнымъ, но, по слабости характера, подчинялся дурному вліянію, и, такъ какъ его два раза нашли мертвецки пьянымъ, то онъ не могъ болѣе оставаться въ школѣ. Лэди Анна ничего не отвѣчала, но мрачное отчаяніе, выразившееся на ея лицѣ, тронуло директора, и онъ поспѣшилъ ее успокоить.

— Не теряйте надежды, сказалъ онъ: — мальчикъ еще очень молодъ и также легко поддается хорошему, какъ и дурному вліянію. Мои увѣщанія послѣ перваго случая пьянства сильно на него подѣйствовали, и онъ искренно, по крайней мѣрѣ, въ то время, обѣщалъ исправиться.

— Вотъ это-то и страшно! воскликнула лэди Анна: — онъ знаетъ различіе между добромъ и зломъ, но не имѣетъ достаточнаго характера, чтобъ предпочесть первое послѣднему.

Въ тотъ же день, Чарли съ теткою уѣхалъ изъ Итона. Она объяснила ему причину его удаленія въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ, указывая на горе матери отъ такого позора; онъ плакалъ, проклиналъ свое безуміе и клялся никогда въ будущемъ не прикасаться къ крѣпкимъ напиткамъ, причемъ, однако, объяснялъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, что виною всему были товарищи. Это утѣшительное объясненіе было отчасти справедливо, но, если все дурное въ немъ было по винѣ другихъ, то точно также и все доброе въ немъ принадлежало другимъ. Слабость характера, унаслѣдованная имъ отъ матери, не могла удержать его отъ родового недуга, перешедшаго къ нему отъ отца. Лэди Анна не была довольна раскаяніемъ Чарли; она вѣрила въ его искренность, но не надѣялась на его рѣшимость исправиться. Впрочемъ, она все еще не отчаявалась, даже послѣ того, что ея опасенія подтвердились, и Чарли Лейтонъ въ послѣдующіе годы подвергался по временамъ припадкамъ пьянства, такъ какъ число и продолжительность этихъ припадковъ положительно зависѣли отъ степени надзора за нимъ. Между различными средствами, которыя лэди Анна принимала для развитія въ немъ трезвости, самымъ дѣйствительнымъ было личное нравственное вліяніе надежныхъ молодыхъ людей, которыми она его окружала въ качествѣ частныхъ секретарей и товарищей въ путешествіяхъ. Въ этомъ отношеніи она отличалась замѣчательнымъ искуствомъ въ выборѣ, и особливо послѣдній секретарь, мистеръ Форситъ, былъ чрезвычайно полезнымъ ея помощникомъ въ дорогомъ для нея дѣлѣ нравственнаго возрожденія племянника.

Мистеръ Форситъ, молодой человѣкъ, блестящимъ образомъ окончившій университетскій курсъ, произвелъ съ перваго взгляда на лэди Анну такое пріятное впечатлѣніе, что она немедленно рѣшила, во что бы то ни стало, приставить его къ Чарли. Обстоятельства ей помогли; мистеръ Форситъ былъ бѣденъ и самолюбивъ; онъ нуждался въ деньгахъ, ибо иначе не могъ достигнуть своихъ самолюбивыхъ цѣлей. Выйдя изъ университета, онъ часто говорилъ, что съ радостью продалъ бы себя на нѣсколько лѣтъ, еслибъ только этимъ путемъ могъ обезпечить себѣ на всю остальную жизнь полную свободу дѣлать, что̀ хотѣлъ, то есть, заниматься отвлеченными научными предметами, не дававшими средствъ къ существованію. Поэтому онъ, не колеблясь, принялъ предложеніе лэди Анны поступить въ секретари къ ея племяннику Чарли Лейтону съ жалованьемъ 500 ф. ст. въ годъ, хотя зная свѣтъ, онъ сразу смекнулъ, что у юноши, вѣроятно, былъ какой нибудь недостатокъ—иначе не предложили бы такой большой суммы. Видя же, что переговоры ведетъ не самъ Лейтонъ, а его тетка, онъ предположилъ, что, конечно, юноша—съумасшедшій, но все же не отказался отъ подобнаго мѣста и былъ очень пріятно удивленъ, узнавъ всю правду. Вліяніе мистера Форсита на бѣднаго, безхарактернаго Чарли было очень благодѣтельное, тѣмъ болѣе, что ему оказывалъ большую помощь вѣрный, надежный слуга Марстонъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ лэди Анны и выказывавшій рѣдкое искуство въ «обращеніи съ паціентомъ». Благодаря ихъ обоюднымъ усиліямъ, Чарли Лейтонъ, впродолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, только два раза, по выраженію Марстона, «нализался». Лэди Анна начинала уже надѣяться, что зло было почти искоренено, и рѣшилась совершенной перемѣной въ жизни молодого человѣка изгладить даже изъ его памяти всякую мысль о роковомъ прошедшемъ. Такимъ образомъ, Лейтонъ-Кортъ былъ покинутъ, и лэди Анна съ сестрой и племянникомъ поселилась въ Норборо. Онѣ остановила свой выборъ на этомъ скромномъ прибрежномъ мѣстечкѣ, потому что, представляя хорошую стоянку для яхты и изобилуя фазанами, оно вполнѣ удовлетворяло страсти Лейтона къ охотѣ и морскимъ прогулкамъ. Что̀ же касается до уединенія и отсутствія всякаго общества, то молодому человѣку это было совершенно все равно, если онъ только могъ предаваться своимъ любимымъ забавамъ, а лэди Анна и его мать согласились бы жить на льдинѣ у сѣвернаго полюса для пользы своего дорогого Чарли.

Трудно описать впечатлѣніе, произведенное на мирное населеніе Норборо пріѣздомъ лэди Анны и ея сестры, такъ какъ

Чарли Лейтонъ долженъ былъ прибыть только черезъ нѣсколько дней съ континента, гдѣ онъ провелъ около года съ своими вѣрными менторами, Форситомъ и Марстономъ. Прежде всего, норборейцамъ предстояло разрѣшить важный политическій вопросъ: слѣдовало ли имъ сдѣлать первый визитъ высоко поставленнымъ иностранцамъ, какъ называла мѣстная газета Лейтоновъ? Послѣ бурныхъ преній, онъ былъ разрѣшенъ утвердительно, благодаря, главнымъ образомъ, рѣзкой опозиціи мятежнаго офицера прибрежной стражи, Смолея, который громко объявилъ: «чортъ ихъ знаетъ, что за люди Лейтоны! можетъ быть, и мошенники, въ родѣ сэра Плантагенета Станлея, бѣжавшаго въ одну прекрасную ночь изъ Норборо, не заплативъ своихъ многочисленныхъ долговъ». Это явное неуваженіе къ высшей аристократіи возбудило всеобщее негодованіе, и капитанъ Макдуфъ, кичившійся своими свѣдѣніями въ генеалогіи англійскихъ «сливокъ», торжественно произнесъ: «Дерзкое нахальство мистера Смолея только доказываетъ его невѣжество; лэди Анна Лейтонъ— третья дочь лорда Камбербатча изъ рода Квэновъ, и, конечно, ее очень огорчитъ эта низкая инсинуація; поэтому, я завтра же докажу ей своимъ визитомъ, что нисколько не раздѣляю подобнаго оскорбительнаго мнѣнія». Вслѣдъ за капитаномъ, и все норборейское общество посѣтило сквайрскій домъ, чувствуя, что всякій, кто этого не сдѣлаетъ, будетъ сочтенъ за единомышленника мистера Смолея и соучастника въ недостойномъ подозрѣніи третьей дочери лорда Камбербатча въ мошенничествѣ.

Мистрисъ Донкастеръ съ дочерью смиренно исполнили обрядъ представленія знатнымъ незнакомкамъ, признанный норборейцами за очевидный долгъ всякаго британца; но, такъ какъ онѣ послѣднія исполнили эту обязанность, то до формальнаго знакомства имѣли случай видѣть въ церкви и на улицѣ лэди Анну и мистрисъ Лейтонъ. Лэди Анна и Джени Донкастеръ съ перваго взгляда почувствовали другъ къ другу какую-то симпатію. Царственная осанка и величественный видъ аристократки естественно поразили молодую дѣвушку, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей казалось, что она легко можетъ сойтись и подружиться съ этой невольно вселявшей къ себѣ уваженіе женщиной; съ другой стороны, и лэди Анна была изумлена съ перваго раза необыкновеннымъ достоинствомъ и энергіей молодой дѣвушки. Дѣйствительно, Джени, статная, высокаго роста, живая, сіяющая здоровьемъ и юностью, поражала нетолько правильными чертами своего прелестнаго лица, но природнымъ достоинствомъ и благородствомъ, которыми дышало все ея существо. Самой замѣчательной ея чертой, при черныхъ волосахъ и нѣжномъ цвѣтѣ лица,

были голубые глаза, спокойные, смѣлые, ясно говорившіе о твердой волѣ и непреклонной честности характера. Таково было выраженіе этихъ прелестныхъ глазъ, когда она молчала; но, при разговорѣ или малѣйшемъ волненіи, въ нихъ играли тысячи различныхъ выраженій; между прочимъ въ нихъ искрился неподдѣльный веселый юморъ. Невозможно представить подробный инвентарь всѣхъ очаровательныхъ чертъ молодой дѣвушки, и совершенно достаточно общаго замѣчанія, что, при необыкновенной красотѣ ея лица, вся ея граціозная фигура выражала безъискуственный, твердый, смѣлый характеръ, для котораго власть была какъ бы присуща. Въ норборейской школѣ для малолѣтнихъ дѣтей, куда Джени ходила постоянно учить съ своей матерью, ей всегда давали самыхъ упрямыхъ, непослушныхъ дѣтей, такъ какъ они никогда не смѣли ее ослушаться. Ей стоило только сказать два слова самому капризному ребенку, приводившему въ отчаяніе мать или няньку, и маленькое существо тотчасъ же прекращало крикъ и слезы, съ изумленіемъ вытаращивъ глаза и инстинктивно понимая, что съ подобной нравственной силой борьба невозможна. Естественно, что эта молодая дѣвушка не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на лэди Анну, которая постоянно думала объ отысканіи людей съ сильнымъ характеромъ для нравственнаго развитія своего бѣднаго, слабаго племянника. «Она—просто совершенство, Эмили, по красотѣ и достоинству, говорила лэди Анна своей сестрѣ:—я право не понимаю, какъ такое великолѣпное созданіе попало въ этотъ отдаленный уголокъ! Какой у ней ротъ, какой подбородокъ!» Еслибъ лэди Анна увидала такой ротъ и подбородокъ у мужчины, то непремѣнно наняла бы его въ секретари къ Чарли. Даже теперь она стала соображать: нельзя ли пригласить Джени въ компаньонки къ мистрисъ Лейтонъ и подвергнуть Чарли ея вліянію. Но, конечно, эту мысль невозможно было осуществить, такъ какъ неприлично на молодую дѣвушку наложить обязанность нравственнаго стража юноши. Но отказаться отъ подобнаго плана было тѣмъ грустнѣе для лэди Анны, что пасторъ объяснилъ ей необыкновенныя педагогическія способности миссъ Донкастеръ, которая такъ искусно обращалась съ дѣтьми, что, по его словамъ, вѣроятно, заимствовала у великаго Рарея секретъ укрощенія строптивыхъ. «Жаль, что она—не мужчина, со вздохомъ думала лэди Анна:—намъ именно нужно для Чарли такого укротителя».

Мистрисъ Донкастеръ и Джени посѣтили сквайрскій домъ именно въ тотъ день, когда ожидали прибытія Чарли Лейтона и сѣни были загромождены присланными впередъ ящиками съ

драгоцѣнными предметами искуствъ, которые юноша накупилъ въ Италіи. Естественно, разговоръ, главнымъ образомъ, касался пріѣзда Лейтона, котораго мать и тетка не видали около года.

— Можете себѣ представить, миссъ Донкастеръ, сказала мистрисъ Лейтонъ:—что мой сынъ пріѣхалъ въ Лондонъ четыре дня тому назадъ и до сихъ поръ остается тамъ, чтобъ возобновить свой гардеробъ. Я писала ему съ упрекомъ за предпочтеніе портнаго своей матери, но мистеръ Форситъ увѣряетъ, что я не узнала бы сына въ его иностранной одеждѣ. Ка̀къ вы думаете, неужели одежда можетъ такъ измѣнять человѣка?

— Мистеръ Лейтонъ, вѣроятно, считаетъ Норборо, отвѣчала Джени:—совершенной пустыней, гдѣ также трудно достать платье, какъ въ лѣсахъ Австраліи; впрочемъ, онъ, можетъ быть, останется при томъ же мнѣніи, когда увидитъ художественныя произведенія норборейскаго портнаго.

— Кстати, о художественныхъ произведеніяхъ, продолжала мистрисъ Лейтонъ:—Чарли привезъ изъ Рима много прекрасныхъ вещей. Мистеръ Форситъ, знатокъ въ живописи, говоритъ, что эта коллекція картинъ прелестна. Мы еще не успѣли распаковать вещей, а когда все будетъ приведено въ порядокъ, то вамъ надо придти и посмотрѣть на сокровища Чарли.

— А! вы говорите о картинахъ! воскликнула лэди Анна, перебивая Джени, которая начинала благодарить за любезное приглашеніе:—мы нарочно не распаковывали ящиковъ, чтобы доставить Чарли самому это удовольствіе. Ему придется поработать, конечно, нѣсколько дней, но все это ему ни почемъ, когда дѣло идетъ о любимыхъ картинахъ.

— А скажите, мистрисъ Лейтонъ, вмѣшалась въ разговоръ мистрисъ Донкастеръ:—очень тяжелое впечатлѣніе произвели на вашего сына всѣ ужасы папства въ Римѣ?

— Да̀, вѣроятно, отвѣчала мистрисъ Лейтонъ:—Анна, упоминалъ-ли когда нибудь объ этомъ Чарли въ своихъ письмахъ?

— Молодые люди не обращаютъ вниманія на подобные предметы мистрисъ Донкастеръ, сказала лэди Анна:—и, вѣроятно, по мнѣнію моего племянника, самое печальное проявленіе папства въ Римѣ—страшное санитарное положеніе города. Викторъ-Эмануилъ, по его словамъ, намѣренъ все это исправить, и вскорѣ Римъ будетъ также хорошо вымощенъ, освѣщенъ и дезенфектированъ, какъ Лондонъ.

Джени, какъ всѣ молодые люди, страстно любила путешествія и съ любопытствомъ начала разспрашивать лэди Анну о Римѣ, тогда какъ ея мать старалась убѣдить мистрисъ Лейтонъ въ нечестивости всѣхъ ужасовъ папства. Когда обѣ онѣ удалились

изъ сквайерскаго дома, то всѣ ихъ мысли были заняты магическимъ словомъ Римъ; но мистрисъ Донкастеръ понимала его въ религіозномъ смыслѣ, а Джени въ художественномъ. Одна обѣщала возвратиться къ Лейтонамъ черезъ два дня для осмотра колекціи картинъ, а другая предложила прислать мистрисъ Лейтонъ цѣлую серію анти-католическихъ брошюръ, которыя помогли бы обратить ея сына на путь истинный, если онъ былъ совращенъ съ него въ Римѣ. Одна думала: «Я дала бы десять лѣтъ жизни, чтобъ посѣтить вѣчный городъ», а другая говорила про себя, что ни за что̀ не отпустила бы своего дѣтища на такую вѣрную погибель, какъ сдѣлала мистрисъ Лейтонъ съ своимъ сыномъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, пріѣхалъ въ Норборо Чарли Лейтонъ со своей свитой, и лэди Анна, воспользовавшись первой свободной минутой, увела въ паркъ мистера Форсита, чтобъ на свободѣ разспросить его о вліяніи годичнаго путешествія на Чарли.

— Ну, ка̀къ онъ себя велъ? спросила она съ нетерпѣніемъ:— скажите мнѣ всю правду.

— Я не могу дать вамъ очень утѣшительнаго отвѣта, произнесъ онъ:—ему не хуже, но и не лучше. Впродолженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, мы съ Марстономъ держали его на помочахъ, и онъ велъ себя отлично; но потомъ я хотѣлъ испытать, какъ на него подѣйствуетъ свобода, и убѣдиться, дѣйствительно ли онъ трезвъ только изъ страха. Эта попытка, какъ и многія другія, вполнѣ не удалась. Онъ мертвецки напивался всякій разъ, когда думалъ, что мы за нимъ не наблюдали. Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, онъ ни разу не пилъ, и, смотря на него, никто не усумнится въ его трезвости. Но я убѣжденъ, что ему вѣчно будетъ необходимъ самый зоркій присмотръ.

Форситъ позволилъ себѣ выражаться такъ прямо и рѣзко потому, что лэди Анна казалась такъ сильна, такъ неуязвима, что никакая дурная вѣсть не могла ее взволновать. Еслибъ при первыхъ его словахъ она заплакала или вздрогнула, или хоть отвернулась, то онъ понялъ бы, что нанесъ тяжелый ударъ ея сердцу. Но лицо лэди Анны не выражало ни малѣйшаго смущенія; оно только казалось строже обыкновеннаго, и скорѣе въ немъ можно было прочесть гнѣвъ и твердую готовность идти на бой, чѣмъ сожалѣніе и отчаяніе. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ она шла, молча, ускоривая шаги.

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія о безнадежномъ положеніи Чарли, сказала она, наконецъ, рѣзкимъ голосомъ:—я никогда не повѣрю, что его нельзя спасти. Если тѣ вліянія, которымъ мы

его подчиняли, оказались недостаточными, то это еще не доказываетъ, что нѣтъ болѣе могучихъ.

— Вы, можетъ быть, и правы, отвѣчалъ Форситъ:—и я былъ бы очень радъ, еслибъ ваши слова̀ исполнились. Я могу ошибаться, тѣмъ болѣе, что вполнѣ сознаю свою неудачу въ этомъ дѣлѣ, а потому очень вѣроятно, что мнѣ изъ простаго самолюбія кажется, что никто не одержитъ побѣды тамъ, гдѣ я потерпѣлъ пораженіе.

— Вы ошибаетесь; я никакъ не могу назвать вашу дѣятельность неуспѣшной. Вы сами говорите, что онъ ни разу не пилъ впродолженіи полугода.

— По моему, этотъ успѣхъ не имѣетъ никакого значенія, отвѣчалъ Форситъ:—пока воръ находится въ тюрьмѣ, онъ не воруетъ; но вы не можете сказать, что онъ исправился, прежде, чѣмъ онъ докажетъ на свободѣ свою честность. Лейтонъ трезвъ, пока я и Марстонъ наблюдаемъ за нимъ, а говорить объ успѣхѣ можно будетъ только, когда онъ самъ станетъ заботиться о своей трезвости безо всякаго надзора.

Слова Форсита грустно отзывались въ сердцѣ лэди Анны; а рѣзкость его выраженій, особливо сравненіе ея племянника съ воромъ, оскорбляло ее. Она была аристократка до мозга костей и полагала что Лейтонъ, владѣлецъ Лейтонъ-Корта, состоящій подъ особымъ покровительствомъ дочери лорда Камбербатча, былъ неизмѣримо выше обыкновенныхъ смертныхъ, и хотя былъ пьяница, но всѣ должны были выражаться о немъ съ уваженіемъ. Однако, несмотря на все свое неудовольствіе, она не могла ссориться съ Форситомъ, не найдя ему преемника, и потому спокойно отвѣчала:

— Я надѣюсь, что мало по малу трезвость войдетъ у него въ привычку, хотя бы для этого пришлось его держать нѣсколько лѣтъ подъ строгимъ надзоромъ. Къ тому же, еслибъ, кромѣ привычки, онъ имѣлъ еще новый, сильный поводъ къ воздержанію, я полагаю, что онъ былъ бы спасенъ.

— Какой еще можно придумать новый поводъ къ воздержанію?

Лэди Анна не тотчасъ отвѣчала; не потому, чтобъ она не знала, что̀ сказать, но сомнѣвалась, слѣдовало ли вполнѣ довѣряться Форситу. Послѣ минутнаго размышленія, она рѣшилась не высказывать ему всѣхъ своихъ намѣреній и только отвѣчала:

— Не трудно привести много новыхъ поводовъ къ воздержанію для молодого человѣка въ положеніи Чарли. Онъ, напримѣръ, могъ бы быть членомъ парламента.

Мистеръ Форситъ пожалъ плечами, какъ бы говоря: «Господи! сохрани нашу бѣдную страну». Еслибъ онъ зналъ, что̀ дѣйствительно, задумала лэди Анна, то, конечно, выразилъ бы свою опозицію гораздо рѣзче, но онъ совершенно не вѣдалъ ея новой идеи. Ей теперь казалось, что самымъ вѣрнымъ средствомъ нравственнаго перерожденія ея племянника былъ бракъ и что Джени Донкастеръ—лучшая для него жена. Чѣмъ безнадежнѣе смотрѣлъ Форситъ на будущность Чарли, тѣмъ съ бо̀льшимъ упорствомъ лэди Анна льнула къ новому, еще не испробованному средству, къ вліянію страха опозорить себя въ глазахъ любимой женщины. Вспоминая смѣлые, живые глаза Джени и рѣшительное очертаніе ея рта, съ перваго взгляда возбудившіе ея восторгъ, она не могла не придти къ тому убѣжденію, что нашла настоящую, достойную жену для Чарли; онъ, конечно, будетъ очарованъ ея красотой, подчинится ея сильной волѣ и будетъ бояться потерять ея уваженіе. Правда, семейство молодой дѣвушки нельзя было назвать приличнымъ, но не трудно было отъ него отдѣлаться, и къ тому же, роковое несчастье обязывало Чарли пожертвовать въ дѣлѣ брака своей аристократической гордостью. Еслибъ не это несчастье, то лэди Анна также мало подумала бы о женитьбѣ племянника на миссъ Донкастеръ, какъ на любой горничной.

— Онъ былъ бы лучшей партіей въ Барсетширѣ, думала она со вздохомъ и мысленно прибавляла, смотря на прекрасный опалъ въ одномъ изъ ея колецъ:—но во всемъ такъ бываетъ. Еслибъ этотъ опалъ былъ безъ малѣйшаго порока, то имъ владѣть могъ бы только Ротшильдъ или Эстергази, а я купила его за пятьдесятъ пенни и благодарила небо, что онъ въ теперешнемъ своемъ положеніи мнѣ по карману.

Однако, планъ женитьбы Чарли на Джени Донкастеръ былъ еще въ самомъ зародышѣ, и лэди Анна не хотѣла высказывать его кому бы то ни было прежде, чѣмъ онъ окончательно созрѣетъ. Поэтому, не желая, чтобъ Форситъ догадался, о какомъ новомъ поводѣ къ воздержанію она упоминала, лэди Анна ловко перемѣнила разговоръ и стала распространяться о прелестяхъ Норборо для Чарли, о прекрасной гавани для яхты и о множествѣ зайцевъ и всякой дичи въ окрестностяхъ.

— Главное дѣло—чтобъ онъ былъ пріятно занятъ, сказала она:—а здѣсь мы можемъ ему одинаково доставить удовольствіе на сушѣ и на морѣ.

— А есть здѣсь люди? спросилъ Форситъ, которому страшно надоѣли охота и прогулки въ яхтѣ.

— Едва ли найдется одно существо, съ которымъ можно было

бы сойтись, отвѣчала лэди Анна:—туземцы были у насъ съ визитомъ, но я видѣла только одну приличную молодую особу.

— Я надѣюсь, что вы слишкомъ строго относитесь къ туземцамъ, сказалъ Форситъ, любившій поговорить и естественно желавшій найти пріятныхъ собесѣдниковъ.

— Конечно, я преувеличиваю, поспѣшно произнесла лэди Анна, снова боясь выдать себя:—здѣшній пасторъ—очень пріятный человѣкъ; онъ каждое воскресенье говоритъ коротенькія, приличныя проповѣди; онъ прекрасно сохранился и имѣетъ хорошія манеры, а также знакомъ немного съ геологіей, живописью, архитектурой и обществомъ. Показывая мнѣ свою церковь, онъ объяснилъ, что, благодаря здоровому климату Норборо, онъ сохранилъ нѣжный цвѣтъ лица, а, благодаря отчужденію отъ норборейскаго общества—свои изящныя манеры.

— А молодая особа, о которой вы только-что говорили—дочь этого образцоваго пастора? спросилъ, смѣясь, Форситъ.

— О, нѣтъ, онъ не женатъ; иначе, онъ смѣшался бы съ норборейскимъ обществомъ. Моя красавица—миссъ Донкастеръ, дочь вдовы. Она придетъ къ намъ дня черезъ два, чтобъ посмотрѣть на картины Чарли, и, пока она будетъ любоваться картинами, вы можете любоваться ею.

Между тѣмъ, они приближались къ дому, и Форситъ удивлялся, какъ мало подѣйствовалъ на лэди Анну его безнадежный отзывъ о племянникѣ; но вдругъ лэди Анна, послѣ нѣкотораго молчанія, сбросила съ себя маску равнодушія и произнесла съ искренней, жгучей печалью:

— Мистеръ Форситъ, мать Чарли не должна знать того, что вы мнѣ сказали: это ее убило бы. Я сама умерла бы съ горя, еслибъ меня еще не поддерживала надежда. Вы ошибаетесь, я знаю, что вы ошибаетесь въ своемъ безнадежномъ взглядѣ; но иногда мнѣ кажется, что я была бы счастлива, еслибъ увидала его мертвымъ. Когда я потеряю всякую надежду, то, право, буду въ состояніи убить его собственными руками. Не заставляйте меня отчаяваться; одна мысль объ этомъ сводитъ меня съ ума.

— Простите меня! Простите меня! воскликнулъ Форситъ, мысленно упрекая себя за то, что онъ нанесъ такой безжалостный ударъ любящему, пламенному сердцу, прикрытому только гордой, равнодушной оболочкой:—я виноватъ, что выразился такъ грубо. Я всегда дѣлаю преждевременные выводы и сужу о людяхъ безъ достаточныхъ данныхъ. По всей вѣроятности, вы правы, а не я.

Форситъ говорилъ эти слова совершенно искренно, прибавляя въ глубинѣ своей души: «Если я ошибся въ ней, то отчего же мнѣ не ошибится въ немъ?» Однако, насколько дѣло касалось

Чарли Лейтона, лэди Анна ошибалась, а Форситъ былъ правъ. Безхарактерность молодого человѣка дѣлала его исправленіе немыслимымъ; ткань его ума была такая рѣдкая, что въ нее никакъ нельзя было вставлять заплатки, какъ нельзя чинить старое платье новыми вставками.

— Помогите мнѣ доказать вамъ, что я права, сказала лэди Анна, входя въ домъ, и черезъ минуту ея голосъ послышался въ гостиной, гдѣ она со смѣхомъ разсказывала племяннику о впечатлѣніи, произведенномъ на нее норборейскимъ обществомъ.

Форситъ не могъ не изумиться этой быстрой перемѣнѣ. За мгновеніе передъ тѣмъ, глаза лэди Анны были полны слезъ и всѣ черты ея лица выражали истинное горе, а теперь она весело смѣялась.

На другой день, Джени явилась въ сквайрскій домъ для осмотра картинъ и принесла отъ матери пакетъ, не подозрѣвая, что въ немъ находились религіозныя анти-католическія брошюры, такъ какъ мистрисъ Донкастеръ, зная ея антипатію къ подобной литературѣ, скрыла отъ нея, что̀ именно она должна была вручить мистрисъ Лейтонъ. Молодую дѣвушку встрѣтила лэди Анна и, не желая доставить неудовольствія Джени открытіемъ пакета при ней, а равно возстановить свое семейство противъ мистрисъ Донкастеръ, взяла пакетъ и отнесла въ свою комнату, гдѣ впослѣдствіи, пробѣжавъ брошюры, сожгла ихъ въ каминѣ. Она была увѣрена, что мистрисъ Лейтонъ забыла объ обѣщанныхъ сочиненіяхъ, а еслибъ мистрисъ Донкастеръ спросила ее о нихъ, то можно было легко увѣрить ее, что она получила книги. Когда Джени, вмѣстѣ съ лэди Анной, вошли въ залу сквайерскаго дома, то распаковка картинъ не была еще окончена. Молодые люди забросали полъ залы, бильярдной и кабинета бумагами и опилками, среди которыхъ виднѣлись тамъ и сямъ молотки, клещи, отвертки и длинные обломки ящиковъ съ торчащими гвоздями. Бильярдъ былъ загроможденъ уже распакованными сокровищами, и Чарли Лейтонъ, прислонясь къ нему, смотрѣлъ съ нетерпѣніемъ, какъ Форситъ энергично работалъ надъ открытіемъ крышки одного изъ ящиковъ. Форситъ подалъ мысль о томъ, чтобъ они сами распаковали ящикъ, полагая, что это занятіе будетъ гораздо веселѣе, чѣмъ прогулка по морю, которая ему еще успѣетъ надоѣсть. Добродушная мистрисъ Лейтонъ нашла эту идею, преобразить ея сына въ столяра, чрезвычайно умной и оригинальной. «А вотъ я, говорила она: — никогда не сочинила бы ничего подобнаго, хотя бы думала сто лѣтъ». Сначала Чарли работалъ ревностно, но вскорѣ ударилъ нѣсколько разъ молоткомъ себѣ по пальцамъ, сорвалъ кожу съ суставовъ

обѣихъ рукъ, натеръ мозоли на ладоняхъ, сломалъ рамку у одной картины и едва не разрѣзалъ стамеской другую. Поэтому онъ прекратилъ работу и ограничился тѣмъ, что слѣдилъ за усиліями Форсита, отыскивалъ для него инструменты и громко сожалѣлъ, что не выписалъ изъ Лондона искусныхъ работниковъ, которые гораздо скорѣе и лучше распаковали бы ящики.

— Ну, что̀ вы можете намъ показать, Чарли? спросила лэди Анна, входя въ бильярдную.

— Ничего, кромѣ израненныхъ рукъ, отвѣчалъ онъ.

— Подождите, прибавилъ Форситъ:—я вамъ устрою мостъ для безопаснаго прохода чрезъ комнату къ диванамъ.

Съ этими словами онъ положилъ доски отъ двери къ сидѣніямъ вокругъ стѣнъ. Лэди Анна и мистрисъ Лейтонъ осторожно прошли по этому импровизированному мосту, но Джени смѣло проложила себѣ путь по полу. Ея короткое, суконное платье и толстыя ботинки не боялись инструментовъ, скрывавшихся подъ грудами бумагъ и опилокъ. Благополучно помѣстившись на диванахъ, лэди Анна и мистрисъ Лейтонъ объявили, что онѣ всегда успѣютъ наглядѣться на картины, а необходимо только показать миссъ Донкастеръ то, что̀ было уже распаковано. Такимъ образомъ, Джени обошла всю комнату съ молодыми людьми, которые объясняли ей картины, пока лэди Анна слѣдила за впечатлѣніемъ, производимымъ ею. Джени была въ восторгѣ отъ всего, что̀ видѣла, и вскорѣ забыла свою обычную застѣнчивость. Форситъ краснорѣчиво распространялся о сокровищахъ дрезденской галлереи и ловко заставлялъ ее передавать свои впечатлѣнія о національной галлереи; что̀ же касается до Чарли, то онъ лишь повременамъ жаловался на причиненный его рукамъ вредъ распаковкой ящиковъ.

— Форситъ настоялъ на томъ, чтобъ мы сами работали, сказалъ онъ, между прочимъ: — и посмотрите, на что̀ похожи мои руки.

— Я право не понимаю, ка̀къ подобная странная мысль вошла въ голову мистера Форсита, замѣтила мистрисъ Лейтонъ.

— Я тутъ не вижу ничего страннаго, сказала Джени:—я дома—столяръ и плотникъ, такъ что, вѣроятно, открыла бы ящикъ съ меньшимъ кровопролитіемъ, чѣмъ мистеръ Лейтонъ.

— Прежде, чѣмъ я примусь вторично за такую работу, позвольте мнѣ у васъ поучиться, миссъ Донкастеръ, произнесъ Чарли, низко кланяясь.

Между тѣмъ Форситъ снова принялся за распаковку ящиковъ, желая показать Джени какую-то картину, которую онъ еще не могъ никакъ отыскать.

— Вонъ Форситъ опять работаетъ, сказалъ Чарли сквозь зубы:—онъ просто неутомимъ.

— Эта работа должна быть очень пріятна; по крайней мѣрѣ, она прекрасно вознаграждается, замѣтила Джени.

— Вы, кажется, любите это здоровое занятіе и отличный работникъ, сказала лэди Анна: — будьте такъ добры, останьтесь съ нами и помогите этимъ уставшимъ труженикамъ.

Джени согласилась и провела нѣсколько часовъ въ сквайрскомъ домѣ. Чарли отыскалъ для нея инструменты и съ восхищеніемъ смотрѣлъ, кàкъ она ловко и живо распаковывала громадный ящикъ. Лэди Анна была чрезвычайно рада успѣшному ходу своей комбинаціи, и вскорѣ молодые люди совершенно подружились. Когда же Джени стала прощаться, то мистрисъ Лейтонъ замѣтила:

— Кàкъ-то ты, Чарли, будешь завтра продолжать распаковку вещей?

— Да совсѣмъ не буду, если миссъ Донкастеръ снова не придетъ, отвѣчалъ онъ;—ей не слѣдовало вовсе помогать намъ, если она не намѣрена докончить дѣло.

— Ахъ, ты неблагодарный! воскликнула лэди Анна: — слышите, чтò онъ говоритъ, миссъ Донкастеръ?

— Мистеръ Лейтонъ смѣется надъ моей помощью, отвѣчала Джени, неожиданно замѣчая чтò-то странное, необыкновенное въ манерахъ Чарли и его тётки.

Лейтонъ хотѣлъ-было отвѣтить, но лэди Анна, замѣтивъ смущеніе молодой дѣвушки и легкій румянецъ, выступившій на ея щекахъ, взяла ея за руку и любезно проводила до сѣней.

— До свиданія, милая миссъ Донкастеръ, сказала она прощаясь:—благодарю васъ за пріятное утро.

III.

Джени вернулась домой изъ сквайрскаго дома не прямо, а по морскому берегу, гдѣ свѣжій вѣтерокъ и любимое зрѣлище пѣнистыхъ волнъ успокоили странное, тревожное чувство, возбужденное въ ней необыкновеннымъ вниманіемъ, которое ей оказали, прощаясь, лэди Анна и Чарли Лейтонъ. Сначала это ее встревожило, но теперь она пришла къ тому убѣжденію, что въ ихъ манерахъ не было ничего чрезвычайнаго или лично до нея касающагося, а онѣ только выражали великосвѣтскую любезность аристократовъ къ скромной, застѣнчивой, молодой дѣвушкѣ низшаго происхожденія. Впрочемъ, вскорѣ всякая мысль

о Лейтонахъ изгладилась изъ ея головы, такъ какъ она нашла дома письмо отъ своего дорогого друга, Маргариты Чесней, объявлявшей радостную вѣсть объ ея скоромъ бракѣ. «Ты часто смѣялась надъ моей страстью къ новымъ впечатлѣніямъ, писала она съ ея обычнымъ трезвымъ, здравомыслящимъ взглядомъ на вещи: — и теперь, испытавъ счастье взаимной любви, я вижу, что безъ нея жизнь не имѣетъ и половины своей цѣны. Конечно, я не умерла бы съ отчаянія, еслибъ то, что̀ я испытала въ послѣдній мѣсяцъ, оказалось бы несбыточной мечтой, но я прозябала бы, какъ больные съ однимъ легкимъ или пораженные смертельнымъ недугомъ». О своемъ будущемъ мужѣ она говорила очень мало, и Джени изъ ея письма могла узнать только, что его звали Робертъ Вильямсъ, что онъ окончилъ университетскій курсъ въ Кембриджѣ, находился тамъ туторомъ и теперь былъ пасторомъ въ Окгёрстѣ. Однако, ея любопытство насчетъ мистера Вильямса было вскорѣ удовлетворено совершенно неожиданнымъ образомъ.

Черезъ нѣсколько дней, лэди Анна зашла къ мистрисъ Донкастеръ подъ предлогомъ собрать справки о школѣ для малолѣтнихъ дѣтей, но, въ сущности, чтобъ позвать снова Джени въ сквайрскій домъ. Узнавъ о свадьбѣ ея подруги, она замѣтила, что мистеръ Форситъ также изъ кембриджскаго университета и, вѣроятно, знакомъ съ мистеромъ Вильямсомъ, а потому, еслибъ миссъ Донкастеръ согласилась сопутствовать ей и мистрисъ Лейтонъ въ морской прогулкѣ на яхтѣ на слѣдующее утро, то могла бы, вѣроятно, узнать отъ Форсита всѣ подробности объ интересовавшемъ ее человѣкѣ. Джени съ благодарностью приняла приглашеніе, и день, проведенный ею на «Прекрасной Еленѣ», былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ въ ея жизни. Она страстно любила море; любезное обращеніе лэди Анны невольно ей льстило, и, вообще, блестящая жизнь Лейтоновъ, представлявшаяся ей въ розовомъ свѣтѣ, была пріятнымъ контрастомъ съ однообразнымъ, скучнымъ ея существованіемъ, не представлявшемъ исхода ея здоровой, веселой натурѣ. Восторженный отзывъ Форсита о мистерѣ Вильямсѣ, который былъ его туторомъ въ университетѣ, доставилъ ей большое удовольствіе, и только изъисканная учтивость Чарли Лейтона нѣсколько портила веселое настроеніе молодой дѣвушки. Онъ не отходилъ отъ нея, помогалъ ей взойти на яхту съ такой заботливостью, словно она была калѣка, мѣшалъ ей смотрѣть въ телескопъ, придерживая рукой отверстіе и тѣмъ заслоняя свѣтъ, старательно устранялъ изъ-подъ ея ногъ веревки на палубѣ, которыя ей нисколько не заграждали путь, и, говоря объ ея искусствѣ въ столярномъ ремеслѣ,

цвѣтисто распространялся о той чести, которую она оказала вскрытому ею ящику. Джени не привыкла къ подобнымъ манерамъ и къ такой пустой болтовнѣ, а потому неотвязчивая любезность Лейтона была противна ея простой, безъискуственной натурѣ. Стараясь избѣгнуть его комплиментовъ, она нарочно наводила разговоръ на такіе предметы, которые, повидимому, не могли лично касаться до нея, но все было тщетно. Напримѣръ, она заставила его разсказывать о жизни въ Лейтонъ-Кортѣ и радовалась, что уже тутъ о ней не могло быть и рѣчи. Но Чарли, расписывая красоты парка, естественно, перешелъ къ своей любимой охотѣ, потомъ къ верховой ѣздѣ и, наконецъ, неожиданно спросилъ:

— А вы ѣздите верхомъ, миссъ Донкастеръ?

— Нѣтъ, развѣ иногда на ослѣ.

— Вы должны ѣздить верхомъ, я васъ увѣряю, вы должны. Вы сразу сдѣлаетесь прекрасной наѣздницей. Есть люди, которые не могутъ ѣздить верхомъ, напримѣръ—моя мать; а вотъ тётка — чудесная амазонка. Эта способность видна съ перваго взгляда; довольно взглянуть на нее и на васъ.

— Хорошо, я когда нибудь попробую и увижу, правы ли вы, отвѣчала Джени, не желая вступать съ нимъ въ споръ и избѣгая его пристальныхъ взглядовъ.

— Попробуйте завтра, продолжалъ онъ настойчиво:—лэди Анна будетъ очень рада ѣздить съ вами.

— Нѣтъ, благодарю васъ, это невозможно, сказала Джени, отворачиваясь отъ него и подходя къ остальному обществу, приготовлявшему завтракъ на палубѣ.

— Что̀ невозможно? спросила мистрисъ Лейтонъ, рѣзавшая кэкъ въ такомъ количествѣ, что̀ можно было бы накормить сотню голодныхъ школьниковъ.

— Невозможно съѣсть всего этого кэка, моя милая, произнесла быстро лэди Анна, понимая, что Джени не захотѣла бы громко повторить того, что она признавала невозможнымъ.

Лэди Анна увидѣла, что Чарли слишкомъ льнулъ къ молодой дѣвушкѣ, которая видимо смущалась его неотвязчивостью, и, къ величайшему удовольствію Джени, освободила ее на остальное время отъ любезностей Чарли, предоставивъ ей исключительно общество мистрисъ Лейтонъ и Форсита. Съ послѣднимъ Джени очень подружилась. Ей особенно нравилось, что онъ, говоря съ нею, забывалъ о различіи ихъ половъ и серьёзно разсуждалъ объ интересовавшихъ его предметахъ. Онъ предоставлялъ ей заботиться о себѣ, не подавалъ ей стула, не отворялъ передъ ней дверей, не держалъ ея зонтика. Все это онъ

дѣлалъ въ отношеніи другихъ женщинъ, потому что онѣ этого, очевидно, желали; но онъ съ перваго взгляда понялъ, что Джени были противны подобныя церемоніи. Но, въ тоже время, еслибъ ей понадобилась серьёзная услуга, то она скорѣе всего отнеслась бы къ нему и съ удовольствіемъ замѣчала различіе между его обращеніемъ съ нею и съ другими женщинами. Такъ, онъ старательно выгружалъ съ яхты въ лодку лэди Анну и мистрисъ Лейтонъ, словно онѣ были стеклянныя, а Джени предоставилъ самой соскочить съ лѣстницы и, подавая ей весло, сказалъ очень просто:

— Вы будете грести? Лейтонъ и матросы послѣдуютъ за нами въ другой лодкѣ.

Возвратясь домой, Джени нашла мать въ очень грустномъ настроеніи и старалась развеселить ее разсказомъ о проведенномъ ею пріятномъ днѣ.

— Только, мама, ужь мистеръ Лейтонъ слишкомъ любезенъ, говорила она: — просто противно. Кажется, еслибъ онъ увидалъ булавку на полу, то сказалъ бы съ сладкой улыбкой: «позвольте мнѣ удалить изъ-подъ вашихъ ножекъ эту металлическую преграду»; или, по крайней мѣрѣ, предложилъ бы руку, чтобъ перешагнуть черезъ нее.

— Ка̀къ ты преувеличиваешь, дитя мое! сказала мистрисъ Донкастеръ, съ любовью гладя по головкѣ Джени, усѣвшуюся подлѣ нея на скамейкѣ.

— Вы не можете себѣ представить, мама, ка̀къ это бѣситъ, продолжала молодая дѣвушка:—чувствуешь себя здоровой, сильной, готовой кричать отъ радости, что живешь, а тутъ съ вами обращаются, какъ съ калѣкой, которая не можетъ поднять ни руки, ни ноги.

Мистрисъ Донкастеръ никогда въ жизни не чувствовала желанія «кричать отъ радости, что живетъ», а, въ послѣднее время, ее очень тревожили постоянно усиливавшіяся изнеможеніе и слабость. Она старалась увѣрить себя, что это было только слѣдствіе нравственнаго безпокойства о будущности дочери, и при ней не выказывала никакихъ симптомовъ болѣзни, но, оставшись наединѣ, предавалась мрачному отчаянію при мысли, что она скоро умретъ, оставивъ Джени безъ куска хлѣба. Въ этотъ самый день, проведенный ею въ совершенномъ одиночествѣ, горячка мрачнаго страха и болѣзненнаго томленія едва не свела ее съума. Все же она не хотѣла сказать ни слова Джени и рѣшилась тайно отъ нея посовѣтоваться съ докторомъ; но теперь, видя дочь, сіяющую здоровьемъ и беззаботной веселостью, она съ горечью сознала, что между ними не было ничего общаго, и хотя не могла ее въ этомъ упрекать, такъ какъ сама не раздѣ-

ляла съ нею горя, глаза ея невольно наполнились слезами. Джени, занятая своимъ разсказомъ объ уморительномъ обращеніи мистера Лейтона, не замѣчала ничего и только съ испугомъ подняла голову, когда мистрисъ Донкастеръ вдругъ громко зарыдала.

— Милая мама! что̀ съ вами? воскликнула она, обвивая ея шею руками:—разгнѣвала я васъ чѣмъ нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала мистрисъ Донкастеръ, заливаясь слезами.

Джени уложила ее на диванъ и стала прикладывать холодные компресы къ ея пылающимъ вискамъ. Она очень испугалась этому необыкновенному припадку, такъ какъ ея мать была всегда очень сдержанна и спокойна.

— Мама, что васъ тревожитъ? спросила она тихо, когда мистрисъ Донкастеръ нѣсколько успокоилась.

— Я больна, то есть, мнѣ нездоровится, и я очень безпокоилась о тебѣ.

— Вы больны? воскликнула Джени:—вы безпокоитесь обо мнѣ? Отъ чего же вы никогда мнѣ ничего не сказали?

— Я думала, что ты слишкомъ молода, Джени; но, конечно, я виновата, что не говорила съ тобою чаще объ одномъ, самомъ важномъ предметѣ.

И мистрисъ Донкастеръ начала въ пламенныхъ выраженіяхъ высказывать свое отчаяніе на счетъ недостатка религіи въ дочери. Бѣдная молодая дѣвушка не могла въ этомъ отношеніи утѣшить матери, не лицемѣря самымъ низкимъ образомъ, а потому она бормотала только, что всѣ люди не могутъ думать одинаково и что она будетъ стараться всегда согласовать свои поступки съ строгой нравственностью. Но мистрисъ Донкастеръ этимъ не довольствовалась и заклинала ее не надѣяться на свѣтскіе софизмы и узкую человѣческую нравственность.

— Вы сказали, что имѣли много причинъ безпокойства, мама! воскликнула она наконецъ:—можетъ быть, я могу вамъ помочь въ чемъ нибудь?

Тогда мистрисъ Донкастеръ разсказала Джени о своихъ денежныхъ средствахъ, объ отказѣ отца передать получаемый отъ него пенсіонъ внучкѣ и о страхѣ оставить ее безъ куска хлѣба послѣ своей смерти, которая, она знала, не заставитъ себя долго ждать. Джени выслушала ее съ изумленіемъ и, хотя тотчасъ поняла, что ей необходимо приняться немедленно за добываніе средствъ къ жизни, но не сказала ни слова матери, боясь встрѣтить въ ней сопротивленіе и еще болѣе ее встревожить. Что̀-же касается до ея опасеній о своемъ здоровьѣ, то Джени старалась

утѣшить ее увѣреніями, что, вѣроятно, все это происходило отъ безпокойства, нравственныхъ причинъ, которыя теперь отчасти удалены ея чистосердечной исповѣдью. Дѣйствительно, мистрисъ Донкастеръ сама удивлялась, какъ ея горе стало гораздо легче, съ тѣхъ поръ, какъ она подѣлилась имъ съ дочерью, и, черпая въ этомъ утѣшеніи новыя силы, выразила даже надежду, что Джени до ея смерти выйдетъ замужъ.

— Еслибъ ты вышла счастливо замужъ, то я совершенно успокоилась бы, сказала она:—я боюсь не смерти, а оставить тебя одну на свѣтѣ.

— Вы не оставите меня, мама. Я не хочу, чтобы вы имѣли такія мрачныя мысли.

— Нѣтъ, Джени, мнѣ теперь гораздо лучше; но я все же безпокоюсь о тебѣ, и помни, что мое пламеннѣйшее желаніе на землѣ—увидѣть тебя замужемъ.

Джени ничего не отвѣчала. Два мѣсяца тому назадъ, она прямо сказала бы, что ей не за кого было идти замужъ, но теперь ея мать могла замѣтить, что, со времени пріѣзда Лейтоновъ, этотъ отвѣтъ становился несправедливымъ; а подобное замѣчаніе ей почему-то никакъ не хотѣлось услышать.

Успокоивъ нѣсколько бѣдную мать, Джени на другое утро сбѣгала за докторомъ Греемъ, чтобъ окончательно уничтожить ея страхъ близкой смерти. Онъ, какъ ожидала Джени, объявилъ, что у мистрисъ Донкастеръ были только разстроены нервы отъ нравственнаго безпокойства и что ей не грозило никакой близкой опасности.

Впродолженіи нѣсколькихъ недѣль, мать и дочь не имѣли никакого основанія сомнѣваться въ справедливости мнѣнія доктора, потому что мистрисъ Донкастеръ стала быстро поправляться, конечно, главнымъ образомъ благодаря тому, что она въ домашней жизни не была по прежнему изолирована, а ея обычная холодность смѣнилась нѣжнымъ довѣріемъ и теплой дружбой къ дочери. Что же касается до Джени, то она никогда не была такъ счастлива; причемъ не малую роль играли ея отношенія къ обитателямъ сквайрскаго дома.

Лэди Анна предупредила племянника, и его любезное обращеніе съ молодой дѣвушкой потеряло характеръ той неотвязчивости, которая была ей такъ непріятна. Благодаря вліянію тетки, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что влюбленъ въ Джени, и, несмотря на всю свою застѣнчивость, вѣрилъ лэди Аннѣ, что Джени его также любила. Молодой же дѣвушкѣ онъ нравился теперь гораздо болѣе, чѣмъ сначала; хотя, быть можетъ, тутъ играло

ляла съ нею горя, глаза ея невольно наполнились слезами. Джени, занятая своимъ разсказомъ объ уморительномъ обращенiи мистера Лейтона, не замѣчала ничего и только съ испугомъ подняла голову, когда мистрисъ Донкастеръ вдругъ громко зарыдала.

— Милая мама! что̀ съ вами? воскликнула она, обвивая ея шею руками:—разгнѣвала я васъ чѣмъ нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала мистрисъ Донкастеръ, заливаясь слезами.

Джени уложила ее на диванъ и стала прикладывать холодные компресы къ ея пылающимъ вискамъ. Она очень испугалась этому необыкновенному припадку, такъ какъ ея мать была всегда очень сдержанна и спокойна.

— Мама, что васъ тревожитъ? спросила она тихо, когда мистрисъ Донкастеръ нѣсколько успокоилась.

— Я больна, то есть, мнѣ нездоровится, и я очень безпокоилась о тебѣ.

— Вы больны? воскликнула Джени:—вы безпокоитесь обо мнѣ? Отъ чего же вы никогда мнѣ ничего не сказали?

— Я думала, что ты слишкомъ молода, Джени; но, конечно, я виновата, что не говорила съ тобою чаще объ одномъ, самомъ важномъ предметѣ.

И мистрисъ Донкастеръ начала въ пламенныхъ выраженiяхъ высказывать свое отчаянiе на счетъ недостатка религiи въ дочери. Бѣдная молодая дѣвушка не могла въ этомъ отношенiи утѣшить матери, не лицемѣря самымъ низкимъ образомъ, а потому она бормотала только, что всѣ люди не могутъ думать одинаково и что она будетъ стараться всегда согласовать свои поступки съ строгой нравственностью. Но мистрисъ Донкастеръ этимъ не довольствовалась и заклинала ее не надѣяться на свѣтскiе софизмы и узкую человѣческую нравственность.

— Вы сказали, что имѣли много причинъ безпокойства, мама! воскликнула она наконецъ:—можетъ быть, я могу вамъ помочь въ чемъ нибудь?

Тогда мистрисъ Донкастеръ разсказала Джени о своихъ денежныхъ средствахъ, объ отказѣ отца передать получаемый отъ него пенсiонъ внучкѣ и о страхѣ оставить ее безъ куска хлѣба послѣ своей смерти, которая, она знала, не заставитъ себя долго ждать. Джени выслушала ее съ изумленiемъ и, хотя тотчасъ поняла, что ей необходимо приняться немедленно за добыванiе средствъ къ жизни, но не сказала ни слова матери, боясь встрѣтить въ ней сопротивленiе и еще болѣе ее встревожить. Что̀-же касается до ея опасенiй о своемъ здоровьѣ, то Джени старалась

утѣшить ее увѣреніями, что, вѣроятно, все это происходило отъ безпокойства, нравственныхъ причинъ, которыя теперь отчасти удалены ея чистосердечной исповѣдью. Дѣйствительно, мистрисъ Донкастеръ сама удивлялась, ка̀къ ея горе стало гораздо легче, съ тѣхъ поръ, какъ она подѣлилась имъ съ дочерью, и, черпая въ этомъ утѣшеніи новыя силы, выразила даже надежду, что Джени до ея смерти выйдетъ замужъ.

— Еслибъ ты вышла счастливо замужъ, то я совершенно успокоилась бы, сказала она:—я боюсь не смерти, а оставить тебя одну на свѣтѣ.

— Вы не оставите меня, мама. Я не хочу, чтобы вы имѣли такія мрачныя мысли.

— Нѣтъ, Джени, мнѣ теперь гораздо лучше; но я все же безпокоюсь о тебѣ, и помни, что мое пламеннѣйшее желаніе на землѣ—увидѣть тебя замужемъ.

Джени ничего не отвѣчала. Два мѣсяца тому назадъ, она прямо сказала бы, что ей не за кого было идти замужъ, но теперь ея мать могла замѣтить, что, со времени пріѣзда Лейтоновъ, этотъ отвѣтъ становился несправедливымъ; а подобное замѣчаніе ей почему-то никакъ не хотѣлось услышать.

Успокоивъ нѣсколько бѣдную мать, Джени на другое утро сбѣгала за докторомъ Греемъ, чтобъ окончательно уничтожить ея страхъ близкой смерти. Онъ, какъ ожидала Джени, объявилъ, что у мистрисъ Донкастеръ были только разстроены нервы отъ нравственнаго безпокойства и что ей не грозило никакой близкой опасности.

Впродолженіи нѣсколькихъ недѣль, мать и дочь не имѣли никакого основанія сомнѣваться въ справедливости мнѣнія доктора, потому что мистрисъ Донкастеръ стала быстро поправляться, конечно, главнымъ образомъ благодаря тому, что она въ домашней жизни не была по прежнему изолирована, а ея обычная холодность смѣнилась нѣжнымъ довѣріемъ и теплой дружбой къ доче́ри. Что̀ же касается до Джени, то она никогда не была такъ счастлива; причемъ не малую роль играли ея отношенія къ обитателямъ сквайрскаго дома.

Лэди Анна предупредила племянника, и его любезное обращеніе съ молодой дѣвушкой потеряло характеръ той неотвязчивости, которая была ей такъ непріятна. Благодаря вліянію тетки, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что влюбленъ въ Джени, и, несмотря на всю свою застѣнчивость, вѣрилъ лэди Аннѣ, что Джени его также любила. Молодой же дѣвушкѣ онъ нравился теперь гораздо болѣе, чѣмъ сначала; хотя, быть можетъ, тутъ играло

большую роль раскаяніе въ несправедливомъ отвращеніи, которое она прежде питала къ нему.

Такимъ образомъ, все шло прекрасно, и лэди Анна уже торжествовала побѣду, какъ вдругъ представилась неожиданная преграда, грозившая разрушить всѣ ея планы. Она всегда замѣчала съ неудовольствіемъ дружескія отношенія между Джени и Форситомъ, но въ послѣднее время ей показалось, что онъ не на шутку влюбился въ молодую дѣвушку, а она не хотѣла, чтобъ у ея племянника былъ соперникъ. Поэтому она рѣшилась отказать ему подъ какимъ бы то ни было предлогомъ; но къ ея величайшему изумленію, онъ самъ ее предупредилъ, объявивъ, что ему предложили университетскую каѳедру и онъ болѣе не можетъ оставаться при Чарли. Выразивъ, конечно, сожалѣніе, что она принуждена съ нимъ разстаться, лэди Анна тотчасъ подумала, не сдѣлалъ ли онъ предложенія Джени и не получилъ ли отказа, вслѣдствіи чего она, въ тотъ же день, отправилась къ молодой дѣвушкѣ и ловко вывѣдала отъ нея, что все обстояло благополучно, что сердце ея было еще свободно. Однако, подозрѣніе лэди Анны относительно Форсита было справедливо и онъ покидалъ Норборо по милости Джени. Собственно говоря, онъ не былъ влюбленъ въ нее, но ни одна еще женщина не привлекала его къ себѣ такъ, какъ эта скромная, провинціальная красавица. Онъ любилъ смотрѣть на ея добрые, выразительные глаза, слушать ея звонкій, мелодичный голосъ и серебристый смѣхъ; почти безсознательно мысль о ней примѣшивалась ко всѣмъ его занятіямъ и удовольствіямъ. Если ему попадалась какая нибудь интересная книжка, то онъ откладывалъ ее для Джени; если онъ замѣчалъ какой нибудь новый эффектъ въ картинахъ Чарли, то немедленно спрашивалъ себя, обратила ли на это вниманіе Джени; если солнце садилось необыкновенно красиво, то онъ надѣялся, что Джени любовалась этимъ зрѣлищемъ; однимъ словомъ, вся его жизнь была полна ею. Онъ увѣрялъ себя, что онъ не влюбленъ еще, но долженъ былъ сознаться, что не далекъ отъ этого. Однажды, придя къ такому убѣжденію, онъ рѣшился бѣжать, такъ какъ, не имѣя никакихъ средствъ, онъ не могъ и подумать о женитьбѣ. Вслѣдствіе этого, онъ написалъ своимъ пріятелямъ въ Кембриджъ и, получивъ каѳедру, могъ тотчасъ удалиться изъ Норборо, гдѣ его нисколько не задерживали.

Хотя лэди Анна теперь совершенно успокоилась на счетъ Форсита, но, встрѣтивъ преграду, она желала какъ можно скорѣе осуществить свой планъ, изъ боязни, чтобъ не явились но-

зыя затрудненія, а это было тѣмъ вѣроятнѣе, что Джени собиралась въ Лондонъ на свадьбу Маргариты Чесней. Поэтому она стала пламенно уговаривать Чарли не откладывать далѣе объясненія въ любви. Онъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ своей привязанности къ Джени, благодаря тому, что тетка твердила ему объ этомъ безъ устали и, въ послѣднее время, каждый день собирался сдѣлать предложеніе, но, какъ только онъ принималъ на себя сантиментальный видъ и заговаривалъ о нѣжныхъ чувствахъ, Джени поднимала его на смѣхъ и онъ не смѣлъ продолжать. Слова лэди Анны о необходимости поспѣшить развязкой до отъѣзда миссъ Донкастеръ въ Лондонъ, повергли его въ большое смущеніе, но, однако, послѣ долгаго колебанія, онъ отправился къ ней съ торжественнымъ визитомъ. Старая служанка объявила ему, что молодая госпожа не можетъ его принять по причинѣ опасной болѣзни матери, съ которой она на слѣдующій день отправлялась въ Лондонъ для совѣщанія съ докторами. Эта неудача болѣе огорчила лэди Анну, чѣмъ самого Чарли, который былъ радъ, что избѣгъ личныхъ объясненій и предложилъ лучше написать письмо. Лэди Анна знала, что гораздо легче отказать предложенію письменному, чѣмъ словесному, но, послѣ продолжительнаго сопротивленія, согласилась, утѣшая себя мыслью, что не было никакой причины молодой дѣвушкѣ отказаться отъ такой блестящей партіи. Такимъ образомъ, съ слѣдующей почтой было отправлено въ Лондонъ на имя миссъ Донкастеръ два письма, отъ Чарли Лейтона и его тетки.

Поѣздка Джени съ матерью въ Лондонъ состоялась гораздо ранѣе, чѣмъ онѣ предполагали. Было рѣшено, что мистрисъ Донкастеръ воспользуется свадьбой миссъ Чесней для совѣщанія съ столичными докторами; но въ ея здоровьѣ произошла снова перемѣна къ худшему и она стала предаваться прежнимъ припадкамъ отчаянія и физическаго изнеможенія, такъ что мистеръ Грей посовѣтовалъ, не теряя ни минуты, обратиться за помощью къ извѣтному лондонскому доктору Берду. Больная не выказала ни малѣйшаго сопротивленія этому измѣненію плана: напротивъ, ей хотѣлось какъ можно скорѣе выйти изъ мучительной неизвѣстности, которая была тягостнѣе даже смертнаго приговора. Путешествіе въ Лондонъ совершилось очень благополучно и мистрисъ Донкастеръ съ дочерью остановились въ меблированныхъ комнатахъ по рекомендаціи миссъ Чесней. На слѣдующее утро, до посѣщенія доктора Берда, Джени съ удивленіемъ получила слѣдующее письмо:

*

Норборо-Голль, 7 дек. 186—.

«Милая миссъ Донкастеръ.

Я не имѣлъ удовольствія видѣть васъ вчера и потому пишу къ вамъ по очень важному предмету, отъ котораго зависитъ все счастье моей жизни. Если я просто скажу, что люблю васъ, то далеко не выражу того чувства, которое ощущаю въ настоящую минуту. Въ послѣдній мѣсяцъ, мысль о васъ меня никогда не покидала. Мои обычныя забавы меня болѣе не тѣшатъ; около двухъ недѣль я не бралъ въ руки ружья, и, если питаю нѣжное чувство къ яхтѣ и картинамъ, то лишь потому, что онѣ мнѣ напоминаютъ васъ. Если вы можете отвѣчать на мою любовь тѣмъ же, то сдѣлаете меня счастливѣйшимъ человѣкомъ. Ради Бога, не говорите—нѣтъ, а то я не буду болѣе въ состояніи глядѣть на Норборо. Если вы согласитесь быть моей женою, то увидите, что моимъ единственнымъ желаніемъ будетъ лежать у вашихъ ногъ и исполнять всѣ ваши желанія. Я буду вѣрнѣе и преданнѣе вамъ всякой собаки. Отвѣтьте мнѣ скорѣе, потому что я не ѣмъ и не сплю отъ волненія. Я остаюсь, милая миссъ Донкастеръ, вѣчно вамъ преданный и любящій.

Чарльсъ Лейтонъ.

P. S. Надѣюсь, что никогда болѣе не буду васъ называть иначе, какъ Джени».

Не смотря на безпокойство о матери, Джени не могла не улыбнуться, читая это письмо. Прежнее презрительное отвращеніе къ мистеру Лейтону отчасти снова воскресло. «Я буду лежать у вашихъ ногъ и исполнять всѣ ваши желанія», повторила она:—«неужели онъ доселѣ не догадался, что я готова возненавидѣть его или всякаго другого за подобное поведеніе». Первымъ ея побужденіемъ было отвѣчать: «это совершенно невозможно; не думайте болѣе обо мнѣ»; но ея удержала мысль о пламенномъ желаніи матери видѣть ее замужемъ. «Но не можешь же ты выйти замужъ для удовольствія другихъ?» шептало ей сердце, а разсудокъ громко говорилъ, что, въ виду окружающихъ ее обстоятельствъ, трудно было отказаться отъ подобнаго предложенія. Всякая новая забота или неудовольствіе могли гибельно подѣйствовать на здоровье ея матери, а въ будущемъ ей самой грозили нищета и тягостная зависимость. Молодая, сильная, умная и энергичная женщина, она была такъ воспитана, что не умѣла заработать куска хлѣба. «Я не могу копать землю, а просить милостыню стыжусь», думала она съ горечью и, сунувъ въ карманъ письмо мистера Лейтона, ста-

ралась забыть о немъ и утѣшала себя надеждою на успѣшный результатъ совѣщанія съ докторомъ. Если онъ успокоитъ ее насчетъ болѣзни матери, то все будетъ хорошо и легко; даже, если придется поспорить съ нею на счетъ отвѣта мистеру Лейтону, то все же это было бы только непріятностью, а не несчастіемъ. Рѣшившись, такимъ образомъ, скрыть на время отъ матери полученное письмо, Джени отправилась съ нею къ доктору.

Мистрисъ Донкастеръ настояла на томъ, чтобъ наединѣ видѣться съ докторомъ, и, когда онъ вполнѣ ее освидѣтельствовалъ, то попросила сказать ей всю правду.

— Не бойтесь меня испугать, сказала она:—я давно знаю, что мнѣ не выздоровѣть, а для меня очень важно знать навѣрно, въ какомъ я положеніи. Я живу пожизненнымъ доходомъ, и мнѣ надо заранѣе приготовить чтò нибудь бѣдной дочери.

Она говорила тихо, спокойно, и докторъ Бердъ, бросивъ на нее проницательный взглядъ, убѣдился, что она можетъ выслушать свой приговоръ. Это былъ приговоръ смертный, долженствовавшій исполниться въ самомъ скоромъ времени.

Мрачное горе выразилось на лицѣ мистрисъ Донкастеръ, но она осталась по прежнему спокойна.

— Позовите теперь дочь, сказала она:—но не говорите ей ничего, я сама ей скажу.

Войдя въ комнату, Джени поняла по торжественному лицу доктора Берда, каково было его мнѣніе; онъ обѣщалъ ей написать подробную инструкцію на счетъ леченья матери и прибавилъ шепотомъ, что важнѣе всего предохранять ее отъ всякаго волненія. По дорогѣ домой, мистрисъ Донкастеръ упорно молчала, но блѣдная, дрожащая, крѣпко прижималась къ Джени.

— Чтò вамъ сказалъ докторъ Бердъ, милая мама? спросила Джени, усадивъ ее на диванъ въ занимаемой ими комнатѣ.

— Онъ сказалъ, что мнѣ остается жить только нѣсколько мѣсяцевъ, отвѣчала она шепотомъ и судорожно зарыдала.

Джени тщетно старалась ее успокоить.

— Я не могу этого перенести! Я не могу оставить тебя одну на свѣтѣ! восклицала она, ломая руки и, вскочивъ, стала ходить по комнатѣ въ страшномъ волненіи.

— Нельзя ли написать дѣдушкѣ, милая мама? Онъ, вѣрно, теперь поможетъ намъ, сказала Джени, боясь за послѣдствія пламенной вспышки матери.

— Нѣтъ, онъ всегда былъ жестокъ ко мнѣ и наотрѣзъ отказалъ чтò либо сдѣлать для тебя.

— Онъ теперь вѣрно перемѣнитъ свое мнѣніе. Позвольте мнѣ ему написать?

— Нѣтъ, нѣтъ! ты его не знаешь! Боже мой! Боже мой! Я тебя оставлю одну на свѣтѣ.

Судорожныя рыданія заглушали ея голосъ; она едва держалась на ногахъ, но все же не хотѣла лечь и продолжала ходить по комнатѣ, хватаясь за мебель, чтобъ не упасть. Джени съ безпомощнымъ отчаяніемъ смотрѣла на нее. Въ эту минуту, послышался стукъ въ дверь, и служанка подала письмо Джени, которая хотѣла сунуть его въ карманъ, но мистрисъ Донкастеръ увидала на конвертѣ знакомый гербъ.

— Это—отъ лэди Анны Лейтонъ, сказала она:—прочти Джени.

Молодая дѣвушка повиновалась и вотъ что̀ она прочла:

Норборо-Голлъ. Среда.

«Милая Джени,

«Я отгадала тайну Чарли, и онъ мнѣ сознался, что просилъ вашей руки. Скажите да̀, мое дорогое дитя, и вы сдѣлаете меня и его мать счастливѣйшими старухами въ Англіи. Искренно васъ любящая

«Анна Лейтонъ».

Джени однимъ взглядомъ прочла это письмо, и вопросъ всей ея жизни былъ разрѣшенъ.

— Милая мама, сказала она, обнимая мистрисъ Донкастеръ:— вы несчастливы только потому, что оставите меня одну, послѣ...

Бѣдная молодая дѣвушка не могла произнести рокового слова.

— Да̀, да̀! воскликнула ея мать, стараясь освободиться изъ ея объятій:—я просто схожу съума отъ этой мысли.

— Вамъ нѣчего мучиться, милая мама. Я останусь не одна. Мистеръ Лейтонъ проситъ моей руки, и я выйду за него замужъ.

— Лэди Анна пишетъ къ тебѣ объ этомъ? Что̀ же, она противится твоему браку?

— Нѣтъ, она проситъ, чтобъ я согласилась, сказала молодая дѣвушка, подавая письмо матери.

— Слава Богу! Слава Богу! произнесла мистрисъ Донкастеръ. Дикій взглядъ отчаянья мгновенно исчезъ изъ ея глазъ. Она смиренно позволила Джени положить ее на диванъ и тихо, молча, лежала съ улыбкою, гладя волосы своего дорогого дѣтища.

— Ка̀къ милостивъ Господь! произнесла она наконецъ: — а я, грѣшница, начинала роптать. Нѣтъ, Онъ, милосердный Отецъ, никогда не оставляетъ праведныхъ и не допускаетъ сѣмя праведныхъ просить милостыни.

Потомъ, она просила Джени принести ей записную книжку, въ которой она повременамъ заносила тексты св. писанія, и дрожащей рукой написала карандашемъ: «Нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ».

Черезъ нѣсколько минутъ, она спокойно, сладко заснула, какъ ребёнокъ, а Джени, сидя подлѣ нея, погрузилась въ глубокую думу. Что̀ она сдѣлала? Хорошо ли она поступила? Она повторяла себѣ все, что̀ знала о своемъ будущемъ мужѣ, и должна была сознаться, что ей не было извѣстно ничего дурного о немъ. Конечно, его обращеніе сначала ей не нравилось, но эта неотвязчивость, по всей вѣроятности, происходила отъ добраго сердца. Онъ былъ очень великодушенъ и щедръ; съ какой готовностью онъ оказалъ помощь норборойской воскресной школѣ! Съ какой безграничной преданностью его любили тётка и мать, а подобная любовь, даже между родственниками, не можетъ возникнуть, если съ обѣихъ сторонъ нѣтъ рѣдкихъ, основательныхъ достоинствъ. И такъ, Чарли Лейтонъ долженъ быть хорошимъ человѣкомъ. Въ пользу его говорилъ и выборъ жены; онъ предлагалъ руку и сердце провинціальной молодой дѣвушкѣ, безъ состоянія, рода, красоты, чего обыкновенно ищутъ люди съ его положеніемъ въ свѣтѣ. Ка̀къ добра была и лэди Анна! боясь, что Джени усумнится въ согласіи родственниковъ Лейтона на его бракъ, она написала ей деликатное, любезное письмо «Какъ добры они всѣ ко мнѣ, думала Джени: — и чѣмъ же я заслужила ихъ доброту?» Потомъ, естественно, она стала размышлять о своихъ чувствахъ къ этому сказочному принцу, удостоившему своей рукой нищую дѣвочку. Конечно, никто и во снѣ не видалъ, чтобъ нищая дѣвочка отказалась отъ такой чести. Согласіе нищей дѣвочки несомнѣнно, непреложно. «А если была когда нибудь на свѣтѣ нищая, такъ это—я, думала Джени:—что̀ я могу дѣлать, чѣмъ заработывать себѣ хлѣбъ? Пойти въ гувернантки? Пустяки!—я ничего не знаю. Въ горничныя? Да кто-жъ меня возьметъ? Но развѣ мое нищенское положеніе даетъ мнѣ право выйти за него замужъ безъ любви? Развѣ честно взять его сердце, не отдавъ ему своего? Я его не люблю! по крайней мѣрѣ, я не чувствую къ нему тѣхъ восторговъ, о которыхъ пишутъ въ книгахъ. Впрочемъ, всѣ ли питаютъ эту восторженную любовь? И, во всякомъ случаѣ, она не долго переживаетъ свадьбу. Я, по крайней мѣрѣ, никогда не видала женатыхъ людей, любящихъ другъ друга съ пламеннымъ энтузіазмомъ. А если этотъ энтузіазмъ не можетъ сохраниться, то къ чему же непремѣнно начинать съ него? Конечно, дѣло другое—если питаешь

къ кому нибудь подобное чувство. Но я увѣрена, что не люблю никого, и поэтому нѣтъ причины, чтобъ мое расположеніе къ мистеру Лейтону не обратилось впослѣдствіи въ болѣе сильное и глубокое чувство. А бѣдная мать! кажется, еслибъ онъ мнѣ еще менѣе нравился, то я вышла бы за него замужъ только ради нея. Извѣстіе о моемъ бракѣ произвело чудо. Она совершенно здорова, а, если ей суждено умереть, то она умретъ спокойная, счастливая. Дà, я очень рада, что сказала ей о согласіи сдѣлаться женою Лейтона. Мнѣ слѣдуетъ такъ поступить.

Она встала, взглянула на безмятежно спавшую мать, глубоко вздохнула, какъ бы освободясь отъ тяжелаго бремени, и, промолвивъ въ полголоса: «Дà, такъ надо поступить», написала слѣдующій отвѣтъ:

Лондонъ. 8-го декабря.

«Милый мистеръ Лейтонъ,

«Я очень благодарна вамъ и лэди Аннѣ за все, чтò вы мнѣ пишете. Я боюсь, что ничѣмъ не заслужила вашей любви, но постараюсь быть ея достойной. Съ благодарностью ее принимаю и употреблю всѣ усилія, чтобъ сдѣлать васъ счастливымъ. Я не могу писать болѣе; я очень несчастна. Докторъ Бердъ объявилъ, что мамѣ остается недолго жить. Вѣроятно, мы сейчасъ возвратимся въ Норборо, не дожидаясь свадьбы миссъ Чесней.

«Поблагодарите отъ меня лэди Анну.

«Всегда ваша

«Джени Донкастеръ».

Это было странное письмо отъ невѣсты къ жениху, но оно было искренно, и Джени ни разу не остановилась до послѣдней фразы. Если строго придерживаться правды, то ей слѣдовало подписаться обыкновеннымъ образомъ «преданная вамъ», но это было бы слишкомъ сухо, а Джени была слишкомъ честна, чтобъ писать ложныя увѣренія въ любви, а потому она ограничилась неопредѣленнымъ выраженіемъ «всегда ваша».

Поздно вечеромъ, Джени получила письмо отъ доктора Берда, который совѣтовалъ тотчасъ возвратиться больной въ Норборо и, не обѣщая выздоровленія, прямо указывалъ на спокойствіе, нравственное и физическое, какъ единственный способъ продлить ея жизнь. Поэтому Джени устроила ихъ отъѣздъ на слѣдующій день, увѣдомивъ объ этомъ лэди Анну и старую служанку, мистрисъ Баркеръ. Прежде, чѣмъ уѣхать изъ Лондона, она, конечно, повидалась съ миссъ Чесней, которая, узнавъ отъ

мистрисъ Донкастеръ о предстоящемъ бракѣ Джени, очень удивилась, что молодая дѣвушка не выказывала обыкновенной радости невѣсты, но приписала это безпокойству о матери. При выходѣ Джени изъ вагона въ Норборо, ее встрѣтилъ ливрейный лакей Лейтоновъ, присланный съ каретой за больной ея матерью, а дома, въ маленькой гостиной, она съ удовольствіемъ увидала изящную группу тропическихъ растеній.

— Посмотрите на эти прелести, миссъ Джени, сказала старая служанка мистрисъ Баркеръ, значительно улыбаясь: — мистеръ Лейтонъ былъ здѣсь утромъ и все самъ устроилъ.

— Ка̀къ онъ добръ! воскликнула Джени и поспѣшила прибавить:—я выхожу за него замужъ, мистрисъ Баркеръ.

— Такъ ка̀къ же ему не быть добрымъ къ вамъ, миссъ! произнесла мистрисъ Баркеръ со слезами счастья на глазахъ:—поздравляю васъ, миссъ, отъ всей души и вашу матушку, и мистера Лейтона.

Быть можетъ, Джени не была бы такого высокаго мнѣнія о любезности ея жениха, еслибъ знала, на сколько въ этомъ участвовала лэди Анна.

Прочитавъ отвѣтъ Джени, лэди Анна пришла въ совершенный восторгъ. Она чувствовала, что теперь все пойдетъ хорошо и ея племянникъ окончательно спасенъ; но нашла необходимымъ поговорить съ нимъ объ этомъ важномъ предметѣ.

— Теперь зависитъ только отъ тебя, Чарли, вести полезную, счастливую жизнь, сказала она: — или причинить всѣмъ намъ горе и позоръ. Ты имѣешь сильнѣйшій въ свѣтѣ поводъ сдѣлаться всѣми уважаемымъ человѣкомъ; ты заслужилъ любовь прелестной молодой дѣвушки, и ея счастье зависитъ отъ тебя.

— Я никогда не причиню ей ни минутнаго горя, сказалъ онъ съ такой энергіей, какой лэди Анна не ожидала отъ него: — я все думаю объ ея письмѣ. Она говоритъ, что благодарна мнѣ и недостойна моей любви. Но, Боже мой, еслибъ она знала всю правду, то̀, конечно, не стала бы распространяться о благодарности. Я начинаю думать, что подло было съ моей стороны просить ея руки.

— Не предавайся такимъ мрачнымъ мыслямъ, милый Чарли: ея любовь спасетъ тебя отъ самого себя.

— Да̀, но вы рискуете ея счастьемъ, чтобъ дать мнѣ случай исправиться.

Лэди Анна насупила брови. «Это Форситъ его надоумилъ», блеснуло въ ея головѣ, и, поклявшись жестоко ему отомстить, она громко сказала:

— Отказавшись теперь отъ твоего слова, ты сдѣлаешь ее несчастной на всю жизнь. Лучше и честнѣе всего не дать ей никогда повода сомнѣваться въ твоемъ прошедшемъ, и это легко сдѣлать, если ты достаточно твердъ, чтобъ никогда въ будущемъ не доставить намъ прежнихъ мученій. Конечно, если ты не можешь исправиться, то я должна ей открыть всю правду, и я только согласилась на этотъ бракъ, вполнѣ вѣря, что ты твердо рѣшился покончить съ прошедшимъ.

— Дà, я рѣшился, отвѣчалъ онъ: — я твердо рѣшился.

— Такъ твоя жена будетъ счастливѣйшей женщиной, милый Чарли, сказала лэди Анна:—я знаю, что могу на тебя надѣяться. Она никогда не узнаетъ о нашемъ прошломъ несчастьи, а ты сдержешь свое слово. Будущность васъ обоихъ мнѣ представляется въ самомъ радужномъ свѣтѣ.

Несмотря на эти утѣшительныя слова, ее безпокоила мысль, чтò именно возбудило въ Чарли сомнѣніе на счетъ правильности его поступка.

— Ты говорилъ кому нибудь о своей женитьбѣ? спросила она.

— Никому, кромѣ Форсита.

— И онъ сказалъ, что ты, какъ честный человѣкъ, долженъ отказаться отъ этого брака?

Чарли молча кивнулъ головой.

— По истинѣ, дружескій совѣтъ. Онъ самъ любитъ Джени и отговаривалъ тебя изъ ревности.

— Ахъ! мнѣ это и въ голову не пришло.

— Помилуй, это ясно, какъ день. Пожалуйста, не обращай вниманія на его слова, и, если онъ осмѣлится снова заговорить объ этомъ предметѣ, то скажи прямо, что ты понимаешь его низкую цѣль.

Однако, не довольствуясь обѣщаніемъ Чарли исполнить ея совѣтъ, лэди Анна, пылая негодованіемъ къ Форситу, позвонила человѣка и приказала позвать секретаря. Чарли, чувствуя въ воздухѣ приближеніе грозы, поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Форситъ не заставилъ себя долго ждать; онъ не менѣе ея жаждалъ боя. Извѣстіе о женитьбѣ Чарли взбѣсило его. Болѣе всего онъ сердился на Джени, хотя и былъ увѣренъ, что она не знала о наслѣдственномъ недугѣ Лейтона. Онъ старался увѣрить себя, что не питалъ никакого чувства къ молодой дѣвушкѣ, а его просто сводила съума мысль, что она продавала себя нелюбимому человѣку только потому, что онъ богатъ. Во всякомъ случаѣ, онъ рѣшился, такъ или иначе, открыть глаза Джени, которая, несмотря на свое недостойное поведеніе, не заслуживала

быть женою пьяницы. Онъ презиралъ Чарли и былъ убѣжденъ, что его женитьба была дѣломъ лэди Анны, а потому съ радостью поспѣшилъ на ея зовъ, готовясь къ отчаянной борьбѣ.

— Я удивляюсь, мистеръ Форситъ, сказала лэди Анна, самымъ холоднымъ, величественнымъ тономъ, когда онъ вошелъ въ комнату:—ка̀къ вы позволили себѣ вмѣшиваться въ наши семейныя дѣла̀, или, лучше сказать, такъ какъ подобное вмѣшательство немыслимо, давать совѣты мистеру Лейтону по лично до него касающемуся дѣлу!

— Я полагаю, что вы, милэди, все же невѣрно выражаетесь, отвѣчалъ Форситъ, тѣмъ же холоднымъ тономъ: — я не вмѣшивался въ дѣло женитьбы мистера Лейтона и не давалъ ему никакого совѣта, а сказалъ только правду, то есть, что, если онъ женится на миссъ Донкастеръ, скрывъ отъ нея, что онъ—пьяница, то, какъ онъ, такъ и всѣ причастныя къ этому дѣлу лица, поступятъ подло.

— Мистеръ Форситъ! воскликнула лэди Анна: — ка̀къ вы смѣете такъ говорить со мною?

— Я говорю некрасиво, но вы поступаете хуже, отвѣчалъ онъ:—я не умѣю деликатно выражаться о подлости.

Борьба приняла совершенно иной характеръ, чѣмъ ожидала лэди Анна. Она не могла унизиться до защиты своихъ поступковъ передъ секретаремъ и потому сама повела атаку.

— Я не буду отвѣчать, сказала она:—на ваши слова̀, въ которыхъ вы, конечно, раскаятесь, когда придете въ себя. Но подумайте, что̀ вы дѣлаете, и, конечно, согласитесь, что я права, негодуя на васъ. Вы изъ ревности, да̀, изъ ревности, повторила она, видя, что Форситъ вздрогнулъ:—стараетесь отнять у мистера Лейтона послѣднюю надежду на спасеніе—нѣтъ, не надежду, а вѣрный способъ къ спасенію. Вырвать веревку изъ рукъ утопающаго благороднѣе, чѣмъ-то, что̀ вы дѣлаете теперь.

— Вы заблуждаетесь, говоря о моей ревности, отвѣчалъ онъ:— еслибъ я никогда не видывалъ миссъ Донкастеръ, то все же сказалъ бы, что вы не имѣете права погубить ее, для спасенія вашего племянника.

— Ей не грозитъ никакая опасность, сказала лэди Анна:— напротивъ, весь свѣтъ согласится со мною, что она дѣлаетъ прекрасную партію.

— Боже мой! воскликнулъ онъ:—вы называете это прекрасной партіей! Впрочемъ, намъ нѐчего толковать съ вами объ этомъ. Мы никогда не сойдемся. Мнѣ остается только прибавить, что я сказалъ Лейтону мое мнѣніе объ его женитьбѣ и надѣюсь, что онъ самъ отъ нея откажется.

— Я его видѣла послѣ вашихъ убѣжденій, и будьте увѣрены, что онъ никогда не сдѣлаетъ подобной глупости.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ вамъ предложить одно изъ двухъ: или вы тотчасъ скажете миссъ Донкастеръ, что Лейтонъ— пьяница и этотъ наслѣдственный недугъ сказывается въ немъ по временамъ съ шестнадцати-лѣтняго возраста...

— Сказывался до прошлаго года, перебила его лэди Анна.

— Вы прибавите, продолжалъ Форситъ:—что, если онъ трезвъ, то лишь благодаря самому зоркому надзору двухъ вѣчно приставленныхъ къ нему сторожей. Вы все это скажете ей, или я скажу.

— Она это знаетъ, отвѣчала лэди Анна, безъ малѣйшаго колебанія:—я ей сказала всю правду, за нѣсколько дней до предложенія Чарли. Намъ нѣчего васъ бояться, мистеръ Форситъ.

Онъ былъ пораженъ въ самое сердце. Онъ любилъ Джени; теперь только онъ въ этомъ сознался. Онъ считалъ ее чистымъ, благороднымъ созданіемъ, а она была низкая тварь, продающая себя изъ-за денегъ.

— Я не удивляюсь вашей ошибки, продожала лэди Анна, видя свое торжество:—Чарли не знаетъ, что я разсказала миссъ Донкастеръ о нашемъ прошедшемъ несчастьѣ. Я нарочно это скрыла отъ него.

— Вы сказали ей, повторилъ Форситъ: — вы сказали ей, что вашъ племянникъ—пьяница?

— Да, отвѣчала она, гордо взглянувъ на него.

— И, послѣ этого, она согласилась выйти за него замужъ?

Лэди Анна, молча, кивнула головой. Форситъ засмѣялся презрительнымъ, непріятнымъ смѣхомъ.

— Теперь я надѣюсь, продолжала лэди Анна:—вы исполните мое желаніе и не станете отговаривать Чарли отъ единственнаго средства къ спасенію. Позвольте мнѣ также надѣяться, что вы впредь не будете такъ рѣзко выражаться и такъ поспѣшно заключать, что всѣ виноваты, кромѣ васъ.

— Вы правы, отвѣчалъ онъ:—я прошу извиненія за все, что сказалъ и думалъ о васъ. Вы можете быть увѣрены, что я ничего не сдѣлаю, чтобъ помѣшать этому браку.

— Очень рада отъ васъ это слышать, сказала милостиво лэди Анна:—вы загладили свою вину, и мы разстанемся не врагами.

Въ знакъ примиренія, она протянула ему руку, и онъ, молча, пожалъ ее. Онъ нимало не подозрѣвалъ ея во лжи и только чувствовалъ, что битва была окончена, что онъ разбитъ на голову и побѣдитель выказываетъ ему великодушіе. Придя къ себѣ

въ комнату, онъ не могъ ничѣмъ заняться; его мысли были полны Джени. «Это непостижимо, думалъ онъ:—она казалась такой честной, искренной, простой—и чтò же? выходитъ замужъ за пьяницу, чтобы быть знатной и богатой. Вѣроятно, ее прельщаютъ титулы, хотя я полагалъ, что ей недоступна такая низкая мелочность. Кàкъ будутъ блестѣть ея чистые, честные глаза, когда она дастъ слово передъ алтаремъ любить и уважать пьяницу? Это страшно, это невозможно!» И онъ старался изгнать изъ своей памяти низкое, продажное существо, а только думать о ней, кàкъ она прежде ему представлялась, благородной, мужественной, цѣломудренной дѣвушкой. Онъ рѣшился никогда болѣе съ ней не видаться, а въ глубинѣ своего сердца оплакивать ее, какъ умершаго, дорогого друга.

Лэди Анна была очень рада, что Форситъ до своего отъѣзда изъ Норборо не встрѣчался съ Джени, и только вполнѣ успокоилась, когда онъ уѣхалъ.—Одна лишь его дерзость, думала она:—могла заставить ее покривить душею. Ей было несовсѣмъ пріятно сознаться хотя и мысленно, что она унизилась до лжи, а потому она утѣшала себя мыслью, что это маленькое преувеличеніе было необходимо для спасенія племянника; а то, что ея слова были не ложью, а маленькимъ преувеличеніемъ, она доказывала слѣдующей аргументаціей. Вопервыхъ, по всей вѣроятности, ей когда нибудь придется сказать Джени о наслѣдственномъ недостаткѣ ея мужа, а, слѣдовательно, говоря Форситу объ этомъ, какъ о совершившемся фактѣ, она только грѣшила противъ хронологіи. Вовторыхъ, она полагала, что Джени вышла бы замужъ за Чарли, даже зная всю правду, а потому ея словà и по существу были почти правильны. Въ третьихъ, она надѣялась, что Чарли сдержитъ слово и Джени никогда не узнаетъ роковой тайны, а потому ея политика окажется вѣрной, хотя и требующей нѣкоторой личной отъ нея жертвы. Въ четвертыхъ, она намѣревалась заставить Чарли записать большое состояніе на имя жены, въ случаѣ его смерти; и, наконецъ, въ пятыхъ, она не могла ни въ какомъ случаѣ нарушить своего плана изъ угожденія наемному секретарю.

Такимъ образомъ, совѣсть лэди Анны была спокойна, и она съ легкимъ сердцемъ окружала всевозможными ласками Джени и мистриссъ Донкастеръ. Своимъ знатнымъ родственникамъ она написала, что, хотя бракъ племянника и составлялъ *mésalliance*, но молодая дѣвушка такъ прелестна и такъ искренно любила Чарли, что она и мистриссъ Лейтонъ были совершенно счастливы. Чтò же касается до Джени, то всѣ обитатели Норборо

единогласно рукоплескали ея выбору, удивляясь, какъ на ея долю выпала такая блестящая партія. Форситъ уѣхалъ, не простившись съ нею, а, кромѣ него, никто не могъ и не хотѣлъ ее спасти. Въ концѣ декабря, мистрисъ Донкастеръ умерла спокойно, мирно, на рукахъ своей дочери; а черезъ шесть недѣль, послѣ ея похоронъ, отпраздновали свадьбу Джени съ Чарли Лейтономъ.

ЭКСКУРСІИ ВЪ ОБЛАСТЬ УМѢРЕННОСТИ И АККУРАТНОСТИ.

IV [1].

Какъ я уже не разъ говорилъ, Молчалины отнюдь не представляютъ исключительной особенности чиновничества. Они кишатъ вездѣ, гдѣ существуетъ забитость, приниженность, вездѣ, гдѣ чувствуется невозможность скоротать жизнь безъ содѣйствія «обстановки». Русскія матери (да и никакія въ цѣломъ мірѣ) не обязываются рождать героевъ, а потому масса сыновъ человѣческихъ невольнымъ образомъ придерживается въ жизни той руководящей нити, которая выражается пословицей: «лбомъ стѣны не прошибешь». И такъ какъ пословица эта, сверхъ того, въ практической жизни подтверждается восклицаніемъ: «въ бараній рогъ согну!», примѣненіе котораго сопряжено съ очень солидною болью, то понятно, что, въ извѣстные историческіе моменты, Молчалины должны, во всѣхъ профессіяхъ, составлять не очень яркій и неособенно полезный, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно-преобладающій элементъ.

Повидимому, литературѣ, по самому характеру ея образовательнаго призванія, долженъ бы быть чуждъ этотъ элементъ, а между тѣмъ мы видимъ, что молчалинство нетолько проникло въ нее, но и въ значительной мѣрѣ прижилось. Въ особенности же угрожающіе размѣры приняло развитіе литературнаго молчалинства съ тѣхъ поръ, какъ, по условіямъ времени, главныя роли въ литературномъ дѣлѣ заняли не литераторы, а мѣнялы и прохвосты...

Съ литературнымъ Молчалинымъ меня познакомилъ тотъ самый Алексѣй Степанычъ, о которомъ я уже неразъ бесѣдовалъ съ читателемъ. Въ одну изъ минутъ откровенности, объ-

[1] См. «Отеч. Зап.» за 1874 г.

ясняя мартирологъ Молчалиныхъ-чиновниковъ, онъ сказалъ въ заключеніе:

— Да это—еще что̀! мы, можно сказать—еще счастливчики! А вотъ бы вы посмотрѣли на мученика, такъ ужь подлинно—мученикъ! Я, напримѣръ, по крайности, знаю своего преслѣдователя вижу его, почти руками осязаю—ну, стало быть, какова пора ни мѣра, и оборониться отъ него могу. А онъ, мученикъ-то, объ которомъ я говорю, даже и преслѣдователя-то своего настоящимъ манеромъ назвать не можетъ, а та̀къ, передъ невидимымъ какимъ-то духомъ трепещетъ.

— Кто-жь это такой?

— Да тёзка мой, тоже изъ роду Молчалиныхъ (такъ расплодился, ужь такъ расплодился ныньче нашъ родъ!), и Алексѣемъ же Степанычемъ прозывается. Только я—чиновникъ, а онъ—журналистъ, газету «Чего изволите?» издаетъ. Да на бѣду, и газету-то либеральную. Такъ, вѣдь, онъ день и ночь словно въ котлѣ кипитъ: все старается, ка̀къ бы ему въ мысль попасть, а къ кому въ мысль и въ какую мысль—и самъ того не вѣдаетъ.

— Да̀, это—несовсѣмъ ловкое положеніе. Что̀-жь это, однако, за Молчалинъ! Я что̀-то не слыхалъ объ такомъ имени въ русской литературѣ. Литераторъ онъ, что̀ ли?

— Литераторъ—не литераторъ, а въ военно-учебномъ заведеніи воспитывался, такъ тамъ вкусъ къ правописанію получилъ. И въ литературу недавно поступилъ, вотъ — какъ волю-то объявили. Прежде онъ просто табачную лавку содержалъ, накопилъ деньжонокъ, да и посадилъ ихъ въ газету. Вотъ теперь за нихъ и боится.

— Воля ваша, а я про такого газетчика не слыхалъ.

— Что̀ мудренаго, что не слыхалъ! Говорю тебѣ: они ныньче всѣ изъ золотарей. Придетъ, яко тать въ нощи, посидитъ мѣсяцъ-другой, подписку оберетъ — и пропалъ. А иному и посчастливится, какъ будто даже корни пуститъ. Вотъ хоть бы мой Молчалинъ, напримѣръ: третій годъ потихоньку въ своей лавочкѣ торгуетъ — ничего, сходитъ съ рукъ!

— А шибко онъ боится?

— Такъ боится, такъ боится, что, можно сказать, вся его жизнь—лихорадка одна. Впалъ онъ, грѣшнымъ дѣломъ, въ либерализмъ, да и самъ не радъ. Каждый разъ, какъ встрѣтитъ меня: уймите, говоритъ, моихъ передовиковъ! А что̀ я сдѣлать могу?

— Да̀, передовики, особенно наши, это — я вамъ скажу народъ... начнетъ объ новомъ способѣ вывоза нечистотъ писать — того гляди, въ Сибирь сошлютъ!

— Да еслибъ еще его одного сослали — куда бы ни шло. А то сколько постороннихъ черезъ него попадетъ — вотъ ты чтò сообрази! Сообщники, да попустители, да укрыватели — сколько наименованій-то есть! Ахъ, мой другъ! неровёнъ часъ! всѣ мы подъ Богомъ ходимъ! Да не хотите ли я познакомлю васъ съ нимъ?

— Чтò же, пожалуй...

— И не безполезно будетъ, я вамъ скажу. Можетъ быть, грѣшнымъ дѣломъ фёльетончикъ настрочите—онъ, вѣдь, за строчку-то по четыре копеечки платитъ! Сотню строчекъ шутя напишете, анъ на табакъ и будетъ!

Мы условились, что въ слѣдующее же воскресенье, въ первомъ часу утра, я зайду къ Алексѣю Степанычу, и затѣмъ вмѣстѣ отправимся къ его тёзкѣ.

Въ условленный часъ, мы были ужь въ квартирѣ Молчалина 2-го.

Насъ встрѣтилъ пожилой господинъ, на лицѣ котораго, дѣйствительно, ничего не было написано, кромѣ неудержимой страсти къ правописанію. Онъ принялъ насъ въ просторномъ кабинетѣ, посерединѣ котораго стоялъ большой столъ, весь усѣянный корректурными листами. По стѣнамъ расположены были шкафы съ выдвижными ящиками, на которыхъ читались надписи: «безобразія свіяжскія», «безобразія красноуфимскія», «безобразія малоархангельскія» и проч. Ко мнѣ Молчалинъ 2-й отнесся такъ радушно, что я безъ труда прочиталъ въ его глазахъ: 5 копеекъ за строчку—безъ обмана!—и будь мой навсегда! Къ Алексѣю Степанычу онъ обратился съ словами.

— Да уйми ты, сдѣлай милость, моихъ передовиковъ!

— Бунтуютъ?

— Республики, братецъ, просятъ!

— А ты бы ихъ завѣрилъ, что республики не дадутъ!

— Смѣются. Это, говорятъ—ужь ваше дѣло. Мы, дескать люди мысли, мы свое дѣло дѣлаемъ, и вы свое дѣлайте!

— Да неужто-жь имъ, въ самомъ дѣлѣ, республики хочется?

— Брюхомъ, братецъ! вотъ какъ!

— А я такъ позволяю себѣ думать, вмѣшался я: — что они собственно только тàкъ... Знаютъ, что вамъ самимъ эта форма правленія нравится—вотъ и пишутъ...

Молчалинъ 2-й пріосанился.

— Ну, дà, конечно, сказалъ онъ:—разумѣется, я... Само собой, что, по мнѣнію моему, республика... И въ случаѣ, напримѣръ, еслибъ покойный Луи-Филиппъ... Однако, согласитесь, что

не при всѣхъ же обстоятельствахъ... Да и народы при томъ не всѣ... Не всѣ, говорю я, народы...

— Та-та-та! стой, братецъ! прервалъ Алексѣй Степанычъ: — самъ-то ты нетвердо говоришь — вотъ они и не понимаютъ. Народы да обстоятельства... какіе такіе «народы»? Води ихъ почаще на Большую Садовую гулять, да указывай на Управу Благочинія: вотъ, молъ, она!

— Такъ-то такъ, Алексѣй Степанычъ! счелъ долгомъ заступиться я:—да, вѣдь, нельзя редактору такъ просто выражаться. Редакторъ—вѣдь, онъ гражданское мужество долженъ имѣть. А между тѣмъ, оно и безъ того понятно, что ежели есть «народы, которые», то очевидно, что это—тѣ самые народы... или, лучше сказать, обстоятельства... Впрочемъ, я увѣренъ, что и сотрудники газеты «Чего изволите?» очень хорошо понимаютъ чѣмъ тутъ пàхнетъ, но только, для своего удобства, предпочитаютъ, чтобъ господинъ редакторъ самъ дѣлалъ въ ихъ статьяхъ соотвѣтствующія измѣненія.

Молчалинъ 2-й горько усмѣхнулся.

— Дà-съ, предпочитаютъ-съ, сказалъ онъ:—да, сверхъ того, потомъ на всѣхъ перекресткахъ ренегатомъ ругаютъ!

— Такъ что, съ одной стороны, ругаютъ сотрудники, а съ другой—угрожаетъ начальство? подсмѣялся Алексѣй Степанычъ.— Дà, братъ, это, я тебѣ скажу—положеніе!

Молчалинъ 2-й на минуту потупился, словно бы передъ глазами его внезапно пронесся дурной сонъ.

— Такое это положеніе! такое положеніе! наконецъ, воскликнулъ онъ:—повѣрите ли, всего три года я въ этой передѣлкѣ нахожусь, а ужь болѣзнь сердца нажилъ! Каждый день слышать ругательства и каждый же день ждать бѣды! Ахъ!

— И, какъ мнѣ сказывалъ Алексѣй Степанычъ, непріятность вашего положенія осложняется еще тѣмъ, что вы боитесь, сами не зная кого и чего?

— И не знаю! ну, вотъ, ей-Богу, не знаю! Еще вчера, напримѣръ, писалъ объ какомъ-нибудь предметѣ, писалъ безстрашно—и ничего, сошло! Сегодня опять тотъ же предметъ, съ тѣмъ же безстрашіемъ тронулъ—хлопъ! А я почемъ зналъ?

— «А я почемъ зналъ!» передразнилъ Алексѣй Степанычъ:— а носъ у тебя на чтò? А сердце-вѣщунъ для чего? Коли ты— благонамѣренный, такъ вѣдь сердце-то на всякъ часъ должно тебя остерегать!

— Разсказывай! Тебѣ хорошо, ты *своего* проникъ—ну, и объѣздилъ! А вотъ худо, какъ и объѣздить нèкого! Поди, угадывай, откуда гроза бѣжитъ!

— Да, неужто же нѣтъ способовъ? вмѣшался я: — во-первыхъ, какъ сказалъ Алексѣй Степанычъ, у васъ есть сердце-вѣщунъ, которое должно васъ остерегать; а во-вторыхъ, вѣдь и писать можно приноровиться... ну, аллегоріями, что̀-ли!

— То-то и есть, что на аллегоріи нынче мастеровъ нѣтъ. Были мастера, да сплыли. Нынче все пишутъ съ плеча, періодовъ не округляютъ, даже къ знакамъ препинанія холодность какая-то видится. Да, вотъ, позвольте, я прочту, что̀ мнѣ тутъ одинъ передовикъ напуталъ. Кстати, вмѣстѣ обсудимъ, да тутъ же и исправимъ. А то я ужь съ утра мучусь, да пониманіе, что̀ ли, во мнѣ притупилось: просто, никакой аллегоріи придумать не могу!

Мы согласились. Молчалинъ 2-й взялъ со стола корректурный листъ и началъ:

«С.-Петербургъ. 24-го іюля.

«На этотъ разъ, мы вновь возвращаемся къ вопросу, который уже не однажды занималъ насъ. Пусть, впрочемъ, читатель не сѣтуетъ за частыя повторенія: это — вопросъ животрепещущій, вопросъ жизни и смерти, вопросъ, отъ правильной постановки котораго зависитъ честь и спокойствіе всѣхъ гражданъ. Однимъ словомъ, это — вопросъ о распространеніи на всѣ селенія имперіи правъ и преимуществъ, изложенныхъ въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, вопросъ, повидимому, скромный но, въ сущности, проникающій въ сердце нашей жизни гораздо глубже, нежели можно съ перваго взгляда предположить...»

— Гмъ... кажется, это можно?

— По моему мнѣнію, не только можно, но и... ахъ, Боже мой! да самая мысль, что честь и спокойствіе гражданъ зависятъ отъ распространенія правъ и преимуществъ, изложенныхъ въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій... Помилуйте! я самъ сколько разъ порывался... сколько разъ самъ думалъ: отъ чего бы это, въ самомъ дѣлѣ, зависѣло?.. и вдругъ такой ясный и вполнѣ опредѣленный отвѣтъ! восклицалъ я въ восхищеніи.

— А по моему, такъ и тутъ есть изъянецъ, расхолодилъ мой восторгъ Алексѣй Степанычъ: — кажется, и всего-то одно словечко подпущено: «гражданъ», а сообразите-ка — чѣмъ оно пахнетъ! Какіе-такіе, скажутъ, «граждане»? Откуда такое званіе взялось? У насъ, батюшка, всякій — самъ по себѣ! Ты — самъ по себѣ, я — самъ по себѣ! А то «граждане»! Что̀ за новое слово такое? Да и конецъ, признаюсь, мнѣ не нравится. «Проникающій гораздо глубже, нежели можно съ перваго взгляда предположить!..» Какой такой «первый взглядъ»! И что̀ тутъ еще «предполагать»? Припахиваетъ, братецъ, припахиваетъ!

*

— Чѣмъ же бы ты, однакожь, замѣнилъ слово «гражданъ»?

— А «обыватели» на чтò! И для тебя спокойно, и особенно гнуснаго ничего нѣтъ. «Честь и спокойствіе обывателей»—чѣмъ худо?

— Гм... да... вы кàкъ думаете? обратился Молчалинъ 2-й ко мнѣ.

— По моему, «граждане» возвышеннѣе; но, коль скоро общественная безопасность этого требуетъ, то отчего же не припустить и «обывателей»!..

— Такъ ужь я...

Онъ помуслилъ карандашъ, поскребъ имъ на поляхъ корректурнаго листа и продолжалъ:

«Что селеньямъ нашимъ необходимо предоставить тѣ же благодѣянія полицейскаго надзора, которыми уже пользуются ихъ старшіе собратья по табели о рангахъ, т. е. города и мѣстечки —насчетъ этого наша печать единодушна. Если не ошибаемся, до сихъ поръ еще никто и никогда не позволилъ себѣ проводить въ русской печати мысль, что полиція вредна. Да и мудрено проводить чтò-нибудь подобное, во-первыхъ, потому, что это противорѣчило бы историческому опыту всѣхъ народовъ, а вовторыхъ, и потому, что, съ принципіальной точки зрѣнія, само начальство высказалось въ этомъ дѣлѣ настолько твердо и рѣшительно, что сразу поставило его внѣ всякихъ пререканій.

— Хорошо! очень хорошо! только я бы, знаешь, усугубилъ: вмѣсто «внѣ всякихъ пререканій», написалъ бы: «внѣ всякихъ *неумѣстныхъ* пререканій». Вѣрнѣе! посовѣтовалъ Алексѣй Степанычъ.

— Ладно! Можно и усугубить! Ну-съ, далѣе!

«Стало быть, если въ нашей печати и существуютъ по этому предмету разномыслія, то они касаются не рѣшеннаго уже начальствомъ вопроса о пользѣ полиціи, но лишь практическихъ его примѣненій. «Полицейское воздѣйствіе безусловно полезно и необходимо», въ одинъ голосъ вопіютъ всѣ òрганы русской литературы, «слѣдовательно, оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, а будемъ спорить лишь о томъ, въ какой формѣ должно выразиться полицейское воздѣйствіе, дабы имѣть силу дѣйствительную, а не мнимую». И дѣйствительно спорятъ; спорятъ горячо, съ увлеченіемъ, почти съ жгучестью... Такъ что многимъ приходитъ на мысль: ужь не потому ли такъ шумятъ наши народные витіи, что, за невозможностью обсуждать дѣло по существу, они хотятъ отъиграться на подробностяхъ?»

— Ничего... это? кàкъ-то робко спросилъ насъ Молчалинъ 2-й.

— Ничего-то—ничего, а ты вникни, однако, чтò онъ тутъ нагородилъ, передовикъ-то твой!

Молчалинъ 2-й вопросительно взглянулъ на меня, какъ бы призывая въ свидѣтели своей невинности.

— Нѐчего, нѐчего лебезить... Лисà Патрикѣевна! безжалостно оборвалъ его Алексѣй Степанычъ:—словно и не понимаетъ, въ чемъ тутъ суть! Ишь ты! сначала, какъ и путный: «нельзя, говоритъ, не быть согласнымъ насчетъ существа», а потомъ и пошелъ: «невольнымъ образомъ отъигрываются» да «за невозможностью!» За «безполезностью», сударь! «за безполезностью»! Вотъ какъ слѣдуетъ говорить!

Новый вопросительный взглядъ на меня со стороны Молчалина 2-го, на этотъ разъ уже положительно требующій моего вмѣшательства.

— Къ сожалѣнію, я и самъ не могу не согласиться съ Алексѣемъ Степанычемъ, поспѣшилъ откликнуться я:—конечно, ни одинъ, изъ обыкновенныхъ читателей не найдетъ во всей прочитанной вами тирадѣ ничего, чтò бы свидѣтельствовало о неблаговидныхъ поступкахъ ея автора. Но *запахъ*, все-таки, есть! И читатель *не* обыкновенный, читатель, который слѣдитъ за статьей, такъ сказать, съ карандашемъ въ рукахъ... не знаю! Право, даже угадать не могу, чтò онъ найдетъ и чего не найдетъ въ указанныхъ Алексѣемъ Степанычемъ словахъ! Можно и ничего не найти, но можно и *все* найти, потому что тутъ есть какая-то неискренность, есть экивокъ. Я самъ люблю экивоки, но, вѣдь, экивокъ—это чтò такое? Пройдетъ онъ—хорошо! а не пройдетъ—тогда чтò?! Вотъ почему я полагалъ бы, что, съ точки зрѣнія безопасности, надежнѣе было бы, еслибъ всю фразу, начиная со словъ: «такъ что многимъ» выкинуть совсѣмъ.

— И такъ можно! согласился Алексѣй Степанычъ.

— Потому что слово—серебро, а молчаніе—золото! присовокупилъ я.

— Да, еслибы можно было этимъ золотомъ на рынкѣ расплачиваться—богатъ бы я былъ! вздохнулъ Молчалинъ 2-й и кàкъ-то задумчиво уперся карандашемъ въ корректуру, какъ бы рѣшаясь и не рѣшаясь исполнить мое замѣчаніе.

— Стойте! нашелъ! воскликнулъ онъ, наконецъ:—вмѣсто того, чтобъ совсѣмъ выкидывать фразу, я замѣню ее слѣдующею:

«Такъ бываетъ всегда, когда печать становится лицомъ къ лицу съ настоящимъ, реальнымъ дѣломъ, а не съ пустою и безсодержательною идеологіей»... Ладно?

— Прекрасно! прекрасно! прекрасно! похвалилъ Алексѣй Степанычъ:—похеривай и продолжай.

«Положеніе нашихъ селеній исключительное. Полиція въ нихъ, можно сказать, не существуетъ вовсе. Вотчинная полиція упразднена; мировые посредники, въ обязанности которыхъ отчасти входили атрибуты вотчинной полиціи, тоже сочтены излишними; волостныя правленія и суды вѣдаютъ лишь дѣла̀ крестьянъ; сотскіе и десятскіе—но кто же не знаетъ, что̀ такое наши сотскіе и десятскіе? Мировые судьи или больны, или находятся въ отпуску, занятые пріискиваніемъ другихъ лучшихъ мѣстъ, и, притомъ, разсѣяны по лицу земли въ такихъ гомеопатическихъ порціяхъ, что безполезно даже разсчитывать на ихъ защиту. Такъ, что ежели у васъ пропалъ грошъ, то вамъ нѐкому даже попечалиться объ этомъ. Понятно, что такое двусмысленное положеніе, затрогивающее коренныя основы, на которыхъ зиждется общество, должно было встревожить нашу печать».

— Печальная картина! вздохнулъ Молчалинъ 2-й, и ка̀къ-то нелѣпо пригорюнился.

— Смотри, не заплачь! Ничего тутъ! Валяй! валяй дальше! поощрилъ его Алексѣй Степанычъ.

«Но разъ занявшись имъ, она должна была встрѣтиться съ множествомъ вопросовъ, которые существенно на него вліяютъ, и которые, слѣдовательно, предлежало разрѣшить во что̀ бы ни стало. Что полиція не существуетъ —это ясно; что ее слѣдуетъ возстановить, возродить, создать — это тоже ясно; но какимъ образомъ, изъ какихъ матеріяловъ и съ помощью какихъ силъ предстоитъ воздвигнуть величественное ея зданіе—вотъ что̀ неясно, и что̀ требуетъ неотложнаго разрѣшенія. Въ комъ, т. е. въ какихъ лицахъ должна найти воплощеніе идея, выражаемая уставомъ пресѣченія и предупрежденіи преступленій, въ примѣненіи ея къ селеніямъ? Кто наиболѣе заинтересованъ какъ въ назначеніи сихъ лицъ, такъ и въ наблюденіи за правильностью ихъ дѣйствій? Въ какомъ количествѣ должны быть назначаемы эти лица, и какія желательно ожидать отъ нихъ качества? Какія необходимо имъ присвоить права̀ какъ по прохожденію службы, такъ и по мундиру и пенсіи? Въ какихъ предѣлахъ должна быть заключена ихъ власть, а, равнымъ образомъ, въ чемъ должны состоять ихъ обязанности по наблюденію, дабы кутузка, сохраняя свою общедоступность, съ одной стороны — не принимала характера увеселительнаго заведенія, а съ другой — не служила угрозою для выполненія прихотливыхъ требованій и не отвлекала гражданъ отъ ихъ обычныхъ занятій и невинныхъ забавъ?

«Все это, какъ видитъ читатель—вопросы нешуточные, и потому совершенно понятно, что они волнуютъ, въ настоящее

время, лучшіе умы въ русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ».

— Прекрасно! продолжай, братецъ, продолжай! «Гражданъ»-то, «гражданъ»-то только похерь!

«Однимъ изъ самыхъ рьяныхъ противниковъ нашей газеты по всѣмъ этимъ вопросамъ является газета «И шило брѣетъ», которая, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ нумеровъ, даже посвятила намъ по этому случаю обширную статью. По своему обыкновенію, почтенная газета находится въ веселомъ расположеніи духа. Она заигрываетъ съ нами, она охотно извращаетъ наши слова̀ и мысли и, разумѣется, прибѣгаетъ къ отборнѣйшимъ выраженіямъ своего полемическаго жаргона, чтобы выставить насъ, въ глазахъ своихъ неприхотливыхъ читателей, въ самомъ уморительномъ видѣ. Насъ самихъ она называетъ «недоумками», «тупицами» и «барскими прихвостнями», а газету нашу «гнойнымъ нарывомъ, въ которомъ нашли себѣ послѣднее убѣжище поскудные остатки отживающаго русскаго холопства».

— Однако, братъ! ка̀къ-то испуганно воззрился Алексѣй Степанычъ при послѣднихъ словахъ.

— Да̀, братецъ! подтвердительно отвѣтилъ Молчалинъ 2-й, но, какъ малый, уже посѣдѣлый въ литературныхъ бояхъ, только махнулъ вслѣдъ за симъ рукою и продолжалъ:

«Мы не послѣдуемъ за уважаемой газетой въ ея полемическихъ пріемахъ. Мы едва ли не съ бо̀льшимъ основаніемъ могли бы назвать ея сотрудниковъ «паршивыми либералами», а ее саму—«гніющимъ продуктомъ современнаго общественнаго разложенія», но не дѣлаемъ этого, ибо знаемъ, что съ словомъ слѣдуетъ обращаться честно. И, конечно, не оголтѣлые казаки «Брѣющаго Шила» заставятъ насъ отступиться отъ этого правила»...

— Однако, братъ! вновь изумился Алексѣй Степанычъ.

Но Молчалинъ даже не отвѣтилъ на этотъ перерывъ, а только машинально отмахнулся рукой, какъ бы отгоняя надоѣдливую муху.

«Дѣйствительно, разница между нашими воззрѣніями и пустопорожними разглагольствованіями «Брѣющаго Шила» до такой степени существенна, что ничего нѣтъ удивительнаго, ежели почтенная газета выходитъ изъ себя и доводитъ свою полемику до крайнихъ предѣловъ неприличія. Она понимаетъ, что, въ порывѣ прапорщичьяго экстаза, зашла въ трущобу, и сердится на насъ уже не за то, что мы расходимся съ нею, а за то, что мы не подаемъ ей руку помощи и не дѣлаемъ ни малѣйшей уступки, которая позволила бы ей прилично и безъ позора

отступиться отъ легкомысленно высказанныхъ ею мнѣній. Сдѣлай мы это—и она давно бы простерла намъ свои объятія, еслибъ, впрочемъ, не воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы обвинить насъ же въ малодушіи и непослѣдовательности. Но потому-то именно мы и не сдѣлаемъ ничего въ этомъ смыслѣ; мы ни въ какомъ случаѣ не подадимъ «Брѣющему Шилу» требуемой имъ руки помощи и не поступимся ни однимъ золотникомъ, ни однимъ скрупуломъ изъ своихъ убѣжденій. Мы не сдѣлаемъ этого, во-первыхъ, потому, что ведемъ свое дѣло на чистоту, а во-вторыхъ, и потому, что поставили себѣ задачей, во что̀ бы то ни стало, раскрыть публикѣ глаза и выставить передъ нею въ надлежащемъ свѣтѣ истинныя достоинства того гнилаго либерализма, которымъ щеголяетъ «Брѣющее Шило».

— Ничего? остановился Молчалинъ 2-й.

— Ничего, братецъ! цапайтесь, подсиживайте другъ дружку; съ точки зрѣнія благоустройства, это даже лучше!

«Прежде всего, мы выходимъ изъ принциповъ діаметрально противоположныхъ. «Брѣющее Шило» исходною точкой для своихъ разглагольствій ставитъ нагое единоначаліе; мы же, какъ читателямъ это достаточно извѣстно, не имѣя ничего противъ единоначалія, какъ принципа—дисциплинирующаго и дающаго нашей жизни правильный устой, съ своей стороны, въ видѣ корректива, присовокупляемъ къ нему излюбленное и вполнѣ почтительное народосодѣйствіе. Вотъ это-то, съ одной стороны, благосклонно-внимательное, а съ другой — почтительно-любовное взаимодѣйствіе двухъ взаимно другъ друга оплодотворяющихъ силъ, которое, по нашему мнѣнію, составляетъ основу нашей общественной жизни, вотъ оно-то и служитъ поводомъ для полемики. И ежели «Брѣющее Шило» ведетъ ее съ нахальствомъ и даже ненавистью, то тѣмъ хуже для него; мы же никогда до этого не унизимся, а будемъ на всѣ обвиненія и инсинуаціи отвѣчать съ спокойствіемъ и достоинствомъ, полными презрѣнія».

— Вотъ «единоначаліе»... ужасно меня это слово безпокоитъ! задумался Молчалинъ 2-й.

— Что̀-жъ, слово... ничего! разувѣрилъ его Алексѣй Степанычъ:—коли у мѣста, такъ даже украшеніемъ служитъ! Вѣдь, ты «противъ единоначалія ничего не имѣешь», ну, и Христосъ съ тобой! А что̀ касается до «народосодѣйствія», такъ и законъ, братецъ, не препятствуетъ... Содѣйствуйте, батюшки, содѣйствуйте!

— Такъ-то та̀къ, а все-таки... Все какъ будто противъ единоначалія... Тогда какъ, видитъ Богъ, я...

— Ну-ну! ничего! не слишкомъ ужь робѣй! И на начальство, братъ, тоже надѣяться надо: пойметъ! Читай дальше.

«Kàкъ ни непререкаемъ принципъ единоначалія, какія бы заслуги онъ ни считалъ за собой въ прошедшемъ и въ настоящемъ, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что отрѣшенный отъ народосодѣйствія, онъ скоро извращаетъ свой благодѣтельный характеръ и, въ самомъ даже благопріятномъ случаѣ, является какъ бы вращающимся въ пустотѣ. Лишенный здоровой извѣстительной пищи, которую только народосодѣйствіе и можетъ снабжать его, онъ скоро не будетъ знать и самъ, надъ чѣмъ ему единоначальствовать предстоитъ, а, такъ какъ единоначальствовать, все-таки, необходимо, то будетъ удовлетворять этой потребности, истощая свои силы въ единоначальствованіи надъ самимъ собою. Поручики будутъ безъ надобности угнетать корнетовъ, штабсротмистры — поручиковъ, ротмистры — штабс-ротмистровъ и т. д. Вотъ почему мы думаемъ, что единоначаліе, предоставленное однимъ своимъ силамъ, нетолько ничего не достигаетъ, но нерѣдко приводитъ на край гибели, да и само при семъ погибаетъ жертвою непризнанія иныхъ руководящихъ началъ, кромѣ собственнаго критеріума, ограничиваемаго лишь внезапностью. Это — общее правило, которое»...

— Ого! прервалъ чтеніе Алексѣй Степанычъ: — ну, этого, братъ, самъ Мак-Магонъ, и тотъ къ обнародованію не одобритъ!

— А! чтò! Я вамъ говорилъ! почти крикомъ крикнулъ Молчалинъ 2-й: — всегда они у меня такъ: начнутъ о бляхахъ городовыхъ, а свернутъ на единоначаліе!

— Я бы, на твоемъ мѣстѣ, всю эту тираду похерилъ, а вмѣсто нея, легонькую бы похвалу начальникамъ края пустилъ!

— Kàкъ такъ?

— Да такъ вотъ. Извѣстно-молъ, что въ подобныхъ дѣлахъ многое зависитъ отъ начальниковъ края, которые, дескать, просвѣщеннымъ вниманіемъ... А потому: обращаемъ взоры наши! Въ надеждѣ, молъ, что скромныя наши замѣтки будутъ приняты не яко замѣчанія, но яко дань... Словомъ сказать, замѣси, защипни, помасли, положи по вкусу соли, да и ставь въ легкій духъ, благословясь!

— И я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе, сказалъ я: — только одно бы *я* въ редакціи Алексѣя Степаныча измѣнилъ. Онъ говоритъ: *многое* зависитъ отъ начальниковъ края, а я бы сказалъ: *все!*

— А чтò вы думаете! Мысль-то вѣдь недурна! Потому что, хоть и пыжатся господа наши передовики: единоначаліе да единоначаліе! а чего, напримѣръ, какихъ результатовъ они въ пресловутой своей Франціи достигли?! Тогда какъ у насъ...

Онъ не договорилъ и быстро началъ бѣгать карандашемъ по корректурѣ.

— Ну, слушайте, ка̀къ оно у меня теперь вышло!

«Безспорно, что принципъ единоначалія не пререкаемъ; безспорно, что власть единоличная, коль скоро она вручена лицамъ просвѣщеннымъ и согрѣваемымъ святою ревностью къ общественному благу (а кто же, кромѣ безшабашныхъ писакъ «Брѣющаго Шила», можетъ отрицать, что именно эти качества всегда въ совершенствѣ характеризовали нашихъ начальниковъ края; въ особенности же тѣхъ, кои удостоились этого назначенія въ послѣднее время?), нетолько не приводитъ государствъ на край гибели, но даже полагаетъ основаніе ихъ несокрушимости. Но это нимало не должно охлаждать наше рвеніе въ смыслѣ содѣйствовательномъ, ибо самъ законъ требуетъ отъ гражданъ содѣйствія, и въ противномъ случаѣ даже угрожаетъ карою, какъ за попустительство. Вотъ что̀ мы имѣли въ виду, настаивая на совмѣстномъ дѣйствіи принципа единоначалія съ принципомъ любовнаго и почтительнаго народосодѣйствія, и вотъ почему мы и нынѣ еще разъ рѣшаемся посвятить наши столбцы всестороннему обсужденію вопроса о распространеніи на селенія Имперіи тѣхъ правъ и преимуществъ полицейскаго надзора, которыми уже пользуются города. Мы дѣлаемъ это не въ видахъ поученія, ниже совѣта, а лишь въ формѣ скромнаго и благопочтительнаго мнѣнія, принять или не принять которое будетъ, конечно, зависѣть отъ усмотрѣнія. Примется наше мнѣніе—мы будемъ польщены; не примется—мы и на это сѣтовать не станемъ!»

— Хорошо, что̀ ли, такъ будетъ?

— Ужь такъ-то хорошо, что даже я и не ожидалъ, похвалилъ Алексѣй Степанычъ:—и подлости прямой нѣтъ—потому, ты никого не назвалъ—а между тѣмъ, въ носъ, вѣдь, братецъ, бросится!

— Ну, а вы что̀ скажете? обратился ко мнѣ Молчалинъ 2-й.

— Хорошо, даже очень хорошо; но, признаюсь, я имѣю сдѣлать небольшое замѣчаньице, которое, по мнѣнію моему, не лишнее будетъ принять къ свѣдѣнію. Въ новую редакцію вы перенесли изъ прежней слова̀: «нетолько не приводитъ государствъ на край гибели»... Конечно, я понимаю, что вы это сдѣлали единственно ради того, чтобы, по возможности, сохранить трудъ наборщика; но людямъ, не посвященнымъ въ тайны корректуры, эта фраза можетъ показаться сомнительною. Могутъ спросить себя: съ чего это вдругъ пришли ему на умъ «государства, приводимыя на край гибели»? Нѣтъ ли ироніи тутъ какой-нибудь—ироніи, которую наружная восторженность похвалы дѣлаетъ еще болѣе ѣдкою и чувствительною?

— А, вѣдь, замѣчаніе-то справедливое! согласился со мною и Алексѣй Степанычъ.

Молчалинъ 2-й задумался.

— Справедливое-то справедливое, произнесъ онъ, наконецъ:— а жаль! Фраза-то ужъ больно ловка!

— Стой! Я придумалъ! нашелся Алексѣй Степанычъ:—фразу оставить можно, только дополнить ее надо. И дополнить такъ: «какъ думаютъ нѣкоторые распространители превратныхъ идей»—вотъ и все.

— Отлично! согласился Молчалинъ 2-й, и, тутъ же сдѣлавъ надлежащее исправленіе, продолжалъ:

«Токвиль говоритъ: единоначальники, доводящіе свое властолюбіе...»

— Марай! вскричалъ Алексѣй Степанычъ:—и читать дальше не нужно! Марай!

— Молчалинъ 2-й, даже не возражая, провелъ крестъ на корректурномъ листѣ.

«Гнейстъ, подтверждая это мнѣніе, съ своей стороны, присовокупляетъ: «Единоначальникъ, который...

— То—Гнейстъ, а то—русская газета «Чего изволите!» Марай, любезный, марай!

«Людовикъ XVI не даромъ со слезами на глазахъ собственноручно набиралъ знаменательныя словà Тюргò: pauvre France! pauvre roi! Этотъ добродушный самодержецъ инстинктивно чувствовалъ, что онъ—послѣдній прирожденный король Франціи и Наварры и что отнынѣ имя Бурбоновъ всецѣло перейдетъ на главы тѣхъ русскихъ офицеровъ, которые выслужились изъ кантонистовъ и сдаточныхъ».

Молчалинъ 2-й умолкнулъ. Мы тоже молчали. Никто изъ насъ ничего не понималъ, но всѣ мы находились подъ гнетомъ какой-то неожиданности.

— Марай! марай! марай! первый опомнился Алексѣй Степанычъ. Но, къ изумленію, Молчалинъ 2-й заупрямился.

— Позволь, однако, тёзка! сказалъ онъ:—вѣдь, ежели все-то марать, такъ, пожалуй, и обстановки никакой у статьи не будетъ. Всѣ эти ссылки и анекдоты, конечно, не стоятъ ломаннаго гроша; однако, попробуй безъ нихъ статью выпустить—голò будетъ!

Онъ вопросительно взглянулъ на меня.

— Если вы желаете знать мое мнѣніе, сказалъ я:—то оно резюмируется въ одномъ словѣ: марайте! Конечно, анекдотъ объ Людовикѣ XVI очень хорошъ, но вѣдь, собственно говоря, при тѣхъ перемѣнахъ, которыя вами сдѣланы выше, онъ ужъ кàкъ-то и не подходитъ.

— Гм... дà, вотъ это такъ. Дѣйствительно, оно... Но согласи-

тесь, что это тяжело. И каждый, вѣдь, день, каждый день мы должны приносить эти жертвы!

Онъ вздрогнулъ; но взялъ карандашъ и твердою рукой начерталъ крестъ на корректурномъ листѣ. Затѣмъ онъ продолжалъ: «Все это мы припоминаемъ здѣсь съ тою цѣлью, чтобъ читатель понялъ нашу мысль вполнѣ. Мы—нетолько не противники единоначалія, но именно потому и присовокупляемъ къ нему, въ видѣ придатка, народосодѣйствіе, что послѣднее нимало не подрываетъ перваго, а, напротивъ того, дѣйствуя съ нимъ вкупѣ, даже подкрѣпляетъ его. Святая пѣснь спрашиваетъ недаромъ: «сè чтò красно, чтò добро?» и отвѣчаетъ: «военже жити, братіе, вкупѣ». Этого же и мы желаемъ. Мы говоримъ обществу: остерегись! стань само на стражѣ своихъ интересовъ! спроси себя: можешь ли ты остаться равнодушнымъ къ такимъ вопросамъ, какъ, напримѣръ: отъ кого должно зависѣть заготовленіе провіанта и обмундированія для полицейскихъ чиновъ въ селеніяхъ? какой системы слѣдуетъ держаться при организаціи такъ-называемыхъ чижовокъ? и проч. И ежели ты отвѣтишь на этотъ вопросъ отрицательно, то есть отнесешься къ дѣлу хладнокровно, то пеняй уже на себя, а не на насъ! Пеняй на себя, ежели ты впослѣдствіи увидишь себя подъ гнётомъ морально-полицейскаго давленія! Пеняй на себя, если ты самъ выпустишь изъ рукъ такія плодотворныя статьи, какъ, напримѣръ, расходы по обмундированію нижнихъ чиновъ и по содержанію въ исправности чижовокъ!»

— Однако, дались ему чижовки! не воздержался замѣтить Алексѣй Степанычъ.

— Ну, это ужь я самъ, молвилъ Молчалинъ 2-й и, тутъ же исправивъ, прочиталъ:—«Все это... Святая пѣснь... ну, и такъ далѣе. Мы говоримъ обществу: довѣрься, но доводи до свѣдѣнія! Предоставь, но смотри въ оба! Не для того, чтобы неумѣстною критикой произвести замѣшательство въ единоначальственныхъ распоряженіяхъ, а для того, чтобы оправдать почивающія на тебѣ надежды и упованія! Начальство воодушевлено наилучшими намѣреніями, но оно, ежели позволительно такъ выразиться, не всевидяще! И, хотя извѣстный куплетъ

Il voit tout,
Il sait tout,
Et il fourre son nez partout!

замѣчательно хорошо выражаетъ положеніе вещей, но безусловно вѣренъ, все-таки, лишь послѣдній его стихъ. Начальство желаетъ всѣмъ угодить, но иногда—мы говоримъ это съ скорбію,— не угождаетъ никому! Поэтому, о общество! ежели ты пренебрежешь предстоящими тебѣ въ семъ случаѣ обязанностями, то

пеняй уже на себя, а не на насъ! Пеняй на себя, если начальство, послѣ тщетныхъ ожиданій твоей извѣстительной инициативы, наконецъ, воскликнетъ: валяй по всѣмъ по тремъ! Пеняй на себя, ежели чижовки, въ которыхъ ты отъ времени до времени будешь проводить свои досуги, окажутся наполненными клопами, и ежели вопросъ объ устраненіи сего недостатка будетъ переданъ на обсужденіе особой комиссіи, которая сочтетъ за нужное издать по этому поводу сто одинъ томъ «трудовъ», дабы и затѣмъ не придти ни къ какому заключенію».

— Ну, кàкъ теперь?

— Чтò и говорить! ужь коли ты захочешь, такъ разутѣшишь.

— Вотъ, насчетъ «сто одного тома трудовъ»... Это кàкъ?

— Ничего, съ Богомъ! Душòкъ, правда, есть, ну, да вѣдь и то сказать: газета-то у тебя либеральная, нельзя же безъ того, чтобы немножко и тово...

Но я, я не былъ согласенъ.

— Позвольте, сказалъ я:—это превосходно, нѣчего и говорить! И отвага есть, и горячее, отъ души вылившееся слово, и даже... стойкость! Но, во-первыхъ, нужно выпустить куплетъ: это—conditio sine qua non. Такой серьёзный предметъ—и вдругъ воспоминаніе о «Чайномъ цвѣткѣ»! Кàкъ хотите, а это обидно! Во-вторыхъ, необходимо уничтожить и замѣнить выраженіе «валяй по всѣмъ по тремъ!», какъ тривіальное и, по отношенію къ высшему начальству, даже непочтительное. Въ-третьихъ, наконецъ, вы говорите: «довѣрься, но доводи до свѣдѣнія!», «предоставь, но смотри въ оба!». Но не превосходнѣе ли было бы, еслибы вы сказали: «доводи до свѣдѣнія, но довѣрься! смотри въ оба, но предоставь!» Дайте-ка фразѣ этотъ оборотъ — и вы увидите, что тогда, дѣйствительно, не останется ужь и тѣни недовѣрія къ начальству, а потребность въ почтительныхъ извѣщеніяхъ выступитъ впередъ съ еще бòльшею яркостью!

— Справедливо! воскликнулъ Алексѣй Степанычъ: — хоть и строгонько, но... справедливо.

Замѣчаніе мое было выполнено: Молчалинъ 2-й продолжалъ:

«Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что у общества имѣются свои собственные òрганы и что эти послѣдніе существуютъ съ надлежащаго разрѣшенія и пользуются законною организаціей, а отнюдь не представляютъ собой сборища узурпаторовъ или случайно сошедшихся людей, какъ это инсинуируютъ борзописцы «Брѣющаго Шила». Чтò означаетъ существованіе этихъ òргановъ? Оно означаетъ потребность въ нихъ, потребность нетолько

коренящуюся въ глубинахъ общества, но сознаваемую и самимъ начальствомъ. Органы эти созданы не для того, чтобы покоиться, но для того, чтобы дѣйствовать, т. е. усматривать и дѣлать соотвѣтствующія представленія. Будутъ уважены эти представленія—хорошо; не будутъ—не прогнѣвайся! Но, во всякомъ случаѣ, право представлять существуетъ, и было бы величайшимъ малодушіемъ не пользоваться имъ, хотя бы отъ сего и не предвидѣлось никакихъ послѣдствій. Права̀ не даются даромъ; даже прыщъ на носу—и тотъ даромъ не вскочитъ, но сначала почешется. Поэтому, мы не имѣемъ основанія пренебрегать никакимъ правомъ, хотя бы оно, на первый взглядъ, казалось намъ ничтожнымъ и даже плёвымъ. Сперва одно плёвое право, затѣмъ другое, тоже плёвое, но уже въ меньшей степени. И такъ далѣе, въ разумной постепенности, доходя до выѣденнаго яйца. Почему наши земства представляются вялыми и дѣйствующими какъ бы въ просонкахъ? Почему члены управъ приходятъ въ движеніе лишь въ концѣ мѣсяца, когда предвидится полученіе присвоенныхъ имъ окладовъ? А потому именно, что и земства, и ихъ управы совершенно упускаютъ изъ вида сейчасъ высказанную нами истину. Почему, въ свою очередь, они дозволяютъ себѣ подобное неряшливое отношеніе къ своимъ обязанностямъ? А потому, что само общество, которому надлежало бы поощрять и воодушевлять удостоенныхъ довѣріемъ его лицъ, коснѣетъ въ равнодушіи къ своимъ собственнымъ интересамъ. Это—круговая порука апатіи и лѣности, въ результатѣ которой не можетъ быть ничего иного, кромѣ мерзости запустѣнія. Что̀ скажетъ объ насъ потомство? Оно скажетъ: это были люди, по милости которыхъ мы до сихъ поръ занимаемся толченіемъ воды, тогда какъ мы были бы уже въ самомъ центрѣ пирога, еслибъ эта предварительная работа была ими исполнена своевременно и неуклонно. Что̀ скажутъ иностранцы о такомъ обществѣ и такихъ о̀рганахъ? Они скажутъ: вотъ общество, которому ничего не было дано и которое, поэтому, ничѣмъ и не воспользовалось. Ужели они будутъ правы?»

Молчалинъ 2-й прочелъ эту тираду однимъ духомъ, весело, ходко, почти шаловливо, но при послѣдней фразѣ объ иностранцахъ вдругъ поперхнулся и оцѣпенѣлъ.

— Вотъ тебѣ разъ! невольно воскликнулъ я.

— Постой, братъ, я окошко отворю, да караулъ закричу! въ свою очередь присовокупилъ Алексѣй Степанычъ.

Мы сидѣли и всѣ въ тактъ покачивали головами.

— Ахъ-ахъ-ахъ! вздохнулъ Алексѣй Степанычъ:—правилъ ты, правилъ—и вся твоя работа втунѣ! ужъ этого-то, братъ, не исправишь!

— Этого-то! съ какою-то надменною отвагой вызвался Молчалинъ 2-й:—а вотъ сейчасъ увидишь!

Онъ мгновенно воспрянулъ духомъ и бодро прибялся за работу. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ уже читалъ намъ:

«Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что у общества имѣются свои собственные органы, которые существуютъ съ надлежащаго разрѣшенія и пользуются законною организаціей, а отнюдь не представляютъ собой сборища узурпаторовъ или случайно сошедшихся людей, какъ это инсинуируютъ борзописцы «Брѣющаго Шила». Существованіе этихъ органовъ означаетъ ежели не настоятельную въ нихъ потребность, то, по крайней мѣрѣ, благосклонное относительно ихъ благосоизволеніе. Положимъ, что непосредственнаго и дѣятельнаго участія въ управленіи имъ не предоставлено, но начальство никогда не отказывалось и не отказывается получать отъ нихъ почтительныя, въ надлежащихъ границахъ, представленія. А это очень важно. Возможность утруждать начальство представленіями еще не есть, конечно, право, но это—больше, нежели право: это—обязанность. Во всякомъ случаѣ, такая возможность существуетъ (и притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ), и было бы крайне неразсчетливо и даже безсовѣстно не пользоваться ею, хотя бы отъ сего и не предвидѣлось никакихъ послѣдствій. Мы не имѣемъ прàва увлекаться исключительно утилитарными цѣлями; мы должны поменьше думать о правàхъ и побольше—объ обязанностяхъ. Терпѣніе и самоотверженность—вотъ задача, которую должно преслѣдовать современное поколѣніе общественныхъ дѣятелей, все же остальное—предоставить потомству. Наши земства это поняли. Они представляютъ обо всемъ, представляютъ неупустительно, хотя и безъ всякихъ послѣдствій. Нерѣдко, начальство, въ своей мудрости, оставляетъ ихъ представленія даже совсѣмъ безъ отвѣта, но они не обезкураживаются этимъ и представляютъ вновь, и общественное мнѣніе имъ несомнѣнно въ этомъ сочувствуетъ. Вотъ какимъ труднымъ и, такъ сказать, широко-постепеннымъ путемъ достигается нашъ прогрессъ. Чтò скажетъ объ насъ потомство?—оно скажетъ: это были люди самоотверженные, которые, проводя время въ ожиданіи разрѣшеній, тѣмъ самымъ расчищали для насъ пути! Чтò скажутъ иностранцы?—они скажутъ: вотъ общество, которое съ благоразуміемъ и мудрою постепенностью пользуется предоставленными ему возможностями! И потомство, и иностранцы — будутъ правы!»

Алексѣй Степанычъ, не говоря ни слова, подошелъ къ Молчалину 2-му и поцаловалъ его въ лобъ.

— Отлично! отлично! произнесъ онъ въ волненіи (у старика даже слёзы на глазахъ показались).

— Отлично, согласился и я: — но позволю себѣ одно только и, притомъ, самое маленькое замѣчаніе...

— Нѣтъ ужь-съ! сухо и даже нѣсколько нахально прервалъ меня Молчалинъ 2-ой:—на этотъ разъ, любезный коллега, прошу уволить! Я знаю, что̀ вы хотите сказать. Вамъ, навѣрное, не нравится, что я нѣсколько разъ, и при томъ не безъ намѣренія, настаиваю на томъ, что возможность дѣлать представленія не всегда приноситъ желаемые плоды. Но этимъ я уже поступиться не могу. Моя газета либеральная и самимъ начальствомъ признается за таковую; слѣдовательно, въ ней полное однообразіе тона нетолько неумѣстно, но могло бы показаться даже предъумышленнымъ. Я невсегда глажу по шерсткѣ, но я искрененъ—и въ этомъ моя заслуга! Вообще, положеніе либеральнаго о̀ргана печати я резюмирую въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «мы готовы придти къ вамъ, говорю я:—но укажите намъ пути и сохраните намъ нашу независимость!»

Это поученіе было высказано такимъ твердымъ и даже строгимъ тономъ, что мнѣ оставалось только прикусить языкъ. Самъ Алексѣй Степанычъ—и тотъ не заступился за меня. Въ самомъ дѣлѣ, я показалъ себя ужь черезчуръ придирчивымъ. Ка̀къ часто случается намъ встрѣчать въ печати выраженія прямо бунтовскія, въ родѣ: «осмѣливаемся высказать» или «позволяемъ себѣ думать» — что̀-жь! начальство не только не взыскиваетъ, но даже положительно не видитъ въ этомъ ничего, могущаго подорвать его авторитетъ! Вѣроятно, тутъ есть какая-нибудь секретная конвенція, а, можетъ быть, и просто внутренняя политика. Что «независимые голоса» не безполезны—это, съ легкой руки Бисмарка, уже признано всѣми. Даже оппозиція—и та считается невредною, если она не вредитъ. Слѣдовательно, отчего же бы и намъ не воспользоваться этимъ общепризнаннымъ фактомъ... ну, конечно, умненько? Не даромъ же въ штатахъ департамента этимологіи и правописанія значится: «независимыхъ голосовъ столько-то». Вотъ это-то и есть «политика». Интересно бы только знать, присвоено ли этимъ голосамъ соотвѣтствующее содержаніе, или же они обязываются ра̀спѣвать, памятуя изреченіе: *изъ чести лишь одной я въ домъ семъ служу?*

Между тѣмъ какъ я такимъ образомъ разсуждалъ, Молчалинъ 2-й продолжалъ читать дальше:

«Такова наша мысль, таково наше глубокое внутреннее убѣжденіе. Убѣжденіе нетолько интимное (conviction spontanée), но и пропущенное сквозь горнило знанія; убѣжденіе, не избѣгаю-

щее благосклонной похвалы, но и не боящееся угрозъ. Какъ же поступило «Брѣющее Шило», чтобы дискредитировать насъ передъ публикой?—да очень просто! По своему обыкновенію, оно смазурничало, то-есть, на мѣсто одного выраженія поставило другое, неимѣющее съ первымъ ничего общаго. Мы говорили о «народосодѣйствіи», а оно—заставляетъ насъ употребить выраженіе «народоправство». А мы даже и не понимаемъ этого выраженія! Но вы, читатель! понимаете ли вы, какая масса гнуснаго предательства заключается въ этомъ мошенническомъ сопоставленіи принципа единоначалія (вполнѣ нами признаваемаго и чтимаго) съ принципомъ какого-то фантастическаго (и притомъ, нами непонимаемаго) народоправства?»

Молчалинъ 2-ой остановился и на этотъ разъ окинулъ насъ уже совершенно безбоязненнымъ взоромъ. Вступая на почву такъ называемой полемики, онъ, очевидно, чувствовалъ себя какъ дома. Онъ понималъ, что здѣсь ему опасаться нѣчего, и потому даже слегка отодвинулъ корректуру, какъ бы для того, чтобы издали полюбоваться ею.

«Брѣющее Шило», продолжалъ онъ:—желало однимъ выстрѣломъ убить двухъ зайцевъ: и дискредитировать нашу газету въ глазахъ читающей публики, и произвести своимъ доносомъ переполохъ въ извѣстныхъ сферахъ. Перваго, конечно, оно не добилось, второго—достигло лишь въ нѣкоторой степени. Дѣйствительно, переполохъ былъ произведенъ, но, къ счастію для насъ, онъ повлекъ за собой не *осужденіе*, а *изслѣдованіе*, за которымъ, конечно, не замедлило послѣдовать и *оправданіе*. Прошли тѣ времена, когда змѣиное жало доноса держало печать въ постоянной тревогѣ; исчезла навсегда легкая возможность обвинять, *не представляя вполнѣ ясныхъ и удовлетворительныхъ доказательствъ*. Да, прошелъ и исчезъ этотъ дурной сонъ. Отнынѣ—путь клеветы усѣянъ своего рода терніями. Намъ стоило только указать на подлинные нумера нашей газеты, даже не подкрѣпляя этого указанія ссылкой на типографскія корректуры, чтобы явиться сразу чистыми отъ всякаго подозрѣнія въ сочувствіи къ даже непонимаемымъ нами народоправствамъ. И мы сдѣлали это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что это дало намъ случай представить новыя и убѣдительнѣйшія доказательства чистоты нашихъ намѣреній, которыхъ нимало не могутъ омрачить стойкость и колебимость нашихъ убѣжденій. И такимъ образомъ, «Брѣющее Шило», желая сдѣлать намъ вредъ, въ дѣйствительности, оказало услугу, само же, по всѣмъ же вѣроятіямъ, попало на замѣчаніе».

— Ну-съ?! самодовольно обратился къ намъ Молчалинъ 2-й.

— Чего еще лучше! Словно краснымъ яичкомъ подарилъ! Такими, братъ, статьями христосоваться съ начальствомъ можно! поощрилъ его Алексѣй Степанычъ.

Я, съ своей стороны, не сказалъ ничего; я только радовался и думалъ: вотъ, кабы всѣ-то такъ!

Молчалинъ 2-й продолжалъ:

«Но довольно. Мы исполнили одну изъ самыхъ омерзительнѣйшихъ обязанностей нашихъ передъ публикой: обязанность имѣть дѣло съ противниками даже прямо безчестными. Теперь же будемъ спокойно разсуждать о предметѣ, успѣшное и правильное развитіе котораго для насъ, конечно, дороже, нежели тѣ два-три подписчика, которыхъ «Брѣющее Шило» изо всѣхъ силъ старается переманить у насъ. Ахъ, еслибъ это отъ насъ зависѣло, мы уступили бы почтенной газетѣ не одинъ и не два десятка, а цѣлую сотню подписчиковъ, лишь бы водворить миръ въ взволнованныхъ душахъ ея редакторовъ и издателей! Но подписчики — люди свободные, и мы не властны распорядиться ими, какъ французы распорядились ниццарами, а нѣмцы, въ послѣднее время—эльзас-лотарингцами. Пускай «Брѣющее Шило» приметъ это въ соображеніе и не обвиняетъ насъ въ недостаткѣ доброй воли помочь ему.

«Итакъ, къ дѣлу, къ дѣлу, къ дѣлу.

«Въ началѣ настоящей статьи мы высказали мысль, что полемическія пререканія, выражаемыя нашею печатью по вопросу объ отдачѣ селеній всѣхъ наименованій подъ надзоръ полиціи, главнымъ образомъ, касаются не принципіальной его стороны, а практическихъ примѣненій. И, дѣйствительно, какъ только мы вступаемъ на практическую почву, такъ тотчасъ же видимъ себя опутанными цѣлою сѣтью вопросовъ, вопросцевъ, и даже подвопросцевъ, изъ коихъ каждый, будучи самъ по себѣ бездѣльнымъ»...

— Бездѣльнымъ?! воскликнули мы въ одинъ голосъ съ Алексѣемъ Степанычемъ.

— Да, смотрите! такъ прямо и написалъ!

— Объ чемъ же ты думаешь! Похеривай, братецъ, похеривай!

— Погоди, дай же хоть фразу-то кончить...

«бездѣльнымъ, представляется, однакожъ, однимъ изъ дѣйствующихъ рычаговъ, созидающихъ цвѣтущее цѣлое»...

— Ну, это — шалишь, братъ! произнесъ Молчалинъ 2-й и, вслѣдъ за симъ, нимало не затрудняясь, исправилъ: «изъ коихъ каждый, не будучи и самъ по себѣ бездѣльнымъ, пріобрѣтаетъ тѣмъ бо́льшую важность, что́ служитъ на практикѣ однимъ изъ дѣйствующихъ рычаговъ величественнаго цѣлаго».

— Вотъ этакъ-то лучше. Ну, а теперь и конецъ ужь близко! Сейчасъ, господа, сейчасъ!

«Вопросы эти, которые мы отчасти ужь перечислили выше, суть слѣдующіе: 1) какое наименованіе необходимо присвоить мѣстамъ и чинамъ, на коихъ возложено будетъ содержаніе подъ полицейскимъ надзоромъ сёлъ и деревень Россійской Имперіи? 2) изъ какого сословія имѣютъ быть преимущественно избираемы эти лица и отъ кого будетъ зависѣть ихъ назначеніе и увольненіе? 3) въ какомъ количествѣ должны быть избираемы или назначаемы эти чины и какими они обязываются обладать качествами? 4) въ чемъ будутъ состоять ихъ права̀ и преимущества какъ по прохожденію службы вообще, такъ и по мундиру и пенсіи въ особенности? 5) возможно ли съ точностью опредѣлить какъ предѣлы ихъ власти, такъ и обязанности, ежели послѣднія признано будетъ не излишнимъ возложить на нихъ? и 6) какимъ образомъ оградить значеніе и достоинство кутузки, съ тѣмъ, чтобы она, съ одной стороны, не приняла, вслѣдствіе послабленій, характера увеселительнаго заведенія, а съ другой, чтобы, вслѣдствіе чрезмѣрной строгости, не послужила поводомъ для преступныхъ вымогательствъ.

«При обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ, мы вновь встрѣтимся съ «Брѣющимъ Шиломъ» и надѣемся, съ поличнымъ въ рукахъ, убѣдить читателей, что всѣ роды и степени наглости, безстыдства и даже мошенничества равно доступны этой интересной газетѣ и съ одинаковымъ успѣхомъ практикуются ею.

«Но такъ какъ предѣлы нашей статьи вышли и безъ того черезчуръ обширны, то мы отлагаемъ нашу бесѣду по сейчасъ исчисленнымъ вопросамъ до одного изъ ближайшихъ нумеровъ».

— Вотъ и все, а тамъ—еще Улита ѣдетъ, когда-то будетъ... въ «одномъ изъ ближайшихъ-то нумеровъ»! закончилъ Молчалинъ 2-й.

— А любопытно было бы, очень даже любопытно знать, ка̀къ онъ тамъ дальше путать будетъ! замѣтилъ Алексѣй Степанычъ.

— По секрету... только вы ужь, пожалуйста!.. онъ, братъ, suffrage universel для выбора сотскихъ потребовать хочетъ! таинственнымъ шопотомъ сообщилъ намъ Молчалинъ 2-й.

— Затѣйщики вы! только ка̀къ же онъ это напечатаетъ?

— А онъ, братецъ, обстановочку такую придумалъ. Во-первыхъ, говоритъ, можно доказывать, что теперь всѣ жалобы на бездѣйствіе полицейскихъ властей относятся прямо къ начальству, а тогда оно явится уже чистымъ отъ нареканій; во-вто-

*

рыхъ, говоритъ, остроумно и даже небезъинтересно будетъ видѣть, какъ, напримѣръ, селеніе, собственнымъ движеніемъ, будетъ отдавать само себя подъ надзоръ полиціи; а въ-третьихъ, говоритъ, можно преспективы разныя насчетъ suffrage universel припустить: усилить, напримѣръ, на время выборовъ, властъ становыхъ приставовъ, разрѣшить имъ тѣлесныя упражненія и т. п. Обстановка-то, вѣдь, коли хотите, неглупа!

— Неглупа-то, неглупа, и даже не безъосновательна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а все-таки...

— Ну, да это когда-то еще будетъ! Тогда я и опять васъ созову, а теперь, господа, я попрошу у васъ еще часокъ-другой терпѣнія. Есть у меня статейка, эта, я вамъ доложу, похитрѣе будетъ!

«С.-Петербургъ. 27-го іюля.

«Матеріалистическія ученія, которыя, въ настоящую минуту, увлекаютъ за собою современное русское молодое поколѣніе, имѣютъ многое, съ чѣмъ, по справедливости, не согласиться нельзя. Одна матерія вѣчна, хотя, конечно, было бы странно оспаривать и то, что, вмѣстѣ съ матеріей, вѣчно и ея содержимое. Видоизмѣняется матерія (именно только видоизмѣняется, а не умираетъ), и, вмѣстѣ съ нею, видоизмѣняется и ея содержимое»...

— Нѣтъ, вы скажите, каковъ сюжетъ выбралъ! съ горечью воскликнулъ Молчалинъ 2-й:—и это въ виду теперешнихъ, можно сказать, обстоятельствъ!

— Брось, вотъ и все! прямо рѣшилъ Алексѣй Степанычъ.

— А вотъ, все-таки, попытаемся прежде... Нутко, благослови Господи!

Молчалинъ 2-й на минуту задумался, и затѣмъ вдругъ порывисто началъ бѣгать перомъ по корректурѣ. Черезъ двѣ-три минуты онъ уже читалъ:

«Матеріалистическія ученія, которыя увлекли въ свои сѣти современное русское молодое поколѣніе, начинаютъ, наконецъ, выступать передъ нами во всей своей постыдной наготѣ. Намъ говорятъ: матерія вѣчна и доказываютъ это фактами, повидимому, неотразимыми. Но развѣ духъ не вѣченъ? спросимъ и мы, съ своей стороны. Кто тотъ смѣльчакъ, который позволитъ себѣ утверждать противное? Матерія вѣчна! Прекрасно! Но, все-таки, она хоть видоизмѣняется (этого и противники наши отвергнуть не могутъ), духъ же — никогда! Вотъ въ чемъ заключается преимущество духа, и вотъ гдѣ слѣдуетъ искать причины, почему духъ всегда торжествовалъ и будетъ торжествовать надъ матеріей, если только у человѣка есть хоть малѣйшая охота способствовать этому торжеству».

— Ладно?

— А ежели нѣтъ охоты способствовать — тогда что̀? спросилъ я.

— Ну, ка̀къ это нѣтъ охоты! Придирчивы вы ужь очень, дорогой коллега! Тёзка! по твоему ка̀къ? ладно?

— Ладно-то, ладно, а, все-таки, изъ статьи проку не будетъ! упорствовалъ въ своемъ скептицизмѣ Алексѣй Степанычъ.—Сюжетъ, братецъ, такой! Отъ этихъ сюжетовъ, какъ отъ огня, бѣгать нужно!

Но Молчалинъ 2-й не смутился этимъ замѣчаніемъ и продолжалъ:

«Вся наша бѣда въ томъ, что человѣчество, несмотря ни на уроки исторіи, ни на свидѣтельства разума, не убѣдилось въ этой истинѣ. Отсюда—вѣчная и безплодная борьба между духомъ и плотью, борьба, совершающаяся, впрочемъ, больше на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, но, тѣмъ не менѣе, разливающая по всѣмъ венамъ общественнаго организма гангрену лицемѣрія. Нѣтъ того общественнаго о̀ргана, который не былъ бы зараженъ этою разъѣдающею болью, нѣтъ человѣка, который не метался бы на прокустовомъ ложѣ подъ игомъ ея»...

— Брось! повторилъ Алексѣй Степанычъ рѣшительно.

Молчалинъ 2-й вопросительно взглянулъ на меня.

— Ка̀къ бы вамъ сказать? поспѣшилъ отвѣтить я: — во всякомъ случаѣ, авторъ статьи высказалъ свою идею настолько ясно, что *исправить* ее будетъ довольно мудрено. Конечно, еслибъ покойный Памфилъ Юркевичъ могъ встать изъ гроба, или, по крайней мѣрѣ, господинъ Струве...

— Ну, нѣтъ-съ, слуга покорный. До сихъ поръ отъ обскурантовъ Богъ миловалъ!

— То-то вотъ и есть! съ одной стороны, вы—либералъ, а съ другой—боитесь: ужасно, ка̀къ трудно это согласить!

— Однако, какъ видите, мы только этимъ и занимаемся!

— Знаю; знаю даже, что вы достигаете нѣкоторыхъ результатовъ—вотъ хоть бы въ родѣ того, котораго вы сейчасъ достигли по передовой статьѣ, имѣющей появиться завтра. Но сто̀итъ ли хлопотать изъ-за такихъ результатовъ—вотъ въ чемъ вопросъ? Сто̀итъ ли лукавить по такимъ вопросамъ, какъ вопросъ объ отдачѣ селеній подъ надзоръ полиціи?

— Ну, нѣтъ-съ, этого вы не скажите! вопросъ о сотскихъ тутъ только такъ, съ боку, а въ самомъ-то дѣлѣ статья—куда далеко мѣтитъ!

— Да, вѣдь, вы же то, что̀ «мѣтитъ»-то, *исправили!*

— Что̀-жь, и исправилъ! Конечно, исправилъ, коли тутъ чортъ

знаетъ что̀ ждетъ впереди! Ахъ, еслибъ публика знала! Но она нынче даже между строками читать разучилась!.. У меня, батюшка, въ портфеляхъ редакціи такія диковинки есть... Да вотъ, хоть бы эта самая статья о матеріализмѣ—вѣдь, въ носъ бросится, кабы напечатать! Сколько новыхъ подписчиковъ прибавилось бы изъ-за одного того, что слово «матеріализмъ» упомянуто безъ аккомпанимента непечатныхъ словъ! А я долженъ отставить ее, долженъ жертвовать и интересомъ газеты, и собственной выгодой! Я ужь чуть не въ тридцатый разъ набираю ее. Наберутъ—просмотримъ и опять разобрать велимъ... Да̀-съ, тяжеленька-таки наша служба публикѣ! Тяжела-съ! А награда?..

Онъ схватился обѣими руками за голову, и мнѣ показалось, что внутри его нѣчто слегка зарычало. И вдругъ припомнилось мнѣ, что именно такъ поступаетъ на Александровскомъ театрѣ актёръ Нильскій, когда видитъ себя въ интересномъ положеніи.

— Я, знаете, все его спрашиваю, пошутилъ Алексѣй Степанычъ: — а что̀, молъ, коли ежели что̀ — пойдешь ты на баррикады?

— Ну, тёзка, не до шутокъ теперь! ты дѣло говори, а шутки оставь! разсердился Молчалинъ 2-й.

— Да что̀ же—покуда Богъ еще милостивъ! только вотъ о портфеляхъ-то своихъ ты ужь заботу оставь! Что̀ тамъ есть, то тамъ и останется. Давай-ка лучше статью эту бросимъ, а нѣтъ ли у тебя фёльетонцу послушать?

— Есть и фёльетонцу; только читать ли ужь?

— Развѣ отчаянный?

— Нѣтъ, и не отчаянный, а скука беретъ возиться... Каждый день! каждый день! Право, когда-нибудь возьму да и сбѣгу!

— А сбѣжишь, такъ и изловятъ; если же при семъ подписныя деньги невзначай съ собою унесешь, то и подъ судъ отдадутъ. Добро, читай-ка! Нѣчего жеманиться!

Молчалинъ 2-й отыскалъ корректуру, и началъ:

«За прошлую недѣлю.

«Сейчасъ должна начаться моя еженедѣльная обязательная бесѣда съ тобой, благосклонный читатель. Я знаю это, я чувствую приближеніе роковой минуты и, увы! съ ужасомъ сознаю, что въ головѣ моей нѣтъ ни одной мысли!

«Ни признака мысли, ни тѣни мысли, ни единой крупицы ея! Понимаешь ли ты, читатель, сколько трагизма заключается въ этихъ немногихъ словахъ! Ни одной мысли! Я убитъ, уничтоженъ, подавленъ и за всѣмъ тѣмъ долженъ сознаться, что

это—совершеннѣйшая истина! У меня въ рукахъ перо, передо мною листъ бѣлой бумаги; я обмакиваю перо въ чернильницу, я начинаю водить имъ по бумагѣ, вожу, вожу... и чувствую, что у меня нѣтъ въ головѣ ни одной мысли!»

— Чтò-жь! Это, вѣдь, недурно! похвалилъ Алексѣй Степанычъ: — главное, написано легко!

— Да слушай! не прерывай!

«Но чтò важнѣе всего: не у одного меня нѣтъ мысли, а нѣтъ ея вообще нигдѣ, въ цѣломъ мірѣ. Мысль сбѣжала, милостивые государи, мысль оставила предѣлы цивилизованнаго міра, и очутилась... гдѣ бы вы думали? У патагонцевъ? Кàкъ бы не такъ!

«Вы удивляетесь? Вы думаете про себя: какой, однакожь, онъ городитъ вздоръ. Увы! Я и самъ не знаю, дѣло ли я пишу, или вздоръ горожу, но въ оправданіе свое могу сказать одно: у меня нѣтъ мысли!»

— Очень, очень легко! опять похвалилъ Алексѣй Степанычъ.

— Легко-то легко, отозвался я:—а, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, мысли-то у него, кажется, нѣтъ! Чтò-то ужь слишкомъ долго на одномъ мѣстѣ топчется!

— Нѣтъ, мысль у него есть, возразилъ Молчалинъ 2-й: — а это онъ только для шику жеманится; сейчасъ вотъ увидите, куда онъ загнетъ. Давайте-ка лучше продолжать:

«Однако, надо же найти эту интересную бѣглянку, надо найти мысль во чтò бы ни стало; иначе у меня не будетъ фёльетона, столбцы газеты останутся ненаполненными, а ты, читатель, лишишься возможности наслаждаться назидательной бесѣдой, которую я въ урочное время имѣю обыкновеніе вести съ тобою. Итакъ, будемъ искать,

«Начинаю искать и отыскиваю. Отыскиваю, во-первыхъ, потому, что это—моя обязанность передъ редакціей газеты, а во-вторыхъ, и потому, что отыскать потребную для фёльетона мысль вовсе ужь не такъ трудно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

«Читатель! пойми меня! нельзя отыскать хорошую, *настоящую* мысль; но та мысль, которою я имѣю право тебя продовольствовать, есть мысль дешовая, дрянная, валяющаяся на полу въ сору. Первое попавшееся на глаза отребье, обрывокъ, обгрызокъ можетъ послужить тэмой для какой угодно печатной бесѣды. И нетолько можетъ, но иначе и не должно быть. Хорошихъ мыслей для насъ не полагается, ибо мы еще рыломъ для нихъ не вышли. Да еслибъ у насъ и были хорошія, серьёзныя мысли — кто же насъ пуститъ ихъ публиковать?»

— Вотъ тебѣ и разъ! хорошо-хорошо говорилъ, да вдругъ и подгадилъ! отозвался Алексѣй Степанычъ: — а я было и уши развѣсилъ!

Молчалинъ 2-й задумался.

— Я полагаю, сказалъ онъ:—окончаніе со словъ: «и нетолько можетъ»—слѣдуетъ похерить!

— Позвольте! вступился я:—нельзя ли ихъ чѣмъ-нибудь замѣнить? Напримѣръ, въ слѣдующемъ родѣ: «Да это и не удивительно, потому, что мы сами съ вами, читатель—не что иное, какъ соръ, изъ котораго, натурально, кромѣ сора, ничего и произойти не можетъ. Мы ничего не знаемъ, хотя обо всемъ говоримъ; сегодня наша мысль раздражается въ одномъ направленіи, завтра—въ другомъ. Мы даже, собственно говоря, и сказать-то ничего не намѣреваемся, а просто водимъ перомъ по бумагѣ, въ надеждѣ—не выйдетъ ли изъ этого чего-нибудь? И, разумѣется, ничего не выходитъ». Кажется, этакъ будетъ хорошо?

— Хорошо-то хорошо, только какъ бы онъ не обидѣлся, фельетонистъ-то! затруднился Молчалинъ 2-й.

— А что на него смотрѣть! Поправляй—и дѣло съ концомъ! высказался Алексѣй Степанычъ.

Мнѣніе мое было принято.

«Итакъ, мы фаталистически...

— «И по собственной винѣ», прервалъ я—не мѣшаетъ даже курсивомъ эти слова набрать.

«... Фаталистически и по собственной винѣ осуждены [illegible] въ сору и ветоши и такъ искать [illegible] для нашихъ бесѣдъ. Будемъ же копаться и посмотримъ, не найдется ли въ нашемъ общественномъ навозѣ чего-нибудь такого, что могло бы [illegible] мысль. [illegible] мысль первое и [illegible]. [illegible] у насъ, читатель, по обыкновенію, были [illegible] и [illegible] По всей Черной Рѣчкѣ нельзя было усмотрѣть ни одного [illegible], который не [illegible] бы съ [illegible]. Несмотря на это, петербургскій житель все-таки [illegible], что у него есть [illegible] и что эта [illegible] [illegible] съ [illegible] на [illegible]. Болѣе благоразумные, [illegible] [illegible] переѣзжали въ [illegible], въ [illegible] [illegible] и [illegible] не [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] не [illegible] до [illegible]. И дѣйствительно, [illegible] [illegible] Сестрорѣцкъ и Новыя Деревни. [illegible] и проч., чтобы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ

прелести петербургскаго климата. О! если бы всѣ наши вѣрованія были столь же непоколебимы! Ка̀къ далеко ушли бы мы впередъ!»

— Вотъ и опять пошло легко, отозвался Алексѣй Степанычъ.

«Можно себѣ представить, послѣ этого, какую мерзость запустѣнія представляли нынѣшнимъ лѣтомъ наши минерашки и демидроны! Сырость, холодъ и ко всему этому безголосыя пѣвицы! Повидимому, Москва серьёзно вознамѣрилась побѣдить Петербургъ. Она уже переманила у насъ и незабвенную Кадуджу, и прелестную Нордэ, а въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, уловитъ въ свои гостепріимныя сѣти и обаятельную Жюдикъ. Впрочемъ, это—ужь не первая побѣда, которую «Порфироносная Вдова» одерживаетъ надъ несовсѣмъ, впрочемъ, «Юною Царицей». Извѣстно, напримѣръ, что, въ гастрономическомъ отношеніи, Москва представляетъ нѣчто сказочное и что обѣдамъ въ трактирахъ Тѣстова и Лопашова позавидовалъ бы самъ Лукуллъ».

— Хорошо, очень хорошо!

«Кстати о Лукуллѣ: наврядъ ли, однакожь, въ нынѣшнее строго-классическое время его пустили бы баловаться по Тѣстовымъ и Лопашовымъ. Вѣроятнѣе всего, его засадили бы въ катковскій лицей изучать латинскую грамматику, ибо, хотя онъ и римлянинъ (былъ), а, все-таки, проэкзаменовать его по части склоненій—не лишнее. Припомните, читатель, ка̀къ экзаменовалъ «Русскій Вѣстникъ» профессора римскаго права, Никиту Крылова, по поводу «Ordo equestris» и «Ordo equester». Припомните, ка̀къ агитировалъ онъ учащуюся молодежь, назойливо доказывая, что поучающій ее профессоръ самъ аза въ глаза не смыслитъ! Не помню, вышелъ ли изъ этой агитаціи какой-нибудь бунтъ, но ежели и не было бунта, то, очевидно, не по недостатку усилій со стороны «Русскаго Вѣстника», а только потому, что Богъ спасъ. Во всякомъ случаѣ, Никита Крыловъ вынужденъ былъ умолкнуть... самъ Никита Крыловъ!! Что̀-жь послѣ этого значитъ какой-нибудь Лукуллъ, о степени граматности котораго даже свѣдѣній не имѣется! Въ ликей его, въ ликей! пусть лучше надъ глаголами корпитъ, чѣмъ московскими поросятами желудокъ себѣ набивать! Конечно, онъ былъ римскій вельможа; но мало ли мы знаемъ вельможъ, которые писывали «штопъ», вмѣсто «чтобъ» и «абвахта», вмѣсто «гауптвахта!»

— Знаете ли что̀! сказалъ я: — на вашемъ бы я мѣстѣ всю эту тираду выключилъ.

— Что̀ такъ?

— Да такъ; не знаю и самъ, а внутреннее чувство мнѣ подсказываетъ... ликей... «Русскій Вѣстникъ»... Катковъ... и эта стран-

ная агитація по поводу «Ordo equestris»... есть, знаете, предметы, которыхъ лучше не касаться... Оставьте!

— А, вѣдь, онъ, братецъ, правъ! поддержалъ меня Алексѣй Степанычъ.

— Ну, нѣтъ, господа! взволновался Молчалинъ 2-й: — ужъ этимъ я вамъ не поступлюсь! «Московскія Вѣдомости»! да знаете ли вы, что *онъ* на *меня* чуть не каждый день доносъ въ своей паскудной газетѣ строчитъ!

— Ну, а вы старайтесь *дѣлами* своими отвѣчать! Вотъ, молъ, мои *дѣлà*—пусть всякій судитъ! Скрытнаго нѣтъ у меня ничего.

— Хорошо вамъ говорить: «дѣлами»! дѣлà тоже—дѣламъ рознь!

— Ахъ, не говорите этого! Вѣдь, въ сущности, тутъ и дѣлъ никакихъ нѣтъ, а есть только такъ-называемая полемика! Онъ говоритъ: Ordo equester, а вы говорите: Ordo equestris—вотъ и все. Ну, и продолжайте эту полемику, оживляйте столбцы, употребляйте какъ можно больше аттической соли, ссылайтесь на Цицерона, на лексиконы, однимъ словомъ, устраивайте обстановку... Но за живое... понимаете, за живое-то не задѣвайте!

— Правъ, братецъ, онъ! вновь поддержалъ меня Алексѣй Степанычъ.

— Нѣтъ, воля ваша, а этого господина я щадить не намѣренъ! Помилуйте! онъ чуть не въ глаза мнѣ каждый день плюетъ!

— А вы оставьте! Вотъ, молъ, мои дѣлà — и конченъ балъ! На вашемъ бы мѣстѣ, знаете ли, кàкъ бы я поступилъ? Я просто бы игнорировалъ — дà-съ. Такъ бы и устроилъ, чтобы кругомъ *его* пустое пространство образовалось! Ну, и пусть плюетъ нà пусто, коли есть охота плевать!

— Правъ онъ! правъ, правъ, правъ!

Молчалинъ 2-й подумалъ съ минуту, потомъ порывистымъ движеніемъ взялся за карандашъ и перечеркнулъ инкриминированное мѣсто крестъ нà крестъ.

— Ну-съ, довольны ли вы? обратился онъ ко мнѣ иронически.—Дальше-съ.

«Впрочемъ, въ томъ, что москвичи побѣждаютъ насъ по части Кадуджъ и обжорства—ничего удивительнаго нѣтъ. Москва есть, по преимуществу, городъ широкихъ русскихъ натуръ, которыя, какъ извѣстно, любятъ нестолько наслаждаться, сколько разбрасывать Божье добро зря, подъ столъ. Намъ пишутъ, напримѣръ, что одна изъ такихъ широкихъ натуръ, усмотрѣвъ въ ресторанѣ «Славянскаго Базара» сàжалки съ плавающими въ нихъ стерлядями, вдругъ изъявила желаніе выкупаться въ одной

изъ этихъ сажалокъ, и за удовлетворенiе этого нѣсколько дурацкаго желанiя заплатила довольно крупную сумму. Ужь эти мнѣ широкiя русскiя натуры! Платитъ человѣкъ громадныя деньги за удовольствiе пугать въ сажалкахъ стерлядей, а нѣтъ того, чтобы плодотворнымъ образомъ эти деньги употребить! Вотъ хоть бы, напримѣръ, на усовершенствованiе русскаго мореходства въ Черномъ Морѣ? Ахъ, господа безобразники, господа безобразники! пора бы, кажется, подумать вамъ о томъ, что, вѣдь, Черное-то Море, съ самаго севастопольскаго погрома и до сихъ поръ, все продолжаетъ сиротѣть!..

— Прекрасно! воскликнулъ Алексѣй Степанычъ: — но я бы весь конецъ, начиная со словъ: «вотъ, хоть бы, напримѣръ» — выкинулъ! не наше, братъ, дѣло—объ этомъ судить.

— А въ особенности подстрекать какихъ-то безобразниковъ! прибавилъ я.

— Позвольте, господа! дѣло—совсѣмъ не въ безобразникахъ, а въ томъ, чтобъ послать кому слѣдуетъ косвенный уколъ, объяснилъ Молчалинъ 2-й:—сегодня уколъ, завтра уколъ—анъ смотришь, газета-то и съ репутацiей!

— Да, но, все-таки, уколы должны имѣть въ основанiи своемъ извѣстную степень достовѣрности, возразилъ я: — но этого-то именно качества въ настоящемъ случаѣ и недостаетъ. Ибо что же мы, въ самомъ дѣлѣ, знаемъ объ Черномъ Морѣ? Вы пишите сиротѣетъ Черное Море!—а, можетъ быть, оно и не «сиротѣетъ!»

— Гм... да... Впрочемъ, вѣдь, и оно дѣйствительно... Сиротѣетъ ли Черное Море или не сиротѣетъ—намъ-то что за печаль?

— Какая же тутъ печаль!

— Разумѣется, никакой печали нѣтъ!

— Вѣдь мнѣ, собственно говоря, подписчикъ нуженъ!

— Вотъ-вотъ-вотъ! Слѣдовательно...

Молчалинъ 2-й, махнувъ рукой, похерилъ что слѣдуетъ и продолжалъ:

«У насъ, въ Петербургѣ, конечно, нѣтъ безобразниковъ, плавающихъ въ рыбныхъ сажалкахъ, но, взамѣнъ того, мы имѣемъ дѣйствительныхъ статскихъ кокодесовъ, которые, по вечерамъ, наполняютъ наши кафе-шантаны, и въ нихъ, повидимому, воспитываютъ себя для дальнѣйшихъ подвиговъ по административной части. Это—совсѣмъ особенный сортъ людей, находящихся въ большой дружбѣ съ татарами петербургскихъ ресторановъ и въ большой враждѣ съ русской литературой. Вездѣ, гдѣ мететъ полъ или аллею шлейфъ поскудной кокотки—вездѣ, будьте въ томъ увѣрены, встрѣтите вы и трущагося около нея дѣйствительнаго статскаго кокодеса»...

— Стой! это—что̀ же такое? кого же онъ подъ дѣйствительными-то статскими кокодесами разумѣетъ? изумился Алексѣй Степанычъ.

— Вѣроятно, это—наши молодые дѣйствительные статскіе совѣтники, скромно объяснилъ я:—названные такъ ради игры словъ.

— Ну, братъ, это нельзя! Помилуй! государственный чинъ — и такое вдругъ поруганіе! возмутился Алексѣй Степанычъ.

— Я полагалъ бы, вмѣсто «дѣйствительныхъ статскихъ кокодесовъ» употребить выраженіе «нигилисты», предложилъ я.

— То-есть, дѣйствительные статскіе нигилисты?

— Нѣтъ, просто «нигилисты», потому что, ежели сказать «дѣйствительные статскіе нигилисты», то вѣдь и это, пожалуй, за намёкъ примутъ.

— Но ка̀къ же согласить: съ одной стороны «нигилисты», а съ другой—«воспитываютъ себя для дальнѣйшихъ подвиговъ по административной части?»

— И эти слова̀ можно измѣнить. Напримѣръ, сказать: «Воспитываютъ себя для подвиговъ постыднаго пропагандистскаго искуства».

— Прекрасно! Исправляй и читай дальше!

«Вы можете узнать дѣйствительнаго статскаго кокодеса по слѣдующимъ характеристическимъ признакамъ: онъ молодъ, но уже слегка разслабленъ; лицо у него испитое, и потому онъ позволяетъ себѣ подрумяниваться; усы проведены въ нитку, борода тщательно выбрита; походка переваливающаяся, свидѣтельствующая о бурно проведенномъ въ казенномъ заведеніи дѣтствѣ; разговора ни о чемъ вести не можетъ, кромѣ какъ о милой бездѣлицѣ и ея свойствахъ; но на этой почвѣ остроуменъ, находчивъ и неистощимъ. Нѣкоторые изъ этихъ господчиковъ должны значительныя суммы нетолько содержателямъ петербургскихъ ресторановъ, но и служащимъ въ нихъ касимовскимъ князьямъ. Намъ разсказывали такой случай (за достовѣрность котораго, впрочемъ, не ручаемся), что на дняхъ цѣлая стая дѣйствительныхъ статскихъ кокодесовъ забралась ночью къ одной извѣстной коноткѣ, послала къ Борелю за ужиномъ и виномъ, и, насладившись вполнѣ лукулловскимъ торжествомъ, исчезла, предоставивъ «погибшему, но милому созданію» уплатить по счету».

— А ну-ка, братецъ, прикинь, ка̀къ оно бу́детъ, ежели вмѣсто дѣйствительныхъ-то статскихъ кокодесовъ, поставить нигилистовъ? спохватился Алексѣй Степанычъ.

Молчалинъ 2-й вновь пробѣжалъ глазами по корректурѣ, пошепталъ про себя и воскликнулъ:

— Нѣтъ! не годится!

— То-то и мнѣ показалось, что не ко двору нигилистамъ эти

кокотки, сказалъ Алексѣй Степанычъ: — насчетъ чего другого, а уже насчетъ кокотокъ... кажется, этого грѣха за ними не водится?

— Ка̀къ же тутъ быть? Офицеровъ, что̀ ли...

— И ни-ни! И не думай! испугался Алексѣй Степанычъ.

Начали совѣщаться, чѣмъ бы замѣнить нигилистовъ, и долгое время не могли придти ни къ какому результату. Наконецъ, меня осѣнила счастливая мысль.

— Послушайте! сказалъ я: — да объ чемъ же мы говоримъ! Поставьте «адвокаты»—будетъ и правдоподобно, и безъ риску!

— Ахъ, Богъ ты мой! А мы-то разговариваемъ! Ну, батюшка, исполать вамъ! Представьте себѣ: вѣдь я ужь давно догадался, что есть тутъ какая-то неловкость, и все время, покуда корректуру правилъ—все думалъ: чѣмъ бы этихъ нигилистовъ замѣнить? И что̀-жь! всякія должности такъ и вертятся на языкѣ, и нотаріусы, и мировые судьи, и гласные городской думы, и члены трактирной депутаціи, и, наконецъ, офицеры, а самаго-то главнаго, самаго-то подходящаго званія—такъ вѣдь и не пришло на умъ! Адвокаты! Ну, они! они и есть! Теперь у насъ все какъ по маслу пойдетъ!

«Разсказываютъ еще другой случай: одинъ дѣйствительный статскій кокодесъ (т. е. адвокатъ) явился вечеромъ въ демидронъ, держа на рукѣ какое-то шерстяное одѣяніе, которое всѣ приняли за пледъ. По обыкновенію, онъ усѣлся въ обществѣ «этихъ дамъ», и въ продолженіи нѣкотораго времени велъ себя довольно прилично. Но потомъ вдругъ развернулъ предполагаемый пледъ — и что̀ же оказалось? — что у него, вмѣсто пледа, очутились въ рукахъ штаны, которыя онъ, будто бы, въ торопяхъ захватилъ (о милая, наивная находчивость въ объясненіяхъ!). Можно себѣ представить восторгъ этихъ дамъ при видѣ столь знакомой имъ принадлежности мужскаго туалета! Хохотъ и взвизгиванья не умолкали въ продолженіи цѣлаго часа, и—что̀ любопытнѣе всего—въ довершеніе спектакля, милѣйшій petit crevé, по требованію погибшихъ, но милыхъ созданій, имѣлъ обязательность пройти по всѣмъ аллеямъ ликующаго демидрона, держа на плечахъ этотъ новоизобрѣтенный пледъ. Скандальная хроника ничего не говоритъ о томъ, дѣлали ли, во время этого оригинальнаго шествія, дежурные городовые подъ козырекъ».

— А вѣдь это, кажется—истинное происшествіе разсказано? прервалъ я.

— Чего, «кажется»? Съ нашимъ и было! объяснилъ Алексѣй Степанычъ:—на другой день, при докладѣ, самъ мнѣ разсказывалъ! представьте, говоритъ, какое недоразумѣніе вчера со мной вышло! А я себѣ молчу, да думаю: разсказывай «недоразумѣніе»!

чай, нарочно всю штуку продѣлалъ, чтобъ своей Альфонсинкѣ удовольствіе доставить!

— Но ловко ли, въ такомъ случаѣ, будетъ предавать это происшествіе гласности? усомнился Молчалинъ 2-й.

— Небось! Не обидится! Еще лестно будетъ, какъ на всю-то Россію репутацію любезнаго молодаго человѣка пріобрѣтетъ! Вотъ, еслибъ ты напечаталъ, что онъ «Исторію государства Россійскаго» сочинилъ—ну, тогда не знаю: можетъ быть, и обидѣлся бы. Да и то, по невѣдѣнію. Подозрительны они ноньче, мой другъ! Вѣдь другой съ самой школьной скамьи книги-то въ глаза не видалъ, да и напуганъ къ тому—ну и думаетъ, что все – прокламаціи!

«Такимъ образомъ, обѣщаніе мое исполнено: «мысль» найдена, и, притомъ, не простая «мысль», но сопровождаемая анекдотами, вполнѣ современнаго характера. По настоящему, слѣдовало бы на этомъ и остановиться, но я съ ужасомъ замѣчаю, что, все до сихъ поръ мною написанное, займетъ отнюдь не больше шести газетныхъ столбцовъ, тогда какъ я, во что̀ бы ни стало, долженъ написать таковыхъ двѣнадцать. Двѣнадцать столбцовъ убористой печати—это жестоко! Тяжело положеніе почтовой лошади, обязанной пробѣга̀ть отъ сорока до пятидесяти верстъ въ сутки, но въ пользу ея все-таки существуетъ смягчающее обстоятельство: она не имѣетъ надобности *выдумывать* этой ежедневной порціи въ сорокъ-пятьдесятъ верстъ. Эти версты даны ей независимо отъ ея выбора; она—на то лошадь, т. е. существо несвободное и неразумное, чтобы, по первому требованію, бѣжать куда глаза глядятъ. Напротивъ того, фёльетонистъ по природѣ своей предполагается одареннымъ свободою выбора и не рожденнымъ для ремесла почтовой лошади. Но въ томъ-то и дѣло, что природа—сама по себѣ, а условія жизни—сами по себѣ. Эти послѣднія бо̀льшею частью такъ горько складываются, что человѣкъ собственнымъ умомъ доходитъ до убѣжденія, что онъ—не человѣкъ, а лошадь. И, разъ придя къ этому убѣжденію, онъ *свободно* избираетъ себѣ ремесло фёльетониста, т. е. обязывается разъ или два въ недѣлю (смотря по требованіямъ аппетита) пробѣгать, въ виду читателя, извѣстное число верстъ. Но и этого еще мало: онъ обязывается населить эти версты призраками своей фантазіи, и не такими, какіе ему по душѣ, а такими, которые по душѣ другимъ и, притомъ, благовременны. И когда онъ вздумаетъ пожаловаться читателямъ на безнадежность этой карьеры, ему говорятъ: *самъ* виноватъ! *самъ* выбралъ себѣ ремесло—ну, и скачи куда глаза глядятъ!

«И такъ, впередъ. Осѣдлаю я коня быстролётнаго, запрягу я его въ саночки-самокаточки и поведу къ нему такую рѣчь: конь

мой, конь ретивѐй! сослужи ты мнѣ службу вѣрную, понеси меня черезъ дѐлы, черезъ горы, черезъ поля и луга, понеси за моря—окiаны, за синюю даль, въ одинъ мигъ облети степи-поля неохватныя, лѣса-долины неоглядныя! Пусть прольется передо мной море бездонное, немѣренное, море горькаго русскаго гореваньица, море безконечно льющихся русскихъ слёзъ. Однимъ словомъ, помоги мнѣ написать фёльетонъ, въ которомъ было бы ровно двѣнадцать столбцовъ и который одинаково понравился бы и читателямъ, и цензурному вѣдомству.

«Но стоитъ мой конь, какъ вкопанный; стоитъ ретивѐй не шелохнется; стоитъ—не бѣжитъ, ухми прядетъ, копытами землю роетъ. Га! или зачуялъ ты звѣря лютаго, звѣря лютаго—ненасытнаго?»

Молчалинъ 2-й прочиталъ эти строки, скандѹя и съ большимъ чувствомъ. Я тоже, признаться, былъ тронутъ.

— Это—подражанiе «Слову о полку Игоревомъ», сказалъ онъ:— и я долженъ сознаться, что мой фёльетонистъ имѣетъ на этотъ счетъ особенное какое-то чутьё.

Но Алексѣй Степанычъ самымъ добродушнымъ образомъ расхолодилъ наши восторги.

— То-то вотъ и есть! сказалъ онъ: — насъ, чиновниковъ, пустозвонами зовутъ; говорятъ, якобы мы изъ пустаго въ порожнее переливаемъ, а попробуй *я*, напримѣръ, въ докладѣ сряду и осѣдлать коня и запречь его въ саночки-самокаточки—вѣдь директоръ-то, поди, въ отставку велитъ мнѣ подать!

— Чудакъ ты, братецъ! вѣдь это ужь размѣръ старинныхъ русскихъ пѣсенъ таковъ! попробовалъ выгородить своего сотрудника Молчалинъ 2-й.

— Все же, мой другъ! Конечно, не всякое лыко въ строку, а, все-таки, поостеречись не мѣшаетъ. Ну, да вѣдь нецензурнаго тутъ нѣтъ—стало-быть, продолжай! Посмотримъ, какого еще тамъ звѣря лютаго конь твоего фёльетониста зачуялъ? Господи! и коня-то никакого у него нѣтъ, на извозчикѣ, чай, какъ и мы грѣшные, ѣздитъ—а тоже: конь мой, конь ретивѐй!.. Проказники вы, господа-литераторы!

«Ахъ, зачуялъ ты того звѣря ненасытнаго, чтѐ сосетъ-грызетъ нашу нужду народную, горькимъ горемъ по землѣ русской порскаетъ, надъ мужицкою бѣднотой посмѣиваючись, мужицкими слезьми упиваючись! Въ деревню тотъ звѣрь зайдетъ—огнёмъ-полымемъ деревня загорается; въ поле заглянетъ — засыхаютъ злаки добрые, въ стадо прибѣжитъ—пѐдаютъ-мрутъ бѣдныя коровушки!»

Молчалинъ 2-й не выдержалъ и заплакалъ.

— Ты чего, спрошу тебя, рюмишь? обратился къ нему Алексѣй Степанычъ.

— Такъ, братецъ! взгрустнулось! невеселую вѣдь картину представляетъ наша бѣдная Русь православная!

Онъ закручинился, склонилъ голову на бокъ и какъ-то [illegible] лѣво запѣлъ:

Тихія долины,
Плоскія равнины,
Барскія руины,
Грустныя картины...

— Вотъ! вотъ что затронулъ! засмѣялся Алексѣй Степанычъ: — то-то сейчасъ видно, что давно ты предостереженія не получалъ. Небось, мужичка жалко сталo! Сидишь ты [illegible] тепло да въ холѣ, а вотъ забылъ передъ собой Лазаря — ты и раскисъ! Ужъ не думаешь ли ты, что фельетонисту гусей [illegible] хвалить за причитанье-то?

— Что-жъ: кажется, тутъ ничего такого...

— Знаете ли что? перебилъ я: — когда слышалъ [illegible] такъ я и самъ думалъ, что эта тирада [illegible] и [illegible]. Слишкомъ ужъ [illegible] краски [illegible] нѣтъ... Поэтому, я вотъ что придумалъ: [illegible] «звѣря лютаго», да и замѣнилъ его «свѣтлымъ ангеломъ!»

— Вотъ это дѣльно! воскликнулъ Алексѣй Степанычъ.

— Помилуйте! да какимъ же образомъ? спросилъ Михайлычъ 2-й.

— Очень просто. Въ предыдущей тирадѣ, вмѣсто «Ты и затужилъ ты звѣря лютаго, звѣря лютаго — ненасытнаго?» [illegible] жемъ: «или затужилъ ты ангела свѣтлаго, ангела свѣтлаго — благодатнаго?»

— Ну, а дальше?

— И дальше тѣмъ же порядкомъ: «ахъ, затужилъ ты [illegible] ангела свѣтлаго, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] по землѣ русской [illegible] [illegible] [illegible] русскаго мужичка [illegible] Ужъ какъ [illegible] ли свѣтлый ангелъ на пожаръ прилетитъ — [illegible] его [illegible] съ [illegible] съ [illegible] [illegible] какъ [illegible] ли свѣтлый ангелъ про [illegible] [illegible] — [illegible] его [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Ужъ какъ [illegible] ли свѣтлый ангелъ на [illegible] [illegible] — [illegible] его [illegible] [illegible].

— [illegible] въ [illegible] это все [illegible] — [illegible] и [illegible] и [illegible] — все [illegible] о [illegible] [illegible].

— [illegible] меня и Алексѣй Степанычъ — [illegible] братъ, [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible].

На этотъ разъ, Молчалинъ 2-й взялся за карандашъ съ видимымъ усиліемъ: ясно было, что ему жаль первоначальной редакціи. Тѣмъ не менѣе, онъ исправилъ и продолжалъ:

«Нѣтъ, кромѣ шутокъ, извѣстія изъ губерній очень непривлекательны: пожаръ въ Моршанскѣ, пожаръ въ Брянскѣ, пожаръ въ Пултускѣ. Это—крупные, отдавшіе въ жертву пламени десятки милліоновъ рублей. А сколько погибло въ пламени безвѣстныхъ Загибаловокъ, Заманиловокъ, Таракановокъ, Клоповокъ, въ которыхъ живетъ населеніе, настолько беззащитное противъ угрозъ стихій, что, еслибъ мы не знали, что эти люди, все-таки, ходятъ въ рубищахъ, а не нагишомъ, и ѣдятъ хлѣбъ изъ ржаныхъ отрубей пополамъ съ древесной корой, а не Божіей росой насыщаются (и Христосъ ихъ знаетъ, ка̀къ они ухитряются устроить это!), то имѣли бы полное право сказать: зачѣмъ искать золотаго вѣка позади насъ! Онъ здѣсь, онъ у насъ передъ глазами—вотъ въ этихъ самыхъ Клоповкахъ, Таракановкахъ, гдѣ люди съ такимъ блаженнымъ равнодушіемъ относятся и къ жилищамъ, и къ одеждѣ, и къ питанію. Жилища и одежды истреблены пожарами, а пища... Но сто̀итъ только прочитать газетныя корреспонденціи, чтобы сказать себѣ, что отнынѣ, вся наша надежда на пресловутое «Богъ подастъ!»

— Не уйти ли намъ за добро-ума отсюда? безжалостно обратился ко мнѣ Алексѣй Степанычъ:—видно, здѣсь, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Молчалинъ 2-й сидѣлъ, понуривъ голову, словно чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ.

— Извините, господа, сказалъ онъ:—я и самъ ужь вижу...

— Нѣтъ, эдакъ нельзя! вступился я съ горячностью: — ужь если мы взялись помогать, такъ уходить не слѣдуетъ, надо выполнить нашу задачу до конца! Послушайте, господинъ редакторъ! Теперь, вы сами видите, что издавать русскую газету нѣсколько труднѣе, нежели вы предполагали, сгарая въ кадетскомъ корпусѣ страстью къ правописанію. Тѣмъ не менѣе, ваше дѣло далеко еще не безнадёжно. Я думаю, что даже сейчасъ вами прочитанное—и то можетъ быть оставлено въ первобытномъ видѣ... да̀, оставлено—я утверждаю это!.. но съ однимъ непремѣннымъ условіемъ...

Молчалинъ 2-й почтительно воззрился на меня.

— А именно: зачеркните весь конецъ отъ словъ «но сто̀итъ только прочитать газетныя корреспонденціи» и, вмѣсто нихъ, прикажите набрать слѣдующее: «А всему виною наша славянская распущенность, наша непростительная неряшливость, наше черезчуръ развязное отношеніе къ своимъ собственнымъ инте-

ресамъ. Спросите у любого русскаго мужичка: есть ли у него въ деревнѣ приличный пожарный обозъ?— онъ ротъ разинетъ отъ удивленія, словно бы вы говорили съ нимъ на тарабарскомъ языкѣ! А вопросъ объ ирригаціи полей? а вопросъ о прививаніи скоту чумы? О, земство, русское земство! Что̀ сдѣлало ты въ теченіи цѣлаго десятилѣтія! Увы! всѣ тяготы самоуправленія, попрежнему, продолжаютъ тяжелымъ бременемъ лежать на начальствѣ! Оно одно простираетъ намъ руку помощи, одно не остается равнодушнымъ зрителемъ постигающихъ насъ бѣдствій! Такъ и въ данныхъ случаяхъ. По крайней мѣрѣ, мы изъ достовѣрныхъ источниковъ можемъ сообщить, что всѣ надлежащія по сему предмету распоряженія уже сдѣланы».

— Ну, тёзка, ка̀къ? обратился Молчалинъ 2-й къ Алексѣю Степанычу.

— Не знаю, братецъ! признаться, у меня ужь и голова кругомъ пошла! Вотъ онъ посвѣжѣе, ему и книги въ руки.

Молчалинъ 2-й покойно взялъ карандашъ и принялся за корректуру.

— Ну-съ, дальше, сказалъ онъ: — продолженіе всей той же матеріи. «Въ южныхъ губерніяхъ засуха истребила»... «Въ Пензенской Губерніи необыкновеннаго вида червь»... «Въ Ярославской Губерніи, вслѣдствіе продолжительныхъ холодовъ»... «Изъ Починковъ (Нижегородской Губерніи) пишутъ, что на скотѣ появилась какая-то особенная болѣзнь, которую никто не можетъ опредѣлить»... «Въ Кириловскомъ Уѣздѣ (Новгородской губерніи) сибирская язва, повидимому, обѣщаетъ акклиматизироваться навсегда»... «Въ Изюмѣ (Харьковской Губерніи), въ подгородной слободѣ, не осталось ни одной овцы... Сначала, нѣкоторое время чихаютъ, потомъ начинаютъ чесаться, потомъ паршивѣютъ, и наконецъ»... И такъ далѣе, и такъ далѣе. Такъ ужь, съ вашего позволенія, я все это оставлю, да въ концѣ и присовокуплю: «Соотвѣтствующія по сему предмету распоряженія сдѣланы»?

— Да̀, непремѣнно, непремѣнно присовокупить. Да вотъ еще: чтобы ужь совсѣмъ оттѣнить, я и еще одну штучку придумалъ. Пропечатавши все, что̀ вы сейчасъ прочитали, возьмите да и хватите въ заключеніе: «Не слѣдуетъ, молъ, однако, забывать, что это—только одна сторона медали, которая отнюдь не должна подавать намъ повода отчаяваться; ибо, ежели есть мѣстности, посѣщенныя безкормицей, пожарами и скотскими падежами, то, вѣдь, есть и другія мѣстности, въ которыхъ не было ни пожаровъ, ни неурожаевъ, ни скотскихъ эпидемій. Вотъ объ чемъ слишкомъ охотно забываютъ наши господа радикалы и объ чемъ мы считаемъ своимъ долгомъ напомнить имъ».

— Вотъ это прекрасно! Браво, другъ мой, браво! воскликнулъ

Алексѣй Степанычъ: — кажется, и всего три-четыре строки, а какой, съ Божьею помощью, оборотъ!

Молчалинъ 2-й вздохнулъ, словно гора свалилась у него съ плечъ. Похвала Алексѣя Степаныча до того ободрила его, что онъ, такъ сказать, уже не правилъ корректуру, но весело шалилъ по ней карандашемъ.

— Да̀, прекрасно, прекрасно, прекрасно! продолжалъ, между тѣмъ, Алексѣй Степанычъ: — а вотъ вы, оглашенные либералы, сидите да пыжитесь; тамъ пожаръ, тамъ голодъ, тамъ эпидемія, а вотъ мы взяли да и поправили: сколько, молъ, такихъ мѣстъ есть, въ которыхъ нѣтъ ни пожаровъ, ни эпидемій, ни голода? Вѣдь, и читателю-то лестнѣе слышать, что у него вездѣ, куда ни оглянись—вездѣ тишь да гладь, да Божья благодать! Нутко ты, либералъ прожженый! Много ли до конца-то еще осталось?

— Сейчасъ. Дальше пойдетъ ужь заключеніе: Штандартъ скачетъ, андроны ѣдутъ, дважды два — стеариновая свѣчка и пр. Словомъ сказать, всѣ двѣнадцать столбцовъ въ исправности на лицо. Это уже я самъ!

— А больше ничего нѣтъ?

— Есть крреспонденціи, да тѣ, кажется, и такъ пустить можно.

— Ой ли?

— Да вотъ напримѣръ: «Норовчатъ. Мы думали, что безобразія нашего земства уже въ прошломъ году достигли своего апогея, но оказывается, что въ нынѣшнемъ году оно рѣшилось превзойти самого себя»...

— Съ Богомъ! Спускай на машину! И читать дальше не нужно!

— А вотъ и еще: «Краснословодскъ. Давно уже было замѣчено нами, что наши суды присяжныхъ далеко не удовлетворяютъ своему назначенію»...

— Съ Богомъ!

— Пожалуй, есть и еще: «Пенза. Хотя и пишутъ объ насъ похвалы въ газетахъ, что мы якобы приговоры объ уничтоженіи кабаковъ составляемъ, но пьянство нетолько»...

— Стой! прервалъ Алексѣй Степанычъ: — вотъ тутъ-то и закорючка! Ты знаешь ли, кто эти «пишутъ»-то?

— Полагаю, что въ газетахъ...

— То-то «полагаю», а ты не полагай, а достовѣрно разузнай! Ни-ни! говорю тебѣ, и Боже тебя сохрани! Брось, чтобъ и духу у тебя этой корреспонденціи не пахло!

— Зачѣмъ же бросать? вступился я:—поставьте, вмѣсто Пензы, Алапаевскъ—вотъ и все.

— И отлично. Ну, а теперь только выкройки изъ разныхъ газетъ остались. Спасибо вамъ, господа! Ободрили вы меня, вотъ какое вамъ за это спасибо!

Молчалинъ 2-й всталъ и поклонился намъ, коснувшись рукою до земли.

— Что̀ ты! что̀ ты! сконфузился Алексѣй Степанычъ: — мы и сами рады, что на что̀-нибудь пригодились. Только ты ужъ, братъ, помни. Коли газета твоя «Чего изволите?» называется, такъ ты ужъ и тово... такъ эту линію и веди!

Былъ уже часъ четвертый въ исходѣ, когда мы вышли изъ редакціи газеты «Чего изволите?» Я былъ значительно утомленъ, но, все-таки, шелъ бодро и даже весело. Мнѣ было лестно и радостно, что я, во-первыхъ, успѣлъ оказать услугу человѣку въ затрудненіи, а, во-вторыхъ, и себя съумѣлъ показать въ выгодномъ свѣтѣ. Какое-то внутреннее чувство нашептывало мнѣ: способный ты! способный! способный! Я возобновлялъ въ своей памяти всѣ подробности этого утра, припоминалъ, какія пустяки заставляли иногда задумываться Молчалина 2-го, ка̀къ я легко ихъ разрѣшалъ, ка̀къ онъ радовался моей находчивости, ка̀къ весело при этомъ карандашъ его попрыгивалъ по корректурнымъ листамъ, ка̀къ онъ однажды даже запѣлъ... При этой мысли я самъ начиналъ семенить ногами и напѣвать, а тайный голосъ все пуще и пуще твердилъ: способный! способный! способный!

И вдругъ эти праздничныя мечты измѣнились. Въ самомъ разгарѣ ликованій польщеннаго самолюбія, мой слухъ былъ внезапно пораженъ словами простого прохожаго, который говорилъ:

— Преспособная, братецъ, бестія! Покажи его только пальцемъ...

При этомъ возгласѣ я словно проснулся. Тоскливо мнѣ сдѣлалось, почти тошно. Какую, въ самомъ дѣлѣ, я роль съигралъ въ это паскудное утро? Я, человѣкъ солидный, почти старикъ — что̀ такое я дѣлалъ?! Мнѣ даже показалось, что воздухъ наполняется міазмами, и что какой-то особенно отвратительный запахъ начинаетъ спеціально преслѣдовать меня. Долгое время я не могъ разобрать, что̀ это за запахъ, но, наконецъ, понялъ.

— А знаете ли что̀? сказалъ я Алексѣю Степанычу: — вѣдь мнѣ все кажется, словно я эти два-три часа въ помойной ямѣ просидѣлъ!

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НЕДОБИТЫЙ НАРОДЪ.

(Dejiny národa bulharského. Dle puvodnich pramenuv sepsal Konstantin Jos. Jirecek. V Praze. 1876.—VI+536).

Бываютъ эпохи въ исторіи человѣчества, когда народы самые цивилизованные, искушенные историческимъ опытомъ и подчинившіе всѣ свои человѣческіе инстинкты строгимъ требованіямъ выработаннаго ими общественнаго приличія и гражданской солидности, вдругъ охватываются однимъ общимъ порывомъ страстнаго увлеченія и вновь какъ бы начинаютъ переживать что-то младенческое, стихійное, не подчиняющееся никакимъ условнымъ законамъ общественнаго приличія. Въ эти моменты, разрозненныя и разъединенныя общественныя группы съ ихъ разъединенными, часто діаметрально-противоположными и взаимно другъ-друга отрицающими симпатіями и интересами, вдругъ начинаютъ чувствовать въ себѣ одно общее, коллективное сердце, и это великое сердце начинаетъ разомъ и согласно биться во всѣхъ, словно бы ни у кого не осталось уже своего сердца и его субъективныхъ движеній и болей, а гдѣ-то выросло одно центральное, всемогущее сердце и, какъ ничтожные атомы, втянуло въ себя всѣ отдѣльныя сердца, увеличивъ ихъ до размѣра общаго, коллективнаго, народнаго сердца и заставивъ ихъ биться и болѣть одною общею великою болью. Такое общее, коллективное, всенародное и всемогущее сердце выростаетъ у народовъ въ моменты величайшихъ народныхъ опасностей и величайшихъ несчастій.

Въ данный моментъ исторіи человѣчества, не далѣе какъ втеченіе послѣдняго года выросло такое чудовищное, сто милліоновъ сердецъ вмѣщающее въ себѣ, сердце—у русскаго народа, у славянъ. Никто ни о чемъ другомъ не хочетъ слушать, ни о чемъ другомъ не можетъ говорить, ничего другого

не желаетъ читать, кромѣ извѣстій о томъ, *что тамъ дѣлает-ся*... Въ книгахъ, въ журналахъ, въ газетахъ, на улицахъ, въ кофейняхъ, на концертахъ, въ театрахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ церквахъ, въ школахъ, на рынкахъ, въ кабакахъ—только и ищутъ *этого*, читаютъ *только это*... Давно прочитанныя о славянахъ книги вновь перечитываются, на новыя—съ жадностью набрасываются...

На днахъ вышла въ Прагѣ подобная книга объ одномъ изъ славянскихъ народовъ, давно забитомъ, но все еще, къ счастью, не окончательно добитомъ несчастно сложившимися для него историческими обстоятельствами. Народъ этотъ—*болгары*. Превосходный, объемистый трудъ молодого ученаго, имя котораго выписано въ заглавіи, съ замѣчательной добросовѣстностью и полнотою воспроизводитъ историческія судьбы болгарскаго народа, нѣкогда могучаго и славнаго, еще до основанія русскаго государства имѣвшаго свою богатую литературу, какой не было ни у одного изъ современныхъ періоду политическаго процвѣтанія Болгаріи европейскихъ народовъ. Болгарскій народъ былъ какъ бы забытъ всѣми. Всѣ славянскіе народы такъ или иначе заявляли о своемъ существованіи въ послѣднія столѣтія то политическими движеніями, то своею внутреннею дѣятельностью, литературою, народною поэзіею и вообще участіемъ въ коллективной человѣческой работѣ; объ одномъ болгарскомъ народѣ ничего не было слышно; имъ и интересовались менѣе, чѣмъ всякимъ другимъ славянскимъ народомъ. Даже въ послѣднее время, когда босняки и герцеговинцы встали для защиты своей жизни и свободы и геройски бились втеченіе года съ цѣлою громадною страною-народоубійцею, когда вслѣдъ за ними пошли противъ этого народоубійцы сербы и черногорцы, о болгарскомъ народѣ Европа заговорила только тогда, когда турки вздумали вырѣзать его поголовно, какъ стадо барановъ, и уже до половины привели въ исполненіе свое звѣрское намѣреніе. Теперь прекрасный трудъ г. Иречка явился очень кстати: изъ него Европа можетъ познакомиться съ тѣмъ, какое славное прошедшее оставилъ за собою этотъ недобитый народъ и какія свѣтлыя надежды подавалъ онъ своимъ тихимъ, мирнымъ развитіемъ для будущаго обогащенія цивилизованнаго міра еще одною даровитою народностью.

Мы не станемъ говорить о далекомъ, славномъ прошедшемъ болгарскаго народа, когда царь его, Симеонъ Великій, владѣвшій почти всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, начиная отъ Дуная до Лакедемона и распоряжавшійся судьбами нынѣшней Сербіи, Босніи, Герцеговины, Черногоріи, Албаніи, Ѳессаліи, Македоніи, Эпира, Валахіи и части Венгріи, едва не овладѣлъ Константинополемъ въ то время (въ IX вѣкѣ), когда русскіе еще не принимали крещенія отъ грековъ; не будемъ говорить о богатой литературѣ этого народа въ IX—X и послѣдующихъ вѣкахъ, когда болгарская письменность была единственнымъ ис-

точникомъ нашего литературнаго образованія; обойдемъ молчаніемъ и погибель болгарскаго царства, покореніе его турками и пятисотлѣтнее рабство, забвеніе и окончательную политическую смерть несчастнаго народа; мы коснемся только его возрожденія— этого чудеснаго воскресенія славянскаго Лазаря, который, подобно евангельскому Лазарю, будучи не только четверодневенъ, но пятисотлѣтенъ во гробѣ, неожиданно всталъ изъ этого гроба и явился міру, чтобъ опять быть зарѣзаннымъ турецкими ятаганами.

Начало XIX вѣка было рубежомъ между могильнымъ сномъ и воскресеніемъ болгарскаго народа. Воскресеніе это было почти мгновенное—именно отъ брошенной въ народную могилу искры національнаго сознанія. Искрою этою были русскіе, явившіеся за Дунаемъ во время турецкой войны 1806—1812 годовъ, а раздуло эту искру напоминаніе болгарскому народу со стороны первыхъ его писателей и историковъ, Паисія Самоковскаго и Софронія, епископа врачанскаго, напоминаніе о томъ, что и болгары были когда-то свободны и могущественны, подобно страшнымъ для турокъ пришельцамъ-русскимъ. Народное сознаніе было глубоко поражено: эти непобѣдимыя полчища русскихъ, пришедшія съ невѣдомого сѣвера, эти храбрые, закопченные въ пороховомъ дыму солдатики, идя на приступъ для взятія штурмомъ неприступныхъ турецкихъ крѣпостей, поютъ удалыя пѣсни, слова которыхъ отзываются для болгаръ чѣмъ то знакомымъ, роднымъ; эти герои крестятся какъ будто бы болгарскимъ крестомъ; они просятъ у болгаръ воды и хлѣба по болгарски, по славянски; они бьютъ турокъ безпощадно, а болгаръ щадятъ, не трогаютъ; у нихъ на знаменахъ крестъ, а не луна... Ясно, что это—не враги, а братья, потому что и обращаются они къ болгарамъ съ словами: «эй, *братъ*, покажи дорогу»... И болгары показываютъ своимъ братьямъ пути къ турецкимъ крѣпостямъ и засадамъ, и братья бьютъ турокъ... Болгары сами начинаютъ пробовать бить турокъ—сначала робко, а потомъ смѣлѣй и смѣлѣй... Бьютъ своихъ враговъ вмѣстѣ съ братьями русскими, а потомъ и сами, собираясь въ «хайдуцкія четы» и нападая на низамовъ и редифовъ. Эти-то «хайдуки», герои ятагана, вмѣстѣ съ такими личностями, какъ Паисій и Софроній, герои живого слова, и были первыми будителями болгарской народности. Имена самыхъ первыхъ героевъ ятагана, положившихъ начало освобожденія своего народа, были: Алтынъ-Стоянъ (Золотой Стоянъ) и Кара Танасъ. Изъ нихъ послѣдній десять лѣтъ ходилъ по Старой Планинѣ съ десятью юнаками, одѣтыми въ народную униформу, и мстилъ туркамъ за всякое притѣсненіе, которое они позволяли себѣ по отношенію къ соплеменникамъ Стояна. Третій болгарскій герой былъ—Златьо воевода Кокарчо-оглу—высокій, черноволосый, съ длинными усами, юнакъ, котораго никто не могъ ни настигнуть, ни осилить. Много турокъ перебито имъ,

много обидъ народныхъ отомщено, но наконецъ, въ 1810 году, когда его измѣной окружили турки, онъ палъ только послѣ отчаянной, невѣроятной борьбы: онъ одинъ убилъ 35 турокъ, и погибъ только отъ того, что у него въ походной «торбѣ» порохъ вспыхнулъ. Но популярнѣе этихъ трехъ былъ Коньо изъ Драгуданова, этотъ—какъ его называли—«брадатый воевода», который во главѣ 15-ти удальцовъ ходилъ по Балканамъ и громилъ турокъ отъ 1810 по 1825 годъ. Никто не умѣлъ такъ геройски отбиваться отъ низамовъ и проводить ихъ, какъ «брадатый воевода»: болѣе ста схватокъ онъ имѣлъ съ турками и потерялъ всего только двухъ изъ своихъ товарищей.

Но надежда на русскихъ братьевъ нерѣдко обманывала бѣдныхъ болгаръ и ихъ народныхъ героевъ «хайдуковъ». Примѣромъ этого можетъ служить горькая участь ученика Коньо, неустрашимаго и непобѣдимаго Байчо. Сначала, когда русскіе воевали съ турками, его «чета» дѣйствовала въ союзѣ съ русскими войсками. Но когда съ Портою былъ заключенъ миръ, то русскіе власти приказали Байчо распустить свою удалую «чету». Бойчо не послушался ихъ, хотѣлъ пробраться на неприступные Балканы, чтобы оттуда напоминать своимъ врагамъ, что у болгарскаго народа остались еще заступники; но русскіе схватили его съ двумя братьями, такими же неустрашимыми народными героями, и жестоко поступили съ ними: ихъ сослали въ одну изъ сибирскихъ крѣпостей. Тамъ, выбравъ удобную минуту, Байчо рѣшился на отчаянное дѣло—онъ задумалъ бѣжать изъ Сибири въ свои родныя горы. Вмѣстѣ съ обоими братьями, онъ соскочилъ изъ одной крѣпостной башни въ ровъ. Во время этого отчаяннаго прыжка, младшій братъ, при паденіи, сломалъ себѣ ногу. Не имѣя силъ продолжать побѣгъ, онъ неизбѣжно долженъ былъ попасть въ руки часовыхъ или быть застрѣленнымъ, какъ бѣглецъ. Байчо, не желая, чтобъ братъ его погибъ отъ чужой руки, самъ закололъ его. Затѣмъ, вмѣстѣ съ братомъ Петромъ, этотъ безстрашный «хайдукъ», пѣшкомъ черезъ всю Азію, прошелъ до Константинополя и оттуда бросился на свои родныя поля и горы. Пробравшись на Балканы, онъ снова повелъ свое опасное, неутомимое дѣло войны съ турками. Болѣе 21 года онъ «хайдучилъ» по Балканамъ отъ Виддина до Варны, отъ Варны до Константинополя. Нѣтъ, говорятъ, ни одного мѣста на этихъ горахъ, гдѣ бы не ступала отчаянная нога Байчо. Наконецъ, этотъ народный герой палъ въ битвѣ противъ Зейнилъ-паши.

Ученики его были: Димитрій Калачлія, Златьо-барьяктаръ, именемъ котораго турчанки стращали дѣтей, и Пейо Буюклю, извѣстный подъ именемъ Тотьо, который, говорятъ, живъ и теперь и долженъ безсильно терпѣть, ка̀къ турки рѣжутъ его беззащитныхъ соотечественниковъ, а хорошенькихъ внучекъ насилуютъ или продаютъ въ неволю словно цыплятъ.

Знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ болгарскихъ героевъ-хайдуковъ

считается Дончо Ватахъ. Какъ и всѣ остальные болгарскіе «хайдуки», Ватахъ ходилъ преимущественно по Балканамъ, иногда по острову Родосу, а болѣе всего по рѣкѣ Марицѣ. Онъ нападалъ на всѣхъ враговъ народа и его притѣснителей—на турецкихъ солдатъ и на болгарскихъ отступниковъ-потурчениковъ, на болгарскихъ богатыхъ «чорбаджіевъ»: послѣднихъ онъ не убивалъ, но только отбиралъ у нихъ все, что̀ ему было нужно—и захваченныя у «чорбаджіевъ» деньги отдавалъ бѣднымъ, не только болгарамъ-христіанамъ, но и туркамъ-мусульманамъ, покупалъ имъ воловъ и платилъ за нихъ долги. Это былъ въ полномъ смыслѣ другъ и благодѣтель народа. Долго онъ такъ ратовалъ за свободу и благосостояніе бѣдныхъ болгаръ; наконецъ, въ 1848 г., противъ него выслано было 200 человѣкъ низама, съ цѣлью захватить дерзкаго «хайдука». Ватахъ такъ отчаянно отбивался отъ низама, что изъ 200 человѣкъ, напавшихъ на его чету, только 60 воиновъ низама принесли домой свои головы—всѣ остальные легли на мѣстѣ. Послѣ такого погрома, турецкія власти принуждены были оставить Ватаха въ покоѣ — они чувствовали, что не совладаютъ съ нимъ, какъ съ представителемъ народной силы. Это была дѣйствительно проснувшаяся народная сила: народъ, всѣ бѣдняки, всѣ угнетаемые и обираемые властями, болгаре, греки и турки стали его невольными слугами и союзниками, извѣщали его о всякихъ противъ него замыслахъ турецкихъ пашей, часто скрывали его у себя отъ поисковъ и давали возможность укрываться отъ низама. Это было совершенно тоже, что̀ мы замѣчаемъ въ жизни русской понизовой вольницы: тамъ тоже атаманушки и удалые добрые молодцы были друзья и союзники народа, находили въ немъ поддержку и радушное пристанодержательство, потому что атаманушки держали въ страхѣ воеводъ и ихъ сыскныя команды, а на притѣснителей народа напускали своихъ добрыхъ молодцевъ или «краснаго пѣтуха».—Въ своихъ родныхъ горахъ Ватахъ былъ положительно неуязвимъ и недоступенъ. Одно имя его наводило ужасъ на турецкихъ солдатъ; при видѣ страшнаго «хайдука» цѣлые отряды обращались въ бѣгство. Да и неудивительно. О подвигахъ его ходили цѣлыя исторіи, разсказывались невѣроятныя легенды. Говорили, что онъ обладаетъ мощью чародѣйства и сверхъ-естественными силами. Турецкіе низамы вѣрили, что его ни пуля не беретъ, ни сабля, и даже увѣряли, что сами видѣли, какъ въ сраженіяхъ отъ него пули отскакивали. Было что̀-то обаятельное въ этой необычайной личности, такъ что передъ его нравственною силою невольно склонялись даже турецкія власти. Такъ однажды, вслѣдствіе какой-то оплошности, онъ былъ схваченъ и приведенъ въ Адріанополь; но паша адріанопольскій не посмѣлъ его задержать—и отпустилъ на свободу: ему жаль и страшно было погубить такого необыкновеннаго человѣка. Гдѣ и ка̀къ покончилъ свою жизнь этотъ народный герой—неизвѣстно. Жена его здравствовала до 1856 года.

Въ дальнѣйшихъ подвигахъ будителей болгарскаго народа и въ проявленіяхъ ихъ симпатій къ Россіи замѣчается не менѣе трагическаго и печальнаго. Разбудить весь забитый народъ было не легко, а симпатіи къ Россіи, всегда приносившія пользу последней, тяжело отзывались на бѣдной Болгаріи.

Разгорается турецкая война 1828 — 1829 г. Дибичъ переходитъ Балканы. Русскія войска готовы вступить въ Константинополь. Болгарія снова видитъ своихъ усатыхъ братьевъ, поющихъ такія хорошія пѣсни и такъ безжалостно бьющихъ ненавистную турецкую силу, и снова оживаетъ. Является старый сторонникъ Россіи, хайдукъ капитанъ Георгій Стойковъ Мамарчовъ, по прозванію Буюклю, который началъ свои хайдуцкіе подвиги со старыми хайдуками еще въ 1810 году. Вступленіе русскихъ войскъ въ Болгарію и побѣды надъ турками вызвали въ недобитомъ народѣ упоительныя надежды, что и для этого подъяремнаго народа загорается, наконецъ, заря свободы. Съ пятисотенною «четою» болгарскихъ волонтеровъ Мамарчовъ является въ Котлѣ. Оттуда онъ уже собирается идти къ Трнову, который еще не былъ осажденъ русскими войсками, и тамъ, на развалинахъ исторической славы болгарскаго народа, водрузить знамя возрожденія и свободы. Болгаре привѣтствуютъ его какъ спасителя — воодушевленіе разливается повсюду, идетъ отъ одного города къ другому, отъ селенія къ селенію, и охватываетъ всю Болгарію. Но вдругъ являются русскіе казаки, берутъ Мамарчова и отводятъ къ Дибичу. Поводомъ къ этому странному со стороны русскихъ поступку послужило то обстоятельство, что не задолго передъ этимъ въ той мѣстности проѣзжалъ какой-то англичанинъ, который призывалъ болгарскій народъ къ возстанію, обѣщая ему помощь Англіи и говоря, что свободная Болгарія станетъ стѣною между Россіею и Турціею. Казаки погнались за этимъ подозрительнымъ благодѣтелемъ болгаръ, желая схватить пропагандиста, но англичанинъ успѣлъ однако, укрыться въ стѣнахъ Трнова, подъ турецкія пушки. За такого же пропагандиста несообразительные казаки приняли и Мамарчова, самаго искренняго друга Россіи. Узнавъ, что Мамарчовъ схваченъ русскими, болгаре упали духомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ — что̀ оставалось дѣлать бѣдному народу, когда его послѣдняго защитника лишили свободы — и кто же — русскіе братья, которые такъ хорошо поютъ и на которыхъ только и надѣялся недобитый народъ? И вотъ болгаре отправляютъ къ Дибичу депутатовъ съ адресомъ, въ которомъ заявляютъ, что они, болгаре, единовѣрные и единокровные братья русскихъ, ежедневно терпятъ отъ турокъ невыразимыя притѣсненія; что ни свободы вѣры, ни безопасности, ни уваженія, ни даже своего имени, кромѣ презрѣннаго имени «райя-собака», они не имѣютъ; что они платятъ туркамъ невыносимыя подати и, при всемъ томъ, постоянно терпятъ отъ нихъ разореніе; что, наконецъ, самыя тяжкія испытанія и страданія они вынесли въ по-

слѣднюю войну, когда бѣшенство турокъ не знало уже границъ. Депутація проситъ объ освобожденіи Мамарчова и о дозволеніи Болгаріи—сбросить съ себя ненавистное иго турецкое.

Но въ это самое время объявляется заключеніе адріанопольскаго мира съ Турціею. Дибичъ ласково принимаетъ болгарскихъ депутатовъ, но выражаетъ сожалѣніе, что не можетъ ничего для нихъ сдѣлать, и потому совѣтуетъ имъ сохранить миръ. Онъ обѣщаетъ, однако, что Россія не забудетъ Болгаріи... Дибичъ успокоиваетъ ихъ амнистіею, выговоренною для болгаръ 13-мъ § мирнаго трактата, въ которомъ говорилось, что въ теченіи 18 мѣсяцевъ болгаре могутъ продавать свои имущества и выселяться въ Россію Для этого въ Болгаріи, въ Сливнѣ, назначается русскій консулъ, Ващенко. Однако, этотъ охранитель болгаръ явился далеко не благодѣтелемъ бѣднаго, угнетеннаго, забитаго, но все еще недобитаго народа...

Русскія войскà двинулись домой. Умолкла въ Болгаріи русская залихватская пѣсня—не видать добрыхъ солдатиковъ. Болгарами овладѣло отчаяніе — спасенья ни откуда не видѣлось. Тогда цѣлыми селеніями и городами потянулись они въ Бессарабію искать себѣ пристанища и куска хлѣба вдали отъ турецкихъ ятагановъ. Болгарія превратилась въ пустыню: такъ, въ Шумлѣ съ 40,000 населеніе убавилось на 30,000, въ Сливнѣ съ 24.000—на 10,000, въ Провидѣ изъ 10.000 домовъ опустѣло 800! Въ 1850 году цѣлыя мѣстности въ Бессарабіи сплошь были заселены болгарами. Множество ихъ ушло въ Молдавію и Валахію. Недобитый народъ жестоко платился за свои жалкія надежды...

Но возвратимся снова къ безсмертнымъ героямъ этого недобитаго народа.

Когда, послѣ турецкой войны, русскіе совсѣмъ очистили Болгарію и когда эта страна представляла собою печальную картину переселенія народовъ, страшный хайдукъ Мамарчовъ, освобожденный Дибичемъ. жилъ съ своимъ семействомъ въ Силистріи. Затѣмъ, послѣ 1836 г., оставивъ семью въ этомъ городѣ, онъ переселился въ монастырь св. Николая у Капинова, между Трновомъ и Еленою. Тамъ, въ глубочайшей тайнѣ, готовилось новое народное движеніе. Доблестные представители угнетеннаго народа, заручившись горячимъ сочувствіемъ населенія, выжидали только удобнаго случая, чтобы поднять священное знамя освобожденія Болгаріи. Но измѣна погубила это дѣло въ самомъ его зародышѣ. Въ монастырѣ находился одинъ изъ главныхъ народныхъ дѣятелей, старецъ Хаджи-Іорданъ. Желая привлечь къ общему дѣлу своего родственника, Хаджи-Іордана младшаго, онъ погубилъ и себя и другихъ. Юноша, будучи приведенъ въ монастырь, увидѣлъ тамъ всѣхъ главныхъ заговорщиковъ, посвященъ былъ во всѣ тайны готовящагося возстанія и присягнулъ на народное дѣло «во имя всевысочайшаго и всемогущаго Бога». Поцаловавшись, подобно Іудѣ, съ начальниками возстанія,

онъ въ тотъ же вечеръ ушелъ изъ монастыря, чтобы приготовиться къ дѣлу. Но онъ не пошелъ домой въ Елену, а направился въ Трново къ митрополиту Иларіону, конечно, фанаріоту и врагу болгаръ, и открылъ ему все, что зналъ. Иларіонъ вмѣстѣ съ нимъ тотчасъ же отправился къ турецкому главнокомандующему... Въ ту же ночь отрядъ турокъ окружилъ монастырь. Прежде всего, схватили игумена и Мамарчова. При свѣтѣ походныхъ факеловъ начался грабежъ монастыря: церковь была осквернена, глаза у иконъ повыколоты. Остальныя главы заговорщиковъ были захвачены по домамъ. Безъ всякаго суда и слѣдствія, въ Трновѣ, были немедленно повѣшены старый Хаджи-Іорданъ, Хаджи-Вельчо изъ Габрова, Георгій Станчо изъ Тревны, Іованца изъ Трнова, Іованаки изъ Средце и многіе другіе. Капиновскій игуменъ Сергій погибъ въ страшныхъ истязаніяхъ, какъ истый христіанскій мученикъ. Зато предатель Хаджи-Іорданъ младшій былъ взысканъ милостями султана, награжденъ орденомъ и освобожденъ отъ всѣхъ податей. Родъ его доселѣ ненавистенъ болгарамъ. Только Мамарчова турки не посмѣли казнить, потому что онъ ходилъ въ русской формѣ. Его привезли въ Константинополь. Русское посольство, однако, отказалось отъ него, несмотря на то, что онъ много лѣтъ служилъ въ русскомъ войскѣ, имѣлъ на груди русскіе ордена и за геройскіе подвиги, при взятіи Силистріи былъ пожалованъ саблею «за храбрость». Изъ Константинополя его сослали въ Малую Азію, въ одинъ турецкій городокъ. Тамъ повелѣно ему было жить вѣчно, до смерти, положено мѣсячное жалованье какъ ссыльному, но, однако, дозволено было ѣздить, подобно природнымъ туркамъ, на конѣ съ оружіемъ, чего райямъ не дозволяется. Спустя нѣсколько лѣтъ, жена Мамарчова исходатайствовала ему милость въ Константинополѣ, и ссыльному разрѣшено было ѣхать куда онъ пожелаетъ, только не въ Болгарію. Онъ уѣхалъ въ Валахію. При всемъ томъ, фанаріотскіе происки сдѣлали то, что Порта взяла обратно свою милость и сослала Мамарчова на островъ Самосъ. Семью свою онъ послалъ на родину, въ Болгарію, и самъ въ новой своей ссылкѣ нашелъ одни нужды и лишенія. Нѣкоторые изъ капитановъ греческихъ кораблей давали возможность болгарскому герою уйти въ свободную Элладу, но онъ не переставалъ надѣяться, что его освободятъ русскіе... Въ 1846 году онъ умеръ въ ссылкѣ шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Жена просила помощи въ Россіи — но тоже безуспѣшно. Жена героя умерла въ нищетѣ.

Измѣненіе поземельныхъ отношеній, долженствовавшее совершиться и въ Крыму, вслѣдствіе реформы 19-го февраля, побудило крымскихъ татаръ оставить свои родныя земли и искать убѣжища въ другихъ странахъ. Самою подходящею въ этомъ отношеніи страною представлялась Турція, как страна, гдѣ магометанская религія, исповѣдываемая и крымскими

татарами, считается господствующею. Въ виду этого, крымскіе татары массами направились въ Турцію. Турецкое правительство предназначило для переселенцевъ земли въ Болгаріи. Обстоятельство это дорого обошлось бѣдному болгарскому народу. Въ Болгарію нагрянуло болѣе 12,000 крымскихъ татаръ. Для этихъ пришельцевъ турки отвели самые богатые населенные пункты въ краѣ; бѣдные болгаре должны были отдать крымцамъ лучшія свои земли; мало того, болгаръ принуждали устраивать для крымцевъ дома и всѣ хозяйственныя заведенія. Болгаре не могли вынести этого новаго гнета и должны были искать убѣжища въ другихъ странахъ. Множество болгарскихъ семействъ переселилось въ Сербію, а до 10,000 тысячъ бросились въ Крымъ, гдѣ они надѣялись занять оставленныя татарами земли, но въ слѣдующемъ году, разочарованные и окончательно разоренные, должны были возвратиться назадъ, въ свою потерянную, доставшуюся татарамъ отчизну.

Къ довершенію всѣхъ золъ, политическія обстоятельства на Балканскомъ Полуостровѣ представляли въ это время очень грозные признаки для югославянскаго міра. Политическія тучи нависли надъ Болгаріею, Босніею, Герцеговиною, Черногоріею и Сербіею. Въ 1862 году турки вѣроломно бомбардируютъ Бѣлградъ. Славянамъ угрожаетъ неизбѣжная гибель, въ виду которой трудно было надѣяться на спасеніе. На краю пропасти, славяне употребляютъ необыкновенныя усилія, чтобъ не упасть въ эту пропасть. Герцеговина поднимается подъ предводительствомъ доблестнаго воеводы Вукаловича. Къ ней пристаетъ непобѣдимая стая черногорскихъ орловъ подъ предводительствомъ своего князя. Сербія также готовится къ поголовному ополченію противъ «турецкой волчьей стаи». У одной Болгаріи руки связаны. Доблестные ея «хайдуки», годъ отъ году напоминавшіе «турецкимъ волкамъ», что у недобитаго народа еще есть защитники, теперь или перемерли, или заточены въ турецкихъ крѣпостяхъ. Остается одинъ свободный болгаринъ—это Георгій Стойковъ Раковскій, учившійся сначала въ Константинополѣ и Аѳинахъ и окончившій образованіе въ Парижѣ, а потомъ, какъ турецко-болгарскій эмигрантъ, бродившій то по Валахіи, то по Сербіи, то по Австріи, то, наконецъ, по Россіи, и, какъ публицистъ, бичевавшій турокъ своимъ даровитымъ перомъ. Теперь оказалось, что одного пера недостаточно, что перомъ нельзя пронять турецкихъ волковъ, опустошившихъ Болгарію: надо было промѣнять перо на ятаганъ — и Раковскій сдѣлалъ это. Находясь въ Бѣлградѣ, онъ немедленно организовалъ болгарскій легіонъ изъ эмигрантовъ и, въ то же время, разсылалъ по Болгаріи замѣчательныя воззванія, прося свой забитый народъ подумать о спасеніи, уходить въ горы, соединяться въ хайдуцкія четы и не давать пощады турецкимъ хищникамъ, гдѣ бы они ни попадались. Но бѣдная Болгарія была слишкомъ забита. Молодое поколѣніе потеряло всякую энергію. Хотя и образовалось

нѣсколько хайдуцкихъ четъ, но ихъ было слишкомъ мало, и онѣ исчезали, какъ капля въ морѣ, среди напуганнаго населенія. Единственно выдающеюся личностью во главѣ хайдучества сталъ воевода Панайотъ Хитовъ, сынъ богатаго овчара, человѣкъ въ высокой степени энергическій и, въ то же время, личность крайне добросердечная и симпатичная. Безнадежность родины заставила его махнуть рукой на свое богатство, на свой семейный очагъ, на свое личное счастье — и искать этого счастья въ горахъ, въ кругу удалыхъ добрыхъ молодцевъ. Примѣръ Панайота, зажигательныя прокламаціи Раковскаго, вооруженіе Сербіи, тайныя проповѣди священниковъ и учителей болѣе и болѣе воодушевляли болгарскую молодёжь, и смѣльчаки чаще и чаще стали удаляться въ горы. Четы хайдуковъ особенно сосредоточивались около Габрова, въ отрогахъ балканскаго хребта.

Но и это народное движеніе ничего не принесло Болгаріи, кромѣ горя и разоренія. Хайдуцкія четы были со всѣхъ сторонъ сдавлены турецкими войсками, словно желѣзнымъ кольцомъ—и должны были уступить силѣ. Отчаяніе могло, конечно, заставить удальцовъ долго держатся въ неприступныхъ горахъ, могло вызвать ихъ на кровавыя жертвы; но и жертвы эти не принесли бѣдной Болгаріи того покоя, какого она давно жаждала, а, напротивъ, могли побудить турокъ къ новымъ, усугубленнымъ жестокостямъ. Сербія заключила въ это время миръ съ Турціею—и у Болгаріи не осталось союзниковъ. Она должна была сама отдаться въ руки своихъ мучителей. И натѣшились же турки надъ беззащитными райями! Массы болгарской молодёжи были заточены въ тюрьмы; много изъ нихъ было сослано въ Малую Азію, особенно въ Діарбекиръ. Болѣе всѣхъ пострадали учителя и священники, какъ представители болгарской интеллигенціи и друзья беззащитнаго народа. Одинъ Панайотъ Хитовъ не дался въ руки туркамъ: съ двѣнадцатью удальцами провелъ онъ страшную зиму въ дебряхъ покрытаго снѣгами и льдомъ Балкана, и въ началѣ 1863 года, по пятидесяти четырехдневномъ переходѣ по самымъ высокимъ гребнямъ хребта, добрался до Сербіи.

Во время этихъ, тяжелыхъ и грозныхъ для Болгаріи событій, по распоряженію константинопольскаго правительства, составилась комиссія изъ шести болгарскихъ и шести греческихъ (фанаріотскихъ) представителей для разрѣшенія давно раздиравшаго Болгарію церковно-административнаго спора—спора, который имѣлъ и политическое значеніе для несчастной страны. Это—споръ о самостоятельности болгарской церкви и, главное, независимости болгарскаго народа отъ жесточайшихъ враговъ Болгаріи, греческихъ духовныхъ администраторовъ, фанаріотовъ-епископовъ, управлявшихъ и духовными, и общественными дѣлами недобитаго народа, при помощи пашей и турецкихъ тюремъ. Въ одномъ изъ самыхъ бурныхъ засѣданій этой комиссіи предсѣдательствовалъ самъ Али-паша, заправлявшій тогда Бол-

гаріею. Несмотря на отчаянное сопротивленіе болгарскихъ депутатовъ, несмотря на ихъ законные протесты, на вопль всего народа—фанаріоты и Али-паша были неумолимы, и дѣло болгаръ было проиграно. На болгарскія епископскія каѳедры насажали такихъ закоренѣлыхъ фанаріотовъ, враговъ болгарской народности, что Болгарія должна буквально задохнуться: осѣняя себя, вмѣсто креста, турецкимъ ятаганомъ, епископы стали еще болѣе грабить и безъ того ограбленный народъ и, въ то же время, наушничать и доносить туркамъ, что болгары бунтуютъ, надѣясь на помощь Сербіи и Россіи. Грабежъ и насилія дѣлаются повсемѣстными. Вся болгарская, преимущественно заграничная печать поднимаетъ голосъ противъ тираніи фанаріотовъ; но голосъ этотъ кричитъ въ пустынѣ. Подъ этотъ крикъ трновскій епископъ Григорій буквально свирѣпствуетъ въ своей паствѣ, какъ въ завоеванной странѣ — и турки смотрятъ на его епископско-разбойническія вакханаліи сквозь пальцы. Особенно свирѣпствуютъ фанаріоты въ Македоніи, которую греки, ограбивъ и принизивъ до послѣдней степени, считаютъ своимъ достояніемъ.

Мало того, ненасытные фанаріоты самихъ турокъ научаютъ жестокостямъ. Сборы податей въ пользу епископскихъ бездонныхъ кассъ сопровождаются истязаніями всякаго рода, и массы болгаръ, погоняемыя, какъ овцы, турецкими солдатами, безропотно идутъ въ тюрьмы и въ ссылку, какъ за государственныя преступленія... И недобитый народъ все терпитъ...

До какой степени фанаріоты и турки боялись всякаго намёка на пробужденіе народнаго духа въ несчастной странѣ, можно судить по трагической кончинѣ братьевъ Миладиновыхъ, имена которыхъ извѣстны въ Россіи, а одного изъ нихъ еще и теперь помнятъ бывшіе студенты московскаго университета, гдѣ Константинъ Миладиновъ кончилъ курсъ по историко-филологическому факультету въ 1860 году. Братья Миладиновы, на свое несчастье, явились будителями народнаго духа въ своей несчастной родинѣ. Старшій изъ нихъ, Дмитрій Миладиновъ, былъ учителемъ въ Прилѣпѣ. Какъ горячій патріотъ, собиратель народныхъ пѣсенъ, пропагандистъ славянской идеи, онъ сталъ, что̀ называется, поперекъ горла мѣстному епископу-фанаріоту, Мелетію, и кончилъ самымъ ужаснымъ образомъ. По доносамъ Мелетія, Миладиновъ былъ арестованъ турками, какъ государственный преступникъ, и въ оковахъ отвезенъ въ Константинополь. Младшій братъ, Константинъ, по окончаніи университетскаго курса въ Москвѣ, переселился въ Загребъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе епископа Штросмайера. Съ помощью Штросмайера и подъ его протекціею, Миладиновъ издалъ въ Загребѣ, въ 1861 году, сборникъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ, надъ собираніемъ которыхъ трудились оба злополучные брата. Изданіе это доставило братьямъ Миладиновымъ громкую извѣстность какъ между учеными славистами, такъ и между соотечествен

никами-болгарами. Этого достаточно было, чтобы фанаріоты рѣшились погубить и младшаго брата, какъ они погубили старшаго. Константинъ Миладиновъ, желая исходатайствовать у турецкаго правительства освобожденіе брата, отправился въ Константинополь. Но тамъ ожидала его участь старшаго брата: его арестовали и засадили въ тюрьму. Штросмайеръ, узнавъ объ этомъ, чрезъ австрійскаго посланника въ Константинополѣ, просилъ турецкое правительство объ освобожденіи обоихъ несчастныхъ узниковъ; съ своей стороны, и русское правительство представляло о томъ же Портѣ. Порта уважила-было эти ходатайства и отдала уже приказъ объ освобожденіи арестантовъ; но гнусные фанаріоты предупредили—подкупивъ тюремщика, они отравили обоихъ братьевъ! Это возмутительное дѣло произвело страшное впечатлѣніе во всемъ славянскомъ мірѣ, но скоро и оно было забыто, какъ забывалось все, что̀ касалось славянства, этой чумички въ гордой семьѣ псевдоцивилизованныхъ народовъ! О юныхъ мученикахъ осталась память только въ старыхъ газетахъ, да прекрасный сборникъ пѣсенъ говоритъ о безсмертіи мучениковъ и недобитаго народа, которому они служили...

Но Болгарію ожидали новыя му̀ки. Въ 1864 году надъ этой прокаженной въ славянскомъ мірѣ страной разразилась гроза съ той стороны, откуда никто ея не ожидалъ — изъ Россіи, съ Кавказа: это было нѣчто въ родѣ того наводненія, которое Балканскій Полуостровъ испыталъ въ средніе вѣка, когда на него нахлынули орды разныхъ дикарей въ эпоху великаго переселенія народовъ. Извѣстно, что около 1864 года Россія, послѣ столѣтней, кровавѣйшей въ исторіи всего человѣчества войны, покорила Кавказъ. Тѣ изъ горцевъ, которые не хотѣли покориться русскимъ, оставили свои родныя горы и рѣшились переселиться въ Турцію, къ своимъ единовѣрцамъ. До полумильйона этого дикаго, жаждущаго грабежей и крови народа двинулось съ Кавказа частью въ Малую Азію, частью въ Болгарію, и тамъ, вмѣстѣ съ албанцами и бывшими крымскими татарами, пришельцы эти клиномъ вбились въ славянское живое тѣло промежь сербовъ и болгаръ.

Въ первое время, когда черкесы нахлынули на Болгарію, страшный моръ разразился надъ бѣдною землей: отъ голода, тифа и оспы гибли тысячи этихъ новыхъ посельниковъ подъ чуждымъ имъ и непривѣтливымъ небомъ; трупы, никѣмъ не зарываемые, заражали воздухъ прекрасной Болгаріи. Моръ начался и между болгарами. Черкесы, едва лишь вздохнули на новыхъ мѣстахъ, тотчасъ принялись за свое старое, историческое ремесло: пошли въ ходъ грабежи мирныхъ поселянъ, нападенія на купеческіе караваны: это была азіатская метла, которая сметала съ лица земли всякій слѣдъ европейской культуры и цивилизаціи, а турки охотно помогали ей въ этомъ.

Возстаніе, вспыхнувшее, въ 1866 году, на Кандіи, подняло-

было смутную надежду въ душѣ угнетеннаго болгарскаго населенія. Долго держались кандіоты, эта горсть людей, отчаяніемъ перерожденныхъ въ героевъ, и массы турецкихъ войскъ не могли одолѣть эту маленькую скалу, брошенную среди моря. Въ Румыніи, по сверженіи съ престола князя Кузы, царствовала анархія, и всѣ опасались, что турки вторгнутся въ эту страну. Румынскій министръ Братіано, въ руки котораго попала власть, вошелъ въ сношенія съ Раковскимъ, который въ то время находился въ Букарештѣ и своими публицистическими трудами поддерживалъ постоянно задуваемое турками пламя возрожденія болгарской народности. Братіано совѣтовалъ Раковскому набирать болгарскихъ волонтеровъ и съ ними идти на Балканы въ качествѣ хайдуковъ. Этотъ возможный союзъ румуновъ и болгаръ давалъ патріотамъ надежду, хотя смутную, остановить турецкія волны, которыя готовы были нахлынуть на Болгарію и Румынію. Зарождалась смѣлая идея великой *юго-славянской федераціи*, въ которую вступали всѣ юго-славянскія народныя группы, и изъ этого союза выбрасывалась только Россія. Ожидалась помощь Сербіи и Черногоріи: «надежды же на русскую помощь давно всѣхъ обманули», съ горестью замѣчаютъ славянскіе писатели. Въ 1867 году, «тайный центральный болгарскій комитетъ» издалъ извѣстный адресъ къ султану, въ которомъ выражалъ желаніе, чтобы падишахъ принялъ титулъ «царя болгаръ», возстановилъ историческое имя «болгарскаго царства» и далъ бы возстановленному царству Симеона Великаго конституцію съ такими правами, съ какими тогда Венгрія соединилась въ одно государство съ Австріею... Такъ упала популярность Россіи между южными славянами.

Въ это же время, Панайотъ Хитовъ, который постоянно твердилъ, что болгары должны ждать спасенія только отъ себя, съ тридцатью хайдуками тайно переправился черезъ Дунай и счастливо добрался до Балканъ; другая горсть молодцовъ, которая шла на соединеніе съ Панайотомъ подъ предводительствомъ Филиппа Тотьова, была настигнута турками въ лѣсу и не могла выдержать напоръ превосходнаго по численности врага, вслѣдствіе усталости и продолжительнаго перехода по горамъ во время страшныхъ жаровъ: горсть болгаръ была разсѣяна, и Тотьовъ съ четырьмя молодцами едва успѣлъ соединиться съ Панайотомъ. Тамъ, въ горахъ, они принуждены были выдерживать постоянныя схватки съ низамомъ, баши-бузуками и черкесами, и, все-таки, пробрались до сербской границы.

Въ это время Болгаріей, вошедшей, вслѣдствіе новаго административнаго дѣленія Турціи, въ Дунайскій Вилайетъ, правилъ Митхадъ-паша (съ 1864 по 1868 г.). Ярость его обрушилась на всю Болгарію за эту дерзость хайдуковъ, тѣмъ болѣе, что въ Свищовѣ онъ открылъ какой-то несчастный, ребяческій заговоръ. Пошла турецкая петля гулять по молодымъ, подъяремнымъ шеямъ несчастныхъ болгаръ: вѣшали нетолько школьниковъ, но

даже дѣтей, якобы заговорщиковъ. Иныхъ изъ этихъ quasi-заговорщиковъ посылали въ Діарбекиръ: въ пути, въ кандалахъ, въ тюрьмахъ погибло немало злополучной молодёжи. Спасшіеся отъ повѣшанья спѣшили укрыться въ Валахіи, Сербіи и Австріи. Вся болгарская интеллигенція надолго придавлена была тяжелою рукою Митхада-паши, который, повидимому, практиковалъ тогда эту руку для того, чтобы впослѣдствіи придушить и самого падишаха, Абдулъ-Азиса.

Много, наконецъ, напрасныхъ надеждъ положила злополучная Болгарія и въ то смѣлое дѣло, которое задумывалъ-было исполнить сербскій князь Михаилъ Обреновичъ. Онъ готовился къ великой битвѣ съ своими вѣковыми врагами — съ турками, къ той битвѣ, которая теперь вновь кипитъ на Балканскомъ Полуостровѣ. Болгаре примкнули къ планамъ Обреновича. Въ Бѣлградѣ образовался болгарскій легіонъ въ 300 человѣкъ; къ нимъ примкнули черногорцы и герцеговинцы. Легіонъ этотъ перебрался въ Валахію и готовился вторгнуться въ Турцію. Но Михаилу Обреновичу не удалось его великое дѣло по интригамъ Австріи, передъ которой страшилищемъ вставалъ призракъ югославянской федераціи. Обреновичъ былъ убитъ заговорщиками. Всѣ планы славянъ пошли прахомъ. Министръ Блазнавацъ, захватившій въ свои руки власть регента, тотчасъ отправилъ Панайота въ Букарештъ, чтобы остановить походъ волонтеровъ на Турцію. Но Панайотъ опоздалъ: юные предводители волонтеровъ, Хаджи Димитаръ Асеновъ, которому было не болѣе 26 лѣтъ, и Степанъ Караджа, 22-лѣтній юноша, уже успѣли переправиться черезъ Дунай съ своими отрядами въ полтораста человѣкъ. Отряды одѣты были въ національные мундиры и прекрасно вооружены. Все это была молодёжь, юные ростки возрождающейся юго-славянской федераціи. Но всѣ эти герои не достигли Балканъ: они погибли въ отчаянныхъ схваткахъ съ турками среди лѣсистыхъ пропастей габровскихъ горъ. Ни одинъ изъ нихъ не дался живымъ въ руки враговъ: зато смерть каждаго героя стòила громадныхъ потерь и низамамъ, и черкесамъ, и оставила по себѣ кровавую и славную память въ турецкой Болгаріи.

Съ тѣхъ поръ, до самой послѣдней болгарской рѣзни, которую такъ упорно отрицала ослѣпленная Европа, на Балканахъ царствовала мертвая тишина, такъ что можно было бы вмѣстѣ съ Шевченкомъ сказать:

И Булгарія на-віки,
На-віки заснула...

Но она не заснула, потому что... еще не добита...

Политическое пробужденіе и возрожденіе болгарскаго народа шло рука объ руку съ возрожденіемъ литературнымъ. На томъ и другомъ поприщѣ явились одинаково-доблестные борцы, герои народнаго дѣла, изъ которыхъ одни дѣйствовали ятаганомъ

и нерѣдко погибали въ бою съ врагами, на турецкихъ висѣлицахъ и въ турецкихъ тюрьмахъ; другіе, дѣйствовавшіе, можетъ быть, еще болѣе убійственнымъ оружіемъ — словомъ, также погибали въ турецкихъ тюрьмахъ, а нерѣдко отъ турецкаго яду и ятагана. Но дѣло и тѣхъ, и другихъ было великое, неумирающее дѣло. Оно сказывается теперь, когда турки почуяли возможность активнаго возрожденія болгарскаго народа и стали истреблять его не такъ медленно, не такъ систематически, какъ истребляли нѣсколько столѣтій, а быстро, натискомъ, съ безумнымъ бѣшенствомъ, о чемъ еще такъ недавно съ ужасомъ говорила печать.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, одновременно съ героями ятагана Алтынъ-Стояномъ, Кара-Танасомъ и «брадатымъ воеводою» Коньо, дѣйствовали герои пера: Софроній Врачанскій, Хаджи-Іоакимъ, Кирилъ Пейчиновичъ, которые знакомили болгарскій народъ съ его прошлымъ и учили его читать на родномъ языкѣ. Затѣмъ, одновременно съ героемъ ятагана Байчо, который, будучи заточенъ въ сибирскую крѣпость и потерявъ тамъ брата, заколотаго его собственною рукой, пѣшкомъ добрелъ черезъ всю Азію до своей родины, одновременно съ Димитріемъ Калачлія, Златьо-барьяктаромъ, именемъ котораго турчанки пугали дѣтей, одновременно съ Пейо Буюклю и Дончо Ватахомъ, одновременно, наконецъ, съ Георгіемъ Мамарчовымъ, дѣйствовали такіе герои народнаго литературнаго возрожденія, какъ Юрій Венелинъ, докторъ Петръ Беровичъ, Анастасій Стояновичъ, Василій Неновичъ, Георгій Пѣшаковъ, Петръ Сапуновъ, Априловъ.

Юрій Венелинъ — одна изъ самыхъ крупныхъ личностей всего славянскаго міра. Онъ родился въ 1802 году отъ родителей угорскихъ русиновъ. Отецъ его былъ православный протопопъ. Кончивши курсъ въ львовскомъ университетѣ, онъ рѣшился идти въ Россію, чтобы тамъ поработать для славянскаго міра. Пѣшкомъ этотъ двадцатилѣтній юноша пробрался черезъ Карпаты до Кишинева, а оттуда, черезъ два года, достигъ, наконецъ, Москвы. Въ Москвѣ онъ поступилъ въ университетъ по медицинскому факультету и скоро получилъ степень доктора. Глубоко-даровитая натура влекла его къ политическо-литературной дѣятельности. Онъ принялъ горячее участіе въ русской журналистикѣ, и въ 1829 году вышло его знаменитое сочиненіе о болгарахъ, обратившее на себя вниманіе всего ученаго міра. Въ первый разъ, и именно въ тотъ годъ, когда русскія войскà бились съ турками въ Болгаріи, Венелинъ доказалъ ученой Европѣ, что болгары—не ославянившіеся татары, какъ думали до того времени, а настоящіе, чистокровные славяне. Наша академія, которой Венелинъ представилъ свое сочиненіе, тотчасъ же командировала молодого ученаго за Дунай для изученія Болгаріи на мѣстѣ. Въ одинъ годъ даровитый славянинъ обошелъ Молдавію, Валахію, Болгарію и часть Румеліи, разби-

рая монастырскія библіотеки, собирая старинныя рукопис
историческіе документы и составляя грамматику и словарь
гарскаго языка. Невозможно описать, какія страшныя трудн
перенесъ этотъ герой болгарскаго народнаго возрожденія
своемъ ученомъ паломничествѣ посреди разгромленнаго к
какимъ подвергался лишеніямъ и въ то же время работалъ
устанно, за десятерыхъ, вытаскивая, такъ сказать, и прош
и настоящее болгарскаго народа изъ могилы. Онъ буквально
несъ на своихъ плечахъ, если можно такъ выразиться, все
гарское историческое кладбище и воскресилъ настоящее эт
народа. Зато съ какимъ горячимъ энтузіазмомъ встрѣтили эт
героя труда его соотечественники въ Букарештѣ. Въ немъ
дѣли генія, который вызвалъ ихъ народъ изъ могилы и по
вилъ его лицомъ къ лицу со всѣми цивилизованными народа
Съ нимъ воскресла и болгарская муза: Пѣшаковъ написалъ
рячую, восторженную оду въ честь Венелина.

Воротившись въ Москву, Венелинъ принялся разработыв
собранные имъ матеріалы. Онъ жаждалъ получить каѳедру
московскомъ университетѣ, но напрасно! Академія долго
биралась издать нѣкоторые изъ собранныхъ Венелинымъ д
гоцѣнные матеріалы и незначительную часть ихъ издала то
ко послѣ его смерти... Собранныя же имъ народныя б
гарскія пѣсни издалъ уже г. Безсоновъ въ 1855 году. Ч
же касается составленной неутомимымъ Венелинымъ болг
ской грамматики, то ей вовсе не суждено было явиться
свѣтъ. Какъ большинство личностей, горячо и безкорыстно п
данныхъ дѣлу служенія идеѣ, онъ дождался одной награды
нищеты. Жилъ въ бѣдности, перебиваясь частными уроками,
продолжалъ работать для науки и для возрожденія недобит
народа. Но ему недолго суждено было убивать свое здоро
для неблагодарныхъ современниковъ, недолго суждено б
страдать. Во цвѣтѣ силъ, 37 лѣтъ отъ роду, онъ умеръ въ м
ковской больницѣ (въ 1839 году) и погребенъ въ даниловско
монастырѣ. Надъ гробомъ даровитаго труженика стоитъ мрамо
ный памятникъ, сдѣланный въ Италіи. Надпись на памятни
гласитъ, что монументъ этотъ поставленъ «Юрію Ивановичу В
нелину одесскими болгарами», что тотъ, кто лежитъ подъ эти
монументомъ, «напомнилъ всему міру о забытомъ, но нѣког
славномъ и могучемъ народѣ болгарскомъ и горячо желалъ в
дѣть его возрожденіе...» Имя Венелина — священно въ Бо
гаріи.

Одновременно съ Венелинымъ началъ свою работу для бо
гарскаго народа и докторъ Беровичъ, человѣкъ высоко образ
ванный. Онъ первый, несмотря на то, что спеціально занима
ся медициною, составилъ болгарскій букварь по методѣ Ланк
стера (въ 1824 году), и съ этого букваря, можно сказать, нач
нается собственная болгарская письменность — такъ недавно ещ

народъ этотъ сталъ учиться читать на родномъ языкѣ, по родному букварю!

Априловъ, наэлектризованный, такъ-сказать, чтеніемъ сочиненій Венелина, также сталъ работать для возрожденія болгарскаго народа и задумалъ создать самостоятельную болгарскую школу по образцу европейскихъ—и, вмѣстѣ съ Палаузовымъ, создалъ подобную школу въ Габровѣ, тамъ, гдѣ по сосѣдству хайдуковали знакомые уже намъ народные герои. Габровская школа стала тѣмъ зерномъ, изъ котораго выросли всѣ послѣдующія учебныя заведенія Болгаріи. Въ какой мѣрѣ быстро шло возрожденіе болгаръ, можно судить потому, что въ настоящее время (конечно, до послѣдней рѣзни, опустошившей пол-Болгаріи), въ одной плавдинской епархіи считается 305 начальныхъ школъ и 16 главныхъ съ 356 учащими и 12,400 учащимися; изъ нихъ 24 женскихъ училища съ 37 учительницами и 2,265 учащимися болгарскими дѣвушками. Множество болгарской молодежи учится въ Константинополѣ, въ султанскомъ лицеѣ, въ американской Robert College, въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Парижѣ, Николаевѣ, Букарештѣ, Бѣлградѣ, Загребѣ, въ Вѣнѣ, въ Прагѣ; не мало и болгарскихъ дѣвушекъ приготовляется въ европейскихъ учебныхъ заведеніяхъ къ званію учительницъ. О томъ, какой молодой порывъ проявилъ этотъ бѣдный, забитый людъ въ быстромъ процессѣ своего возрожденія, можно судить по тому, что въ каждомъ большомъ болгарскомъ селеніи имѣется общественное «читалиште» (родъ публичной библіотеки)... И все это теперь уничтожаютъ турки и черкесы! Школы разрушены, учителя порѣзаны, а учащіеся, и особенно учащіяся дѣвочки распроданы въ неволю...

Мы не станемъ перечислять всѣхъ тѣхъ мучительныхъ испытаній, которыя переживала Болгарія и ея дѣятели въ достиженіи того, чѣмъ несчастная страна эта стала-было въ послѣднее время. Всякій шагъ развитія нужно было брать съ бою, словно турецкія крѣпости, подъ градомъ турецкихъ пуль. Но усилія народныхъ дѣятелей преодолѣвали всѣ препятствія. Въ Болгаріи явилась не только печать народная, но и высшее развитіе печати—дѣятельность ученая, публицистическая, журнальная. Но какъ все это разбросано по разнымъ концамъ Европы и Азіи! Какъ разъединено все, не имѣя ни нравственнаго, ни народнаго центра, около котораго могли бы сосредоточиться интеллигентныя силы болгарской народности! Болгарская журналистика до поразительности обнаруживаетъ, какъ разобщены и разсѣяны эти силы бѣднаго, воскресающаго народа. Первый болгарскій журналъ началъ выходить *въ Азіи*, *въ Смирнѣ*, гдѣ основаніе журнальному дѣлу положилъ Фотиновъ въ своемъ «Любословіи» (1844 — 1846 гг.). Политическій болгарскій журналъ явился въ первый разъ *въ Лейпцигѣ*, подъ названіемъ «Българскы Орелъ» и подъ редакціею

Богорова, а потомъ—«Българскы народенъ извѣстникъ». Въ 1849 г. *въ Константинополѣ* издавался «Цариградскы вѣстникъ», который подъ редакціею Экзархова продержался до 1861 г. Въ 1858 году, *въ Константинополѣ* же началъ выходить болгарскій журналъ, подъ названіемъ «Българскы книжицы», издававшійся обществомъ «Българска народна книжнина», и хотя изданіе это скоро прекратилось, однако; въ 1869 г. *въ Браиловѣ* организовалось новое литературное общество подъ названіемъ «Българско книжовно дружество», подъ предсѣдательствомъ г. Дринова (нынѣ, профессоръ харьковскаго университета). На образованіе его болгарское купечество пожертвовало 200,000 франковъ. Съ 1870 г. общество стало издавать журналъ подъ названіемъ «Періодическо списаніе».

Какъ болгарскіе писатели и публицисты, особенно прославились въ Константинополѣ своею жестокою полемикою съ греками по поводу церковнаго вопроса—Цанковъ, Стояновъ-Бурмовъ, Михайловскій, Найденовъ и Славейковъ, а въ Букарештѣ—болгарскіе эмигранты: Раковскій (уже извѣстный намъ, какъ публицистъ, какъ политическій дѣятель и какъ предводитель хайдуковъ) и Каравеловъ, который, по смерти Раковскаго, можно сказать, принялъ въ свои руки болгарскую либеральную прессу. Раковскій и Каравеловъ вели ожесточенную литературную войну не только съ греками, но и съ турками: это—турецкіе радикалы и революціонеры изъ болгарскаго лагеря.

Насколько великъ былъ подъемъ народнаго духа въ бѣдной, задавленной турками странѣ, можно судить по развитію болгарской журналистики въ теченіе какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли Венелинъ провозгласилъ, какъ неожиданное открытіе, что болгаре—славяне и что у нихъ есть свой языкъ, давно ли вышелъ *первый* болгарскій *букварь*—и вотъ уже въ сороковыхъ годахъ болгарскій народъ имѣетъ свою журналистику, а съ 50-хъ годовъ является уже цѣлый рядъ болгарскихъ журналовъ въ самой Болгаріи, Турціи и заграницей.

Вотъ перечень болгарскихъ журналовъ:

Въ Константинополѣ: «Българскы книжници» 1858—1861 (ред. Мутьевъ, Богоровъ, Крстьовичъ, Стояновъ-Бурмовъ), «Българія» 1859—1861 (ред. Цанковъ), Михайловскаго «Съвѣтникъ» 1863—1865, Бурмова «Время» 1865—1866, Найденова «Право» 1867—1872, Славейкова — юмористическіе листки «Пчелица» 1861, «Гайда» 1863—1865, «Шутошъ» 1873 и знаменитый политическій журналъ «Македонія» 1867—1872; затѣмъ «Зорница» 1864—1871 и «Турція» 1864—1873.

Заграницей, внѣ Болгаріи и Турціи: въ Вѣнѣ—«Мірозрѣніе» 1850—1851 (ред. Добровичъ); въ Букарештѣ — «Българскы инвалидъ» 1870—1871; въ Новомъ Садѣ—«Българскы дневници» 1853 (Раковскаго); въ Бѣлградѣ—«Дунавски лебедь» 1860—1862; въ Букарештѣ—«Бъдъштность» (Будущность) 1864; въ Бѣлградѣ—«Встокъ» 1865.

Заграничные журналы болгарскихъ эмигрантовъ: въ Букарештѣ—«Народность» 1866—1869, «Свобода» 1870—1872, «Независимость» 1873—1874; затѣмъ «Отечество» 1869—1871, юмористическій «Тъпанъ» 1869—1870 и «Будильникъ» 1873; въ Браиловѣ—Ваклидова «Българска пчела» 1863—1864, Войникова «Дунавска зоря» 1866—1869; наконецъ, въ Москвѣ—«Братски трудъ» 1868; въ Болградѣ «Обштъ трудъ» 1868; въ Бѣлградѣ—Богорова «Журналъ» 1861 и въ Вѣнѣ—«Книговиште» 1874, въ Браиловѣ—«Зорница» 1864 и «Пътникъ» 1870—1871; въ Болградѣ—«Духовни книжици» 1867 и «Градинка» 1874 г.

Въ 1875 году болгаре имѣли 14 своихъ журналовъ. Въ нынѣшнемъ году, *передъ самой рѣзней*, совершенной въ Болгаріи черкесами и баши-бузуками, болгарскій народъ могъ съ утѣшеніемъ сказать, что и онъ—не выкидышъ изъ семьи цивилизованныхъ народовъ, что и у него есть политическая, ученая, литературная, сатирическая и публицистическая журналистика. Такъ, передъ самымъ избіеніемъ младенцевъ славянскаго міра—болгарскіе журналы выходили: въ Константинополѣ — Найденова «Напрѣдъкъ», Генли — «Источно време», Балабанова «Вѣкъ», «День», Цанкова «Читалиште» и «Въскресникъ»; въ Букарештѣ — «Знаме», «Знаніе», «Ступанъ», «Учителиште»; въ Браиловѣ—«Періодическо списаніе», въ Рущукѣ—«Дунавъ», въ Адріанополѣ—«Одринъ» и въ Солунѣ—«Солунъ».

Вообще, вся болгарская литература насчитываетъ уже до 800 отдѣльныхъ сочиненій и 51 журналъ. Ежегодно выходитъ до 50 книгъ... выходитъ... нѣтъ, выход*ило*... А кто знаетъ, что̀ теперь? Уцѣлѣла ли бѣдная болгарская литература и что̀ отъ нея осталось? Во что̀ превращены злополучныя болгарскія «читалишта»?

Будущая исторія отвѣтитъ на все это къ несмываемому позору всѣхъ цивилизованныхъ народовъ второй половины гордаго своей продажной гуманностью XIX вѣка. И отвѣтъ ея будетъ неумолимъ.

Мы познакомились, насколько это было необходимо, съ состояніемъ журналистики и печати вообще въ Болгаріи. Но мы не касались того, какимъ тернистымъ путемъ шла эта бѣдная печать къ развитію. Трудно даже представить, какія стѣсненія терпѣла эта печать отъ всевозможныхъ представителей турецкаго деспотизма, отъ пашей, цензоровъ и цѣлой орды беевъ, кади, каймакамовъ, ходжей и софтъ, изъ которыхъ каждый считалъ себя вправѣ совать свой невѣжественный носъ въ литературное дѣло гяуровъ. Нигдѣ, кромѣ Константинополя и Рущука, болгаре не имѣютъ права заводить типографіи. Приходится печатать заграницей—а легко ли это? удобно ли и полезно ли для народа, когда за книгой, изданной заграницей, паши и беи охотятся словно за хищными звѣрями. И при всемъ томъ болгарская литература имѣетъ великое будущее и смѣло

можетъ сулить такое же великое будущее своему пяти-шести-милліонному народу.

Несмотря на то, что, какъ мы замѣтили выше, возрожденіе болгарскаго народа началось буквально на нашихъ глазахъ, въ сороковыхъ-пятидесятыхъ годахъ, народъ этотъ имѣетъ уже право гордиться передъ цѣлой Европой именами нѣкоторыхъ изъ своихъ литературныхъ дѣятелей. Не говоря уже о тѣхъ, имена которыхъ мы упомянемъ выше, укажемъ на нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ болгарскихъ писателей.

Самымъ замѣчательнымъ и самымъ популярнымъ изъ современныхъ болгарскихъ публицистовъ можно считать Петка Славейкова, родившагося около 1825 года. Это—болгарскій Гейне и Бёрне вмѣстѣ, по силѣ и меткости юмора въ его политическо-сатирическихъ произведеніяхъ. Самая жизнь Славейкова представляетъ своего рода поучительную Одиссею. Славейковъ—самоучка, дитя народа, а теперь его учитель и любимецъ. Долго странствуя по разнымъ угламъ Турціи, учительствуя то тамъ, то здѣсь и тѣмъ добывая себѣ скромный кусокъ хлѣба, онъ въ первый разъ заработалъ себѣ литературное имя изданіемъ заграницей, въ Букарештѣ, въ 1852 г., сборника стихотвореній подъ названіемъ «Смѣсни кытка», и басенъ («Басненикъ»), которыя имѣли громадный успѣхъ во всей Болгаріи; молодое поколѣніе учило произведенія Славейкова наизусть, декламируя и распѣвая его басни и пѣсни и дѣлая имя ихъ автора безсмертнымъ. Главная сила таланта этого писателя—неподдѣльный юморъ, воспитанный на народной почвѣ и народнымъ духомъ пропитанный. Ядовитая сатира его метко и безпощадно бичевала враговъ болгарской народности, особенно же фанаріотовъ. Произведеніе Славейкова знаетъ каждый грамотный болгаринъ. Въ 1854 году явилась въ Константинополѣ его знаменитая въ болгарскомъ мірѣ «Веселушка». Славейковъ—одинъ изъ самыхъ неустанныхъ работниковъ. Онъ написалъ цѣлыя массы произведеній самаго разнообразнаго характера—сочиненія филологическія, историческія, землеописательныя и др.; онъ записывалъ народныя пѣсни, пословицы, обычаи. Это—пантографъ, который писалъ обо всемъ, безпрестанно переходя изъ одной области въ другую и вездѣ оставляя слѣды своего несомнѣннаго таланта. Его упрекаютъ въ разбросанности, непослѣдовательности, парадоксальности; все это, можетъ быть, правда; но это — все-таки, такая живая сила, которая призываетъ къ жизни и дѣятельности пробуждающійся народъ, вливаетъ въ него живую кровь, шевелитъ его мысль, волнуетъ, тревожитъ, учитъ, печалитъ и радуетъ.

Въ числѣ болгарскихъ баснописцевъ, послѣ Славейкова, стоятъ Найденъ Геровъ, получившій образованіе у насъ, въ Россіи (въ Одессѣ) и Райко Жинзифовъ, студентъ московскаго университета, нынѣ профессоръ катковскаго лицея. Онъ издалъ въ Москвѣ, въ 1863 г., болгарскій сборникъ («Новобългарски сбирки»), въ

которомъ помѣстилъ переводы «Слова о полку Игоря», «Краледворской рукописи» и «Кобзаря» Шевченка.

Что касается собранія болгарскихъ народныхъ пѣсенъ, то въ этомъ отношеніи болгаре сдѣлали необыкновенно много въ самое короткое время. Такъ, за Венелинымъ выступили слѣдующіе издатели болгарскихъ пѣсенъ: Вукъ Караджичъ, за нимъ Богоевъ въ Пештѣ 1842 г., Григоровичъ въ Загребскомъ «Коло» 1847 г., Геровъ и Палаузовъ въ «Памятникахъ» Срезневскаго, въ Петербургѣ 1852 г., Безсоновъ въ Москвѣ въ 1855 г., Верковичъ въ Бѣлградѣ 1860 г., несчастные братья Миладиновы въ Загребѣ 1861 г., Каравеловъ въ Москвѣ 1861 г., Чолаковъ въ Болградѣ 1872 г., Огюстъ Дозонъ въ Парижѣ 1875 г. Затѣмъ множество пѣсенъ разсѣяно въ разныхъ журналахъ—въ «Болгарскомъ Орлѣ», въ «Цареградскомъ Вѣстникѣ», «Болгарскихъ книжицахъ», «Общемъ Трудѣ», «Періодическомъ списаніи» и т. д.

Изъ беллетристовъ болгарскихъ извѣстны — Любенъ Каравеловъ, воспитанникъ московскаго университета, и Василій Друмевъ.

Драматическіе писатели—Сава Доброплодный, Добрьо Поповъ, Войниковъ, Ѳеодосій Икономовъ, Финговъ, Шишковъ, Станчевъ, Шишмановъ, Величковъ, Владыкинъ и др.

Не перечисляемъ произведеній всѣхъ этихъ писателей, даже не упоминаемъ многихъ именъ, потому что это было бы утомительно; мы заявляемъ только фактъ, свидѣтельствующій о богатствѣ болгарской литературы, о ея разнообразіи. Столько журналовъ, столько литературныхъ силъ, такая масса произведеній и въ такой короткій промежутокъ времени, притомъ послѣ того когда только въ 20-хъ годахъ изданъ первый болгарскій букварь, это уже само собой—замѣчательное явленіе, которое ставитъ болгарскій народъ, по его даровитости, въ уровень съ старшими, исторически, народностями Европы. Около полустолѣтія назадъ, цивилизованные народы дружно привѣтствовали возрожденіе Эллады, тоже долго находившейся подъ турецкимъ гнетомъ; во имя этого возрожденія шли подъ турецкія пули такія свѣтлыя личности, какъ Байронъ, дѣлающій честь англійской націи. И что же мы теперь видимъ? Эта самая англійская нація безстыдно помогаетъ туркамъ добивать недобитую болгарскую народность, и лордъ Дизраэли, воспитавшійся, какъ писатель, на Байронѣ, позоритъ теперь имя этого воспитателя, позоритъ и безъ того опозоренную торгашествомъ родину свою, становясь во главѣ турецкихъ убійцъ, какъ ихъ оффиціальный *укрыватель*. Но объ этомъ—послѣ. А теперь возвратимся къ литературной дѣятельности возрождающейся Болгаріи.

Болгарская литература, кромѣ оригинальныхъ произведеній, успѣла уже обогатиться переводами лучшихъ сочиненій со всѣхъ почти европейскихъ языковъ. Между болгарскими переводчиками наиболѣе извѣстны—Михайловскій, бывшій студентъ московскаго

университета (болгаре считаютъ его лучшимъ своимъ стилистомъ), Димитрій Мутьевъ и сестра его Елена Мутьева, Нешо Бончовъ, переводчикъ «Тараса Бульбы» Гоголя и др.

Въ прочихъ отрасляхъ литературы стоятъ не менѣе достойныя имена. Знаменитый руководитель народнаго движенія, знакомый уже намъ Георгій Стойковъ Раковскій, получившій образованіе въ Константинополѣ, Аѳинахъ и Парижѣ, постоянно скитавшійся въ своей многотрудной и многодѣятельной жизни то по Турціи, то по Валахіи, по Австріи, Сербіи и Россіи, хайдуковавшій также на Балканахъ, постоянно преслѣдуемый то турецкими цензорами, какъ писатель, то турецкими пашами, какъ политическій агитаторъ, то турецкими низамами и баши-бузуками, какъ хайдукъ и хайдуцкій воевода—Раковскій въ 1857 г. издалъ свой знаменитый хайдуцкій эпосъ — «Горскій пѫтникъ», сдѣлавшійся любимымъ чтеніемъ болгаръ, а затѣмъ—въ 1859 г.—«Показалецъ или рѫководство», трактатъ о народной жизни, пѣсняхъ, обычаяхъ и т. д. Раковскій писалъ и историческія сочиненія, хотя не отличался солидностью записного ученаго.

За Раковскимъ слѣдуетъ Гавріилъ Кретьовичъ — ученикъ парижскихъ школъ, служившій потомъ каймакамомъ на островѣ Самосѣ, а нынѣ—членъ наивысшаго суда въ Константинополѣ; много написалъ сочиненій научныхъ, историческихъ, филологическихъ и политическихъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ извѣстный въ русской литературѣ Спиридонъ Палаузовъ, авторъ сочиненія «Вѣкъ болгарскаго царя Симеона» и множества другихъ, сынъ того Палаузова, который, вмѣстѣ съ Априловымъ, положилъ основаніе первой болгарской школѣ въ Габровѣ. За нимъ стоитъ Маринъ Дриновъ, студентъ московскаго университета; долго жилъ въ Европѣ, издалъ въ Прагѣ сочиненіе о Болгарахъ; нынѣ — профессоръ харьковскаго университета.

По литературѣ географіи извѣстно имя болгарскаго ученаго Степана Захаріева. По филологіи—Драганъ Цанковъ, нынѣ болгарскій цензоръ въ Константинополѣ; затѣмъ — Груевъ, Момчиловъ и Првановъ. Нельзя умолчать также объ одномъ изъ плодовитѣйшихъ болгарскихъ писателей—именно о Богоровѣ, который издавалъ журналы, народныя пѣсни, землеописанія, путешествія, грамматики, книги медицинскія, словари и проч. По школьной литературѣ и педагогикѣ наиболѣе извѣстны: Христо Дановъ, Манчевъ, Груевъ, Шишковъ, Радуловъ и др.

Опять-таки повторяемъ: это—только сухой остовъ того, чѣмъ заявила себя вставшая изъ историческаго гроба Болгарія въ 20—30 лѣтъ. Неужели же она встала за тѣмъ, чтобъ ее уложили въ этотъ страшный гробъ вторично и — навсегда? А похоже на то.

КОНГРЕССЪ ОРІЕНТАЛИСТОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ событіями на Балканскомъ Полуостровѣ до того болѣзненно натянутъ общественный нервъ всей русской земли и такъ всецѣло и лихорадочно поглощено этими событіями общественное вниманіе, что такое крупное явленіе, какъ конгрессъ оріенталистовъ, и, притомъ, именно въ данное время, когда на Балканскомъ Полуостровѣ ежедневно происходятъ кровавыя пренія другого конгресса оріенталистовъ подъ громъ пушекъ и подъ стоны раненыхъ и умирающихъ—этотъ петербургскій конгрессъ прошелъ почти незамѣченнымъ. О немъ поговорили въ газетахъ, но то, что̀ говорилось въ нихъ, почти незамѣчено публикой, которая жадно ищетъ *только однихъ* свѣдѣній въ газетахъ—о балканскихъ дѣлахъ, требуетъ *только одного* чтенія—о Сербіи, Болгаріи, Черногоріи, Босніи, Герцеговинѣ, Турціи; ищетъ на газетныхъ столбцахъ и на страницахъ журналовъ *только одни* имена — Черняева, Хорватовича, Чолакантича, черногорскихъ героевъ, русскихъ удальцовъ, русскихъ женщинъ, идущихъ *туда*... О конгрессѣ потолковали люди, интересующіеся дѣлами Востока; сожалѣли, что, по разнымъ обстоятельствамъ, ожиданія многочисленныхъ гостей, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ свѣта и, въ особенности англичанъ, жаждавшихъ отъ русскихъ именно ученыхъ узнать много новаго о Востокѣ, объ этомъ злокачественномъ анѳраксѣ, вскочившемъ на затылкѣ всего цивилизованнаго міра—ожиданія эти были нѣсколько... обмануты... Однимъ словомъ, о конгрессѣ поговорили и—забыли.

А между тѣмъ, въ другое время, такое событіе, какъ конгрессъ оріенталистовъ, съ присутствіемъ притомъ на ономъ бразильскаго императора, какъ почетнаго члена и простого смертнаго, сидящаго рядомъ съ сотрудникомъ русскаго журнала, съ Анджело де-Губернатисъ или съ Оппертомъ—событіе это надолго поглотило бы вниманіе Россіи.

Ка̀къ бы то ни было, но самое открытіе конгресса и его обстановка до нѣкоторой степени отразили на себѣ подобіе той мысли, которая теперь поглотила вниманіе всѣхъ и каждаго. Эта мысль отразилась даже на внѣшности, на орнаментурѣ помѣщенія, гдѣ происходили засѣданія конгресса. Мысль эта яр-

ко и образно отразилась и въ починномъ словѣ, которымъ нашъ маститый оріенталистъ, В. В. Григорьевъ, привѣтствовалъ собраніе. Большой залъ университета и наружный фронтонъ его, какъ оповѣстили публику газеты, были украшены флагами, расположеніе которыхъ, конечно, случайно, было весьма удачное: къ русскимъ флагамъ примыкали съ одной стороны сѣвероамериканскіе, а съ другой—германскіе; турецкіе же флаги, отнесенные на другой конецъ зала, были окружены и поддерживались флагами англійскими. Залъ былъ убранъ зеленью. На особой полукруглой эстрадѣ сидѣло по правую руку шесть представителей разныхъ народностей Восточной Сибири, по лѣвую—шесть представителей Туркестана въ великолѣпныхъ національныхъ костюмахъ. За полукруглымъ столомъ возсѣдали члены организаціоннаго комитета, а напротивъ, на стульяхъ—члены конгресса. Публика помѣстилась за колоннами и на хорахъ. Въ числѣ членовъ конгресса нельзя было не замѣтить нашего посла въ Константинополѣ, генерал-адъютанта Игнатьева, бывшаго посланника тамъ же, а нынѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, князя Лобанова-Ростовскаго, товарища министра иностранныхъ дѣлъ, г. Гирса, турецкаго посла, на котораго жадно устремлены были взоры зрителей, только-что оторвавшихся отъ чтенія телеграммъ о другомъ конгрессѣ, кровавомъ... Много было профессоровъ и чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ; только академія наукъ, какъ замѣчаетъ «Новое Время», блистала отсутствіемъ, по причинамъ, какъ говорятъ, какихъ-то недоразумѣній. Очень характерными являлись фигуры турецкихъ делегатовъ: оба въ лентахъ и турецкихъ виц-мундирахъ, одинъ высокій и толстый—совершенный османли, другой—маленькій. Старшій изъ нихъ, Ахмедъ-Вефикъ-эффенди, былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ своей, столь нынѣ всѣхъ интересующей, странѣ... Министръ турецкаго народнаго просвѣщенія—какъ странно звучатъ для насъ эти слова!.. Общее вниманіе возбудило появленіе въ залѣ бразильскаго императора. Дом-Педро, по обыкновенію, вошелъ совершенно частнымъ человѣкомъ и сѣлъ на стулъ рядомъ съ другими членами конгресса, запросто разговаривая преимущественно съ Оппертомъ, французомъ, извѣстнымъ знатокомъ мессопотамскихъ древностей.

Засѣданіе открылось духовнымъ концертомъ, исполненнымъ архіерейскими пѣвчими. Затѣмъ, В. В. Григорьевъ, какъ предсѣдатель организаціоннаго бюро, обратился къ членамъ конгресса съ многознаменательною, въ виду всего совершающагося въ Европѣ и Азіи, рѣчью. «Текущее время, сказалъ ораторъ:—должно признаться, далеко неблагопріятно научнымъ занятіямъ: міры европейскій и азіатскій, обуреваемые политическими и религіозными страстями, находятся въ сильномъ волненіи; всюду кипитъ скрытое раздраженіе. Племя вооружается противъ племени, вѣра возстаетъ противъ вѣры, и въ мѣстностяхъ, гдѣ уже началась война, битва превращается въ бойню. Печальное зрѣлище,

доказывающее, что отъ насъ еще очень далеко то благословенное будущее, когда все человѣчество будетъ единымъ стадомъ единаго пастыря. Не должно, однакожъ, отчаяваться въ этомъ благословенномъ будущемъ. Даже теперь, среди разъяреннаго моря разнузданныхъ страстей, есть одно спокойное убѣжище, куда не смѣютъ проникать страсти—убѣжище, дающее намъ утѣшительную надежду на болѣе счастливую судьбу. Это убѣжище—наука, и въ этомъ у насъ передъ глазами блестящее доказательство: въ этомъ залѣ представители нѣсколькихъ соперничествующихъ народностей смѣшиваются въ братскомъ обществѣ, имѣющемъ одну, равно дорогую для всѣхъ цѣль—исканіе истины, и употребляющемъ для ея достиженія одно оружіе—мирный усидчивый трудъ, «die langsam schafft, doch nie zerstört», какъ сказалъ великій нѣмецкій поэтъ. Итакъ, милостивые государи, мы почитаемъ за счастье встрѣтить васъ, какъ возлюбленныхъ братьевъ. Мы привѣтствуемъ, господа, вашъ пріѣздъ, какъ одно изъ самыхъ утѣшительныхъ для человѣчества предзнаменованій. Сердечно благодаримъ васъ за труды, понесенные вами на пути въ наше отдаленное отечество, и надѣемся, что на мирныхъ берегахъ Невы наши пренія и научныя состязанія будутъ имѣть своимъ результатомъ лишь бо̀льшее скрѣпленіе благородныхъ узъ, соединяющихъ всѣ умы, преданные исканію истины (*рукоплесканіе*). Зданіе, подъ кровомъ котораго мы собрались, есть одно изъ древнѣйшихъ въ Петербургѣ: оно сооружено, можно сказать, собственными руками Петра Великаго, создателя современной Россіи. Надъ нами паритъ священная тѣнь великаго государя, который ввелъ насъ въ великую семью западныхъ народовъ, впервые положилъ въ насъ основы европейской культуры и питалъ къ наукѣ столь великое и столь искренное уваженіе, что на основаніи только одной науки онъ желалъ утвердить величіе и благосостояніе Россіи. Начнемъ же наши труды подъ этими добрыми предзнаменованіями, и тогда эти труды останутся не безплодными для науки и небезполезными для человѣчества».

Дѣйствительно, собраніе иностранныхъ ученыхъ оказалось значительнымъ—почти всѣ страны выслали своихъ представителей на конгрессъ мира и науки, подобно тому, какъ почти всѣ страны дали своихъ представителей на другой конгрессъ—на конгрессъ кровавой расправы во имя свободы. И замѣчательно: въ войскахъ воюющихъ славянъ вы всего болѣе встрѣтите русскихъ лицъ, услышите русскія слова̀—эти благородные волонтеры русской земли; здѣсь же, на конгрессѣ науки, первое мѣсто осталось за представителями отъ Англіи—ихъ явилось около двадцати человѣкъ. Изъ числа англійскихъ делегатовъ указываютъ, какъ на болѣе извѣстныя въ ученомъ мірѣ личности—на гг. Райта (Wright), делегата отъ кэмбриджскаго университета, первоклассного знатока арабской и сирійской словесности; Ченери (Chenery), делегата отъ оксфордскаго университета, профессора

еврейскаго языка, и Дуглэса (Douglas), профессора китайскаго языка въ лондонскомъ университетѣ. Изъ Франціи, въ числѣ прочихъ, прибыли: г. Оппертъ, знаменитый своими замѣчательными открытіями въ ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ; г. де-Рони (de-Rosny)—извѣстный знатокъ японской литературы и бывшій предсѣдатель перваго международнаго съѣзда оріенталистовъ въ Парижѣ, г. Деранбургъ (Derenbourg), профессоръ арабскаго языка, г. Шеферъ и др. Знаменитый Ренанъ, столь популярный у насъ въ Россіи, увѣдомилъ письмомъ, что, вопреки своему горячему желанію принять участіе въ занятіяхъ съѣзда, онъ не можетъ пріѣхать въ Петербургъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Изъ Германской Имперіи прибыли профессора: Захау (Sachau), делегатъ отъ правительства, и извѣстный нумизматъ Штикель (Stickel), делегатъ отъ Саксен-Веймара. Изъ прочихъ странъ наиболѣе извѣстныя личности: изъ Турціи—Ахмедъ-Вефикъ-эффенди, о которомъ мы уже упомянули выше; изъ Лейдена—профессоръ Дегуйе (Degoeje), отличный знатокъ арабской литературы; изъ Флоренціи—Анджелло де-Губернатисъ (Angello de-Gubernatis), тоже извѣстный въ Россіи, какъ писатель и сотрудникъ русскихъ журналовъ; изъ Копенгагена—профессоръ Меренъ (Mehren), и многіе другіе. Бразильскій императоръ дом-Педро принялъ предложенное ему званіе почетнаго члена съѣзда по кавказскому отдѣлу. Въ Россіи избрано въ почетные члены 23 лица, въ числѣ которыхъ были гг. министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и финансовъ, посолъ въ Константинополѣ, генералъ Н. П. Игнатьевъ, туркестанскій генерал-губернаторъ, К. П. фон-Кауфманъ, генерал-губернаторъ западной Сибири, Н. Г. Казнаковъ, президентъ академіи наукъ, графъ Литке, попечитель здѣшняго учебнаго округа, князь Ливенъ, товарищи министровъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, ректоръ здѣшняго университета П. Г. Рѣдкинъ и другіе.

Согласно выработанной, года за два до конгресса, программѣ, членамъ съѣзда предложено было на совокупное рѣшеніе 38 вопросовъ, научная область которыхъ исключительно ограничена Востокомъ, его историческими судьбами, развитіемъ и проч. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, не уклоняясь отъ задачи, касаются общечеловѣческой области и прямо относятся къ философіи исторіи. Въ основу нѣкоторыхъ вопросовъ положены глубокія историческія задачи, что дѣлаетъ честь организаціоннымъ трудамъ преимущественно русскихъ оріенталистовъ. Такъ, напр., первый вопросъ гласитъ: «Историческіе источники свидѣтельствуютъ, что Сибирь постоянно, въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ, высылала въ Среднюю Азію народъ за народомъ: какія обстоятельства содѣйствовали тамъ расположенію народонаселенія, и почему, съ завоеваніемъ нами Сибири, распложеніе это и выселеніе оттуда прекратились?» Подъ 3-мъ № поставленъ вопросъ: «Мы видимъ, что почти каждый основатель новой степной монархіи

въ Средней Азіи даетъ подданнымъ своимъ кодексъ законовъ: какія были тому причины, при извѣстномъ однообразіи степныхъ обычаевъ и образа жизни, и съ какою цѣлью дѣлались такія кодификаціи?» Другіе вопросы имѣютъ непосредственное отношеніе къ древнѣйшей, дорюриковской исторіи Россіи, какъ напр. вопросъ 15-й. «Какія именно обстоятельства прекратили вдругъ, въ началѣ XI вѣка, торговлю между мусульманскимъ Востокомъ и сѣверною Европою—торговлю, процвѣтавшую постоянно въ теченіе VII—X столѣтій?» По этому вопросу мы едва ли не безошибочно догадываемся, что онъ принадлежитъ лично г. предсѣдателю организаціоннаго комитета, В. В. Григорьеву, и имъ собственно внесенъ въ программу конгресса. Читатели «Отечественныхъ Записокъ» усмотрятъ этотъ вопросъ въ другой статьѣ настоящей книжки нашего журнала, именно въ статьѣ «Россія и Азія», составленной по поводу сборника этого же заглавія—сборника, принадлежащаго г. Григорьеву. Нельзя не согласиться, что вопросъ, подобный этому, имѣетъ нетолько для Россіи, но и для всей Европы глубокое историческое значеніе. Мы, лично, рѣшили этотъ вопросъ тѣмъ, что признали прекращеніе торговли Россіи съ Востокомъ и Западомъ вслѣдъ за приходомъ къ намъ варяговъ съ ихъ порядками—именно этимъ приходомъ и этими порядками. Варяги превратили мирную страну въ арену для своихъ воинственныхъ упражненій, и систематическая латронизація, положенная въ основу кодекса государственной жизни, задавила надолго всякое проявленіе производительныхъ силъ страны, сдѣлавъ ее и небезопасною для сосѣдей и непривлекательною. Какъ этотъ вопросъ рѣшенъ конгрессомъ и рѣшенъ ли съ достаточной удовлетворительностью—объ этомъ свѣдѣній пока не имѣется. Затѣмъ есть вопросы, имѣющіе отчасти отношенія къ предыдущему, отчасти же къ исторіи прибалтійскихъ славянъ, нынѣ окончательно проглоченныхъ всеядными нѣмцами. Одинъ изъ нихъ, 23-й, гласитъ: «Откуда могъ заимствовать Эль-Бирутъ (арабскій писатель первой половины XI вѣка) свѣдѣнія свои о Варяжскомъ Морѣ, о которомъ упоминаетъ онъ первый изъ арабскихъ авторовъ?» Другой, 24-й вопросъ, ставитъ задачей конгрессу слѣдующее: «У извѣстнаго географа арабскаго Эль-Бокри († 1094), въ объемистомъ сочиненіи его «О странахъ и дорогахъ», находимъ любопытныя извѣстія, передаваемыя со словъ Ибрагима Ибн Якуба, еврея, жившаго, повидимому, въ концѣ X вѣка: не встрѣчается ли какихъ либо свѣдѣній объ этой послѣдней личности въ средневѣковой литературѣ еврейской или западныхъ арабовъ?»—А вотъ вопросы еще болѣе широкіе, т. е. менѣе спеціальные. Вопросъ 2-й: «Шаманизмъ, господствующій до сихъ поръ между инородцами Сибири, не обращенными еще въ христіанство, у всѣхъ ли нихъ одинаковъ, или представляетъ особенности, смотря по тому, къ какой этнографической семьѣ принадлежатъ эти инородцы?» Вопросъ 19-й: «Съ которыхъ поръ народы, причисляемые

къ туранскому племени, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова— стали занимать пространства Средней Азіи на югъ отъ Тянь-Шаня? Не заселяли ли до того этихъ пространствъ исключительно народы индоевропейской семьи, предки кельтовъ, германцевъ, славянъ и т. д.?»

Наконецъ, современное, чисто-практическое значеніе можетъ имѣть вопросъ 26-й, который гласитъ: «Съ тѣхъ поръ какъ начали въ Европѣ заниматься исторіею арабовъ, повторяется всѣми, что стимуломъ къ завоеваніямъ, совершеннымъ ими въ первые времена ислама, служилъ религіозный фанатизмъ: вѣрно ли это, и не была ли скорѣе этимъ стимуломъ возбужденная лишь мусульманскою проповѣдью жажда къ грабежу и добычѣ, свойственная всѣмъ вообще кочевникамъ?» Въ самомъ дѣлѣ, современныя событія на Балканскомъ Полуостровѣ, нескончаемая рѣзня въ Босніи, Герцеговинѣ и особенно въ Болгаріи, какъ извѣстно, тоже объясняются почти исключительно разгаромъ религіознаго фанатизма, взбудораживщаго и безъ того кровавый темпераментъ азіатскихъ выродковъ, слѣпою исторіею занесенныхъ въ Европу и посаженныхъ на шею беззащитнымъ пасынкамъ псевдоцивилизованной Европы, славянамъ. Всѣ почти одинаковаго мнѣнія, что въ этой рѣзнѣ повинны разнуздавшіяся познія мусульманскаго пророка, покойнаго Мухамеда, завѣщавшаго, какъ основу религіи, истребленіе невѣрныхъ. Но это едва ли справедливо, а, если и справедливо, то только отчасти. Вотъ почти все, что говорится въ коранѣ относительно «священной войны», войны съ невѣрными: въ § 186 своего законоположенія Мухамедъ провозглашаетъ: «Сражайтесь на пути Божіемъ противъ тѣхъ, которые нападаютъ на васъ. Но не поступайте несправедливо, нападая на нихъ первыми, ибо Богъ не любитъ несправедливости». Законъ этотъ достаточно гуманенъ даже съ современной точки зрѣнія. Только слѣдующій § нѣсколько жестче перваго и можетъ быть истолкованъ правовѣрными въ пользу обязательнаго и поголовнаго истребленія невѣрныхъ. Такъ, § 187 гласитъ: «Убивайте ихъ (невѣрныхъ) вездѣ, гдѣ ни найдете, и гоните ихъ, откуда они васъ выгнали. Искушеніе идолочестія хуже, чѣмъ военная сѣча. Не сражайтесь съ ними около дома молитвы (а французскій и германскій консулы растерзаны въ Салоникахъ не только около дома молитвы, но въ самомъ домѣ, въ мечети—вотъ вамъ и коранъ! Вотъ вамъ и священная война по закону пророка!), если только не нападутъ на васъ (консулы не нападали ни на кого). Если они это сдѣлаютъ, убивайте ихъ. Таково возмездіе невѣрныхъ». Наконецъ § 189 тоже гласитъ нѣсколько въ пользу нетерпимости: «Сражайтесь съ ними, покуда не будете страшится искушенія и поклоненіе будетъ только единому Богу. Если они положатъ конецъ своимъ дѣламъ, тогда прочь вражду, кромѣ только злыхъ». (Коранъ Магомета. Съ арабскаго на франц. пер. Казимирскій, съ франц. на рус.—К. Николаевъ. Москва 1864). Ясно, что фанатическія [illegible]

и софтъ могутъ имѣть почву въ народномъ міровоззрѣніи для разжиганія страстей. Ясно, что и зеленое знамя пророка—этотъ кровавый историческій лоскутъ—тоже можетъ до нѣкоторой степени играть роль національно-религіознаго конфортатива; но стимулъ болѣе живучій и разжигающій страсти, стимулъ практическій это — восточная жажда грабежа. Недаромъ бѣдную Болгарію перетряхивали по два и по три раза въ одинъ мѣсяцъ, не потому, что *не всѣ* были побиты (живыхъ уже никого не оставалось по нѣкоторымъ опустошеннымъ селамъ), а потому, что *не все* было пограблено.

Впрочемъ, мы нѣсколько уклонились отъ своего предмета. Да и не удивительно: теперь кто бы о чемъ ни заговорилъ, неизбѣжно свернетъ на славянское дѣло—такъ ѣдокъ для всѣхъ честныхъ глазъ дымъ, распущенный по всему міру отъ сожигаемыхъ славянскихъ селъ и городовъ, такъ ѣдокъ, что отъ этого дыму невольно плачется и невольно думается: «а что-же *тамъ-то*? каково *имъ*, еще недобитымъ и недорѣзаннымъ?»

Но возвратимся къ конгрессу. Выше мы сказали, что открытіе занятій почтено было рѣчью В. В. Григорьева. Ему отвѣчалъ французскій делегатъ г. Шеферъ, который въ краткой рѣчи напомнилъ присутствовавшимъ о постоянной щедрости русскаго правительства къ распространенію знаній вообще и изученію Востока въ особенности. Затѣмъ баронъ Остен Сакенъ прочелъ докладъ организаціонной комиссіи о ея подготовительныхъ работахъ, о собраніи къ конгрессу книгъ, картъ и монетъ, касающихся востока, наконецъ, о программѣ занятій конгресса и проч. Замѣчательно, что почти въ самомъ началѣ преній и сообщеній членовъ конгресса, несмотря на руководящую рѣчь г. Григорьева, что на конгрессъ, въ это убѣжище науки и мира, не могутъ проникнуть отголоски криковъ, волнующихъ теперь міры европейскій и азіатскій, отголоски эти не могли не долетѣть до слуха ученыхъ оріенталистовъ, хотя въ самой благородной, примиряющей интонаціи. Въ числѣ англійскихъ делегатовъ на конгрессѣ находился профессоръ Лонгъ, *изъ Индіи*, *изъ Калькутты*. Какъ бы въ подтвержденіе словъ г. Григорьева, г. Лонгъ далъ почувствовать слушателямъ, что, несмотря на рѣзню на Балканскомъ Полуостровѣ—рѣзню, до нѣкоторой степени гарантированную англійскимъ правительствомъ, несмотря на сожженіе османлисами до тла городовъ славянскихъ, сдираніе кожи съ живыхъ славянъ, отрѣзываніе рукъ, украшенныхъ и какъ бы освященныхъ знаменемъ «Краснаго Креста», несмотря на все это, наука сдѣлаетъ свое спасительное дѣло, и Россія встрѣтится съ Англіею въ глубинѣ Азіи не при громѣ пушекъ, не въ кровавой враждѣ, а дружно, какъ два ученые на конгрессѣ. Г. Лонгъ прочелъ записку, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ, по словамъ «Правительственнаго Вѣстника» (№ 188): «Русскіе и англійскіе члены конгресса принадлежатъ къ одному и тому же племени (арійскому), пересе-

лившемуся пять тысячъ лѣтъ тому назадъ изъ Средней Азіи въ Европу и Индію. Послѣ одновременнаго почти основанія *Петербурга и Калькутты*, границы русскихъ и британскихъ владѣній въ Азіи постепенно сближались, и въ настоящее время, *къ счастью человѣчества*, онѣ уже находятся не болѣе какъ миляхъ въ 300 другъ отъ друга. Г. Лонгъ выразилъ горячее желаніе, чтобы общность происхожденія и интересовъ обоихъ народовъ возбудила между ними соперничество только въ распространеніи мира и христіанской вѣры въ странахъ, бывшихъ колыбелью ихъ арійскихъ предковъ». Дà, дѣйствительно, нельзя не пожелать, чтобы это сближеніе нашихъ и англійскихъ границъ было «къ счастью человѣчества»: вѣдь, теперь мы придвинулись къ Англіи на такое разстояніе, на какомъ находится Тверь отъ Петербурга, если еще не ближе. Не касаясь спеціально-ученыхъ вопросовъ, возбужденныхъ по этому поводу г. Лонгомъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ оригинальныхъ разъясненій г. Григорьева относительно народовъ арійскаго и туранскаго племени, потому собственно, что въ русской литературѣ такъ долго и упорно осмѣивалась извѣстная теорія г. Духинскаго о происхожденіи «москалей» (русскихъ сѣверной Россіи, а не южной) не отъ славянъ, а отъ туранцевъ—теорія, которою онъ, какъ политически огорченный полякъ, думалъ унизить русскій народъ. Думаемъ, что и г. Духинскій, и г. Товіанскій утѣшились бы нѣсколько въ своемъ политическомъ, вполнѣ понятномъ и заслуживающемъ сочувствія, огорченіи, еслибы услышали мнѣніе о туранцахъ нашего почтеннаго знатока Востока. По его мнѣнію, относительно происхожденія древняго населенія странъ, называемыхъ туранскими, можно заключить изъ китайскихъ источниковъ, которые говорятъ, что древніе жители Хивы, Бухары, Кокана и Восточнаго Туркестана принадлежали къ арійскому племени, и вопросъ только въ томъ—къ какой индоевропейской народности слѣдуетъ отнести ихъ? По мнѣнію г. Григорьева, туранцы были предки славянъ, германцевъ и литовцевъ; но зато они же, туранцы — предки и Мицкевича, и г. Духинскаго, если онъ—литовскій полякъ, и даже Байрона съ Шекспиромъ. Такъ, настоящая наука разбиваетъ иногда крѣпко засѣвшіе въ общественную мысль предразсудки. Вотъ, напримѣръ, хотя бы относительно старѣйшаго изъ нашихъ общественныхъ предразсудковъ, будто бы «кавказское племя» дало человѣчеству совершеннѣйшій «типъ» въ краніологическомъ отношеніи, наука имѣетъ свое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ образованной черни. Тотъ же знатокъ Востока, г. Григорьевъ, разъяснялъ этой черни, что выраженіе «кавказское племя», весьма распространенное въ этнографіи, благодаря отцу этой науки, Блюменбаху, подало поводъ къ ошибочному мнѣнію, что народы, принадлежащіе къ такъ называемому кавказскому племени, вышли съ Кавказа; что, между тѣмъ, Блюменбахъ избралъ это названіе потому, что самый совершенный типъ этого племени въ

его краніологической коллекціи былъ представляемъ *черепомъ одной черкешенки*. «Кавказъ (добавилъ при этомъ почтенный оріенталистъ въ назиданіе образованной черни) никогда не могъ быть колыбелью народа, ибо въ горахъ ищутъ убѣжища только народности угнетаемыя. По этой причинѣ, именно въ горахъ и слѣдуетъ искать слѣдовъ племенъ исчезающихъ. Для примѣра можно указать на албанцевъ и басковъ». Слова эти, намъ кажется, разбиваютъ иллюзіи профессора Драгоманова, который, въ «Вѣстникѣ Европы», возлагалъ неосновательныя надежды на современное кельтское и провансальское уваженіе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побиваютъ казанскихъ литераторовъ-обывателей, которые, издавъ «Первый шагъ» на пораженіе и посрамленіе петербургской печати, вообразили, что они—совершеннѣйшій типъ литераторовъ, потому только, что живутъ на Лядской Горѣ, подобно тому, какъ открытые г. Щедринымъ на вершинахъ человѣческой глупости горные народы—крутогорцы—считали себя солью русской земли.

Въ русской литературѣ, какъ извѣстно, неоднократно стояли на очереди вопросы о національности въ политикѣ, о національности въ наукѣ, въ литературѣ и т. д. На принципѣ національности, какъ на струнѣ Паганини, разыгрывалось очень многое. На принципѣ національности, повидимому, игралъ и Бисмаркъ, сажая на національнаго коня всю Германію и отнимая у Франціи Эльзасъ и Лотарингію; до сихъ поръ онъ не перестаетъ вонзать въ бока Германіи національныя шпоры и скакать на послушномъ конѣ куда ему угодно; во имя принципа національности, нѣмцы отказались даже отъ свободы, какъ воспитанники юнкерскаго училища отказались отъ третьяго блюда во имя славянъ; на принципѣ національности и свободы игралъ въ свое время и Гарибальди, снимая свою родину, «аппенинскій сапогъ», съ чужой ноги и надѣвая его на ногу объединенной Италіи; національная струна, туго натянутая турецкими жестокостями, громко звучитъ нынѣ во всемъ славянскомъ мірѣ. Въ литературѣ принципъ національности также заявлялъ свои права̀; но заявленія эти шли немножко вразрѣзъ съ принципомъ національности въ политикѣ: въ этой послѣдней области принципъ національности требовалъ объединенія—объединенія саксонцевъ, баварцевъ и виртембергцевъ съ пруссаками, миланцевъ, неаполитанцевъ и венеціанцевъ съ римлянами, малороссіянъ съ великороссіянами и прочими славянами; въ литературѣ же принципъ національности претендовалъ на самостоятельную роль каждой національной нетолько единицы, но и пол-единицы, даже четверти и осьмушки единицы—и оттого провансальцы потребовали своей литературы, латыши—своей, зыряне—своей, малороссіяне—и подавно своей. Въ спорѣ объ этомъ предметѣ печать раздѣлилась на-двое: одни стояли за крайній партикуляризмъ, за крайнюю національность, за такъ называемый укоризненно «сепаратизмъ», который даже былъ очерненъ до степени измѣ-

ны государству; другіе благоразумно замѣчали, что, хотя желательно самостоятельное и свободное развитіе всякаго языка и созданіе всякихъ литературъ, но лучше было бы, еслибы силы печати этимъ дробленіемъ не размѣнивались на мелочь, на мѣдные пятаки, что было бы легче человѣчеству жить, еслибъ между отдѣльными человѣческими групами меньше стояло перегородокъ и шлагбаумовъ въ родѣ разныхъ языковъ, нарѣчій, подрѣчій, и что объединеніе человѣчества, въ концѣ концовъ, должно совершиться чрезъ снятіе этихъ шлагбаумовъ. Сколько намъ помнится, нашъ уважаемый сотрудникъ А. М. Скабичевскій высказалъ даже въ этомъ отношеніи глубокую мысль, показавшуюся нѣкоторымъ слишкомъ дерзкою, о возможности въ будущемъ такого объединенія человѣчества, когда не должно будетъ существовать ни перегородокъ физическихъ, ни шлагбаумовъ духовныхъ, ни даже того, что мы называемъ національностями. На г. Скабичевскаго за это многіе ученые мужи посѣтовали, хотя мы, простые смертные, и сочувствовали мысли нашего сотрудника о снятіи въ будущемъ всякихъ шлагбаумовъ. Теперь намъ приходится порадоваться хотя тому, что такое собраніе ученыхъ мужей, какъ конгрессъ оріенталистовъ, признало неудобство существованія національныхъ шлагбаумовъ и не знало, какъ проходить подъ ними въ широкія врата, ведущія въ храмъ науки.

Читателямъ, можетъ быть, неизвѣстно, что, по 16-й статьѣ окончательнаго устава конгресса, всѣ словесныя сообщенія на конгрессѣ могутъ быть дѣлаемы только на двухъ языкахъ—на французскомъ и на языкѣ той страны, въ которой собрался конгрессъ. «Правительственный Вѣстникъ» замѣчаетъ по этому поводу, въ извѣщеніяхъ своихъ о ходѣ занятій конгресса, что «неудобства такого постановленія не замедлили обнаружиться на первомъ же засѣданіи», вслѣдствіе чего, по предложенію г. Григорьева, большинство собранія высказалось за допущеніе на третьей сессіи всѣхъ другихъ языковъ, сверхъ дозволенныхъ уставомъ русскаго и французскаго, и что, «только благодаря этому постановленію», профессоръ Лонгъ изъ Калькутты могъ прочесть свою записку (на англійскомъ языкѣ), о который мы упомянули выше. Тѣмъ не менѣе, несмотря и на это постановленіе, вызванное требованіями принципа національностей, случилось обстоятельство, совершенно неожиданное и всѣхъ немало изумившее, какъ сообщаетъ петербургскій кореспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», конечно, въ назиданіе врагамъ классицизма. Въ одномъ изъ засѣданій, говоритъ этотъ кореспондентъ, слово было предоставлено г. Лагусу, профессору гельсингфорскаго университета. «Когда онъ взошелъ на каѳедру, на многихъ лицахъ было написано любопытство, смѣшанное со страхомъ: ну, какъ онъ угоститъ насъ такимъ французскимъ языкомъ, который окажется непонятнымъ и французамъ. Смѣло, безъ тетрадки, г. Лагусъ начинаетъ рѣчь—по латыни: «Я пускаю въ дѣло ста-

рый международный языкъ, такъ какъ увѣренъ, что онъ и понятенъ, и дорогъ большей части моихъ почтенныхъ слушателей». Сильныя рукоплесканія... Когда онъ кончилъ и когда прекратились аплодисменты, президентъ, слегка улыбаясь, выразилъ на томъ же языкѣ референту благодарность конгресса за интересное сообщеніе. Снова рукоплесканія... Они еще не прекратились, какъ поднялся съ вице-президентскаго мѣста Штикель и на прекрасной латыни (какой я не слыхалъ въ Россіи со временъ покойнаго Клина) произнесъ небольшую рѣчь въ похвалу интернаціональному ученому языку, которымъ долженъ свободно владѣть всякій солидный ученый»... Оглушительныя рукоплесканія не прерывались, по крайней мѣрѣ, полторы минуты»... Ясно, что корреспондентъ придаетъ этому факту *свое*, классическое значеніе—и торжествуетъ. Мы, напротивъ, въ этомъ фактѣ видимъ совсѣмъ другое: онъ до очевидности обнаруживаетъ, какъ лучшіе выразители человѣческой мудрости, а за ними и выразители просвѣщенной черни, жадно ищутъ способовъ нравственнаго объединенія человѣчества — и, къ сожалѣнію, раздѣленные другъ отъ друга ширмами, перегородками, національными таможнями и государственными шлагбаумами, не находятъ его... Напротивъ, съ одной стороны, они видятъ осѣдланную Германію, съ другой — разутую Италію, съ третьей—обрѣзанную Францію, съ четвертой—отуреченную Англію, съ пятой—Сербію на турецкомъ вертелѣ, изрубленную въ котлеты Болгарію и т. д.—а объединенія никакого.

Въ настоящее время, трудно было бы сказать обстоятельно, какіе практическіе результаты для науки достигнуты петербургскимъ конгрессомъ оріенталистовъ, такъ какъ труды его еще не изданы, да едва ли и возможно было бы въ бѣглой журнальной замѣткѣ исполнить эту задачу. Цѣль нашей замѣтки—отвѣтить, насколько возможно, требованіямъ повседневнаго интереса, удовлетворить, такъ-сказать, предъявленные чеки по текущимъ счетамъ. Въ этомъ отношеніи, мы можемъ только сказать, что задача конгресса была широкая, и потому тѣмъ труднѣе было ея выполненіе. Данная сессія, главнымъ образомъ, посвящена была изученію «Русской Азіи», а именно Сибири, восточной и западной, русскимъ средне-азіатскимъ владѣніямъ, включая сюда же и независимыя государства такъ называемаго Узбекистана, потомъ — отдаленному Востоку—Японіи, Китаю, затѣмъ Индіи, далѣе Кавказу и Крыму, и, наконецъ — Закавказью. Намъ пришлось слышать не мало нареканій отъ спеціалистовъ Востока на русскихъ членовъ конгресса, которые, будто бы, недостаточно внимательно отнеслись къ столь серьёзной задачѣ, какъ предъявленіе всему ученому міру того, что сдѣлала русская наука для ознакомленія съ Азіею остальнаго міра, болѣе отдаленнаго отъ изучаемаго предмета, чѣмъ Россія; нѣкоторые члены не потрудились, будто бы, даже приготовить порядочныхъ рефератовъ къ засѣданіямъ и, вмѣсто новыхъ сообщеній, удивляли гостей, осо-

бенно англичанъ, представленіемъ старыхъ, давно извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ истинъ; работы по средней Азіи, которою особенно интересовались гости, были, будто бы, слабы; по Кавказу тоже не представлено ничего новаго, достойнаго вниманія. Насколько эти нареканія справедливы—мы не знаемъ, тѣмъ болѣе, что они раздавались со стороны оппозиціи и потому могли быть не безпристрастны. Съ этой стороны, вѣроятно, вышелъ и тотъ слухъ, который передалъ кореспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», будто бы, послѣ одного засѣданія, бразильскій императоръ, сидѣвшій рядомъ съ г. Анджело де-Губернатисъ, сказалъ этому послѣднему по-итальянски: «это—не засѣданіе, а позорище». Едва ли мы ошибемся, если допустимъ, что, несмотря на многозначительныя слова въ привѣтливенной рѣчи В. В. Григорьева—слова, которыми онъ доказывалъ, что, даже при данномъ столкновеніи міра европейскаго съ азіятскимъ, въ виду ужасной бойни, совершающейся на Балканскомъ Полуостровѣ—среди разъяреннаго моря разнузданныхъ страстей, *есть одно спокойное убѣжище, куда не смѣютъ проникать страсти*—убѣжище, дающее утѣшительную надежду на болѣе счастливую судьбу»—что, несмотря на это, «страсти» успѣли проникнуть и въ это убѣжище, и проникнуть, съ одной стороны, съ Востока, съ другой —съ самаго отдаленнаго Запада, изъ Англіи—и вотъ гдѣ источникъ нареканій на нашъ конгрессъ и на то, будто бы русская наука слишкомъ мало сдѣлала для Востока.

Что политическія страсти успѣли проникнуть всюду, можно судить хотя бы по слѣдующему эпизоду, разсказанному «С.-Петербургскими Вѣдомостями» въ № 241: «29-го августа, говоритъ эта газета, — офиціальные делегаты и иностранные члены конгресса оріенталистовъ были приглашены на обѣдъ въ императорскій царскосельскій дворецъ. Съ обѣда, въ 8 часовъ вечера, общество ученыхъ и [illegible] отправилось въ Павловскій садъ. Здѣсь вниманіе [illegible] было обращено на [illegible] съ делегатами [illegible] Андрея [illegible] [illegible]»

31-го августа, въ 2 часа пополудни, подъ предсѣдательствомъ В. В. Григорьева, происходило послѣднее заключительное засѣданіе международнаго конгресса. Въ этомъ засѣданіи состоялись слѣдующія рѣшенія:

1) Мѣстомъ слѣдующаго, четвертаго, конгресса избрана Италія, а именно городъ Флоренція, гдѣ имѣется восточный факультетъ. Въ предсѣдатели организаціоннаго комитета для будущаго конгресса избранъ извѣстный оріенталистъ и бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ Италіи, сенаторъ Микель Амари, а въ члены этого комитета — профессоры флорентинскаго восточнаго факультета.

Ко времени этого послѣдняго засѣданія получены были телеграммы отъ синдика города Флоренціи и отъ г. Амари объ ихъ согласіи на это рѣшеніе петербургскаго конгресса.

2) На членовъ бывшаго организаціоннаго комитета петербургскаго конгресса возложено веденіе дѣлъ этого учрежденія, какъ-то: издать труды третьяго конгресса, вступить въ сношенія съ итальянскимъ комитетомъ относительно устройства 4-го конгресса и т. п.

3) Принято предложеніе г. Терентьева, состоящее въ томъ, чтобъ конгрессъ ходатайствовалъ передъ русскимъ и великобританскимъ правительствами о взаимномъ дозволеніи всѣмъ подданнымъ каждой изъ означенныхъ державъ свободно и безъ всякаго ограниченія путешествовать по азіатскимъ владѣніямъ сосѣдней державы.

«Намъ кажется, замѣчаютъ по этому поводу «С.-Петербургскія Вѣдомости»:—что это ходатайство, которому можно будетъ придать политическій смыслъ, врядъ ли будетъ имѣть практическія послѣдствія». Почему же? Развѣ больше будетъ «практическихъ послѣдствій» отъ запрещенія путешествовать? Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ожидать запрещенія *всякихъ* путешествій, даже на воды въ Эмсъ...

4) Положено представить на разсмотрѣніе слѣдующаго конгресса предложеніе одного члена — дозволять дѣлать сообщенія въ засѣданіяхъ конгресса нетолько на французскомъ языкѣ и на языкѣ страны, гдѣ собирается конгрессъ, но также и на латинскомъ языкѣ.

Видно, что находчивость г. Лагуса имѣла серьёзныя послѣдствія—и мертвый языкъ становится международнымъ... Странно... А впрочемъ, что̀ же тутъ страннаго? Можетъ быть, будущій общечеловѣческій объединенный языкъ, будущій панглотъ, и будетъ мертвый по отношенію къ языкамъ національныхъ особей...

5) Рѣшено ходатайствовать отъ имени конгресса предъ русскимъ правительствомъ о матеріальной поддержкѣ изданія въ свѣтъ сочиненія арабскаго историка Табари, которое предпринято голландскимъ ученымъ Дегуйе.

А отчего бы голландскому правительству не издать Табари на свой счетъ? Развѣ потому, что у Табари есть свѣдѣнія о

древне-русской исторіи, а относительно Голландіи, тогда еще не существовавшей, ничего нѣтъ?

Наконецъ, въ этомъ засѣданіи, разными иностранными членами конгресса произнесены были благодарственныя рѣчи, относившіяся къ Россіи, къ русскимъ членамъ конгресса и къ организаціонному комитету за гостепріимство и за радушіе. Всѣ эти рѣчи покрыты были шумными рукоплесканіями.

Въ заключеніе всего, должно сказать, что настоящій конгрессъ имѣлъ вообще многозначительное значеніе. Онъ осязательно доказалъ, что Востокъ, этотъ вѣчный міровой сфинксъ (какъ онъ названъ въ статьѣ «Россія и Азія», въ настоящей книгѣ «Отечественныхъ Записокъ»), дѣйствительно задаетъ Западу роковые вопросы вотъ уже въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій и, вѣроятно, будетъ задавать ихъ долго, судя по событіямъ на Балканскомъ Полуостровѣ. Что Западъ чуетъ силу роковыхъ вопросовъ Востока и стоитъ передъ нимъ въ положеніи Эдипа передъ страшныхъ классическихъ сфинксомъ, видно изъ того, что одновременно съ петербургскимъ конгрессомъ идетъ конгрессъ оріенталистовъ въ Марсели, который, какъ объявляетъ «Правительственный Вѣстникъ», именемъ г. Лессепса телеграфировалъ свой привѣтъ конгрессу петербургскому.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

[illegible]

[illegible]

ванія бюджета. Но повторенныя заявленія министра де-Марсэра нетолько не потерявшаго своего портфёля, а ставшаго, очевидно, болѣе сильнымъ послѣ того, какъ онъ связалъ честь и интересы маршала съ откровеннымъ его присоединеніемъ къ конституціи, были достаточны для того, чтобы успокоить всякія опасенія и утишить раздраженіе республиканцевъ. Такимъ образомъ, общія пренія о бюджетѣ, назначенныя заранѣе, запоздали, вслѣдствіе предшествовавшихъ компликацій, всего на всего на одни сутки и открылись 27-го іюля.

Предварительная финансовая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Гамбетты, раздѣлила свой трудъ на двѣ части: первую она посвятила разсмотрѣнію поступленій и расходовъ на 1877-й годъ, на основаніи министерскаго проекта, отступать отъ котораго оказалось невозможнымъ, не компрометируя общественнаго кредита и теченія дѣлъ; вторую часть она посвятила изученію существующей фискальной системы, съ цѣлью введенія въ нее такихъ реформъ, какія окажутся впослѣдствіи возможными къ осуществленію. Общій докладъ о первой работѣ съ объясненіемъ измѣненій, введенныхъ комиссіею въ министерскій планъ—былъ прочитанъ. По плану предполагалось въ общемъ итогѣ: полученій 2.672.140,530 франковъ, расходовъ же 2.665.699,249 франковъ, стало быть излишекъ полученій составлялъ 7.241,276 франковъ. По выходѣ же изъ рукъ комиссіи и при подробномъ разсмотрѣніи каждой статьи прихода и расхода, проектъ этотъ представился въ такомъ видѣ:

Общая цифра полученій. . . . 2.664,493,130 франк.
» » расходовъ . . . 2.659,576,975 »

причемъ избытокъ полученій составилъ только 4.916,155 франк.

Такъ какъ палата, съ одной стороны, не представляла той настроенности, какую мы видѣли при обсужденіи послѣдняго бюджета версальскимъ собраніемъ, когда сотни и сотни милліоновъ утверждались почти безъ всякихъ преній, а съ другой стороны—новый порядокъ, требующій сенатскаго утвержденія бюджетныхъ законовъ, не позволялъ ей затягивать этихъ преній на все лѣто, то правительство взошло съ нею въ нѣкоторыя предварительныя соглашенія. Такъ, относительно полученій, раскладка которыхъ между плательщиками требуетъ содѣйствія генеральныхъ совѣтовъ, имѣющихъ быть собранными только въ концѣ августа, согласились получить на взиманіе ихъ прямое утвержденіе палаты. А именно, относительно четырехъ главныхъ статей прямого налога: поземельнаго, личнаго, имущественнаго и налога съ дверей и оконъ и, кромѣ того, пошлинъ за патенты и выдачу рентъ и пансіоновъ. Это разрѣшеніе и было получено 4-го августа почти безъ всякихъ преній.

Только бонапартистъ Кюнео д'Орнано сдѣлалъ вылазку противъ будущихъ реформъ, обѣщанныхъ республиканцами, сравнивъ ихъ съ вывѣской одного нормандскаго цирюльника: «Здѣсь будутъ брить даромъ... съ завтрашняго дня». Выходку его никто изъ

лѣвыхъ не удостоилъ возраженія, а министръ финансовъ Леонъ Сэ совершенно его уничтожилъ, указавъ, что правительствомъ нѣсколько недѣль тому назадъ, уже внесены два проекта, по поводу патентовъ и по поводу новой раскладки поземельнаго налога, принятіе которыхъ и составитъ собою начало тѣхъ реформъ, въ осуществленіе которыхъ ораторъ не вѣритъ.

Изъ бюджета расходовъ было рѣшено обсудить только статьи относящіяся къ народному образованію, военнымъ издержкамъ и вѣдомству изящныхъ искуствъ. По взаимному соглашенію администраціи и національныхъ представителей, обсужденіе остальныхъ статей отложено до добавочной сессіи, имѣющей быть въ ноябрѣ мѣсяцѣ, такъ чтобы обыкновенная сессія могла быть закрыта до 12-го августа.

Кромѣ того, было рѣшено, что подробныя обсужденія финансовой системы въ цѣломъ, будутъ отложены на 3 мѣсяца, когда внесется въ палату докладъ о необходимыхъ реформахъ, редакцію котораго Гамбетта принялъ на себя. Несмотря на это, по настоянію бонапартистовъ, обвинявшихъ республиканцевъ въ умышленномъ скрытіи своихъ плановъ относительно финансовъ, палата, объявившая общія пренія уже законченными, снова ихъ открыла, чтобы доставить Гентьенсу возможность высказаться въ защиту монархическихъ бюджетовъ вообще и бюджетовъ имперіи въ особенности, и произвести нападеніе на первый бюджетъ конституціонной республики, который, по его мнѣнію, слишкомъ отяготителенъ для плательщиковъ. Въ отвѣтъ на недоброжелательныя выходки противъ постояннаго увеличиванія расходовъ и на сѣтованія о невозможности будто бы никакихъ реформъ, поднялся со скамьи министровъ Леонъ Сэ: «На насъ жалуются, сказалъ онъ:—что нашъ бюджетъ слишкомъ высокъ и что мы не умѣемъ быть дешевымъ правительствомъ. Но правительство ничего не затрачивающее—утопія. Національныя правительства должны быть экономны, но не скаредны. Вся разница заключается здѣсь въ томъ, что когда нація управляется своими представителями, то вмѣсто того, чтобы бросать продуктъ налоговъ на удовлетвореніе фантазій, она употребляетъ его на полезныя затраты. Главное дѣло въ томъ, чтобы бюджетъ не былъ болѣе высокъ, чѣмъ это необходимо. Положимъ, нашъ бюджетъ тяжелъ для плательщиковъ, но по чьей же это винѣ? Не обязаны ли мы имперіи тяжестью въ 700 милліоновъ франковъ, которыми увеличился нашъ національный долгъ?

— Не имперіи, а правительству 4-го сентября и народной защиты, всѣмъ *крайнимъ*, которые спекулировали невзгодами Франціи! послышалось съ правой стороны.—Нѣтъ! вамъ, вашему седанскому императору и всѣмъ вашимъ *капитулярамъ*, отвѣчаютъ голоса слѣва и со скамьи членовъ комиссіи. Министръ финансовъ думаетъ прекратить шумъ и продолжать свою рѣчь, но справа слышатся смутные возгласы о необходимости поправки и извиненія. Тогда онъ самъ проникается негодованіемъ и,

едва президенту удается водворить молчаніе, повторяетъ снова бонапартистамъ, что они не имѣютъ никакого права требовать уменьшенія налоговъ, зная очень хорошо, какія тягости имперія завѣщала странѣ: «налоги, тяжесть которыхъ вы оплакиваете, суть отростки дерева, посаженнаго вашей войной!»

Послѣ попытки Гентьенса, старавшагося оскорбить Ваддингтона напоминаніемъ, что бо̀льшая часть реформъ, предлагаемыхъ имъ нынѣ, составляла предположенія Дюрюи, министръ народнаго просвѣщенія началъ свою рѣчь тѣмъ, что отдалъ должную похвалу своему предшественнику имперіалисту за основательность его взглядовъ и сказалъ при этомъ: «Если его дѣло приходится начинать сначала, то кто же виною этого, какъ не имперія, помѣшавшая его осуществленію?.. Первое правительство окончательной республики считаетъ за честь ознаменовать свое вступленіе на арену дѣятельности предложеніемъ общей реформы, имѣющей цѣлью широкое распространеніе образованія и повсюдное поднятіе уровня знаній, чтобы поставить Францію на первое мѣсто среди образованныхъ націй, на каковомъ пути онъ, министръ, и надѣется встрѣтить поддержку и сочувствіе палаты депутатовъ».

— Да̀, да̀, отвѣчаютъ ему на это сотни голосовъ, и энтузіазмъ становится громаднымъ, когда съ трибуны слышится слѣдующее заявленіе: «Правительство—говорю я это отъ имени всѣхъ моихъ товарищей такъ же, какъ и отъ имени президента республики—не затруднилось признать принципъ обязательности въ дѣлѣ первоначальнаго образованія».

Объяснивъ потомъ, ка̀къ значительно станетъ увеличиваться число школъ, ка̀къ учителя появятся даже въ самыхъ бѣдныхъ хижинахъ, ка̀къ образованіе сдѣлается доступнымъ каждому, а обязательность его будетъ импонирована мѣрами взысканій, министръ представляетъ перечень средствъ, которыя уже употребляются или, будутъ введены въ употребленіе при среднемъ и высшемъ образованіи, которымъ угрожаетъ клерикальная конкуренція. Правые молчатъ, а лѣвые производятъ спокойному оратору одну изъ такихъ овацій, какихъ обыкновенно удостоиваются только самые горячіе изъ трибуновъ оппозиціи.

Бюджетъ народнаго просвѣщенія послѣ своего увеличенія, достигнутаго стараніями министра Дюрюи, дошелъ въ 1870-мъ году едва до 24-хъ милліоновъ франковъ; до этого же времени онъ былъ на половину менѣе бюджета вѣроисповѣданій. Теперь же, хотя бюджетъ вѣроисповѣданій и представляетъ собою все еще цифру около 50 милліоновъ, такъ какъ сенатъ сдѣлалъ невозможной какую бы то ни было реформу въ религіозныхъ дѣлахъ, но зато, по крайней мѣрѣ, и бюджетъ по просвѣщенію достигнулъ почти того же уровня. Правительство просило 43 милліона, комиссія назначила нѣсколько болѣе 49-ти милліоновъ. Впродолженіи четырехъ засѣданій по этому поводу, палата представляла собой не часто повторящееся парламент-

свое зрѣлище: демократическое и либеральное большинство предлагало министру бóльшія суммы, чѣмъ онъ рѣшался принять изъ боязни стѣснить этимъ потребности своихъ товарищей и нарушить общее равновѣсіе. Всѣ многочисленныя поправки, предлагавшіяся депутатами, были въ пользу увеличенія бюджета, и министръ вынужденъ былъ отказываться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ чуть не со слезами на глазахъ.

Нечего и говорить, что ни одна изъ реакціонныхъ поправокъ не могла пройти.

Принципъ дароваго обязательнаго образованія, разумѣется, прошелъ вполнѣ, но необходимый для осуществленія на практикѣ этой системы кредитъ въ 900 тысячъ франковъ не могъ быть открытъ, хотя цифра эта и неособенно велика, принявъ во вниманіе, что во Франціи еще болѣе милліона дѣтей, не поступающихъ въ школы. Важно, однако-же, уже и то, что на пособія наиболѣе бѣднымъ общинамъ, для веденія школьнаго дѣла, ассигновано по 5.000 франковъ. Хотя такія суммы и не особенно велики, но одно уже введеніе подобной строки, появляющейся первый разъ въ бюджетѣ, значительно важно: цифра измѣнится и увеличится, а желательная рубрика останется навсегда. Вообще споры произошли только по поводу теологическихъ факультетовъ, изъ которыхъ два въ Руанѣ и въ Э уничтожены, а третій въ Бордо былъ клерикалами отстоянъ, благодаря письму кардинала Донне, согласившемуся, чтобы въ департаментѣ Жиронды не основывалось новыхъ католическихъ университетовъ, если бордоскій теологическій факультетъ останется. Авторъ знаменитаго доклада объ отношеніи церкви къ государству, Гишаръ, напомнилъ палатѣ, что прежніе и новые законы, дѣлающіе обязательнымъ для школъ преподаваніе галликанскаго ученія, открыто нарушаются профессорами теологіи и что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, какъ, напримѣръ, въ Пеатьу, правильно организована система преподаванія ультрамонтанской доктрины. Министръ исповѣданій Дюфоръ еще разъ отстранился отъ заявленія, что онъ съумѣетъ заставить клерикаловъ точно исполнять законы, и ограничился только тѣмъ, что высказалъ, что, по его мнѣнію, католицизмъ въ смыслѣ наукѣ, точно такъ же, какъ и вообще христіанское ученіе и judaизмъ, должны быть преподаваемы съ особою тщательностью, какъ религія, связанныя съ началами всей современной цивилизаціи.

Свободные мыслители заявили съ своей стороны, черезъ посредство Таландье, что они отказываются отъ всякихъ преній по религіознымъ вопросамъ до того времени, какъ будетъ обсуждаться вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства при разсмотрѣніи статей бюджета по расходамъ вѣдомства вѣроисповѣданія. Но когда дѣло дошло до уничтоженія вообще теологическихъ факультетовъ, то за него оказалось только 64 голоса, уменьшеніе же числа ихъ прошло при большинствѣ 285 голосовъ противъ 162.

На клерикаловъ взаимное и противоположное стремленіе двухъ министровъ не произвело никакого особеннаго впечатлѣнія, и все пошло въ этомъ дѣлѣ по старому. «Univers», а слѣдомъ за нимъ и другіе правовѣрные органы, не довѣряющіе галликанцу Дюфору, заявили, что римская доктрина, противная декларацiи 1682 года, преподается рѣшительно во всѣхъ семинаріяхъ и теологическихъ факультетахъ, ибо, по ея словамъ, «все духовенство Франціи, безъ различія, одинаково привязано своею вѣрностью къ исповѣданію католической доктрины въ ея чистомъ видѣ»; въ самомъ Бордо, во время мессы по комъ-то изъ усопшихъ, одинъ изъ профессоровъ-теологовъ заявилъ въ своей проповѣди, что галликанизмъ не существуетъ болѣе во Франціи и что повсюду католики станутъ и будутъ признавать только единую католическую церковь, хотя бы и называли ее ультрамонтанскою. Три недѣли спустя, кардиналъ Доннэ, открывая лично конгрессъ католическихъ обществъ, объявилъ, что «церковь только тамъ, гдѣ папа, и что всякій, кто не съ нимъ—врагъ церкви». Вотъ вамъ образецъ наиболѣе извѣстнаго галликанца изъ среды нашихъ архіепископовъ!

Противъ весьма незначительныхъ ограниченій въ различныхъ расходныхъ статьяхъ бюджета, предоставляющихъ возможность нашему духовенству роскошествовать на счетъ плательщиковъ, возсталъ кардиналъ Гиберъ письмомъ къ хранителю государственной печати. «Ограничивать содержаніе священно-служителей, говорится въ этомъ письмѣ:—уменьшать роскошь, окружающую алтари, значитъ не понимать истинныхъ интересовъ народа. Если хотятъ бороться съ религіозными вѣрованіями, то на практикѣ достигнутъ только того, что производящійся опытъ водворенія во Франціи въ третій разъ республиканскаго правительства окончится такъ же жалко, какъ и оба предшествовавшіе». По примѣру парижскаго архіепископа, и другіе французскіе прелаты употребили всевозможное рвеніе для сохраненія за священно-служителями ихъ содержанія во всемъ его объемѣ. По словамъ одного изъ этихъ безкорыстныхъ поборниковъ дѣла церкви, «пагубныя стремленія бюджетной комиссіи произвели отвращеніе и недовольство въ сердцахъ всѣхъ безпристрастныхъ и чистыхъ людей во Франціи».

Ваддингтонъ, тотчасъ послѣ того, какъ сенатомъ былъ отвергнутъ законъ о выдачѣ степеней, учредилъ въ Парижѣ первый составъ смѣшанныхъ жюри; экзамены бо̀льшей части учебныхъ заведеній производились уже при ихъ посредствѣ и дали самые жалкіе результаты. Предсѣдательствуя на раздачѣ наградъ генеральнаго конкурса государственныхъ лицеевъ, онъ повторилъ предъ избранной публикой изъ профессоровъ и студентовъ національнаго университета подробное изложеніе своей свѣтской программы образованія. По поводу образованія съ демократической точки зрѣнія онъ говорилъ съ такимъ достоинствомъ, съ какимъ надлежало говорить главѣ и первому представителю со-

временнаго французскаго просвѣщенія.—«Вспомните, просвѣщающіеся юноши, произнесъ онъ между прочимъ:—что будущность Франціи принадлежитъ вамъ и что поколѣнію, авангардомъ котораго служите вы, предстоитъ на развалинахъ нашихъ старыхъ и отживающихъ несогласій учредить новую Францію». При имени республики, раздался такой взрывъ рукоплесканій слушателей, какой едва ли когда либо раздавался подъ сводами Сорбонны. Такимъ образомъ, обыденная и оффиціальная церемонія, благодаря стойкому министру, обратилась въ республиканскую и противоіезуитскую манифестацію, поддержанную съ огромнымъ блескомъ наиболѣе развитыми представителями изъ молодежи. При частной раздачѣ наградъ въ лицеѣ Фонтана, самомъ аристократическомъ изъ парижскихъ лицеевъ, другая рѣчь, настолько же откровенно республиканская, какъ и возвышенно-патріотическая, была произнесена дю-Клеромъ, бывшимъ въ молодости своей, въ 1848-мъ году, помощникомъ государственнаго секретаря, а нынѣ вице-президентомъ сената. При этомъ сыновья богачей улицы Chaussée d'Antin и орлеанистовъ изъ предмѣстья Сент-Оноре рукоплескали съ энтузіазмомъ фразамъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Исполненная довѣрія къ своему будущему, Франція умиротворяется; она, очевидно, радостно переживаетъ новыя для нея чувства подчиненія справедливымъ законамъ и добровольнаго присоединенія къ правительству, возникшему не результатомъ насилія. Она любитъ, уважаетъ это честное, законное, патріотическое правительство, достойное ея привязанности и уваженія, управленіе которымъ ввѣрено гражданину по душѣ, хотя и солдату по одеждѣ». Помѣщеніе этой рѣчи въ «Оффиціальномъ Журналѣ», которое не было обязательно, сдѣлано для того, чтобы убѣдить маршала-президента, какъ ему удобно оставаться на той честной и славной дорогѣ, на какую поставили его заявленія съ трибуны министра внутреннихъ дѣлъ, на перекоръ іезуитской и монархической камарильѣ, стремящейся удерживать его на бездорожьи, съ котораго такъ легко свергнуть его въ пропасть и столкнуть туда же и самую Францію.

II.

Военный бюджетъ и его докладчикъ—Ланглуа —Министръ Сиссэ, разбитый и раскаявшійся.– Новый бонапартистскій скандалъ.—Дреолль, уничтоженный Гамбеттою. —Уничтоженный историографъ.—Сюрпризъ штабамъ.—Офицеры территоріальной арміи.—Вопросъ о мясѣ и одеждѣ.—Голосованіе бюджета по управленію изящныхъ искуствъ.– Новый военный министръ Берто.—Пораженіе бонапартистовъ и печальное празднованіе дорогого для нихъ дня св. Наполеона.

Послѣ того, какъ законодательная комиссія представила 3-го іюля въ палату свой докладъ о бюджетѣ военнаго министерства,

вся реакціонная пресса, а въ особенности бонапартистскіе органы, пустилась на перерывъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца оспаривать заключенія комиссіи и осмѣивать докладчика Ланглуа, бывшаго нѣкогда національнымъ гвардейцемъ. Озлобленіе реакціонеровъ противъ мастерского этого доклада совершенно понятно, такъ какъ Ланглуа, бывшій полковникомъ гражданскаго легіона 9-го округа Парижа, и раненный при Монтрету, оказался во всемъ относящемся до военнаго хозяйства и войсковой организаціи такимъ знатокомъ, какъ и любой устарѣлый главнокомандующій или опытный интендантъ. Одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Прудона и нѣкогда крайній соціалистъ, онъ, сдѣлавшись въ зрѣлыхъ лѣтахъ умѣреннымъ республиканцемъ, сохранилъ заимствованную имъ у своего учителя изумительную способность яснаго разбора самыхъ запутанныхъ цифръ и замѣчательный логическій навыкъ дѣлать вѣрные выводы изъ цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ экономическихъ фактовъ. Благодаря его таланту, іероглифы бюро военнаго министерства, въ теченіи 40 лѣтъ понятные для однихъ посвящонныхъ, сдѣлались ясными нетолько для палаты, но и для публики. Если знаменитый докладъ герцога д'Одифре-Пакье обнаружилъ въ безобразіяхъ военной организаціи временъ имперіи одну изъ главнѣйшихъ причинъ недавняго пораженія Франціи, то докладъ Ланглуа, хотя онъ и написанъ въ гораздо болѣе смягченномъ видѣ, уже однимъ указаніемъ на злоупотребленія, существующія традиціонно въ военной администраціи, приноситъ обществу неоспоримую заслугу, открывая для практическихъ реформъ дверь, закрыть которую въ будущемъ станетъ уже невозможно. Министерство требовало 535 милліоновъ франковъ; комиссія отказала ему только въ 5-ти милліонахъ, которые, взамѣнъ того, можно было отчислить на нужды первоначальнаго образованія. Но по разнымъ статьямъ бюджета она нашла до 18 милліоновъ неправильно насчитанныхъ, и бо̀льшую часть этой суммы перечислила на содержаніе, въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ, подъ знаменами 54,000 человѣкъ контингента, которыхъ министерство, изъ экономическихъ соображеній, предполагало распускать ранѣе ихъ полнаго дисциплинированія. Эти 18 милліоновъ были найдены преимущественно въ графахъ продовольствія, гдѣ среднія цѣны продуктовъ были выставлены гораздо выше настоящей ихъ стоимости. Такъ, напримѣръ, стоимость суточнаго мяснаго раціона она понизила съ 39 на 31 сант. Въ графѣ экипированія она нашла, между прочимъ, простую ариѳметическую ошибку въ 3 милліона. Точно также она понизила ассигнованія на поддержку блеска главныхъ штабовъ военнаго министра и парижскаго губернатора и на цѣлую четверть (493,000 фр.) уменьшила расходы на представительство различныхъ генераловъ. Но зато во всѣхъ статьяхъ, относящихся до хорошаго содержанія солдатъ и до улучшенія матеріальнаго состоянія войска, она не уменьшила ничего ни на одинъ сантимъ. Такимъ образомъ, всякія обвиненія и проте-

сты различныхъ военноначальниковъ и старыхъ администраторовъ и защитниковъ рутины, несмотря на все усердіе, съ какимъ ихъ поддерживала противореспубликанская печать, старавшаяся сдѣлать ненавистнымъ въ арміи самое имя палаты депутатовъ—пали сами собой и не нашли никакого отголоска въ средѣ солдатъ. Такимъ же образомъ, передъ докладомъ мирнаго гражданина Ланглуа, долженъ былъ спасовать военный министръ, де-Сиссэ, несмотря на содѣйствіе ему двухъ спеціальныхъ комиссій и на горячую и довольно талантливую его поддержку Леономъ Рено и барономъ Рейлемъ. Ему ничего не удалось отстоять, и онъ даже опасался слишкомъ сильно протестовать, чтобы не вызвать этимъ недовѣрія ко всему кабинету. Ему не удалось указать ни одной ошибки въ доводахъ Ланглуа и Гамбетты, и онъ могъ бы повліять на большинство только такимъ способомъ, къ какому прибѣгъ нѣкогда маршалъ Сультъ, заставившій палату, при Людовикѣ-Филиппѣ, вотировать согласно его желанію слѣдующими словами: «А вотъ я все брошу къ чорту, если кто-нибудь станетъ еще совать свой носъ въ мою спеціальность», и при этомъ, какъ настоящій солдатъ, при произнесеніи слова «спеціальность», онъ сдѣлалъ грамматическую ошибку, а именно вмѣсто «specialité» произнесъ «*especialité*». Военному министру угрожало паденіе главнѣйшимъ образомъ по вопросу объ оправданіи 32-хъ милліоновъ, затраченныхъ авансомъ, еслибы дѣло это не было улажено полюбовно заранѣе въ комиссіи. Изъ этой суммы 3 милліона были употреблены на увеличеніе жалованья офицерамъ нѣкоторыхъ корпусовъ, на основаніи президентскаго декрета отъ 27-го декабря. Не желая признавать такой издержки, произведенной безъ предварительнаго согласія народныхъ представителей, комиссія предлагала низвести ее до 250 тысячъ франковъ. Напрасно произносились длинныя рѣчи уже не для поддержанія законности дѣйствія, а только для приданія его великодушному забвенію, де-Сиссэ, откинувъ въ сторону гордость, долженъ былъ сознаться въ своей винѣ и признать высшее право палаты на разрѣшеніе какой бы то ни было общественной издержки. Гамбетта принялъ къ свѣденію его слова, но послѣ торжественнаго обѣщанія министра, что неправильности этого рода не будутъ уже болѣе повторятся, успѣлъ уговорить депутатовъ ограничиться исключеніемъ изъ издержки только 3-хъ тысячъ фран., единственно для поддержанія принципа и безъ произведенія какихъ-либо затрудненій для офицеровъ, уже воспользовавшихся увеличеніемъ жалованья. Въ палатѣ предложеніе это было единодушно поддержано 455-ю голосами.

Окончаніе общихъ преній о военномъ бюджетѣ было систематически прерываемо бонапартистами еще съ большими назойливостью и неуспѣхомъ, чѣмъ это было при началѣ общихъ преній о бюджетѣ въ его цѣломъ. Эрнестъ Дреолль взялъ на себя опроверженіе доклада Ланглуа, этого, по словамъ его, «памфле-

та, котораго заключенiе какъ бы приглашаетъ къ отдачѣ подъ судъ всей администрацiи военнаго министерства за безпорядки и упущенiя». Докладчикъ безпрестанно упоминаетъ, сказалъ онъ:— о «духѣ рутины», о «цѣнахъ, произвольно назначенныхъ», о «невнимательности», объ «упущенiяхъ администрацiи». Не правда ли, что все это напоминаетъ какъ бы обвинительный актъ, за которымъ должно ожидать административнаго слѣдствiя?

— Совершенно справедливо, перебиваетъ Ланглуа.

«Искренность дѣйствiй военныхъ администраторовъ, продолжаетъ ораторъ:—подвергнута сомнѣнiю. Указывается на неумѣренную щедрость, которая усиливается пропорцiонально значенiю лицъ, въ пользу которыхъ ее допускаютъ. Все это оскорбительно какъ для военнаго министра, такъ и для многихъ генераловъ. Не слѣдовало ли относиться ко всему этому несравненно съ бо̀льшею сдержанностiю, хоть въ виду того, что насъ слышитъ публика и чужiя государства.»

— Какъ это дѣлалось въ 1870 году, говоритъ кто-то слѣва.

Ораторъ возражаетъ на это тѣмъ, что приписываетъ бо̀льшую часть бѣдствiй армiи въ 1870 и 1871 годахъ тому, что она лишена была своихъ обычныхъ начальниковъ.

— Какихъ же именно? спрашиваютъ его.

«Лучшихъ представителей войска, заслужившихъ въ его средѣ всѣ свои чины и званiя, отъ низшаго до высшаго...»

— Какъ Базенъ?

«А не случайныхъ людей и политиковъ, которые завладѣли властью, воспользовавшись затруднительностью общаго положенiя дѣлъ.»

— Ну, а кто же привелъ армiю въ Седанъ?..

Несчастный бонапартистъ не знаетъ, что̀ на это отвѣчать, тѣмъ болѣе, что онъ вспоминаетъ, что, немедленно послѣ паденiя своей имперiи, онъ адресовалъ къ правительству народной защиты нѣкоторый докладъ, въ которомъ отчуровывался отъ имперiи и распинался въ своемъ уваженiи къ республикѣ. Онъ, очевидно, опасается, чтобы ему кто-либо не напомнилъ объ этомъ тотчасъ же въ палатѣ, какъ это сдѣлала черезъ нѣсколько дней демократическая печать. Когда предсѣдатель палаты приглашаетъ его возвратиться къ предмету обсужденiй, то онъ съ жадностiю цѣпляется за мысль о томъ, съ какимъ злорадствомъ станутъ коментировать докладъ этотъ враги Францiи за границей, восхваляетъ Германiю за тѣ жертвы, какiя она приноситъ для организацiи своего громаднаго войска, увѣряетъ, что за 31 сантимъ нельзя имѣть свѣжаго мяснаго суточнаго рацiона, а сбереженiя въ экипировкѣ считаетъ оскорбительнымъ для достоинства армiи.

Ему возражаютъ напоминанiемъ того, что̀ происходило въ войскахъ при имперiи, указываютъ на все воровство и поддѣлки, какiя были обнаружены во время войны, несмотря на знаменитое увѣренiе маршала Лебёфа, что никогда армiя не была въ луч-

шемъ порядкѣ и что даже на штиблетахъ солдатъ нѣтъ надобности пригонять ни одной пуговицы. Тогда ораторъ приводитъ цитаты изъ рѣчей республиканскихъ депутатовъ, Пельтана и Гарнье-Пажèса, изъ которыхъ одинъ назвалъ нѣкогда милитаризмъ «язвою», а другой военный бюджетъ—«ракомъ, истощающимъ Францію». Въ жару краснорѣчія, у него вырывается слѣдующая неосторожная фраза: «армія *выше* всякихъ вашихъ учрежденій!» При этихъ словахъ, въ средѣ лѣвыхъ возникаетъ всеобщее негодованіе. Президентъ, блѣдный какъ воскъ, поднимается со своего мѣста и, водворивъ всеобщее молчаніе, произноситъ торжественно: «Выше учрежденій, на которыхъ покоится страна, ничего не можетъ существовать, какъ не существуетъ ничего выше законовъ. Я же не знаю ничего болѣе революціоннаго и мятежническаго, какъ дерзость постановки военной силы или чего бы то ни было въ странѣ выше законовъ!» Сторонники воззваній къ народу бормочатъ, что они не знаютъ ничего выше учрежденій, существовавшихъ при имперіи, такъ какъ она была ратификована всею націею. На это Греви отвѣчаетъ: «Нѣтъ такого правительства, которое могло бы позволить нападать на учрежденія, на которыхъ оно основано. Разумѣется, и республика, утвердившаяся на основаніи всеобщаго голосованія, не должна, не можетъ и не будетъ позволять на себя нападать».

Когда Дреоль оставляетъ трибуну, на ней появляется Гамбетта и начинаетъ громить недостойный пріемъ враговъ республики, состоящій въ стремленіи посеять раздоръ между арміей и представителями народа и ставящихъ войско въ антагонизмъ съ существующимъ образомъ правленія. Критическія замѣчанія на бюджетъ онъ презрительно называетъ «дѣтскими»; что же касается до военной администраціи, то онъ выражаетъ увѣренность, что она нетолько не оскорбится всестороннимъ контролемъ ея дѣйствій, но усмотритъ въ немъ доказательство просвѣщенной заботливости, съ какой палата относится къ матеріальному благосостоянію солдатъ, къ арміи и ко всей странѣ». Бросать, не считая, съ расточительностью нерасчетливаго богача, Франція могла только въ такую эпоху, когда самыя голосованія въ законодательномъ собраніи были, такъ сказать, приказаніями, когда на государственную кассу смотрѣли, какъ на всякую другую кассу (а извѣстно, что всѣ онѣ какъ-то опустошались), «когда войско, при наружномъ блескѣ, представляло олицетвореніе дезорганизаціи и расточительности!» Въ отвѣтъ на это раздаются обвиненія противъ правительства народной защиты и противъ самого Гамбетты, что онъ, за время своего управленія, не представилъ отчетовъ и т. д. Тогда Гамбетта замолкаетъ и, скрестивъ руки на груди, предлагаетъ своимъ противникамъ сдѣлать изъ этихъ обвиненій отдѣльный предметъ для парламентскихъ преній. «Теперь же, говоритъ онъ—такъ какъ я долженъ объяснять дѣйствія комиссіи, въ которой я предсѣдательствую, то могу только сказать, что политическій элементъ внесенъ въ

пренія такого рода, при которыхъ его слѣдовало строжайшимъ образомъ избѣгать».

— Мы не вносимъ никакого политическаго элемента, прерываетъ его бывшій префектъ и министръ Леонъ Шевро:—мы только защищаемъ правительство.

— Господа! возражаетъ Гамбетта:—правительство въ вашей защитѣ не нуждается.

Слова̀ эти покрываются цѣлымъ взрывомъ рукоплесканій. Воодушевленный этимъ, Гамбетта, вмѣсто того, чтобы продолжать прерванную нить своихъ доказательствъ, высказываетъ свое негодованіе противъ тѣхъ, кто осмѣливается говорить о французской арміи, когда отвѣтственность за безчестіе, понесенное ею, лежитъ извѣстно на чьей отвѣтственности. Едва сдерживаясь, онъ разсказываетъ, ка̀къ, послѣ мецкой измѣны, агенты императорской реставраціи прокрались въ среду офицеровъ, находившихся въ плѣну у побѣдителя, съ тѣмъ, чтобы помѣшать имъ протестовать противъ имперіи и помѣшать такому гласному заявленію, которое можно считать золотою книгою французской арміи. «Будьте совершенно увѣрены, говоритъ онъ, обращаясь къ бонапартистамъ:—что Седанъ и Мецъ—такія два страшныя пятна на васъ, что французская армія, подъ какими бы знаменами она ни находилась, никогда вамъ ихъ не проститъ и не забудетъ... Предоставьте же другимъ разсуждать и дѣйствовать ради печальной необходимости поправлять ваши ошибки и преступленія!»

Дреолль, возражая и не называя никого по имени, старается осмѣять того, кто принесъ столько зла Франціи, взявшись за несоотвѣтственную для него роль военно-начальника. «Вы говорите о вашемъ императорѣ?» кричатъ ему слѣва.—Онъ пробуетъ защитить Наполеона III-го, говоря, что бо̀льшая часть слуховъ, распущенныхъ о немъ клеветниками, нечто иное, какъ легенды.—И Седанъ—тоже легенда? И исторія Базена—тоже легенда?—Онъ старается уклониться отъ прямаго отвѣта и приписываетъ озлобленныя нападки на бонапартистовъ тому, что «они сильны и республиканцы ихъ боятся». Слова̀ эти вызываютъ продолжительный смѣхъ презрѣнія.

Вслѣдъ за тѣмъ, заходитъ рѣчь объ уничтоженіи синекуры государственнаго военнаго исторіографа Мѣсто это занималъ академикъ Руссе, написавшій книгу о первой республикѣ, подъ названіемъ «Волонтеры 1792 года», такъ блистательно опровергнутую Мэнемъ (Maigne). Званіе это упразднено, да и давно пора, такъ какъ еще въ XVIII-мъ столѣтіи д'Аржантонъ доказалъ всю его ненужность. Онъ называлъ Монкрифа, носившаго это званіе въ его время, не «исторіографомъ», а «исторіогрифомъ», отъ слова griffes (когти), такъ какъ этотъ почтенный ученый написалъ одно только сочиненіе, которое могло имѣть хотя отдаленную связь съ войною, а именно: «Исторію кошекъ».

При обсужденіи вопроса о содержаніи главныхъ штабовъ про-

изошла презабавная исторія. Военный министръ вынужденъ былъ самъ заявить, что и уменьшеніе персонала ихъ, и содержанія было бы небезполезно. Такимъ образомъ, поддержка требованія кредита въ томъ видѣ, какъ его заявлялъ правительственный проектъ, стала затруднительна для его сторонниковъ, и вотированіе уменьшенія его, согласно докладу комиссіи, прошло очень быстро. «А какъ же содержаніе генераловъ?» спросилъ Сиссэ у Ланглуа по выходѣ изъ засѣданія. — Да вѣдь уменьшеніе ихъ содержаній уже прошло голосованіемъ, отвѣчалъ Ланглуа растерянному министру.

По поводу поправки о выдачѣ офицерамъ территоріальной арміи нѣкотораго пособія на ихъ экипировку былъ поднятъ вопросъ о недавно происшедшихъ назначеніяхъ офицеровъ. Депутатъ Лепомеллекъ выразилъ сожалѣніе, что нѣкоторыя лица не были удостоены производствомъ, несмотря на блистательно выдержанный ими экзаменъ, только потому, что они раздѣляютъ республиканскій образъ мыслей. Военный министръ вскочилъ на трибуну, какъ на лошадь, и сталъ энергически опровергать обвиненіе въ томъ, что въ дѣлѣ производства онъ имѣлъ въ виду политическія тенденціи, тогда какъ онъ готовъ поклясться, что единственною его заботою при этомъ было снабдить территоріальную армію хорошими начальниками.—А Маргэнъ? А Тюркэ? спросили разомъ около двадцати депутатовъ, называя имена обойденныхъ. «Ахъ, господа, отвѣчалъ Сиссэ, стараясь придать словамъ своимъ игривый тонъ:—не могу же я присутствовать лично разомъ во всѣхъ 19-ти корпусахъ. Ошибки и недоразумѣнія неизбѣжны, и, если онѣ и произошли, то будутъ поправлены. Мы стремимся къ самому полному безпристрастію. Изъ 15-ти тысячъ производствъ рѣшены только 5,500, слѣдовательно, мѣсто будетъ для всѣхъ».

Палата разражается смѣхомъ, но Ланглуа, желая придать серьёзное значеніе министерскому заявленію, посреди единодушныхъ рукоплесканій говоритъ: «Въ дѣлѣ національной защиты не должно быть никакихъ партій. Всѣ мы—французы, Франція—общая наша мать, за которую мы обязаны пролить всю нашу кровь. Въ печальный день, когда родинѣ нашей придется имѣть дѣло съ внѣшними врагами, мы съумѣемъ отдать ей эту кровь всю до послѣдней капли, безъ всякихъ различій партій!»

По поводу жалованья полковымъ священникамъ (aumôniers), постъ которыхъ уничтоженъ проектомъ комиссіи, появились двѣ поправки: первая, отъ католической партіи и поддержанная Келлеромъ, требовала возстановленія кредита на это дѣло; вторая была составлена робкими членами лѣвой стороны изъ боязни столкновенія съ клерикализмомъ сената и состояла въ томъ, чтобы уменьшить общее ихъ число съ 75-ти (какъ опредѣлено закономъ послѣдняго національнаго собранія) на одиннадцать. Первая поправка провалилась при большинствѣ 307 голосовъ противъ 137; вторая же отвергнута только большинствомъ

пяти голосовъ — 217-ью противъ 212-ти. По парламентскому обычаю всѣхъ странъ, гдѣ существуютъ двѣ палаты, только низшая имѣетъ право назначать статьи расходовъ, а верхнія не обладаютъ никакими средствами, чтобы заставить ее открыть кредитъ, однажды ею закрытый. Но наша конституція 1875 года составлена такъ плохо вообще, что въ ней, и въ этомъ случаѣ, совершенно упущено установленіе отношеній между обѣими палатами въ случаѣ финансовыхъ недоразумѣній, почему управленіе архіепископа и обратилось въ министерство, а въ сенатъ стали поступать католическія петиціи объ исправленіи *несправедливости* республиканскаго большинства. Все духовенство взялось за перья, а одинъ полковой священникъ напечаталъ въ газетахъ заявленіе, въ которомъ дѣлаетъ наивное признаніе, что «если при казармахъ не будетъ состоять священниковъ, то изъ 100 солдатъ найдется едва ли хоть одинъ, который станетъ ходить въ церковь, хотя бы она и была въ двухъ шагахъ отъ казармы». Но, да утѣшатся благочестивыя души, «Фигаро» заявилъ уже, что онъ готовъ на своихъ страницахъ открыть подписку для собранія суммъ, необходимыхъ для покрытія жалованій военныхъ священниковъ. Если эта подписка состоится, то это будетъ очень хорошо, такъ какъ еще разъ докажетъ, что католицизмъ можетъ поддерживаться на частныя средства вѣрующихъ.

Пренія объ уменьшеніи цѣны мяснаго раціона съ 39-ти на 31 сантимъ послужили еще разъ къ тріумфу Ланглуа. Начальникъ отдѣленія военнаго министерства, Реноденъ, опровергавшій его вмѣсто министра и не обладающій особенными знаніями, былъ совершенно раздавленъ массою цифръ и доказательствъ, обрушившихся на него, такъ что онъ вынужденъ былъ самъ сознаться, что цѣна раціона въ 35 сантимовъ вполнѣ достаточна; палата же настолько познакомилась съ дѣломъ изъ изложенія Ланглуа, что рѣшилась не уступать и остальныхъ четырехъ сантимовъ въ пользу поставщиковъ, и, такимъ образомъ, голосованіемъ была принята значительная экономія—болѣе 13-ти мильйоновъ.

По вопросу объ обмундированіи, Ланглуа, съ рѣдкою откровенностью указавъ на вкравшуюся въ его исчисленія ошибку въ мильйонъ франковъ, которую никто, кромѣ него, не замѣтилъ, добился всего, чего только хотѣлъ. Въ эти пренія вмѣшался и Гамбетта, который счелъ необходимымъ ободрить нѣсколько министра, слишкомъ забитаго побѣдоносною комиссіей. Слушатели просто не понимали, для чего народному трибуну понадобилось съ такимъ жаромъ восхвалять весьма не блестящіе таланты де-Сиссэ, увѣрять его въ общественномъ уваженіи, называть болтовнею толки, распущенные противъ него въ свѣтской средѣ, заявлять, что между комиссіей и администраціей не существуетъ никакой враждебности, и выгораживать личность министра отъ неправильностей и неловкостей его бюджета. Только впослѣдствіи было узнано, что недовольство

палатскихъ бюро заставило де-Сиссэ рѣшится подать въ отставку и что маршалъ Мак-Магонъ былъ расположенъ замѣстить его бонапартистскимъ кандидатомъ, генераломъ Дуэ, такъ что эта министерская перемѣна (9-го августа) могла послужить началомъ кризиса, которымъ, конечно, воспользовались бы де-Брольи, Бюффѐ и комп., тѣмъ болѣе, что сенатъ въ это же время приступилъ къ обсужденію законо-проекта о мэрахъ, а 12-го должна была въ немъ идти рѣчь о томъ, будетъ ли Дюфоръ избранъ пожизненнымъ сенаторомъ, или низвергнутъ со всѣмъ кабинетомъ.

Послѣднія статьи военнаго бюджета обсуждались 10-го августа. Между прочимъ, администраціи было отказано въ кредитѣ на произведенную уже ею затрату на содержаніе карлистскихъ рефюжье. При этомъ, палатою были осуждены прежнія администраціи министерствъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ за то, что дон-Карлосу, при переѣздѣ его изъ Испаніи въ тотъ изъ французскихъ портовъ, гдѣ онъ пересѣлъ на пароходъ, отправлявшійся въ Англію, былъ предоставленъ въ распоряженіе королевскій поѣздъ, что̀ обошлось правительству въ 6,000 франковъ.

Бюджетъ вѣдомства изящныхъ искуствъ былъ обсужденъ въ два дня и, несмотря на нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, справедливыя возраженія противъ субсидіи театрамъ, а особенно театру «Большой Оперы», прошелъ гораздо благопріятнѣе для Ваддингтона, чѣмъ онъ даже могъ того ожидать. Онъ просилъ 6.865,633 фр., а ему ассигновали 7.550,680 фр., и, такимъ образомъ, въ нашей республикѣ, подобно тому, какъ нѣкогда было въ Аѳинахъ, артисты будутъ поощряемы болѣе, чѣмъ при монархіи.

На слѣдующій же день по распущеніи палаты, оказались практическія послѣдствія побѣды гражданскаго пониманія надъ военнымъ рутинёрствомъ при обсужденіи бюджета военныхъ издержекъ. Декретомъ отъ 15-го августа объявлялось объ отставкѣ де-Сиссэ и о назначеніи на его мѣсто генерала Берто. Разсказываютъ, что маршалъ рѣшился оставить свою мысль о передачѣ военнаго министерства Дуэ только благодаря настояніямъ орлеанистовъ, Одифре-Пакье, Бошѐ и Дюфора, такъ же, какъ и самого Гамбетты.

Берто—не сенаторъ и не депутатъ, и, хотя старшій его сынъ служитъ адъютантомъ у герцога Омальскаго, онъ ни разу еще не заявлялъ ничѣмъ своихъ орлеанистскихъ симпатій, если такія у него есть. Онъ не былъ скомпрометированъ ни во время нашествія, ни при версальскомъ усмиреніи комунаровъ. Онъ былъ организаторомъ подвижной національной гвардіи въ 1870 году, а въ послѣдніе годы былъ занятъ организованіемъ резервовъ и территоріальной арміи по новой системѣ. По административнымъ способностямъ равнымъ ему считается одинъ только генералъ Грелэ. Армія ждетъ отъ его умѣнья распоряжать-

ся скораго введенія полныхъ реформъ, въ которыхъ она нуждается. Республиканскіе патріоты привѣтствовали съ большою симпатіей вступленіе его въ управленіе министерствомъ. Сверхъ того, онъ удостоился чести жесточайшихъ нападеній со стороны бонапартистовъ, пришедшихъ въ совершенную ярость отъ неуспѣха генерала Дуэ и предсказывавшихъ съ горечью, что, «съ той минуты, какъ маршалъ не успѣлъ сохранить за собой свободу выбора военнаго министра, сообразно съ своими личными симпатіями, управляетъ страною уже не онъ, а Гамбетта, и дѣло имперіи, значитъ, погибло!»

15-ое августа, день святого Наполеона, было самымъ жалкимъ образомъ отпраздновано въ Парижѣ, въ церкви Августиновъ. Публики и военныхъ собралось въ церконь весьма мало, а полиція, еще недавно обходившаяся съ такою почтительностью съ бонапартистами, грубо арестовала нѣсколько человѣкъ, кричавшихъ: «да здравствуетъ императоръ!». Даже у знаменитой кокотки изъ Вилль-д'Аврѐ не было въ этотъ день ни фейерверка, ни иллюминаціи. Предводители бонапартизма отправились на этотъ день въ Арененбергъ, гдѣ, подъ тѣнью древесъ, проводили, вѣроятно, время въ печальныхъ собесѣдованіяхъ съ юнымъ претендентомъ и его родительницею о невѣроятныхъ успѣхахъ ненавистной для нихъ республики и о горькомъ оскуденіи фонда для бонапартистской пропаганды, въ которомъ скоро едва ли не останутся однѣ только неимѣющія обращенія 50-ти сантимныя монетки, съ изображеніемъ Наполеона IV-го.

III.

Въ сенатѣ для коалиціи недостаетъ двухъ мертвецовъ. — Назначеніе пожизненнаго сенатора.—Ускореніе преній по закону о мэрахъ.—Докладъ Перье.— Де-Брольи выпускаетъ изъ рукъ свой законъ. — Поправка Гривара и рѣчи Боше и Жюля Симона.—Пораженіе орлеанизма.—Неудача Бюффѐ. — Отстраненіе муниципальныхъ выборовъ.—89 «непримиримыхъ» правой стороны.

Противуреспубликанская коалиція, воскресшая въ сенатѣ, два раза уже, 16-го іюня и 21-го іюля, торжествовала свое воскресеніе. Но она не съумѣла и не смогла воспользоваться своею побѣдою и упрочить ее. Чтобы избраніе Бюффѐ могло принести ей очевидную пользу, ей нужно было располагать одновременно тремя вакансіями пожизненнаго сенаторства, чтобы замѣстить ихъ кандидатами каждой изъ партій, союзъ которыхъ ее обусловилъ. Но, увы! умершій сенаторъ Воловскій былъ погребенъ лишь чрезъ четыре дня по закрытіи сессіи, а 80-ти-лѣтній Готье де-Рюмильи, при смерти больной и некрологъ котораго былъ уже напечатанъ въ газетахъ, не согласился умирать и... выздоровѣлъ. Такимъ образомъ, сенатскому большинству, управляемому одновременно герцогомъ де-Брольи, Бюффѐ, Дарю и

Кердрелемъ, невозможно было согласиться ни на одномъ имени кандидата единственной вакансіи! Для того же, чтобы придать рѣшительное значеніе конфликту, начатому непринятіемъ закона Валдингтона, было необходимо произвести и непринятіе закона о мэрахъ, а потомъ, заручившись хотя бы негласнымъ согласіемъ главы государства, низвергнуть министерство, занять его мѣсто и распустить палату депутатовъ. Но такая мысль была тотчасъ же оставлена, послѣ того, какъ де-Марсэръ, поощренный одобреніемъ большинства палаты и поддержанный переходомъ къ очередному порядку съ заявленіемъ полнаго довѣрія, почти публично, въ совѣтѣ министровъ, повторилъ свои республиканскія заявленія при маршалѣ, чѣмъ сдѣлалъ послѣдняго солидарнымъ съ его конституціоннымъ кабинетомъ. Тогда было рѣшено держать все въ неопредѣленномъ состояніи до зимы, для того, чтобы, имѣя предъ собою нѣсколько мѣсяцевъ вакацій, продолжать все время конспирацію, обдумывая основательно, какъ дѣйствовать при открытіи новой сессіи. Это казалось очень удобнымъ послѣ происшедшихъ неурядицъ, при министерствѣ, находящемся въ неопредѣленномъ положеніи и лишенномъ, такъ сказать, авторитета, и при палатѣ, довѣріе къ которой въ народѣ было поколеблено за ея полнѣйшее безсиліе. Въ этихъ видахъ, коалиціи удалось провести въ комиссію, собранную для разсмотрѣнія отрывка муниципальнаго закона—результата взаимныхъ уступокъ между правительствомъ и депутатами—пять бонапартистовъ противъ четырехъ республиканцевъ. Кромѣ того, въ эту комиссію на скоро отправили нѣсколько поправокъ, чтобы имѣть возможность затянуть, насколько времени понадобится, появленіе ея доклада. Поговаривали, кромѣ того, что можно задерживать замѣщеніе вакансіи Казиміра Перье, требуемое конституціей въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ смерти сенатора, мѣсяца на четыре, какъ вдругъ, 3-го августа, неожиданно на сенатской трибунѣ появился графъ де-Сен-Валле, который потребовалъ, ссылаясь на законъ, постановки на очередь назначенія пожизненнаго сенатора ранѣе дня, предположительно назначеннаго для закрытія сената, т. е. 11-го августа.

Никто изъ членовъ коалиціи не ожидалъ такого предложенія, получившаго особенную важность оттого, что оно сдѣлано было искуснымъ дипломатомъ, непозволяющимъ себѣ никакихъ безцѣльныхъ дѣйствій. Всѣ поняли, что предложеніе Валле явилось подъ вліяніемъ Тьера, послѣ соглашенія съ министерствомъ, и означало заранѣе согласіе Дюфора на сенаторскую кандидатуру, предложенную ему лѣвыми противъ правыхъ. Тогда Сюрелю де-Бюдрелю поручено было показать различіе между духомъ и буквою конституціи, доказать, что вакаціи не должны считаться въ двухмѣсячномъ законномъ срокѣ и что, слѣдовательно, можно законно отложить до ноября назначеніе новаго пожизненнаго сенатора на мѣсто умершаго въ іюлѣ. Кромѣ того, ораторъ прибавилъ, что не будетъ ли даже непра-

лично избирать сенатора въ такое время, когда многіе его товарищи вынуждены были разъѣхаться для леченія на воды, и не послужитъ ли это къ ущербу самаго его достоинства, если онъ будетъ назначенъ сенатомъ не въ полномъ его составѣ?

— На голоса! закричали на это заявленіе лѣвые. — Публичное голосованіе! предложили крайніе правые.—Вы хотите его, чтобы голосовать за отсутствующихъ! возразили на это республиканцы и внесли предложеніе голосованія съ трибуны.—Никакого голосованія! не станемте голосовать! заявляетъ взволнованно де-Брольи, перебѣгая отъ скамьи къ скамьѣ, и болѣе солидные консерваторы, вслѣдствіе этого заявленія, помѣщаются вблизи бюро, чтобы помѣшать нерѣшительнымъ членамъ междуцентральной группы класть ихъ бюллетени. Несмотря на это, два конституціоналиста отваживаются ихъ положить, среди криковъ неодобренія правыхъ, послѣ чего другіе ихъ товарищи на это не рѣшаются. Въ урнѣ оказывается всего на всего 124 бѣлыхъ и 3 голубыхъ бюллетеня, тогда какъ ихъ должно быть не менѣе 151-го, т. е. половины общаго числа сенаторовъ+1.

— Однако, въ засѣданіи очевидно болѣе 151-го человѣка, замѣчаетъ депутатъ Герольдъ и указываетъ собранію, что, по 60-му параграфу сенатскаго регламента, должно считать не голосующихъ членовъ, а присутствующихъ. Д'Одифре-Пакье отвѣчаетъ на это, что статья эта не относится до назначенія сенаторовъ, для голосованія которыхъ необходимъ 151 голосъ, почему голосованіе и должно считать несостоявшимся. Но, вслѣдъ затѣмъ, онъ читаетъ добавленіе къ тому же параграфу регламента, въ которомъ оговорено, что, въ случаѣ несостоявшагося голосованія о назначеніи сенатора, на слѣдующее же засѣданіе оно должно быть повторено и считаться законнымъ, ка̀къ бы ни было малочисленно количество голосующихъ. Эта оговорка внесена была въ регламентъ правыми изъ опасенія предумышленныхъ отстраненій лѣвыхъ, и при первомъ же ея примѣненіи—о, судьба!—она оказалась противъ нихъ же! Тогда правые, въ отчаяніи, отлагаютъ срокъ слѣдующаго засѣданія до 7-го августа, чтобы сдѣлать невозможнымъ утвержденіе сенатора до окончанія сессіи и, такимъ образомъ, отдалить до перваго засѣданія новой. Но лѣвые, которыхъ въ этомъ засѣданіи больше, на это не соглашаются, требуютъ назначенія засѣданія на слѣдующій же день, что̀ и голосуется простымъ вставаніемъ и сидѣніемъ, результатомъ котораго—137 за и 100 противъ. Такимъ образомъ, новый сенаторъ можетъ быть утвержденъ 12-го августа.

Видя, что конституціоналисты видимо оставляютъ большинство Бюффѐ для большинства Дюфора, лѣвые хотятъ этимъ воспользоваться и спрашиваютъ: скоро ли комиссія муниципальнаго законопроекта представитъ свой докладъ? Докладчикъ де-Парьё торжественно отвѣчаетъ, что «законодательные вопросы не могутъ обсуждаться съ заранѣе разсчитанной быстротой», и, желая найти какой-нибудь предлогъ для оправданія медленно-

сти комиссіи, ссылается на отсутствіе изъ Парижа алжирскаго губернатора. Къ несчастію его, оказывается, что Шанзи не только въ Парижѣ, но даже присутствуетъ въ этомъ самомъ засѣданіи сената. Тогда Жюль Симонъ, отъ имени меньшинства комиссіи, заявляетъ, что докладъ можетъ быть представленъ когда угодно, и выражаетъ надежду, что либерализмъ сената не допуститъ, чтобы, изъ-за ненужной медленности, 33 тысячи общинъ на нѣсколько мѣсяцевъ лишены были такъ долго ожидаемыхъ ими свободъ.

Въ виду этого представленія, докладъ назначается на 7-е августа, но въ этотъ день, однакожъ, не появляется. За то правые несутъ два пораженія. Проходятъ два закона, которые, по первоначальному плану коалиціи, предположено было отвергнуть: о всемірной выставкѣ 1878 года, принятый единогласно, и о пансіонѣ въ 6,000 фр. вдовѣ министра Рикара, за который высказываются 141 республиканецъ противъ 63-хъ легитимистовъ и бонапартистовъ; остальные правые отстраняются.

Наконецъ, въ засѣданіи 8 го августа, де-Парьё рѣшается внести муниципальный докладъ; лѣвые заставляютъ тотчасъ же его прочитать, хотя чтенія никто не слушаетъ, такъ какъ заключенія доклада заранѣе всѣмъ извѣстны. Состоятъ они въ слѣдующемъ: принятіе, за исключеніемъ ничтожныхъ формальныхъ поправокъ, 1-го, 2-го и 4-го параграфовъ закона, принятаго палатою; отверженіе параграфа 3-го объ общихъ муниципальныхъ выборахъ. Чтобы помѣшать немедленному начатію преній, правые заявляютъ, что, по регламенту, докладъ долженъ быть напечатанъ и розданъ по рукамъ. Онъ появится завтра въ «Оффиціальномъ Журналѣ», говоритъ Тестеленъ, послѣ чего Жюль Симонъ добивается того, что пренія эти ставятся на очередной порядокъ слѣдующаго засѣданія, съ признаніемъ неотложности.

Девятаго августа открываются общія пренія, ограничивающіяся, впрочемъ, только тѣмъ, что де-Брольи говоритъ о первомъ параграфѣ, которымъ уничтожается его законъ 1874 года. Тщеславію его льститъ напомнить сенату, что онъ вводилъ этотъ законъ только какъ временную мѣру всего на 2 мѣсяца, а это уже его послѣдователь, де-Фурту, продолжилъ на 2 года правительственное назначеніе мэровъ даже не изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ. Эти совѣты, которымъ онъ, по его словамъ, нѣкогда не довѣрялъ, въ настоящее время заслуживаютъ его полнаго уваженія, такъ какъ делегатамъ изъ ихъ среды сенатъ обязанъ большинствомъ настоящаго своего состава. Поэтому, ораторъ надѣется, что сенатъ не допуститъ перевыборовъ этихъ именно совѣтовъ. Вслѣдъ затѣмъ, ловкій интриганъ и оракулъ реакціи заявляетъ, что «назначеніе мэровъ правительствомъ должно быть краеугольнымъ камнемъ всякаго правильнаго общественнаго устройства». Онъ совѣтуетъ сенату принять поправку Гривара, которою предлагается система, существовавшая при Лю-

довикѣ-Филиппѣ: центральная власть назначаетъ мэровъ и ихъ помощниковъ изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ.

Адвокатъ Гриваръ, бывшій во время имперіи главою либеральной партіи въ Реннѣ, насчитывавшей въ своей средѣ не мало и республиканцевъ, до 1871 года былъ децентрализаторомъ; теперь же, ставъ клерикаломъ и фузіонистомъ, отрицается отъ своихъ прежнихъ мнѣній. Министръ внутреннихъ дѣлъ, хотя и съ мѐньшею непреклонностью, чѣмъ въ палатѣ передъ бонапартистами, оспариваетъ въ сенатѣ противуреспубликанскую коалицію, собравшуюся подъ знамя орлеанизма. Онъ подсмѣивается надъ тѣмъ, что встрѣчаются политики, которые, признавая муниципальные совѣты способными выбирать делегатовъ, избравшихъ достойныхъ сенаторовъ, считаютъ ихъ неспособными назначить и отличныхъ мэровъ. Подсмѣивается онъ также и надъ опасеніями всеобщаго голосованія и доказываетъ, что запугиваніе публики страхомъ «общественной опасности»—штука уже старая, которую пора бы и бросить. Въ подкрѣпленіе доводовъ своего товарища, среди шума недовольства, поднятаго правыми, предсѣдатель совѣта заявляетъ съ министерской скамьи, что, если, при существованіи закона 1871 года, кое-гдѣ и производились муниципальные безпорядки, то только въ большихъ городахъ, гдѣ именно мэры-то и назначались правительствомъ! Когда де-Марсэръ сталъ говорить далѣе, что законъ 1831 года, при существованіи избирательнаго ценза, былъ для своего времени весьма прогрессивенъ и что законъ 1876 года могъ бы быть гораздо либеральнѣе, по логикѣ вещей и при постоянномъ увеличеніи общинныхъ свободъ, то де-Брольи позволилъ себѣ громко расхохотаться. Министръ упрекнулъ за это герцога и, въ личное назиданіе этому академику, сдѣлалъ краткій очеркъ исторіи освобожденія коммунъ, ожививъ свой разсказъ комическимъ эпизодомъ о томъ, кàкъ монархія нѣсколько разъ дѣлала источникомъ своихъ доходовъ запрещенія муниципальныхъ правъ, которыя города должны были у нея выкупать. Заканчивая свою рѣчь, онъ указываетъ сенату на его долгъ—слѣдовать общественному мнѣнію и не противодѣйствовать ему, за исключеніемъ случаевъ слишкомъ быстрыхъ его порывовъ. Онъ совѣтуетъ ему упрочить гармонію между общественными властями принятіемъ уступочнаго муниципальнаго закона, признанія котораго депутатами, обязавшимися *добиться гораздо бòльшаго предъ своими избирателями*, правительство могло достигнуть, благодаря только ихъ образцовой патріотической умѣренности.

При этихъ словахъ министра, ропотъ реакціонеровъ удвоивается.—«Ваша строгость относительно правительства, говоритъ тогда де-Марсэръ:—противъ всѣхъ его дѣйствій и намѣреній представляетъ собою чтò-то очень странное. Приходится думать невольно, что преслѣдуются какія-то сокровенныя цѣли и что вы дѣйствуете по какому-то плану».—«Для меня все это—какая-то галиматья, въ которой я ничего не понимаю!» произнесъ гене-

ралъ Шангарнье.—«А понять можно!» продолжаетъ министръ.— «И мы всѣ понимаемъ отлично, и страна все понимаетъ», говорить разомъ сотня республиканцевъ. Тогда министръ заканчиваетъ свою рѣчь похвалою республиканской партіи; онъ приводитъ ироническія слова де-Брольи, что «она боится заставить себя бояться», и доказываетъ, что въ этомъ-то и состоитъ ея честь, такъ какъ она позволяетъ, своимъ самообладаніемъ, консервативному и либеральному правительству удовлетворять волѣ страны въ самыхъ тѣсныхъ границахъ.

Искуснѣйшій изъ орлеанистскихъ ораторовъ, Бошѐ, взявшись снова за апологію закона 1831 года, старается доказать, что національное единство будетъ скомпрометировано, если 33 тысячи общинъ станутъ сами выбирать себѣ мэровъ и что, когда эти послѣдніе выйдутъ изъ-подъ прямого подчиненія центральной власти, то во всемъ и даже въ самой защитѣ страны произойдетъ полная дезорганизація. Совершенно наоборотъ Токвилю и либеральнымъ коституціонастамъ прежняго времени, онъ разсыпается въ похвалахъ администраціи Франціи стараго режима и требуетъ, въ виду настоящей Европы, болѣе, чѣмъ когда бы то ни было объединенной, централизованной и вооруженной, поддержанія могущественнаго (прежніе ораторы сказали бы убивающаго, подавляющаго и смертельнаго) національнаго единства. Опытъ 1870 года, когда наполеоновская централизація, рухнувшая съ первыхъ же побѣдъ пруссаковъ, удивила весь міръ своимъ безсиліемъ военнымъ и административнымъ—какъ будто не существуетъ для оратора, между тѣмъ какъ, при меньшемъ числѣ префектовъ и при бо̀льшемъ количествѣ самостоятельныхъ общинъ, которыя стали бы противодѣйствовать непріятелю, самое нашествіе не могло бы такъ быстро совершиться, и враги Франціи не могли бы столь скоро появиться подъ стѣнами ея столицы.

Никто, однако же, изъ федеральныхъ республиканцевъ не нашелся возразить Бошѐ такимъ доводомъ. Конечно, не якобинцу Шаллемель-Лакуру было опровергать тезисъ о національномъ единствѣ. Жюль Симонъ удовольствовался указаніемъ на то, ка̀къ слабы передъ центральною властью общины, насчитывающія среднимъ числомъ не болѣе 1,000 жителей. Предоставленіе такимъ незначительнымъ коллективностямъ полную свободу развиваться не представляетъ, слѣдовательно, никакой опасности, а только даетъ всевозможныя выгоды. При правительствѣ, вышедшемъ изъ всеобщаго голосованія, не существуетъ болѣе ни правительственной касты, ни управляющихъ классовъ, и община должна быть республикой въ маломъ видѣ, чтобы, управляя самостоятельно своими скромными дѣлами, она пріучалась участвовать въ управленіи Франціи. Законъ, удовлетворяющій всѣмъ консервативнымъ требованіямъ, такъ какъ онъ предоставлетъ правительству назначеніе мэровъ во всѣхъ городахъ, во всѣхъ политическихъ центрахъ, не исключая даже центровъ большихъ

кантоновъ, и принятый радикальнымъ большинствомъ, благодаря только образцовой его умѣренности, не можетъ быть отвергнутъ иначе, какъ на основаніи заранѣе принятаго рѣшенія дѣйствовать ради такъ-называемой «политики конфликтовъ». «Если сенатъ, восклицаетъ ораторъ:—злоупотребитъ своимъ правомъ veto противъ закона, защитники котораго имѣютъ на своей сторонѣ всѣ справедливые доводы, а противники—только нелѣпыя предположенія, то авторитетъ сената, которому предстоитъ оказать странѣ немалыя заслуги, будетъ *умаленъ* ради нашего удовольствія и, такъ сказать, задушенъ собственными нашими руками».

Генералъ Луазель, ничемъ, впрочемъ, не прославившійся и не обладающій особеннымъ краснорѣчіемъ, приводитъ въ подкрѣпленіе орлеанистской тэмы весьма шаткій аргументъ, что, такъ какъ наборы, конскрипціи лошадей и военныя реквизиціи находятся въ зависимости отъ мэровъ, то исполненіе ни одного изъ законовъ о реорганизаціи арміи не будетъ обезпечено, если деревенскіе мэры будутъ въ зависимости отъ муниципальныхъ совѣтовъ, вмѣсто того, чтобы находиться въ полномъ подчиненіи у правительства. Хотя маркизъ де-Франльё—и безспорный сторонникъ сильной власти во всѣхъ отношеніяхъ, но въ настоящую минуту ему кажется, что «честные люди» менѣе потеряютъ, оставляя выборъ мэровъ въ рукахъ муниципальныхъ совѣтовъ, чѣмъ предоставляя его республиканскому министру и префектамъ. Легитимисты не думаютъ, по его словамъ, подобно орлеанистамъ, уничтожать мѣстныя вольности, почему онъ и требуетъ, совершенно, какъ радикалы нижней палаты, простого возвращенія къ закону 1871 года. Это измѣненіе поправки отвергнуто простымъ вставаніемъ и сидѣніемъ. Поправка Гривара отвергается 152 голосами при публичномъ голосованіи. Только 117 сенаторовъ высказываются за законъ 1831 года, такъ какъ ни легитимисты, ни бонапартисты не хотятъ поддержкою орлеанистскаго предложенія поставить орлеанистовъ какъ бы во главѣ противо-республиканской коалиціи.

Чтобы сплотить коалицію, появляется новая поправка отъ имени ничѣмъ въ жизни себя не заявившаго сенатора Брюне. Дѣло въ ней идетъ о предоставленіи префектамъ права запрещать мэрамъ исполненіе ихъ обязанностей на 3 мѣсяца, президенту же республики—отставлять ихъ съ тѣмъ, чтобы они на цѣлый годъ послѣ этого теряли право быть вновь избираемы, и замѣщать ихъ особыми делегатами изъ среды муниципальныхъ совѣтниковъ или *избирателей*. Поправка эта—тотъ-же законъ де-Брольи, весьма мало смягченный. Сопротивляется этой поправкѣ, отъ имени комиссіи, Рауль Дюваль-отецъ, такъ какъ, по существующимъ законамъ, правительство имѣетъ право запрещать дѣятельность и отставлять муниципальныхъ чиновниковъ. Такъ какъ подобная спеціальная мѣра была бы слишкомъ непопулярна, то бонапартистамъ очень важно выказать, что они ей не сочувствуютъ. Но Бюффè уцѣпляется за нее, какъ за свое собственное

изобрѣтеніе, и для защиты ея впервые появляется на сенатской трибунѣ. Весьма раздраженнымъ тономъ, доказывающимъ, что желчь павшаго министра еще не успокоилась, онъ требуетъ, чтобы правительство цитировало текстъ законовъ, на основаніи которыхъ, если поправка Брюне будетъ отвергнута, оно будетъ въ состояніи арестовывать, отдавать судебному преслѣдованію и наказывать мэровъ, не исполняющихъ своихъ обязанностей, и уничтожать ихъ незаконныя дѣйствія? Де-Марсэръ весьма сухо напоминаетъ своему предшественнику, притворяющемуся незнающимъ, неотмѣненныя еще статьи законовъ 1871, 1855 и 1831 годовъ и объявляетъ, что ихъ для правительства весьма достаточно, чтобы защитить себя ото всякихъ муниципальныхъ злоупотребленій. Несмотря на это, вліяніе Бюффè и де-Брольи въ сенатѣ еще такъ велико, что поправка отвергается только пятью голосами большинства: 143 противъ 137. Въ засѣданіи 11-го августа, Толэнъ и Ферруль̀а представляютъ, въ видѣ поправки, третій, исключенный комиссіей параграфъ, требуя, чтобы въ теченіи трехъ мѣсяцевъ были переизбраны всѣ муниципальные совѣты. Бывшій рабочій, рѣзчикъ, съ большимъ остроуміемъ подтруниваетъ надъ консерваторами за то, что они въ сенатѣ ведутъ себя ультра-реакціонерами, между тѣмъ какъ въ палатѣ готовы представлять самыя либеральныя предложенія, если только увѣрены напередъ, что они не пройдутъ; онъ указываетъ на боязнь сторонниковъ воззванія къ народу передъ всеобщимъ голосованіемъ, произведеннымъ свободно, и смѣется надъ ихъ притворнымъ ужасомъ, внушаемымъ имъ параграфомъ закона, принятымъ правительствомъ и голосованнымъ въ палатѣ простымъ поднятіемъ рукъ, безъ всякаго сопротивленія правыхъ. На жалкій и вялый отвѣтъ Толэну бывшимъ министромъ Наполеона III-го, де-Парьё, возражалъ знаменитый юрис-консультъ изъ лѣваго центра, Беранжè: «Прежде избраніе мэровъ должно пополнить составъ муниципальныхъ совѣтовъ, сказалъ онъ:—почему же предполагать, что общіе выборы произведутъ бо̀льшую агитацію, чѣмъ эти добавочные, которыхъ будетъ не мало? Не будетъ ли справедливымъ общее возобновленіе муниципальныхъ совѣтниковъ послѣ того, какъ конституціей дано имъ новое право избирательства въ сенатъ, котораго ихъ избиратели не могли имѣть въ виду при ихъ выборахъ? Когда всѣ общественныя власти возобновлены, то не логично ли, чтобы было возобновлено и самое ихъ основаніе—власть муниципальная? Какихъ волненій можно опасаться въ такое время въ странѣ, когда въ первый разъ еще въ ней господствуетъ полнѣйшее согласіе въ стремленіяхъ большинства народа со стремленіями лицъ, стоящихъ у власти? И можно ли смѣшивать съ опасными агитаціями законное движеніе свободныхъ выборовъ?»

Широкій либерализмъ оратора произвелъ сильное впечатлѣніе на представителей центра, бывшихъ до того противъ выборовъ. Если бы Дюфоръ поддержалъ теперь необходимость выборовъ

отъ имени министерства, то § 3 навѣрное бы прошелъ; но хранитель печати опасался рискнуть на это наканунѣ своего выбора въ пожизненные. Отъ лица реакціи, сенаторъ Парисъ торопится объяснить, что § 3 прошелъ въ палатѣ случайно и неожиданно, безъ всякихъ преній, такъ какъ не былъ представленъ ни правительствомъ, ни законодательной комиссіей, и что исключеніе его—дѣло благоразумное, не могущее имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій. При голосованіи, противъ выборовъ оказывается 154 голоса, *за* только 125. Всѣ бонапартисты вотировали противъ, три представителя центра подали голоса съ правыми, шестеро изъ нихъ воздержались отъ голосованія.

Законопроектъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, былъ принятъ 176 голосами противъ 89. Эта цифра, напоминающая годъ начала первой французской революціи, соединила въ себѣ всѣхъ непримиримѣйшихъ враговъ республики. Къ такому жалкому меньшинству пришло все знаменитое ополченіе безусловной оппозиціи всему, что̀ бы ни выходило изъ палаты и ни способствовало къ упроченію республики съ де-Брольи и Бюффè во главѣ съ Кердрелемъ и Белькастелемъ въ хвостѣ, съ Дарю въ центрѣ и съ Дюпанлу, окропляющимъ святою водою всю эту процессію.

Впрочемъ, со стороны этихъ господъ было большою ошибкою обнаружить себя въ такомъ меньшинствѣ; для избѣжанія этого, они могли или отстраниться отъ голосованія, или, еще лучше, голосовать за принятіе закона, съ урѣзаннымъ 3-мъ § и тѣмъ сдѣлать республиканскимъ депутатамъ ненавистнымъ самый законъ. Тогда они одержали бы полупобѣду, теперь же понесли пораженіе, и выказали свою неловкость.

IV.

Мирное окончаніе дѣла съ муниципальнымъ законопроектомъ. — Избраніе Дюфора въ пожизненные сенаторы. — Конецъ сессіи. — Процессъ Грималя и военная юстиція. — Манифестъ крайней лѣвой. — Недовольство Гамбеттою въ Бельвиллѣ. — Открытіе генеральныхъ департаментскихъ совѣтовъ. — Статуя Паскаля. — Новое избраніе сенатора. — Рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ и общественныхъ работъ. — Безуміе реакціонеровъ и оптимизмъ республиканцевъ.

Черезъ пол-часа послѣ сенатскаго голосованія, министръ внутреннихъ дѣлъ передалъ законопроектъ о мэрахъ президенту Греви, который палата даже не отправляла и въ муниципальную комиссію. Не болѣе, какъ черезъ часъ, депутатъ Ферри представилъ объ немъ на скоро составленный докладъ, въ которомъ иронически передаетъ о притворномъ ужасѣ сенаторовъ передъ выборами. Онъ убѣждаетъ прямыхъ избранниковъ народа дать новое доказательство ихъ миролюбія и либерализма, принявъ законъ, даже въ изувѣченномъ видѣ, въ какомъ онъ вы-

шелъ изъ сената, чтобы хотя 33 тысячи общинъ изъ 36 тысячъ могли немедленно воспользоваться правами самоуправленія. Относительно же обнародованія закона было условлено заранѣе, что оно произведется неотложно, и что ранѣе окончанія сессіи министерство объявитъ, что общіе муниципальные выборы произойдутъ въ законный срокъ, т. е. въ ноябрѣ 1877 года. Республиканцы догадались, что отъ этой отсрочки выборовъ проиграетъ только реакція, такъ какъ между обновленіемъ состава муниципальныхъ совѣтовъ и выборомъ делегатовъ для избранія трети сенаторовъ срокъ будетъ короче. Палата соглашается съ заключеніемъ доклада Ферри; конфликта возбуждать никто не хочетъ. Никто изъ непримиримыхъ не протестуетъ. Въ публичномъ голосованіи нѣтъ надобности, и законъ принимается простымъ вставаніемъ и сидѣніемъ, причемъ отстраняется только незначительное число радикаловъ. И, такимъ образомъ, законъ де-Брольи отъ января 1874 г. отмѣняется, а вмѣсто него появляется законъ 11-го августа 1876 года.

Вполнѣ политическій образъ дѣйствій республиканскаго большинства, безъ исключенія кого бы то ни было, приводитъ въ отчаяніе сенатскую коалицію. Всякія попытки ея воспрепятствовать назначенію Дюфора пожизненнымъ сенаторомъ рѣшительно не удаются. Утромъ 12-го августа на сенатской трибунѣ открывается баллотировка для замѣщенія вакансіи умершаго Казиміра Перье; бонапартисты отстраняются отъ голосованія; орлеанисты, за исключеніемъ двухъ, опасаются поддержкой своего кандидата, генерала де-Шабо Латура, подтвердить свое пораженіе, нанесенное имъ забаллотированіемъ поправки Гривара. Всѣ соединенныя усилія клерикаловъ, легитимистовъ и фузіонистовъ достигаютъ только того, что они, за своего кандидата Шенелонга собираютъ едва 20-ю голосами болѣе, чѣмъ имѣли ихъ за непринятіе муниципальнаго закона, т. е. 109. При первомъ же баллотированіи, республиканское министерство получаетъ выраженіе къ себѣ столь полнаго довѣрія сената, о какомъ оно только могло мечтать: глава его — Дюфоръ, избирается пожизненнымъ сенаторомъ 161 голосомъ, въ числѣ которыхъ всѣ лѣвые, не исключая Виктора Гюго и Пейра, и очень многіе конституціоналисты, соединившіеся, по мысли Одиффре-Пакье, который заявляетъ этимъ свою ненависть противъ имперіалистовъ и легитимистовъ.

Въ этотъ же день въ палатѣ Дюфоръ получаетъ отставку отъ званія депутата, а нѣсколько времени спустя, послѣ голосованія бюджета изящныхъ искусствъ, появляется и президентское заявленіе о закрытіи обыкновенной сессіи 1876 года. Въ сенатѣ подобное же заявленіе произошло только нѣсколькими минутами ранѣе. Въ обѣихъ палатахъ члены расходятся безъ какихъ бы то ни было громкихъ заявленій. Въ палатѣ депутатовъ забываютъ даже продолжить послѣднее засѣданіе на какой-нибудь часъ для того, чтобы исчерпать очередной порядокъ и вотировать, хотя въ первомъ чтеніи, предложеніе Гатино о прекращеніи преслѣ-

дованій коммунаровъ и дѣятельности военныхъ судовъ по дѣламъ, относящимся къ инсурекціи 1871 года. А между тѣмъ, маршалъ, въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, успѣлъ произвести только 500 помилованій и смягченій наказаній, да и то для преступниковъ, осужденныхъ на болѣе легкія кары, при чемъ сюда попало не мало и такихъ, срокъ наказанія которыхъ былъ уже оконченъ, или которые уже умерли. Скандальный процессъ бывшаго капитана Грималя доказываетъ яснѣе дня, чѣмъ были военные суды въ дѣлѣ репрессіи и инсурекціи. Этотъ безцеремонный судья былъ членомъ правительственной комиссіи при одномъ изъ версальскихъ военныхъ судовъ и позволялъ себѣ всевозможные подлоги, поддѣлки и передѣлки документовъ во вредъ осужденнымъ. Арестованъ онъ былъ назадъ тому мѣсяцъ, а осужденъ 18 августа на пятилѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ и десятилѣтнее лишеніе гражданскихъ правъ. Депутатъ Бенжаменъ Распайль—не забудь палата о предложеніи Гатино—имѣлъ бы право и возможность съ бо̀льшею пользою высказать по поводу этого дѣла все то, что̀ онъ о немъ напечаталъ, и могъ бы потребовать, чтобы были пересмотрѣны всѣ процессы, при которыхъ обвинителемъ былъ этотъ негодяй, безстыдныя дѣйствія котораго обнаружены теперь гласнымъ судомъ. Кто не помнитъ, что преслѣдованіе ліонскаго депутата, Артура Ранка, началось именно вслѣдствіе грязныхъ статей «Patrie», писанныхъ именно Грималемъ, который, несмотря на то, что Ранкъ чрезъ 8 дней оставилъ коммуну, возвелъ на него всѣ преступленія, происходившія въ коммунѣ во все время ея существованія, чѣмъ и обусловленъ былъ смертный приговоръ Ранка... Поэтому, «République Française», которой Ранкъ, въ то время делегатъ турско-бордоскаго правительства, былъ однимъ изъ первыхъ учредителей и сотрудниковъ, напечатала энергическую статью по поводу суда надъ Грималемъ, который былъ въ числѣ тѣхъ позорныхъ писакъ, способствовавшихъ появленію во Франціи цѣлаго ряда безчестныхъ о̀ргановъ, возбуждавшихъ публику къ доносамъ, къ мести, ненависти и безпощадной жестокости. «République Française» дѣлаетъ изо всей этой исторіи такой выводъ: «Будемъ надѣяться, что публика, чрезъ посредство суда познакомившаяся со всею грязью этого дѣла, начнетъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ прислушиваться къ голосу тѣхъ, которые, во имя гуманности, твердятъ ей о прощеніи, забвеніи и дѣйствительномъ общественномъ умиротвореніи». Что «République Française» помѣстила эту свою статью въ качествѣ передовой—это, конечно, очень хорошо; но какая разница была бы, еслибы то же самое было произнесено въ Версали, напримѣръ, мощнымъ голосомъ Гамбетты?

Такимъ образомъ, первая сессія двухъ новыхъ палатъ окончилась безъ всякихъ бурь; депутаты и сенаторы разошлись въ различномъ состояніи духа, смотря по тому—къ реакціонерамъ или къ республиканцамъ они принадлежатъ. Реакціонеры поняли все свое безсиліе, доказаное имъ въ ту минуту, когда они

думали успѣть въ своемъ манёврѣ, долженствовавшемъ погубить республику; республиканцы—нѣсколько удивленные тѣмъ, что всѣ опасности, угрожавшія имъ, пали какъ-то чуть не сами собой.

Въ средѣ депутатовъ, вообще, господствуетъ оптимизмъ въ такой сильной степени, что отчетъ избирателямъ, посланный имъ въ первый же день вакацій 25-ю членами крайней лѣвой, отдѣлившимися отъ республиканскаго союза, для противодѣйствія диктатору политической системы «своевременностей», составленъ въ такомъ умѣренномъ тонѣ, что этого никакъ нельзя было ожидать. Послѣ заявленій вражды къ клерикализму, которыя могли бы подписать республиканцы всѣхъ оттѣнковъ, и утвержденія, что «страхъ конфликтовъ» былъ обращенъ въ какое-то пугало, которымъ пользовались для того, чтобы помѣшать осуществленію всего, чего желаетъ народъ, въ отчетѣ говорится, что «можно желать избѣгнуть конфликта между двумя палатами, можно не воевать съ политическими практиками, принимающими въ соображеніе всякія обстоятельства, но должно быть твердыми безъ лишнихъ увлеченій и энергичными безъ провокацій! «Далѣе въ немъ говорится: «Мы не отрицаемъ совершенно необходимости тактическаго дѣйствія, но думаемъ, что уступать его требованіямъ должно только послѣ громкаго провозглашенія принциповъ. Мы не отказываемся голосовать за minimum, но только послѣ того, какъ употребимъ всѣ усилія добиться maximum'a». Если въ манифестѣ далѣе слѣдуетъ перечисленіе всего того, что̀ требовалось въ палатѣ, безъ всякаго результата, начиная отъ амнистіи и до отдѣленія церкви отъ государства, отъ ограниченія срока военной службы тремя годами до полной свободы печати, сходокъ и ассоціацій — то это сдѣлано для того, чтобы показать, съ одной стороны, избирателямъ вѣрность депутатовъ даннымъ ими обязательствамъ, а съ другой — чтобы лишній разъ напомнить общественному мнѣнію основную суть программы настоящей республики. Съ этой точки зрѣнія манифестъ крайней лѣвой, единственный изъ появившихся отъ республиканскихъ депутатовъ, вполнѣ заслуживаетъ злобу монархистовъ, не поселяя, въ то же время, раздора между республиканцами, и можетъ быть названъ, не въ укоръ будь сказано его составителямъ, безукоризненнымъ въ смыслѣ «политики своевременностей». Увы! ка̀къ бы это ни было непріятно для слишкомъ горячихъ демократовъ, но формула, которую я привелъ для опредѣленія положенія вещей при первомъ примѣненіи къ практикѣ конституціонныхъ законовъ, такъ неохотно сфабрикованныхъ національнымъ собраніемъ 1871—1875 годовъ—«ничего нельзя сдѣлать до 1879 года; все надо подготовлять для 1880 года»—остается до сихъ поръ въ полной своей силѣ.

Если такая мысль не усвоена еще всѣми демократическими о̀рганами, то тѣ изъ искреннихъ демократовъ, которые не боят-

ся правды, какъ бы она ни была горька, которые съ наибольшимъ убѣжденіемъ стремятся къ полному развитію свободы и логической реализаціи справедливости, начинаютъ все больше и больше понимать всю трудность настоящаго переходнаго положенія и считаютъ своимъ долгомъ подчиняться необходимости безъ напрасныхъ обвиненій кого бы то ни было. Всякія преувеличенія и безразсудства дѣлаются все рѣже и рѣже. Они не находятъ никакого отзыва въ народѣ, который, повидимому, рѣшился пожертвовать для третьей республики семью годами (половина этого срока уже прошла) терпѣнія, какъ для республики 1848 года онъ соглашался на три мѣсяца нищеты.

10-го августа, въ честь годовщины взятія Тюильри, непримиримыми былъ устроенъ въ Сент-Антуанскомъ Предмѣстьи банкетъ. Предполагался онъ на 1,200 кувертовъ, но нашлось только 659 участниковъ. Викторъ Гюго и Луи-Бланъ не были на немъ, а прислали вмѣсто себя письма. Говорили рѣчи только депутаты Таландье и Накэ. Среди праздника произошло нѣкоторое смущеніе, такъ какъ въ среду пирующихъ забрался какой-то чудакъ, вздумавшій закричать: «Да здравствуетъ императоръ!» Въ началѣ мѣсяца, непримиримые, подъ вліяніемъ возбужденій газетъ «Droits de l'homme» и «Tribune», имѣли два частныя собранія въ Бельвиллѣ и Батиньолѣ, на которыхъ обсуждалось и вотировалось осужденіе «политики своевременности и уступокъ» большинства республиканскихъ депутатовъ. Батиньольское собраніе назначило особыхъ комиссаровъ для приглашенія всѣхъ парижскихъ депутатовъ къ дачѣ объясненій передъ ихъ избирателями. Но депутаты эти всѣ разъѣхались изъ Парижа до полученія этого приглашенія. Бельвилльское собраніе, на которомъ какой-то неизвѣстный демократъ назвалъ съ трибуны Гамбетту «безчестнымъ въ политическомъ смыслѣ человѣкомъ», отправило къ знаменитому депутату страховымъ письмомъ приказаніе явиться на него. Въ концѣ августа, имъ собрано было второе засѣданіе для выслушанія и осужденія этого «невѣрнаго представителя». На собраніе это, однако, не явился никто ни изъ депутатовъ, ни изъ муниципальныхъ совѣтниковъ, даже изъ самыхъ крайнихъ; двое или трое изъ нихъ прислали извинительныя письма. *Никто изъ извѣстныхъ публицистовъ или народныхъ ораторовъ не принималъ никакого участія въ происходившихъ на немъ преніяхъ.* Тѣмъ не менѣе, по предложенію какого-то никому неизвѣстнаго Боки-сына, было объявлено единодушно всѣми присутствовавшими (около 500 человѣкъ), за исключеніемъ 20-ти голосовъ (общее число избирателей въ округѣ 20,000), что «господинъ Гамбетта недостоенъ болѣе представлять собою 20-й парижскій округъ». Изъ всѣхъ демократическихъ газетъ только «Droits de l'homme» пріютила на своихъ страницахъ этотъ приговоръ слишкомъ осторожному трибуну. Напрасно реакціонныя газеты, всѣ до одной перепечатали его съ комментаріями, вызывавшими демократовъ на полемику. Отъ

«Tribune» и «Rappel'я» до «Siècle» и «République Française» ни въ одной изъ либеральныхъ газетъ не было заявлено объ этомъ дѣлѣ ни слова.

Открытіе генеральныхъ совѣтовъ въ 86-ти департаментахъ произошло самымъ мирнымъ образомъ. При избраніи новыхъ бюро, нѣсколько республиканцевъ получили въ нихъ предсѣдательство, такъ что теперь предсѣдателей-республиканцевъ чуть ли не болѣе, чѣмъ предсѣдателей изъ всѣхъ трехъ монархическихъ партій вмѣстѣ. Послѣдніе не осмѣлились нигдѣ заявлять своихъ сожалѣній и надеждъ, какъ они дѣлали это въ прошломъ году. Республиканцы же, съ своей стороны, въ виду закона, запрещающаго поднятіе политическихъ вопросовъ департаментскими собраніями, выказали въ этомъ отношеніи щепетильность, можетъ быть, нѣсколько излишнюю. Впрочемъ, такъ какъ въ настоящее время никто не оспориваетъ законности существованія республики, то въ подобныхъ заявленіяхъ не было и особенной надобности. Почти во всѣхъ совѣтахъ, при открытіи ихъ занятій, признана неотложная необходимость всевозможныхъ жертвъ для скорѣйшаго и повсемѣстнаго распространенія свѣтскаго первоначальнаго обученія—этой основы республиканскихъ учрежденій. Въ Пюи-де-Домѣ открытіе генеральнаго совѣта совпадало съ открытіемъ конгресса французской ассоціаціи для развитія наукъ. Ничто лучше не доказываетъ упадка вліянія духовенства, бывшаго еще недавно всесильнымъ въ Овернѣ, какъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ населеніе встрѣчало наѣхавшихъ туда ученыхъ. Министръ народнаго просвѣщенія Ваддингтонъ, этотъ неисправимый гугенотъ, воспользовался случаемъ, чтобы подарить городу Клермон-Феррану бронзовую статую знаменитѣйшаго изъ его урожденцевъ—Блэза Паскаля. Бо̀льшаго оскорбленія іезуитамъ нельзя было даже и придумать!

Всѣ тѣ изъ министровъ, которые до настоящей минуты были предсѣдателями генеральныхъ совѣтовъ, были выбраны снова, за исключеніемъ одного Дюфора. Немилости этой послѣдній подвергся за то, что онъ сохранилъ управленіе своимъ кабинетомъ за нѣкоемъ Бернаромъ Дютрейлемъ, сыномъ сенатора при имперіи, умершаго сенаторомъ республики, послѣ того, какъ онъ 20-го августа былъ выбранъ въ Майеннѣ на мѣсто своего отца, побѣдивъ республиканца Гоэ-Далиньона. Кандидатъ монархической коалиціи былъ выбранъ по недоразумѣнію: невѣжественные делегаты деревенской коммуны сочли его тоже республиканцемъ, зная, что онъ занимаетъ значительный постъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Деказу придется, вѣроятно, и въ будущемъ немало поплатиться за свою дружбу съ этимъ человѣкомъ!

Министры внутреннихъ дѣлъ и общественныхъ работъ присутствовали на земледѣльческомъ собраніи города Домфрона (Орнскаго Департамента), и произнесли тамъ рѣчи, напечатанныя въ «Оффиціальномъ Журналѣ». Обѣ эти рѣчи, вызвавшія бѣшенство реакціи, не перестали и до сихъ поръ

прославляться всѣми либеральными газетами, не исключая и радикальныхъ: до того онѣ не похожи на рѣчи, исходившія до сихъ поръ отъ представителей власти, до того онѣ характеристичны, какъ признакъ времени и знаменіе наступленія для Франціи какъ бы новой эры. Министръ Кристофль началъ съ заявленія, что республиканское правительство съумѣетъ лучше всякаго другого способствовать матеріальному процвѣтанію страны, съ обѣщанія широкой правительственной поддержки дѣлу окончанія третьей сѣти желѣзныхъ дорогъ и улучшенія внутренней навигаціи, которая была совершенно заброшена изъ-за конкуренцій большихъ желѣзно-дорожныхъ компаній къ ущербу дешевизны сообщеній. Потомъ онъ продолжалъ такъ: «Мы, то-есть я и другъ мой де-Марсэръ—изъ тѣхъ людей, которые, обдумавъ зрѣло какую-нибудь мысль и разъ рѣшившись провести ее въ дѣло, не отступаютъ никогда ни отъ какихъ ея послѣдствій, не поддаются никакой боязни отъ ея осуществленія. Наше будущее будетъ достойно нашего прошедшаго. Вѣрные республикѣ, служа всегда республиканской идеѣ, мы твердо рѣшились и впредь служить одной только ей и ничему другому, кромѣ нея». Де-Марсэръ, со своей стороны, объяснивъ въ подробности, какимъ образомъ Франція, послѣ окончательнаго паденія всякой попытки какой бы то ни было реставраціи, стала республиканскою и обладаетъ такимъ образомъ такою «политическою формою правленія, которая согласуется лучше всякой другой или, можно сказать даже, одна только и согласуется вполнѣ съ современнымъ общественнымъ порядкомъ и съ интересами и идеями, вышедшими изъ французской революціи». Далѣе министръ заявляетъ, что во Франціи никакихъ управляющихъ классовъ болѣе не существуетъ, что орлеанизмъ, при которомъ управленіе принадлежало богатству, сталъ уже невозможнымъ, и наступило время демократіи—«правительства всѣхъ для всѣхъ и при помощи всѣхъ». Онъ повторилъ еще разъ, что «республика окончательно учреждена» и что она «открываетъ безконечную перспективу надеждъ народу, такъ нуждающемуся въ ободряющей силѣ надежды». Далѣе, онъ отрицалъ централизацію, объяснилъ всѣ выгоды самоуправленія и заклиналъ гражданъ оставить дурную и застарѣлую привычку ожиданія всего отъ власти. «Я хотѣлъ бы, сказалъ онъ:—чтобы свобода живила сердца всѣхъ управляемыхъ... и чтобы правительство научило гражданъ, какъ имъ безъ него обходиться». Послѣ такого блестящаго изложенія практики политической философіи, министръ напомнилъ собранію о заслугахъ Тьера, этого «несравненнаго государственнаго человѣка», и предложилъ тостъ за него и за маршала Мак-Магона, назвавъ послѣдняго «образцемъ французской чести».

— Ни Гамбетта, ни Ледрю-Ролленъ никогда не высказывались такъ рѣзко и рѣшительно! Эта рѣчь—нечто иное, какъ прудоновьская *анархія*, возведенная въ государственную доктрину! зары-

чали всѣ продажные газетчики и льстецы претендентовъ невозможныхъ династій. Духовенство, съ своей стороны, обидѣлось на то, что министръ осмѣлился указать на то, что въ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ папы созрѣваетъ нѣчто въ родѣ уничтоженнаго *Нантскаго Эдикта*, для умиротворенія великихъ религіозныхъ интересовъ. Дюпанлу, подъ чужимъ псевдонимомъ, разразился цѣлымъ потокомъ проклятій противъ министра въ своей «Общественной Защитѣ»; Вёльйо просто не приходитъ въ себя отъ бѣшенства въ «Univers».

Неурядицы въ средѣ монархическо-католической коалиціи стали обнаруживаться послѣ этихъ рѣчей еще сильнѣе, чѣмъ это было при расхожденіи палатъ. Всѣ три партіи ея [illegible] [illegible], обвиняютъ въ этомъ другъ друга и перегрызаются въ печати одна съ другой [illegible] за то, что крайній центръ въ сенатѣ, обѣщавшій всѣ свои голоса [illegible] въ замѣну голосовъ крайней правой за Буффе, сдѣлалъ невозможнымъ избраніе [illegible] [illegible] [illegible] Рамбюто [illegible] [illegible] Бегюв [illegible] [illegible]

[illegible] Все, [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ВОЕВАТЬ ИЛИ НЕ ВОЕВАТЬ.

II.

Почти съ самаго начала сербской кампаніи можно было видѣть, что она не будетъ имѣть никакихъ блестящихъ результатовъ ни для Сербіи, ни тѣмъ болѣе для другихъ славянъ Балканскаго Полуострова. Сербія тогда бы только могла уравновѣсить нѣсколько свои силы съ Турціей и надѣяться на счастливый исходъ войны, еслибы она съ самаго начала войны успѣла вторгнуться въ Болгарію, завладѣть ею и сражаться противъ турокъ вмѣстѣ съ болгарами. Разъ этого не случилось, разъ Сербія осталась изолированною, предоставленною однимъ собственнымъ силамъ и поставлена была въ необходимость защищать свои собственныя границы, понятно, что всѣ надежды на блестящіе результаты должны были рушиться. Сербія сражалась и сражается геройски; она одержала нѣсколько блестящихъ побѣдъ надъ непріятелемъ, далеко превосходящимъ ее своими силами; она можетъ одержать еще нѣсколько и даже много таковыхъ же побѣдъ, благодаря обильному приливу русскихъ волонтеровъ въ сербскую армію, въ настоящее время все болѣе и болѣе увеличивающемуся, а конецъ, все таки, будетъ тотъ, что она должна истощиться и должна будетъ уступить туркамъ, если не предположить, что сербская война будетъ вестись наконецъ исключительно русскими боевыми силами и средствами. Такой результатъ неизбѣженъ по самой численности турокъ и богатству ихъ матеріальныхъ средствъ для войны сравнительно съ Сербіею.

Турки понимаютъ это очень хорошо, но они, вмѣстѣ съ тѣмъ, понимаютъ также и то, что окончаніе войны съ Сербіею — не конецъ войны, а только первая стадія войны. Они знаютъ, что, какія бы побѣды въ Сербіи они ни одержали, это не будетъ имѣть ровно никакого значенія для рѣшенія восточнаго вопроса, который сталъ теперь вопросомъ дня и который, если не разрѣшить окончательно, то, по крайней мѣрѣ, предрѣшить должна Европа немедленно, теперь же. Предрѣшить же его она ни въ какомъ случаѣ не можетъ иначе, какъ въ направленіи, неблаго-

пріятномъ для турокъ. Ибо ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставить она балканскихъ славянъ въ томъ же отношеніи къ Турціи, въ какомъ они были до начала ихъ возстанія. Это чувствуютъ турки—и вотъ почему, по свидѣтельству одного константинопольскаго корреспондента «Агентства Гаваса», знающаго положеніе турецкихъ дѣлъ, «болѣе проницательныхъ турокъ нисколько не радуютъ побѣды Эюба-паши». Ведя войну съ Сербіею, турки, по словамъ того же корреспондента, приготовляются къ новой, болѣе важной войнѣ. «Я уже писалъ вамъ, говоритъ онъ:—что вооружаютъ Карсъ и Эрзерумъ. Въ понедѣльникъ двадцать двѣ круповскія пушки отправлены изъ Топханѐ въ эту послѣднюю крѣпость. Теперь укрѣпляютъ Батумъ, гдѣ тысяча работниковъ, подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба, заняты возведеніемъ сооруженій для защиты. Съ другой стороны, посылаютъ сильные отряды войскъ, вызванныхъ изъ Сиріи, въ Критъ и принимаютъ также большія предосторожности на греческой границѣ. Повсюду готовятся къ сопротивленію, на сербско-турецкую войну смотрятъ, повидимому, только какъ на прелюдію имѣющихъ наступить важныхъ событій». («Temps», 2 Sept.).

И мы думаемъ, что турки не ошибаются, ожидая за войною съ Сербіею другой, бо̀льшей войны. Безъ войны дѣло едвали обойдется, хотя война и нежелательна для Европы и, конечно, ни для какого нежелательна.

Недавно еще многіе, не вникая въ дѣло, думали, что умиротвореніе Балканскаго Полуострова зависитъ исключительно отъ Сербіи, что, если она изъявитъ желаніе закончить войну и заключить миръ съ Турціей, то этимъ будетъ положенъ конецъ славянскому волненію на Балканахъ и не останется болѣе никакихъ особенныхъ затрудненій для улаженія дѣла въ Турціи. Поэтому, когда, назадъ тому двѣ или три недѣли, князь Миланъ заявилъ европейскимъ консуламъ, что онъ готовъ прекратить военныя дѣйствія и вступить въ мирныя сношенія съ Турціей, извѣстіе это въ бо̀льшей части европейской прессы было встрѣчено съ радостію. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, только съ окончаніемъ сербской войны и начнутся для Европы истинныя затрудненія, которыя очень легко могутъ повести къ новой войнѣ. Надобно умиротворить Турцію нетолько съ Сербіей, но и съ Черногоріей, и съ Герцеговиной, и съ Босніей, и съ Болгаріей. Ка̀къ это сдѣлать, не задѣвая слишкомъ болѣзненно самолюбія Турціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не жертвуя ему правдою дѣла, не оставляя славянъ въ прежнемъ беззащитномъ, безпомощномъ положеніи относительно турокъ? Сравнительно, Сербію еще легче примирить съ Турціей, чѣмъ другія славянскія народности. Сербія до войны была почти независимой отъ Турціи. Слѣдовательно, status quo ante bellum, во всякомъ случаѣ, можетъ быть принято за основаніе мирныхъ соглашеній, за точку отправленія, противъ которой Турція не будетъ и не можетъ возражать. Однакожь, и здѣсь посмотрите: сколько

можетъ представиться поводовъ къ разногласіямъ и спорамъ между представителями державъ, которыя будутъ разсуждать объ условіяхъ мира? Если Сербія одержитъ рядъ блистательныхъ побѣдъ надъ Турціей, то было бы, конечно, величайшею несправедливостію нетолько не дать ей полной самостоятельности, оставить въ прежнемъ вассальномъ положеніи къ Турціи, но даже не дать ей вознагражденія, какъ за тѣ громадныя жертвы, которыя она принесла въ войнѣ, вынужденной, невольной, вызванной самой Турціей, такъ и за тѣ безчисленныя, чисто варварскія опустошенія и раззоренія, которыя произвела въ ней последняя. Противъ такой несправедливости возопилъ бы весь русской народъ, всѣ лучшіе, благороднѣйшіе умы и сердца въ Европѣ. И, однакожь, на требованіе самостоятельности и вознагражденія для Сербіи взглянетъ, какъ на кровную для себя обиду, нетолько Турція, но на это не согласится и Англія, если въ ней останется нынѣшнее министерство, и въ особенности Австрія. Австрія видитъ въ Сербіи новый Пьемонтъ для себя и самостоятельности ея будетъ, вѣрно, сопротивляться всѣми силами.

Но переворотимъ медаль и посмотримъ на нее съ другой стороны. Положимъ, побѣдительницей изъ турецко-сербской войны выйдетъ не Сербія, а Турція. Чего она потребуетъ? Предугадать это трудно, но надобно думать, что потребуетъ она очень многаго. Турція теперь пока—еще не побѣдительница, но на сообщенное ей представителями державъ отъ князя Милана предложеніе мира заявила, если вѣрить газетамъ, ужасныя требованія. Полный списокъ этихъ требованій, сообщаемый вѣнской газетой «Politische Correspondenz», слѣдующій: 1) занятіе всѣхъ сербскихъ крѣпостей турецкими войсками; 2) лишеніе Сербіи права имѣть свою армію; 3) вознагражденіе за войну въ 10 мильйоновъ турецкихъ ливровъ и 4) проложеніе черезъ Сербію желѣзной дороги, постройка и эксплуатація которой будетъ принадлежать оттоманскому обществу. Разныя газеты даютъ, впрочемъ, разныя редакціи требованій со стороны Турціи. При первоначальномъ извѣстіи о предложеніи со стороны князя Милана мира, газеты сообщали, что Турція принимаетъ предложеніе на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы 1) князь Миланъ просилъ мира лично; чтобы 2) Турціи отдано было нѣсколько крѣпостей въ Сербіи, какъ это было до 1866 года; чтобы 3) Сербія заплатила военныя издержки Турціи. Для насъ теперь не важно знать, дѣйствительно ли Турція предлагала эти условія, или они просто выдуманы были досужими журналистами; но важно то, что иностранная пресса, обсуждая эти условія, находила, что, дескать, первое изъ этихъ условій, т. е., чтобы князь Миланъ самъ просилъ мира, пожалуй, лишнее, тѣмъ болѣе, что на это не согласна Россія, что о занятіи сербскихъ крѣпостей турками можно разсуждать такъ и сякъ, но что, дескать, умѣренное возна-

гражденіе Турціи Сербіей за войну — требованіе совершенно справедливое??!!

Risum teneatis, o populi! Сербія должна вознаграждать Турцію за войну! Но ужь не должна ли вознаграждать ее за свое избіеніе и Болгарія? Европейская пресса продолжаетъ считать виновницею войны Сербію; причины ея она ищетъ въ честолюбивыхъ замыслахъ сербскаго правительства; она не хочетъ признать, что Сербія начала войну по необходимости, что она не могла не начать ея, что она вызвана была къ тому самой Турціей и, если угодно, цѣлой Европой. Установимъ факты, какъ было дѣло.

Парижскимъ трактатомъ 1856 года Турція обязалась произвести реформы въ своемъ внутреннемъ управленіи и вполнѣ обезпечить положеніе своихъ христіанскихъ подданныхъ. Въ продолженіи двадцати лѣтъ, протекшихъ со временъ парижскаго трактата, никакихъ она, однакожь, реформъ не произвела и продолжала угнетать христіанскія населенія, какъ угнетала ихъ и прежде. Это прямое нарушеніе парижскаго трактата, совершавшееся въ очію всѣхъ державъ-поручительницъ, оставалось безъ всякаго съ ихъ стороны вниманія. Однакожь, оно-то и было тѣмъ сѣменемъ, изъ котораго породились и развились современныя событія. Угнетенія, безнаказанно совершаемыя Турціею надъ ея христіанскими подданными, вызвали возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи. Державы-поручительницы и здѣсь, вмѣсто того, чтобы немедленно войти въ разсмотрѣніе причины этого возстанія и обязать Турцію къ точному исполненію парижскаго трактата по отношенію нетолько къ возставшимъ провинціямъ, но и вообще къ ея христіанскимъ подданнымъ, оставались спокойными зрительницами возстанія въ продолженіи почти цѣлаго года. Между тѣмъ, возстаніе христіанскихъ населеній въ Босніи и Герцеговинѣ, естественно, должно было увеличить въ туркахъ ненависть и подозрительность и къ другимъ христіанскимъ населеніямъ и отразиться самыми жестокими угнетеніями надъ послѣдними. Болгарія, находившаяся въ полной власти турокъ, поплатилась за это больше всѣхъ. Сербія, имѣвшая собственное внутреннее управленіе и собственное войско, конечно, не могла подвергнуться такому разгрому, какъ Болгарія. Но поэтому именно она должна была возбуждать тѣмъ бо̀льшую ненависть къ себѣ турокъ и тѣмъ бо̀льшую подозрительность. Турки приняли относительно ея другія мѣры. Они окружили ее войсками. Само собою разумѣется, что, въ виду турецкихъ войскъ, сербы не могли оставаться спокойными. Хотя неприкосновенность Сербіи и была гарантирована парижскимъ трактатомъ, но уже самое безнаказанное неисполненіе Турціею, въ продолженіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ, обязательствъ, возложенныхъ на нее по отношенію къ христіанамъ этимъ трактатомъ, показывало, что трактатъ этотъ не представляетъ никакой гарантіи для Сербіи. Да и что̀ такое вообще какой бы то ни было трактатъ для такого народа, какъ

турки, которые, въ сущности, вовсе никогда не признавали европейскаго международнаго права и, если временно удерживались на почвѣ его, то только тамъ, гдѣ это имъ было выгодно или гдѣ уважать его заставляло ихъ собственное безсиліе? Для своей защиты сербы, по необходимости, должны были взяться за оружіе, тѣмъ болѣе, что турки, хотя и не переходили открыто сербскихъ границъ, но по временамъ вторгались въ Сербію, грабили пограничныхъ жителей, уводили скотъ и т. п. Такимъ образомъ, маленькая Сербія, у которой контингентъ дѣйствительнаго войска самый ничтожный и у которой въ военное время подъ ружье становится весь народъ, была вынуждена вся бросить свои занятія и для охраны своей страны отъ турокъ сосредоточиться у границъ. Проходили недѣли, мѣсяцы въ такомъ напряженномъ положеніи цѣлаго народа. Земледѣліе, торговля, промыслы—все остановилось. Державы-поручительницы не обращали на это опять никакого вниманія; онѣ не потребовали отъ Турціи, какъ бы онѣ должны были, немедленнаго удаленія турецкихъ войскъ отъ сербскихъ границъ. Между тѣмъ, то напряженное состояніе, въ которомъ находилась Сербія, было самоубійствомъ для нея. Для сербскаго народа выгоднѣе было броситься въ войну, проиграть даже нѣсколько сраженій—только какъ можно скорѣе—и опять усѣсться на мѣсто и приняться за свое дѣло, чѣмъ безполезно стоять подъ ружьемъ, бросивъ всѣ свои занятія, ничего не дѣлая и даромъ тратя сотни тысячъ денегъ на свое вооруженное содержаніе, и, при этомъ, кромѣ того, еще быть въ полной неизвѣстности относительно того, когда все это кончится... Онъ могъ простоять такимъ образомъ и годъ, и два, и три... Народъ справедливо роптал и требовалъ войны. Князь Миланъ обратился съ почтительнымъ представленіемъ къ своему сюзерену и, изобразивъ передъ нимъ напряженное и раздраженное состояніе всего сербскаго народа, просилъ его объ отозваніи турецкихъ войскъ отъ сербскихъ границъ. Султанъ отказалъ.

Теперь я спрашиваю: кто виноватъ въ сербско-турецкой войнѣ? Сербы или сами турки и державы-поручительницы? Мнѣ кажется, послѣ того, что̀ я сказалъ, въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ не можетъ быть сомнѣнія. Турція первая нарушила парижскій трактатъ, не исполнивъ тѣхъ обязательствъ, которыя приняла на себя по этому трактату относительно славянъ, и этимъ вызвала возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи; она же окружила, безъ всякой нужды и безъ всякаго права Сербію войсками, заставила сербскій народъ стать подъ ружье, безплодно и безцѣльно раззоряться, произвела въ немъ ропотъ и раздраженіе... Она—единственная виновница войны и нетолько не имѣетъ никакого права на вознагражденіе за военныя издержки, а, напротивъ, должна сама заплатить Сербіи какъ за тѣ издержки, которыя употребила послѣдняя на приготовленіе къ войнѣ, такъ и за тѣ раззоренія, которыя причинены ей турками во время войны.

Если же и за всѣмъ этимъ Европа, все-таки, найдетъ, что Турція должна быть вознаграждена, то и въ такомъ случаѣ уплата этого вознагражденія можетъ быть возложена развѣ на державъ-поручительницъ, которыя не блюли за точнымъ исполненіемъ парижскаго трактата, что̀ лежало на прямой ихъ обязанности, а никакъ не на неповинную ни въ чемъ Сербію.

Обращусь теперь къ другой сторонѣ дѣла. Турція, по своему географическому положенію, отчасти входитъ въ Европу и признаётся принадлежащей къ семьѣ европейскихъ державъ. Но въ дѣйствительности она остается государствомъ вполнѣ азіатскимъ и по своей религіи, и по своему міросозерцанію, вполнѣ проникнутому этой религіей, и по принципу своего законодательства внутренняго, и по отношеніямъ международнымъ. Она не имѣетъ никакого уваженія къ международному европейскому праву, нарушаетъ и обходитъ его самымъ безчестнымъ образомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она можетъ это сдѣлать безнаказанно. Возможно ли, спрашивается, и справедливо ли соблюдать относительно ея всѣ тѣ требованія, которыя соблюдаются относительно воюющихъ между собою народовъ цивилизованныхъ и которыя основываются единственно на признаніи и точномъ исполненіи всѣми ими международнаго права во время войны? Представимъ себѣ, что какая-нибудь дикая азіатская орда вторглась бы въ Англію, раззорила бы ее изъ края въ край, не оставила бы въ ней, что̀ называется, камня на камнѣ—и вотъ Европѣ было бы предоставлено постановить мирныя условія между этою ордою и Англіей? Орда, конечно, стала бы требовать, чтобы къ ней примѣнены были европейскіе международные обычаи, чтобы ей дано было вознагражденіе за понесенныя ею военныя издержки. Но Европа нашла бы, навѣрное, такое требованіе чисто нелѣпымъ. Вознагражденіе за войну законно и справедливо только можетъ быть тогда, когда воюющіе не рѣжутъ, не убиваютъ мирнаго населенія, не грабятъ и не раззоряютъ имущества, вообще не опустошаютъ страны безъ всякой цѣли и нужды, только для того, чтобы опустошить. Нѣмцы, воевавшіе съ Франціей, взяли съ нея большую, очень большую военную контрибуцію. Еслибы опредѣленіе суммы этой контрибуціи было предоставлено Европѣ, то она уменьшила бы ее, можетъ быть, въ пять разъ и даже болѣе. Но что контрибуцію они могли и имѣли право взять, въ этомъ убѣдится всякій, побывавши въ окрестностяхъ Парижа. Нѣмецкая армія простояла здѣсь полгода—и, однакожь, напрасно бы вы стали искать здѣсь какихъ-нибудь слѣдовъ опустошенія. Все осталось въ томъ видѣ, какъ было. Всего лучше вы можете судить объ отношеніи нѣмецкой арміи къ частной собственности по тѣмъ вѣковымъ лѣсамъ, которые находятся въ безчисленныхъ дачахъ, находящихся въ окрестностяхъ Парижа. Вы видите, что лѣса эти остались какъ были, не тронутыми, хотя нѣмецкая армія провела передъ Парижемъ, между прочимъ, и три самые холодные мѣсяца и, конечно, сильно нуж-

далась въ это время въ топливѣ. При подобномъ уваженіи къ частной собственности, армія, ведущая войну на свой собственный капиталъ, конечно, имѣетъ право, въ случаѣ побѣды, требовать вознагражденія за свои военныя издержки. Но какое право на подобное вознагражденіе можетъ имѣть азіатская орда, въ родѣ турецкой арміи, которая, вступая въ непріятельскую страну, не щадитъ ничего, шествіе которой по странѣ ознаменовывается рядомъ поголовныхъ избіеній населенія, грабежей, пожаровъ, раззоренія, опустошенія страны? Послушаемъ, ка̀къ ведутъ себя турки въ Сербіи! Вотъ что̀ корреспондентъ «Presse», очевидецъ, разсказываетъ о вступленіи турецкихъ войскъ въ Зайчаръ («Голосъ» № 216):

«Получивъ рекомендательныя письма отъ Низата-паши, я, въ сопровожденіи одного толмача и одного заптія, прибылъ, 7-го августа, въ лагерь Османа-паши и Фазли-паши, какъ разъ во̀-время, чтобъ сдѣлаться очевидцомъ взятія и разграбленія очищеннаго сербами безъ боя Зайчара. Черкесы, бродя около Зайчара по полямъ, засѣяннымъ кукурузою, первые замѣтили, что сербы бросили Зайчаръ безъ боя. Потому черкесы, первые, вступили въ Зайчаръ и тотчасъ приступили къ рѣзнѣ. Они, прежде всего, напали на беззащитныхъ жителей и убили всѣхъ, кромѣ двухъ человѣкъ: одного мужчины, которому удалось бѣжать, и старухи, поступившей теперь въ услуженіе къ Фазли-пашѣ. Потомъ черкесы зажгли дома̀ и приступили къ избіенію оказавшихся въ нихъ раненыхъ. Начальникъ авангарда Гафиза-паши, Атифъ-бей, по прибытіи своемъ, положилъ конецъ рѣзнѣ и пожару. Однако, не въ его власти было остановить грабежъ: черкесы и турецкія регулярныя войска̀ предавались ему изо всѣхъ силъ. Всѣ двери покинутыхъ домовъ были отворены; это не помѣшало туркамъ переломать двери и окна, послѣ чего они внутри домовъ продолжали свое дѣло разрушенія. Движимость, которую они не могли унести съ собою, они безпощадно ломали и потомъ бросали обломки на улицу. Грабежъ продолжался днемъ и ночью, пока оставалось, что̀ грабить. Весь способъ веденія турками войны производитъ то впечатлѣніе, какъ будто они имѣютъ цѣлью только совершенно опустошить плодородный край, срывать дома̀ или убивать жителей, или брать ихъ въ плѣнъ для обращенія въ рабство. Не щадятъ даже убитыхъ; трупы ихъ оскверняются, и надъ ними совершаются всевозможныя варварства. Гдѣ ни проходили турки, на деревьяхъ висятъ трупы съ гладкообритыми головами; полусгнившіе трупы валяются на землѣ, и о погребеніи ихъ никто даже не помышляетъ. Вся война напоминаетъ разбойничій набѣгъ аваровъ, направленный къ истребленію цѣлой націи». Сербы, по выступленіи, не имѣли возможности взять съ собою 270 раненыхъ. Вотъ что̀ другой корреспондентъ «Neues Wiener Tagblatt», также очевидецъ, разсказываетъ («Бирж. Вѣд.» № 219) о судьбѣ этихъ несчастныхъ: «Сегодня по городу пронесся страшный слухъ. Разсказываютъ, что здѣшній

плац-комендантъ Ассиръ-паша отдалъ приказъ умертвить 257 раненыхъ сербовъ, оставленныхъ отступившими сербскими войсками, и будто бы это позорное дѣло уже совершилось сегодня утромъ. Прохожіе слышали по близости госпиталя отчаянный зовъ на помощь и раздирающіе душу крики и стоны, къ которымъ примѣшивались проклятія и брань. Часовые, у которыхъ спрашивали объясненія этихъ криковъ, отвѣчали только отрицательными жестами; когда же пришли сообщить объ этомъ плац-коменданту, то онъ сдѣлалъ видъ, будто бы онъ очень удивленъ, и отвѣчалъ, что ему неизвѣстно ни о какихъ раненыхъ. Но я зналъ, что когда начальникъ черкесовъ явился къ нему спросить, что дѣлать съ ранеными сербами, то онъ равнодушно отвѣтилъ: «Они не нужны», и произнесъ эти благородныя слова съ такимъ выразительнымъ взглядомъ, что черкесъ немедленно собралъ своихъ людей и ввелъ ихъ заднею дверью въ лазаретъ. Злодѣи въ нѣсколько минутъ покончили со всѣми несчастливцами. Трупы до ночи оставались въ лазаретѣ, а ночью были вывезены на 20 телегахъ за городъ и брошены въ рвы, по сѣверную сторону Зайчара. Турки даже не скрываютъ этого факта, хотя одинъ изъ высшихъ офицеровъ, къ которому я обращался съ разспросами на этотъ счетъ, солгалъ по примѣру плац-коменданта, сказавъ, что въ городѣ не оставалось никакихъ раненыхъ. Но я видѣлъ собственными глазами въ лазаретѣ длинные ряды грязныхъ постелей, на которыхъ лежали какъ скелеты исхудалые сербы».

Въ газету же «Presse» пишутъ изъ Призренда («Новое Время» № 159): «Въ Митровицѣ, предъ глазами самого турецкаго генерала Дервиша-паши, происходятъ невѣроятныя вещи. Каждый день турки грабятъ мирныхъ жителей и предаются всевозможнымъ излишествамъ. На улицахъ то и дѣло, что наталкиваешься на посаженныя на колья сербскія головы. На прибывшихъ надняхъ, обремененныхъ тяжелыми цѣпями и истекающихъ кровью отъ ранъ сербовъ мусульманская чернь набросилась съ какимъ-то остервененіемъ и, пустивъ въ ходъ ножи и ятаганы, изрѣзала ихъ въ куски. Мусульмане вторгаются въ дома христіанъ, уносятъ оттуда все то, что имъ вздумается, предаютъ побоямъ и истязаніямъ всѣхъ мужчинъ и, въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія со стороны послѣднихъ, заключаютъ ихъ въ тюрьму. Всѣ приказы, воззванія и увѣщеванія паши — гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Всѣ дома, находящіеся по дорогѣ изъ Призренда въ Сѣницу, ограблены, а на порогѣ ихъ можно видѣть отсѣченныя головы бывшихъ ихъ владѣльцевъ, мирныхъ и трудолюбивыхъ валаховъ. Почти все населеніе Старой Сербіи, Коссовскаго Округа и Округа Верхней Моравы покинуло свои жилища и поля, гдѣ жатва стоитъ неубранною, и скрывается въ горныхъ ущельяхъ и чащѣ лѣсовъ съ тѣмъ, чтобы спасти хоть голую жизнь отъ звѣрскихъ инстинктовъ турокъ».

А вотъ и новѣйшія свѣдѣнія о хозяйничаньи турокъ въ Сербіи—

свѣдѣнія, сообщаемыя изъ Бѣлграда въ депешѣ, отъ 7-го сентября новаго стиля: «Ристичъ послалъ сегодня консуламъ вторую ноту съ описаніемъ новыхъ звѣрствъ, совершаемыхъ турками. Онъ говоритъ, что въ Округѣ Зайчарскомъ, гдѣ почти вовсе нѣтъ военныхъ дѣйствій, страна предается систематическому раззоренію. Каждый вечеръ аккуратно предаются пламени цѣлыя деревни въ глазахъ турецкихъ вождей, которые нисколько не препятствуютъ этому, несмотря на торжественныя обѣщанія и обязательства Порты. Ристичъ присовокупляетъ, что въ Округѣ Алексинацкомъ, гдѣ турки были всего только двѣ недѣли, они сожгли 48 деревень. Въ рапортѣ алексинацкаго префекта, приложенномъ къ нотѣ, всѣ эти деревни поименованы. По словамъ министра, всѣ рапорты сербскихъ чиновниковъ единогласно говорятъ, что пожары производятся обыкновенно послѣ войны и что они не могутъ быть оправданы никакою стратегическою необходимостію». Изъ Бѣлграда же, отъ 8-го сентября, депешею корреспондентъ «Times» сообщаетъ о новыхъ звѣрствахъ черкесовъ и башибузуковъ надъ женщинами и ранеными сербскими. Многіе изъ раненыхъ, по этому извѣстію, изжарены живыми.

Могутъ ли турки, въ извиненіе всѣхъ подобныхъ злодѣйствъ, представить хоть какой-нибудь поводъ со стороны сербовъ? Ни малѣйшаго. Сербы ведутъ себя самымъ гуманнѣйшимъ образомъ по отношенію къ туркамъ, даже взятымъ ими въ плѣнъ, слѣдовательно, сражавшимся противъ нихъ, такъ что сами плѣнные говорятъ, что имъ гораздо лучше у сербовъ въ плѣну, чѣмъ было въ собственной ихъ арміи. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ одинъ спеціальный корреспондентъ той же «Presse», видѣвшій турецкихъ плѣнныхъ въ Бѣлградѣ и разговаривавшій съ ними. («Новое Время» № 159).

«Вступленіе турокъ въ страну грозитъ ей опустошеніемъ, разграбленіемъ и уничтоженіемъ людей и имуществъ, и, если на него смотрятъ, какъ на величайшее бѣдствіе, то имѣютъ на это полное право. Правдивые корреспонденты описываютъ видѣнныя ими мѣстности, постигнутыя этимъ бичемъ, въ самомъ безотрадномъ видѣ и утверждаютъ, что это—не война между двумя арміями, но наплывъ варваровъ на непріятельскую землю, отъ которыхъ сербамъ нельзя ожидать никакой пощады. Какъ безпристрастный зритель, я долженъ сказать, что, наоборотъ, поведеніе сербовъ противъ военноплѣнныхъ полно гуманности. Я былъ допущенъ въ крѣпость и, осматривая ее въ сопровожденіи адъютанта и коменданта, входилъ въ комнаты, гдѣ содержатся плѣнные турки. Я видѣлъ именно девять послѣднихъ человѣкъ, привезенныхъ въ крѣпость; они были помѣщены въ казармѣ, устроенной подъ крѣпостью, и занимали довольно просторный покой. У дверей казармы стоитъ часовой, въ самой комнатѣ поставленъ другой, но плѣннымъ дозволены прогулки. Однакоже, они проводятъ дни свои взаперти, занимаясь разговорами, и только вечеромъ выходятъ всѣ вмѣстѣ на воздухъ. Въ комнатѣ

устроены деревянныя нары, однѣ для троихъ вождей, а другія для шести башибузуковъ. Нары покрыты коврами, одѣялами, платьемъ; словомъ—все, что эти люди взяли съ собой изъ кварты, въ которой они захвачены, оставлено имъ, и они устроили себѣ очень удобное ложе. Они одѣты въ собственное платье, и даже предметы роскоши у нихъ не отобраны; на одномъ изъ нихъ были часы съ серебряной цѣпочкой, и вообще они имѣютъ довольный видъ. Имъ назначены солдатскія порціи, но они просили выдавать натурой только хлѣбъ и табакъ, а остальное получать деньгами, чтобы имѣть возможность готовить себѣ кушанье самимъ; ихъ желаніе было исполнено. Они говорятъ, что имъ тутъ лучше, чѣмъ дома. Они всѣ—уроженцы окрестностей Ниша и говорятъ по-сербски, такъ что и я могъ обмѣняться съ ними парою словъ. Судя по одеждѣ и вещамъ, принадлежащимъ вождямъ, они должны быть зажиточные люди, но шестеро остальныхъ, молодые и крѣпкіе молодцы, одѣты весьма бѣдно. Послѣ обѣда привели еще восемнадцать человѣкъ плѣнныхъ; эти были оборваны, какъ нищіе. Они разсказывали, что турецкое правительство не давало имъ никакого жалованья, а только отпускало имъ продовольствіе. Вождямъ было назначено по 140 піастровъ ежемѣсячнаго жалованья, но они его не получали. Сильно сомнѣваюсь, чтобы сербы, взятые турками, находились въ такомъ хорошемъ положеніи, какимъ пользуются турецкіе плѣнники въ Бѣлградѣ».

Извѣстій, подобныхъ приведенныхъ нами о злодѣйствахъ и грабежахъ турокъ въ Сербіи, мы могли бы выписать здѣсь цѣлыя сотни. Какое же, спрашивается, могутъ имѣть право турки на вознагражденіе за военныя издержки—право, въ основаніи котораго лежитъ признаніе и точное исполненіе европейскаго международнаго права? Не противно ли здравому смыслу заводить даже рѣчь объ этомъ? Въ сущности, вѣдь, это все равно, что говорить о вознагражденіи за понесенныя издержки разбойника, который пришелъ, убилъ, разбилъ, роззорилъ, сжегъ?

Но такова рутина европейской мысли, привыкшей вращаться въ кругу европейскихъ понятій и отношеній, что она не можетъ вдругъ оріентироваться въ новомъ положеніи и понять, что тѣ требованія, которыя вполнѣ законны и справедливы въ приложеніи къ воюющимъ народамъ европейскимъ, признающимъ и уважающимъ принципы европейскаго права, никакъ не могутъ быть прилагаемы къ ордѣ азіатской, какъ Турція, которая до сихъ поръ смотритъ на войну, какъ на безпощадный грабежъ, разбой, убійство и полное раззореніе и опустошеніе страны.

Вотъ почему мы сильно сомнѣваемся, чтобы въ конгрессѣ, имѣющемъ разсуждать о славянскихъ дѣлахъ, не возникло даже между представителями христіанскихъ державъ пререканій по вопросу о томъ: вознаграждать или не вознаграждать Турцію за сербскую войну? Чего же, послѣ этого, должно ожидать отъ самой Турціи? Вознагражденіе за войну она считаетъ несомнѣнно такимъ

безспорнымъ для себя правомъ, которое вовсе и не должно подлежать разсмотрѣнію конгресса. За конгрессомъ она, по всей вѣроятности, признаётъ только право опредѣлить количество этого вознагражденія. Одно это уже можетъ положить конецъ конференціи и сдѣлаться casus belli. А вознагражденіе за войну— не единственный предметъ, который долженъ послужитъ поводомъ къ пререканіямъ на конференціи и образовать casus belli. Такихъ вопросовъ можетъ встрѣтиться очень немало. Мы сказали уже, что неизвѣстно еще, чего потребуетъ Турція, если она выйдетъ побѣдительницей, и что она, навѣрное, потребуетъ очень много. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по тому надменному тону, который приняли всѣ турецкія газеты при первомъ извѣстіи о томъ, что князь Миланъ проситъ мира. Газета «Вакитъ», сообщая это извѣстіе, прежде всего дѣлаетъ такое замѣчаніе, что пока не пришло еще время собирать конференцію для мира и Порта не приметъ предложенія о мирѣ; потомъ спрашиваетъ: почему эта конференція, имѣющая разрѣшить сербскій вопросъ и установить миръ, не собралась до начала войны, чтобы воспрепятствовать пролитію крови? «Вслѣдствіе этой войны, продолжаетъ далѣе газета: — Порта должна была сдѣлать громадные расходы, подвергнуться безчисленнымъ потерямъ, а, главное, остановить уплату своихъ долговъ, чтобы имѣть возможность удовлетворить настоятельныя потребности войны. Теперь ей нужны прочныя гарантіи относительно будущаго и вознагражденіе, по крайнѣй мѣрѣ, въ 20,000,000 турецкихъ ливровъ, 460,000,000 франковъ. Кромѣ того, ея арміи предварительно должны войти побѣдительницами въ Бѣлградъ и Цетинье». Прежде, чѣмъ все это получится, по мнѣнію «Вакита», не можетъ быть и вопроса о собраніи конференціи мира. Прежде всего, Порта должна смирить и наказать бунтовщиковъ. Тогда только она можетъ выслушивать предложенія о мирѣ. Разсуждая далѣе о томъ, ка̀къ смирить Сербію, «Вакитъ» приходитъ къ тому заключенію, что у Сербіи должно быть отнято право содержать собственное войско: какъ провинція, входящая въ составъ Турціи, она не можетъ имѣть другихъ враговъ, кромѣ враговъ Турціи, потому и защита ея принадлежитъ Турціи. Точно также всѣ сербскія крѣпости, по мнѣнію «Вакита», должны перейти въ руки турокъ. «Вакитъ» не понимаетъ, ка̀къ могли нѣкоторые даже мечтать о томъ, чтобы Порта согласилась на срытіе крѣпостей въ Бѣлградѣ и другихъ мѣстностяхъ. Эти крѣпости должны перейти въ руки Порты и охраняться ея войсками. Еслибы эти крѣпости были въ рукахъ турокъ, сербы не взбунтовались бы. Срытіе ихъ не можетъ быть для Турціи достаточною гарантіею покорности сербовъ. «Такимъ образомъ, заключаетъ «Вакитъ»: — кромѣ увеличенія ежегодной подати, занятіе турецкими войсками сербскихъ крѣпостей должно быть однимъ изъ главныхъ условій мира». («Temps» 5 Sept.).

Почти то же самое, что̀ «Вакитъ», говорятъ и другія ту

рецкія газеты, т. е., какъ вы видите, предъявляютъ тѣ самыя требованія, о которыхъ сообщаетъ вѣнская «Politische Correspondenz», только еще въ болѣе тяжкомъ видѣ. Если онѣ говорятъ не отъ собственнаго чрева, а получаютъ наставленія и инструкціи отъ своего правительства, то очень возможно, что конференція о мирѣ не въ состояніи будетъ поладить съ Турціею даже относительно Сербіи, если только въ самой конференціи не будетъ единодушнаго, полнаго согласія относительно всего того, чего должно требовать отъ Турціи для Сербіи. Слѣдовательно, casus belli неожиданно можетъ возникнуть изъ пререканій объ одной только Сербіи, хотя относительно ея, какъ мы уже сказали, гораздо легче было бы уладиться съ Турціей. Ибо у нея хорошая почва для этого почти въ самостоятельномъ status quo ante bellum.

Переходя отъ Сербіи къ другимъ славянскимъ народностямъ Балканскаго Полуострова, къ Герцеговинѣ, Босніи, Болгаріи, мы теряемъ уже всякую почву для мирныхъ соглашеній съ Турціею. Турція несомнѣнно будетъ настаивать, чтобы точкою отправленія для разсужденій и относительно этихъ провинцій было status quo ante bellum. По крайней мѣрѣ, теперь ни Босніи, ни Герцеговины она не признаётъ воюющими сторонами и, соглашаясь на переговоры о мирѣ съ Сербіею, относительно Босніи и Герцеговины заявила, что «Порта готова ввести реформы въ Босніи и Герцеговинѣ, но она не можетъ согласиться на то, чтобы переговоры о мирѣ простирались и на эти провинціи, потому что всякіе переговоры о мирѣ или перемиріи съ инсургентами свидѣтельствовали бы о признаніи ихъ воюющими сторонами, тогда какъ они—просто бунтовщики».

Но очевидно, что, если Турція не захочетъ принять никакого другого основанія для соглашеній относительно нетолько Босніи и Герцеговины, но и Болгаріи, кромѣ status quo ante bellum, приправленнаго обѣщаніями реформъ, то съ этимъ вмѣстѣ должны прекратиться всякія разсужденія о мирѣ. Дѣло надобно будетъ рѣшать новою войною.

Ни о Босніи, ни о Герцеговинѣ, ни о Болгаріи европейская конференція не можетъ иначе начать свои разсужденія, какъ прямымъ заявленіемъ, что состояніе этихъ провинцій ante bellum должно быть забыто, что ни о какихъ турецкихъ реформахъ въ нихъ не можетъ быть болѣе и рѣчи, что самое меньшее, чего можетъ требовать относительно ихъ отъ Турціи Европа, это—полной внутренней автономіи каждой изъ нихъ съ сохраненіемъ вассальнаго отношенія къ Турціи.

Предъявить такое требованіе Турціи конференція будетъ имѣть полное право. Во-первыхъ, потому, что Турція нарушила парижскій трактатъ 1856 года, не исполнивъ принятыхъ ею на себя обязательствъ: именно, какъ мы уже сказали, вмѣсто того, чтобы произвести реформы въ своемъ управленіи и удовлетворить христіанскія населенія, она, напротивъ, тиранствовала надъ ними попрежнему

въ продолженіи двадцати цѣлыхъ лѣтъ, заставила эти населенія взяться за оружіе и, такимъ образомъ, возмутила общій миръ Европы; во-вторыхъ—потому, что, пока Турція не дастъ свободы славянскимъ народностямъ, миръ въ Европѣ будетъ невозможенъ. Какія бы гарантіи ни представляла Турція въ обезпеченіе того, что она уравнитъ въ правахъ всѣхъ своихъ подданныхъ, еслибы она даже во время самыхъ засѣданій конференціи ввела у себя конституцію—все это ровно ни къ чему не послужитъ, не измѣнитъ положенія славянъ въ Турціи противу прежняго ни на волосъ, по той простой причинѣ, что самое существованіе иноплеменныхъ христіанскихъ провинцій внутри Турціи есть ничѣмъ непримиримое contradictio in re, полная политическая и юридическая аномалія. Нынѣ сдѣлалось общепризнаннымъ принципомъ въ Европѣ, что племенное единство народа составляетъ необходимое условіе нетолько для процвѣтанія государства, но и для его внутренняго мира. Меттерниховскій принципъ, на основаніи котораго выкраивались уродливыя политическія единицы по образцу тришкина кафтана, изъ лоскутьевъ разноплеменныхъ народностей и насильственно сшивались въ одно цѣлое, теперь отжилъ свое время, и карта Европы видимо переустроивается сообразно новому принципу однородности. Единственнымъ выдающимся остаткомъ работы стараго времени между христіанскими государствами Европы остается только Австрія, но въ ней разнопленность населеній болѣе или менѣе внутренно связывается единствомъ религіи, служащей основой моральнаго единства, которое, въ свою очередь, служитъ базисомъ равенства гражданскаго, политическаго и т. п. Турція представляетъ собою составъ еще болѣе разноплеменный, чѣмъ Австрія, но въ которомъ нѣтъ никакого цемента для внутренняго объединенія населяющихъ ее племенъ. Напротивъ, всѣ племена, населяющія Турціею, мусульманскою религіею, точно китайскою стѣною, раздѣляются на двѣ никогда нетолько несоединимыя, но и непримиримыя между собою части, изъ которыхъ одна, мусульманская, предназначена господствовать, другая, немусульнская—быть въ вѣчномъ неисходномъ рабствѣ и угнетеніи. Для каждаго мусульманина гяуръ, райя-христіанинъ—не человѣкъ, не равное ему существо, а животное, собака, которую онъ терпитъ въ семъ мірѣ только по своей благосклонности, пока можетъ и хочетъ. Это—его религіозное миросозерцаніе, и такимъ міросозерцаніемъ проникнутъ весь мусульманскій міръ по отношенію къ христіанамъ. Измѣнить это міросозерцаніе не можетъ никакое, самое лучшее правительство, съ самыми честными намѣреніями, какія бы оно энергическія мѣры ни принимало, какіе бы прекрасные законы ни издавало. «Русскій, живущій въ Турціи, пишетъ константинопольскій корреспондентъ Journal de St-Pétersbourg:—ведущій тамъ дѣла и, слѣдовательно, находящійся въ сношеніяхъ съ завоевателями, то-есть, мусульманами, вскорѣ убѣждается, помимо своихъ личныхъ сим-

патій или антипатій, слѣдуя лишь правиламъ безпристрастной оцѣнки и логики, что племя побѣдителей, то-есть мусульмане, неспособно и безсильно осуществить серьёзный прогрессъ. Почему? Первая изъ этихъ причинъ— семейное воспитаніе, при которомъ еще ребёнку внушаютъ, что онъ стоитъ выше христіанина, что христіанинъ—существо презрѣнное. Воспитаніе публичное не исправляетъ этого порока народнаго воспитанія—напротивъ: оно увеличиваетъ его, потому что воспитаніе въ Турціи въ первоначальныхъ школахъ и въ высшихъ училищахъ или «рушдіэ» основывается на коранѣ, на его правилахъ и предписаніяхъ. Между тѣмъ, ненависть къ христіанину и обязанность истреблять его вписаны въ каждую страницу священной книги» («Голосъ», № 229-й). Корреспондентъ совершенно справедливо замѣчаетъ далѣе, что въ этомъ именно и состоитъ узелъ восточнаго вопроса. Съ одной стороны, нельзя измѣнить ни воззрѣній турокъ на христіанъ, ни ихъ отношенія къ послѣднимъ, съ другой нельзя допустить, чтобы «милліоны мирныхъ христіанъ, единственная забота которыхъ состоихъ въ томъ, чтобы трудомъ и образованіемъ достигнуть умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія, были угнетаемы, подавляемы, истребляемы и гонимы менѣе малочисленнымъ племенемъ, упрямо пребывающимъ въ невѣжествѣ и фанатизмѣ».

Намъ, воспитаннымъ въ европейскомъ обществѣ, гдѣ правительство и народъ солидарны въ своихъ воззрѣніяхъ и гдѣ, поэтому, мы видимъ всегда полное уваженіе къ закону и распоряженіямъ правительства, кàкъ то странно даже представить: какимъ образомъ это возможно, чтобы самое лучшее правительство, съ самыми лучшими намѣреніями, имѣя въ рукахъ своихъ полную законодательную власть, судебную, административную, не могло заставить народъ дѣлать то, чтò справедливо и разумно и къ чему, съ нашей точки зрѣнія, долженъ стремиться каждый порядочный гражданинъ самъ собою, безъ всякаго принужденія властей? Но мы забываемъ при этомъ, что каждый дѣйствующій законъ, включая въ томъ числѣ и основывающіяся на немъ распоряженія власти, не есть чтò нибудь внѣшнее по отношенію къ намъ, навязанное намъ противъ нашей воли—напротивъ: это есть продуктъ нашъ собственный, продуктъ нашей жизни, нашей культуры, вообще всего нашего развитія. Поэтому-то законъ въ каждомъ европейскомъ обществѣ и находитъ во всѣхъ безусловное повиновеніе, что онъ вполнѣ совпадаетъ съ нуждами, потребностами, стремленіями даннаго общества. Разъ въ немъ нѣтъ такого (само собою понятно, что мы здѣсь разумѣемъ законъ въ общемъ его строѣ и направленіи, а не въ тѣхъ или другихъ частностяхъ) характера, его никто не будетъ исполнять, и никакая внѣшняя сила не принудитъ къ этому общество. Обстоятельство это совершенно выпускается изъ виду при заключеніи трактатовъ съ Турціею, и оттого всѣ трактаты остаются совершенно мертвою буквою, коль скоро они касаются

внутреннихъ соціальныхъ отношеній турецкаго общества и народа. Европейскіе дипломаты, разсуждая съ турецкими дипломатами—людьми, болѣе или менѣе европейски образованными, по крайней мѣрѣ знакомыми съ европейскими воззрѣніями—воображаютъ, что они видятъ передъ собою представителей если не всего турецкаго народа, то лучшаго турецкаго общества и что то, на что̀ соглашаются послѣдніе въ подписываемыхъ ими трактатахъ, будетъ благосклонно принято, по крайней мѣрѣ, лучшимъ турецкимъ обществомъ и будетъ, по возможности, приводиться имъ въ исполненіе. Между тѣмъ, въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. По всей вѣроятности, зачастую, даже сами представители турецкой дипломатіи пропитаны до мозга костей мусульманскими воззрѣніями и только притворяются европейцами при подписаніи трактата. Другіе, можетъ быть, и усвоили себѣ европейскія воззрѣнія, но подписываютъ трактатъ въ полной увѣренности, что его не будетъ исполнять ни одинъ человѣкъ въ Турціи. И ка̀къ вы, въ самомъ дѣлѣ, хотите, чтобы народъ, совершенно другой религіи, другой культуры, другихъ воззрѣній, который, совершенно по искреннему убѣжденію, считаетъ чернымъ какъ разъ то, что̀ мы находимъ бѣлымъ и прекраснымъ, сталъ выполнять наши разныя гуманныя затѣи, которыя мы ему навязываемъ нашими трактатами и которыя въ глазахъ его—чистое преступленіе, измѣна мусульманству? Мы, напримѣръ, говоримъ туркамъ: «положите принципъ равноправности въ основаніе гражданскаго общества, признайте христіанъ равными съ вами передъ судомъ и закономъ, имѣющими одинаковое съ вами право на участіе въ общественномъ управленіи, соотвѣтственно ихъ общественному положенію». Насъ поддерживаетъ въ этомъ случаѣ достославный турецкій прогрессистъ Митхадъ-паша, рѣшившійся ввести въ Турціи конституцію и имѣвшій храбрость недавно обнародовать даже декретъ о равенствѣ христіанъ съ мусульманами. Митхадъ-паша позаботился порыться даже въ коранѣ и найдти тамъ изреченіе, поддерживающее его конституціонные порывы. И дѣйствительно, нашелъ такое изреченіе и возвѣстилъ его всѣмъ туркамъ въ означенномъ декретѣ. Изреченіе это гласитъ: «не дѣлайте дурного и ищите всегда хорошаго». Но вотъ являются на сцену софты, читаютъ декретъ Митхада-паши съ изреченіемъ изъ корана и только качаютъ головами, удивляясь глупости нашего сторонника Митхада-паши. «Вы, вѣроятно, плохо читаете коранъ, отписываютъ ему софты въ особомъ письмѣ. Вамъ скорѣе прилично было бы отыскать въ коранѣ и обнародовать то изреченіе, которое говоритъ: «будьте братьями въ одной и той же расѣ», и, при этомъ, сверхъ того, твердо помнить и слѣдующее наставленіе корана: «тотъ, кто видитъ только одну часть корана, а другую не видитъ, заслуживаетъ быть несчастнымъ на землѣ и наказаннымъ въ загробномъ мірѣ».—«Вы говорите намъ, продолжаютъ софты, обращаясь къ Митхаду-пашѣ:—о конституціи, о національномъ собраніи?—Мы

не видимъ причины, почему намъ необходимы и конституція и національное собраніе, и мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться на такое учрежденіе. Мы подчинили себѣ христіанъ и оружіемъ завоевали ихъ страну; мы не хотимъ дѣлить съ ними управленіе имперіею и дозволить имъ принять участіе въ правительственныхъ дѣлахъ... И никто, никакое правительство въ мірѣ не заставитъ насъ это дѣлать». («Бирж. Вѣд.» № 217).

И это совершенно понятно. Правительство тогда только сильно, когда всѣ органы его, и административные, и судебные, начиная отъ высшихъ до самыхъ низшихъ, вполнѣ солидарны съ нимъ въ его воззрѣніяхъ, а это возможно только тогда, когда правительство дѣйствуетъ солидарно съ существующимъ общественнымъ міросозерцаніемъ. Разъ этого нѣтъ, правительство теряетъ всякую силу. Нѣсколько отдѣльныхъ единицъ, стоящихъ у кормила правленія, какими бы высокими идеями относительно блага народа онѣ ни были преисполнены и какія бы усилія онѣ ни употребляли осуществить эти идеи, не въ состояніи будутъ сдѣлать ничего при пассивномъ противодѣйствіи всѣмъ ихъ мѣрамъ народа и при той помощи, которую будутъ оказывать послѣднему въ этомъ случаѣ всѣ и административные, и судебные, и полицейскіе органы правительства, начиная съ высшихъ до самыхъ низшихъ. Ибо органы эти исходятъ изъ среды самаго общества, вращаются среди него и не могутъ искренно служить тѣмъ правительственнымъ воззрѣніямъ, которыя находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ воззрѣніями всего общества и ихъ собственными. Мы говоримъ, что турецкая администрація по отношенію къ христіанамъ ведетъ себя самымъ пристрастнымъ образомъ, безчеловѣчно, варварски, что въ судахъ турецкихъ нѣтъ никакой правды. Съ нашей точки зрѣнія—да, но съ своей точки зрѣнія турки такія именно дѣйствія администраціи и суда по отношенію къ христіанамъ и считаютъ справедливыми, а всякія другія, съ нашей точки зрѣнія справедливыя, они признали бы измѣною мусульманству, ибо коранъ повелѣваетъ имъ, какъ мы уже видѣли, «быть братьями только въ одной и той же расѣ»; кромѣ того, какъ завоеватели и господа христіанъ, они сочли бы для себя позоромъ, еслибы когда нибудь, по жалобѣ одного изъ этихъ раіевъ, администрація или судъ приняли его сторону и обвиняли мусульманина. Что можетъ сдѣлать правительство, какія бы обѣщанія оно ни давало и какія бы конституціи оно ни писало, противъ такого настроенія и убѣжденія цѣлаго мусульманскаго общества?

Вспомнимъ наше бывшее крѣпостное право. Извѣстно, что правительство наше, еще со времени Екатерины, подняло вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Но Екатерина, такъ смѣло освѣтившая этотъ вопросъ въ «Наказѣ» объ уложеніи, кончила тѣмъ, что закрѣпостила крестьянъ такъ, какъ они никогда до нея не были закрѣпощены, т. е. закономъ санкціонировала ихъ рабство и полное безправіе по отношенію къ помѣщикамъ. Въ царство-

ваніе Александра I-го самымъ энергическимъ образомъ принимаются за тотъ же вопросъ, работаютъ надъ нимъ много лѣтъ, проектируя разрѣшеніе его въ самыхъ грандіозныхъ формахъ,— и дѣло кончается, все таки, ничѣмъ. При Николаѣ тотъ же вопросъ поднимается нѣсколько разъ, а крѣпостное право остается опять, какъ было. Все это ясно показываетъ, что правительство, при самомъ искреннемъ желаніи отмѣнить крѣпостное право, было безсильно это сдѣлать, потому что въ господствующемъ обществѣ не было или было очень мало сочувствующихъ его желанію элементовъ, которые могли-бы помочь ему совершить дѣло освобожденія, что все господствующее общество стояло горой за крѣпостное право. Но этого мало. По крайней мѣрѣ, при такомъ несомнѣнно сочувственномъ отношеніи правительства къ угнетеннымъ крестьянамъ, судя теоретически, можно бы было, повидимому, ожидать, что ѝрганы административной, полицейской и судебной власти будутъ оказывать, не говоримъ, снисхожденіе, а нѣкоторую справедливость при разборѣ дѣлъ о вопіющихъ притѣсненіяхъ ихъ помѣщиками. Такъ кажется оно теперь, со стороны. Но желательно было посмотрѣть въ то время, что̀ сталось бы съ тѣмъ становымъ, судьей, губернаторомъ, который осмѣлился бы дѣло между помѣщикомъ и крестьянами, ка̀къ бы послѣдніе правы ни были, рѣшить въ пользу крестьянъ? Такихъ людей если не мытьемъ, такъ, что̀ называется, катаньемъ стерли бы тогда съ лица земли. Даже въ случаѣ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій, совершенныхъ помѣщиками, на которыя обращалось вниманіе правительства, правительство должно было употреблять чрезвычайныя мѣры, чтобы открыть истину... Въ противномъ случаѣ, все оставалось шитымъ и крытымъ. Въ такомъ же именно крѣпостномъ, т. е. совершенно безправомъ состояніи находятся христіане въ турецкой имперіи, и, ка̀къ скоро возникаетъ какое нибудь дѣло между христіаниномъ и туркомъ, то и администрація, и полиція, и судъ всегда примутъ сторону турка и обвинятъ христіанина, и правительство, предполагая, что оно желаетъ быть справедливымъ, принявъ какіе нибудь экстренныя мѣры въ томъ или другомъ случаѣ, можетъ, конечно, какъ и въ крѣпостномъ правѣ, иногда и открыть истину, и помочь христіанину, но, въ общемъ, мусульманство, все таки, будетъ угнетать христіанъ и имѣть для этого себѣ самыхъ лучшихъ и пособниковъ, и помощниковъ именно въ ѝрганахъ самого правительства. — «Вы скажете, что настало же, наконецъ, время, когда правительство сломило и крѣпостное право у насъ; слѣдовательно, нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, чтобы турецкое правительство сломило мусульманскій фанатизмъ и уничтожило ненависть къ христіанамъ». Да̀, можетъ быть, это и возможно, еслибы оно имѣло подобное намѣреніе и постоянно дѣйствовало въ этомъ направленіи; но и тогда это было бы возможно развѣ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Вы забываете, что крѣпостниковъ у насъ была всего небольшая горсть, а мусульманъ въ Турціи милліоны; по-

*

томъ крѣпостное право не имѣло для себя никакого основанія ни въ исторіи, ни въ религіи; это было чисто печальная ошибка неумѣлаго правительства стараго времени, случайный, болѣзненный нарость на здоровомъ тѣлѣ — мусульманство же имѣетъ твердое основаніе на господство, во-первыхъ — въ исторіи — [illegible] ли, софты и теперь говорятъ: мы, побѣдители, мы завоевали христіанъ; съ какой стати мы признаемъ ихъ равными себѣ и допустимъ до управленія? во-вторыхъ — въ религіи: истребленіе христіанъ есть священный долгъ мусульманина; христіане могутъ оставаться въ живыхъ и могутъ пользоваться благами жизни лишь настолько и до тѣхъ поръ, насколько и доколѣ они нужны мусульманамъ или, по крайней мѣрѣ, безвредны для нихъ.

Чиновникъ, [illegible] для [illegible] христіанина въ интересахъ мусульманства, судья, [illegible] и [illegible] его во имя тѣхъ же интересовъ, въ глазахъ мусульманъ — все же безчестные и презрѣнные люди. Они пріобрѣтаютъ себѣ этимъ популярность среди мусульманскаго населенія. Думаете ли вы, что нынѣшній адріанопольскій губернаторъ, Гобартъ-паша, главный [illegible] избіеній и бѣдствій въ Болгаріи, человѣкъ, получившій образованіе въ британскомъ [illegible] является [illegible] съ европейской точки зрѣнія, всего только тѣхъ жестокостей и злодѣйствъ, которыя совершены въ Болгаріи? Но это были жестокости и злодѣйства только съ европейской точки зрѣнія, а съ мусульманской это были справедливыя и похвальныя дѣйствія, [illegible] и совершены были [illegible] не въ войскахъ только, а и дѣйствовавшимъ вмѣстѣ съ войсками мирнымъ мусульманскимъ населеніемъ. Позволю [illegible]. Гобартъ-паша сдѣлался популярнымъ въ глазахъ мусульманъ. Дѣйствуя же иначе, по-европейски, онъ, можетъ быть, самъ сдѣлался бы жертвою разсвирѣпѣвшей толпы, какъ [illegible] христіанъ. Турецкія газеты [illegible] главнымъ образомъ человѣка, бывшаго главнымъ виновникомъ тѣхъ злодѣяній, которыя совершены были въ Болгаріи, нынѣшнимъ адріанопольскимъ губернаторомъ; тогда какъ [illegible] было бы [illegible] отъ губернаторства. Въ какой странѣ, позвольте васъ спросить, человѣка, дѣйствовавшаго въ такое [illegible] время въ интересахъ своего общества и народа [illegible] съ ними и сдѣлавшагося популярнымъ, оставили бы въ должности потому только, что дѣйствія его не одобряются [illegible] правительства [illegible] правительство [illegible] было при [illegible].

[illegible] происходить [illegible] вашей соб- [illegible]

самыми преступными и презрѣнными, еслибы сдѣлались добродѣтельными въ нашемъ смыслѣ этого слова. Отрѣшимся разъ навсегда отъ этого ложнаго представленія и будемъ понимать дѣло такъ, какъ оно есть и какъ оно должно быть, а именно: турокъ никогда не можетъ быть справедливъ къ христіанину, какъ скоро это можетъ вредить, въ какомъ нибудь отношеніи, или мусульманству, или его собрату-мусульманину. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ готовъ, чтобы уничтожить христіанина, на всякую ложь, обманъ, клевету, на всякія оскорбленія, насилія, злодѣйства и проч. Разъ мы усвоимъ себѣ такое воззрѣніе на турокъ, для насъ все станетъ яснымъ.

Лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ можетъ служить турецкое слѣдствіе и судъ объ избіеніяхъ и опустошеніяхъ, совершенныхъ турками въ Болгаріи. Когда свѣдѣнія объ этихъ избіеніяхъ и опустошеніяхъ распространились въ Европѣ и навели на нее ужасъ, когда въ европейской прессѣ поднялся крикъ о турецкомъ варварствѣ и звѣрствѣ, турецкое правительство сочло нужнымъ нарядить особую слѣдственную комиссію и особый чрезвычайный трибуналъ для изслѣдованія, назначивъ, вѣроятно, лучшихъ изъ своихъ слѣдователей и судей, какъ это обыкновенно дѣлается въ подобныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. И вотъ, слѣдствіе и судъ произведены, обо всемъ этомъ представленъ подробный рапортъ по начальству, подъ которымъ подписались три члена слѣдственной комиссіи, четыре члена трибунала, секретарь и переводчикъ. Рапортъ этотъ повѣренъ филиппопольскимъ губернаторскимъ совѣтомъ, который, за подписью 11 членовъ, въ томъ числѣ: самого губернатора, филиппопольскаго, митрополита Неофита и главы духовенства армянскаго Кеварка, положилъ на немъ слѣдующую резолюцію: «совѣтъ администраціи разсмотрѣлъ этотъ рапортъ и находитъ его во всѣхъ пунктахъ совершенно согласнымъ съ истиною дѣла». Казалось бы, въ такомъ множествѣ лицъ, занимавшихся болгарскимъ дѣломъ, должны были найдтись изъ турокъ (христіане, конечно, тутъ не имѣли никакого значенія) хоть два, три человѣка, не говорю, справедливыхъ, ибо турки, какъ мы уже признали выше, не могутъ быть справедливы къ христіанамъ, какъ скоро дѣло касается интересовъ исламизма, но, по крайней мѣрѣ, формально аккуратныхъ, чтобы позаботиться дать дѣлу видъ нѣкотораго правдоподобія. Во всякой другой странѣ объ этомъ позаботились бы уже изъ одного опасенія, что дѣло это, возбудившее вниманіе Европы, должно идти на усмотрѣніе высшаго начальства, которое можетъ остаться недовольнымъ, что ложь не прикрыта надлежащимъ образомъ, и обрушить свой гнѣвъ на слѣдователей и судей. Въ Турціи, какъ очевидно, такого опасенія не существуетъ. Читая донесеніе комиссій слѣдственной и судебной, вы убѣждаетесь, что эти комиссіи или дѣйствуютъ за одно съ правительствомъ и знаютъ, что, что̀ бы они ни написали, послѣднимъ все

будетъ хорошо принято, ибо все дѣло ведется не для открытія истины, а для видимости, для очистки въ формѣ, или—что комиссіи знать не хотятъ, какъ бы правительство ни взглянуло на ихъ работу, ибо чувствуютъ себя сильными другою силой—силой народа и общества, передъ которой правительство безсильно. Однимъ словомъ, слѣдствіе по болгарскому дѣлу представляетъ образчикъ такого нелѣпаго, явно наглаго и безсовѣстнаго сплетенія лжи, что изъ него Европа вполнѣ можетъ убѣдиться, что какія бы обѣщанія и клятвы ни давало ей турецкое правительство относительно устройства христіанъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ христіанинъ не найдетъ справедливости ни въ турецкой администраціи, ни въ турецкихъ судахъ, какъ скоро дѣло будетъ касаться интересовъ мусульманства или мусульманъ.

Извлеченіе изъ донесенія по болгарскому дѣлу было напечатано въ приложеніи къ статьѣ: «Les Russes et la révolte bulgare», помѣщенной въ константинопольской газетѣ «*Phare du Bosphore*». Газета эта, издающаяся на французскомъ языкѣ, [illegible]

«Что касается до сожженія возставшихъ деревень, то, по приказанію, данному агитаторами возстанія, каждый инсургентъ, отправляясь со всѣмъ своимъ имуществомъ и съ своимъ семействомъ въ мѣсто, назначенное для сбора бунтовщиковъ, долженъ былъ окончательно опустошить свое жилище и подложить подъ него огонь своею собственною рукою. Инсургенты многихъ деревень исполнили это приказаніе во всей точности. Но совершенно доказано также, а именно признаніемъ самихъ взятыхъ въ плѣнъ инсургентовъ, что были и такіе случаи, что нѣкоторые изъ болгаръ, оставляя свои жилища, не поджигали ихъ. Тогда это выполняли за нихъ предводители инсургентовъ, которые ходили по деревнямъ, чтобы возбуждать населеніе къ бунту. Всего только три деревни сгорѣли вслѣдствіе сраженія.

«Сорокъ-девять деревень мусульманскихъ и христіанскихъ, въ которыхъ находилось 11,453 дома, сожжены инсургентами именно такъ, какъ мы сказали выше. Между этими деревнями семь исключительно мусульманскихъ, пять смѣшанныхъ и тридцать-семь исключительно христіанскихъ. Число сгорѣвшихъ домовъ въ этихъ деревняхъ простирается до 6,358; остальные 5,095 домовъ спасены отъ истребленія.

«Между прочимъ, слѣдствіемъ обнаруженъ одинъ очень любопытный фактъ. Именно, когда христіанскіе жители смѣшанной деревни Сотиръ, находящейся въ Санджакѣ Филиппопольскомъ, оставили свои жилища и отправились въ Балканы для соединенія съ инсургентами, то мусульмане, примѣтивъ, что загорѣлся одинъ христіанскій домъ, немедленно потушили пожаръ и приняли въ свое сохраненіе и домъ, и разные небольшіе пожитки, оставленные бѣглецами.

«Когда эти послѣдніе, послѣ ихъ усмиренія, возвратились въ свои жилища, то всѣ ихъ пожитки имъ были возвращены въ цѣлости. Съ выраженіемъ признательности, болгары свидѣтельствуютъ объ этомъ достойномъ и честномъ поведеніи ихъ мусульманскихъ компатріотовъ.

«До происшествій, о которыхъ мы сообщили, болгары въ теченіи вѣковъ жили въ добромъ согласіи съ ихъ мусульманскими компатріотами, подъ кровомъ закона и отеческимъ попеченіемъ власти. Нужно было, чтобы злостный духъ преступныхъ честолюбцевъ, каковы: извѣстные священники и учители школъ, революціонные агенты иностранные, растлилъ простоту и природную доброту этихъ мирныхъ населеній и подвинулъ ихъ на тѣ звѣрскія дѣла, къ которымъ они сами никогда не были бы способны, безъ дикихъ подстрекательствъ этихъ враговъ общества.

«Изъ агитацій, которыя были сдѣланы, оказывается, что инсуррекціонное движеніе должно было начаться 1-го мая и что оно должно было простираться до Адріанополя, Софіи и въ Вилайетѣ Дунайскомъ.

«Только энергическія мѣры, принятыя властями, разрушили разсчеты конспираторовъ, предупредивъ ихъ дѣйствіе. Это разстроило ихъ планы и локализировало движеніе въ предѣлахъ санджаковъ Филиппопольскаго и Татар-Базарджикскаго».

Далѣе, въ донесеніи разсказывается о случайной гибели главныхъ виновниковъ возстанія и о содержаніи найденныхъ у нихъ революціонныхъ сочиненій, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ, какъ по дерзости языка, такъ и по духу возбужденія къ мятежу, каковымъ духомъ дышетъ каждая его страница, донесеніе называетъ брошюру, напечатанную русскими буквами въ Москвѣ, въ 1867 году, подъ названіемъ: «Centres de délibérations». Но мы не будемъ приводить здѣсь тѣхъ выдержекъ изъ революціонныхъ сочиненій, которыя сдѣланы въ донесеніи и которыя всѣ направлены къ тому, чтобы доказать, что Россія принимала дѣятельное участіе въ возмущеніи болгаръ. Упомянемъ только объ одной изъ этихъ выдержекъ, очень лестной для насъ, въ которой именно высказываются желанія болгаръ, чтобы «процвѣталъ городъ Москва, эта мать болгаръ, и чтобы благоденствовала нація русская, которая спасетъ націю славянскую».

Итакъ, читатель видитъ, что, по турецкому слѣдствію, выходитъ, что, во время знаменитыхъ, приведшихъ въ ужасъ всю Европу, болгарскихъ избіеній и опустошеній, погибло не болѣе 2,000 болгаръ. Да и то ка̀къ погибли? Все въ сраженіяхъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ сопротивленіе со стороны инсургентовъ было такъ сильно, что продолжалось по три дня. Но, и при самомъ упорнѣйшемъ сопротивленіи въ Сотирѣ, инсургенты потеряли всего 383 чел., да и то, бо̀льшею частію, поубивали другъ друга сами или сами убились. Пожары также всѣ произведены были самими инсургентами; турки, напротивъ, тушили ихъ и даже хранили пожитки инсургентовъ, за что̀ и получили отъ нѣкоторыхъ изъ возвратившихся болгаръ искреннюю признательность.

Теперь послушаемъ, ка̀къ было дѣло, по изслѣдованію секретаря сѣверо-американскаго посольства и американскаго консула въ Константинополѣ, Скэйлера, которому правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ было поручено произвести слѣдствіе въ Болгаріи въ то самое время, когда секретарь англійскаго посольства въ Константинополѣ, Бэрингъ, получилъ такое же порученіе отъ своего правительства.

«Для изслѣдованія звѣрствъ, совершенныхъ турками въ Болгаріи, я посѣтилъ, пишетъ Скэйлеръ: — города Андріанополь, Филиппополь и Татар-Базарджикъ, а также деревни Генимако, Кади-Кени, Кришму, Перущицу, Пещеру, Радулово, Батакъ, Калаглари, Панаюриште, Копривщницу и Клиссуру въ округахъ Филиппопольскомъ и Базарджикскомъ. На основаніи того, что̀ я видѣлъ моими собственными глазами, и на основаніи того, что̀

я узналъ посредствомъ сдѣланныхъ мною разслѣдованій, я могу удостовѣрить слѣдующіе факты:

«Въ продолженіи зимы и нынѣшней весны, агенты болгарскаго комитета въ Букарештѣ дѣлали агитацію съ тѣмъ, чтобы произвести возстаніе противъ турецкаго правительства, и нашли большое сочувствіе между болгарскою молодёжью.

«Но заговоръ былъ открытъ, и возстаніе началось ранѣе назначеннаго срока, 1-го и 2-го мая, въ деревняхъ Клиссурѣ, Копривщицѣ, Панаюриште, Новомъ Селѣ, Бѣловѣ и, можетъ быть, еще одной или двухъ деревняхъ. Это произвело страшное безпокойство и даже панику въ Татар-Базарджикѣ и Филиппополѣ: безчисленныя телеграммы посланы были Портѣ съ требованіемъ регулярныхъ войскъ, въ которыхъ, однакожь, было отказано. Тогда беи Филиппополя и Адріанополя вооружили мусульманское населеніе городовъ и деревень оружіемъ, присланнымъ изъ Константинополя и Адріанополя. Эти вооруженные мусульмане, призванныя иррегулярныя войскà или баши-бузуки, вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ имѣвшихся регулярныхъ солдатъ, отправились противъ болгарскихъ деревень, чтобы подавить возстаніе и обезоружить христіанское населеніе. Сосѣднія мусульманскія деревни возстали поголовно противъ сосѣднихъ имъ христіанскихъ. Возставшія христіанскія деревни оказывали очень мало сопротивленія и даже вовсе не оказывали. Во многихъ случаяхъ они отдавали оружіе по первому требованію. Несмотря на это, почти всѣ деревни были разграблены или сожжены баши-бузуками; даже и тѣ, которыя были оставлены жителями, бѣжавшими отъ страха. Народонаселеніе бòльшей частію деревень было перерѣзано, сдѣлавшись предварительно жертвою насилій, самыхъ жестокихъ и самыхъ гнусныхъ. Эти преступленія были совершаемы и войсками регулярными наравнѣ съ баши-бузуками. Число деревень, сожженныхъ вполнѣ или отчасти въ округахъ Филиппопольскомъ, Роишинскомъ и Татар-Базарджикскомъ простирается, по меньшей мѣрѣ, до 65-ти.

«Турки стараются увѣрить, будто бòльшая часть селеній сожжена самими инсургентами съ тою цѣлію, чтобы заставить болгарскихъ жителей присоединиться къ возстанію. Я слышалъ это только относительно двухъ или трехъ деревень, да и этотъ слухъ требуетъ еще подтвержденія».

Бòльшая часть донесенія Скэйлера посвящена подробному описанію объ ужасныхъ злодѣйствахъ, совершенныхъ турками въ главныхъ городахъ. Полное понятіе объ этихъ злодѣйствахъ можетъ дать слѣдующая выдержка изъ его донесенія о городѣ Панаюриште:

«Панаюриште (Отлык-кёй тоже) была атакована регулярными войсками и баши-бузуками 11-го мая. Кажется, что никакого заявленія относительно сдачи сдѣлано не было. Но, послѣ незначительнаго сопротивленія со стороны инсургентовъ, городъ былъ

взятъ. Много жителей бѣжало, но около 3,000 человѣкъ было убито, большею частію женщинъ и дѣтей, изъ которыхъ около 400 были изъ Панаюриште, а остальныя изъ девяти сосѣднихъ деревень, жители которыхъ искали убѣжища въ городѣ. Четыреста зданій, и въ томъ числѣ большой базаръ и самые большіе, самые лучшіе домà, были сожжены. Двѣ церкви были совершенно разрушены и почти сравнены съ землею. Въ одной, старикъ былъ истязаемъ на алтарѣ, потомъ сожженъ живымъ. Двѣ школы были сожжены; третья, походившая на частный домъ, осталась цѣлою.

«По многочисленнымъ показаніямъ, которыя мнѣ были сдѣланы, едва ли въ городѣ нашлась одна женщина, которая избѣгла бы насилія и безчестія. Скоты насиловали дѣтей, начиная отъ восьми лѣтъ, и старухъ восьмидесяти лѣтъ, не щадя ни возраста, ни пола. У стариковъ вырывали глаза, обрѣзывали губы и въ такомъ видѣ бросали ихъ на произволъ судьбы. Не находилось даже настолько состраданія, чтобы покончить ихъ разомъ. Беременнымъ женщинамъ распарывали животы и малыхъ дѣтей заставляли носить окровавленныя головы ихъ сверстниковъ.

«Эти сцены грабительства, насилія и злодѣйства продолжались въ теченіи цѣлыхъ трехъ дней; потомъ оставшихся въ живыхъ заставили хоронить трупы. Виновниками этихъ звѣрствъ были въ особенности солдаты, подъ предводительствомъ Гафиза-паши.

«Была попытка, которую дѣлали не турки только, извинить и ослабить эти факты тѣмъ, что будто точно такіе же ужасы предварительно были совершены болгарами. Я самымъ тщательнымъ образомъ старался удостовѣриться въ этомъ и не могъ открыть, чтобъ болгаре совершили гдѣ-нибудь насиліе или жестокость, или вообще какое-нибудь дѣйствіе, достойное подобнаго наименованія. Напрасно я старался добиться отъ турецкихъ чиновниковъ записи о подобныхъ дѣйствіяхъ болгаръ: я никогда не могъ получить ничего, кромѣ пустыхъ разглагольствій».

Къ этимъ свѣдѣніямъ Скэйлера о томъ, кàкъ турки хозяйничали въ Панаюриште, присоединимъ еще свѣдѣнія о ихъ дѣйствіяхъ въ то же время въ Батакѣ, сообщаемыхъ кореспондентомъ «Daily News», который ѣздилъ вмѣстѣ съ Скэйлеромъ. Описывая свое прибытіе въ Батакъ, кореспондентъ говоритъ:

«Съ высоты, на которой мы стояли, развалины Батака напоминаютъ Геркуланумъ или Помпею. Ни одной стѣны, ни одной кровли не уцѣлѣло; весь городъ представлялъ груду развалинъ, надъ которою стоялъ унылый гулъ отъ воя возвратившихся жителей. Въ Батакѣ было 900 домовъ, а, такъ какъ тамъ еще не вывелась такъ называемая задруга, т. е. большія семьи, въ которыхъ поженившіеся сыновья живутъ вмѣстѣ съ своими родителями, такъ что семья нерѣдко состоитъ изъ 20 и болѣе чело-

вѣкъ, то на эти 900 домовъ можно полагать, по меньшей мѣрѣ, отъ 8,000 до 9,000 жителей, отъ которыхъ осталось въ живыхъ не болѣе 1,200 или 1,300 человѣкъ. Нѣтъ такой семьи, которая не потеряла бы, по меньшей мѣрѣ, половины своихъ членовъ, а иныя семьи вырѣзаны совершенно. Въ особенности много погибло дѣтей, которыхъ варвары предавали мучительной смерти. Они ихъ живыхъ накалывали на пики и въ такомъ видѣ носили по городу. Въ этомъ меня удостовѣряли многіе очевидцы. Это избіеніе младенцевъ объясняется мусульманскимъ фанатизмомъ. Какъ извѣстно, коранъ сулитъ правовѣрному тѣмъ бо̀льшую награду въ будущей жизни, чѣмъ болѣе онъ истребитъ христіанъ, а, такъ какъ избіеніе безпомощныхъ женщинъ и дѣтей дается безъ всякихъ трудовъ и опасностей, то турки и неистовствуютъ надъ ними по преимуществу. Они вырѣзывали даже плодъ изъ утробы матерей, надѣясь, что и это имъ зачтется. Одною изъ самыхъ ужасныхъ картинъ, видѣнныхъ мною въ Батакѣ, была огромная груда безголовыхъ скелетовъ и череповъ, встрѣченная нами при въѣздѣ въ городъ, на холмѣ. Все это были женскіе черепа̀, на которыхъ еще оставались длинные волосы, слипшіеся отъ крови и грязи. На ногахъ у многихъ скелетовъ уцѣлѣли расшитые пестрые чулки, какіе носятъ болгарскія дѣвушки. Мы узнали потомъ, что на этомъ мѣстѣ пало около 200 молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ злодѣи увели на этотъ холмъ, предназначивъ ихъ для участи, горшей самой смерти. Ихъ продержали здѣсь живыми впродолженіи нѣсколькихъ дней, такъ какъ батакская бойня продолжалась не одинъ день, и на этомъ холмѣ окровавленные дикари собирались каждую ночь для дикой оргіи. Несчастныя, безпомощныя существа, претерпѣвъ всѣ насилія, какія можетъ претерпѣть женщина въ рукахъ опьянѣвшихъ отъ крови дикарей, были, наконецъ, обезглавлены всѣ до единой. Побѣлѣвшія кости ихъ лежали среди пышной зелени, подъ безоблачнымъ небомъ и какъ будто взывали къ небу противъ такого попранія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ».

Ко всему этому мы должны присовокупить, что, по счету корреспондента «Daily News», подтверждаемому и другими извѣстіями, въ томъ числѣ оффиціальнымъ русскимъ, въ Филиппопольскомъ Округѣ, гдѣ комиссіи турецкія производили слѣдствіе, вырѣзано не 1836 человѣкъ болгаръ, какъ увѣряютъ они, а 25,000 человѣкъ и, притомъ, населенія совершенно мирнаго, безоружнаго, и вовсе не въ сраженіяхъ, которыхъ вовсе не было.

Изъ всего, сказаннаго нами, читатель можетъ видѣть, что̀ такое турецкое управленіе и турецкое правосудіе по отношенію къ христіанамъ. Если Европа хочетъ искренно улучшить состояніе славянскихъ христіанскихъ населеній, если она желаетъ положить конецъ періодическимъ возстаніямъ на Балканскомъ Полуостровѣ, то для этого нѣтъ другого средства, какъ изъять всѣ

находящіяся здѣсь славянскія земли изъ турецкаго управленія, дать имъ полную внутреннюю автономію съ вассальнымъ отношеніемъ къ Турціи. Разрѣшеніе славянскаго вопроса въ этомъ направленіи становится, повидимому, болѣе или менѣе общимъ желаніемъ въ Европѣ На дняхъ, Гладстонъ издалъ брошюру, въ которой изъятіе славянскихъ областей изъ турецкаго управленія и превращеніе Турціи изъ суверенной въ сюзеренную по отношенію къ нимъ онъ находитъ рѣшеніемъ единственно удобоисполнимымъ практично. Разъ рѣшится на это Англія, Гладстонъ думаетъ, что и всѣ другія великія державы согласятся съ нею; «что касается до Турціи, то она не пойдетъ добровольно, говоритъ Гладстонъ:—пробивать лбомъ каменную стѣну; она никогда, прибавляетъ онъ, не отказывалась уступать требованіямъ соединенной Европы; она покорится и теперь принять эту безвластную сюзеренность, которую ей оставляютъ». «Daily Telegraph», разсматривая брошюру Гладстона, сильно сомнѣвается, чтобы Турція согласилась на это. «При предложеніи Гладстона, говоритъ онъ:—убраться изъ Болгаріи и др. съ оружіемъ и багажемъ, и впредь довольствоваться тѣмъ, чтобы созерцать эти провинціи на корнѣ Турціи, «честный турокъ» подниметъ громкій крикъ. Если, скажетъ онъ, исламу суждено погибнуть, то пусть онъ погибнетъ отъ меча, а не отъ ножницъ, на подобіе Абдулъ-Азиса». На это можно сказать, что Турція не разъ уже, а много разъ, позволяла подравнивать себя ножницами—слѣдовательно, позволитъ и на этотъ разъ, если всѣ великія державы потребуютъ отъ нея этого. Лбомъ каменной стѣны она прошибать не захочетъ.

Но очень возможно, что предполагаемаго Гладстономъ согласія великихъ державъ, относительно его проекта, не послѣдуетъ, и на исполненіи его будутъ настаивать только одна или двѣ державы; тогда Турція, въ чаду отъ своихъ мнимыхъ военныхъ успѣховъ въ Сербіи, которыми она и теперь надмѣвается, и подстрекаемая невѣжественнымъ фанатизмомъ, очень легко можетъ поднять голову и не согласится превратиться изъ суверенной въ сюзеренную. Тогда война будетъ неизбѣжна, ибо нельзя славянъ, въ которыхъ возбуждено столько надеждъ на свободу, которые принесли столько жертвъ добровольныхъ и которые столько потерпѣли всякаго рода злодѣйствъ и раззореній, отдать снова на закланіе разъяреннымъ туркамъ. Россія не согласится на это и не потерпитъ. Еслибы ей пришлось одной только вести борьбу съ Турціей за свободу славянъ, она начнетъ эту борьбу, напутствуемая благословеніями всѣхъ народовъ Европы, и, несомнѣнно, выйдетъ изъ борьбы побѣдительницею.

Но вотъ въ чемъ вопросъ: достигнется ли этою войною желаемый результатъ? Побѣжденная Турція согласится ли мирно и спокойно дать славянамъ свободу, которой теперь не хотѣла дать до войны? Не ожесточится ли, напротивъ, она нанесеннымъ ей

пораженіемъ и, разсвирѣпѣвъ, какъ раненый дикій звѣрь, не бросится ли съ отчаянія въ новую войну на жизнь и смерть—истребительную войну расъ?

Мы задаемъ эти вопросы, потому что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, начиная со времени смерти султана Абдулъ-Азиса, Турція находится въ особенно возбужденномъ состояніи; происходящее въ ней мусульманское броженіе нетолько не успокоивается, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возростаетъ, и дѣлается опаснымъ для христіанъ. Зловѣщіе признаки его чувствуются всѣми, кто живетъ въ Турціи и всюду.

Скэйлеръ, секретарь американскаго комитета, проживающій въ Константинополѣ и, во время слѣдствія въ Болгаріи, имѣвшій случай изучить современное настроеніе мусульманъ, признаётъ необходимымъ назначить въ Турціи временную иностранную комиссію, которая, истребовавъ отъ Турціи казни главныхъ виновниковъ болгарскихъ злодѣйствъ и вознагражденія потерпѣвшихъ отъ этихъ злодѣйствъ болгаръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, настояла бы на немедленномъ обезоруженіи мусульманскаго населенія. «Если, говоритъ онъ:—Порта откажетъ въ своемъ согласіи или будетъ долго медлить, то, очень можетъ быть, послѣдуетъ новая рѣзня, которая превзойдетъ все, что̀ было до сихъ поръ, въ особенности въ случаѣ неудачъ турецкой арміи». Вы видите, что Скэйлеръ возможность большаго ожесточенія Турціи ставитъ въ связь съ неудачами въ войнѣ. Тоже самое утверждаетъ и бо̀льшая часть иностранныхъ кореспондентовъ. Гоноръ Турціи очень затрогивается неудачами; она скорѣе, судя по ихъ словамъ, согласилась бы добровольно отдать то, къ чему хотятъ вынудить ее войною! Каждая неудача военная не располагаетъ ея къ уступкамъ, а, напротивъ, ожесточаетъ и возбуждаетъ къ сопротивленію. Чувствуя, что, со времени крымской войны, положеніе ея въ Европѣ совершенно измѣнилось, что она находится теперь совершенно одинокою, изолированною и, не пользуясь сочувствіемъ ни одного изъ христіанскихъ народовъ, не можетъ надѣяться на поддержку ни одного европейскаго правительства, ни даже англійскаго, дружба котораго очень не прочна, Турція смотритъ на сербскую войну, какъ на начало великой войны христіанства съ мусульманствомъ, и рѣшилась вести ее до послѣдней крайности, не пренебрегать ничѣмъ, употребить все, что̀ можно только употребить, для полнаго напряженія силъ, если не для того, чтобы побѣдить, то для того, чтобы причинить какъ возможно болѣе зла христіанамъ. Константинопольскій кореспондентъ «Агентства Гаваса» пишетъ: «Въ Европѣ удивляются тому, что Порта, имѣя очень значительную регулярную армію и хорошо дисциплинированную, не удовольствовалась ею въ войнѣ съ такими двумя маленькими княжествами, какъ Сербія и Черногорія, а сочла нужнымъ вызвать орды курдовъ, черкесовъ и др. Но Порта видитъ далеко и предчувствуетъ компликаціи, изъ которыхъ она

не видитъ другого выхода, кромѣ борьбы на жизнь и смерть. Чѣмъ болѣе будетъ на нее давленіе извнѣ, тѣмъ болѣе она будетъ оказывать сопротивленія. Никакого колебанія, никакой уступки—вотъ настоящее настроеніе въ нашихъ правительственныхъ сферахъ. На дняхъ, одинъ изъ главныхъ министровъ сказалъ мнѣ: «Насъ хотятъ раздробить, но это не удастся сдѣлать такъ легко, какъ думаютъ. Мы будемъ драться до послѣдней возможности и, если мы погибнемъ, то будемъ, по крайней мѣрѣ, удовлетворены тѣмъ, что зажжемъ войну, которая заставитъ Европу плавать въ потокахъ крови въ продолженіе многихъ лѣтъ». Вся настоящая политика Турціи—въ этихъ словахъ и, она обнаруживается уже и въ дѣйствіяхъ». Сказавъ далѣе, что мы уже привели выше, о приготовленіяхъ, которыя дѣлаются Турціею на Кавказѣ, въ Критѣ, и что сербская война есть только прелюдія событій болѣе великихъ, корреспондентъ продолжаетъ: «И эти событія отразятся въ странѣ страшнымъ образомъ. Злодѣйства болгарскія достаточно показываютъ, на что способенъ возбужденный фанатизмъ мусульманъ. Можете судить, что можетъ случиться, если повсюду въ имперіи массы возстанутъ съ крикомъ: «смерть невѣрнымъ!» Вотъ о чемъ должна поразмыслить христіанская Европа и чему она должна постараться воспрепятствовать, избѣгая всего того, что можетъ развязать Турцію отъ ея нравственныхъ обязательствъ по отношенію къ державамъ. Изъ Смирны пишутъ, что триста или четыреста зейбековъ, прибывшихъ изъ Малой Азіи, отправились къ губернатору спросить его: «Когда они должны начать?» «Что начать?» спрашивалъ ихъ въ свою очередь Куршидъ-паша. «А рѣзать христіанъ?» отвѣчаютъ они.—«Вѣдь мы для этого вызваны сюда». Вотъ тотъ духъ, который воодушевляетъ этихъ дикихъ людей. Тоже самое повторялось въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ являлись баши-бузуки для отправленія на войну, и подлежащія власти иногда должны были употребить не мало труда, чтобъ внушить имъ, что правительство ведетъ войну только съ сербами и черногорцами» («Temps», 2 sept.)

Наконецъ мы приведемъ еще показаніе константинопольскаго корреспондента «Journal de St.-Pétersbourg» относительно настроенія умовъ въ Турціи. «Въ настоящее время, говоритъ корреспондентъ,—въ Европѣ не принимаютъ въ соображеніе одного важнаго факта, именно: [illegible] и непоколебимаго отрицанія мусульманскаго фанатизма, который поддерживается повсюду, ежедневно и въ формѣ дѣйствительно возбуждающей безпокойства. Нельзя слишкомъ много [illegible] теперь Европѣ. Она должна оставаться на этомъ пути, жить собственною жизнью, не слушать [illegible] турецкихъ христіанъ, требующихъ равенства съ мусульманами въ службѣ и въ правахъ, и если нужно, [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] предѣловъ. [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] дѣйствій пра-

знаваемыя всѣми классами мусульманскаго населенія. Ихъ непримиримое и воинственное настроеніе открыто высказывается стамбульскими газетами, въ разговорахъ и, что̀ еще хуже, въ дѣйствіяхъ. Теперь перейдемъ къ доказательствамъ. Нѣсколько дней назадъ, великій визирь возвѣстилъ публикѣ, чрезъ посредство оффиціальнаго сообщенія, что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не можетъ быть вопроса ни о конституціи, ни о реформахъ, другими словами,—что завоеватели не думаютъ отказываться ни отъ одной изъ этихъ привилегій и нисколько не помышляютъ о томъ, чтобъ сдѣлать положеніе райи выносимымъ. Въ этомъ, какъ показываютъ намъ факты, заключается суть мысли и воли мусульманской, истолкователемъ и осуществителемъ которой сдѣлался великій визирь. Я не упоминаю о ежедневныхъ случаяхъ оскорбительныхъ выраженій, съ которыми обращаются на улицахъ Стамбула къ тому или другому христіанину, о всеобщемъ нахальствѣ мусульманъ, особенно со времени послѣднихъ успѣховъ сербовъ, о всѣми замѣченномъ рѣшеніи, принятомъ молодыми беями и турецкими дамами—не бывать болѣе въ Перѣ и въ публичныхъ мѣстахъ, посѣщаемыхъ христіанами. Теоретически поставленное раздѣленіе стало уже истиною на практикѣ. Но вотъ факты, которые еще болѣе поразятъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Вслѣдствіе религіозныхъ возбужденій проповѣдниковъ въ мечетяхъ и публицистовъ въ газетахъ, къ великому визирю обращались съ просьбою о сформированіи милиціи въ Стамбулѣ. Мысль эта распространилась, и съ тѣхъ поръ великій визирь получилъ и получаетъ еще ежедневно множество петицій. Правительство смотритъ благосклонно на это движеніе и поощряетъ его. Но, тѣмъ не менѣе, оно не приняло еще никакого рѣшенія на этотъ счетъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ города, жители, не дожидаясь разрѣшенія правительства, пригласили уже къ себѣ офицеровъ изъ ближайшихъ казармъ, которые служили бы имъ въ качествѣ инструкторовъ; подъ руководствомъ ихъ, они обучаются маршировкѣ и первымъ началамъ военной службы. Къ какой же общинѣ принадлежатъ эти милиціонеры будущаго? греки ли это, армяне, болгаре или евреи? Нисколько. Всѣ они, безъ исключенія—мусульмане. Если только сформируютъ милиціонный отрядъ, христіане будутъ тщательно изъ него исключены. Замѣтьте, что число милиціонеровъ, которыхъ можно будетъ собрать въ Стамбулѣ, полагаютъ до 70,000. Это объясняется исключительнымъ положеніемъ, въ которомъ находится этотъ городъ по отношенію къ рекрутской повинности. Всѣ его жители освобождены отъ военной службы. Сверхъ того, турецкій обычай требуетъ, чтобъ каждое семейство, пользующееся нѣкоторымъ достаткомъ, имѣло при себѣ многочисленную прислугу. Въ богатыхъ домахъ насчитывается до 50 и 60 человѣкъ мужской прислуги. Такимъ образомъ, молодыхъ людей въ Стамбулѣ весьма много. Поэтому, цифра 70,000 человѣкъ,

которую имѣютъ въ виду для стамбульской милиціи, нисколько не преувеличена. Эта подготовляющаяся организація тревожитъ христіанъ. Опасенія ихъ законны, потому что, кàкъ только мусульманское населеніе будетъ организовано и вооружено, христіане, безоружные, будутъ отданы на жертву своимъ врагамъ. Пора уже бросить смягчающія выраженія. Мусульмапе ненавидятъ христіанъ. Мы, живущіе среди правовѣрныхъ, слишкомъ хорошо знаемъ это, и, если Европа игнорируетъ это или же дѣлаетъ видъ, что не знаетъ, то обязанность наша — открыть ей глазà и разсѣять ея дѣйствительныя или кажущіяся иллюзіи. Здѣсь насъ болѣе ста тысячъ иностранцевъ, считая въ томъ числѣ греческую колонію. Сверхъ того, въ Константинополѣ насчитывается около пятисотъ тысячъ райевъ, грековъ, армянъ, евреевъ и другихъ. Было бы заблужденіемъ видѣть въ этой массѣ христіанскаго населенія гарантію безопасности противъ наступательныхъ предпріятій мусульманъ, потому что христіане эти невооружены и неорганизованы въ виду защиты. Къ тому же, большинство райевъ никогда не держало ружья въ рукахъ, и, не клевеща на нихъ, можно сказать, что, въ минуту опасности, положеніе ихъ не представило бы необходимаго мужества; воспитаніе не подготовило ихъ къ волненіямъ кровавой борьбы. Въ этомъ заключаются неоспоримыя опасенія для христіанскихъ жителей Константинополя. Кàкъ только будетъ организована мусульманская милиція, достаточно, при нынѣшнемъ состояніи умовъ, простого случая народнаго возбужденія, чтобъ надъ городомъ разразились неисчислимыя бѣдствія. Но, скажутъ, быть можетъ, что флоты европейскихъ державъ стоятъ по близости, въ Средиземномъ Морѣ? Дѣйствительно такъ; но они прибудутъ только черезъ двадцать четыре или черезъ сорокъ восемь часовъ, чтобъ констатировать бѣдствіе».

Свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Турціи, сообщаемыя въ приведенныхъ нами корреспондеціяхъ, такъ важны, что на нихъ, по нашему мнѣнію, должна сосредоточить свое вниманіе дипломатія всѣхъ европейскихъ державъ. Прежде, чѣмъ рѣшиться чтò-нибудь требовать и дѣлать, надобно обдумать: кàкъ безопасно обставить исполненіе своихъ требованій и дѣйствій? Не хитрая вещь—начать войну съ Турціей; не хитрая вещь—разбить ея войскà. Но чтò, если турки, озлобленные пораженіемъ, начнутъ истребительную расовую борьбу и вырѣжутъ всѣхъ христіанъ!

Вотъ о чемъ должна подумать Европа. Полное согласіе всѣхъ европейскихъ державъ относительно Турціи теперь необходимо. При этомъ согласіи, можно надѣяться, что Турція и безъ войны согласится подчиниться общему ихъ рѣшенію—дать полную автономію всѣмъ славянскимъ народностямъ; а еслибы она на это и не согласилась, то, при общемъ дружномъ дѣйствіи всѣхъ державъ, самая война можетъ быть обставлена такъ, что турки бу-

дутъ поставлены въ невозможность произвести всеобщую рѣзню христіанъ.

«Ну, спросятъ насъ:—а если желаннаго согласія между всѣми европейскими кабинетами не послѣдуетъ, что тогда должна дѣлать Россія?» —А Россія должна идти своимъ путемъ. Она находится по отношенію къ славянамъ въ исключительномъ положеніи; она не можетъ оставить славянъ безъ помощи и передать ихъ снова во власть туркамъ. Она должна прямо и твердо заявить другимъ державамъ, что, если дипломатія не устроитъ автономіи балканскихъ славянъ, то она одна обязана будетъ исполнить по отношенію къ славянамъ свой долгъ, а отклонить его отъ себя подъ предлогомъ тѣхъ или другихъ возможныхъ послѣдствій она даже не имѣетъ права.

29 Августа 1876 года.

ИЗЪ МІРА НАУКИ.

Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства. Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Т. I. Спб. 1876.

Die Perigenesis der Plastidule oder die Wellenzeugung der Lebenstheilchen. Ein Versuch zur mechanischen Erklärung der elementaren Entwickelungs-Vorgänge. Von Ernst Haeckel. Berl. 1876.

Нашъ извѣстный спиритъ, г. Вагнеръ, напечаталъ въ прошломъ году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» обширную статью, въ которой разсказалъ много совершенно невѣроятныхъ случаевъ. Онъ и самъ называлъ ихъ невѣроятными, хотя и приглашалъ вѣрить. Приэтомъ, онъ обѣщалъ вторую статью, въ которой, дескать, будетъ показано отношеніе разсказанныхъ фактовъ къ признаннымъ научнымъ истинамъ, будетъ опредѣлено то мѣсто, которое спиритическія истины должны занять въ совокупности нашихъ понятій о явленіяхъ сего міра. Пріемъ, удовлетворяющій самымъ строгимъ и законнымъ требованіямъ науки. Каждый шагъ науки впередъ состоитъ въ пригонкѣ, такъ сказать, новыхъ фактовъ къ существующему уже научному багажу. Приэтомъ, новый фактъ или тихо и смирно, безъ боя занимаетъ свое мѣсто въ сокровищницѣ науки, или производитъ въ ней революцію, или, наконецъ, подавленный массою противорѣчащихъ научныхъ истинъ, допускающихъ провѣрку, оказывается ложью. Г. Вагнеръ, какъ ученый, справедливо уважаемый за свои былыя заслуги, очень хорошо понимаетъ недостаточность простого разсказа о томъ, что, напримѣръ, «курочка бычка родила, поросёночекъ яичко снесъ»—событіяхъ, даже гораздо болѣе вѣроятныхъ, чѣмъ спиритическія явленія «матеріализаціи» и т. п. Г. Вагнеръ понимаетъ, что никто не обязанъ вѣрить невѣроятному, пока оно не сдѣлано вѣроятнымъ, то-есть не приведено въ связь съ истинами, которыя выработывались вѣками и провѣряются ежедневнымъ опытомъ. Изо-дня въ день мы покупаемъ на вѣсъ съѣстные и другіе припасы и нималѣйше не сомнѣваемся въ томъ, что купили именно столько-то фунтовъ говядины или свѣчей. Если же и замѣчаемъ иногда нѣкоторое подобіе измѣненія въ вѣсѣ провизіи по доставленіи ея на домъ, то опять-

таки не сомнѣваемся, что тутъ никакого собственно измѣненія не произошло, а что продавецъ просто обвѣсилъ насъ; обвѣсилъ или сознательно, то-есть обманулъ, или вполнѣ добросовѣстно, благодаря разсѣянности, нетрезвому состоянію и т. п. Такая увѣренность наша вполнѣ оправдывается нетолько ежедневнымъ опытомъ, а и вѣковымъ, систематизированнымъ опытомъ, лежащимъ въ основѣ всей совокупности научныхъ истинъ. Полагаемъ, что и самъ г. Вагнеръ, въ случаѣ если ему принесутъ изъ лавки, вмѣсто заказанныхъ десяти, три фунта говядины, объяснитъ это явленіе не спиритически, то-есть не измѣненіемъ въ вѣсѣ, а какъ и всѣ люди—обманомъ или ошибкой. Такъ именно, то-есть обманомъ медіума или особеннымъ психическимъ состояніемъ наблюдателей, объясняемъ мы себѣ и матеріализацію рукъ и цѣлыхъ фигуръ, измѣненіе въ вѣсѣ стола и тому подобные факты, сообщаемые спиритами. Понимая всю законность такого отношенія къ дѣлу, г. Вагнеръ предположилъ объяснить публикѣ отношенія, существующія между спиритическими явленіями съ одной стороны и научными истинами и данными ежедневнаго опыта—съ другой. Мы съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждали этой работы почтеннаго ученаго, потому что только она могла бы окончательно убѣдить насъ—не наблюдателей, не экспериментаторовъ, а просто болѣе или менѣе образованную публику. Но мы ничего не дождались, да вѣроятно и не дождемся: г. Вагнеръ, должно быть, забылъ свое обѣщаніе, и статья его продолженія не имѣла.

Заговорили мы о спиритизмѣ совсѣмъ не ради него самого—лежачаго не бьютъ, да мы и никогда не обнаруживали поползновенія занимать имъ вниманіе читателя—а вотъ ради чего. Мы отнюдь не думаемъ, чтобы современный научный багажъ дошелъ до предѣла, его же не прейдеши. Многія, можетъ быть, самыя коренныя нетолько дополненія, а измѣненія, ждутъ физіономію науки въ будущемъ. Но, тѣмъ не менѣе, каждый шагъ ея впередъ, какъ бы ни было велико его реформаторское значеніе, неизбѣжно долженъ примыкать къ воззрѣніямъ установившимся, къ преемственной работѣ человѣчества на поприщѣ науки. Г. Вагнеръ потому не исполнилъ своего обѣщанія, что не могъ его исполнить. Привести спиритизмъ въ связь съ извѣстными намъ законами бытія невозможно. Столъ г. Вагнера, порхающій по комнатѣ, не увлечетъ за собой тѣхъ мильйоновъ столовъ, которые, повинуясь законамъ физики, смирно стоятъ на мѣстѣ. Дѣло тутъ не въ новости и необычности факта (новые факты—не новость въ наукѣ), а въ его противорѣчіи съ самыми общими и элементарными истинами, которыхъ, такъ сказать, «матеріализацію» мы всегда можемъ наблюдать. Дѣло нестолько въ фактѣ, сколько въ его объясненіи. Нѣкоторыя спиритическія явленія, по всей вѣроятности, вполнѣ реальны, въ томъ смыслѣ, что не требуютъ для своего возникновенія ни обмана, ни исклю-

*

чительнаго психическаго состоянія стороннихъ наблюдателей. Напримѣръ, верченіе столовъ, кажется—фактъ несомнѣнный. Можетъ быть, онъ способенъ даже сослужить болѣе или менѣе важную службу наукѣ, если объяснится безсознательнымъ толканіемъ участвующихъ, или инымъ какимъ-нибудь научнымъ способомъ. Но спириты всѣ подобные способы отрицаютъ. Объясненія они ищутъ въ присутствіи духовъ и вообще какого-то «невидимаго міра», что̀, конечно, ставитъ вверхъ дномъ все вѣками строившееся зданіе науки. Ну, а это не такъ легко привести въ исполненіе. Повторяемъ: это не значитъ, чтобы зданіе науки было уже «увѣнчано»—такого увѣнчанія мы никогда не дождемся. Вплоть до смерти человѣчества наука будетъ идти впередъ, то-есть изслѣдовать новые факты и давать имъ новыя объясненія. Тѣмъ не менѣе, въ каждую данную историческую минуту существуютъ объясненія, теоріи, наиболѣе удовлетворяющія требованіямъ познанія, то-есть наилучше объясняющія наибольшее число извѣстныхъ фактовъ. Что̀ бы ни ждало подобныя теоріи въ будущемъ, какія бы ни предстояли имъ урѣзки, дополненія и измѣненія, но въ данную минуту они царятъ совершенно законно, если только дѣйствительно наилучше объясняютъ наибольшій кругъ извѣстныхъ фактовъ.

Нетрудно видѣть, что для нашего времени такіе законные деспоты въ наукѣ о природѣ суть механическая теорія въ физикѣ (въ широкомъ смыслѣ) и теорія развитія въ біологіи. Всякій новый фактъ, всякое новое объясненіе какой-нибудь частной области фактовъ входитъ въ науку не иначе, какъ постучавшись предварительно въ эти ворота. Открытіе спиритомъ Круксомъ механической силы свѣта проходитъ; «матеріализація» духа какой-то дѣвицы остается за воротами, хотя и ее проситъ пропустить тотъ же Круксъ. Уоллэсъ, какъ одинъ изъ провозвѣстниковъ трансформизма, проходитъ, а какъ спиритъ, остается за воротами. Мимоходомъ сказать, спириты часто съ гордостью перечисляютъ болѣе или менѣе блестящія имена людей науки, стоящихъ въ ихъ рядахъ. Сожалѣть объ этомъ фактѣ можно, но гордиться тутъ нѣчѣмъ, потому что всѣ эти имена принадлежатъ спеціалистамъ, хорошимъ, иногда даже превосходнымъ наблюдателямъ въ своей спеціальной области, но весьма плохимъ философамъ. Все же, дѣйствительно, многообъемлющее и разностороннее тѣснится около двухъ упомянутыхъ современныхъ деспотовъ науки, которымъ такъ рѣзко противорѣчитъ ученіе спиритизма и къ которымъ невольно примыкаютъ даже спириты своею цѣнною дѣятельностью въ той или другой спеціальной сферѣ, въ которой они, что называется, до̀ма. Ка̀къ ни незаконна, во многихъ отношеніяхъ, гордость XIX вѣка, но своею наукой онъ имѣетъ полное право гордиться, а вся его наука суммируется, опять таки, въ механической теоріи и въ теоріи развитія.

Механическая теорія обнимаетъ всѣ явленія принципомъ вещества въ движеніи (что весьма далеко отъ стараго матеріализма, признававшаго матерію сущностью вещей); сохраненіе силы, единство силъ и преобразованіе ихъ одной въ другую—таковы ея исходныя точки. Теорія развитія отправляется отъ принципа единства органическихъ формъ, градаціи ихъ и перехода одной въ другую. Близость, родственность обѣихъ теорій, очевидна. Немудрено поэтому, что мысль передовыхъ людей науки направлена на слитіе ихъ. Таковъ именно характеръ многихъ современныхъ изслѣдованій—характеръ, наглядно обрисовывающійся слѣдующимъ заглавіемъ любопытной статьи Пфаундлера: «Борьба за существованіе между молекулами. Опытъ по химической статикѣ» (въ Annalen der Physik und Chemie, Поггендорфа, Jubelband, 1874). Въ предлагаемой замѣткѣ мы хотимъ обратить вниманіе читателя на двѣ замѣчательныя работы въ этомъ направленіи. Одна изъ нихъ принадлежитъ знаменитому нѣмецкому ученому, другая—нашему соотечественнику. Одна непосредственно задается цѣлью связать теорію развитія съ механической теоріей; другая, ограничиваясь частною областью, достигаетъ этой цѣли косвенно.

Мы начнемъ съ книги г. Зеленскаго, предметъ которой еще недавно долго мозолилъ глаза читателей «Вѣстника Европы» въ полемикѣ г. Кавелина съ г. Сѣченовымъ и съ покойнымъ Самаринымъ, очень хорошимъ и благодушнымъ человѣкомъ, но по степени философскаго развитія вполнѣ достойнымъ своего оппонента. Мы упомянули г. Кавелина не для того, чтобы попрекнуть его грѣхомъ «Задачъ психологіи»—быль молодцу не укоръ—а для того, чтобы, припомнивъ «двуединый» организмъ г. Кавелина, читатель оттѣнилъ имъ и лучше оцѣнилъ теорію г. Зеленскаго. Впрочемъ, по задачѣ, трудъ г. Зеленскаго ближе всего сравнить съ книгой Ушинскаго «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Задача выражена въ заглавіи: «Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства». Оба сочиненія представляютъ психолого-педагогическіе трактаты. Сходство увеличивается еще тѣмъ, что, какъ не появилась въ свѣтъ собственно педагогическая часть трактата Ушинскаго, такъ еще не существуетъ педагогическая часть сочиненія г. Зеленскаго. Передъ нами только первый томъ. По формѣ, трудъ г. Зеленскаго далеко ниже книги Ушинскаго: изложеніе неровное, мѣстами просто неуклюже; авторъ часто повторяется, забѣгаетъ впередъ и возвращается назадъ, пренебрегаетъ точностью терминологіи, иногда не въ мѣру доказателенъ, а иногда напротивъ черезъчуръ афористиченъ. Все это тѣмъ прискорбнѣе, что, по сущности, книги Ушинскаго и г. Зеленскаго даже и сравнивать нельзя. Ушинскій—трудолюбивый компиляторъ и эклектикъ, совершенно неспособный къ оригинальной мысли. Въ книгѣ его хороши только выписки изъ другихъ авторовъ—хороши тѣмъ, что

даютъ болѣе или менѣе полное понятіе о мнѣніяхъ различныхъ психологовъ и философовъ. Г. Зеленскій, напротивъ, очень небрежно передаетъ чужія мысли, плохо излагаетъ и свои собственныя; но зато его теорія, изъятая, такъ сказать, изъ его изложенія, поражаетъ своею послѣдовательностью, оригинальностью и логическимъ изяществомъ. Мы передадимъ только о̀стовъ ея.

Послѣ обширнаго введенія, слѣдуютъ доказательства существованія нѣкоторой тѣсной связи между мозгомъ и психическою жизнью. Здѣсь мало новаго, кромѣ точки зрѣнія автора, въ силу которой онъ, представивъ изъ анатоміи мозга, изъ исторіи его развитія, изъ патологическихъ его повреждений и проч. доказательства зависимости интеллекта отъ мозга, оставляетъ, однако, на первый разъ открытымъ вопросъ о характерѣ этой зависимости. Ничего не предрѣшая, онъ обращается къ основнымъ даннымъ физики и ставитъ эпиграфомъ многознаменательныя слова̀ Гюйгенса: «Причины всѣхъ явленій природы познаются только механическими законами, отказавшись отъ которыхъ, мы должны отказаться отъ надежды понять природу».

Основныя положенія современной физики читателю извѣстны. Вещество и сила неразлучны, и, если мы наблюдаемъ тѣло въ состояніи покоя, то это значитъ только, что присущая ему сила находится въ напряженіи; это—сила потенціальная, способная, при извѣстныхъ условіяхъ, обнаружиться механичe̊ской или молекулярной работой. Вещество неразрушимо, и наблюдаемыя нами явленія кажущагося разрушенія суть только явленія преобразованія однихъ формъ вещества въ другія. Какъ не можетъ пропасть изъ экономіи вселенной ни одинъ атомъ вещества, такъ не можетъ утеряться ни одна единица силы: силы могутъ только преобразоваться, переходить одна въ другую. Взаимодѣйствіе двухъ тѣлъ или формъ вещества можетъ выразиться только движеніемъ, механическимъ или молекулярнымъ. Таково и дѣйствіе всѣхъ явленій природы на человѣка. Мы знаемъ, что всѣ разнообразнѣйшіе звуки, какіе слышитъ человѣкъ, музыкальные и немузыкальные, громкіе и тихіе, доставляющіе намъ высокое наслажденіе и приводящіе насъ въ отчаяніе, суть быстрыя сотрясенія чрезвычайно малыхъ частицъ воздуха. Знаемъ, что различныя краски и сочетанія цвѣтовъ суть волнообразныя движенія эфира, причемъ разнообразіе обусловливается разницей въ длинѣ волнъ, въ ихъ скорости и проч.

Изложивъ съ нѣкоторою подробностью эти общія положенія, г. Зеленскій задаетъ себѣ два вопроса. Во-первыхъ, куда дѣваются движенія, поглощенныя организмомъ посредствомъ о̀рвановъ чувствъ? Потеряться, исчезнуть они не могутъ; они могутъ только преобразоваться. Ограничить это преобразованіе химическими, электрическими, термическими и проч. явленіями, имѣющими мѣсто въ нашемъ организмѣ, нельзя, потому что они имѣютъ своимъ источникомъ, главнымъ образомъ, потенціальную

силу пищи и могутъ быть на лицо безъ всякаго поглощенія внѣшнихъ движеній органами чувствъ. Слѣдовательно, движенія эти должны переходить въ организмѣ во что-то другое. Во-вторыхъ—откуда берется психическая сила? Что она дѣйствительно сила, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что она проявляется механически въ видѣ нашихъ произвольныхъ движеній, а, слѣдовательно, должна же она имѣть свой источникъ гдѣ-нибудь въ общей экономіи силы. Уже самое сопоставленіе этихъ двухъ вопросовъ, такъ явно другъ на друга отвѣчающихъ, даетъ читателю понять, ка̀къ смотритъ на дѣло авторъ. И дѣйствительно, по мысли автора, эти вопросы отвѣчаютъ другъ на друга. Пользуясь его собственными, къ сожалѣнію, далеко невсегда удачными выраженіями, мы должны признать, что «наше внутреннее мыслевое движеніе есть то же движеніе внѣшнее, получившее особенную форму психическаго движенія, только вслѣдствіе органической особенности нашего тѣла вообще и нервной системы въ особенности, которая получила это движеніе и переработала его въ органическое мыслевое движеніе» (126). Это легко, конечно, сказать, но не такъ легко доказать и провести черезъ всю сѣть психической жизни, несмотря на всю соблазнительность и апріорическую вѣроятность идеи единства внѣшняго и нашего внутренняго міра. Не одному философу, психологу, физіологу улыбалась мысль включить интеллектуальную силу въ общій круговоротъ вещества въ движеніи, но вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, которые могли бы стать общепризнанными, мы до сихъ поръ, все-таки, не имѣемъ. Посмотримъ, ка̀къ справляется съ своей задачей нашъ авторъ.

Совокупность несомнѣнныхъ фактовъ убѣждаетъ насъ, что соприкосновеніе явленій внѣшняго міра съ внутреннею, психическою жизнію происходитъ въ «осевыхъ каналахъ» (осевыхъ цилиндрахъ) нервныхъ волоконъ. Они, какъ говоритъ г. Зеленскій, «составляютъ границу, отдѣляющую наше бытіе отъ вліяній внѣшняго міра». Нельзя думать, чтобы по осевымъ каналамъ распространялось въ мозгу одно внѣшнее движеніе, потому что оно неразлучно съ веществомъ, а внѣшнее вещество завѣдомо не переходитъ въ осевые каналы. Спрашивается, каковы же отношенія психическихъ процессовъ къ внѣшнему веществу въ движеніи? Предполагалось, что впечатлѣнія служатъ какъ бы возбудителями электрическихъ токовъ въ нервныхъ волокнахъ. Была выставлена также теорія молекулярной поляризаціи. Авторъ отрицаетъ обѣ эти теоріи на основаніяхъ, въ которыя мы здѣсь вдаваться не можемъ. Насъ, главнымъ образомъ, занимаетъ собственная теорія г. Зеленскаго. Осевые цилиндры нервныхъ волоконъ суть каналы, выполненные чрезвычайно разжиженнымъ, но не капельно-жидкимъ веществомъ. Это вещество, которое можно назвать нервной матеріей, во многихъ отношеніяхъ сходно съ свѣтовымъ эфиромъ. Какъ и онъ, нервная ма-

терія невѣсома, недоступна нашимъ органамъ чувствъ, но, такъ же, какъ и онъ заявляетъ свое присутствіе движеніемъ, которое подчиняется всѣмъ условіямъ движенія. Такъ, въ случаѣ давленія на нервъ, причемъ стѣнки осеваго цилиндра сближаются, передаточное движеніе въ немъ пропорціонально давленію замедляется, даже до совершенной нечувствительности соотвѣтственныхъ частей тѣла къ внѣшнимъ раздраженіямъ. Если перевязать чувствительный нервъ, то никакія внѣшнія раздраженія въ области этого нерва не дойдутъ до сознанія; а если перевязать двигательный нервъ, то никакія раздраженія выше перевязки не вызовутъ мышечнаго сокращенія и проч., и проч. Словомъ, все убѣждаетъ насъ въ существованіи опредѣленнаго содержимаго осевыхъ цилиндровъ въ видѣ чрезвычайно разрѣженнаго вещества, по консистенціи близкаго къ всемірной средѣ, эфиру. Этой-то нервной матеріи дѣйствующее на насъ внѣшнее вещество въ движеніи передаетъ свою силу. Нервная матерія, получивъ толчокъ извнѣ, продолжаетъ двигаться въ направленіи толчка, который, кромѣ того, можетъ перевести часть самой нервной матеріи изъ потенціальнаго въ дѣятельное состояніе. Нѣтъ необходимости, чтобы вновь вызванное движеніе было совершенно однородно по формѣ съ тѣмъ, которое его вызвало: механическій толчокъ можетъ вызвать теплоту, теплота—явленіе химическое и т. д. Это рѣшается природой предмета, которому сообщилось движеніе. Такъ и съ нервной матеріей. Движеніе ея постоянно сохраняетъ извѣстное пропорціональное отношеніе къ возбудившей его внѣшней силѣ (на чемъ и основывается постоянство отношеній между внѣшними явленіями и нашими воспріятіями); но тѣмъ не менѣе, это—движеніе особенное, свойственное только нервной матеріи. Сила, вызываемая въ содержимомъ нервнаго волокна внѣшнимъ движеніемъ, можетъ имѣть различныя степени интенсивности. Нервная матерія «можетъ достигнуть въ своемъ движеніи только до нервныхъ ячеекъ, нервныхъ узловъ или спинного мозга, и тогда ея сила передается, черезъ посредство нервныхъ ячеекъ двигательнымъ волокнамъ, вызывая рефлексы, безъ всякаго вліянія на интеллигенцію. Если же сила движенія нервной матеріи, вызванная наружнымъ движеніемъ, достаточно сильна, то она достигаетъ до мозговыхъ ячеекъ, и тогда эта нервная матерія въ движеніи, соотвѣствующемъ внѣшнему, служитъ матеріаломъ для дальнѣйшаго развитія процессовъ познаванія» (149).

Здѣсь, минуя многія весьма важныя частности, мы приходимъ къ любопытнѣйшей части теоріи г. Зеленскаго. Нервная матерія, какъ и органическія ткани, образуется изъ усвояемаго организмомъ пищеваго матеріала, потенціальная сила котораго переходитъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ активную. Но этотъ строительный матеріалъ остается первое время въ неорганизованномъ видѣ. Органическою частью организма онъ становится, только

придя въ соприкосновеніе съ органическою клѣточкой. Не слѣдуетъ ли изъ этого, по аналогіи, заключить, что нервная матерія, приходя на пути своего движенія въ соприкосновеніе съ нервными ячейками (органическими клѣточками) складывается въ нѣкоторыя органическія образованія? Нервная матерія, движущаяся по осевымъ цилиндрамъ, постоянно расходуется и постоянно возобновляется изъ пищеваго матеріала. Куда же она дѣвается? Съ другой стороны, воспріятіе или ощущеніе, получающееся въ результатѣ движенія нервной матеріи, не могло образоваться изъ ничего. Изъ чего же она складывается? Нашъ авторъ дѣлаетъ смѣлое предположеніе (онъ и самъ его такъ называетъ), что воспріятіе есть особое органическое образованіе, соотвѣтствующее внѣшнему явленію, вызвавшему движеніе нервной матеріи. Извѣстное количество нервной матеріи гонится внѣшнимъ движеніемъ съ извѣстною силою и извѣстнымъ способомъ къ мозговой ячейкѣ и, такъ сказать, оплодотворяетъ ее или оплодотворяется ею, во всякомъ случаѣ, слагается въ нѣчто органическое, какъ и все, что̀ привходитъ въ насъ извнѣ. Такимъ образомъ, ощущеніе есть своего рода органическое тѣло, слагающееся изъ нервной матеріи совокупнымъ дѣйствіемъ внѣшняго движенія и мозговой ячейки. Если таковъ характеръ простѣйшаго факта психической жизни, ощущенія, то онъ, само собою разумѣется, долженъ распространяться и на всѣ болѣе сложные факты, отъ простыхъ представленій до самыхъ отвлеченныхъ понятій. Всѣ эти факты г. Зеленскій называетъ поэтому «интеллектуальными формаціями», «мыслевыми тѣлами», «интеллектуальными образованіями» и т. п.

Весьма вѣроятно, что съ перваго взгляда читатель съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ встрѣтитъ эту гипотезу, поражающую своей смѣлостью, простотой и неожиданностью. Ощущеніе, напримѣръ, краснаго цвѣта, понятіе растенія, мысль о борьбѣ на Балканскомъ Полуостровѣ все это — организмы, органическія тѣла! Къ такому результату мы, повидимому, совершенно неприготовлены. Но это—только повидимому. Ка̀къ ни смѣла и неожиданна теорія г. Зеленскаго, но она отнюдь не выбивается изъ круга установившихся и всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныхъ научныхъ понятій. Что процессъ ощущенія есть оканчивающійся въ мозгу процессъ измѣненія и движенія, именно нѣкотораго перемѣщенія частицъ нервной матеріи—въ этомъ всѣ согласны, хотя и называютъ нервную матерію разно и разумѣютъ подъ нею разное. Особенность гипотезы г. Зеленскаго состоитъ только въ томъ, что онъ даетъ ближайшее опредѣленіе этому перемѣщенію частицъ. Онъ полагаетъ именно, что оно завершается формированіемъ органической единицы. Онъ при этомъ совершенно основательно ссылается на тотъ несомнѣнный фактъ, что все, привходящее въ нашъ организмъ, принимаетъ органическую форму. А это до такой степени несомнѣнно и до такой степени всѣмъ

знакомо, что, напримѣръ, и г. Кавелинъ говоритъ о «психическомъ *организмѣ*», разумѣя, впрочемъ, подъ нимъ неизвѣстно что. Но посмотримъ нѣсколько ближе на доводы г. Зеленскаго.

«Прошлый періодъ въ наукѣ и философіи, говоритъ онъ: — былъ преимущественно реальный — сенсуалистическій. Признавали только то, что говорило органамъ чувствъ, т. е. черезъ ихъ посредство давало сознанію воспріятія или ощущенія. Понятно, что тѣло, вовсе не дѣйствующее на наши органы чувствъ, для сенсуалистовъ не могло существовать и что они смотрѣли на него, какъ на плодъ досужаго воображенія. Успѣхи акустики и оптики пошатнули, однако, эту безусловную вѣру въ органы чувствъ» (200).

И такъ, недоступность нашимъ органамъ чувствъ сама по себѣ еще не даетъ права отрицать, въ томъ или другомъ случаѣ, существованіе тѣла. Но есть и несомнѣнные признаки его наличности, потому что есть неотъемлемыя свойства тѣлъ. Такъ, во-первыхъ, для перехода тѣла изъ состоянія кажущагося покоя въ движеніе требуется бо̀льшая или меньшая внѣшняя сила; во-вторыхъ, для этого требуется извѣстное время; въ-третьихъ, тѣло занимаетъ извѣстное пространство; въ-четвертыхъ, тѣло обладаетъ извѣстною силою, потенціально въ немъ присутствующею или обнаруживающеюся активно. Таковы неотъемлемыя свойства тѣлъ вообще. Тѣла органическія имѣютъ, кромѣ того, еще нѣкоторыя, столь же неотъемлемыя (по мнѣнію г. Зеленскаго) свойства. 1) Органическое (организованное?) тѣло можетъ образоваться только изъ органическаго же. 2) Органическое творчество заключается только въ клѣточкѣ. 3) Матеріалъ для органическаго образованія получается изъ внѣшняго міра. 4) Каждая органическая аггрегація вещества проходитъ ступени развитія, увяданія и смерти. 5) Каждое органическое тѣло получаетъ изъ внѣшняго міра вещество съ потенціальною силою, переводитъ послѣднюю въ активную и возвращаетъ во внѣшній міръ частицы вещества, когда ихъ потенціальная сила израсходована жизнью.

Предстоитъ доказать, что «интеллектуальныя образованія» или «мыслевыя тѣла» обладаютъ всѣми этими свойствами. Къ сожалѣнію, въ любопытной главѣ, содержащей эти доказательства, несистематичность изложенія заставляетъ г. Зеленскаго часто забѣгать впередъ и потому казаться бездоказательнымъ. Мы встрѣчаемся съ этимъ въ первомъ же параграфѣ. «Уже составившіяся интеллектуальныя образованія, говоритъ авторъ:—какой бы они силы и степени ни были, перейдя изъ дѣятельнаго (сознательнаго) въ потенціальное (безсознательное) состояніе, могутъ навсегда остаться въ такомъ положеніи, если другая, внѣ ихъ стоящая сила не призоветъ ихъ опять къ активной дѣятельности. Такъ, движущееся въ сознаніи тѣло съ живою силой, полученной извнѣ, передаетъ это движеніе сроднымъ съ

нимъ по движенію интеллектуальнымъ тѣламъ и вызываетъ ихъ такимъ образомъ изъ недѣятельнаго состоянія въ дѣятельное. На этомъ законѣ основана сила памяти и воспоминанія, какъ мы ниже убѣдимся въ подробномъ разборѣ этихъ процессовъ». Очевидно, здѣсь нѣтъ доказательства, это—только изложеніе и приложеніе гипотезы автора: при помощи ея, онъ объясняетъ явленія памяти и воспоминанія. И таковы многія (не всѣ) доказательства автора относительно свойствъ мыслевыхъ тѣлъ. Пока дѣло до нихъ не доходитъ, пока рѣчь идетъ только о процессѣ движенія нервной матеріи по нервной трубкѣ, передъ нами дѣйствительныя доказательства наличности инерціи, непроницаемости и проч. Такъ, несомнѣнно, что для приведенія въ движеніе нервной матеріи требуется извѣстная внѣшняя сила; несомнѣнно, что процессъ ощущенія требуетъ извѣстнаго, измѣримаго и даже измѣреннаго времени и проч. Но, сами по себѣ, эти несомнѣнные факты еще ничего не говорятъ о природѣ «мыслевыхъ тѣлъ»; они оставляютъ открытымъ вопросъ о формѣ перемѣщенія частицъ вещества, которымъ завершается психическій процессъ. Въ концѣ концовъ, читатель, однако, долженъ будетъ, мы думаемъ, согласиться съ г. Зеленскимъ. Онъ убѣдится нестолько частными, непосредственными доводами автора въ томъ или другомъ случаѣ, сколько общимъ характеромъ, итогомъ книги и тою очевидною легкостью, съ которою предлагаемая гипотеза охватываетъ соотвѣтствующіе факты. Мы думаемъ поэтому, что гипотеза г. Зеленскаго въ высокой степени замѣчательна и должна стать цѣннымъ достояніемъ науки. Нѣкоторымъ препятствіемъ, конечно, временнымъ, можетъ стать въ этомъ отношеніи поперекъ дороги неточность выраженій и несистемитичность изложенія автора. Вся книга имѣетъ такой видъ, какъ будто авторъ, долго и упорно размышляя о предметѣ своего изслѣдованія и найдя, наконецъ, теорію, дѣйствительно наилучше объясняющую всю многосложную сѣть психическихъ явленій, торопливо, такъ сказать, на-черно, для себя набросалъ ее, нисколько не заботясь о тѣхъ, для кого книга написана. Онъ неоднократно жалуется на неудовлетворительность существующей психологической терминологіи, а самъ даетъ нѣчто, даже далеко ниже ея стоящее, потому что, презирая старые термины, онъ часто употребляетъ ихъ какъ попало, притомъ иногда переводя ихъ на языкъ своей теоріи, а иногда нѣтъ. Отсюда «тѣла, движущіяся въ сознаніи» и т. п. Очевидно, самъ пораженный удобствомъ и многостороннею приложимостью своей теоріи, онъ хватается за несовсѣмъ подходящіе случаи для объясненія (въ смыслѣ его теоріи совершенно вѣрнаго и вообще крайне любопытнаго), напримѣръ, процесса воспоминанія, какъ вызова однимъ мыслевымъ тѣломъ другихъ, сродныхъ съ нимъ, изъ потенціальнаго въ дѣятельное состояніе. Мало заботясь о читателѣ, онъ даетъ, напримѣръ, вышеприведенное опре-

дѣленіе рефлекса, не давая отвѣта на возникающіе при этомъ побочные вопросы. Дѣйствительно, если нервная матерія, получая достаточно сильный толчокъ извнѣ, доходитъ до мозговой ячейки и тамъ формируется въ «мыслевое тѣло», а при толчкѣ, менѣе сильномъ, минуя сознаніе, разрѣшается рефлексомъ, то куда, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, дѣвается соотвѣтствующая часть нервной матеріи? Мы видимъ только рефлексъ, движеніе, а судьба соотвѣтственной доли вещества остается въ неизвѣстности. Далѣе: дѣйствительно-ли для рефлекса требуется меньшая степень раздраженія, меньшая напряженность внѣшняго движенія? Г. Зеленскій выражается на этотъ счетъ крайне афористически; между тѣмъ какъ всякому извѣстны случаи проскользыванія мимо сознанія и разрѣшенія рефлексами именно чрезвычайно сильныхъ раздраженій. Всѣ эти и тому подобные вопросы не получаютъ отвѣта у г. Зеленскаго, хотя, мы твердо увѣрены, могли бы ихъ получать. Увѣренность эта основывается на общемъ характерѣ воззрѣній автора.

Въ одномъ мѣстѣ онъ очень вѣрно цѣнитъ свою заслугу: «я только соединилъ концы разорванной цѣпи», говоритъ онъ. А эти концы разорванной цѣпи суть вышеупомянутые законные деспоты современной науки. Теорія г. Зеленскаго есть нечто иное, какъ логическое развитіе механической теоріи въ примѣненіи къ явленіямъ жизни вообще и психологическаго развитія въ частности. «Начало органической жизни получается въ видѣ движенія или толчка извнѣ. Это движеніе дается актомъ оплодотворенія яичка. Процесъ совокупленія двухъ индивидуумовъ различныхъ половъ, сильнѣйшее возбужденіе всей нервной системы во время совокупленія даютъ въ результатѣ силу, направляющую движеніе начинающейся жизни болѣе или менѣе сложнаго организма, обусловливающую энергію и продолжительность этой жизни» (291). Отсюда—наслѣдственность, то есть сохраненіе изъ рода въ родъ специіальной формы вещества въ движеніи. Точно также, внѣшнее вещество въ движеніи, приходя въ соприкосновеніе съ содержимымъ осеваго цилиндра, сообщаетъ ему движеніе, свойства котораго зависятъ: во-первыхъ, отъ специіальной формы агента, а во-вторыхъ—отъ свойствъ самого содержимаго и воспринимающихъ аппаратовъ (òргановъ чувствъ). Это своеобразное вообще и въ каждомъ частномъ случаѣ движеніе доноситъ содержимое осеваго цилиндра до мозговой ячейки, гдѣ и формируются интеллектуальныя образованія, находящіяся въ тѣсной связи съ веществомъ мозга, но тѣмъ не менѣе существующія независимо отъ него. Подлежа общимъ законамъ органическихъ образованій, они, своими многоразличными комбинаціями, составляютъ психическую жизнь. Многія изъ частностей этихъ комбинацій, благодаря впрочемъ несистематичности изложенія, получаютъ свое какъ бы полу-объясненіе уже въ первомъ томѣ. Однако, являясь преимущественно въ видѣ опоры общихъ

основаній теоріи и давая удовлетворительное понятіе о характерѣ и направленіи всего труда, они должны будутъ обсуждаться во-второмъ томѣ, котораго мы и подождемъ.

Несмотря на то, что мы представили только голый остовъ теоріи г. Зеленскаго, читатель, безъ сомнѣнія, оцѣнилъ ея оригинальность и строгую научность. Кàкъ ни парадоксальна она кажется съ перваго взгляда, кàкъ ни странно представить себѣ ощущеніе въ видѣ органическаго образованія, но мы лично увѣрены, что пройдетъ немного времени—и *иначе* трудно будетъ мыслить объ обсуждаемыхъ явленіяхъ. Если справедливо, что, какъ поэтически выражается г. Зеленскій, «болѣзненно потрясающій крикъ отчаянія, чарующее пѣніе человѣка и птицъ, звуки симфоніи, уносящіе наши мысли въ высшій идеальный міръ, голосъ человѣка, такъ неотразимо дѣйствующій на наше пониманіе и чувство, все это внѣ насъ—не звуки, а очень быстрыя сотрясенія безконечно малыхъ и неисчислимо многихъ частичекъ воздуха; прелестная зелень луговъ, очаровательныя сочетанія красокъ, лазурь неба, бѣлизна снѣга, все это—одни волнообразныя, необыкновенно скорыя движенія эфира», если это вѣрно, если мы усвоили себѣ эти поразительные, но несомнѣнные результаты науки, то, въ сущности, не болѣе поразительна мысль, что *въ насъ* та же лазурь неба, таже бѣлизна снѣга суть особыя органическія образованія. Оба результата лишь дополняютъ другъ друга. Они покоются на одномъ и томъ-же основаніи, говорятъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ, объ однихъ и тѣхъ-же законахъ природы. Надо замѣтить, что, «связывая концы разорванной цѣпи», авторъ отнюдь не растворяетъ однако же психологію въ механикѣ: она остается наукой sui generis, съ своимъ особеннымъ объектомъ и своими особенными пріемами изслѣдованія. (См. стр. 294 и дальн. «Вундтова теорія механики нервной системы»; 341 и дальн. «О методѣ изслѣдованія» и проч.)

Тѣмъ страннѣе видѣть въ писателѣ, такъ проникнутомъ духомъ науки, убѣжденіе въ цѣлесообразности явленій природы вообще и біологическихъ въ частности. Напримѣръ, параграфъ, озаглавленный «Научныя доказательства зависимости интеллектуальныхъ явленій отъ мозга: а) изъ анатоміи», весь построенъ на чисто телеологическихъ основаніяхъ, а потому и надлежало бы ему быть озаглавленнымъ такъ: «Ненаучныя доказательства изъ телеологіи». Да проститъ намъ почтенный авторъ, но Панглоссъ прежде него сказалъ: «все создано для извѣстной цѣли и, слѣдовательно, для самой лучшей цѣли: такъ, носы созданы для того, чтобы носить очки, и вотъ почему мы носимъ очки». Можно было бы сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о мысляхъ, выраженныхъ въ обширномъ введеніи, но мы не хотимъ выходить «изъ міра науки».

Сила, развиваемая въ моментъ оплодотворенія зародыша, опредѣляетъ то особенное движеніе, которое выразится жизнью

новаго организма»; все, что приметъ въ себя въ этой жизни новый организмъ, будетъ въ немъ групироваться по извѣстному типу, сообразно особенностямъ первоначальнаго толчка. Схематически и отвлеченно—это вѣрно. Но, не говоря уже о силахъ, отклоняющихъ организмы въ ряду поколѣній отъ предковскаго типа, въ приведенную схему должно быть введено много частностей для дѣйствительнаго уразумѣнія законовъ наслѣдственности и измѣнчивости. Такого рода попытку представляетъ брошюра Геккеля. Мы поставили ее рядомъ съ книгой г. Зеленскаго нетолько потому, что оба сочиненія проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, а и потому, что нѣкоторыми подробностями они прямо соприкасаются.

Геккель непосредственно задается мыслью «механически объяснить элементарныя явленія развитія (органическаго)». Въ этихъ именно видахъ и Дарвинъ создалъ свою гипотезу пангенезиса или всерожденія, всеоплодотворенія. Дарвинъ полагаетъ, что, независимо отъ размноженія дѣленіемъ, клѣточки организма постоянно отдѣляютъ отъ себя чрезвычайно мелкія частицы, «зачатки» (Gemmules), распространенныя по всему организму. Онѣ специфичны, то есть зачатки, отдѣляемые клѣточками одной ткани или одного органа, отличаются отъ отдѣляемыхъ другими тканями и органами. Кромѣ того, они отдѣляются постоянно, во всѣхъ фазахъ развитія организма, и слѣдовательно зачатки, отдѣлившіеся отъ молодой ткани, отличны отъ зачатковъ, отдѣленныхъ клѣточками той же ткани въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Словомъ, каждому поколѣнію клѣточекъ соотвѣтствуетъ поколѣніе зачатковъ. Зачатки, сохраняя свойства своей клѣточки и встрѣчаясь съ однородными имъ въ топографическомъ и хронологическомъ отношеніяхъ зачатками, сливаются съ ними и образуютъ клѣточки слѣдующаго поколѣнія. Послѣдніе опять отдѣляютъ зачатки и т. д. Громадная масса такихъ зачатковъ заключается въ зародышѣ, который и долженъ, слѣдовательно, повторить въ своемъ развитіи съ буквальною точностью исторію развитія организма производителя. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, клѣточки измѣняются подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ условій, каковыя измѣненія тѣмъ-же способомъ передаются потомству. Этою гипотезою пангенезиса, которую самъ Дарвинъ называетъ «временною», «предварительною», онъ пытается объяснить нетолько явленія наслѣдственности вообще, а и частности: появленіе наслѣдственныхъ особенностей въ томъ возрастѣ, въ которомъ они пріобрѣтены предками, атавизмъ, возстановленіе оторванныхъ членовъ и т. п. Послѣдній случай послужилъ, кажется, ближайшимъ поводомъ для теоріи «физіологическихъ единицъ» Спенсера, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ близкой къ пангенезису Дарвина. Замѣчая, что оторванная, напримѣръ, клешня рака возстановляется сама собой въ прежнемъ видѣ, Спенсеръ пришолъ къ заключенію, что мельчайшія части орга-

низма обладаютъ особеннымъ свойствомъ специфической «полярности», способностью групироваться извѣстнымъ образомъ. Эти мельчайшія части, которыя не могутъ быть ни органическими клѣточками, ни химическими молекулами, Спенсеръ назвалъ физіологическими единицами. Ихъ «полярностью» онъ объясняетъ и наслѣдственность, и измѣненіе чертъ органическаго строенія.

Геккель не упоминаетъ о гипотезѣ Спенсера, но теорію пангенезиса считаетъ недостаточною и предлагаетъ въ замѣнъ ея теорію «перигенезиса», отчасти приближающуюся къ теоріи полярности физіологическихъ единицъ. Дѣйствительно, пангенезисъ представляетъ то неудобство, что сохраняетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и накапливаетъ такое громадное количество зачатковъ, которое должно увеличивать и массу самаго организма. Геккель, впрочемъ, просто заявляетъ, что пангенезисъ кажется ему неудовлетворительнымъ въ смыслѣ механическаго объясненія фактовъ органическаго развитія. Указанное же нами неудобство онъ устраняетъ, вводя волнообразное движеніе «пластидулъ», особыхъ жизненныхъ единицъ.

Если г. Зеленскій слишкомъ пренебрегаетъ терминологіей, то Геккель напротивъ слишкомъ ею злоупотребляетъ. При его плодовисти и принимая въ соображеніе высокое мѣсто, занимаемое имъ въ наукѣ, общее вниманіе, возбуждаемое каждымъ его произведеніемъ, скоро, пожалуй, понадобится особый словарь. Достаточно, напримѣръ, указать, что въ занимающей насъ брошюрѣ Геккель раздѣляетъ «плассонъ» (протоплазму) на 1) архиплассонъ, 2) моноплассонъ, 3) собственно протоплазму и 4) нуклеинъ или коккоплазму. Мы устранимъ, по возможности, всю эту роскошь подраздѣленій и терминовъ и выберемъ только то, что̀ намъ дѣйствительно нужно.

Мы цѣнимъ, въ особенности, одно изъ обобщеній Геккеля, которому самъ онъ не придаетъ должнаго значенія, хотя часто къ нему возвращается. Оно, тѣмъ цѣннѣе, что не составляетъ исключительно личнаго достоянія Геккеля, а, будучи выработано въ общихъ чертахъ сравнительно давно и раздѣляемое всѣми людьми науки, получило отъ Геккеля только яркую и ясную формулу. Мы разумѣемъ ученіе о ступеняхъ индивидуальности, выросшее изъ такъ называемой клѣточной теоріи. Никто уже нынѣ не признаетъ клѣточки простѣйшею органическою единицей. Клѣточка, какъ низшая инстанція индивидуальности, смѣнилась пластидой и затѣмъ пластидулой—молекулой плассона. Пластидула не разлагается уже болѣе на органическія единицы и ниже ея стоятъ только атомы входящихъ въ ея составъ химическихъ соединеній. Разстояніе между мертвой и живой природой, между органическими и неорганическими тѣлами, далеко не такъ обширно, какъ принято думать. Многія изъ относящихся сюда отличій оказались общими для всѣхъ формъ вещества, точнѣе—для всѣхъ атомовъ, признаваемыхъ послѣдними состав-

ными частями всѣхъ тѣлъ. «Каждый атомъ, говоритъ Геккель,—обладаетъ извѣстною, присущею ему суммой силы и въ этомъ смыслѣ «одушевленъ». Безъ признанія «атомической души» (Atom-Seele), самыя общія и обыкновенныя явленія химіи необъяснимы. Всѣ атомы должны обладать положительными и отрицательными стремленіями, желаніями и отвращеніями; потому что движенія атомовъ, происходящія при образованіи и разложеніи химическихъ соединеній, объяснимы только въ такомъ случаѣ, если признать за ними чувство и волю. Всѣми признаваемое химическое ученіе о «сродствѣ» основывается только на безсознательномъ предположеніи, что взаимно притягивающіеся и отталкивающіеся атомы одушевлены опредѣленными склонностями и что они, слѣдуя этимъ склонностямъ, имѣютъ также волю и способность двигаться по направленію другъ къ другу или другъ отъ друга. Если воля высшихъ организмовъ кажется свободною въ противоположность «твердой» волѣ атомовъ, то—это заблужденіе, вызываемое крайнею сложностью произвольныхъ движеній первыхъ, въ противоположность крайней простотѣ произвольныхъ движеній послѣднихъ». Какъ неразрушима масса атома, его вещество, такъ вѣчна, безсмертна и нераздѣльно съ нимъ связанная душа. Смертны, преходящи только безчисленныя и вѣчно измѣняющіяся сочетанія атомовъ, безконечно разнообразные способы, которыми атомы слагаются въ молекулы, молекулы въ пластиды и кристалы, пластиды—въ организмы. Но если, такимъ образомъ, каждый атомъ оказывается одушевленнымъ, если сила присуща всѣмъ формамъ вещества, то надо искать другихъ основаній для разграниченія живаго и мертваго, органическаго и неорганическаго. Такая граница дана въ способности «репродукціи», воспроизведенія или «памяти»—способности, принадлежащей только пластидулѣ и отличающей ее отъ всѣхъ другихъ молекулъ.

Здѣсь Геккель ссылается на брошюру Геринга «О памяти, какъ общей функціи организованнаго вещества» (Ueber das Gedächtniss, als eine allgemeine Function der organischen Materie, 1870). Памятью Герингъ называетъ нетолько то, что̀ мы разумѣемъ обыкновенно подъ этимъ словомъ, но также явленія привычки, инстинкта и наслѣдственности. Въ основаніи всѣхъ этихъ явленій лежитъ, по Герингу, передача (отъ клѣточки къ клѣточкѣ, отъ родителей къ потомству) извѣстной формы движенія, дѣятельнаго состоянія вещественныхъ частицъ. Двигаясь особеннымъ для всякаго отдѣльнаго случая, опредѣленнымъ образомъ, частицы организованной матеріи сообщаютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, это движеніе другимъ органическимъ формамъ. «Мы обязаны памяти почти всѣмъ, что̀ мы есть и что̀ имѣемъ», говоритъ Герингъ. Геккель дѣлаетъ только одну поправку въ обобщеніи Геринга. Онъ предполагаетъ именно, что память есть функція не всякой организованной матеріи, а только

пластидулъ. Они именно суть носители жизни, къ ихъ именно молекулярному движенію сводятся, въ концѣ концовъ, явленія органическаго развитія.

Что касается до размноженія, то Геккель напоминаетъ свое давнишнее опредѣленіе, данное еще въ Generelle Morphologie: «размноженіе есть ростъ индивида за предѣлы своего индивидуальнаго размѣра». Когда какой-нибудь простѣйшій организмъ, какая-нибудь пластида достигаетъ извѣстнаго размѣра, то, при продолжающемся ростѣ, она распадается на двѣ равныя половины, потому что связующей силы пластидулъ не хватаетъ болѣе для поддержанія цѣлаго. Таковъ процесъ всякаго дѣленія клѣточки. Понятно, что двѣ вновь образовавшіяся клѣточки должны унаслѣдовать природу первичной клѣточки, потому что онѣ— равныя ея половинѣ и получили отъ нея одинъ и тотъ же видъ молекулярнаго движенія пластидулъ. Но условія, при которыхъ идетъ дальнѣйшее существованіе этихъ двухъ половинъ, болѣе или менѣе различны, каковое различіе измѣняетъ первоначальную форму движенія пластидулъ. Приспособленіе и есть измѣненіе движенія пластидулъ. Между пластидулами идетъ такая же борьба за существованіе со всѣми ея послѣдствіями, какую мы видимъ во всемъ органическомъ мірѣ. (Геккель ссылается на упомянутую уже работу Пфаундлера «О борьбѣ за существованіе между молекулами»). Да иначе и быть не можетъ, потому что всѣ явленія органическаго развитія, обобщенныя въ теоріи Дарвина, въ концѣ концовъ, сводятся къ соотвѣтственнымъ явленіямъ въ мірѣ пластидулъ. Дѣйствительно, ближайшимъ слѣдствіемъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе является, по Дарвину, «расхожденіе признаковъ», дифференцированіе органическихъ формъ. Параллельно этому мы имѣемъ раздѣленіе труда между органами, тоже расхожденіе признаковъ между ними. Но это расхожденіе признаковъ, это раздѣленіе труда покоится на расхожденіи признаковъ клѣточекъ (собственно пластидъ, то есть клѣточекъ и цитодъ). Различныя ткани, сообщающія органамъ ихъ особенности, состоятъ изъ различнаго рода клѣточекъ — нервныхъ, мышечныхъ, мозговыхъ, костныхъ и проч. Какъ развертываются всѣ эти различія изъ первоначальной однородности клѣточекъ, можно видѣть изъ эмбріологіи любого высшаго животнаго. Но расхожденіе признаковъ пластидъ или клѣточекъ, въ свою очередь, обусловливается расхожденіемъ признаковъ пластидулъ. Половое размноженіе есть нечто иное, какъ сростаніе двухъ пластидъ, различіе которыхъ, при крайней простотѣ ихъ, обусловливается только расхожденіемъ признаковъ ихъ пластидулъ. «Микрокосмосъ вездѣ повторяетъ картину макрокосмоса».

Совокупность всѣхъ этихъ явленій, весь «біогенетическій процесъ» въ цѣломъ представляетъ нѣкоторое періодическое движеніе, которое наглядно можно себѣ представить въ видѣ дви-

женія волнообразнаго. Вообразите себѣ весь рядъ нашихъ предковъ—все равно «историческихъ» ли, или и гораздо болѣе древнихъ. Простѣйшимъ образомъ этотъ рядъ выразится волнообразной линіей, въ которой каждая индивидуальная жизнь будетъ представлять волну. А если включить сюда и всѣхъ побочныхъ родственниковъ, то получится «развѣтвленное волнообразное движеніе», то есть расходящееся въ разныя стороны, подобно тому, какъ расходятся вѣтви дерева. Но, какъ извѣстно, въ исторіи развитія каждаго индивида повторяется какъ-бы вкратцѣ вся исторія его предковъ. Здѣсь отдѣльнымъ волнамъ соотвѣтствуютъ жизненныя поприща входящихъ въ составъ индивида пластидъ (клѣточекъ и цитодъ), причемъ опять является такое-же развѣтвленное волнообразное движеніе. Если эта характеристическая форма повторяется, такимъ образомъ, въ развитіи классовъ, порядковъ, семействъ, родовъ, видовъ, индивидовъ и пластидъ, то не иначе, какъ такимъ-же, можетъ быть и молекулярное движеніе пластидулъ, лежащее въ основѣ всего біогенетическаго процеса. Это развѣтвленное волнообразное движеніе пластидулъ и есть «перигенезисъ». Оно составляетъ ключъ къ механическому объясненію біогенитическаго процеса. Память (въ смыслѣ Геринга) пластидулъ обусловливаетъ передачу движенія въ неприкосновенномъ видѣ изъ рода въ родъ, а ихъ чувствительность къ внѣшнимъ вліяніямъ—измѣнчивость.

Такова новая теорія Геккеля. Охватывая весь органическій міръ, весь біогенетическій процесъ однимъ принципомъ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердо держится основныхъ началъ физики: нѣтъ вещества безъ силы, нѣтъ силы безъ вещества; вещество неразрушимо, сила никогда не теряется; все, намъ доступное, сводится къ веществу въ движеніи. Этими простыми законами управляется вся вселенная, которую можно себѣ представить въ видѣ громадной системы вложенныхъ другъ въ друга индивидуальностей, повторяющихъ, каждая на своей ступени и сообразно ея условіямъ, великій міровой законъ развитія. Дѣйствительно, нетолько нѣтъ надобности, но даже нѣтъ возможности останавливать всемірный параллелизмъ развитія на пластидулахъ. Съ одной стороны, самъ Геккель говоритъ, что своеобразное движеніе пластидулъ обусловливается своеобразными отношеніями входящихъ въ ихъ составъ атомовъ. Съ другой стороны, если наука начинаетъ говорить о «душѣ атомовъ» (Геккель), о «памяти вещества» (Герингъ), о «борьбѣ за существованіе между молекулами» (Пфаундлеръ), то она говоритъ также о «борьбѣ за существованіе въ небесномъ пространствѣ» (Дю-Прелль). Есть величіе въ этомъ объединеніи понятій, но есть въ немъ и опасность, смотря по тому, въ чьи руки попадетъ программа Геккеля, ибо это, дѣйствительно—только программа. Подводя итогъ всему біогенетическому процесу и тѣмъ самымъ удовлетворяя потребности ума въ итогахъ, Геккель не предрѣшаетъ

однако вопроса о томъ: какъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ должно обходиться съ объектомъ изслѣдованія? Очень бы нелѣпо поступилъ тотъ, кто для изученія, напримѣръ, гистологіи пренебрегъ-бы наблюденіями надъ собственно гистологическими образованіями, а сталъ-бы доискиваться спеціальныхъ законовъ молекулярнаго движенія, обусловливающихъ различіе тканей. А между тѣмъ, если не такіе точно, то подобные случаи возможны и бываютъ. Поэтому, даже расширивъ програму Геккеля до безконечности въ обѣ стороны, до атомовъ и вселенной, мы, все таки, должны имѣть въ виду необходимость особыхъ пріемовъ изслѣдованія для различныхъ ступеней индивидуальности.

Такъ именно поступаетъ, напримѣръ, г. Зеленскій. Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ уже совпаденіе его гипотезы съ теоріей Геккеля нетолько въ общемъ духѣ изслѣдованія, а и во многихъ частностяхъ. Такъ, «интеллектуальныя образованія» суть также индивиды различной степени, подвѣдомственные общимъ законамъ вещества въ движеніи. Такъ, «память организованнаго вещества» Геринга и Геккеля есть такая-же передача спеціальной формы движенія отъ одного тѣла къ другому, какъ и память въ тѣсномъ смыслѣ слова, по теоріи г. Зеленскаго. Но г. Зеленскій имѣетъ дѣло съ опредѣленною областью явленій, и вотъ какимъ нагляднымъ примѣромъ поясняетъ онъ свою задачу: «Каждая машина состоитъ, какъ извѣстно, изъ колесъ, рычаговъ и т. д. Эти части состоятъ безспорно изъ молекулъ вещества, между которыми происходитъ молекулярное движеніе. Но сдѣлается-ли понятенъ механизмъ дѣйствія машины, еслибы, положимъ, и возможно было объяснить изучающему этотъ механизмъ, эти молекулярныя движенія, происходящія въ каждой части машины? Нѣтъ, послѣ этого объясненія, механизмъ машины остался-бы также непонятнымъ, какъ и до него. Но если объяснить причину поворота колеса, независимо отъ молекулярныхъ въ немъ движеній, отношеніе зубцовъ одного колеса къ колесамъ другого, которые первыми задѣваются и приводятся въ движеніе, отношеніе между величиной колесъ и скоростью поворота одного изъ нихъ къ другому, ихъ связь съ дѣйствующимъ рычагомъ и т. д.—тогда весь механизмъ сдѣлается яснымъ, даже и при отсутствіи въ изучающемъ его всякаго понятія о молекулярномъ движеніи атомовъ, изъ которыхъ состоятъ части машины». Точно также, «хотя опытъ убѣждаетъ насъ, что воспріятіе того или другого звука вызывается въ насъ болѣе или менѣе быстрыми сотрясеніями цѣлыхъ волнъ, состоящихъ изъ безчисленнаго множества частичекъ воздуха, но самое воспріятіе звука въ насъ простое и въ познаніи не можетъ быть раздѣлено на части. Мы убѣдились также, что бѣлый цвѣтъ слагается въ нашемъ зрѣніи изъ нѣсколькихъ, различной длины и скорости, волнообразныхъ движеній эфира, и что, раз-

*

ложивъ внѣ насъ бѣлый лучъ на его составныя части, мы получаемъ цвѣта спектра, между тѣмъ какъ воспріятіе бѣлаго цвѣта, въ насъ образовавшееся, не разлагается на части, и въ механизмѣ мышленія, какъ каждый звукъ, такъ и цвѣтъ и другія воспріятія и ощущенія, дѣйствуютъ и сочетаются только какъ цѣльное воспріятіе; понять его значеніе въ механизмѣ мышленія можно черезъ объясненіе не молекулярнаго движенія въ воспріятіи и ощущеніи, а дѣйствія ихъ, какъ элементарныхъ частей механизма мышленія. Тѣмъ болѣе невозможно объяснить участіе высшихъ интеллектуальныхъ формацій въ мышленіи изученіемъ молекулярнаго движенія нервной системы. Пониманіе механики этого послѣдняго, еслибы даже могло объяснить распространеніе движенія въ нервахъ и механику рефлексовъ, не можетъ сдѣлать этого относительно самаго процеса и механизма мышленія. Этотъ механизмъ слагается изъ цѣльныхъ интеллектуальныхъ частей, и только изученіемъ участія ихъ въ механизмѣ мышленія можетъ получиться понятіе о немъ» (296).

Такъ разсуждаютъ трезвые и осторожные люди науки. Изъ этого слѣдуетъ, что такія сопоставленія доселѣ ничего общаго между собою не имѣвшихъ словъ, какъ «душа атома», «память вещества» и т. п., могутъ служить показателями дѣйствительнаго и вполнѣ научнаго объединенія понятій, но также и самаго ненаучнаго смѣшенія ихъ. Есть одинъ пунктъ, на которомъ подобное смѣшеніе въ особенности часто практикуется: это — соціологія. Каждая изъ ступеней индивидуальности (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) можетъ стать объектомъ науки, центромъ изслѣдованія и потребовать для своей обработки совершенно своеобразныхъ пріемовъ. И можно apriori сказать, что пріемы соціологіи должны быть особенно своеобразны, потому что только въ ней объектомъ изслѣдованія является человѣкъ, т. е. самый изслѣдующій субъектъ. Если это въ высшей степени важное и исключительное обстоятельство оказываетъ свое вліяніе уже на психологію, то тѣмъ рѣшительнѣе должно оно вліять на соціологію, гдѣ человѣкъ также «недѣлимъ», какъ «интеллектуальныя образованія» г. Зеленскаго въ психологіи. Между тѣмъ, обстоятельство это рѣдко принимается въ соображеніе. Самъ Геккель, въ брошюрѣ, о которой идетъ рѣчь, и прежде, во многихъ мѣстахъ, занимается проведеніемъ такихъ же параллелей между органическимъ и общественнымъ развитіемъ, какъ между филогенетическимъ и онтогенетическимъ процессами и т. п., причемъ употребляетъ старинный переводъ экономическаго термина «раздѣленіе труда» на біологическій языкъ. Съ перваго взгляда ничего не можетъ быть логичнѣе и послѣдовательнѣе: общество, какъ одна изъ ступеней индивидуальности, должно подлежать законамъ, общимъ для индивидовъ вообще. Оно такъ, конечно, и есть. Но тутъ встрѣчается слѣдующее любопытное соображеніе. Давно уже Геккель выставилъ такъ названныя имъ «тектологическіе

тезисы», суть которыхъ состоитъ въ томъ, что каждый индивидъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе входящія въ составъ его низшія ступени индивидуальности. Слѣдовательно, общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе входящіе въ его составъ люди, чѣмъ они ниже, придавленнѣе цѣлымъ. Ясно, что съ такимъ результатомъ человѣческая мысль примириться не можетъ, именно потому, что здѣсь объектомъ изслѣдованія является самъ изслѣдующій субъектъ. Ясно, что, отнюдь не становясь въ противорѣчіе съ законами природы, человѣкъ долженъ сдѣлать къ объективнымъ тектологическимъ тезисамъ (и притомъ—только на этомъ пунктѣ) такую субъективную поправку: общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ совершеннѣе входящіе въ составъ его люди. Слѣдовательно, дойдя до той ступени индивидуальности, которая называется обществомъ, мы совершенно логически и съ полнымъ правомъ переворачиваемъ соотвѣтственный тектологическій тезисъ, такъ сказать, вверхъ дномъ. Поэтому крайне неосновательно думать, что простое перенесеніе истинъ низшихъ наукъ и ихъ точекъ зрѣнія въ соціологію составляетъ научный подвигъ. Но весьма часто подобная частная ненаучность осложняется еще общею ненаучностью: болѣе или менѣе радикальнымъ непониманіемъ законовъ природы вообще, навязываніемъ этой природѣ, какъ цѣлому, цѣлей и т. д.

Если читатель припомнитъ, что совершенство въ тектологическихъ тезисахъ измѣряется степенью раздѣленія труда, различія положеній и функцій низшихъ ступеней индивидуальности; если онъ, кромѣ того, будетъ имѣть въ виду отмѣченную нами необходимость радикальнаго измѣненія тѣхъ тезисовъ въ примѣненіи къ соціологіи, то онъ, безъ сомнѣнія, по достоинству оцѣнитъ слѣдующія поразительныя строки, вычитанныя нами въ одномъ либеральномъ русскомъ журналѣ:

«Въ новомъ своемъ сочиненіи Dialogues et fragments philosophiques, Ренанъ, анализируя то, что происходитъ въ тѣхъ частяхъ вселенной, которыя доступны человѣческому изслѣдованію, не находитъ въ нихъ никакого слѣда опредѣленной дѣятельности какихъ-либо высшихъ существъ. Съ другой стороны, находитъ, что міръ, вселенная, имѣетъ извѣстную, опредѣленную цѣль и стремится къ ней. Существуетъ нѣчто, развивающееся вслѣдствіе внутренней необходимости и безсознательнаго инстинкта, подобно движенію растенія къ водѣ и свѣту, слѣпому усилію зародыша выйдти изъ яйца или внутренней потребности, управляющей превращеніями насѣкомаго. Omnis creatura ingemiscit et parturit. Великій рычагъ міроваго движенія, это—страданіе, существо (?) недовольное, существо, стремящееся достигнуть чего-то и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развиваться. Все это примѣнимо ко всей природѣ, ко всякому живому, великому факту. Примѣнимо это и ко всему человѣчеству, ко всей вселенной. Чувствуется безграничный, всемірный порывъ къ реализаціи какой-то формы,

всеобщей гармоніи сознанія. И въ этомъ порывѣ дѣйствія всякаго живаго существа являются не какъ результатъ разсчета личной пользы, а какъ рабское, невольное исполненіе какой-то великой воли или какого-то великаго каприза вселенной. Природа, можно сказать, потребляетъ насъ на пользу какихъ-то своихъ цѣлей, эксплуатируетъ насъ, какъ концессіонеръ рабочаго. На нашъ счетъ что-то организуется; мы — игрушки въ рукахъ высшаго эгоизма, и природа, этотъ высшій эгоизмъ, обманываетъ насъ самыми грубыми средствами — то наслажденіемъ, за которое мы платимъ такимъ же количествомъ, если не бо̀льшимъ, страданій, то химерическими эльдорадо, нелѣпость которыхъ очевидна для насъ самихъ. Ка̀къ ни очевидна приманка, но мы, все-таки, ловимся на нее. Этотъ маккіавелизмъ природы виденъ во всемъ. Природа, по отношенію къ намъ, дѣйствуетъ, какъ римляне дѣйствовали по отношенію къ гладіаторамъ, осужденнымъ погибать для ихъ удовольствія. Цѣль, къ которой природа-деспотъ стремится такими путями маккіавелизма, грубаго насилія, обмана, приманки, есть, по мнѣнію Ренана, «сознаніе». (?) По теоріи Ренана, будущія формы этого сознанія сводятся къ тремъ типамъ или формамъ: формѣ монархической (абсолютно-централистической), формѣ олигархической и формѣ демократической. Демократическая форма, по мнѣнію автора, имѣетъ менѣе всего шансовъ осуществиться, такъ какъ она противорѣчитъ цѣлямъ природы-эгоистки. Форма олигархическая—ближе къ осуществленію и она уже отчасти осуществляется въ жизни Европы. При полномъ развитіи этой формы, собраніе лицъ, владѣющихъ самыми важными тайнами дѣйствительности и знанія, будетъ господствовать надъ міромъ безусловно и распространять возможную долю разума, знанія, развитія и счастія на другихъ. Но форма монархическая въ далекомъ будущемъ, конечно, наиболѣе соотвѣтствуетъ невѣдомымъ цѣлямъ природы. Поэтому Ренанъ представляетъ себѣ такое высшее состояніе міра, въ которомъ *центромъ* міроваго сознанія будетъ *одинъ человѣкъ*, гдѣ вся вселенная сосредоточится въ одномъ существованіи и гдѣ конвенціи личнаго монотеизма сдѣлаются истиною».

Поразительны эти строки не потому, что въ нихъ передаются мысли Ренана. Хотя авторъ и утверждаетъ, что этотъ французскій г. Страховъ развиваетъ свои положенія «съ помощью неотразимой логической аргументаціи» и «подъ огнемъ непобѣдимой діалектики», но всякому извѣстно, что такой аргументаціи и діалектики у Ренана нѣтъ. Онъ—человѣкъ неглупый, талантливый, удивительный стилистъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне односторонне образованный и политически неразвитый, что̀ на немъ еще и потому особенно тяжело отражается, что онъ—одинъ изъ немногихъ французовъ, уловленныхъ въ сѣти нѣмецкой метафизики. Мы не знаемъ его Dialogues (одинъ французскій писатель, очень благосклонный къ Ренану и родственный ему отчасти по

духу, говоритъ, что это—«un livre intéressant, *trop charmant* peut-être»), но вышеизложенныя мысли Ренана—не новость: онъ ихъ не разъ уже высказывалъ. Поразительно то, что эти мысли являются въ «Дѣлѣ» подъ соусомъ «непобѣдимой діалектики»: почтенный журналъ слылъ доселѣ вѣрующимъ другомъ демократіи и, между прочимъ, врагомъ телеологіи. Авторъ прибавляетъ отъ себя только одну комическую подробность къ ренановской «вселенской смази» человѣчеству, къ ренановской утопіи «единственнаго»: послѣдній будетъ *одинъ* «издавать вселенскій органъ печати». Можетъ быть, это будетъ г. Благосвѣтловъ?

Да проститъ намъ читатель. «Изъ міра науки» мы завели его въ міръ нелѣпости. Тамъ душно...

О ЩАПОВѢ.

Во внутреннемъ обозрѣніи «Отечественныхъ Записокъ» за мѣсяцъ май, говоря о покойномъ Щаповѣ, я, между прочимъ, просилъ всѣхъ лично знавшихъ Щапова въ Казани и Иркутскѣ записать, что̀ они помнятъ о Щаповѣ и его женѣ за время знакомства съ ними, и прислать свои замѣтки въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», какъ матеріалъ для біографіи Щапова.

На это мое приглашеніе до сихъ поръ отозвались два лица. Такъ какъ нѣкоторыя изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ этими лицами, важны нетолько какъ матеріалъ для біографіи Щапова, но могутъ быть небезполезны и при устройствѣ дѣлъ покойнаго, то я считаю нужнымъ опубликовать эти свѣдѣнія немедленно.

Доставлено намъ, во-первыхъ, въ копіи духовное завѣщаніе Щапова, сдѣланное имъ по смерти его жены, въ 1874 году. Завѣщаніе это юридически не оформлено, но оно писано все собственноручно Щаповымъ (подлинникъ самимъ Щаповымъ выданъ на сохраненіе лицу, доставившему намъ копію, у котораго и хранится); для чтущихъ память Щапова этого достаточно, чтобы видѣть, чего желалъ покойный, и, по мѣрѣ возможности, постараться исполнить его волю.

Завѣщаніе это гласитъ слѣдующее:

«Свято завѣщеваю полиціи и честнымъ людямъ:

1) «Схоронить меня рядомъ съ ней, съ моей женой, Ольгой Ивановной Щаповой, на Знаменской Горѣ, за Ушаковкой, отъ подъема на гору до высокаго креста на срединѣ. Точно отыскать могилу моей жены. Умоляю и завѣщеваю схоронить меня тутъ, рядомъ съ женой, а не индѣ гдѣ-нибудь.

2) «Схоронить меня безъ всякихъ обрядовъ и церемоній, только безъ всякаго затрудненія и стѣсненія честныхъ ближнихъ.

3) «Завѣщеваю всѣ мои бумаги и книги сибирскому отдѣлу географическаго общества, съ предоставленіемъ права разсмотрѣть ихъ, особенно бумаги, какому нибудь честному человѣку, по порученію редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Человѣку, не засвидѣтельствовавшему фактически своихъ истинно-честныхъ чувствъ и убѣжденій въ жизни или въ литературѣ, отнюдь не поручать разсматривать моихъ бумагъ, хотя онѣ—и хламъ.

«Свято завѣщеваю честнымъ людямъ:

«Издать всѣ мои сочиненія и деньги, вырученныя отъ нихъ, употребить:

1) «На уплату долговъ, простирающихся до 1,500 р.

2) «На учрежденіе стипендіи во имя покойной моей жены Ольги Ивановны Щаповой.

Литераторъ Аѳанасій Щаповъ.

21-го марта 1874 года».

Въ виду этого завѣщанія Щапова, читателю не безъинтересно, конечно, будетъ прочесть слѣдующіи выдержки изъ письма, полученнаго мною недавно изъ Иркутска:

«По смерти А. П. Щапова остались его сундуки съ рукописями, о которыхъ одно изъ лицъ, принадлежащихъ къ географическому отдѣлу, отозвалось, что это—«брахло». Но, спасибо полиціи, она опечатала сундуки, не выбросила вонъ; но никто не далъ споснаго помѣщенія этимъ сундукамъ, и они были брошены въ сырой амбаръ. Рукописи эти валяются до сего времени; хозяйка амбара жалуется на стѣсненіе, прибавляя при этомъ, что рукописи надо бы пожалѣть, ибо она не можетъ поручиться за своихъ мышей.

«Спасибо Лаврову, что онъ, хотя и не безкорыстно, ибо, какъ кредиторъ Щапова, онъ заинтересованъ въ сохраненіи рукописей послѣдняго, сталъ просить у полиціймейстера и его помощника дозволенія о перемѣщеніи сундуковъ въ безопасное мѣсто и о составленіи описи рукописямъ Щапова при понятыхъ, на что и получилъ согласіе. И такъ, вотъ у насъ откуда льется болѣе свѣта, чѣмъ изъ интеллигентнаго кружка иркутскаго — изъ полиціи.— Кружо̀къ отказалъ снять портретъ съ покойнаго Щапова... Многимъ здѣсь въ Иркутскѣ до желудочной боли не нравится, когда ихъ дразнятъ, что Иркутскъ заморилъ Щапова голодомъ... Все сваливаютъ на его пьянство, котораго вовсе не было, какъ и я могу засвидѣтельствовать. И теперь хранится бутылочка въ стаканъ вышиною, которую Ольга Ивановна разрѣшала выпивать Щапову въ годъ разъ. Правда, послѣ Ольги Ивановны онъ выпивалъ раза два, но его увозили въ тайгу, гдѣ не было водки, и онъ поправлялся, ограничившись эстетическимъ наслажденіемъ мѣста и природы».

Я, конечно, не могу судить, насколько вѣрны всѣ эти извѣстія, и сообщаю ихъ къ свѣдѣнію иркутскаго общества, един ственно на тотъ конецъ, что, если рукописи, оставшіяся послѣ Щапова, находятся дѣйствительно въ такомъ небреженіи, то оно обратитъ на это свое вниманіе и позаботится о ихъ сохраненіи.

Что̀ касается до отношеній иркутскаго общества къ Щапову въ прошедшемъ, то ихъ, конечно, теперь ни измѣнить, ни поправить нельзя, и мнѣ странно даже, что интеллигентный кружо̀къ иркутскаго общества усиливается, во что̀ бы то ни стало, представить эти отношенія другими, чѣмъ какими они были на самомъ дѣлѣ, и, ради этого, взваливаетъ всю вину на пьянство Щапова. Въ такомъ именно направленіи сдѣлана замѣтка и в

», нельзя убѣдиться ни въ любви и аго общества, ни въ обезпеченіи его астолько удовлетворительномъ, чтобы бѣдно. Личныя чувства Щапова по отно- еству были таковы, что никакъ не могутъ азаніями, дѣлаемыми газетою «Сибирь». ь статьи Щапова, касающіяся Иркутска «Воспоминаніе» объ Ольгѣ Ивановнѣ, его ся, что Щаповъ былъ недоволенъ иркут- о онъ чувствовалъ себя здѣсь одинокимъ, астнымъ, что изъ недовольства иркутскою илось враждебное отношеніе даже ко всей Си- онъ былъ здѣсь, что̀ называется, не къ двору. сказать, не понимаю, для чего газетѣ «Сибирь» а томъ, что дѣло было не такъ, что, напротивъ, ркутскимъ обществомъ и Щаповымъ были самыя ли было дѣло, не такъ ли—не все ли это равно общества? Отъ какихъ бы причинъ ни происхо- во Щапова иркутскимъ обществомъ, но разъ из- кутское общество не относилось къ Щапову враж- не преслѣдовало его, не тѣснило, не закрывало й среды, еслибъ онъ самъ хотѣлъ войди туда, оно нести никакой отвѣтственности за Щапова. Если жетъ идти рѣчь о нравственномъ вмѣненіи, то оно ать исключительно на одного Щапова — все равно, ни происходило его отчужденіе отъ общества—оттого ъ не умѣлъ приладиться къ средѣ, въ которой онъ того ли, что онъ не хотѣлъ или не могъ. Общество бязать няньчиться съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ чле- къ бы послѣдній высоко ни стоялъ надъ обычнымъ его ъ въ томъ или другомъ отношеніи. Симпатіи или анти- общества не могутъ быть заказными.

такомъ взглядѣ моемъ на отношеніе общества къ своимъ мъ, я, конечно, никакъ не могъ дойти своимъ умомъ до исываемой мнѣ газетою «Сибирь» мысли, что «иркутское щество заморило Щапова». И хотя газета «Сибирь» поставила слова̀ въ кавычкахъ, какъ мои собственныя, но ихъ я не- лько не писалъ, а даже не понимаю, ка̀къ возможно было полу- ить изъ моей статьи такое впечатлѣніе, чтобы приписать мнѣ одобныя слова̀. Если я въ чемъ обвинялъ иркутское общество, то единственно въ томъ, что оно не позаботилось прислать те- леграмму о смерти Щапова въ Петербургъ, что извѣстіе объ этомъ получено было здѣсь только черезъ два мѣсяца послѣ кончины Щапова, и то случайно, въ частномъ письмѣ. Въ этомъ я имѣлъ право обвинять иркутское интеллигентное обще- ство. Любило ли оно Щапова, ненавидѣло ли оно его, оно обя- зано было исполнить по отношенію къ покойному этотъ, въ на- ше время почти оффиціальный долгъ. Забвеніе этого прямого

№ 28-мъ газеты «Сибирь» на мое внутреннее обозрѣніе за маѣ. Именно, замѣтка эта, между прочимъ, гласитъ: «По мнѣнію обозрѣвателя, Иркутскъ, такъ сказать, «заморилъ голодомъ Щапова», который, будтобы, ни въ комъ не находилъ сочувствія и помощи. Это—положительная неправда. Щапова многіе любили, еще бо̀льшее число людей уважало, а еще бо̀льшее сожалѣло. Когда онъ читалъ что̀-нибудь въ сибирскомъ отдѣлѣ—стеченіе и членовъ, и постороннихъ почитателей было всегда многочисленно. Не было отказываемо Щапову и въ матеріальной помощи. Отъ сибирскаго отдѣла, съ 1867 по 1875 годъ, получилъ за свои статьи и на разъѣзды до 2,180 руб. и, кромѣ того, на туруханскую экспедицію въ 1866 году выдано ему и Лопатину 2,300 р. Не было недостатка и въ частныхъ пособіяхъ; раза два составлялись подписки, по которымъ *ежемѣсячно* выдавалась Щапову извѣстная сумма или уплачивались его долги. Крайняя простота, безалаберность характера и извѣстная слабость были причиною, что, сколько бы ни получалъ покойный, все это исчезало мгновенно; что̀ было заведено—закладывалось или расходовалось прислугой».

Прежде всего, въ этой замѣткѣ меня удивляетъ то, что она приписываетъ мнѣ слова̀, которыхъ я никогда не говорилъ и не писалъ, именно: что «Иркутскъ заморилъ Щапова», и даже поставлены эти слова̀ въ кавычки, какъ мои подлинныя слова̀. Но объ этомъ я буду говорить ниже. А теперь предположимъ, что я дѣйствительно написалъ эти самыя слова̀. Что̀жъ? Газета «Сибирь» приведенными фактами опровергла ихъ? Нисколько! Что на лекціи Щапова въ Иркутскѣ, имѣвшія, замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, всегда мѣстный интересъ, собиралось много народу—такъ, вѣдь, во всякомъ губернскомъ городѣ бѣжитъ множество народа на лекціи нетолько мѣстнаго интереса, а и на представленія всякаго фокусника—просто отъ непроходимой провинціальной скуки. Ни любви, ни уваженія, ни сожалѣнія тутъ усматривать нельзя. Не можетъ свидѣтельствовать о нихъ и та матеріальная помощь, которая была оказываема Щапову, въ сущности, очень незначительная: 2,180 руб., выданныя Щапову въ теченіи восьми лѣтъ, съ 1867 по 1875 г., не составятъ и по 300 р. въ годъ; на эти деньги жить нельзя, а Щаповъ на нихъ же долженъ былъ дѣлать еще и поѣздки. Деньги 2,300 р., выданныя Щапову вмѣстѣ съ Лопатинымъ на туруханскую экспедицію, и считать нѐчего: если они выданы были на туруханскую экспедицію, то на нее были и истрачены. Ка̀къ велики были частныя пособія, газета «Сибирь» объ этомъ не говоритъ; вѣроятно, по сознанію ея самой, они были неособенно значительны. Но, кромѣ всего этого, газета «Сибирь» не говоритъ намъ самаго главнаго: когда всѣ эти пособія были дѣланы Щапову? Были ли они дѣлаемы въ послѣдніе годы его жизни и въ какомъ количествѣ? Ибо о послѣднихъ только трехъ или даже двухъ годахъ жизни Щапова и идетъ у меня рѣчь. И такъ, изъ фактовъ, при-

водимыхъ газетою «Сибирь», нельзя убѣдиться ни въ любви и уваженіи къ нему иркутскаго общества, ни въ обезпеченіи его со стороны послѣдняго настолько удовлетворительномъ, чтобы онъ могъ существовать безбѣдно. Личныя чувства Щапова по отношенію къ иркутскому обществу были таковы, что никакъ не могутъ быть соглашены съ показаніями, дѣлаемыми газетою «Сибирь». Стóитъ только прочитать статьи Щапова, касающіяся Иркутска и вообще Сибири, его «Воспоминаніе» объ Ольгѣ Ивановнѣ, его письма, чтобы убѣдиться, что Щаповъ былъ недоволенъ иркутскимъ обществомъ, что онъ чувствовалъ себя здѣсь одинокимъ, заброшеннымъ, несчастнымъ, что изъ недовольства иркутскою жизнію у него выродилось враждебное отношеніе даже ко всей Сибири. Очевидно, что онъ былъ здѣсь, что̀ называется, не къ двору.

И я, признаться сказать, не понимаю, для чего газетѣ «Сибирь» нужно настаивать на томъ, что дѣло было не такъ, что, напротивъ, отношенія между иркутскимъ обществомъ и Щаповымъ были самыя наилучшія. Такъ ли было дѣло, не такъ ли—не все ли это равно для иркутскаго общества? Отъ какихъ бы причинъ ни происходило недовольство Щапова иркутскимъ обществомъ, но разъ извѣстно, что иркутское общество не относилось къ Щапову враждебно, что оно не преслѣдовало его, не тѣснило, не закрывало для него своей среды, еслибъ онъ самъ хотѣлъ войди туда, оно не можетъ нести никакой отвѣтственности за Щапова. Если здѣсь и можетъ идти рѣчь о нравственномъ вмѣненіи, то оно должно падать исключительно на одного Щапова — все равно, отчего бы ни происходило его отчужденіе отъ общества—оттого ли, что онъ не умѣлъ приладиться къ средѣ, въ которой онъ жилъ, оттого ли, что онъ не хотѣлъ или не могъ. Общество нельзя обязать няньчиться съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ членовъ, какъ бы послѣдній высоко ни стоялъ надъ обычнымъ его уровнемъ въ томъ или другомъ отношеніи. Симпатіи или антипатіи общества не могутъ быть заказными.

При такомъ взглядѣ моемъ на отношеніе общества къ своимъ членамъ, я, конечно, никакъ не могъ дойти своимъ умомъ до приписываемой мнѣ газетою «Сибирь» мысли, что «иркутское общество заморило Щапова». И хотя газета «Сибирь» поставила эти слова̀ въ кавычкахъ, какъ мои собственныя, но ихъ я нетолько не писалъ, а даже не понимаю, ка̀къ возможно было получить изъ моей статьи такое впечатлѣніе, чтобы приписать мнѣ подобныя слова̀. Если я въ чемъ обвинялъ иркутское общество, то единственно въ томъ, что оно не позаботилось прислать телеграмму о смерти Щапова въ Петербургъ, что извѣстіе объ этомъ получено было здѣсь только черезъ два мѣсяца послѣ кончины Щапова, и то случайно, въ частномъ письмѣ. Въ этомъ я имѣлъ право обвинять иркутское интеллигентное общество. Любило ли оно Щапова, ненавидѣло ли оно его, оно обязано было исполнить по отношенію къ покойному этотъ, въ наше время почти оффиціальный долгъ. Забвеніе этого прямого

оффиціальнаго долга по отношенію къ покойному давало мнѣ полное право сказать объ иркутскомъ обществѣ, что «оно мало интересовалось Щаповымъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время, и мало обращало на него вниманія». Но сказалъ я это, опять-таки, не для обвиненія иркутскаго общества, а въ видахъ надлежащаго разъясненія факта и, если угодно, даже для оправданія иркутскаго общества противъ тѣхъ, которые стали бы смотрѣть на этотъ фактъ, какъ на нѣчто чрезвычайное, какъ на нѣчто такое, что̀ могло случиться только въ иркутскомъ обществѣ. Съ этою цѣлію, послѣ означенныхъ словъ въ своей статьѣ, я и говорю, что равнодушіе общественное и забвеніе у насъ есть обыкновенный удѣлъ сошедшаго со сцены писателя, что литература не составляетъ у насъ пока необходимаго общественнаго проявленія, а есть въ немъ явленіе случайное, что потому нѣтъ никакой прочной, внутренней, сердечной связи между литературой и обществомъ и что «каждый русскій писатель, самый даже знаменитый, можетъ быть твердо увѣренъ, что онъ, если перестанетъ писать, будетъ непремѣнно забытъ и покинутъ обществомъ, а, въ случаѣ бѣдности, можетъ смѣло надѣяться даже умереть съ голоду, если благодѣтельный литературный фондъ не будетъ отпускать ему денегъ на пропитаніе». Полагаю, что эти слова̀ достаточно ясно для всякаго говорили, что, по моему мнѣнію, то, что̀ случилось съ Щаповымъ въ Иркутскѣ, могло случиться съ нимъ во всякомъ другомъ русскомъ городѣ и обществѣ: и въ Воронежѣ, и въ Курскѣ, и въ Харьковѣ, и въ Твери и т. д., даже, пожалуй, въ Москвѣ и Петербургѣ; и обвинять въ этомъ какое-нибудь мѣстное общество, и даже русское вообще, было бы такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо было бы обвинять младенца въ томъ, что онъ не дѣйствуетъ, какъ взрослый юноша или зрѣлый мужъ.

Внутренній обозрѣватель.

Victor-Hugo. Paris et Rome. Introduction au livre «Depuis l'exil». 1 brochure in-8°; prix 50 c.
Lübke. Précis de l'histoire des beaux-arts, Architecture, sculpture, peinture et musique. 1 vol. in-8°; prix 2 r.
Ris-Paquot. Histoire de la faïence ancienne et moderne, française et étrangère. 1 magnifique volume in-folio, texte imprimé sur papier de Hollande et 200 chromolithographies. Relié; pr. 115 r.
de Nervo (baron). Gustave III, roi de Suéde et Anckarström 1746-1792. 1 vol. in-8° avec portrait; prix 3 r.
Eaux-fortes et gravures des maîtres anciens. 1-re série du 6-e volume. 1 livraison in-folio, contenant 10 eaux-fortes; prix 16 r.
Doré. Histoire des croisades illustrée. 19-e fascicule, prix 2 r. 40 cop.
Fuchs. Les volcans et les tremblements de terre. 1 vol. in-8°; prix 1 r. 40 c. Bibliothéque scientifique internationale.
Wurtz. Dictionnaire de chimie pure et appliquée. 22-e fascicule; prix 1 r. 40 cop.
Pasteur. Etudes sur la bière, avec une théorie nouvelle de la fermentation. 1 vol. in-8°, avec 12 planches gravées et 85 figures dans le texte; prix 8 r.
Baserga. Notice sur les aréomètres employés dans l'industrie, le commerce et les sciences. 1 broch. in-12°; prix 60 cop.
Pellissier. La gymnastique de l'esprit. Méthode maternelle: I° Observations des choses et des êtres, II° Jugements et raisonnements sur les choses et les êtres. III° Directions pour la mémoire et l'imagination. IV° Education du sens moral et religieux. V° Education du goût. 5 vol. in-12°; prix 4 r. 80 cop.
Sur terre et sur mer. Journal hebdomadaire de voyages et d'aventures, illustré d'un grand nombre de gravures. Année 1876. 1 vol. in-4°; prix 2 r. 40 cop.
Magasin des petits enfants. Nouveaux albums avec chromolithographies, à 80 c.; I° Nouvel alphabet. II° Histoire d'un petit oiseau. III° Aladdin ou la lampe merveilleuse. IV° Le nain jaune. V° Une soirée dans le monde des chats. VI° Nos favoris. VII° Les amis de la maison.
A 40 c.: I° Alphabet comique, scènes de la vie des animaux. II° Le nouvel ABC. III° Deux mauvais plaisants. IV° Nos passetemps.

ROMANS NOUVEAUX:

Guéroult. Le drame de la rue du Temple. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Sacher-Masoch. Le legs de Caïn. Nouveaux récits galiciens. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Jules Verne. Michel Strogow. De Moscou à Irkoutsk. 1-re partie. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 cop.
Boisgobey. L'omnibus du diable (suite et fin des «Mystères du nouveau Paris»). 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Wodzinsky (comte). Aniela, avec une préface de Ign...us et un dessin de Paul Dubois. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 cop.
Champfleury. La Pasquette. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.
Winspeare (de). Tourmente, 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.

NB. Le port pour l'intérieur sera calculé selon le tarif de la poste.

☛ Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія, адресуя такъ: *въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала «Русская Старина»*, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Городскіе подписчики «Русской Старины» обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургѣ, на Невскій Проспектъ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова, д. № 46.**

Отдѣленія главной конторы «Русской Старины» въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ: *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева и *Ник. Ив. Мамонтова*, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Открыта подписка на «Русскую Старину» **1877 г. Цѣна 8 р.**

«Русская Старина» 1870 г. (два изд.), 1871 г., 1872 г. (два изд.), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. разошлись сполна; но отпечатано и еще можно получить третье изд. перваго года «Русской Старины» 1870 года — двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ, съ портретами, снимками и рисунками. Цѣна **8 руб.** съ пересылкой, а въ хорошемъ переплетѣ **11 руб.** съ пересылкой. (Осталось немного экземпляровъ).

— Кого? Мистера Думфи? спросила мистрисъ Конрой, удерживая дѣвочку съ какимъ-то истерическимъ смѣхомъ.

— Да̀, Гэбъ мнѣ сказалъ, что онъ здѣсь. Пустите меня, пустите.

— Зачѣмъ тебѣ его?

— Гэбъ говоритъ... Да пустите ли вы меня? Гэбъ говоритъ, что онъ зналъ...

— Кого?

— Мою милую сестру Грэсъ. Извините, я не хотѣла вамъ сдѣлать больно, но я должна бѣжать за нимъ.

И, вырвавшись на свободу, Олли быстро исчезла. Будущая обладательница двухъ съ половиною милліоновъ осталась одна, недовольная, сердитая, съ горькимъ подозрѣніемъ въ сердцѣ.

XXV.

Встрѣча мистера Думфи съ старымъ пріятелемъ.

Питеръ Думфи былъ вѣренъ своей кліенткѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія въ Сан-Франциско, онъ послалъ записку Виктору Рамиресу, прося его зайти къ нему въ контору. Хотя Викторъ и былъ совершенно побѣжденъ, такъ что не могъ оказать никакого противодѣйствія, но все же полезно было стушевать въ его памяти всякое воспоминаніе о прежнемъ соучастіи въ обманѣ мистрисъ Конрой. Думфи ждалъ отъ него отвѣта, когда одинъ изъ его писцовъ подалъ ему карточку. Банкиръ съ нетерпѣніемъ взглянулъ на нее и прочиталъ: «Артуръ Пойнсетъ». Несмотря на все свое величіе въ коммерческой средѣ, онъ не могъ не обратить вниманія на это имя, пользовавшееся значительнымъ вліяніемъ въ Калифорніи, тѣмъ болѣе, что, при всемъ своемъ скептицизмѣ и демократизмѣ, онъ зналъ цѣну всякой личности, имѣвшей высокое общественное положеніе. Поэтому, не поднимая глазъ съ конторки, за которой онъ сидѣлъ, Думфи поспѣшно сказалъ:

— Просите.

Черезъ минуту, дверь снова отворилась, и въ комнату вошелъ красивый молодой человѣкъ, одѣтый по послѣдней модѣ. Онъ держалъ себя развязно и не выказывалъ никакого смущенія въ присутствіи богатаго капиталиста. Небрежно положивъ шляпу на столъ, онъ всталъ спиною къ камину и терпѣливо ждалъ привѣтствія хозяина. Думфи былъ, наконецъ, вынужденъ взглянуть на него.

— Вы, я вижу, заняты, произнесъ Пойнсетъ учтивымъ, холоднымъ тономъ:—я не буду васъ безпокоить. Мнѣ сказали, вѣроятно, по ошибкѣ, что вы свободны?

Думфи положилъ перо и всталъ, внутренно протестуя.

— Вы меня не знаете по фамиліи, продолжалъ молодой человѣкъ съ улыбкой:—но лицо мое должно быть вамъ знакомо. Въ послѣдній разъ я васъ видѣлъ пять лѣтъ тому назадъ. Да, вы, въ то время, съ голоду грызли буйволовую кожу.

— Филиппъ Ашлей! промолвилъ Думфи, понижая голосъ и озираясь по сторонамъ.

— Именно, отвѣчалъ Пойнсетъ съ нетерпѣніемъ: — это—мое *nom de guerre*. Но, повидимому, вы справедливо называли себя тогда мистеромъ Думфи.

Еслибы Думфи и намѣревался привести въ смущеніе Пойнсета ссылкою на его двойное имя, то презрительное замѣчаніе молодого человѣка должно было заставить его отказаться отъ подобной мысли. Но, въ дѣйствительности, онъ никогда не имѣлъ этого намѣренія. Несмотря на всѣ свои усилія, онъ въ присутствіи Ашлея почувствовалъ себя въ томъ же подчиненномъ положеніи, въ какое добровольно поставилъ себя пять лѣтъ тому назадъ. Онъ забылъ свое богатство, свое могущество и въ собственномъ кабинетѣ смиренно ждалъ приказаній неожиданнаго посѣтителя. Однако, онъ сдѣлалъ еще одно усиліе, чтобы возвратить себѣ потерянный авторитетъ.

— У васъ дѣло до меня, Пойнсетъ? сказалъ онъ.

Но, ни гордое достоинство, съ которымъ онъ началъ эту фразу, ни фамильярный тонъ, въ который онъ неожиданно перешелъ, нисколько не подѣйствовали на молодого человѣка.

— Конечно, отвѣчалъ Пойнсетъ небрежно:—безъ дѣла я не сталъ бы безпокоить такого занятаго человѣка. Я слышалъ, что вы заинтересованы въ недавно открытой новой рудѣ въ Одноконномъ Станѣ. Одинъ изъ моихъ кліентовъ имѣетъ права̀, еще неоформенныя, на эту землю.

— Кто? спросилъ поспѣшно Думфи.

— Я полагаю, что для васъ имя моего кліента вовсе неважно, пока мы не предъявимъ своихъ правъ, отвѣчалъ спокойно Артуръ:—но я готовъ удовлетворить вашему любопытству. Это—миссъ Долоресъ Сальватьера.

Думфи успокоился и съ обычной рѣзкостью произнесъ:

— Это нисколько не...

— Не нарушаетъ правъ лица, открывшаго руду, перебилъ его Артуръ:—вы совершенно правы. Я пришелъ къ вамъ вовсе не для того, чтобъ предъявлять права своей кліентки; даже, быть

можетъ, мы и не станемъ просить ихъ оффиціальнаго признанія. Но моя кліентка желала бы имѣть свѣдѣнія о теперешнихъ владѣльцахъ земли. Вы, кажется, ихъ представитель. Они—мужъ и жена. Эта женщина сначала выдавала себя за миссъ Грэсъ Конрой, которой были переданы права на эту землю ея собственникомъ. Потомъ она является женою Гэбріеля Конроя, вѣроятно, ложнаго брата ложной сестры. Вы, конечно, согласитесь, что это—ужасная путаница и на судѣ ваше положеніе будетъ незавидное. Но мы теперь судиться не намѣрены, а желаемъ только знать, оба ли они: братъ и сестра—самозванцы, или кто-нибудь изъ нихъ, дѣйствительно, то лицо, за которое себя выдаетъ? Да женатые ли они? Вы, Думфи, должны это знать лучше всѣхъ.

— Вамъ самимъ это должно быть извѣстно; вы бѣжали съ настоящей Грэсъ Конрой, отвѣчалъ Думфи съ своей прежней смѣлостью.

— Неужели? Такъ, значитъ, по вашему, это—не онэ. Ну, а братъ?

— Это—дѣйствительно Гэбріель Конрой, если я его только знаю, отвѣчалъ Думфи, чувствуя, что его поймали: — но отчего вы сами въ этомъ не удостовѣритесь?

— Благодаря вашей любезности, это теперь излишне, отвѣчалъ съ улыбкою Артуръ:—я вамъ вѣрю и, къ тому же, я слишкомъ опытный адвокатъ, чтобъ сомнѣваться въ показаніяхъ мною же вызванныхъ свидѣтелей. Но кто эта женщина?

— Вдова доктора Деваржа.

— Дѣйствительная?

— Да̀, если только Грэсъ Конрой не предъявитъ правъ на этотъ титулъ. Повидимому, старикъ не былъ постояненъ въ своихъ чувствахъ.

Этотъ намёкъ не произвелъ никакаго впечатлѣнія на Артура, и онъ спокойно спросилъ:

— Есть ли у васъ законныя доказательства, что она—вдова доктора Деваржа? Если это—фактъ, то моя кліентка, какъ богатая женщина и интересующаяся настоящимъ братомъ и настоящей сестрой, быть можетъ, откажется отъ своихъ правъ. Да, кстати, была еще сестра?

— Конечно, она—еще ребенокъ.

— Хорошо, я не буду васъ болѣе задерживать. Благодарствуйте и прощайте.

Онъ взялъ шляпу и направился къ дверямъ; но Думфи, чувствуя, что не извлекъ никакой пользы изъ этого разговора, хотѣлъ поправиться смѣлой выходкой.

— Подождите, сказалъ онъ:—вы имѣете свѣдѣнія объ этой молодой дѣвушкѣ. Что съ ней сталось?

— Не знаю, отвѣчалъ спокойно Пойнсетъ:—иначе я не сталъ бы обращаться къ вамъ.

Въ манерахъ Пойнсета было что-то не дозволявшее Думфи назвать его прямо лжецомъ, и потому онъ рѣзко прибавилъ:

— Когда и гдѣ вы ее видѣли въ послѣдній разъ?

— Я оставилъ ее въ хижинѣ охотника, когда отправился обратно къ вамъ. Я опоздалъ. Отрядъ, посланный на помощь, уже нашелъ нашу партію, но не въ живыхъ. Потомъ я вернулся къ Грэсъ, но ея уже тамъ не было. Я полагаю, что ее спасъ и взялъ съ собою отрядъ.

Наступило молчаніе, впродолженіе котораго оба негодяя пристально смотрѣли другъ на друга. Читатель, конечно, не забылъ, что какъ тотъ, такъ и другой обманули отрядъ, высланный на помощь, касательно ихъ отношеній къ мертвымъ товарищамъ. Но ни одинъ изъ нихъ не зналъ, что другому былъ извѣстенъ этотъ фактъ. Такимъ образомъ, Думфи боялся предложить Артуру вопросъ, который его могъ смутить, потому что, въ свою очередь, открылся бы его обманъ. Не зная причины колебанія Думфи, Артуръ пришелъ къ убѣжденію въ его полномъ невѣдѣніи и, чувствуя себя побѣдителемъ, молча вышелъ изъ комнаты, небрежно кивнувъ головой Думфи.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ человѣкомъ небольшого роста, но коренастымъ. По какому-то общему чувству инстинктивнаго отвращенія, они оба взглянули презрительно другъ на друга. Пойнсетъ увидалъ передъ собою испитое лицо, казавшееся чахоточнымъ, несмотря на дородное туловище, надъ которымъ оно возвышалось; ему были знакомы эти узкія скулы и блѣдныя губы, изъ-подъ которыхъ виднѣлись большіе, выдающіеся зубы. Не отдавая себѣ вполнѣ отчета, кто былъ этотъ странный человѣкъ съ полуоткрытымъ ртомъ, но зная, что онъ видалъ его по дѣламъ, Пойнсетъ небрежно кивнулъ головой и быстро удалился. Вошедшій подозрительно посмотрѣлъ вслѣдъ Артуру и потомъ на Думфи. Послѣдній немедленно оправился и, съ своей обычной смѣлостью, произнесъ:

— Ну, что вы скажите?

— Вы вѣрно имѣли мнѣ что-нибудь сказать; вы за мной послали?

— Да, вы умолчали о томъ, что на руду имѣютъ право еще другія лица. Что все это значитъ, Рамиресъ?

Викторъ поднялъ глаза къ потолку и промолвилъ, пожимая плечами:

— Правà правамъ—рознь.

— Конечно, но вы вѣрно знаете, что наше право основано не на документѣ, а на фактическомъ открытіи руды, чтò гораздо крѣпче.

— *Наше* право? повторилъ Викторъ подозрительно.

— Дà, я составляю акціонерную компанію для эксплуатаціи руды ея мужа.

— Ея мужа... Хорошо.

Думфи проницательно взглянулъ на Рамиреса. Чтó-то въ его обращеніи было подозрительное, и Думфи, уже смущенный неожиданнымъ для него пораженіемъ въ разговорѣ съ Пойнсетомъ, вышелъ изъ себя.

— Дà, руда ея мужа. Чтò вы на это скажете? Ничего. Такъ выслушайте меня. Я послалъ за вами, чтобъ объявить вамъ слѣдующее: теперь все въ порядкѣ и законно. Забудьте прежній планъ и ваши отношенія къ ней. Вы понимаете? Вы ничего не знаете о миссъ Грэсъ Конрой.

— Нѣтъ болѣе сестры, а только жена!

— Дà.

— Хорошо.

— Вы, конечно, получите чтò-нибудь за ваши хлопоты, хотя они ни къ чему не привели и прежній планъ брошенъ. Такимъ образомъ, вы не имѣете никакого участія въ ея теперешнемъ успѣхѣ. Если, впрочемъ, прибавилъ Думфи иронически:—вы не считаете, что она обязана вамъ своимъ бракомъ съ Гэбріелемъ.

— Ха, ха, ха! Славная шутка! отвѣчалъ Викторъ, поблѣднѣвъ еще болѣе и смѣясь принужденно: — нѣтъ, я за это ничего не требую, даже съ васъ, ха, ха, ха!

Но, еслибъ Думфи зналъ, чтò въ эту минуту дѣйствительно происходило въ умѣ Рамиреса, то онъ, по всей вѣроятности, приблизился бы къ дверямъ конторы.

— Мы можемъ вамъ заплатить за одно только—за молчаніе. Но поймите, что открытіе извѣстной вамъ тайны можетъ васъ сильно компрометировать, а намъ оно не принесетъ никакого матерьяльнаго вреда и важно только въ отношеніи общественнаго положенія мистрисъ Конрой. Еслибъ сегодня вся исторія была узнана, то завтра я реализирую правà Гэбріеля на руду. Какъ вы помните, единственное доказательство предъидущаго открытія руды заключается въ бумагѣ, находящейся въ нашихъ рукахъ. Вотъ за то, что вы знаете это обстоятельство, мы вамъ и заплатимъ. Но помните, что всякая попытка овладѣть этой бумагой путемъ законнымъ или инымъ поведетъ только къ ея уничтоженію. Чтò же вы на это скажете? Согласны? Когда мы

выпустимъ акціи, то я вамъ напишу чекъ, или, можетъ быть, вы возьмете акцію?

— Нѣтъ, я предпочитаю деньги, отвѣчалъ Рамиресъ съ усмѣшкой.

— Вы правы, Викторъ, произнесъ Думфи, какъ бы не замѣчая его ироніи:—акціи—не вашего ума дѣло. Прощайте.

Викторъ направился къ дверямъ, но Думфи его остановилъ:

— Кстати, Викторъ, если вы знаете лицо, которому принадлежитъ вновь открытый документъ на руду, то скажите ему, что процессъ ни къ чему не поведетъ. Я только-что сказалъ объ этомъ и адвокату новаго собственника.

— Пойнсету? спросилъ Викторъ.

— Да̀, но, такъ какъ, онъ, въ то же время—и Филиппъ Ашлей, молодой человѣкъ, бѣжавшій съ Грэсъ Конрой, то вамъ лучше бы обратиться къ нему. Быть можетъ, онъ вамъ будетъ полезнѣе меня. Прощайте.

Отвернувшись отъ пораженнаго удивленіемъ Рамиреса и внутренно сознавая, что онъ возвратилъ себѣ свой прежній авторитетъ, Думфи позвонилъ и приказалъ ввести въ кабинетъ слѣдующаго посѣтителя.

XXVI.

Мистеръ Джакъ Гамлинъ отдыхаетъ.

Впродолженіи нѣсколькихъ недѣль, мистеръ Гамлинъ былъ нездоровъ или, какъ онъ самъ выражался, «не въ своей тарелкѣ». Знаменитый Дюшенъ, отставной полковой докторъ, послѣ внимательнаго изслѣдованія своего паціента и откровеннаго его разспроса, спокойно сказалъ:

— Вы ведете себя не такъ, какъ слѣдуетъ игроку, Джакъ. У васъ пульсъ 75, а это—плохо для игры. Вы, вѣроятно, много поработали въ послѣднее время и были въ ударѣ—не такъ ли? Но берегитесь: вы слишкомъ шибко живете и пустили машину на всѣхъ парахъ. Поубавьте огня, откройте спасительный клапанъ и дѣйствуйте въ пол-силы. Поживите два мѣсяца, какъ подобаетъ христіанину, и все обойдется. То есть, я хочу сказать, прибавилъ онъ, видя неожиданный ужасъ, отпечатлѣвшійся на лицѣ Гамлина:—ложитесь спать до полуночи, вставайте рано, кушайте какъ можно болѣе и пейте какъ можно менѣе. Играйте умѣренно, не для выигрыша, скучайте ужасно, и черезъ два мѣсяца я васъ посажу за зеленый столъ такимъ же могу-

чимъ и хладнокровнымъ игрокомъ, какъ въ старину. Вы прежде пѣли, Джакъ; сядьте-ка за фортепьяно и покажите свою прыть. Ну, довольно, благодарствуйте. Я такъ и думалъ: вы не въ голосѣ и отвыкли пѣть. Это—не бѣда; попрактикуйтесь ежедневно, и черезъ недѣлю вернется ваше прежнее искуство. Кажется, уже болѣе мѣсяца я не видалъ, чтобы вы возились съ дѣтьми, а это очень вамъ хорошо. Съ большимъ удовольствіемъ я заперъ бы васъ въ дѣтскій пріютъ. Чортъ знаетъ, какую пользу это принесло бы вамъ и дѣтямъ! Отыщите какого нибудь бѣдняка съ дюжиной дѣтей и возьмитесь учить ихъ пѣнію. Относительно пищи—все равно, что̀ вы будете кушать; только ѣшьте въ положенные часы. Я надѣялся бы на ваше выздоровленіе, Джакъ, гораздо болѣе, еслибъ вырвалъ васъ изъ Голодающаго Стана въ Сіеррахъ, какъ одного несчастнаго шесть лѣтъ тому назадъ, а не изъ этой роскошной обстановки. Ну, Джакъ, послушайтесь моего совѣта, и я поставлю васъ на ноги, понижу пульсъ, разсѣю ваше уныніе и успокою ваши нервы. Теперь же вы ни на что̀ не похожи, Джакъ, и я смѣло сталъ бы играть съ вами цѣлую ночь.

Изъ этихъ словъ почтеннаго доктора читатель ясно видитъ, что онъ не касался отвлеченной, нравственной стороны ремесла Гамлина, а только заботился о практической его способности продолжать это ремесло. Онъ былъ настолько искрененъ, что, нѣсколько дней спустя, сказалъ другому своему паціенту, уважаемому всѣми пастору:

— Я долженъ подвергнуть васъ такому же леченію, какъ Джака Гамлина. Вы знаете его? извѣстный игрокъ и славный малый; вы очень мнѣ его напоминаете. У васъ тотъ же недугъ, и я васъ вылечу такъ же, какъ его.

Джакъ Гамлинъ религіозно исполнилъ предписаніе доктора и впродолженіи двухъ недѣль странствовалъ по низменной, береговой странѣ, ужасно скучая, но строго придерживаясь даннаго рецепта. Въ Сан-Луи-Хе онъ присутствовалъ при боѣ быковъ, и ему сильно хотѣлось держать громадное парй; даже ему вошла въ голову мысль натравить на быковъ стараго медвѣдя, но онъ поспѣшно бѣжалъ отъ всѣхъ этихъ соблазновъ. На слѣдующій день, въ старомодномъ дилижансѣ, онъ перебрался черезъ береговой кряжъ и спокойно въѣхалъ въ мирную, миссіонерную станцію Сан-Антоніо. Предъидущее путешествіе и мрачный, унылый видъ города такъ подѣйствовали на него, что онъ слегъ прямо въ постель въ единственной гостинницѣ Сан-Антоніо, переполненной, какъ обыкновенно всѣ испанско-калифорнійскія гостинницы, не постояльцами, а блохами.

— На что̀ походитъ это мѣстечко, Питъ? спросилъ Джакъ своего вѣрнаго оруженосца-негра.

— Масса Джакъ, отвѣчалъ Питъ, чрезвычайно серьёзно:—мало здѣсь хорошаго. Внизу играютъ въ карты, да не по васъ эта игра. Она вамъ пользы не принесетъ, а развѣ только взбѣситъ. На дворѣ стоитъ прекрасная лошадь, а хозяинъ ничего въ ней не смыслитъ. Еслибъ вы были здоровы, я позволилъ бы вамъ съиграть съ нимъ штуку; но теперь и этого нельзя. Въ сосѣднемъ домѣ какая-то школа, вѣрно воскресная. Тамъ множество дѣтей поютъ и славословятъ Господа.

— Какой сегодня день? спросилъ съ нетерпѣніемъ Джакъ.

— Воскресенье.

Джакъ застоналъ и, повернувшись на другой бокъ, промолвилъ:

— Дайте одному изъ этихъ дѣтей мелкую монету и скажите, что здѣсь онъ получитъ вторую.

— Нѣтъ, масса Джакъ, сегодня ни одинъ ребёнокъ не пойдетъ дурачиться съ вами. Ему дали бы за это сильную встрёпку. Здѣсь очень строго смотрятъ за дѣтьми въ день Господень.

Частью изъ неудовольствія, что не можетъ поиграть съ дѣтьми, а частью изъ желанія помучить набожнаго Пита, Джакъ разразился громкимъ протестомъ противъ богословской теоріи, мѣшавшей дѣтямъ дурачиться съ нимъ во всякое время.

— Откройте окно, прибавилъ онъ:—и подвиньте къ нему кровать. Такъ хорошо. Дайте мнѣ романъ. Сегодня я не стану васъ безпокоить чтеніемъ вслухъ: вы можете кончить «Развалины» Вольнея въ другой разъ.

Здѣсь, кстати замѣтить, что Джакъ часто заставлялъ Пита читать вслухъ, что̀ доставляло ему большое удовольствіе, такъ какъ книги онъ выбиралъ постоянно не по вкусу Пита, въ устахъ котораго онѣ принимали совершенно извращенный, непонятный смыслъ.

— Вы можете идти, сказалъ Гамлинъ, когда Питъ подалъ ему все, что̀ нужно:—я васъ не спрошу до вечера. Возьмите денегъ. Вы вѣрно не найдете здѣсь своей церкви, но, если кто-нибудь станетъ издѣваться надъ вами, то вздуйте его. Если же не сладите, то замѣтьте подлеца, и я его отдѣлаю (Гамлинъ не позволялъ никому, кромѣ себя, порицать религіозныя стремленія своего тѣлохранителя). Проведите время весело, Питъ, но, если можете, не напивайтесь. Здѣсь водка—ядъ.

Съ этими словами Гамлинъ повернулся на другой бокъ и открылъ книгу. Но не успѣлъ онъ прочесть нѣсколькихъ строчекъ, какъ буквы запрыгали въ его глазахъ и онъ принужденъ

былъ бросить чтеніе. Вспоминая слова доктора, онъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо сознавалъ постоянныя утомленія и слабость, не говоря уже о періодическихъ страданіяхъ. Мысль, что его можетъ постигнуть слѣпота или параличъ, впервые мелькнула въ его головѣ. Сначала, она показалась ему очень смѣшной, и онъ спрашивалъ себя, можно ли метать банкъ безъ ногъ, или устроить выпуклыя карты, подобно книгамъ для слѣпыхъ? Но, вскорѣ онъ вспомнилъ, что бѣдный Гордонъ, сраженный параличемъ, застрѣлился, и мрачно подумалъ: «у него не было лучшаго выбора». Это размышленіе такъ уныло подѣйствовало на него, что онъ видѣлъ спасеніе только въ водкѣ; но, черезъ минуту, вспомнивъ свое обѣщаніе доктору, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и, чтобъ перемѣнить теченіе мыслей, обернулся къ окну.

Комната, въ которой онъ лежалъ, выходила на пыльный дворъ и каменную стѣну, надъ которой возвышались двѣ четыреугольныя башни миссіонерной церкви. Между этими башнями виднѣлась зеленая листва деревьевъ, а вдали—блестящее море.

Было очень жарко, и ни малѣйшій вѣтерокъ не колыхалъ занавѣсокъ на окнѣ и вѣтвей плакучей ивы, приходившихъ отъ всякаго удобнаго предлога въ истерическую дрожь. Даже море, обыкновенно бурное, теперь представляло невозмутимую, безмолвную равнину. Вся эта картина была очень успокоительная; но, взглянувъ во дворъ, Джакъ увидалъ человѣка, съ которымъ онъ ссорился въ Сакраменто и въ Сан-Франциско. Поднявъ голову, человѣкъ этотъ глазѣлъ на гостинницу. Джакъ тотчасъ совершенно нелогично вышелъ изъ себя. Еслибъ Питъ былъ подъ рукою, то онъ непремѣнно послалъ бы его передать какую-нибудь дерзость Рамиресу; но пока онъ смотрѣлъ на него, въ воздухѣ раздались мелодичные звуки, которые приковали къ себѣ его вниманіе.

Это былъ оргàнъ, не очень прекрасный, и игравшій на немъ не отличался большимъ искуствомъ. Но Джакъ страстно любилъ оргàнъ. Я забылъ сказать, что онъ занималъ мѣсто органиста въ пресвитеріанской церкви въ Сакраменто, пока общественное мнѣніе не открыло несовмѣстимости его будничныхъ занятій съ воскреснымъ препровожденіемъ времени, и почтенный пасторъ, самъ торговавшій крѣпкими напитками, потребовалъ его удаленія. Хотя, впослѣдствіи, Джакъ перенесъ свою любовь къ музыкѣ на фортепьяно, но прежняя страсть никогда въ немъ не исчезла, и одно изъ его любимѣйшихъ мечтаній было завести первоклассный игорный домъ съ громаднымъ оргàномъ. Поэтому, услыхавъ столь дорогіе для него звуки, онъ приподнялся на кровати. При болѣе подробномъ разсмотрѣніи стѣны, возвышавшейся противъ окна, онъ убѣдился, что она принадле-

жала къ пристройкѣ, недавно прибавленной къ старинной миссіонерной церкви. Среди стѣны виднѣлась глубокая ниша съ большимъ окномъ, изъ котораго и неслись звуки органа. Вскорѣ къ нимъ присоединился хоръ свѣжихъ, юныхъ голосовъ. Гамлинъ сталъ прислушиваться еще внимательнѣе. Это была одна изъ мессъ Моцарта, хорошо ему знакомыхъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, онъ въ пол-голоса подпѣвалъ хору, а потомъ, забывъ свою слабость и болѣзнь, сталъ громко вторить, покрывая юные голоса своимъ могучимъ теноромъ, хорошо извѣстнымъ его друзьямъ. Любопытное зрѣлище представлялъ этотъ сантиментальный пѣвецъ, лежавшій на постелѣ въ изнеможеніи отъ развратной жизни и позорнаго ремесла. Однако, онъ продолжалъ съ энтузіазмомъ пѣть славословіе Богородицѣ, пока не замеръ органъ. Тогда онъ поднялъ голову и, устремивъ глаза во дворъ, сталъ ожидать появленія маленькихъ пѣвцовъ. У него была готова въ рукахъ горсть мелкихъ монетъ, а на устахъ веселыя шутки, которыми онъ всегда забавлялъ дѣтей. Но его надежда не осуществилась. «Вѣроятно, школа еще открыта», подумалъ онъ и хотѣлъ уже снова прилечь, какъ неожиданно за рѣшеткой противоположнаго окна показалось женское лицо.

Гамлинъ вспыхнулъ и тяжело перевелъ дыханіе. Онъ былъ очень впечатлителенъ; женская красота сильно на него подѣйствовала, и онъ готовъ былъ присягнуть, что никогда не видывалъ ничего очаровательнѣе прелестной индѣйской молодой дѣвушки, появившейся въ окнѣ. Окруженное амбразурой окна, словно вѣнцомъ, ея лицо могло показаться прекраснымъ образомъ, еслибъ оно поражало, кромѣ ангельской красоты, еще очаровательными женскими чертами и большими глазами, сверкавшими нетерпѣніемъ и любопытствомъ. Скрытый занавѣской, Гамлинъ зналъ, что его нельзя было видѣть, и потому на свободѣ любовался прелестнымъ смуглымъ созданіемъ, которое, повидимому, вызвано на свѣтъ его пѣніемъ. Черезъ нѣсколько минутъ, оно исчезло такъ же неожиданно, какъ явилось, и въ глазахъ Гамлина померкло яркое солнце и блестящее, искрившееся море.

Когда Питъ возвратился домой передъ закатомъ солнца, онъ съ удивленіемъ и испугомъ увидалъ, что мистеръ Гамлинъ сидѣлъ у окна совершенно одѣтый. Его еще болѣе поразили неожиданный блескъ глазъ Джака и непривычный румянецъ на его блѣдномъ лицѣ.

— Вы безъ меня что-нибудь дѣлали, запрещенное докторомъ, масса Джакъ! воскликнулъ онъ.

— Посмотрите фляжку съ водкой—она не тронута, если только вы сами, старый чортъ, ее не пòчали, отвѣчалъ Джакъ весело:—я одѣлся потому, что иду въ церковь на вечернюю службу, а веселъ потому, что сталъ ужь очень нравственнымъ. Возьмите, Питъ, «Развалины» Вольнея и почитайте вслухъ, а то вы совсѣмъ отвыкнете отъ этого полезнаго занятія. Нѣтъ, погодите. Неужели я долженъ умирать съ голоду, потому что вы ходили въ церковь? Закажите, прежде всего, хорошій ужинъ. Куда же вы идете? Вы пропадали три часа и теперь не даете мнѣ отчета, кàкъ исполнили мою комиссію.

— Вашу комиссію, масса? спросилъ удивленный Питъ.

— Конечно, я вамъ приказалъ посмотрѣть, какія въ городѣ церкви, продолжалъ спокойно Джакъ:—и, главное, убѣдиться, можетъ ли прилично набожный христіанинъ и бывшій органистъ пресвитеріанской церкви въ Сакраменто посѣтить католическую церковь. Я увѣренъ, что вы тамъ даже не были, и мнѣ самому придется собрать эти справки.

Питъ въ безмолвномъ смущеніи началъ чистить платье своего господина.

— Я—не папистъ, масса Джакъ, сказалъ онъ наконецъ:—но еслибъ я думалъ...

— Неужели вы полагаете, что я стану на тощій желудокъ слушать, кàкъ вы поносите католическую церковь, перебилъ его Гамлинъ:—единственную церковь, въ которую джентльмэнъ...

Но испуганный Питъ не дослушалъ этой фразы и выбѣжалъ изъ комнаты.

При первыхъ звукахъ колокола и за полчаса до начала вечерни, Джакъ уже входилъ въ старую миссіонерную церковь. Очень немного неясныхъ фигуръ виднѣлось въ различныхъ углахъ мрачнаго зданія. Скорѣе инстинктивно, чѣмъ при помощи мерцающаго блеска восковыхъ свѣчей на высокомъ алтарѣ, онъ тотчасъ убѣдился, что тутъ не было того существа, которое онъ жаждалъ увидать. Помѣстившись въ тѣни за колонною, онъ преспокойно сталъ ожидать его появленія. Время, казалось, шло очень медленно. Прямо противъ него помѣстилась пожилая женщина, отъ которой ужасно несло чеснокомъ. Потомъ явился смуглый вачеро, видѣнный Гамлиномъ по дорогѣ, и, упавъ на колѣни, началъ молиться Мадоннѣ съ такой характеристичной словоохотливостью, съ какою онъ бранилъ свое стадо. Немного поодаль, нѣсколько невзрачныхъ, знакомыхъ Джаку игроковъ громко оплакивали свои потери, вознося мольбы къ небу о дарованіи имъ удачи. Наконецъ, Гамлинъ съ безпокойствомъ замѣтилъ, что у двери другой человѣкъ точно такъ же, какъ онъ,

кого-то ждалъ и пристально оглядывалъ всѣхъ входившихъ. Не смотря на полумракъ, царившій въ церкви, Джакъ узналъ въ этой фигурѣ своего стариннаго противника въ Сакраменто. Если бъ онъ увидалъ его гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то, подъ вліяніемъ инстинктивной къ нему ненависти, затѣялъ бы съ нимъ немедленно ссору. Теперь же онъ рѣшился терпѣливо выждать конца службы и, послѣдовавъ за Рамиресомъ, выместить на немъ всю свою злобу и разочарованіе, такъ какъ онъ начиналъ сомнѣваться въ появленіи прекрасной незнакомки. Но вдругъ послышался шелестъ шелковаго платья; Джакъ обернулся, и сердце его замерло.

Это была она. Дойдя до скамьи, почти прямо противъ него, она подняла черный вуаль, и передъ восхищенными его глазами явилось то же спокойное, очаровательное лице, которое его такъ поразило въ окнѣ. Она теперь была даже прекраснѣе, и странный бронзовый цвѣтъ лица имѣлъ какую-то особенную, очаровательную прелесть для Джака. Взглянувъ по сторонамъ, она остановилась на минуту и потомъ медленно встала на колѣни между двумя невзрачными игроками. Джакъ инстинктивно подался впередъ и хотѣлъ ее предупредить объ оскверняющемъ прикосновеніи этихъ несчастныхъ. Но, въ ту же минуту, онъ отшатнулся, и лицо его побагровѣло отъ стыда. Впервые въ жизни онъ усумнился въ нравственности своего ремесла.

Подъ старинными сводами церкви раздались мелодичные звуки органа; въ воздухѣ пронеслось благоуханіе ладона; патеръ началъ службу монотоннымъ голосомъ и Джакъ Гамлинъ впалъ въ какое-то изступленіе. Ему казалось, что онъ замѣнилъ холоднаго механическаго органиста и, пріобрѣтя снова все свое искуство и силу голоса, оглашалъ старинную церковь пламенной игрой и страстнымъ пѣніемъ. Юный, прелестный голосъ незнакомки вторилъ ему, и это холодное, внѣшнее сліяніе звуковъ наполняло сердце его радостью. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вполнѣ сознавалъ, по своему тяжелому дыханію, что въ дѣйствительности не могъ взять ни одной ноты. Наконецъ, онъ очнулся и пристально взглянулъ на прелестное созданіе: ея граціозно наклоненная головка, изящный, хотя и строгій костюмъ, отъ кружевнаго вуаля до маленькой атласной туфли, виднѣвшейся изъ подъ тяжелаго шелковаго платья — ясно обнаруживали въ ней богатую аристократку, отказавшуюся отъ міра. Джакъ невольно чувствовалъ, что онъ неизмѣримо далекъ отъ нея.

Служба кончилась; послѣдніе звуки органа замерли, и незнакомка встала. За полчаса передъ этимъ, Джакъ смѣло пошелъ бы къ ней навстрѣчу, чтобъ только хоть на лету поймать бле-

стящій взглядъ ея чудныхъ глазъ, но теперь онъ почувствовалъ какую-то необычную для него робость и смущеніе. Поэтому, увидѣвъ, что она подходитъ къ колоннѣ, за которой онъ стоялъ, Джакъ еще болѣе стушевался въ полумракѣ. Приблизившись къ раковинѣ со святой водой, незнакомка сняла перчатку и, протянувъ руку, опустила въ воду свои длинные, тонкіе пальцы. Джакъ вздрогнулъ: она была такъ близко отъ него, что онъ чувствовалъ ея дыханіе, а, когда она мокрыми пальцами перекрестилась, то нѣсколько капель упали на его пылающую щеку.

XXVII.

Неожиданное открытіе Виктора.

По счастью для Гамлина, молодая дѣвушка не замѣтила, что она окрестила незнакомаго ей человѣка и направилась къ дверямъ. Джакъ вышелъ изъ-за колонны и съ восторженнымъ уваженіемъ слѣдилъ за нею. Но не успѣла она дойти до портика, какъ неожиданно обернулась и быстро пошла назадъ, едва не задѣвъ платьемъ Гамлина. Ея прекрасные глаза выражали смущеніе, губы были блѣдны, и во всѣхъ ея движеніяхъ виднѣлось безпокойство. Она снова остановилась передъ колонною и, подъ предлогомъ взять вторично святой воды, оперлась рукою на раковину. Джакъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что ея руки нервно дрожали. Съ минуту онъ колебался и потомъ, собравшись съ силами, подошелъ къ ней, но не смѣло и самоувѣренно, какъ онъ всегда обращался съ женщинами, а съ юношеской робостью.

— Могу я вамъ чѣмъ-нибудь служить, миссъ, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — вамъ, кажется, дурно... или вы устали. Прикажете подать вамъ стулъ? Тутъ дьявольская духота... извините, я хотѣлъ сказать, что здѣсь жарко. Прикажете подать вамъ стаканъ воды или привести экипажъ?

Молодая дѣвушка неожиданно подняла на него глаза, и онъ совершенно растерялся.

— Это ничего, сказала она, бросивъ на Джака такой спокойный и откровенный, но, въ то же время, холодный взглядъ, что онъ опустилъ свои обыкновенно дерзкіе взоры: — здѣсь очень душно. Теперь прошло.

— Прикажете... началъ снова Джакъ, но она его перебила.

— Мнѣ ничего не нужно, благодарю васъ, произнесла незнакомка съ прежнимъ достоинствомъ и, какъ бы находя не-

обходимымъ объяснить свое странное возвращеніе, прибавила: — въ дверяхъ была толпа, и у меня закружилась голова. Кто-то меня толкнулъ, но, можетъ быть, это только мнѣ показалось.

Съ этими словами, она взглянула на портикъ, въ которомъ виднѣлся какой-то мужчина, облокотившійся на колонну.

Джакъ понялъ ея взглядъ, хотя, по всей вѣроятности, онъ выражалъ совершенно иное, и поспѣшно направился къ дверямъ. Къ его величайшему удивленію, онъ узналъ въ своемъ неожиданномъ противникѣ Викторэ. Не говоря ни слова, онъ однимъ движеніемъ руки и ноги сбросилъ его съ лѣстницы и преспокойно обернулся къ незнакомкѣ. Но она, съ такой же быстротою, воспользовалась исчезновеніемъ Виктора и въ одно мгновеніе очутилась въ каретѣ, ожидавшей ее у портика. Однако, уѣзжая, она высунула свою прелестную головку въ окно кареты и, очаровательно улыбнувшись, взглянула на Джака съ нѣжной благодарностью. Онъ былъ совершенно счастливъ. Что̀ значила для него новая ссора съ Рамиресомъ? Даже предчувствіе этого столкновенія увеличивало его радость.

Чья-то тяжолая рука опустилась на его плечо. Онъ обернулся и увидѣлъ Виктора, который весь дрожалъ отъ злобы.

— А, это—вы, Джони, сказалъ Гамлинъ, добродушно улыбаясь:—вы здѣсь живете? Вы—компаньйонъ св. Антонія? Хорошо! А я васъ сбросилъ съ собственной вашей лѣстницы! Странно, что я васъ сразу не узналъ—неправда ли, Джони?

— Меня зовутъ не Джони, caramba! воскликнулъ Викторъ, внѣ себя отъ гнѣва.

— А, вотъ что̀! Вы, значитъ, принадлежите къ знаменитому роду Caramba изъ Голландской Долины. Но, признаюсь, это—не красивое имя: Джони лучше. Знаете что̀: не дѣлайте здѣсь скандала. Сегодня, Джони—воскресенье. Я бы на вашемъ мѣстѣ пошелъ бы преспокойно домой и побилъ бы до полусмерти какую-нибудь женщину или ребёнка—такъ, для практики. Но, во всякомъ случаѣ, я пошелъ бы домой и не вынималъ бы на улицѣ ножа, а то, пожалуй, обрѣжешь руку или напугаешь мирныхъ людей. А вотъ завтра, я пошелъ бы въ сосѣднюю гостинницу, въ № 29, спросилъ бы мистера Джака Гамлина и, вспомнивъ съ нимъ старинку, обагрилъ бы кровью весь домъ.

Въ эту минуту, подошли къ Виктору его соотечественники, невзрачные игроки, и онъ тотчасъ воспользовался ихъ поддержкой.

— Насъ принимаетъ за собакъ этотъ негодяй, произнесъ онъ съ горечью.

Но Гамлинъ, понимавшій испанскія бранныя слова, разслышалъ эту фразу и отвѣтъ неожиданныхъ союзниковъ, воскликнувшихъ хоромъ:

— Caramba!

Быть можетъ, они приняли бы наступательное движеніе, еслибъ ихъ не пугало что-то сверкавшее въ глазахъ Гамлина и что-то не виднѣвшееся, но, вѣроятно, бывшее въ его карманѣ.

— Это—ваши друзья? продолжалъ онъ съ иронической любезностью.—Всѣ вы—Caramba! Можетъ быть, имъ теперь не время? Такъ пусть пожалуютъ съ вами завтра. Если же моя комната слишкомъ мала или они не хотятъ ждать, то милости просимъ въ сосѣдній скверъ, Plaza del Toros. Что вы сказали? Извините, я немного глуховатъ.

Подъ этимъ предлогомъ Джакъ подошелъ къ одному изъ союзниковъ Виктора, и тотъ поспѣшно отретировался. Гамлинъ захохоталъ, но, видя, что вокругъ нихъ собирается толпа, онъ положилъ конецъ шуткѣ, хотя она очень его забавляла. Онъ пресерьёзно снялъ шляпу, поклонился Виктору и его друзьямъ, дерзко надѣлъ ее на бекрень и съ вызывающимъ видомъ медленно пошелъ домой. Очутившись въ своемъ нумерѣ, онъ разбудилъ спавшаго Пита и вступилъ съ нимъ въ религіозный споръ, доказывая, къ величайшему ужасу негра, что католическая церковь—единственно приличная церковь для бѣлыхъ. Въ концѣ этого глубокомысленнаго разсужденія, онъ неожиданно спросилъ, въ порядкѣ ли пистолеты, что окончательно привело втупикъ Пита.

Между тѣмъ, Викторъ также простился съ своими друзьями.

— Негодяй подло бѣжалъ, сказалъ онъ: — это ты, Тибурсіо, обратилъ его въ бѣгство.

— Нѣтъ, онъ узналъ тебя, Викторъ, и сердце его ёкнуло.

— При видѣ мексиканцевъ, вѣчно готовыхъ заступиться за свободу, онъ задрожалъ, какъ цыплёнокъ, прибавилъ невзрачный джентльмэнъ, ретировавшійся при наступленіи Гамлина: — пойдемте отпразднуемъ нашу побѣду.

Викторъ желалъ поскорѣе отдѣлаться отъ своихъ друзей и, видя возможность подобнаго спасенія въ попойкѣ, тотчасъ пошолъ съ ними въ ближайшій погребокъ.

Случайно, этотъ погребокъ оказался главнѣйшимъ учрежденіемъ подобнаго рода въ Сан-Антоніо. Онъ отличался всѣми типичными свойствами всѣхъ погребковъ, т. е. былъ грязной, смрадной, пропитанной табачнымъ дымомъ трущобой. Стѣны его были украшены нѣсколькими французскими картинами, прекрасными по исполненію, но низкими въ нравственномъ отно-

обходимымъ объяснить свое странное возвр
ла: — въ дверяхъ была толпа, и у меня зак
Кто-то меня толкнулъ, но, можетъ быть, это т
залось.

Съ этими словами, она взглянула на пор
видпѣлся какой-то мужчина, облокотившійся н

Джакъ понялъ ея взглядъ, хотя, по всей
выражалъ совершенно иное, и поспѣшно напр
Къ его величайшему удивленію, онъ узналъ в
данномъ противникѣ Виктора. Не говоря ни с
движеніемъ руки и ноги сбросилъ его съ лѣс
койно обернулся къ незнакомкѣ. Но она, съ так
воспользовалась исчезновеніемъ Виктора и
очутилась въ каретѣ, ожидавшей ее у пор
она высунула свою прелестную головку въ о
ровательно улыбнувшись, взглянула на Д
дарностью. Онъ былъ совершенно счастлив
новая ссора съ Рамиресомъ? Даже пре
венія увеличивало его радость.

Чья-то тяжолая рука опустилась на
ся и увидѣлъ Виктора, который весь

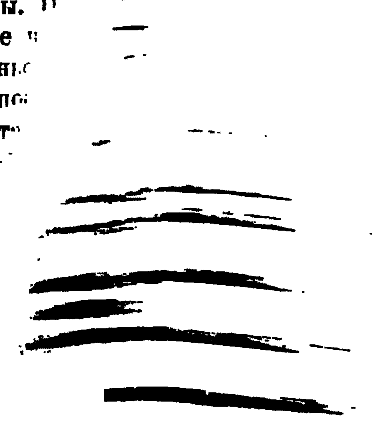
— А, это—вы, Джони, сказалъ Г
баясь:—вы здѣсь живете? Вы—компа
шо! А я васъ сбросилъ съ собственно
но, что я васъ сразу не узналъ—не

— Меня зовутъ не Джони, сага
внѣ себя отъ гнѣва.

— А, вотъ что! Вы, значитъ, прин
Сагамbа изъ Голландской Долины. Н
сивое имя: Джони лучше. Знаете
дала. Сегодня, Джони—воскресен
шелъ бы преспокойно домой и по
нибудь женщину или ребёнка—т
комъ случаѣ, я пошелъ бы дом
ножа, а то, пожалуй, обрѣжеш
людей А вотъ завтра, я поше
въ № 29, спросилъ бы мистер
нимъ старинку, обагрилъ бы г

Въ эту минуту, подошли к
невзрачные игроки, и онъ
держкой.

— Насъ принимаетъ за
съ горечью.



[illegible] него есть кліентка, вдова, молодая, [illegible] соотечественница.
[illegible] Винцентъ.
[illegible] отвѣчалъ Винцентъ, смѣясь: — по[illegible] вамъ мои слова.
[illegible] кліентка?
[illegible] отвѣчалъ Винцентъ глухимъ ше[illegible].
[illegible] что она — его соотечественница?
[illegible]. Она прибыла сюда очень молодая, [illegible]. Она учила дочь дона-Хосе Сепуль[illegible] почти ребёнокъ. Это — старая исторія. [illegible], бѣдная, молодая дѣвушка, а онъ — бога[illegible]. Ха, ха, ха! По добротѣ своей, онъ кон[illegible] на маленькой американкѣ, а черезъ [illegible] богатой вдовой. Caramba!
[illegible] не былъ совершенно пьянъ, то замѣтилъ бы [illegible] въ глазахъ Виктора.
[illegible], высокаго роста, статная, какъ всѣ аме[illegible] онъ поспѣшно: — у нея большіе глаза и пре[illegible]?
[illegible] ангелъ! просто очаровательна.
[illegible] изъ адвоката превратился въ любовника?
[illegible], отвѣчалъ Винцентъ, хитро улыбаясь: — но [illegible] Викторъ, знаемъ, что любовь не получается по [illegible] листу. Вѣрьте мнѣ, это — старая любовь. Раз[illegible] что онъ пріѣхалъ сюда два мѣсяца тому назадъ, [illegible] влюбилась въ него. Absurdo! Disparatado! Это — ста[illegible]. Мы съ тобою, Викторъ, слыхали подобные романы. [illegible] обыкновенное дѣло — бѣдные любовники, разстающіеся [illegible] обстоятельствамъ. Она выходитъ замужъ за богатаго [illegible] онъ въ отчаяніи.
[illegible] былъ внѣ себя отъ радости, слушая эту отрывочную [illegible] пріятеля. Вотъ, наконецъ, разгадка тайны. Онъ [illegible] пропавшую Грэсъ Конрой. Это была молодая амери[illegible] богатая вдова, кліентка своего прежняго любовника Фи[illegible] Эшлея. Итакъ, въ его рукахъ была тайна трехъ лицъ. [illegible] могъ удержаться, чтобъ не ударить Винцента по плечу [illegible] воскликнуть:
— Вы — умнѣйшій человѣкъ, другъ Винцентъ. Вѣроятно, я [illegible] въ церкви вашу героиню.
— Врядъ ли. Она — католичка; а такъ какъ донъ-Артуръ — [illegible], то она не ходитъ въ церковь, когда онъ здѣсь.

шевіи, и испанскими образàми, низкими по исполненію, но высокими по нравственности. Кромѣ того, висѣли портреты Санта-Анны и какого-то другого революціоннаго генерала; наконецъ, тутъ же виднѣлась аллегорическая картина генія свободы, осѣнявшаго лаврами мексиканскую республику. Побуждаемый, вѣроятно, тѣмъ же пристрастіемъ къ аллегоріи и поэзіи, погребщикъ прибавилъ къ своей художественной коллекціи блестящую, раскрашенную афишку американскаго спекулятора, объявлявшаго міру объ изобрѣтенномъ имъ жизненномъ элексирѣ устами громаднаго пестраго ангела. Въ дальномъ углу комнаты, за зеленымъ столомъ играли въ карты человѣкъ десять или двѣнадцать, которые не обращали никакого вниманія на странствующаго музыканта, лѣниво игравшаго какую то мрачную мелодію на арфѣ.

Викторъ внимательно взглянулъ на одного изъ игроковъ. Это былъ странный англійскій переводчикъ, на котораго онъ наткнулся во время своего памятнаго посѣщенія дона-Хосе. Викторъ тотчасъ его узналъ, хотя его неряшливая, рабочая одежда была замѣнена праздничной, черной парой. Онъ не поднималъ глазъ со стола, пока не проигралъ нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ, лежавшихъ передъ нимъ; потомъ онъ всталъ, кивнулъ головой товарищамъ и молча вышелъ изъ комнаты.

— Онъ проигралъ свои пять полудолларовъ, сказалъ Викторъ пріятелю: — это — его положенный кушъ, ни болѣе, ни менѣе. Онъ уже на сегодня забастовалъ.

— Вы его знаете? спросилъ Винцентъ, съ уваженіемъ смотря на товарища.

— Дà, это—американская собака, отвѣчалъ Викторъ, находя удовольствіе хоть за спиною отомстить американцу за его прежнюю дерзкую выходку:—онъ хвалится, что знаетъ нашъ языкъ и исторію, а проклятые американцы обращаются къ нему, а не къ намъ, когда надо объяснить какое-нибудь хитрое слово. Caramba!

— Caramba, повторилъ Винцентъ подъ вліяніемъ патріотизма и выпитаго вина.

— Дà, таковъ свѣтъ, продолжалъ Викторъ, желая развязать языкъ Винцента для своихъ личныхъ цѣлей:—американцы часто сюда пріѣзжаютъ?

— Вы знаете знаменитаго американскаго адвоката, нашего друга дона-Артура Пойнсета?

— Дà, отвѣчалъ съ нетерпѣніемъ Викторъ: — онъ бываетъ здѣсь?

— Еще бы! со смѣхомъ воскликнулъ Винцентъ: — онъ по-

стоянно всегда здѣсь. У него есть кліентка, вдова, молодая, красивая, богатая, его соотечественница.

— Вы—умный человѣкъ, Винцентъ.

— Это всѣмъ извѣстно, отвѣчалъ Винцентъ, смѣясь: — повѣрьте мнѣ; всѣ подтвердятъ вамъ мои слова̀.

— Кто же эта красивая кліентка?

— Донна Марія Сепульвида, отвѣчалъ Винцентъ глухимъ шепотомъ пьянаго человѣка.

— Ка̀къ же вы сказали, что она—его соотечественница?

— Да̀, она—американка. Она прибыла сюда очень молодая, съ первыми американцами. Она учила дочь дона-Хосе Сепульвиды, хотя сама была почти ребёнокъ. Это — старая исторія. Она была хорошенькая, бѣдная, молодая дѣвушка, а онъ—богатый, старый вдовецъ. Ха, ха, ха! По добротѣ своей, онъ кончилъ тѣмъ, что женился на маленькой американкѣ, а черезъ два года оставилъ ее богатой вдовой. Caramba!

Еслибъ Винцентъ не былъ совершенно пьянъ, то замѣтилъ бы необычайный блескъ въ глазахъ Виктора.

— Она хорошенькая, высокаго роста, статная, какъ всѣ американки? спросилъ онъ поспѣшно:—у нея большіе глаза и прелестная улыбка?

— Да̀, она — ангелъ! просто очаровательна.

— А дон-Артуръ изъ адвоката превратился въ любовника?

— Такъ говорятъ, отвѣчалъ Винцентъ, хитро улыбаясь: — но мы съ вами, Викторъ, знаемъ, что любовь не получается по исполнительному листу. Вѣрьте мнѣ, это—старая любовь. Разсказываютъ, что онъ пріѣхалъ сюда два мѣсяца тому назадъ, и она сразу влюбилась въ него. Absurdo! Disparatado! Это—старая любовь. Мы съ тобою, Викторъ, слыхали подобные романы. Самое обыкновенное дѣло — бѣдные любовники, разстающіеся благодаря обстоятельствамъ. Она выходитъ замужъ за богатаго старика, а онъ въ отчаяніи.

Викторъ былъ внѣ себя отъ радости, слушая эту отрывочную рѣчь своего пріятеля. Вотъ, наконецъ, разгадка тайны. Онъ нашелъ пропавшую Грэсъ Конрой. Это была молодая американка, богатая вдова, кліентка своего прежняго любовника Филиппа Ашлея. Итакъ, въ его рукахъ была тайна трехъ лицъ. Онъ не могъ удержаться, чтобъ не ударить Винцента по плечу и не воскликнуть:

— Вы — умнѣйшій человѣкъ, другъ Винцентъ. Вѣроятно, я видѣлъ въ церкви вашу героиню.

— Врядъ ли. Она — католичка; а такъ какъ дон-Артуръ—протестантъ, то она не ходитъ въ церковь, когда онъ здѣсь.

— А сегодня?

— И сегодня ея не было.

— Ну, ужъ вы ошибаетесь, другъ Винцентъ: я ее видѣлъ сегодня въ церкви, отвѣчалъ Викторъ съ нетерпѣніемъ.

— Нѣтъ, синьоръ Викторъ, вѣрьте мнѣ, вы ее не видали, промолвилъ Винцентъ, пожимая плечами и качая головой.

— Да я же вамъ говорю, что видѣлъ! воскликнулъ Викторъ съ жаромъ. — Borrachon! Она была въ церкви и стояла у колонны. Выходя, она взяла святой воды. Я и видѣлъ: у нея большіе глаза, овальное лицо, и она вся въ черномъ.

Винцентъ, по счастью, не слыхалъ эпитета, произнесеннаго Викторомъ, и, насмѣявшись, сказалъ съ пьяной самоувѣренностью:

— Не говори этого, Викторъ, ты видѣлъ не ее. Вѣрь мнѣ, я, видя, умный человѣкъ. Это Донна Долоресъ брала святой воды сама, потому что никто не имѣетъ права ей подносить аqua bendita. Ахъ! глупый Викторъ, у нея, дѣйствительно, большіе глаза, маленькій ротъ, овальное лицо и тёмная кожа. Да? тёмная кожа?

[illegible]

Не смѣялись ли они надъ нимъ въ эту самую минуту? Эта мысль его сводила съ ума.

Когда умный и храбрый Винцентъ очнулся, то онъ лежалъ подъ столомъ и помнилъ только, какъ во снѣ, что Викторъ грубо оттолкнулъ его отъ себя и съ безпомощной злобой бормоталъ что-то про себя въ мрачномъ отчаяніи. Теперь же его не было въ погребкѣ.

XXVIII.

Экспертъ.

Холодный, сѣрый туманъ, безмолвно проникнувъ ночью съ моря, окуталъ нетолько городъ, но и низменную поляну, окружающую ранчу св. Троицы, гдѣ и оставался даже послѣ того, какъ утреннее солнце разсѣяло его на востокѣ. Съ миссіонерныхъ башень вся окрестная страна казалась обширнымъ пѣнистымъ моремъ, а издали самая ранча не отдѣлялась отъ сосѣднихъ холмовъ, составляя одну смутную, неопредѣленную массу. Въ это утро, къ ранчѣ подъѣзжалъ въ кабріолетѣ англійскій переводчикъ, мистеръ Перкинсъ, который нѣсколько разъ принужденъ былъ останавливаться и смотрѣть на компасъ, пока сѣрое море не разсѣялось и бѣлыя стѣны города не выплыли медленно на видъ.

Хотя товарищи и близкіе пріятели мистера Перкинса знали его различныя превращенія; но всякій посторонній съ трудомъ узналъ бы грязнаго поденщика изъ улицы Тихаго Океана въ старомодномъ франтѣ, сидѣвшемъ въ кабріолетѣ. Волоса его были причесаны, завиты и выкрашены въ болѣе тёмный цвѣтъ. Высокій галстухъ сжималъ его шею, а лицо, матово-бѣлое отъ косметическихъ средствъ, было неподвижно, какъ маска. Костюмъ его состоялъ изъ свѣтло-синяго сюртука, застегнутаго до верху, узкихъ полосатыхъ брюкъ и сапогъ изъ японской кожи.

Несмотря на то, что эта странная, эксцентричная фигура была совершенно неизвѣстна въ долинѣ Сан-Антоніо, очевидно, ее ожидали въ ранчѣ св. Троицы. Не успѣлъ мистеръ Перкинсъ въѣхать во дворъ, какъ торжественный майордомъ встрѣтилъ его и провелъ въ знакомую намъ гостиную, гдѣ черезъ минуту онъ увидалъ донну Долоресъ Сальватьеру.

Съ чисто-женской проницательностью, она тотчасъ замѣтила въ странной, смѣшной наружности мистера Перкинса нѣчто достойное уваженія и любезно ему присѣла. Онъ былъ пріят-

*

но удивленъ такимъ пріемомъ и низко, почтительно поклонился, но, какъ всѣ люди неопредѣленнаго общественнаго положенія, онъ былъ подозрителенъ и всегда на сторожѣ. Граціознымъ движеніемъ вѣера донна Долоресъ указала ему на стулъ, но онъ не сѣлъ.

— Я для васъ—чужая, синьоръ; но вы мнѣ хорошо извѣстны, сказала донна Долоресъ съ любезной улыбкой:—прежде, чѣмъ я рѣшилась безпокоить васъ, я уже знала о вашей честной репутаціи и рѣдкихъ способностяхъ. Позвольте мнѣ быть въ числѣ вашихъ друзей прежде, чѣмъ я открою вамъ причину, по которой я обратилась за вашей помощью.

Комичная фигура снова поклонилась, но сквозь бѣлила, покрывавшія ея лицо, проглянулъ застѣнчивый румянецъ. Донна Долоресъ замѣтила это и, отвернувшись изъ деликатности, пошла къ старомодной конторкѣ. Вынувъ изъ ящика сложенный документъ, она положила его на столъ и придвинула два стула. Когда она усѣлась на одномъ изъ нихъ, то мистеръ Перкинсъ уже не счелъ себя въ правѣ отказываться болѣе отъ предложеннаго ему мѣста.

— Я полагаю, начала донна Долоресъ, давъ мистеру Перкинсу время оправиться: — что вы сочтете мое дѣло очень страннымъ, хотя у васъ постоянно спрашиваютъ совѣтовъ по подобнымъ дѣламъ. Вотъ актъ, выданный на имя моего отца, покойнаго дона-Хосе Сальватьеры. Разсмотрите его хорошенько и отвѣчайте мнѣ по совѣсти на одинъ вопросъ. При этомъ помните, что вашъ отвѣтъ не имѣетъ никакого отношенія къ моимъ денежнымъ интересамъ и что вамъ никогда не придется доказывать основательность вашего мнѣнія на судѣ. Вашъ отвѣтъ будетъ сохраненъ мною въ тайнѣ и не лишитъ васъ права высказать публично, если къ тому представится случай, другое, хотя бы совершенно противоположное мнѣніе. Вы, кажется, изумлены, синьоръ Перкинсъ; но я очень богата и не нуждаюсь въ вашемъ мнѣніи для увеличенія своего состоянія.

— Въ чемъ же заключается вашъ вопросъ? спросилъ Перкинсъ спокойно, безо всякаго смущенія.

— Этотъ документъ—фальшивый?

Онъ взялъ изъ ея рукъ бумагу, развернулъ ее привычной рукою и, только взглянувъ на подпись и печати, возвратилъ обратно.

— Подписи настоящія, отвѣчалъ онъ, дѣловымъ, отрывочнымъ тономъ:—я видѣлъ уже этотъ документъ.

Донна Долоресъ съ нетерпѣніемъ отодвинула свой стулъ. Это движеніе возбудило любопытство мистера Перкинса. Впервые онъ видѣлъ, что человѣкъ, имѣвшій документъ на недвижимую

собственность, былъ недоволенъ отъ признанія его дѣйствительнымъ.

— Такъ вы полагаете, что это—подлинный актъ? спросила она съ легкимъ вздохомъ.

— Столь же подлинный, какъ всѣ документы, на которые выдаются патенты въ Уашингтонѣ, отвѣчалъ онъ поспѣшно.

— А! произнесла донна Долоресъ, и мистеру Перкинсу это восклицаніе показалось сомнительнымъ.

— Имѣете вы какія-нибудь причины подозрѣвать подложность этого документа? спросилъ онъ.

— Да, онъ только недавно найденъ въ бумагахъ дона-Хосе, а существуетъ подобный же документъ на имя другого лица.

Перкинсъ снова взялъ бумагу, внимательно просмотрѣлъ ее, поднесъ къ свѣту и попрежнему положилъ на конторку.

— Документъ этотъ вполнѣ правильный, сказалъ онъ:—а гдѣ другой?

— У меня его нѣтъ, отвѣчала донна Долоресъ.

Перкинсъ пожалъ плечами, и въ его взглядѣ, почтительно обращенномъ на донну Долоресъ, можно было прочесть нѣкоторое презрѣніе къ недостатку дѣловыхъ способностей въ женскомъ полѣ.

— Ка̀къ же вы хотѣли, чтобы я сравнилъ этотъ документъ съ другимъ, несуществующимъ? спросилъ онъ.

— Всякое сравненіе излишне, если этотъ документъ подлинный, отвѣчала донна Долоресъ поспѣшно.

— Конечно, могла быть ошибка, продолжалъ Перкинсъ:—кому выданъ другой документъ, при какихъ обстоятельствахъ и кто имъ теперь владѣетъ?

— Онъ выданъ, пять лѣтъ тому назадъ, доктору Деваржу... Вы, кажется, что-то сказали?

Перкинсъ не промолвилъ ни слова, но пристально посмотрѣлъ на донну Долоресъ и медленно повторилъ:

— Вы сказали, что документъ принадлежалъ доктору Деваржу?

— Да̀. Вы его знали?

Теперь донна Долоресъ, въ свою очередь, смутилась. Она прикусила губу и насупила брови. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, оба молчали.

— Я слыхалъ прежде это имя, произнесъ наконецъ Перкинсъ съ напряженнымъ смѣхомъ.

— Не удивительно: онъ былъ знаменитый ученый, отвѣчала донна Долоресъ:—онъ умеръ, но передъ смертью передалъ

этотъ документъ молодой дѣвушкѣ по имени... по имени... Грэсъ Конрой.

Она остановилась и взглянула на Перкинса, который совершенно оправился отъ смущенія. Онъ молча кивнулъ головой, чтобы она продолжала.

— По имени Грэсъ Конрой, повторила донна Долоресъ поспѣшно:—по прошествіи пяти лѣтъ, явилась какая-то женщина... самозванка... и требовала признанія этой земли ея собственностью, подъ ложнымъ именемъ Грэсъ Конрой. Но, встрѣтивъ, повидимому, непреоборимыя трудности въ исполненіи своего преступнаго плана, она какимъ-то нечестивымъ образомъ овладѣла сердцемъ брата настоящей Грэсъ и вышла за него замужъ, какъ за ближайшаго наслѣдника исчезнувшей собственницы этой земли.

Донна Долоресъ умолкла, чтобъ перевести дыханіе; ея смуглыя щеки горѣли, и голосъ звучалъ какъ-то звонко, металлически. Быть можетъ, это происходило отъ естественнаго негодованія, возбужденнаго въ ея впечатлительной, пламенной натурѣ; но мистеръ Перкинсъ не обратилъ на это никакого вниманія. Впродолженіе послѣднихъ минутъ, онъ не глядѣлъ на донну Долоресъ и, вперивъ въ стѣну свой задумчивый взглядъ, казался еще старше, чѣмъ прежде.

— Дà, дà, сказалъ онъ, наконецъ, съ усиліемъ:—но это только доказываетъ, что самый актъ на владѣніе можетъ быть, столь же подложенъ, какъ сама владѣлица. Итакъ, вы не имѣете другихъ основаній сомнѣваться въ дѣйствительности вашего права, кромѣ недавняго открытія документа? Я полагаю, что въ этомъ отношеніи вамъ нѐчего безпокоиться. Помните, что вашъ документъ былъ выданъ въ то время, когда земля не имѣла никакой цѣны, и потому вашъ отецъ могъ очень легко забросить его, какъ маловажный.

Съ этими словами онъ всталъ, какъ бы давая понять, что ихъ разговоръ оконченъ. Онъ все еще былъ очень задумчивъ и странно озабоченъ. Донна Долоресъ тоже встала; на лицѣ ея ясно выражалось разочарованіе. Еще минута, онъ удалился бы, и жизнь этихъ двухъ существъ, которыхъ судьба таинственно столкнула, потекла бы прежнимъ порядкомъ. Но въ дверяхъ онъ остановился и спросилъ самую простую, обыкновенную вещь. Отъ ея отвѣта зависѣла судьба ихъ обоихъ.

— Настоящая Грэсъ Конрой исчезла, а докторъ... Деваржъ? сказалъ онъ, произнеся это имя такимъ тономъ, словно оно было также вымышленное:—вы говорите, умеръ? Кàкъ же самозванка узнала о существованіи документа на землю? Кто она?

— О, она... она вышла замужъ за Гэбріеля Конроя подъ

именемъ вдовы доктора Деваржа; извините, что̀ вы сказали? Пресвятая Богородица! что̀ съ вами? Вы больны? Сядьте, я сейчасъ позову Санчеса.

Онъ тяжело опустился въ кресло, но только на одну минуту, и, когда донна Долоресъ быстро направилась къ дверямъ, то онъ вскочилъ и удержалъ ее за руку.

— Мнѣ лучше, сказалъ онъ:—это ничего. Со мною часто бываютъ такіе припадки. Не обращайте на меня вниманія и не уходите, а только велите подать стаканъ воды. Благодарю васъ.

Онъ взялъ стаканъ, который ему подала донна Долоресъ, но не выпилъ воду, а, откинувъ голову, облилъ ее. Потомъ онъ вынулъ изъ кармана большой шелковый платокъ и обтеръ имъ волосы и лицо. Краска сошла съ его щекъ, волосы развились, ниспадая въ безпорядкѣ на его багровое лицо; онъ разстегнулъ галстухъ и сюртукъ, что̀ придало его фигурѣ еще болѣе комичный видъ. Но онъ совершенно оправился отъ смущенія и спокойно произнесъ:

— Это—приливъ крови. Я ожидалъ его съ утра. Теперь все прошло. Нѣтъ ничего лучше воды. Надѣюсь, что я не испортилъ вашего ковра. Но возвратимся къ дѣлу и посмотримъ еще разъ на документъ, прибавилъ онъ, пододвигая стулъ къ доннѣ Долоресъ и разсматривая бумагу въ маленькое увеличительное стекло, которое онъ носилъ всегда въ карманѣ:—подпись подлинная, печать и бумага правильны. У васъ все въ порядкѣ; документъ г-жи Деваржъ—фальшивый.

— Не думаю, отвѣчала также спокойно донна Долоресъ.

— Отчего?

— А если ея документъ точно такой же по бумагѣ, подписи и печати?

— Это ничего не доказываетъ, поспѣшно произнесъ Перкинсъ: — дѣло въ томъ, что, въ прежнее время, много валялось подобныхъ бланковъ, подписанныхъ губернаторомъ и нужно было только вписать содержаніе документа, чтобы придать ему дѣйствительную силу. Она... эта самозванка... эта г-жа Деваржъ достала подобный бланкъ, какъ многіе другіе со времени американскаго владычества, и вотъ какимъ образомъ явились на свѣтъ ея права̀ на землю. Но не безпокойтесь, она не предусмотрѣла всего. Я знаю почерки всѣхъ писцовъ и самъ былъ въ ихъ числѣ. Вызовите меня въ судъ, донна Долоресъ, и я докажу, что ея документъ—фальшивый, какъ уже сдѣлалъ это со многими другими.

— Вы забываете, отвѣчала холодно донна Долоресъ: — что я не желаю вести дѣло судебнымъ порядкомъ. Къ тому же, если

испанскіе документы такъ легко составляются, то отчего же и эта бумага не можетъ быть фальшивой? Вы говорите, что вамъ извѣстны почерки всѣхъ писцовъ—ктò же это писалъ?

Перкинсъ нетерпѣливо схватилъ документъ и, поспѣшно пробѣжавъ его, промодвилъ:

— Странно, это—почеркъ не мой, не Санчеса, не Руиса; это—совершенно новая рука. Э! да здѣсь есть и подчистка числа, другимъ почеркомъ. Подождите... я гдѣ-то видѣлъ этотъ почеркъ. Но гдѣ?

Онъ задумался, какъ бы стараясь чтò-то припомнить, и провелъ рукою по волосамъ.

— Но для чего было бы этому документу быть фальшивымъ? спросилъ онъ неожиданно.

— Предположите, что другой документъ подлинный и что эта женщина овладѣла имъ какимъ-нибудь преступнымъ образомъ. Вѣдь можно допустить, что кто-нибудь, узнавъ эту исторію, рѣшился фальшивымъ документомъ помѣшать успѣху ея преступнаго дѣла, не подвергая, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея тяжелой отвѣтственности.

— Но кто же это могъ сдѣлать?

— Можетъ быть, братъ... ея мужъ, можетъ быть, продолжала донна Долоресъ съ замѣтнымъ смущеніемъ, и снова краснѣя подъ своей бронзовой кожей: - кто-нибудь... не вѣрящій въ смерть или исчезновеніе настоящей Грэсъ Конрой.

— Можетъ быть, самъ чортъ! Извините, но люди не поддѣлываютъ документовъ въ интересахъ справедливости и человѣчества. А зачѣмъ же этотъ документъ переданъ вамъ?

— Я извѣстна всѣмъ за богатую и... кажется... мнѣ многіе говорили... за справедливую и честную женщину.

Послѣднія словà донна Долоресъ произнесла съ такимъ гордымъ достоинствомъ, что мистеръ Перкинсъ смутился и взглянулъ на нее съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

— Но если эта женщина, эта искательница приключеній, эта самозванка, произнесъ онъ съ неожиданной горечью:—такое существо, которое дѣлаетъ невозможнымъ подобное предположеніе? Если она въ состояніи отравить нетолько жизнь, но самую душу всякаго человѣка, тѣмъ болѣе мужа? если она—воплощенный дьяволъ, умѣющій вселить въ человѣка, обманываемаго ею, слѣпую увѣренность въ ея невинности? если ей невѣдома никакая слабость, никакая страсть, а всѣ ея дѣйствія, каждая улыбка, каждая слеза разсчитаны, эгоистичны, коварны—неужели вы думаете, что такая женщина, которую вы, слава Богу, не мо-

жете себѣ представить, не приняла бы мѣръ даже противъ такой случайности? Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

— Невозможно, если это—не месть, произнесла донна Долоресъ съ какой-то странной дрожью и неожиданно поблѣднѣвъ.

— Да̀! промолвилъ Перкинсъ, вскочивъ съ мѣста: — я былъ бы на это способенъ. Я сдѣлалъ бы это! Вы правы, донна Долоресъ. Но кто-то идетъ, прибавилъ онъ поспѣшно, застегивая галстухъ и сюртукъ:—предоставьте это дѣло мнѣ. Я его изслѣдую для вашего и моего спокойствія. Довѣрите вы мнѣ документъ?

Донна Долоресъ, молча, подала ему бумагу.

— Благодарствуйте, сказалъ онъ съ прежнимъ смущеніемъ, словно его застѣнчивость происходила отъ застегнутаго сюртука и отъ туго завязаннаго галстуха, а не отъ нравственныхъ или физическихъ причинъ:—но не думайте, чтобъ я дѣйствовалъ вполнѣ безпристрастно, чтобы я не имѣлъ въ этомъ дѣлѣ своего интереса, прибавилъ онъ съ странной улыбкой:—adios.

Она хотѣла спросить его что̀-то, но на дворѣ раздались голоса и конскій топотъ; мистеръ Перкинсъ поспѣшно поклонился и вышелъ изъ комнаты. Почти въ ту же минуту въ дверяхъ показалась кокетливая, улыбающаяся мистрисъ Сепульвида.

— Ну, сказала она, съ трудомъ переводя дыханіе: — для набожной затворницы у васъ бываетъ слишкомъ много мужчинъ. На дворѣ подъ вашими окнами ходятъ двое молодыхъ людей, а вы сидите, запершись, съ старымъ селадономъ. Кто это? новый адвокатъ? Ужь это слишкомъ! У меня, по крайней мѣрѣ, только одинъ.

— И его достаточно? съ улыбкой спросила донна Долоресъ, дотрогиваясь вѣеромъ до покраснѣвшей щечки мистрисъ Сепульвиды.

— Конечно, отвѣчала кокетка: — я скакала во всю прыть, чтобъ привезти вамъ важную новость. Но прежде всего скажите мнѣ, кто этотъ смѣлый, дерзкій молодецъ во дворѣ? Онъ не можетъ быть писцомъ адвоката.

— Я не понимаю, о комъ вы говорите; но, вѣроятно, это—писецъ, отвѣтала донна Долоресъ съ нетерпѣніемъ:—скажите лучше вашу новость, я вся вниманіе.

Однако, мистрисъ Сепульвида подбѣжала къ окну и, выглянувъ во дворъ, воскликнула.

— Нѣтъ, это—не писецъ; адвокатъ уѣхалъ въ кабріолетѣ, а молодецъ все стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Долоресъ! Долоресъ! Не хорошо такъ себя вести, прибавила она, устремляя на подругу шуточно-торжественный взглядъ:—Кто̀ это?

Съ ужасомъ предчувствуя встрѣтить взглядъ Виктора, донна Долоресъ взглянула во дворъ съ той стороны окна, откуда ее нельзя было видѣть. Она тотчасъ успокоилась: это не былъ Викторъ. Тогда она смѣло отдернула занавѣску и встрѣтилась взорами съ мистеромъ Джакомъ Гамлиномъ. Въ ту же минуту она снова задернула занавѣсъ и спокойно сказала:

— Не знаю.

— Правда, Долоресъ?

— Правда, Марія.

— Я вамъ вѣрю. Онъ, вѣроятно, здѣсь для меня.

Донна Долоресъ улыбнулась и весело потрепала щечку своей веселой подруги.

— Ну? спросила она.

— Что̀? отвѣчала мистрисъ Сепульвида съ странной смѣсью смущенія и удовольствія.

— А новость?

— Да все кончено.

— Кончено? спросила донна Долоресъ, серьёзно взглянувъ на подругу.

— Да̀, онъ былъ опять.

— И сдѣлалъ предложеніе? произнесла донна Долоресъ, открывая вѣеръ и отворачиваясь къ окну.

— Онъ просилъ моей руки.

— И вы отвѣчали...

— Я...

Мистрисъ Сепульвида весело подошла къ окну и взглянула во дворъ.

— Что̀?

— Нѣтъ.

XXIX.

Гэбріель признаетъ приличія.

Послѣ посѣщенія мистера Питера Думфи, Одноконный Станъ готовъ былъ встрѣтить безъ удивленія всякую вѣсть о новомъ благополучіи. Чего нельзя было ожидать послѣ пріѣзда великаго капиталиста и счастливаго спекулятора! Поэтому, никого не изумилъ вскорѣ распространившійся слухъ объ основаніи новой компаніи для эксплуатаціи богатой серебранной руды, открытой на Конроевой Горѣ. Это открытіе объяснялось обитателями Одноконнаго Стана двояко. Одни полагали, что это—просто была гран-

діозная спекуляція Думфи, что онъ сочинилъ серебрянную руду лишь какъ предлогъ для ловкой наживы основаніемъ новаго города и для этой цѣли, пять лѣтъ тому назадъ, онъ выбралъ своимъ орудіемъ Гэбріеля Конроя, которому и платилъ по 1,000 ф. ст. въ годъ; что̀ же касается до 2.500,000 Конроя, то это былъ такой же пуфъ, какъ и все предпріятіе, а потому всякій долженъ былъ воспользоваться неожиданнымъ возвышеніемъ цѣнъ на землю, пока этотъ мыльный пузырь не лопнетъ. Но другая половина Одноконнаго Стана, обладавшая бо̀льшимъ воображеніемъ, держалась совершенно иного взгляда. По этой теоріи, все дѣло было основано на неожиданной случайности, именно: мистеръ Потеръ Думфри прибылъ въ Одноконный Станъ по совершенно другому дѣлу, пошелъ гулять съ Гэбріелемъ Конроемъ и, поднявъ странный камень на землѣ Гэбріеля, сказалъ: «это походитъ на серебро»; Гэбріель, въ отвѣтъ, разсмѣялся, а Думфи, своимъ рѣзкимъ, дѣловымъ тономъ, предложилъ ему тотчасъ 17.000,000 за его право собственности, на что̀ конечно глупый Гэбріель и согласился, хотя его земля стоитъ не менѣе 150.000,000.

Ка̀къ бы то ни было, черезъ нѣсколько недѣль послѣ посѣщенія Одноконнаго Стана Питеромъ Думфи, вся окрестная почва, какъ бы пригрѣтая солнцемъ, дала неожиданную жатву, и всюду стали появляться новые всевозможнаго рода дома и постройки. На обнаженномъ скатѣ Конроевой Горы былъ основанъ громадный конроевъ плавильный заводъ, а скромная гостинница мистрисъ Маркль, какъ совершенно недостаточная для новыхъ требованій Одноконнаго Стана, была замѣнена великолѣпнымъ отелемъ. Но еще прежде всего этого появился мѣстный «Times», въ которомъ о послѣднемъ событіи говорилось съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ:

«Большой Конроевъ Отель, быстро возвышающійся въ нашемъ городѣ, будетъ находиться подъ управленіемъ мистрисъ Сюза̀нъ Маркль, рѣдкія способности которой, какъ «chef de cuisine», также хорошо извѣстны всему Одноконному Стану, какъ и ея общественные таланты и личныя прелести. Ея помощницей остается прежняя ея правая рука, миссъ Сара Кларкъ, лучше которой во всей Калифорніи никто не умѣетъ готовить соусы».

При подобныхъ многочисленныхъ доказательствахъ быстраго развитія Одноконнаго Стана, самое его названіе перестало быть соотвѣтственнымъ, и было предложено назвать новый городъ Сильверополисомъ, такъ какъ, по выраженію туземцевъ, въ ихъ станѣ завелось уже болѣе одного коня.

Между тѣмъ, Гэбріель занялъ номинальное и отвѣтственное

положеніе управляющаго плавильнымъ заводомъ, хотя, въ сущности, всѣмъ дѣломъ завѣдывалъ ловкій, энергичный молодой человѣкъ, присланный для этой цѣли компаніей. Это распоряженіе было сдѣлано по желанію Гэбріеля, который не довѣрялъ своимъ административнымъ способностямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлъ оставаться празднымъ, а компанія, вполнѣ соглашаясь съ неспособностью Гэбріеля завѣдывать такимъ крупнымъ дѣломъ, признавала его громадное вліяніе на рабочихъ, между которыми онъ пользовался особой популярностью, благодаря его демократическимъ привычкамъ и постоянной готовности помочь каждому своей геркулесовской силой. Дѣйствительно, Гэбріель сдѣлался всеобщимъ любимцемъ, когда оказалось, что богатство нисколько не измѣнило его простой натуры, и каждый работникъ съ гордостью показывалъ чужестранцамъ этого добродушнаго, могучаго гиганта, трудившагося въ потѣ лица, какъ всѣ его товарищи, несмотря на то, что половина руды, на сумму 17.000,000, принадлежала ему. Всегда застѣнчивый и любившій уединеніе, онъ естественно чувствовалъ гнётъ богатства и искалъ утѣшенія въ обществѣ своихъ прежнихъ, старинныхъ товарищей; а странный, повидимому, фактъ, что онъ избѣгалъ разговоровъ о своемъ богатствѣ, какъ будто подтверждалъ мнѣніе тѣхъ, которые считали его только орудіемъ ловкой спекуляціи Думфи.

Хотя Гэбріелю приписывали самую незначительную часть неожиданнаго благоденствія Одноконнаго Стана, было характеристично, что никто не подозрѣвалъ, какое участіе въ этомъ дѣлѣ принимала его жена. Давно уже всѣ признавали ея превосходство надъ Гэбріелемъ относительно физической красоты и общественныхъ талантовъ. Но никто не сомнѣвался, что, пригрѣтая блестящими лучами мильйоннаго богатства, эта красивая бабочка станетъ порхать съ цвѣтка на цвѣтокъ и, наконецъ, покинувъ мужа, улетитъ въ болѣе благорастворенный климатъ. «Она протретъ глаза мильйонамъ и дастъ тягу», говорило большинство туземцевъ, смотрѣвшихъ съ презрѣніемъ на равнодушіе Гэбріеля къ сомнительной репутаціи жены.

Однако, несмотря на всѣ предсказанія, мистрисъ Конрой не выказывала никакого намѣренія покинуть мужа. Новый домъ, выстроенный съ необыкновенной быстротою, возникъ между соснами на Конроевой Горѣ; изящный вкусъ мистрисъ Конрой украсилъ его тюлевыми занавѣсками и красивыми коврами, а братская любовь Гэбріеля побудила его завести для Олли рояль, на которомъ она брала уроки у хорошой учительницы. Въ этотъ домъ стекались знатнѣйшіе граждане окрестной страны, и даже власти штата. Чувствуя, что мистеръ Думфи сдѣлалъ Одноков-

ный Станъ мѣстомъ, достойнымъ уваженія, всѣ вскорѣ нашли, что мистрисъ Конрой была очень привлекательна. Представитель Одноконнаго Стана въ конгрессѣ, мистеръ Бланкъ, обѣдалъ въ домѣ Конроя въ послѣднее посѣщеніе своихъ избирателей; судья Бесвинджеръ разсказывалъ тутъ лучшіе изъ своихъ анекдотовъ, а полковникъ Старботль не разъ удостоивалъ своимъ присутствіемъ обѣды мистрисъ Конрой, которая производила на него большое впечатлѣніе своими прелестями. Самъ Гэбріель рѣдко бывалъ дома, и то лишь въ часы сна или ѣды. Если же въ другое время его и заманивала домой Олли, то онъ сиживалъ на заднемъ крыльцѣ, безъ сюртука и съ трубкой въ зубахъ.

— Не обращай на меня вниманія, Джули, говаривалъ онъ, когда жена звала его въ комнаты, увѣряя, что любитъ запахъ табаку:—оставь меня, я люблю здѣсь сидѣть. Мнѣ гораздо свободнѣе на чистомъ воздухѣ. Къ тому же, запахъ табаку пропитаетъ красивыя занавѣси, и это можетъ не понравится подругамъ Олли и ея учительницѣ. Наконецъ, я слыхалъ, что табачный дымъ можетъ застрѣть среди струнъ и испортить музыку. Фортепьяно—хитрая штука. Говорятъ, что оно такъ же деликатно и хрупко, какъ ребенокъ. Посмотрите только, ка̀къ струны переплетены въ немъ; неудивительно, что онѣ часто приходятъ въ безпорядокъ.

Гэбріель никогда не наблюдалъ очень зорко за манерами своей жены, а то онъ непремѣнно замѣтилъ бы, что, кромѣ фортепьяно, были и другіе инструменты, чрезвычайно чуткіе ко всякому диссонансу. Когда же онъ смутно сознавалъ, что, мистрисъ Конрой была не въ духѣ, Гэбріель винилъ въ этомъ себя и удалялся изъ дома. Его любимымъ убѣжищемъ была прежняя хижина, быстро пришедшая въ упадокъ, но съ которой онъ ни за что̀ не хотѣлъ разстаться. Онъ любилъ сидѣть въ уединеніи у покинутаго, заглохшаго ея очага и курить трубку.

Около этого времени, онъ пришелъ къ убѣжденію, что постоянно увеличивавшееся различіе между ихъ чувствами и вкусами дѣлало необходимымъ его разлуку съ Олли. Онъ уже нѣсколько разъ говорилъ ей объ этомъ съ обычной откровенностью и въ учтивыхъ выраженіяхъ объяснилъ, однажды, музыкальной учительницѣ, просившей его выслушать игру Олли на фортепьяно, что онъ этого дѣла не понимаетъ и что, вообще, дѣвочка должна жить, не обращая вниманія на его мнѣнія, еслибъ они и имѣли какую-либо цѣну. Въ другой разъ, встрѣтивъ Олли съ нѣсколькими болѣе взрослыми подругами, которыхъ она пригласила изъ Сакраменто, онъ поспѣшно свернулъ въ сторону,

какъ бы стыдясь своей громадной фигуры и всегдашней милости.

Съ другой стороны, ея новое положеніе побуждало Олли нестолько думать о братѣ, какъ прежде, и не навязывать ему упорно своей дружбы. Она знала, что, благодаря богатству, онъ достигъ среди товарищей извѣстнаго значенія, и это удовлетворяло ея самолюбію. Что же касается лично до ея брата, то ее начинали сердить его грубыя манеры, простота и старомодныя привычки, прежде только возбуждавшія въ ней нѣжное сожалѣніе. Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ они все болѣе и болѣе отдалялись другъ отъ друга. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, мистрисъ Конрой была пріятно удивлена извѣстіемъ, что Гэбріель рѣшился отправить Олли въ школу въ Сакраменто, а самъ съ женою совершить давно обѣщанное путешествіе въ Европу.

Конечно, для простой, добродушной натуры Гэбріеля было невозможно совершенно скрыть свои планы, и Олли очень хорошо ихъ знала, такъ что заранѣе приготовилась къ официальному объявленію о перемѣнѣ въ ея жизни. Это долго ожидаемое объясненіе, наконецъ, произошло во время прогулки Гэбріеля съ Олли по окрестнымъ лѣсамъ. Остановившись передъ своей старой, покинутой хижиной, онъ замѣтилъ, что Олли презрительно пожимала плечами, осматриваясь по сторонамъ.

— Это—не очень красивое мѣстечко, Олли, сказалъ онъ, потирая руки:—но мы съ тобою были здѣсь счастливы. Помнишь, какъ я возвращался по вечерамъ съ работы и чинилъ твое платье, пока ты спала?

Гэбріель громко разсмѣялся, и Олли также вторила ему, но не такъ искренно. Она невольно взглянула на себя, и Гэбріель также устремилъ на нее свои взоры. Не легко было узнать въ ней того шаловливаго, отчаяннаго ребенка, который еще такъ недавно сидѣлъ у его ногъ въ этой самой хижинѣ. Она нетолько была лучше одѣта и ея волосы изящнѣе причесаны, но она стала гораздо болѣе развитой, граціозной и приличной. Смотря на нее, онъ также долженъ былъ сознаться, что совершенно разсѣялась его надежда увидѣть въ ней современемъ живой портретъ Грэсъ. Но, по замѣчательному безпристрастію его натуры, онъ приписывалъ свое разочарованіе не ей одной, а скорѣе какому-то тайному, невѣдомому закону человѣческой природы. Онъ даже спрашивалъ мнѣнія по этому вопросу у глубокомысленнаго Джонсона, который отвѣчалъ, не задумавшись:

— Въ этомъ заключается разница между людьми и животными. Щенокъ всегда остается щенкомъ, даже сдѣлавшись соба-

кой, а съ ребенкомъ дѣло совершенно иное: у щенка только инстинктъ, а у ребенка разумъ.

Видъ стараго жилища возбудилъ въ Олли совершенно другое воспоминаніе, и она поспѣшно сказала:

— Помнишь, Гэбъ, ту ночь, когда сестра Джули впервые пришла къ намъ и остановилась въ этихъ дверяхъ? Господи! какъ мы были удивлены! и еслибъ кто-нибудь сказалъ мнѣ тогда, что она выйдетъ за тебя замужъ, то я ударила бы его изо всей силы.

Гэбріель, повидимому, не очень былъ тронутъ воспоминаніемъ Олли, и только обратилъ вниманіе на приличія, такъ рѣзко ею нарушенныя.

— Тебѣ не слѣдуетъ говорить, Олли, о томъ, что ты когонибудь побьешь, произнесъ онъ: — это неприлично для молодой дѣвушки. По мнѣ это—все равно, но не хорошо, если ты будешь говорить такія вещи при своихъ хорошенькихъ подругахъ или при твоей учительницѣ. Сядемъ, Олли. Мнѣ надо тебѣ коечто сказать.

Онъ взялъ ее за руку и посадилъ рядомъ съ собою на ступеньку передъ дверью стариннаго, заброшеннаго жилища.

— Ты вѣрно помнишь, началъ онъ, не выпуская ея руки и выбивая ею тактъ по своимъ колѣнамъ:—что я всегда намѣревался, въ случаѣ неожиданнаго обогащенія, дать тебѣ хорошее воспитаніе и отыскать Грэсъ, если она еще въ живыхъ. Много было способовъ въ этомъ убѣдиться, но всѣ они не по мнѣ. Я всегда полагалъ, что, если Грэсъ невдалекѣ, то явится на мой зовъ. Конечно, я могъ бы прибѣгнуть къ помощи другихъ людей, опытныхъ въ подобныхъ дѣлахъ, но я этого не хотѣлъ. А почему?

Олли нетерпѣливо покачала головою, какъ бы говоря, что она не понимаетъ руководившей его причины.

— Потому что она была очень застѣнчива и всегда боялась чужихъ. Ты этого не помнишь Олли, ты тогда была слишкомъ мала. Къ тому же, ты всегда отличалась смѣлостью и готова была вступить въ разговоръ съ кѣмъ бы то ни было, такъ что ты не можешь понять застѣнчивости Грэсъ. Были еще причины, объяснявшія эту застѣнчивость, но тебѣ онѣ, Олли, непонятны.

— Ты хочешь сказать, Гэбъ, замѣтила Олли съ своей безстыдной прямотой:—что она была застѣнчива, потому что убѣжала съ любовникомъ.

Гэбріель былъ поставленъ въ тупикъ этими словами слишкомъ прозорливаго ребенка и не зналъ, что сказать.

— Ну, что же ты сдѣлалъ, Гэбъ? Продолжай! воскликнула Олли съ нетерпѣніемъ.

— Такъ какъ были причины, побуждавшія Грэсъ къ застѣнчивости, именно причины, касавшіяся наслѣдства покойныхъ родителей, произнесъ Гэбріель, какъ бы не замѣчая словъ Олли:—то я полагалъ, что мнѣ надо сказать первое слово. Я зналъ, что она не въ Калифорніи, ибо иначе она отвѣчала бы на тѣ объявленія объ ея розыскѣ, которыя я всюду разослалъ, пять лѣтъ тому назадъ. Что я сдѣлалъ? Въ Нью-Йоркѣ печатается газета, подъ названіемъ «Herald» и въ ней отведено особое мѣсто для корреспонденціи между родителями и дѣтьми, мужьями и женами, братьями и сестрами, которые далеко другъ отъ друга.

— Да, я знаю, такъ всегда переписываются любовники, перебила его Олли.

Гэбріель посмотрѣлъ на нее съ безмолвнымъ ужасомъ.

— Да, продолжала Олли:—я все это знаю. Это называется— частныя объявленія. Молодыя дѣвушки такимъ образомъ достаютъ себѣ любовниковъ.

Гэбріель съ отчаяніемъ взглянулъ на небо, но оно не обрушилось на этого ужаснаго ребенка. Но стоило ли ему продолжать? Не знала ли бѣдовая дѣвочка лучше его все, что онъ могъ бы ей сказать.

— Я напечаталъ вотъ это объявленіе, произнесъ онъ, наконецъ, какъ будто Олли его не перебивала, и, вынувъ изъ кармана жилетки лоскутокъ старой, измятой газеты, прочелъ слѣдующее, съ тѣмъ особымъ самодовольствіемъ, которое двуногое животное всегда выражаетъ при чтеніи своего собственнаго сочиненія.

«Если Г. К. напишетъ своимъ друзьямъ, которые о ней безпокоятся, то она окажетъ большую милость старому Гэбу. Я пріѣду къ ней, и Олли съ радостью встрѣтитъ ее. Если Г. К. больна или не хочетъ сама пріѣхать, то пусть напишетъ къ Г. К. Г. К.—все тотъ же и Олли—также. Они здоровы. Адресуйте до новаго объявленія къ Г. К. Одноконный Станъ, Калифорнія».

— Прочти еще разъ, сказала Олли.

Гэбріель охотно исполнилъ ея желаніе.

— Тутъ какая-то путаница съ этими Г. К., замѣтила практическая дѣвочка.

— Тоже самое сказала мнѣ и Джули, когда я прочелъ ей объявленіе, отвѣчалъ Гэбріель: — но какъ ей, такъ и тебѣ я скажу, что Грэсъ не можетъ спутаться. Она знаетъ, что наши имена начинаются одинаковыми буквами. А если чужимъ будетъ

непонятно, то тѣмъ лучше. Такъ именно и надо писать частныя объявленія. Какъ бы то ни было, Олли, объявленіе вполнѣ соотвѣтствовало своей цѣли, прибавилъ онъ конфиденціально, понижая голосъ:—я получилъ отвѣтъ.

— Отъ Грэсъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гэбріель съ нѣкоторымъ смущеніемъ: – не именно отъ Грэсъ... но вотъ прочти.

Онъ вынулъ изъ-за пазухи маленькій кожаный кошелекъ, въ которомъ рудокопы носили лишнее золото, и вынулъ второй лоскутокъ газеты.

Олли быстро схватила бумажку и прочитала слѣдующее:

«Г. К.—не думайте болѣе о той, которая никогда не возворотится. Думайте о домашнихъ. Будьте счастливы.—Ф. А.»

— Вотъ и все? спросила она, возвышая голосъ, и румянецъ негодованія выступилъ на ея щекахъ.

— Да, отвѣчалъ Гэбріель: — коротко и застѣнчиво: такъ и походитъ на Грэсъ.

— По моему, это просто подло! воскликнула Олли, ударяя кулакомъ по своимъ колѣнямъ:—и я прямо это сказала бы Ф. А., то есть Филиппу Ашлею, еслибъ когда-нибудь его встрѣтила.

Странный взглядъ, совершенно непохожій на обыкновенное, спокойное выраженіе его лица, засвѣтился въ глазахъ Гэбріеля, и онъ тихо произнесъ:

— Я для этого и ѣду.

— Ѣдешь? повторила Олли.

— Да, въ Штаты, въ Нью-Йоркъ, отвѣчалъ онъ:—я ѣду вмѣстѣ съ Джули. Она—ловкая, смѣтливая и энергичная женщина, Олли; по ея словамъ, такой человѣкъ, какъ Филиппъ Ашлей, долженъ непремѣнно жить въ Нью-Йоркѣ. Вотъ о чемъ я и хотѣлъ поговорить съ тобою. Насъ могутъ разлучить только двѣ вещи: мой долгъ въ отношеніи Грэсъ и въ отношеніи тебя. Конечно, тебѣ нельзя кататься со мною по свѣту, вмѣсто того, чтобъ оканчивать свое воспитаніе. Поэтому, ты поступишь въ первоклассную школу въ Сакраменто и останешься тамъ до моего возвращенія. Ты меня слушаешь, голубушка?

— Да, отвѣчала Олли, пристально смотря на брата.

— Ты не должна горевать обо мнѣ и забудь какъ можно скорѣе объ Одноконномъ Станѣ съ его жителями. Ты будешь настоящая лэди, и я не хочу, чтобы нашлись какія-нибудь къ тому преграды. Я хочу всѣмъ сказать, Олли: не судите о нашемъ семействѣ по моей фигурѣ; мы, мужчины, вообще идемъ въ ростъ и несильны тутъ, прибавилъ онъ, указывая на голову:—но у меня есть сестра въ школѣ, которая знаетъ астроно-

мію, грамматику, ариѳметику и прочее—вотъ съ ней поговорите. Она поспоритъ съ вами о любомъ предметѣ, и Грэсъ была бы точно такая же, еслибъ получила воспитаніе въ школѣ.

— Но какая польза отыскивать Грэсъ, если она не хочетъ возвратиться къ тебѣ? спросила Олли рѣзко.

— Нельзя буквально понимать частныя объявленія въ газетахъ. Они походятъ иногда на загадки. Сказано, что Г. К. никогда не возвратится; а если Г. К. перемѣнила свое имя? Понимаешь?

— Ты намекаешь на ея свадьбу? воскликнула Олли, хлопая въ ладоши.

— Да, отвѣчалъ Гэбріель, слегка покраснѣвъ.

— А почему ты знаешь, что въ объявленіи говорится именно о Грэсъ?

Гэбріель въ смущеніи не зналъ, что̀ сказать, но черезъ минуту промолвилъ:

— Джули говоритъ, что это, навѣрно—отвѣтъ о Грэсъ.

Олли, казалось, не сочла этого доказательства достаточнымъ.

— А что̀ значитъ «думайте о домашнихъ?» спросила она.

— Это значитъ, отвѣчалъ Гэбріель поспѣшно: — думай о маленькой Олли. И это очень походитъ на Грэсъ, которая всегда заботилась о другихъ.

— Ну, сказала Олли:—я пойду въ школу, а ты можешь уѣхать. Но что̀ ты будешь дѣлать безъ меня?

Гэбріель ничего не отвѣчалъ. Заходящее солнце свѣтило ему прямо въ глаза, и онъ какъ бы старался заслонить отъ себя блестящіе лучи волосами Олли, для чего взялъ ея голову обѣими руками.

— Хочешь знать, почему я такъ люблю нашу старую хижину, Олли? спросилъ онъ неожиданно.

— Да.

— Не потому, что мы съ тобою провели тамъ много счастливыхъ дней—намъ объ этомъ слѣдуетъ совершенно забыть; а по той простой причинѣ, что я на этомъ мѣстѣ впервые ударилъ молотомъ о каменную глыбу. Многіе увѣряютъ, что я здѣсь нашелъ серебрянную руду, но это неправда. Я часто думаю, Олли, что былъ счастливѣе до этого открытія. Но пойдемъ, Олли; Джули будетъ безпокоиться о тебѣ, и вонъ идетъ какой-то иностранецъ. Такой красавицѣ, какъ ты, не подобаетъ гулять со мною; впрочемъ, онъ не можетъ знать, что я—тебѣ родственникъ.

Несмотря на поспѣшность Гэбріеля, незнакомецъ прямо направился къ нему и спросилъ очень учтиво:

— Можете вы мнѣ указать Большой Конроевъ Отель?

Во всякое время, онъ произвелъ бы непріятное впечатлѣніе на Гэбріеля, а тѣмъ болѣе въ эту минуту. Онъ былъ одѣтъ изысканно, хотя по старой модѣ; на немъ былъ сюртукъ, застегнутый до верху, высокіе сапоги, плоенная рубашка и черная шляпа, носимая въ Одноконномъ Станѣ исключительно пасторами и игроками.

— Идите все по этой тропинкѣ и вы очутитесь въ Главной Улицѣ, гдѣ стоитъ отель, сказалъ Гэбріель добродушно и, потомъ прибавилъ съ необыкновенной хитростью, незамѣтно сжимая руку Олли: — я пошелъ бы съ вами, но занятъ: семейство этой молодой особы поручило мнѣ провожать ее домой и подымаетъ ужасный шумъ, когда я опаздываю. Не такъ ли, миссъ?

Но прежде, чѣмъ Олли оправилась отъ изумленія, онъ уже увлекъ ее въ сторону съ тропинки въ чащу вѣчно зеленыхъ сосенъ, покрывавшихъ Конроеву Гору.

XXX.

Неожиданные посѣтители большого Конроева Отеля.

Большой Конроевъ Отель былъ новое, и, сравнительно говоря, чистое, опрятное заведеніе. Его залы и корридоры еще не пропитались запахомъ вчерашнихъ обѣдовъ и давно забытыхъ завтраковъ. Отъ только-что выбѣленныхъ потолковъ и оклеенныхъ обоями стѣнъ не пахло многочисленными посѣтителями, которые всегда оставляютъ послѣ себя въ трактирахъ какой-то странный слѣдъ въ воздухѣ. Вообще, этотъ отель отличался дѣвственнымъ видомъ, и даже административная дѣятельность мистрисъ Маркль и Солли была скрыта отъ публики, которая имѣла прямо дѣло только съ буфетчикомъ и ирландскимъ слугою. Одни прежніе *habitués* видали этихъ энергичныхъ особъ въ ихъ ежедневной жизни. Общая зала сіяла золоченными зеркалами и такой же мёбелью, крытой плисомъ; но за нею, въ маленькой гостинной, помѣщалась прекрасная вдова съ своимъ адъютантомъ Солли, и въ это скромное святилище допускались иногда излюбленные посѣтители. Къ ихъ числу принадлежалъ стряпчій Максвель. Онъ былъ вдовецъ и питалъ циническое презрѣніе къ женскому полу, который тѣмъ болѣе имъ интересовался, къ его вящшей опасности.

Мистрисъ Маркль, конечно, знала, что мистрисъ Конрой была іенткой Максвеля и что, во время поѣздки къ Нилу, она под-

[illegible] отъ котораго ее спасъ Гэбріель. Но мистрисъ Маркль не могла удостовѣриться, были ли они прежде знакомы, и Миксвель объяснилъ ей, что, насколько ему было извѣстно, они до несчастнаго случая другъ друга не знали. Настолько онъ могъ сказать, не нарушая тайны своей кліентки, но больше этого мистрисъ Маркль ничего отъ него не добилась. Однажды упомянувъ, что г-жа Деваржъ просила его совѣта на счетъ принадлежавшей ей земли, онъ какъ-то случайно назвалъ ее именемъ Грэсъ Конрой. Мистрисъ Маркль тотчасъ это замѣтила и накинулась на него.

— То есть, я хотѣлъ сказать мистрисъ Конрой, поспѣшно поправился онъ.

— Грэсъ... Вы, кажется, знали его погибшую сестру?

— Да, отвѣчалъ Миксвель:—онъ часто говорилъ съ [illegible]

[illegible]

чего не понимаете. Но что̀ вы хотите сказать? Что̀ вы знаете о немъ?

— Ничего! Только справедливость требуетъ признать, что противъ нея также мало доказательствъ, какъ и противъ него. Но, съ другой стороны, этотъ простой, невѣжественный человѣкъ...

— Онъ—не невѣжа! перебила его мистрисъ Маркль.

— Ну, хорошо, этотъ взрослый ребенокъ находитъ самую крупную руду въ Одноконномъ Станѣ, отыскиваетъ основательнаго финансиста въ Калифорніи для завѣдыванія этимъ дѣломъ и, наконецъ, женится на красивой, богатой женщинѣ. Можетъ быть, все это онъ сдѣлалъ по простотѣ, но, признаюсь, несмотря на долгую опытность, я никогда не видывалъ такой счастливой простоты.

— Все это не принесетъ ему никакой пользы, повѣрьте мнѣ, замѣтила мистрисъ Маркль, торжественно заканчивая разговоръ.

По всей вѣроятности, отвращеніе мистрисъ Маркль къ женѣ Гэбріеля поддерживалось болѣе энергичной ненавистью Солли и постояннымъ ея шпіонствомъ за всѣмъ, что̀ дѣлалось у Конроевъ. Одинокая жизнь Гэбріеля, его любимое препровожденіе времени въ покинутомъ жилищѣ, на горномъ скатѣ, число и качество посѣтителей мистрисъ Конрой, даже отрывки семейныхъ разговоровъ—все было извѣстно Солли, а чрезъ нея и мистрисъ Маркль, конечно, съ должными прибавками и прикрасами. Можетъ быть, бо̀льшая часть сплетень о мистрисъ Конрой имѣла своимъ источникомъ мнѣнія и наблюденія Солли, которая бесѣдовала откровенно, но съ одной только своей госпожей. Такимъ образомъ, когда, однажды, какой то-путешественникъ, остановившійся въ Большомъ Конроевомъ Отелѣ, сталъ за завтракомъ, для развлеченія, разспрашивать Солли о Конрояхъ, то она разсказала все, что о нихъ знала.

Правда, говорятъ, что манеры и красота незнакомца подѣйствовали чарующимъ образомъ на строгую дѣвственницу и развязали ей языкъ, но, въ дѣйствительности, не было никакихъ фактовъ, подтверждающихъ это мнѣніе, кромѣ развѣ того, что она лично ему служила и съ особой любезностью предлагала ему различныя кушанья. Конечно, этотъ незнакомецъ не былъ обыкновеннымъ посѣтителемъ отеля, и въ нѣкоторой степени оправдывалъ оказываемое ему предпочтеніе. Онъ былъ молодъ, съ бѣлыми зубами, тонкими, загорѣлыми руками, смуглымъ цвѣтомъ лица и тропической энергіей, выражавшейся въ его глазахъ и движеніяхъ; все это придавало ему, по словамъ миссъ Сары Кларкъ, итальянской видъ.

— Я не хочу ни пышекъ, ни яблочныхъ пирожковъ, сказалъ

Викторъ, котораго, конечно, давно узнали мои смышленные читатели:—мнѣ достаточно кофе, подслащеннаго вашими прелестными взглядами и поданнаго вашими хорошенькими ручками, которыя я почтительно цѣлую.—Вы думаете, что мистрисъ Конрой не очень счастлива съ своимъ мужемъ? Кàкъ вы умны и проницательны, миссъ Кларкъ! я не желалъ бы подвергнуться вашей критикѣ.

— Слава Богу, не даромъ мнѣ даны глаза, и грѣшно зарывать въ землю свой талантъ, сказала Солли съ нѣкоторымъ смущеніемъ и роняя съ тарелки печеное яйцо на сюртукъ близь сидѣвшаго судьи Бисвинджера:—я не могу назвать счастливой женщину, которая кричитъ своему господину и повелителю: «это—мой домъ, это—моя земля». Еслибъ я этого не слыхала своими собственными ушами, то никогда не повѣрила бы. Она еще называетъ себя барыней, а не умѣетъ быть учтивой съ женщинами, которыя гораздо лучше ея и могли бы всегда выйти замужъ, еслибы захотѣли. Но люди бываютъ различные, и хвастаться стыдно. Позвольте мнѣ рекомендовать вамъ эти бобы съ ветчиной. Мы сами откармливаемъ свиней; это—наша спеціальность.

— Нѣтъ, благодарю васъ, миссъ Кларкъ; я уже сытъ одними вашими любезностями, отвѣчалъ Викторъ:—очень грустную исторію вы мнѣ разсказываете. Право, жаль его, несмотря на его богатство! Таковъ ужь свѣтъ! А кто это здѣсь сидитъ?

Послѣднія слова онъ произнесъ очень тихо и указалъ на пожилаго франта, котораго наканунѣ Гэбріель встрѣтилъ на Конроевой Горѣ. Онъ незамѣтно сидѣлъ за боковымъ столомъ, и теперь, вставъ, вышелъ изъ комнаты. Викторъ тотчасъ узналъ въ немъ игрока въ Сан-Антоніо и переводчика улицы Тихаго Океана; тревожное подозрѣніе проснулось въ его душѣ; но онъ вскорѣ успокоился словами Солли, что это былъ свидѣтель, вызванный мѣстнымъ судомъ, и тѣмъ фактомъ, что онъ его не призналъ.

— Чтò касается до богатства Конроя, продолжала Солли, когда незнакомецъ удалился:—то здѣсь на прошедшей недѣлѣ были славные, богатые господа и говорили, что серебрянная руда въ Конроевой Горѣ, по изслѣдованіи, оказалась не глубже фута, такъ что черезъ мѣсяцъ истощится. Питеръ Думфи это знаетъ и продалъ всѣ свои акціи, а Гэбріель Конрой нарочно уѣзжаетъ, чтобъ не присутствовать при томъ, каàъ лопнетъ все дѣло.

— Гэбріель уѣзжаетъ—не можетъ быть! воскликнулъ очарова-

тельный гость, обращая къ Солли блестящій рядъ бѣлыхъ зубовъ.

Во всякое другое время, Солли замѣтила бы неожиданное смущеніе незнакомца; но его зубы такъ сильно подѣйствовали на нее, что она сама пришла въ смущеніе и поставила передъ нимъ нѣсколько пустыхъ блюдъ, а впослѣдствіи она, по секрету, сообщила мистрисъ Маркль, что никогда не видывала такой ангельской улыбки, какъ у этого итальянца.

— Благодарю васъ за любезное замѣчаніе, что я солгала, продолжала она съ притворнымъ неудовольствіемъ.—Я этого и стою: всегда болтаю безъ толку. Но Олимпія Конрой уѣзжаетъ въ школу на полгода, а на мѣсто Гэбріеля уже явился новый распорядитель. Онъ сидѣлъ рядомъ съ вами, въ сѣромъ пальто. Что это вы собираетесь? Не хотите ли еще чего-нибудь? Яблочнаго или клубничнаго пирога? Я все боюсь, что вы голодны.

Несмотря на всѣ любезности Солли, Викторъ поспѣшно всталъ и вышелъ изъ комнаты.

— Не обидѣлся ли онъ моимъ грубымъ словомъ, подумала она:—бѣдный молодой человѣкъ! Онъ—чужестранецъ и не привыкъ къ такому вольному обращенію.

Рѣшившись доказать незнакомцу свое раскаяніе и расположеніе къ нему лишнимъ блюдомъ на другой день за завтракомъ, Солли удалилась въ кухню. Вскорѣ послѣ этого, она принялась мести полъ въ сѣняхъ, близь комнаты Виктора, но, къ ея величайшему разочарованію, она была пуста. Позднѣе, она сообщила мистрисъ Маркль часть своего разговора съ незнакомцемъ и объяснила, что только въ интересахъ заведенія, она не оборвала слишкомъ смѣлаго незнакомца, какъ бы того требовали приличіе и женская стыдливость.

— Я не понимаю, прибавила она:—къ чему онъ такъ выражался и смотрѣлъ на меня! А если онъ убѣжалъ, какъ сумасшедшій, то это—ничего, пройдетъ.

Мнѣніе миссъ Кларкъ объ отъѣздѣ Гэбріеля не было ея собственнымъ и раздѣлялось многими. Вообще, предполагаемое путешествіе Гэбріэля возбуждало неудовольствіе въ его товарищахъ, и онъ вскорѣ потерялъ свою недавнюю, такъ тяжело нажитую популярность. Одни считали, что онъ не имѣлъ права оставить Одноконный Станъ до совершеннаго обезпеченія въ финансовомъ отношеніи своего предпріятія; другіе обвиняли его въ желаніи сложить съ себя отвѣтственность за дѣло, успѣхъ котораго они никогда ему не приписывали. «Сильверополійскій Вѣстникъ», неопредѣленно указывалъ на опасность перемѣнять распорядителей въ промышленномъ дѣлѣ въ такую минуту и смутно пред-

сказывалъ раззореніе компаніи. Другая газета противоположнаго лагеря помѣстила передовую статью о вредѣ абсентеизма и тѣхъ безстыдныхъ людей, которые, нажившись въ Одноконномъ Станѣ, спѣшатъ прожить свое богатство за границей.

Между тѣмъ, виновникъ всѣхъ этихъ критическихъ отзывовъ приготовляется къ отъѣзду, не подозрѣвая, что на него обращено общественное вниманіе. Онъ не принялъ предложенія своего преемника отдать ему въ аренду свой домъ, но оставилъ его на попеченіе своей вѣрной служанкѣ.

— Если меня будетъ спрашивать скромная и застѣнчивая молодая дѣвушка, сказалъ онъ втайнѣ этой служанкѣ: — то отведите ей лучшую комнату въ домѣ и пошлите за мною нарочнаго, а мистрисъ Конрой объ этомъ ничего не говорите.

Видя, что на лицѣ служанки, замужней женщины, бросившей своего мужа за его чудовищную ревность, выразился нравственный ужасъ, онъ поспѣшно прибавилъ.

— У нея большое состояніе; но дѣла разстроены, и она желаетъ сохранить это въ тайнѣ.

Такимъ образомъ, онъ вполнѣ убѣдилъ эту женщину въ преступности своихъ дѣйствій и въ существованіи мрачной тайны въ его домѣ. Послѣ этого, онъ посѣтилъ Олли по секрету отъ жены, уложилъ всѣ остатки гардероба покойной матери, отрѣзавъ маленькіе куски отъ старыхъ платьевъ Грэсъ, спряталъ ихъ въ свой бумажникъ и, попрежнему, проводилъ бо̀льшую часть своего времени въ уединенныхъ прогулкахъ или въ покинутой хижинѣ, избѣгая смѣлыхъ любезностей мистрисъ Маркль, ловившей его на улицахъ, и застѣнчивыхъ ласкъ жены, тщетно старавшейся удержать его дома. Такимъ образомъ, приводя въ отчаяніе двухъ любившихъ его женщинъ, онъ съ удовольствіемъ думалъ о близкомъ будущемъ, когда онъ будетъ счастливъ далеко отъ нихъ обѣихъ.

XXXI.

Отдыхъ Мистера Думфи.

Былъ жаркій день на калифорнійскомъ берегу. Никто изъ старѣйшихъ американскихъ поселенцевъ не могъ запомнить такого зноя, и, хотя свидѣтельство испанскихъ калифорнійцевъ считалось незаслуживающимъ уваженія, но заявленіе донъ-Педро Перальты, что въ теченіи шестидесяти лѣтъ не было такой духоты, принималось всѣми на вѣру. Конечно, нельзя того же ска-

зать объ его замѣчаніи, что великое землетрясеніе, низвергнувшее сиссіонерскую станцію Іоанна Крестителя, было предшествуемо недѣлей подобныхъ же жаровъ, такъ какъ это указаніе было тотчасъ устранено въ виду его дурного вліянія на эмиграцію. Ка̀къ бы то ни было, жара стояла нестерпимая. Обычные, послѣполуденные вѣтры совершенно прекратились и, на всемъ берегу царила мертвая тишина. Вечерніе туманы также исчезли, и необозримый океанъ представлялъ безмолвную, зеркальную, блестящую водную равнину. Песчаныя дюны подъ лучами палящаго солнца жгли лица и ноги пѣшеходовъ. Впервые, большіе балконы и широкія галлереи мѣстной архитектуры въ Сан-Франциско оказалися полезными, и на нихъ виднѣлись мужчины въ однихъ рубашкахъ. Окна, постоянно закрытыя отъ сильныхъ вѣтровъ, теперь были настежъ открыты, и обитатели Сан-Франциско, отличающіеся быстрой, энергичной походкой, стали едва передвигать ноги. Всѣ питейныя заведенія и кофейныя были полны публикой, стремившейся утолить свою жажду; гавань и набережныя кишили народомъ, а дорога къ морю—экипажами, хотя прежде никогда соленый морской воздухъ не пользовался популярностью. Всѣ улицы и переулки, неочищаемые великимъ ассенизаторомъ-вѣтромъ, были полны грязи и зловонія. Въ продолженіи двадцати-четырехъ часовъ всякое дѣло было забыто, и въ убѣжденіяхъ жителей произошли разительныя перемѣны: возникли сомнѣнія въ правильности промышленныхъ и общественныхъ порядковъ и даже благотворности калифорнійскаго климата, такъ что мистеръ Думфи и другіе финансовые магнаты боялись, чтобъ курсъ не упалъ по мѣрѣ возвышенія температуры.

Однако, мистеръ Думфи, сидя въ своей конторѣ, не выказывалъ ни малѣйшаго расположенія поддаться разслабляющему вліянію необыкновенной погоды. Единственную уступку, съ его стороны, составляла растегнутая рубашка безъ воротничка, что̀ лишало его въ извѣстной степени его обычнаго величія. Но все же его внѣшній видъ былъ попрежнему внушительный, и вошедшіе въ его кабинетъ двое посѣтителей, видя великаго финансиста въ *déshabillé*, поспѣшили растегнуть свои жилеты и развязать галстухи.

— Жарко! произнесъ мистеръ Пильчеръ, извѣстный подрядчикъ.

— Да̀, отвѣчалъ Думфи: — на берегу Атлантическаго Океана должно быть невыносимо. Тамъ люди умираютъ сотнями отъ солнечныхъ ударовъ. Но здѣсь нѣтъ ничего подобнаго, и можно переносить гораздо болѣе, чѣмъ на востокѣ.

Защитивъ, такимъ образомъ, превосходство калифорнійскаго

климата, Думфи прямо перешелъ къ дѣлу, по которому, какъ онъ очень хорошо зналъ, пришли оба посѣтителя.

— Дурныя вѣсти изъ Одноконнаго Стана, сказалъ онъ поспѣшно:—что вы имѣете предложить?

Пильчеръ, имѣвшій большое количество акцій въ компаніи конроевой руды, отвѣчалъ нерѣшительно:

— Мы слышали, что дѣло идетъ плохо.

— Чортъ знаетъ, кàкъ плохо! воскликнулъ Думфи: — чтò вы имѣете предложить?

— Я полагаю, продолжалъ мистеръ Пильчеръ: — что намъ остается только продать свои акціи прежде, чѣмъ распространится непріятная вѣсть.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Думфи рѣшительно.

Оба посѣтителя взглянули другъ на друга въ изумленіи.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ съ отрывочнымъ, сухимъ смѣхомъ, походившимъ скорѣе на логическое выраженіе мысли, чѣмъ на проявленіе веселости:—нѣтъ, мы должны удержать наши акціи. Мы съ вами знаемъ болѣе дюжины людей, которымъ мы могли бы завтра спустить всѣ наши акціи. Но чтò изъ этого произойдетъ? Сдѣлавшись компаніонами на 400.000 долларовъ, они, конечно, захотятъ узнать, кàкъ обстоитъ дѣло, и въ двадцать четыре часа убѣдятся, что ихъ провели. Это будетъ неладно и для меня, и для васъ.

Эти слова̀ не были внушены мистеру Думфи никакими высокими чувствами благородства, истинности или совѣстливости, но произвели впечатлѣніе на обоихъ слушателей, какъ нѣчто очень честное и благородное.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ:—мы должны увеличить капиталъ компаніи. Это дастъ намъ возможность удержать все дѣло въ нашихъ рукахъ, и, если впослѣдствіи правда обнаружится, то, кромѣ насъ, еще съ пол-дюжины людей будетъ заинтересовано въ ея скрытіи. Черезъ полгода можно будетъ подумать о продажѣ акцій; теперь надо покупать. Вы не вѣрите? Ну, Викъ, я куплю ваши акціи по той цѣнѣ, которую вы заплатили. Чтò вы на это скажете?

Викъ былъ очень смущенъ, но поспѣшилъ объявить, что онъ оставляетъ за собою свои акціи. Пильчеръ громко засмѣялся, а Думфи, обернувшись къ конторкѣ, промолвилъ:

— Я даю вамъ сроку три мѣсяца; вы можете во всякое время получить деньги. Вы не желаете? Нѣтъ. Ну, значитъ, дѣло кончено.

Понявъ изъ послѣднихъ словъ Думфи, что они могутъ удалиться, Пильчеръ и Викъ вышли изъ комнаты.

— Дьявольски ловкій человѣкъ, промолвилъ первый, очутившись на улицѣ.

— Честный человѣкъ, отвѣчалъ второй.

Оставшись одинъ въ кабинетѣ, Думфи позвонилъ.

— Сходите къ мистеру Дженсу, сказалъ онъ вошедшему писцу:—и попросите его немедленно явиться ко мнѣ. Бѣгите скорѣе, такъ чтобъ поспѣть къ нему ранѣе Вика.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ дверяхъ показался мистеръ Дженсъ, очень юный на взглядъ, но ловкій и смышленный маклеръ.

— Мистеръ Викъ захочетъ купить обратно акціи, которыя онъ вамъ передалъ сегодня утромъ, Дженсъ, сказалъ Думфи:— я считаю нужнымъ васъ предупредить, что онѣ теперь дороже на 50 долларовъ.

Смышленный юноша знаменательно улыбнулся и вышелъ изъ комнаты.

Въ тотъ-же день, около полудня, распространился слухъ, что, несмотря на неблагопріятныя извѣстія изъ Одноконнаго Стана, одинъ изъ компаніоновъ конроевой руды купилъ только-что проданныя имъ акціи съ преміей въ 50 долларовъ. Кромѣ того, разсказывали, что Думфи подъ шумокъ скупаетъ акціи. Такимъ образомъ, несмотря на нестерпимую жару, въ промышленномъ мірѣ произошло большое волненіе.

Обрадованный этимъ или поддаваясь вліянію неожиданной перемѣны въ атмосферѣ, Думфи покончилъ въ два часа всѣ дѣла и взялъ себѣ день отдыха, отказавшись даже принять полковника Старботля, карточку котораго ему подали. Черезъ полчаса, онъ уже ѣхалъ по направленію къ Тихому Океану въ избранномъ обществѣ мужчинъ и женщинъ. Блестящій экипажъ, уносившій это общество къ отдаленному, прохладному берегу, возбуждалъ въ прохожихъ невольную зависть, вѣроятно, потому, что среди пассажировъ находились двѣ хорошенькія женщины и знаменитый финансистъ Ролингстонъ, соперникъ Думфи. Онъ славился сельскими праздниками въ своей приморской виллѣ и, въ настоящее время, везъ на одинъ изъ подобныхъ праздниковъ представителей лучшаго общества въ Сан-Франциско, съ прибавленіемъ восторженнаго туриста изъ Бостона.

Дорога шла по движущимся, песчанымъ дюнамъ, ярко блестѣвшимъ подъ свѣтлымъ, безоблачнымъ калифорнійскимъ небомъ; только мѣстами однообразная картина прерывалась отдаленными проблесками голубого океана и странными, словно выброшенными на берегъ строеніями. Среди зыбучаго песка возвышалась одинокая, довольно значительная гора, усѣянная могиль-

ными памятниками, воздвигнутыми въ честь почтенныхъ піонеровъ, которые заплатили жизнію за свою преданность «самому здоровому климату на свѣтѣ». Это обширное кладбище, распространившееся и у подножія горы, представляло для всѣхъ пикниковъ страшное «memento mori», и виднѣлось даже съ балконовъ многихъ домовъ въ Сан-Франциско, на которыхъ веселые и легкомысленные граждане ѣли, пили и веселились. Наконецъ, экипажъ остановился на самомъ берегу, передъ великолѣпнымъ павильйономъ, возвышавшимся на скалѣ, у подножія которой разбивались морскія волны.

Ролингстонъ любезно ввелъ своихъ гостей въ большую, прохладную комнату, выходившую окнами на море, гдѣ уже ихъ ожидали другіе гости, прибывшіе ранѣе. Среди комнаты стоялъ большой накрытый столъ, украшенный громадными фруктами и колосальными розами.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали! воскликнулъ Думфи добродушно, ударяя по плечу сосѣда, который былъ очень доволенъ этой фамильярностью мильйонщика: — кàкъ скоро! я никогда этого не ожидалъ.

— Ну, произнесъ Ролингстонъ, оглядываясь по сторонамъ: — вы всѣ, кажется, знакомы: мистеръ Думфи, мистеръ Пойнсетъ, мистеръ Пильчеръ, мистеръ Дайсъ, мистеръ Викъ, мистрисъ Сепульвида, миссъ Роза Ринграундъ, мистеръ и мистрисъ Рейнаръ, изъ Бостона. Вотъ представленіе и кончено! Обѣдъ готовъ. Садитесь, гдѣ желаете. Пожалуйста, безъ церемоній, мы—въ Калифорніи.

Пользуясь предложенной хозяиномъ свободой, гости размѣстились какъ кто хотѣлъ: Артуръ Пойнсетъ сѣлъ подлѣ мистрисъ Сепульвиды, а Думфи рядомъ съ миссъ Ринграундъ, хорошенькой блондинкой, немного походившей на школьника, но блестяще одѣтой, по послѣдней модѣ.

Обѣдъ былъ обильный и роскошный, но не изысканный. Дичь была безвкусна, фрукты чудовищной величины, но несочны: громадные персики были жестки, а колосальныя груши водянисты; только одинъ виноградъ отличался столько же качествомъ, какъ и величиной. Впрочемъ, бòльшая часть гостей, повидимому, была очень довольна банкетомъ и вторила восторженнымъ похваламъ американскаго туриста мистера Рейнара.

— Удивительно! Удивительно! восклицалъ онъ:—еслибъ я не видалъ собственными глазами, то никогда не повѣрилъ бы. Эти груши вчетверо больше нашихъ.

— Дà, вотъ кàкъ мы здѣсь поступаемъ, замѣтилъ Думфи, какъ

бы считая себя лично отвѣтственнымъ за необыкновенную величину фруктовъ.

Въ эту минуту, Артуръ Пойнсетъ устремилъ на него проницательный взглядъ, и Думфи замолчалъ, опустивъ руку съ костью тетерева, которую онъ, за мгновеніе передъ тѣмъ, съ удовольствіемъ глодалъ. Но въ глазахъ Пойнсета онъ ясно прочелъ воспоминаніе о чемъ-то для него крайне непріятномъ, и потому онъ быстро отвернулся. Что же касается до Пойнсета, то онъ небрежно продолжалъ разговоръ съ мистрисъ Сепульвидой, которая была очень хорошенькой, но далеко не умной женщиной.

— Чтобъ быть послѣдовательной, природа должна была бы населить эту мѣстность великанами, произнесъ онъ и прибавилъ, понизивъ голосъ:—а, кажется, дон-Хосе былъ небольшого роста.

— Какого бы роста онъ ни былъ, но очень любилъ и уважалъ меня, отвѣчала мистрисъ Сепульвида, надувъ губки.

Пойнсетъ хотѣлъ замѣтить, что, еслибы любовь и уваженіе къ ней могли прибавить роста, то онъ вскорѣ сдѣлается великаномъ, но его перебила миссъ Роза Ринграундъ:

— Что это вы говорите о великанахъ? Здѣсь ихъ нѣтъ. Они, какъ большія деревья, не встрѣчаются на берегу, а ихъ надо искать въ горахъ. Вотъ я такъ недавно видѣла до-историческаго человѣка, колоссальнаго атлета. Въ немъ семь футовъ, тяжелъ онъ, какъ тюлень, плечистъ, какъ Томъ Гайеръ, а глаза нѣжные, голубые, и волоса, какъ у Самсона. Онъ храбръ, какъ левъ, и смиренъ, какъ агнецъ. Онъ краснѣетъ, какъ умѣли въ старину краснѣть дѣвушки. Что бы я дала за подобный румянецъ!

Все общество громко разсмѣялось: мужчины искренно и весело, а женщины ядовито.

— Гдѣ вы видѣли это чудо? спросила мистрисъ Сепульвида покровительственнымъ тономъ.

— Не трудитесь наводить справки; онъ женатъ, отвѣчала миссъ Роза: — я его видѣла не въ циркѣ и не въ звѣринцѣ, а въ женской школѣ.

Снова раздался взрывъ хохота, обыкновенно сопровождавшій слова молодой дѣвушки.

— Я видѣла его въ пансіонѣ мадамъ Эклеръ въ Сакраменто, продолжала она совершенно спокойно:—онъ привезъ туда свою маленькую сестру. Его зовутъ Гэбріелемъ онъ живетъ въ горахъ въ какомъ-то рудникѣ и такъ же силенъ, какъ скроменъ и невиненъ.

— Ужъ это—не нашъ ли другъ-распорядитель! воскликнулъ Дайсъ, взглянувъ на Думфи.

— Конечно, отвѣчалъ Пильчеръ:—а какъ вы думаете, Дайсъ, онъ не очень-то невиненъ?

Всѣ мужчины разсмѣялись, а дамы взглянули другъ на друга и на миссъ Ринграундъ, которая нимало не смутилась.

— Скажите прямо, что вы знаете дурного о моемъ миломъ великанѣ? воскликнула она.

— Ничего, отвѣчалъ Пильчеръ: — только вашъ невинный, скромный другъ выкинулъ такую тонкую штуку, какую не запомнятъ на биржѣ въ Сан-Франциско.

— Продолжайте, сказала миссъ Роза.

— Разсказывать? спросилъ Пильчеръ, обращаясь къ Думфи, который отвѣчалъ, смѣясь:

— Разсказывайте.

— Ну, милостивыя государыни и государи, началъ Пильчеръ, съ развязностью краснорѣчиваго разсказчика:—скромный и невинный другъ миссъ Розы находится распорядителемъ и компаньономъ въ эксплуатаціи богатой серебряной руды, въ которой и Думфи сильно заинтересованъ. Уѣзжая отсюда и желая реализировать свой капиталъ, онъ запродалъ сто акцій по 1,000 долларовъ нашему общему пріятелю мистеру Дайсу. Передача акцій должна была совершиться десять дней тому назадъ, но въ назначенное утро, вмѣсто акцій, Дайсъ получилъ отъ Конроя письмо, удивительный образецъ ловкой хитрости въ самой простой, полуграматной формѣ. Въ немъ Конрой извѣщалъ, что, такъ какъ руда оказалась не столь обильной, какъ того ожидали, то онъ освобождаетъ Дайса отъ обязательства купить акціи. Дайсъ уже, съ своей стороны, продалъ ихъ другому лицу съ значительной выгодой, а потому немедленно бросился къ маклеру Думфи, который ему объявилъ, что у него есть для продажи двѣсти акцій по 1,200 долларовъ. Предвидя повышеніе акцій, Дайсъ тотчасъ увѣдомилъ Гэбріеля, что онъ настаиваетъ на покупкѣ акцій, и, кромѣ того, взялъ двѣсти штукъ у маклера, въ надеждѣ на чистый барышъ. Но ни повышенія, ни барыша ему не дождаться. Вскорѣ оказалось, что акціи у маклера принадлежали также Гэбріелю, какъ можетъ удостовѣрить Думфи. Вотъ вамъ и невинная простота вашего друга-великана. Она ему принесла 100,000 долларовъ.

Эти слова были покрыты общимъ хохотомъ, и никто не смѣялся искреннѣе Пойнсета. Не анализируя своихъ чувствъ, онъ только сознавалъ инстинктивное удовольствіе при этихъ ясныхъ доказательствахъ хитрости Гэбріеля. Когда-же мистрисъ Сепуль-

вида спросила его: тотъ-ли это рудокопъ, который владѣетъ землею по подложному акту? то онъ отвѣчалъ многозначительно и ни мало не сознавая, что поступаетъ неблагородно:

— Да̀.

— Такъ я вѣрю страшной исторіи, которую мнѣ разсказывала донна Долоресъ объ его женитьбѣ на самозванкѣ, назвавшейся его сестрой, сказала она.

— Вотъ и письмо, произнесъ Пильчеръ, вынимая изъ кармана свернутую бумагу:—это просто диковина. Если вы хотите убѣдиться въ невинной простотѣ вашего друга, то не угодно-ли прочесть? прибавилъ онъ, обращаясь къ миссъ Ринграундъ.

Она взяла письмо и развернула его; остальное общество окружило ее, а Думфи, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, облокотился фамильярно на ручку ея кресла. Письмо было очень неграмотное, и нерѣшительный, неровный почеркъ доказывалъ, что писавшій часто останавливался, затрудняясь продолжать. За исключеніемъ грамматическихъ ошибокъ, мы приводимъ его цѣликомъ:

Одноконный Станъ, 10 августа.

«Любезный сэръ,

У насъ дѣло идетъ не ладно, и руда истощилась; поэтому я пишу къ вамъ, надѣясь, что вы здоровы. Руда совершенно насъ разочаровала и оказалась далеко не такой, какъ мы ожидали. Вы ожидаете отъ меня исполненія нашего условія и доставки вамъ ста акцій по 1000 долларовъ, но онѣ теперь далеко этого не сто̀ятъ. Поэтому, я рѣшился вамъ написать и считаю, что съ моей стороны было-бы не хорошо взять съ васъ такія деньги. Я разорвалъ наше условіе и освобождаю васъ, мистеръ Дайсъ, отъ вашего обязательства, надѣясь, что это не доставитъ вамъ никакой непріятности. Вотъ что̀ я хотѣлъ вамъ сказать и остаюсь преданный вамъ. Г. Конрой.

P. S. Вы, можетъ быть, не разсердитесь, если я вамъ скажу, что у меня пропала сестра въ 1849 году. Если вы узнаете что̀-нибудь о ней во время моего отсутствія, то напишите на имя Вельса Фарко и К° въ Нью-Йоркѣ, за что̀ я вамъ буду очень благодаренъ и уплачу все, что̀ придется».

— Несмотря на всѣ ваши толки, это—честное, благородное письмо! воскликнула миссъ Роза рѣшительнымъ тономъ, котораго въ ней никто не подозрѣвалъ:—честнѣе и благороднѣе этого никто никогда не видывалъ.

Всѣ молчали; мужчины переглянулись съ улыбкой сознательнаго превосходства, а мистрисъ Сепульвида пожала плечами и бросила знаменательный взглядъ на Пойнсета. Но, къ ея вели-

чайшему изумленію, онъ протянулъ руку, взялъ письмо, прочелъ его и сказалъ положительнымъ, твердымъ тономъ:

— Вы правы, миссъ Роза, эти строки совершенно искренны.

Неожиданная защита Гэбріеля со стороны Пойнсета была также искренна, какъ и его недавнее порицаніе—такъ непослѣдовательна была его натура. Взявъ письмо, онъ мгновенно убѣдился въ невиновности Гэбріеля и вспомнилъ, что дѣйствительно онъ былъ такой простой, честный человѣкъ. Онъ даже узналъ въ его откровенныхъ, безкорыстныхъ словахъ, благородную натуру Грэсъ, которую Гэбріель, очевидно, любилъ и помнилъ доселѣ. Пойнсетъ даже легко себѣ объяснялъ его женитьбу на женщинѣ, выдававшей себя за его сестру; но онъ не призналъ необходимымъ оправдать передъ всѣми человѣка, котораго онъ незадолго передъ тѣмъ оклеветалъ. Однако, онъ ничего не отвѣчалъ на вопросительный взглядъ мистрисъ Сепульвиды и, отойдя къ окну, сталъ смотрѣть на море.

— Впрочемъ, вы, можетъ быть, и правы, сказалъ Думфи, понимая инстинктомъ ревнивца, что Пойнсетъ согласился съ миссъ Розой только, чтобъ заслужить ея расположеніе:—Джо! наливай шампанское.

Дайсъ и Пильчеръ посмотрѣли вопросительно на Думфи, а тотъ взглядомъ указалъ на мистера Рейнара, который былъ внѣ себя отъ изумленія при этой неожиданной перемѣнѣ общаго мнѣнія.

— Позвольте, сказалъ онъ:—если это письмо искреннее, то вы, господа, потеряли 100,000 доларовъ. Если его слова справедливы и акціи не стоятъ...

Пильчеръ и Дайсъ перебили его громкимъ хохотомъ.

— Да, да, эта дьявольская шутка для Дайса, замѣтилъ первый:—но, такъ какъ и я попался, то мнѣ нельзя смѣяться надъ нимъ.

— Но развѣ вы подозрѣваете, что сообщаемое имъ извѣстіе справедливо? спросилъ мистеръ Рейнаръ.

— Да, отвѣчалъ спокойно Пильчеръ.

— Да, повторилъ Дайсъ холодно.

Пораженный туристъ взглянулъ на обоихъ собесѣдниковъ съ изумленіемъ и восторгомъ, потомъ обернулся къ женѣ и сказалъ въ полголоса, хотя такъ, что всѣ слышали:

— Понимаешь, эти люди также легко переносятъ потерю четверти мильйона, какъ мы—почтовой марки! Какое величественное хладнокровіе! Какое благородное равнодушіе! Какое безусловное довѣріе въ свои силы! Это, дѣйствительно—страна боговъ.

и раскаявшійся. — Новый бонапартистскій скандалъ.—Дреоллъ, уничтоженный Гамбеттою.—Уничтоженный исторіографъ.—Сюрпризъ штабамъ.—Офицеры территоріальной арміи. — Вопросъ о мясѣ и одеждѣ.—Голосованіе бюджета по управленію изящныхъ искуствъ.—Новый военный министръ Берто.—Пораженіе бонапартистовъ и печальное празднованіе дорогого для нихъ дня св. Наполеона.—III. Въ сенатѣ для коалиціи недостаетъ двухъ мертвецовъ.—Назначеніе пожизненнаго сенатора. — Ускореніе преній по закону о мэрахъ.—Докладъ Перье.—Деброльи выпускаетъ изъ рукъ свой законъ. — Поправка Гривара и рѣчи Боше и Жюля Симона.—Пораженіе орлеанизма.—Неудача Бюффè.—Отстраненіе муниципальныхъ выборовъ.—89 «непримиримыхъ» правой стороны.—IV. Мирное окончаніе дѣла съ муниципальнымъ законопроектомъ.—Избраніе Дюфора въ пожизненные сенаторы. — Конецъ сессіи.—Процессъ Грималя и военная юстиція.—Манифестъ крайней лѣвой.—Недовольство Гамбеттою въ Бельвиллѣ.—Открытіе генеральныхъ департаментскихъ совѣтовъ —Статуя Паскаля. — Новое избраніе сенатора. — Рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ и общественныхъ работъ.—Безуміе реакціонеровъ и оптимизмъ республиканцевъ. **Людовика** . 36

XV. — ВОЕВАТЬ ИЛИ НЕ БОЕВАТЬ?—II 67

XVI. — ИЗЪ МІРА НАУКИ. Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства. Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Т. I. Спб. 1876. Die Perigenesis der Plastidule oder die Wellenzeugung der Lebenstheilchen. Ein Versuch zur mechanischen Erklärung der elementaren Entwickelungs-Vorgänge. Von Ernst Hæckel. Berl. 1876 98

XVII. — О ЩАПОВѢ. **Внутренній обозрѣватель** 118